

Комсомол — формат судьбы

Москва
Вече
2018

УДК 329
ББК 66.75(2)
К63

К63 Комсомол — формат судьбы. — М. : Вече, 2018. — 488 с.

ISBN 978-5-4484-0690-4

Знак информационной продукции **12+**

В книгу, посвященную 100-летию комсомола, вошли воспоминания авторов, для которых комсомол в той или иной степени стал частью биографии.

Это воспоминания о самых ярких страницах в их жизни и судьбе, связанные с работой в самой многочисленной молодежной организации XX века.

Воспоминания личные и уникальные, но из них складывается интереснейшая мозаика событий, явлений, открытий, достижений и потерь великой страны — СССР, участниками, авторами и исполнителями которых были авторы книги.

В этом ее уникальность и ценность.

УДК 329
ББК 66.75(2)

ISBN 978-5-4484-0690-4

© 000 «Издательство «Вече», 2018

Предисловие

Для большинства жителей России и ближнего зарубежья нет смысла говорить о том, что такое комсомол, поскольку почти каждый из нас был членом этой самой многочисленной молодежной организации. А вот молодые люди, появившиеся на свет в 1980 году и позже, мало что о ней знают. А жаль.

Именно поэтому два года назад появилась идея — к 100-летию ВЛКСМ выпустить книгу воспоминаний тех, кто в силу тех или иных причин связал свою жизнь с комсомолом, для кого комсомольский билет был своего рода трудовой книжкой, кто в молодые годы был профессиональным комсомольским работником, будь то секретарем комитета комсомола школы, завода, вуза или первым секретарем ЦК. Книгу из их личных воспоминаний, воспоминаний о самых ярких и замечательных событиях в их жизни.

Обратиться к ним и попросить написать несколько страничек о том, что более всего помнится, за что себя можно уважать, вспомнить и сказать слова благодарности тем, с кем довелось вместе работать и шагать по жизни. Рассказать своими словами будущим поколениям о том, какими мы были — комсомольцы XX века, чего нам хотелось, во что верили, ради чего «горели на работе». И, быть может, если получится, рассказать и о том, что не получилось, чего не смогли.

Оргкомитет обратился к сотням ветеранов комсомола (да теперь уже мы все ветераны) с предложением прислать свои воспоминания. В силу разных причин, главные из которых — возраст и здоровье, откликнулись далеко не все. Но и из их воспоминаний, конкретных и, казалось бы, глубоко личных, складывается общая картина и становится понятным, какая это была уникальнейшая молодежная организация XX века.

Становится ясно и понятно, что без комсомола за два десятилетия Россия не превратилась бы в СССР, без комсомола страна не выстояла и не победила бы в Великой Отечественной войне, не полетели бы первыми в космос Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, да и многого бы не было.

И еще становится понятно, почему молодые и энергичные комсомольцы не смогли предотвратить развал Советского Союза.

Получилась книга, которая будет интересна не только убежденным сединами ветеранам, но и тем, кто пришел им на смену сегодня, и тем, кому в далеком будущем захочется узнать маленькие истории конкретных людей, без которых невозможно понять историю великой страны — СССР — и одной из ее движущих сил — КОМСОМОЛА.

Михаил Кизилов, главный редактор журнала «Смена»

Евгений Михайлович Тяжельников

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ

Заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР

Кандидат исторической наук

Неизгладимое

Членом ВЛКСМ стал в 1943 году, в дни прорыва блокады Ленинграда и разгрома фашистских полчищ в Сталинградской битве, а вскоре и был избран секретарем комитета ВЛКСМ школы. В 1948 году, в канун 30-летия комсомола, меня, секретаря факультетского бюро Челябинского пединститута, наградили Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, а в следующем — удостоили именной стипендии ЦК ВЛКСМ.

В 1951 году, когда я уже был секретарем комитета ВЛКСМ пединститута, меня принял лидер Ленинского комсомола Н.А. Михайлов. Он интересовался жизнью и делами нашей вузовской организации и комсомола Южного Урала (я был членом обкома ВЛКСМ). Николай Александрович подчеркнул особую важность решений пленума ЦК ВЛКСМ (ноябрь 1947 г.), определившего задачи комсомольских организаций вузов, а также постановления ЦК ВЛКСМ «О мерах дальнейшего улучшения работы комсомольских организаций по усилению идейно-политического воспитания студенческой молодежи». Дал много ценных советов и рекомендаций.

С глубоким сердечным волнением вспоминаю встречи с Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. В июне 1952 года в Челябинске на областном собрании партийно-комсомольского актива я впервые увидел и услышал его, командовавшего тогда войсками Уральского военного округа. Георгий Константинович подчеркнул выдающийся вклад южноуральцев в разгром немецкого фашизма: 265 стали Героями Советского Союза, более 50 — полными кавалерами ордена Славы. Челябинцы в составе Уральского добровольческого танкового корпуса участвовали в Курской битве, освобождении Польши, в Берлинской операции, завершив боевой путь 9 мая 1945 года в Праге.

Маршал говорил о легендарном вкладе трудящихся области: каждый второй снаряд и третий танк были из магнитогорской стали, Танкоград дал фронту 18,5 тысячи танков и 48,5 тысячи танковых моторов, почти 3 тысячи «катюш» поставил завод им. Колющенко — и настоятельно рекомендовал увековечить боевые и трудовые подвиги южноуральцев. Со временем появились великолепные памятники Челябинской добровольческой танковой бригаде, Танкограду, «Тыл — фронту»...

...В ноябре 1957 года мы с супругой, отдыхая в Гаграх, пришли на концерт народного артиста СССР Игоря Ильинского. И вдруг в ложе появился Г.К. Жуков, выведенный 29 октября из членов ЦК КПСС и его Президиума, освобожденный от должности министра обороны СССР. Зал встретил его многоминутной овацией. А великий актер продемонстрировал не только уникальный талант, но и читал басни, будто специально написанные для опального маршала.

22 февраля 1967 года я присутствовал на встрече Г.К. Жукова с профессорами и аспирантами Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвященной 25-летию Московской битвы. В актовом зале были развешаны карты, схемы, напоминавшие Ставку Верховного главнокомандования, когда маршал докладывал И.В. Сталину в канун решающего сражения. Г.К. Жуков подтвердил судьбоносное значение Московской битвы, «самого значительного события минувшей войны». Убедительно показал мудрость Верховного главнокомандования, умелые действия командиров, массовый героизм красноармейцев. Особо подчеркнул выдающийся вклад в разгром фашистов воинов Сибири, Урала и Дальнего Востока. С нескрываемой болью говорил о тысячах павших, память о которых должна быть вечной.

ЦК ВЛКСМ поддержал желание В.М. Пескова взять интервью у Г.К. Жукова в канун 25-летия Победы. И оно — «О нашей Победе» — было опубликовано на полосе в «Комсомольской правде» 6 мая 1970 года. Георгий Константинович позвонил мне и сердечно поблагодарил Василия Михайловича и ЦК ВЛКСМ «за счастливую возможность изложить свою позицию десяти миллионам читателей «Комсомолки», донести ее до каждого человека. Был растроган и тем, что на фото он с любимой 12-летней дочкой Машей.

7 мая 1972 года я, секретарь ЦК ВЛКСМ Сурен Арутюнян и директор издательства «Молодая гвардия» Валерий Ганичев посетили Г.К. Жукова на даче в Сосновке. Горячо поздравив маршала с наступающим Днем Победы, я сказал: «Дорогой Георгий Константинович! Вы — четырежды Герой Советского Союза, кавалер шести орденов Ленина, двух орденов «Победа», Октябрьской Революции, трех орденов Красного Знамени, двух — Суворова I степени и высших наград многих стран мира. Но одной награды у вас нет. Поэтому позвольте по поручению Центрального комитета вручить вам знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» и книгу-альбом о вашей легендарной боевой, государственной и партийной деятельности».

Было видно, как тронула Г.К. Жукова, его супругу Галину Алексеевну и их дочь Машу наша скромная комсомольская награда. Маршал заметил, что вся его военная деятельность связана с молодежью: в армии и на флоте в основном служили молодые воины. Напомнил слова из своего интервью в «Комсомольской правде»: «Я считаю, что молодежь принесла главную жертву в войне... С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Это страшная минута: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только-только

*Секретарь комитета ВЛКСМ
пединститута*

узнали вкус жизни. Девятнадцать-двадцать лет — лучший возраст в обычной человеческой жизни. Все впереди... А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь... Мы, люди старшего поколения, этого не забудем».

Георгий Константинович тепло вспоминал пятилетнюю службу на Урале, неоднократные посещения Челябинской области, многолетнюю дружбу с Н.С. Патоличевым, первым секретарем обкома партии в годы войны. Показал потрясающей красоты саблю, изготовленную нашими златоустовскими мастерами и подаренную ему руководством области. Как рассказал мне М.С. Соломенцев, в прошлом главный инженер Златоустовского машзавода, это была точная копия сабли, подаренной южноуральцами И.В. Сталину в день его 70-летия. Нашу встречу запечатлел фотокор «Комсомольской правды» Евгений Успенский.

...15 января 1974 года пленум ЦК ВЛКСМ постановил развернуть соревнование комсомольцев и молодежи за почетное право по итогам работы, учебы и воинской службы быть сфотографированными у Святыни советского народа — Знамени Победы. О принятом решении я проинформировал Г.К. Жукова. Он горячо поддержал его и вместе с Маршалами Советского Союза А.М. Василевским, И.Х. Баграмяном и В.И. Чуйковым, президентом АН СССР А.П. Александровым, трижды Героями Советского Союза А.И. Покрышкиным и И.Н. Кожедубом, легендарной партизанкой, Героем Советского Союза Н.В. Троян, летчиком-космонавтом, дважды Героем Советского Союза Г.Т. Береговым, писателями-фронтовиками М.А. Шолоховым, К.М. Симоновым и Б.Н. Полевым, композитором Д.Д. Шостаковичем и другими подписал обращение, опубликованное в «Комсомольской правде» 13 марта 1974 года. В нем говорилось: «В Знамени Победы слились воедино знамена всех частей и соединений Армии и Флота, партизанских отрядов. Оно вобрало в себя беспримерный героизм, доблесть и мужество бойцов и командиров, сохранило теплоту рук фронтовых бригад, миллионов людей, которые самоотверженным трудом в тылу приближали 9 мая 1945 года. В нем частица души и сердца каждого советского патриота — воина и труженика.

Сфотографироваться у Знамени Победы — это очень почетное право. Ведь каждый, кто его заслужит, на какое-то мгновение в год 30-летия Великой Победы станет на пост у священного Знамени нашей Родины».

Георгий Константинович намерен был участвовать в фотографировании победителей соревнования. Однако 18 июня 1974 года его сердце, до последнего удара отданное советскому народу, его Вооруженным силам, остановилось. Ленинский комсомол низко склонил свои Знамена перед вечной славой и памятью великого Маршала Победы.

Соревнование вызвало небывалый трудовой и творческий энтузиазм комсомольцев и молодежи. У бессмертного Знамени Победы были сфотографированы более 45 тысяч молодых гвардейцев пятилетки, отличников учебы и воинской службы, прославленных ученых, мастеров культуры и героев спорта.

Г.К. Жуков высоко ценил работу Ленинского комсомола по военно-патриотическому воспитанию юношества, активнейшее участие в ней выдающихся полководцев и прославленных Героев. Большим счастьем для нас было сотрудничество с Маршалами Советского Союза С.М. Буденным, И.С. Коневым,

А.М. Василевским, И.Х. Баграмяном, В.И. Чуйковым и другими.

Вручая 30 мая 1970 года Ленинскому комсомолу на XVI съезде ВЛКСМ свою шашку, С.М. Буденный сказал: «Дорогие товарищи! С этой шашкой я защищал наше Советское государство, а теперь передаю ее вам как эстафету старшего поколения младшему. Желаю вам больших успехов в дальнейшем развитии революции, в умножении побед Родины. Храните боевые традиции, несите их вперед и вперед!» Был я на торжественном вечере 13 апреля 1973 года в честь С.М. Буденного, трижды Героя Советского Союза.

Как дорогие реликвии храню и перечитываю «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова с автографом «...на память от автора. 9.V.72 г.»; «Так начиналась война» И.Х. Баграмяна — «На память о былом и незабываемом. 20-I-71 г.»; «Дело всей жизни» А.М. Василевского со словами: «Сердечно благодарю за Ваш огромный и беспредельно полезный труд, за Ваше внимание ко мне. С самыми добрыми пожеланиями Вам лично и всему комсомолу. Июнь 1975 г.».

А поздравляя меня с 60-летием Октября, Александр Михайлович собственноручно, редким каллиграфическим почерком написал: «В эти исторические дни хочется с особой сердечностью и любовью пожелать Вам, дорогой Евгений Михайлович, еще больших творческих успехов в Вашем огромном партийном труде на радость и счастье нашей партии и Родины, пожелать Вам доброго здоровья, счастья и полного благополучия в Вашей жизни. Вместе с тем, дорогой Евгений Михайлович, сердечно благодарю Вас за постоянное внимание и доброе, быть может, не вполне заслуженное мною Ваше отношение ко мне. Спасибо, дорогой, за все содеянное Вами ради комсомола, ради партии. С сердечным приветом А. Василевский». К великому сожалению, через месяц, 5 декабря 1977 года, Александра Михайловича, легендарного маршала, дважды Героя Советского Союза, кавалера семи орденов Ленина, двух орденов «Победа», Октябрьской Революции, не стало.

...7 ноября 1951 года в колонне ЦК ВЛКСМ я впервые участвовал в демонстрации в честь Великого Октября. С трибуны Мавзолея москвичей приветствовали И.В. Сталин, его соратники и прославленные полководцы.

В декабре 1952 года был на совещании секретарей ЦК ЛКСМ республик, крайкомов и обкомов, обсуждавшем задачи комсомола по выполнению решений XIX съезда КПСС. Его открыл А.Н. Шелепин, избранный 16 октября членом ЦК партии, а 30 октября — первым секретарем ЦК ВЛКСМ (Н.А. Михайлов стал членом Президиума, секретарем ЦК КПСС). Александр Николаевич кратко, но ярко и четко сформулировал практические задачи комсомола по выполнению

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ

решений съезда партии, по дальнейшему совершенствованию политического, трудового, эстетического и физического воспитания молодежи.

...22 февраля 1954 года стало началом грандиозной целинной эпопеи. В Кремле состоялось собрание добровольцев Москвы, Украины и Белоруссии, откликнувшихся на призыв ЦК КПСС. А 26 февраля эшелон с посланцами Украины сделал остановку в Челябинске. Мне, члену обкома ВЛКСМ, было поручено их сопровождать. Побывали на ЧТЗ, встретились с тружениками, увидели могучие тракторы, на которых предстояло поднимать целину. В театре оперы и балета друзья участвовали в собрании челябинских добровольцев. Иван Рудской, лучший бригадир МТС Киевщины, сказал: «В дни, когда Советская Украина отмечает радостный праздник — 300-летие воссоединения Украины с Россией, десятки тысяч наших комсомольцев и молодежи решили поехать на целину, чтобы вместе со своими братьями — русскими, казаками и другими — освоить десятки миллионов гектаров новых земель».

20—21 января 1956 года состоялось Всесоюзное совещание молодых целинников в Кремле. Восхитил доклад А.Н. Шелепина. Отдавая должное сделанному в 1954—1955 годах, поистине героическому, он глубоко и всесторонне проанализировал целинную эпопею. Подверг острейшей критике недостатки в работе не только комсомольских комитетов, но и министерств, ведомств. Высмеял горе-руководителей строительных трестов за провал жилищного и культурного строительства. Мне было приятно встретить И. Рудского и других первоцелинников, у которых я бывал, работая над кандидатской диссертацией о трудовом подвиге покорителей целины. Бригада Рудского в первый же год подняла 3080 га целины в Кустанайской области, он стал Героем Социалистического Труда.

...15 марта 1974 года я участвовал в великолепных, душевных торжествах в Алма-Ате по случаю 20-летия целины. Л.И. Брежнев не скрывал своего волнения и гордости, что был вдохновителем этого грандиозного и благородного дела. Выступая, он сказал: «Освоение целинных и залежных земель — одна из самых ярких страниц в летописи созидательного труда советского народа... В русский язык, в языки других народов Советской страны прочно вошло новое слово — «целинник». А это значит, дорогие товарищи целинники, что ваш труд увековечен в памяти народной. Более высокой награды нет и, пожалуй, не может быть. Здесь, в этом зале, много знакомых мне лиц... Не могу не сказать об Иване Ивановиче Иванове. Он родился в Ленинграде. А во время войны девятнадцатилетним пареньком защищал родной город. Был тяжело ранен, потерял обе ноги. После длительного лечения приехал в Казахстан и уже более 20 лет работает механизатором, и работает отлично. К его боевым наградам прибавились награды за трудовые подвиги на целинных землях — два ордена Ленина и Золотая Звезда Героя».

А я в своем выступлении рассказал о ленинградце Леониде Картаузове, человеке необычной судьбы. Лишившись в дни блокады родителей, он стал воспитанником 185-й стрелковой дивизии. Во время жестокого налета фашистских стервятников 12-летний сын полка был тяжело ранен, лишился обеих ног. Но юноша, познавший тяжелый труд, получивший военную закалку, не пал духом: учился, трудился, вступил в комсомол. Когда прозвучал призыв партии «На целину!», Леонид оказался в эшелоне добровольцев. Теперь-то

ВЛКСМ вручён орден Октябрьской Революции

многие знают, что, пройдя благополучно всех врачей, он попросил товарища предстать вместо себя перед хирургом. Так появилось на руках Картаузова медицинское заключение: «Здоров, для работы на целине — годен». Да, это была правда! На целинных землях теперь родного Казахстана Леонид Михайлович стал лучшим трактористом, коммунистом, Героем Соцтруда.

Не успел закончить выступление, как ко мне подбегают помощник Генсека А.М. Александров и второй секретарь ЦК Компартии Казахстана В.К. Месяц. Они перепугались, не ввели ли в заблуждение Л.И. Брежнева. Я заверил: ошибки нет. Леонид — механизатор совхоза «Родина» Целиноградской области, а И.И. Иванов трудился в Карагандинской. Вскоре Леонид Картаузов стал депутатом Верховного Совета СССР.

27 апреля 1974 года, выступая на торжественном заседании XVII съезда ВЛКСМ, он сказал: «Мы, ветераны советской деревни, с надеждой и верой смотрим на нашу смену, на вас, дорогие товарищи. И в ваши руки мы передаем будущее родной земли. Любите и берегите эту землю, чтобы она стала еще богаче и прекраснее».

А разве можно забыть 12 апреля 1961 года! В этот день я участвовал во Всесоюзном совещании ректоров и секретарей парткомов вузов в актовом зале МГУ. 10 часов утра. Министр В.П. Елютин подходит к трибуне. Но в этот миг раздается торжественный голос Юрия Левитана, сообщающий о первом в мире космическом полете Юрия Гагарина.

Я был участником торжественной встречи космонавта в Москве, грандиозного митинга на Красной площади. Подобное наблюдалось лишь 9 мая 1945 года, в день Великой Победы. Но тогда радость была со слезами на глазах: дорогой ценой досталась она советскому народу. А тут — всеобщая радость, гордость и величие.

Важнейшим для повышения роли и ответственности Ленинского комсомола в жизни советского общества стало постановление ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» от 3 октября 1968 года. В нем была подчеркнута важность более активного участия ВЛКСМ в хозяйственном, культурном и государственном строительстве, чтобы Советы депутатов трудящихся, министерства и ведомства, профсоюзные и другие общественные организации решали вопросы воспитания, образования, профессиональной подготовки, труда, быта и отдыха молодежи с участием комитетов ВЛКСМ, внимательно относились к предложениям комсомольских организаций, оказывали им повседневную практическую помощь. Комитеты комсомола должны совместно с профсоюзами и хозяйственными органами участвовать в решении вопросов, связанных с приемом на работу и увольнением молодежи, премированием молодых рабочих, колхозников, служащих, охраной труда подростков, распределением жилья, мест в общежитиях, использованием средств, предназначенных для развития культурно-массовой и спортивной работы.

Было признано целесообразным создание постоянных комиссий по делам молодежи в Верховном Совете СССР, Верховных советах союзных и автономных республик, краевых, областных, окружных, городских и районных Советах депутатов трудящихся.

На очередной сессии Верховного Совета СССР такие комиссии были созданы в Совете Союза и Совете Национальностей, как и во всех Советах депутатов трудящихся, а также в ВЦСПС, творческих Союзах и инженерно-технических обществах.

Уже в 1970 году в Верховный Совет СССР седьмого созыва был избран 281 молодой депутат (18,5 %), в их числе 190 комсомольцев. А в местных Советах было почти 500 тысяч молодых депутатов, в том числе более 265 тысяч членов ВЛКСМ.

ЦК КПСС поддержал наше предложение о создании Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

...Великим счастьем для меня и миллионов комсомольских работников стало участие в грандиозных программах создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, сооружении КамАЗа и строительстве города Набережные Челны, легендарного БАМа. Его первый ударный комсомольский отряд отправился на «Стройку века» из Кремлевского дворца 27 апреля 1974 года под громовые аплодисменты делегатов XVII съезда ВЛКСМ.

Ударным делом комсомола в те годы были не только гиганты промышленности, Нечерноземье, но и участие в создании Уральского и Дальневосточного

Л.И. Брежнев с секретарями и членами ЦК ВЛКСМ

отделений АН СССР, уникального медицинского центра академика Илизарова в Кургане, единственного в мире Детского музыкального театра Наталии Сац в Москве. А советское студенчество на века оставило рукотворный памятник первому космонавту — город Гагарин.

Мне и моим коллегам посчастливилось активно и плодотворно сотрудничать с великими учеными М.В. Келдышем, А.П. Александровым, лауреатами Нобелевской премии Н.Г. Басовым и А.М. Прохоровым, ректорами МГУ академиками Р.В. Хохловым и А.А. Логуновым. Регулярными стали школы молодых ученых. АН СССР по предложению ЦК ВЛКСМ учредила пять премий студентам за успехи в научно-техническом творчестве, которые вручались на ее ежегодных общих собраниях.

Полвека нашей братской дружбе с гениальным хореографом Юрием Григоровичем, народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственных премий СССР и современной Российской Федерации. Как и с его покойной музой Наталией Бессмертновой, народной артисткой СССР, лауреатом Ленинской и Государственных премий и премии Ленинского комсомола, депутатом Верховного Совета СССР.

В декабре 1968 года министр культуры СССР Е.А. Фурцева по моей просьбе пригласила членов Бюро ЦК ВЛКСМ и всех первых секретарей ЦК ЛКСМ республик, крайкомов, обкомов и крупнейших горкомов комсомола на великое творение мастера — балет «Спартак» Арама Хачатуряна.

С ЦК ВЛКСМ активно сотрудничали лидеры творческих союзов Константин Федин и Георгий Марков, Тихон Хренников, Лев Кулиджанов, Николай Томский, а также Михаил Шолохов, Константин Симонов, Борис Полевой, Сергей Смирнов. Регулярными были совещания молодых писателей и кинематографистов, выставки молодых художников. Мастера культуры, в их числе лауреаты премии Ленинского комсомола Александра Пахмутова (Герой Социалистического Труда), Николай Добронравов, Иосиф Кобзон, Андрей Дементьев, Давид Тухманов, Лев Лещенко, Георгий Мовсесян, Борис Акимов, Надежда Павлова, Вячеслав Гордеев, Людмила Семеняка, Евгений Мартынов, Валентина Толкунова, Игорь Лученок, Александр Морозов, Олег Иванов, выступали на всех молодежных форумах, ударных комсомольских стройках, в армии и на флоте.

С Юрием Гагариным

Назову некоторые инициативы, одобренные ЦК ВЛКСМ и ставшие воистину массовыми: «Ни одного отстающего рядом», «Каждому молодому труженику — среднее образование», «Комсомол — сельской школе», «С аттестатом зрелости — на вторую целину» (в Нечерноземье), «За наивысшую производительность труда и честь заводской марки», «От значка ГТО — к олимпийской медали»...

10 июля 1968 года на пленуме Ленинградского обкома ВЛКСМ я познакомился со Степаном Степановичем Витченко. Полковник запаса, он пришел на завод «Электросила» слесарем. Затем возглавил бригаду из «трудных» подростков и вывел ее в передовые. Ребята не только ударно трудились, но и учились, занимались спортом, техническим творчеством. Было положено на-

чало уникальному движению наставничества. За семь лет его школу труда и жизни прошли 107 молодых рабочих не с самыми легкими судьбами и характерами. Все стали комсомольцами, а девять из них — коммунистами. Комсорг бригады Владимир Целуев был избран членом Бюро ЦК ВЛКСМ.

Наставничество получило энергичную поддержку ЦК КПСС, ВЦСПС, министерств и ведомств. Выступая на XVII съезде ВЛКСМ, Л.И. Брежнев сообщил, что за проявленную трудовую доблесть, большую работу по коммунистическому воспитанию и профессиональной подготовке молодежи Президиум Верховного Совета СССР присвоил высокое звание Героя Социалистического Труда С.С. Витченко, а также О.П. Вахмяниной — прядильщице Реутовской фабрики Московской области, П.Н. Печенкину — бригадиру колхоза имени Фрунзе Алтайского края, А.Л. Шатилину — почетному металлургу, ветерану Магнитогорского металлургического комбината. «Наставники, — подчеркнул Леонид Ильич, — как бы передают эстафету труда из настоящего в будущее... Хорошо, что комсомол работает рука об руку с наставниками, всячески поддерживает это прекрасное начинание».

ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС учредили совместный нагрудный знак «Наставнику молодежи», а затем была учреждена и государственная медаль.

В 1972 году по инициативе ЦК ВЛКСМ в жизнь вошел новый комплекс ГТО. Председателем его Центрального совета был утвержден летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Алексей Леонов. Стали проводиться Всесоюзные соревнования по ГТО (от класса, бригады — до первенства страны). Чемпионам СССР присваивалось звание мастера спорта. ГТО стал программой и нормативной основой советской системы физического воспитания юношества. ЦК ВЛКСМ учредил призы имени Ю.А. Гагарина для республиканских, краевых и областных комсомольских организаций, добившихся наилучших

С Юрием Григоровичем, Наталией Бессмертной и Алексеем Леоновым

результатов в развитии физкультурно-массовой работы среди комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников.

Важным событием в истории комсомола и советской пионерии стали соревнования Дворцов пионеров по шахматам. Замечу, все советские чемпионы мира по шахматам были воспитанниками Дворцов пионеров. Идею ЦК ВЛКСМ энергично поддержали Михаил Ботвинник и его прославленные преемники. Команду дворца (6 мальчиков и 1 девочка) возглавлял гроссмейстер — его воспитанник. В числе первых юных пионеров-шахматистов были Гарри Каспаров, Майя Чибурданидзе...

В ходе Международного совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, 5—17 июня 1969 г.) я познакомился практически со всеми их лидерами. С глубоким волнением вспоминаю встречи и беседы с легендарной Долорес Ибаррури как в Москве, так и в Мадриде после ее возвращения на родину. Вместе с М.А. Суловым, Б.Н. Пономаревым и В.В. Терешковой я был среди провожавших ее в аэропорту.

Неизгладимый след оставили встречи и беседы с Хо Ши Мином, Фиделем и Раулем Кастро, другими лидерами братских стран. А разве можно забыть встречи и беседы с Сальвадором Альенде, Луисом Корваланом, Роднеем Арисменди, Гэсом Холлом, с гениальными поэтом Пабло Нерудой, художником Альфаро Сикейросом, поэтом и композитором Виктором Харой...

Незабываемы и Всемирные фестивалы молодежи и студентов. Я был участником VI и XII в Москве, возглавлял советские делегации на IX — в Софии, X — в Берлине и на многих других международных молодежных форумах.

Все это и многое другое навсегда осталось в моем сердце.

Борис Николаевич Пастухов

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ

*Председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР*

Первый заместитель министра иностранных дел РФ

Министр Российской Федерации по делам СНГ

*Депутат Государственной Думы Российской Федерации,
председатель одного из комитетов Государственной
Думы*

*Старший вице-президент Торгово-промышленной
палаты РФ*

И жизнь — одно прекрасное мгновение

Детство и война. Москва, первые бомбежки. Эвакуация. Папина похоронка. Большой московский двор в Замоскворечье. Трудное и радостное взросление, метростроевский пионерлагерь, школа, спорт, друзья.

А потом МВТУ — Московское высшее техническое училище имени Н.Э. Баумана. Суровая, но веселая студенческая жизнь в этом замечательном коллективе.

Потом большая и лучшая часть моей жизни — Ленинский комсомол, которому я обязан всем — друзьями и товарищами, многих из которых уже нет на этом свете. Это было прекрасное время, в котором жили талантливые и целеустремленные люди, это было время великих свершений многомиллионного Коммунистического союза молодежи.

Сколько людей, так же как и я, могут взволнованно повторить: «Единый друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положиться!»

Часто вспоминаю слова Юрия Алексеевича Гагарина, сказанные перед его стартом в космос: «Вся жизнь моя кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением». Вот и моя жизнь в комсомоле тоже кажется мне одним прекрасным мгновением.

...Беседа в генсековском кабинете Юрия Владимировича Андропова. Долгая, отеческая... «Знаешь что, Борис Николаевич, не надо тебе сейчас переходить на партийную работу. Займись какими-то интересными делами, связанными с народным хозяйством. Вот, например, мы могли бы рекомендовать тебя председателем Госкомиздата нашей страны. Там все — идеология, книжное производство, газеты, торговля полиграфической продукцией, совершенно новый мир, как будто специально для тебя. А вот повторять путь своих предшественников, коллег по комсомолу, не советую».

Потом... дипломатическая работа. Дания. Афганистан. Тревожные дни, когда Советская армия уже покинула Афганистан и судьба республики висела на волоске. Небольшой, сокращенный сверх меры коллектив посольства, который старался изо всех сил. Незабываемые встречи с президентом Афганистана Наджибуллой, жизнью которого так подло и так бесчеловечно распорядились пакистанская разведка и талибы.

Возвращение в СССР.. Министерство иностранных дел, Государственная Дума и, наконец, Торгово-промышленная палата...

Что такое судьба человека?

В течение жизни я много раз задавал себе этот вопрос.

И в каждом возрасте отвечал на него по-разному. В детстве я думал: смысл жизни состоит в том, что я расту, становлюсь сильнее, умнее и грамотнее, и как только стану взрослым, смогу сделать что-то большое и важное, чтобы все люди узнали обо мне.

Ну вот, я стал почти взрослым (мне исполнилось 18 лет), и я был убежден, что наступило время великих дел.

Я поспешил. Так часто бывает в молодости.

Когда нам выдали аттестаты зрелости, группа наших ребят поехала на «Бауманскую», и я с ними. Сначала зашли в строительный институт. Но там нам как-то не понравилось. До энергетического надо было ехать на трамвае, а до Бауманского училища пешком по переулочкам — совсем недалеко. Пришли в МВТУ. Там душевная обстановка, сплошное внимание, любезность. У кого что ни спросишь, все объяснят, расскажут и покажут. Я решил дальше никуда не ходить. А что касается специальности, то записался на первый факультет и на первую специальность. Чего выбирать, раз первая — значит, самая лучшая. Так как у меня была серебряная медаль, то мне предстояло пройти только собеседование.

Хотя и про собеседование тоже ходило множество легенд.

Вызвали меня. Зашел в кабинет. Спросили:

— Борис Николаевич Пастухов — это вы?

— Да, я.

— Хотите учиться в МВТУ?

— Хочу.

— Вы зачислены. Желаем успеха! До свидания!

Это был механико-технологический факультет...

МВТУ подарило мне множество интересных людей, которых я встретил потом, когда был физоргом курса, членом бюро, заместителем секретаря комитета комсомола. Между прочим, я никогда не был первым секретарем комитета комсомола МВТУ. Считаю, что это справедливо, потому что там были люди более достойные и более сильные, чем ваш покорный слуга.

Примером же для всех нас в те годы и потом был Николай Григорьевич Егорычев.

Николай Григорьевич сыграл в моей жизни, как и в жизни тысяч людей, чрезвычайно важную роль. С легкой руки секретаря Бауманского райкома партии Н.Г. Егорычева в 1958 году Бориса Пастухова, только что получившего диплом МВТУ имени Н.Э. Баумана, несмотря на его сопротивление и желание работать по распределению, избрали вторым, а затем и первым секретарем Бауманского райкома ВЛКСМ. Пройдет совсем немного времени, и секретаря, скажем скромно, не самого плохого в Москве райкома ВЛКСМ городской комитет партии рекомендует секретарем горкома комсомола. Все это происходило при самом непосредственном участии Николая Егорычева.

Не могу не вспомнить и моих первых наставников, бывших первых секретарей комитета комсомола МВТУ имени Н.Э. Баумана, которых позже ждала

яркая партийная и государственная судьба и которые рано ушли из жизни. Это Вадим Иванович Тищенко и Леонид Михайлович Терешенко. Они мне дали рекомендации в партию, чем я горжусь до сих пор.

После окончания МВТУ имени Н.Э. Баумана я начал работу в Бауманском райкоме комсомола.

Очень не хотелось мне идти на эту работу. Помнится, на бюро Бауманского райкома партии я отказывался, сколько мог, когда рассматривалось назначение меня вторым секретарем райкома комсомола. В самом начале держался я весьма независимо и, может быть, даже чуточку нахально. Но вот за длинным столом бюро райкома поднялся Александр Васильевич Афанасьев, председатель нашего Бауманского райисполкома. Огромный детина, он вышел из московских ломовых извозчиков. Ударив по столу своим могучим кулачищем, да так, что подпрыгнул не только чернильный прибор председательствующего, но и сам наш ведущий, рявкнул: «Исключить из партии этого нахального молокососа!!!» Я, естественно, дал задний ход, и утверждение состоялось.

Началась моя райкомовская жизнь. В ней было всякое: и радости, и огорчения. Не было только равнодушия, уныния. И еще на работе в райкоме никогда не было бутылок, выпивок, сплетен за спиной. А тот памятный агитационный прием А.В. Афанасьева я и сам использовал не однажды, когда надо было «кадрить» в райком Ольгу Грекову, Валерия Жарова и некоторых других. Мы жили одной дружной семьей. Замечательные ребята Саша Набулин — слесарь-сборщик авиационного опытного завода, Наташа Бондарчик — из работающих пионервожатых, Стас Гавриленко — инженер, Алик Алхимович — воспитатель строительного общежития и другие, чьи имена и образы бережно хранит моя память.

Или вот такой эпизод. 1958 год. Последнее воскресенье июня было объявлено Днем советской молодежи — крупнейший молодежный праздник в истории страны и, конечно же, каждого московского района. Мы решили удивить всех массовым шествием молодежи от райкома на Новой Басманной до стадиона «Строитель»: колонны с оркестрами, представители комсомольских организаций района с флагами, да и все желающие. Впереди колонны для участия в матче с рабочей командой района должны были идти — в спортивной форме, с медалями и значками мастеров и заслуженных мастеров спорта — футболисты «Спартака», многие из которых совсем недавно стали олимпийскими чемпионами (в «Спартаке» их было около десятка).

В райком комсомола были приглашены старший тренер «Спартака» Николай Петрович Старостин, капитан команды Никита Симонян и комсорг Игорь Нетто, великие имена которых до сих пор на слуху у настоящих болельщиков.

Беседуем в райкоме, а разговор не клеится. Выходной день, лето, а тут надо идти в трусах и майках на стадион, а там еще два тайма по 45 минут после митинга гонять мячик с работягами. Нет, это не для великих мастеров «Спартака»! Чувствую такое настроение и спрашиваю:

— Друзья, ну, вы как?

— Нет, мы не можем, — говорит Старостин, — у нас запланирован выезд в Красногорск — коммерческий матч, немножко заработаем и отдохнем. Где же вы были раньше?

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов в Комсомольске-на-Амуре у памятного камня

— Адресуйте этот вопрос к советской власти, к ЦК КПСС (это они учредили День молодежи), — отвечаю я и обращаюсь к Нетто: — Игорь, вот ты любишь собирать пластинки, в отличие от своего товарища по сборной Льва Яшина, который коллекционирует галстуки. Нам известно, что из каждой поездки за рубеж ты привозишь уникальные пластинки. Но имей в виду: никакой помощи от райкома, никаких характеристик вам не будет, если вы сорвете нам праздник. Думайте, размышляйте, дорогие друзья!

После этого короткого и бурного разговора Николай Петрович как старейшина, самый уважаемый спартаковский деятель говорит:

— Ладно, мы согласны.

И в воскресенье Новую Басманную заполнили частные автомобили спартаковских мастеров, в которых они переодевались из гражданских костюмов в спортивную форму. При каждом мастере был мальчик-адъютант с чемоданчиком, из которого извлекались медали, в том числе золотые чемпионские Советского Союза и Олимпийских игр. Народу на Басманной и на стадионе, понятное дело, видимо-невидимо. Первый тайм «Спартак» без труда выигрывает 3 : 0.

В перерыве в раздевалке я обращаюсь к Старостину:

— Николай Петрович, вы что, решили испортить праздник? Это же не сборная Югославии, а наша районная рабочая команда, ориентируйтесь (виноват, конечно, понимаю, что заслуживаю глубочайшего осуждения как организатор «договорняка» — договорного матча, но ведь это было не первенство страны, а массовый молодежный праздник).

— Ладно, сделаем все как надо, товарищ секретарь, — пообещал Старостин.

Матч закончился со счетом 3: 3. Все были по-настоящему счастливы...

Мы влюбились тогда в этих замечательных мастеров и хороших людей. Дружили и сейчас дружим с теми, кто еще на этом свете, а весь райком стал коллективным болельщиком московского «Спартака».

Жизнь продолжается. Новая Басманная жива и никогда не будет забыта...

Колпачный переулок, дом 5 — здесь располагался Московский горком комсомола. И это еще один узловый момент моей жизни.

Уникальный особняк, да и само это место очень заметное — в центре Москвы, рядом Покровские ворота.

Из этого здания вышло много известных людей, судьбами которых жизнь распорядилась весьма причудливым образом.

Так что, когда я произношу: «Колпачный, дом пять», — столько всего поднимается в моей душе... и среди первых вспоминаю Олега Кутафина — секретаря комитета комсомола МГУ, а позже ректора юридической академии.

Мы с ним многие годы вместе работали и дружили.

Олег Кутафин

Годы нашей молодости были искренним, красивым временем. Мы жили и работали много и честно. Комсомол был нашей жизнью, нашей судьбой. Мы не служили в нем, мы служили ему.

Бюро МГК ВЛКСМ тех времен — это сильные, яркие и талантливые люди.

Один из них — комсорг МГУ Олег Кутафин.

В те времена прежде всего сам коллектив решал, кто достоин встать во главе его комсомольской организации, парткомы лишь тактично «присматривали» за этим процессом. Ребята и девушки приходили на комсомольскую работу не по решению свыше, не по чьему-то «звонку». Как правило, это был выбор коллективов, и прежде всего оценивались личные качества — порядочность, ум, чувство товарищества, принципиальность оценки. В весьма своеобразном, «норовистом» коллективе Московского университета это чувство демократичности, свободного и справедливого выбора было весьма обострено.

Среди собиравшихся за столом бюро МГК ВЛКСМ тех лет Олег Кутафин был замечен. Его умение проникнуть в суть обсуждаемого, почувствовать остроту в обычных, казалось бы, делах, организовать и повести за собой товарищи ценили очень высоко. Олега отличали и чувство юмора и внимание к людям, особенно когда рассматривались непростые персональные дела комсомольцев.

За комсомольским секретарем Московского университета стояли большие и интересные дела коллектива. Вот один из примеров. Осенью 1958 года на конференции физического факультета было принято решение летом следующего года организовать студенческий строительный отряд и поехать на целину. Отряд этот был среди первых, он стал той искрой, из которой разгорелось яркое пламя всесоюзного движения ССО — студенческих строительных отрядов, общественно-полезного труда на благо Родины.

Дружбу, которая тогда начиналась, мы пронесли сквозь годы. И Олег, ставший со временем маститым ученым и ректором престижного вуза Олегом Емельяновичем, оставался таким же надежным товарищем и другом. Простым, открытым и доброжелательным, всегда откликнувшимся на беду, товарищеские просьбы, кого бы это ни касалось, внимательным к памяти друзей. Примеров тому не счесть. Но при этом он всегда был строгим и принципиальным, особенно когда кто-то хлопотал не по делу за свое чадо.

Олега отличала удивительная работоспособность. Из-под пера академика Кутафина одна за другой появлялись серьезные научные статьи, умные книги. Он постоянно был окружен своими учениками, аспирантами и докторантами.

Я как-то спросил его: «Как ты все это успеваешь?» Ответ был простым и спокойным: «А ты попробуй в день написать хотя бы одну страницу. Если сможешь, к концу года книга получится». Эти страницы стали его постоянными спутниками. Его мысль не знала выходных.

Юрий Алексеевич Гагарин

Когда я думаю о Гагарине, то сразу вижу ликующую апрельскую Москву 1961 года. В столицу после своего исторического полета — первого полета человека в космос — возвращается Юрий Гагарин. Мы с моим самым близким другом, секретарем Московского горкома комсомола Виктором Евлановым, — в толпе встречающих на Внуковском аэродроме.

Полдень. И вот в небе появляется четырехмоторный Ил-18 в сопровождении эскорта истребителей МиГ.

Самолет совершает посадку, подруливает к месту торжественной встречи. Подается трап, раскатывается красная ковровая дорожка к трибуне, где собрались руководители партии, государства, родные и близкие Юрия Алексеевича.

Первый космонавт спускается по трапу. Уверенная быстрая походка, развевающиеся полы шинели. Бодрая музыка марша: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Короткий рапорт Гагарина Никите Сергеевичу Хрущеву: «...задание партии и правительства выполнено!» Объятия, поздравления, цветы.

Выбегаем с Евлановым на стоянку к своему автомобилю и мчимся в Москву к Красной площади, где должна была проходить торжественная встреча первого космонавта Земли.

Когда на трибуне Мавзолея появляются Юрий Гагарин и руководители партии, вся площадь, переполненная людьми, взрывается бурей восторженных оваций. Даже потом, когда митинг уже завершился и почетные гости перешли в Кремлевский дворец, народ на Красную площадь все прибывал и прибывал.

Московскому горкому комсомола было поручено участвовать в охране общественного порядка. Все комсомольские оперативные отряды мобилизованы, наши ребята на площади, и мы пытаемся как-то организовать и направить этот поток — но что тут можно сделать?! Например, с этими «сумасшедшими» студентами Московского авиационного института, в руках у которых самодельные плакаты «Наш в космосе!» и которые восторженно скандируют: «Гагарину — слава! Гагарину — ура!»

Мы стоим у Спасской башни, прижатые к ней, как к высокому берегу, бурным потоком нескончаемой людской реки. Однако эта человеческая река не выходит из берегов порядка и придерживается какой-то внутренней дисциплины, хотя плотность толпы превосходит все, что можно себе вообразить. Пожалуй, никогда больше мне не приходилось так остро и так ярко переживать волнующее участие в великом, без всякого преувеличения, народном торжестве. Никогда потом меня не переполняло такое чувство гордости за страну, свой народ, за этого чудесного старшего лейтенанта Юрия Гагарина.

Вот он — простой русский парень, поднявшийся в космос на крыльях своей страны, своего народа! И как же он сразу приподнял всех нас над обыденностью жизни, над привычными человеческими заботами. Все мы, собравшиеся тогда на Красной площади, да что там — на площади, все люди нашей огромной страны чувствовали себя немного космонавтами. Это был наш общий народный праздник.

А потом было наше общее горе...

Ранняя весна 1968 года. Поздний вечер. Захожу в кабинет первого секретаря ЦК ВЛКСМ Павлова (замечу, одного из самых близких друзей Юрия Гагарина), Сергей Павлович взволнованно ходит по кабинету. Спрашиваю, в чем причина его тревожного настроения. Он показывает на ярко освещенные окна Центрального комитета партии, большинство из которых в такое время обычно уже темны. «Что-то произошло. Никто ничего не говорит. Произошло что-то очень плохое, неужели с Юрой... чует мое сердце!» — говорит Павлов.

А утром радио и телевидение передали скорбную весть о гибели Ю.А. Гагарина и летчика-инструктора полковника В.С. Серегина в авиационной катастрофе во время тренировочного полета.

...Зима 1964 года. Уникальная подводная лодка «Комсомолец» возвращалась из трудного похода. В Баренцевом море, совсем недалеко от родной базы, произошла беда — на лодке случился серьезный пожар. Семь молодых добровольцев шагнули в зону смертельной радиации, чтобы устранить возгорание. Ребята делали все возможное для спасения лодки, товарищей... ценой собственной жизни.

Центральный комитет партии принял решение послать для встречи экипажа и прощания с погибшими героями члена ЦК ВЛКСМ космонавта Юрия Гагарина и секретаря ЦК Бориса Пастухова.

Встречаемся в аэропорту Внуково. Сильнейший снегопад. Взлетную полосу не успевают расчищать. «Летим все равно», — решительно произносит Юрий Алексеевич.

Небо над Мурманском также затянуто плотными облаками. Пурга. Гагарин в кабине пилотов. Спокойный, уверенный. Подбадривает экипаж, который в сложнейших условиях профессионально выполняет свое дело.

Садимся почти вслепую. И когда снежная пелена чуть-чуть уменьшается, видим, что самолет наш — рейсовый, пассажирский «Илюшин», всего несколько метров не докатился до построек в конце взлетно-посадочной полосы. Пилоты, промокая платками вспотевшие лбы, поздравляют друг друга (и нас) с удачной посадкой.

Для Юрия Алексеевича готова расписанная по часам программа, но он просит начать с небольшого военного гарнизона неподалеку от Мурманска, где

С Ю.А. Гагариным

он когда-то начинал службу в морской авиации. После встречи с друзьями-однополчанами Юрий Алексеевич отправился на гарнизонное кладбище и постоял у могил своих сослуживцев, не доживших до этой встречи.

Утром следующего дня выезжаем на базу атомных подводных лодок.

В бухту медленно, самым малым, как говорят моряки, входит атомная подводная лодка «Комсомолец». Флаг приспущен, что означает: на борту потери. Лодка швартуется.

После рапортов и короткого знакомства с экипажем мы начинаем обход квартир моряков, которые погибли в этом походе. Семь встреч. Слезы, великое горе, где найти слова утешения?! Но каждый раз, заходя к очередной семье, которую постигло горе, Юрий Алексеевич находит слова, какие-то свои особые, не повторяющиеся, идущие из глубины души. Нет сомнения, что сказанное им останется в памяти и сердцах этих людей навсегда.

Потом начинается встреча с личным составом атомного подводного корабля, вручение переходящего Красного Знамени ЦК ВЛКСМ экипажу, который завоевал его, проявив мужество и героизм. После этого — выход в море на лодке такого же проекта, что и «Комсомолец». Погружение, плавание в подводном положении, встречи в отсеках с моряками, всплытие и возвращение на базу.

Возвращались в Москву на самолете командующего Северным флотом, вместе с членом Военного совета, которого вызвали на совещание в Генштаб. Приземляемся на знаменитом Чкаловском аэродроме, и тут Юрий Алексеевич приглашает нас с адмиралом к себе домой.

Жил он в большом кирпичном доме гарнизона авиационной дивизии на Чкаловской. Простая удобная квартира. Теплая сердечная семейная обстановка. Валентина Ивановна Гагарина, супруга Юрия Алексеевича, радостно встречает любимого мужа и нежданно нагрянувших гостей. У отца на руках маленькая дочурка, она буквально не отходит от папы. Ей, вместе с матерью, предстоит пережить трагедию гибели отца, и она запомнится всем по фотографиям с воспалившимися бороздками от слез на щеках. (Эта удивительно похожая на своих родителей девочка получила университетское образование, превратилась в красивую молодую женщину и стала руководителем уникальных музеев Кремля.)

Уже потом будет построен Звездный городок, и сколько бы раз мне ни приходилось ехать в Щелково или в Звездный, никогда не изменяю одной традиции — всегда останавливаюсь, чтобы посмотреть на окна того самого дома, в котором когда-то были гостями семьи Гагариных.

Мы дома часто вспоминаем, как в комсомольскую бытность сражались по выходным дням на волейбольных или хоккейных площадках. Каким азартным, неудержимым в игре был Юрий Алексеевич, очень не любил проигрывать. Но если его команда выигрывала, следующую партию он играл уже за другую команду — проигравшую. Он не любил проигрывать ни в жизни, ни на работе, но и легких побед не признавал.

Александра Николаевна Пахмутова

Почетный гражданин города Москвы (их, этих граждан, всего шестнадцать!), лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда, кавалер высших российских орденов. Яркий, сильный талант, народная артистка СССР, человек глубочайшей естественной скромности. Она — само неувыдаемое обаяние, оптимизм и доброжелательность. К тому же человек, начисто лишенный какой-то зависти. И еще Александра Николаевна — человек без возраста. Как будто, положив на музыку слова «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым», она всю жизнь следует этой заповеди.

Александра Николаевна Пахмутова и Николай Николаевич Добронравов — пожалуй, это большая и цельная житейская тема. Мне, например, очень нравится краткая, но удивительно точная фраза: «Коля — Аленькин цветочек».

Особо хочу сказать о Николае Николаевиче — это большой поэт. Поэт самобытного таланта, у которого не так уж много, но вполне достаточно для широкой известности поэтических произведений. Он всегда скромно держится в стороне, как будто подчеркивает таким образом масштаб и значение Александры Николаевны.

Пахмутова и Добронравов — люди независимых взглядов и никогда «не заглядывали в рот» власти.

Они — гордость комсомольцев разных поколений. Их любили и любят.

Никогда не забудется (потому что такое бывает раз в жизни) комсомольский съезд, на котором выступал руководитель Дмитровского коммунистического союза молодежи. Перед началом этого заседания всем делегатам были вручены болгарские гвоздики. И вот на трибуне Александра Пахмутова. Она

говорит о молодежи, о впечатлениях, с которыми они с Добронравовым вернулись из недавних командировок, о встречах на ударных стройках. Вдруг в зале без всяких команд начинается движение. Делегаты из последних рядов передают впереди сидящим болгарские гвоздики, и к концу ее выступления весь этот вал роскошных красных гвоздик обрушивается на трибуну съезда. Александра Николаевна буквально утопает в них.

Пахмутова и Добронравов проехали с шефскими концертами, без всякого преувеличения, всю нашу страну. Пожалуй, и не назовешь ударной стройки, где не побывали бы эти замечательные люди. Кажется, что сама жизнь рождала их песни, которые можно перечислять и перечислять до бесконечности. Они прекрасны, как сама юность.

Люди моего поколения говорят так: «Мы жили и будем жить под музыку песен Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова!»

Сергей Павлович Павлов

Они были большими друзьями с Юрием Алексеевичем Гагариным. Этой дружбе можно было радостно удивляться или завидовать.

Два настоящих мужика, оба «русаки» — один смоленский, другой тверской. Оба открытые, увлекающиеся люди, жадные до жизни во всех ее проявлениях.

Оба сравнительно рано ушли из жизни, как будто одному без другого было тоскливо на этом свете.

Я рассматривал Сергея Павловича Павлова как бы снизу вверх, как первый секретарь Московского горкома — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и «немного сбоку», когда сам был избран секретарем ЦК комсомола. Это была крупная, яркая фигура, самородок, настоящая глыба. Родом Сергей Павлович из Ржева, из простой трудовой семьи.

Сергей не имел высшего образования (его, студента института физкультуры, избрали секретарем Красногвардейского РК ВЛКСМ), но обладал обширными знаниями. Меня всегда поражали в нем природный ум, редкостная интуиция и работоспособность. Он был человеком твердого характера, не терпящим лжи, всякого рода «заспинных» разговоров.

Помнится, как ответорг ЦК ВЛКСМ, назовем его К., отвечавший за Москву, напелл обо мне всякой всячины (нехорошей) Павлову. Тот вызвал в свой кабинет меня и этого К. Посадил друг против друга и жестко предложил К. повторить, глядя мне в глаза, все, что он наговорил прежде. К. смутился, покраснел, невнятно пробормотал, что его неправильно поняли, и с позором удалился.

— Ну, как вам этот урок? — спросил меня Павлов.

— Сильно, — ответил я искренне.

Этот урок мне, да и тому же К., пошел впрок на всю оставшуюся жизнь.

Сергей Павлович, надо признать, был личностью весьма противоречивой. Его природный ум, талант, обаяние подчас уживались с так несвойственными комсомольскому активу проявлениями барственности, высокомерия. Может быть, у провинциального «мальца», полуголодного студента ГЦОЛИФКа из общежития, слегка кружилась голова от высокой должности, от общения с «великими мира сего». Вредное влияние на него «высоких начальственных

бар», как мне кажется, было очевидным. Да и рядом порой не оказывалось людей, которые могли бы одернуть, поправить его.

Однако положительного в нем было, конечно же, больше. Он увлеченно читал, многое знал и помнил. Общение с интересными людьми, которое давал каждому из нас комсомол, умножало его знания.

Сергей Павлович был чрезвычайно азартным, заводным и любил верховодить. Совершенно не мог (как и его друг Юрий Гагарин) уступить кому-либо на волейбольной площадке, в бильярдной да и в жизни вообще. Чувство высокого достоинства никогда не оставляло его. В поведении, в разговорах перед начальством держался спокойно, уверенно. В этом мне приходилось убеждаться не однажды.

СП, так звали между собой Павлова работники ЦК, не мог не нравиться. Светловолосый, с голубыми глазами, открытым улыбчивым лицом. На него засматривались. Его любили вожди. По общему мнению, Павлова ожидала большая карьера.

Но судьба бывает иногда злодейкой.

В 1964 году Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. Главные герои той «операции» — А.Н. Шелепин и В.Е. Семичастный — благоволили Сергею Павловичу. Это было хорошо известно и потому даже после их политического заката продолжало мешать ему жить и работать.

Замечу, Павлов никогда не произнес ни одного плохого слова о своих старших товарищах.

Слишком, пожалуй, яркой и перспективной фигурой он был. Его не только любили, но и боялись.

В 1968 году он был выдвинут руководителем Спорткомитета СССР: вроде бы логично, бывший спортсмен, но все понимали, что это отставка.

И сразу — Олимпийские игры в Мексике, где слабо подготовленная сборная СССР потерпела поражение. А потом были годы напряженной работы, когда в полной мере раскрылся организационный и человеческий талант Сергея Павловича. Наступило великое время триумфа советского спорта.

Павлов продолжал упорно работать над собой. Он считал, что на своей работе (в Спорткомитете) должен обязательно иметь высшее физкультурное образование, поэтому честно окончил институт физкультуры и, сдав все экзамены и зачеты, получил диплом.

С Сергеем Павловичем Павловым у нас никогда не было особо близких отношений. Однако я должен сказать об этом человеке, что он не боялся принимать удары на себя и никогда своих не сдавал. Для тех времен это было редкое качество, требующее большого мужества.

Прекрасно зная, что горкомом комсомола была организована выставка так называемых «формалистов», он и взял меня с собой — как я думаю, специально для того, чтобы я понял, в какое опасное дело мы влезли. Когда Н.С. Хрущев, проходя по выставке, впал в настоящую тяжелую истерику, Сергей взял меня за руку и прошептал на ухо:

— В случае чего — молчи! Если спросят, я буду отвечать.

Потом, это случилось уже довольно скоро, Павлов, которому прочили большую карьеру, был выведен из реальной политики. А два его товарища, тоже бывшие руководители комсомола, Шелепин и Семичастный, считавшие-

ся молодыми лидерами КПСС и кандидатами на самые высокие посты, вовсе лишились своих должностей.

Начало готовится «дело» о комсомоле. Меня вызывают в ЦК (я тогда был вторым секретарем ЦК ВЛКСМ) и говорят: завтра состоится секретариат ЦК, все ваше бюро приглашено. Будет обсуждаться кадровый вопрос. Вы должны встать и четко сказать, что Павлов — пьяница, развратник, что он развалил работу в комсомоле и его необходимо убрать с руководящей должности.

Согласен — не согласен, спрашивать не стали. Тут все просто. Указание дано — выполняй! Я понимал, конечно, что никогда не смогу такого сделать. Но понимал и то, чем это может для меня закончиться.

Когда пришел домой, жена сразу спросила, что произошло. Она всегда очень тонко чувствовала мое состояние. Даже если бы захотел, ничего скрыть от нее не смог бы. И на этот раз не собирался, зная, что она меня всегда поддерживает.

Между прочим, если бы я решился сделать то, что требовали в ЦК, оправдаться перед самим собой мне все-таки было бы нетрудно. Прежде всего, Павлов никогда не являлся, как говорится, «героем моего романа». К тому же был очень резким человеком, и многие (в том числе и я) натерпелись от него. Выпить он был тоже не дурак, хотя пьяницей, конечно, не был. Просто по выходным мы, обычно семьями, приезжали в Переделкино, ходили в баню, играли в волейбол, жарили шашлыки, одним словом, отдыхали по полной, но пили мало...

Никакого разврата, никакого пьянства там не было и в помине. И вот теперь нужно было сказать, что Павлов нас спаивал и развращал.

Если приказано, то совсем нетрудно было сделать вид, что тебе надоело терпеть выходки этого самодура и ты наконец-то решил рубануть правду-матку (некоторые, кстати, так и сделали). Вот об этом обо всем я и рассказал жене.

Она ответила коротко и просто: «Если ты сделаешь то, что они требуют, я больше тебя не знаю».

Господи, как нужна нам бывает поддержка близких! Особенно в таких случаях. А ведь жена не хуже меня знала, что, если я не выполню этого «тихого» распоряжения начальника из ЦК, наша с ней жизнь может резко измениться — и, конечно, не в лучшую сторону.

На другой день я позвонил по «вертушке» этому начальнику и сказал: «На меня не рассчитывайте, я выступать не буду».

Потом состоялся секретариат. Его вел сам М.А. Суслов. Павлов держался мужественно и ничего не признал. На секретариате ему объявили выговор, нас всех сурово покритиковали. Через некоторое время Сергея Павловича назначили председателем Спорткомитета СССР.

Примерно в это же время состоялся пленум ЦК КПСС, на котором со своей знаменитой критической речью по вопросам обороны выступил первый секретарь Московского горкома партии Н.Г. Егорычев (а Верховным главнокомандующим был Л.И. Брежнев), и его блестящая карьера, которой мы все так радовались, рухнула в одночасье.

Я позвонил ему в этот же вечер и, как мог, постарался поддержать. Он поблагодарил и сказал: «Зачем звонишь, ты этим звонком испортил себе жизнь».

В 1968 году на место Павлова пришел Евгений Михайлович Тяжелников, и только в 1977 году первым секретарем ЦК ВЛКСМ избрали меня.

Так аукнулись мне отказ участвовать в «избиении» Павлова и звонок Егорычеву. Почти десять лет потребовалось, чтобы об этих моих «ошибках» забыли.

Хочу сказать, что избрание Е.М. Тяжелникова, секретаря Челябинского обкома партии по пропаганде, бывшего ректора педагогического института, первым секретарем ЦК ВЛКСМ было решением правильным. За годы своей работы он привнес в дело не только свой взрослый опыт, которого не было у нас, но и стал своего рода «партийным камертоном» в комсомоле. Работал Евгений Михайлович много и интересно. Мое уважение к этому человеку искреннее, он и его семья — люди весьма достойные. Это подтверждают и нынешние времена.

Но вернемся в 1968 год. Е.М. Тяжелников только что приступил к своей работе. Мы проводим в Кремле торжественный пленум, посвященный образованию комсомола. Здоровый еще Л.И. Брежнев выступает с речью. Объявляется перерыв. Мы сидим рядом с Тяжелниковым. Мне нужно вести заседание. Рядом с нами в президиуме — члены Политбюро и самые высокие гости.

Леонид Ильич проходит мимо и неожиданно спрашивает:

— Безыменский здесь?

— Здесь, — отвечает уверенно, потому что заметил Безыменского (комсомольского «деда», как мы его между собой называли) среди гостей.

— После перерыва дай ему слово.

Это была полная неожиданность! Выступление А.И. Безыменского не планировалось.

Я поискал его глазами и увидел, что Александр Ильич сидит на своем месте и что-то записывает в блокнот. Хорошо, что не ушел в буфет, а то бы я его и предупредить не смог.

Подбегаю к нему, здороваюсь и говорю:

— Леонид Ильич просит вас выступить!

— Я не готовился, — отвечает он.

— Да вам и речей никаких не надо готовить, — успокаиваю я его, — вы просто стихи свои почитайте.

— Ну, мне все-таки подготовиться надо, — говорит он, — ты меня первым не вызывай.

Перерыв закончился, начинается вторая часть заседания. После первых двух плановых выступающих называется имя поэта Александра Безыменского.

Комсомольский «дед» — автор слов песни «Молодая гвардия», ставшей гимном комсомола, член РСДРП с 1916 года — поднимается на трибуну. Ему тогда перевалило за семьдесят, и он правда выглядел древним стариком (особенно для нас, молодых).

Для начала он прочел отрывок из своей известной поэмы, а потом вдруг сказал:

— А теперь прочитаю вам стихотворение, которое написал только что.

Придирчивым литературоведам этот стих может показаться не самым лучшим, но тогда в зале он прозвучал очень сильно и ярко. Не обессудьте, приведу только то, что мне запомнилось:

*Когда нам было всем по восемнадцать,
А комсомол недавно лишь возник,
Привыкли мы друг к другу обращаться
И весело, и ласково: «Старик!»
Наш комсомол вырослел, и мы вырослели,
И, наконец, настал тот самый миг,
Когда мы поняли, что в самом деле
Любой из нас по возрасту старик.
Но комсомол не постарел нимало,
Он тайну вечной юности постиг...*

Тут наш комсомольский «дед», действительно весьма пожилой уже человек, распрямляется, становится как бы на голову выше и сильным молодым голосом заканчивает:

*Ни грана дряхлости у нас вы не найдете,
Шаги у нас тверды и широки.
Мы старше комсомола, но в работе
Он — не старик,
И мы — не старики!*

В стенограмме торжественного пленума эти стихи есть. В напечатанном виде они, скорее всего, такого впечатления не производят. Но недаром же говорят, что стихи надо слушать. Я хорошо помню, как он уходил с трибуны, грузный, сутулый старик в мешковатом костюме, а зал стоя ему аплодировал.

*Он — не старик,
И мы — не старики!*

О, это было здорово! Это было вечно!

Уже потом я узнал, что Брежнев в молодости очень любил стихи. Думаю, что он и сам их писал, но, видимо, понимал, что они не дотягивают до нужного уровня. А из поэтов, своих современников, он, оказывается, особенно любил Есенина, Маяковского, читал на вечерах Безыменского.

Немного найдется людей, кто, листая страницы своей жизни, вспомнит такое. Я горжусь, что моя жизнь периодически делала мне такие вот памятные подарки.

А вот еще один замечательный человек **Ольга Грекова**.

Нечасто приходилось встречать людей, столь преданных «детству». Она была педагогом милостью Божьей. Хорошо образованный, интеллигентный профессионал, окончивший педагогический институт.

С Ольгой Игоревной мы вместе работали в Бауманском райкоме ВЛКСМ. Потом она была секретарем Московского горкома комсомола. Искренность, неумная энергия, желание в любое дело внести творческую искорку, и все это — ради детей, ради горячо любимой пионерской организации.

Судьба навсегда соединила ее с пионерией и как директора Московского городского Дворца пионеров, и как главного редактора газеты «Пионерская правда».

Не иначе как подвигом могу назвать последние годы ее редакторства в «Пионерской правде». Когда уже ничего не было: ни многомиллионных тиражей, ни экономической поддержки государства, ни комсомола, на который всегда можно было опереться, — только энтузиазм сотрудников, только любовь к детям, понимание нужности и важности старейшей детской газеты в стране, да и в мире, держали на плаву редакционный коллектив. Всегда рядом с ней были люди (которых она сама и подобрала), такие же энергичные и одержимые.

Семья Грековых была настоящей комсомольской семьей. Олин муж, Иван, — бывший военный моряк, выпускник Московского инженерно-физического института, секретарь его комсомольской организации. Работал первым секретарем нашего родного (а это значит, что мы с ним даже больше чем братья) Бауманского райкома. Ребята полюбили друг друга. Появились у них две прекрасные доченьки. Иван очень рано умер, и Оля одна поднимала семью. Было трудно — ютились в небольшой квартирке. Девочки выросли, создали свои семьи. Всегда поражало, как эта молодежь поддерживала друг друга и свою маму.

Казалось бы, пора и отдохнуть, но за семейными и рабочими заботами Ольга забросила свое здоровье. И неожиданно для всех ушла из жизни: сахарный диабет.

Как бы сложно ни жила семья, у памятника отцу и маме всегда цветы.

Пройдут годы, но все, кто знал Ольгу Игоревну, кто работал с ней, никогда не забудут этого светлого, прекрасного человека...

Жизнь неумолима. Все чаще приходится говорить «были», вспоминая ушедших друзей.

Владимир Житенев

Мы были молоды. И, пожалуй, самым улыбчивым, веселым, умным и тонким среди нас был Володя Житенев — секретарь ЦК, отвечающий за студенческий комсомол, за работу среди научной молодежи. Его как будто специально для этого сформировало время, вылепила жизнь.

За плечами — Уральский политехнический институт, пожалуй, там он открылся по-настоящему как вожак молодежи: ему верили, за ним шли. Учился легко, трудиться умел — уральская косточка, рабочая закалка проявлялась во всем.

Что бы ни плели сегодня некоторые политологи и журналисты о периоде 1960—1980-х годов, мы-то знаем, что время нашей молодости было искренним, мы жили и работали много и честно. Должности в комсомоле не раздавались по знакомству или «за красивые глаза». Авторитет среди молодежи надо было заслужить, и не столько речами, сколько делами.

Высокий, красивый, с бьющей через край энергией, Володя быстро вошел в круг непосредственных обязанностей. Между вузовскими коллективами, столичными и периферийными, между руководством Министерства высше-

го и среднего специального образования и ЦК комсомола установились по-настоящему деловые, уважительные отношения.

Много замечательных дел начиналось тогда, и вузовцами они подхватывались горячо, самозабвенно. Участие в ударном комсомольском строительстве, студенческие строительные отряды. Да, ехали и зарабатывать, и приодеться, но главными были патриотический порыв, стремление оставить свой след на земле, пусть это будет детский сад, сельский клуб или одноэтажный коровник, жилье и промзона в городе Гагарине. Ощущение, что это построил именно ты, — замечательное чувство! Молодежь поднимала ударные стройки, а они формировали, воспитывали ее. Сколько замечательных людей нашей Родины поднялось, выросло на тех дрожжах!

Владимир Андреевич Житенев многое сделал, чтобы набрала высоту работа среди научной молодежи. Евгений Павлович Велихов, Геннадий Андреевич Месяц — сколько еще можно назвать имен выдающихся ученых, которые прошли через Совет по научной работе среди молодежи. А как не вспомнить жесткие, профессиональные конкурсы отбора кандидатов на звание лауреата премии Ленинского комсомола. И в высокой науке Житенева воспринимали серьезно.

Володя был принципиальным, храбрым человеком. Он всегда имел собственное мнение, свою точку зрения, не боялся высказывать ее. А это непросто, такое зачастую не прощается.

Жизнь не всегда была справедлива к нему, ломала его, но сломить до конца не смогла.

Он умел дружить и ценил дружбу. Еще и поэтому мы будем помнить его всегда.

Жизнерадостным, красивым, рослым, молодым он и сегодня предстает перед нами. Навсегда молодой, навсегда комсомолец!

Валерий Сухорадо

Валерий Васильевич Сухорадо! Удивительный человек, личность, масштаб которой время умалить не может.

Только такой человек мог написать прекрасный текст песни о комсомоле, который был положен на музыку и стал своеобразным гимном ВЛКСМ.

Валерий был настоящим комсомольцем — убежденным, бесконечно влюбленным в жизнь, в дело, которым приходилось заниматься в разные периоды недлинной, но яркой жизни. Теперь уже и не скажешь, что же было его настоящим призванием — авиационно-ракетная инженерия или художественное творчество? Нет, пожалуй, все-таки комсомольская работа, работа с людьми.

Яркий и самобытный след оставил Валерий Сухорадо как руководитель московской областной комсомольской организации, заведующий отделом культуры ЦК комсомола. ЦК ВЛКСМ, комсомолу повезло в том, что возглавил этот чрезвычайно важный участок человек, внутренне подготовленный и влюбленный в работу по культурному строительству среди молодежи.

Велико было обаяние личности Валерия. Он словно магнит притягивал к себе. Всех располагал к себе сердечностью, обворожительной веселой улыбкой, чувством юмора, самоиронией.

Помнится, получив от Министерства культуры предложение возглавить фирму «Мелодия», Валерий пришел советоваться. Было ясно, что для себя он уже все решил. Но в ответ на наше «комсомольское благословение» — «это важно, это нужно молодежи, иди» — радостно улыбнулся.

Это было его дело. И работал он там много и увлеченно.

«Лежащая на боку» фирма буквально воскресла. Никогда не забудется, как Валерий, когда все рушилось в нашей стране, спас от расхищения бесценный музыкальный фонд «Мелодии».

Все располагало в Валерии Сухорадо к дружбе. К нему тянулись и люди творческие, и наш брат комсомольский активист. Помню, как в непростые для меня дни сборов на дипслужбу в Данию позвонил Валерий. Мы встретились в «Мелодии», и он передал мне несколько кассет с любимой музыкой и песнями. Потом эти мелодии согревали нам душу за границей.

Валерий Васильевич заболел. Он мужественно боролся с тяжелым недугом. Но болезнь победила...

Когда вспоминаю о нем, всегда внутренне повторяю слова одной из замечательных пахмутовских песен о Юрии Гагарине: «Знаете, каким он парнем был...» Да, я знаю. И никогда не забуду.

Сергей Купреев

Он тоже ушел от нас молодым. И остается в нашей памяти навсегда молодым. Большая, светлая, яркая, талантливая личность, настоящий человек. Он славно жил, много и честно работал, любил людей, детвору, любил жизнь. И трагически погиб...

Порывистый, энергичный. Я совершенно убежден, что он навсегда остался бы молодым, как бы много лет ни было ему отпущено судьбой.

Никогда не забудутся его светлая улыбка, глаза, широко распахнутые миру, его юношеская, детская открытость и чрезвычайный интерес, с которым он воспринимал людей и мир вокруг себя.

Вспоминаю свой первый прилет в командировку в МИД из Афганистана. Военно-транспортный самолет приземляется, вырубивает на специальную стоянку в Шереметьеве. Медленно опускается задняя аппарель Ил-76, и на кромке ее стоит громадный мужчина в генеральской шинели, папахе и сапогах, с пятью зимними гвоздичками в руке. Вот таким заботливым и нежным он был всегда.

Сережу, Сергея, Сергея Александровича любили. Никогда не забуду огромную очередь в клуб МВД на прощание с ним. Так на моей памяти — ни до, ни после — не провожали никого. Люди шли и шли, не мобилизованные какими-то разнарядками райкома или райисполкома, шли, потому что в Москве его знали и любили многие.

Прошло много лет после кончины Сергея, но в каждый его очередной день рождения и в день гибели могила на Кунцевском кладбище покрывается цветочным ковром, десятки людей приходят снова и снова, чтобы поклониться памяти этого светлого человека.

Как-то однажды я был в его райкомовском кабинете в новом здании на Разгуляе. Меня впечатлил тогда не солидный кабинет, не большой письмен-

ный стол первого секретаря, а ряд бумажных квадратиков на столе с фамилиями, именами, какими-то памятливыми заметками — это все те, кому надо было что-то сделать, за кого похлопотать. Эту «мозаику» он всегда держал перед собой — вернее сказать, в поле своего зрения. За каждым бумажным квадратиком был человек, которому Сережа должен был помочь и помогал. Квадратиков становилось то больше, то меньше, но они никогда не исчезали совсем с рабочего места первого секретаря.

Человек гордый, азартный, он не любил проигрывать ни в спорте, ни в жизни. Фанатично любил теннис, неплохо играл, хотя травмированное колено постоянно вызывало боль и мешало двигаться так, как ему хотелось бы. Все компенсировал азарт. Азарт во всем. Это передать трудно и забыть невозможно.

Все мы — бауманцы: кто — по учебе в МВТУ имени Н.Э. Баумана, кто — по месту работы в Бауманском районе, кто — по какой-то другой комсомольской привязанности. Бауманцы бесконечно уважали своего первого секретаря и гордились им. Он был лучшим среди нас. Бауманцем с большой буквы.

Сегодня многое не просто в нашей жизни, но Россия поднимается с колен. Постепенно налаживаются дела в экономике, в народном хозяйстве, но бюрократии, аморальщины, коррупции — всего того, против чего решительно бился Сергей Купреев, увы, не становится заметно меньше.

* * *

Ничего не вычеркнешь из своей жизни, из жизни своего государства. Греет это душу или нет, но это наша история. Мы, сегодняшние, все вышли оттуда.

Для многих миллионов людей, которые прошли через комсомол, он был стартовой площадкой в большую жизнь.

Но чувство неудовлетворенности не оставляет. О многих и многих я все-таки не успел написать...

Валерий Белянинов, Леня Караев — друзья мои с детства и на всю жизнь.

Иосиф Кобзон, Виктор и Галина Беседины, без которых не будет полон мой театральный роман.

Комсомольские друзья и товарищи теперь уже до конца моих дней: Аркадий Сосин, Людмила Швецова, Рахман Везиров, Тамара Куценко, Жиули Шартава, Игорь Ильинский, Володя Ситцов, Альберт Лиханов, Виталий Игнатенко, Гриша Зайцев — да всех и не назвать.

Мидовцы: Б.Н. Чаплин, С.А. Рябков, И.С. Савольский, А.А. Куприянов, Ю.А. Прошин, А.Е. Сафонов, В.Г. Комплектов.

Афганцы: Саша Катенев — он был первым президентом Союза воинов-афганцев, Геннадий Елисеев, Левон Саакян, Виталий Малахов и многие другие.

Живу надеждой, что этот мой опыт воспоминаний будет поддержан и с книжных страниц еще шагнут к читателям те, кому я обязан всем добрым, что было в моей жизни.

Виктор Максимович Мишин

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ

Секретарь ВЦСПС

Председатель правления КБ «Крокус-банк»

Председатель Центрального совета Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Воспитанники молодежи —

Мое Отечество»

Делу дело учит

...Мне, председателю совета одного из лучших пионерских отрядов, совет дружины московской школы № 4 отказал в рекомендации для вступления в комсомол. Этот отказ был для меня как гром среди ясного неба. Позже мне, конечно, рекомендацию дали, но урок этот хорошо запомнился на всю жизнь. Может, поэтому полученный комсомольский билет — первый документ в моей жизни с фотографией — был для меня особенно дорог. Кстати сказать, его номер — 24225330 — до сих пор помню.

Отказ ожидал меня и при получении рекомендации для вступления кандидатом в члены КПСС. Это произошло на заседании комитета комсомола МИСИ им. В.В. Куйбышева. Я был членом комитета комсомола, возглавлял студенческий профком, а это — почти пятитысячный коллектив. Рекомендации мне дали участник Великой Отечественной войны, декан факультета Юрий Сергеевич Буров и мой товарищ по учебе, прошедший армейскую школу, Владимир Колесник.

Чуть позже коллеги по комитету комсомола все-таки дали рекомендацию, и я был принят в кандидаты, а через год стал членом партии. Спустя некоторое время меня избрали секретарем комитета комсомола института.

Поэтому можно сказать, что мое продвижение по ступеням комсомольской карьеры (как теперь принято говорить) проходило непросто. Замечу только, что в то время слово «карьера» носило ругательный оттенок и я к продвижению этому не прилагал никаких усилий. Более того, свои планы на будущее я связывал скорее с научно-исследовательской работой.

После защиты дипломного проекта меня рекомендовали в аспирантуру при кафедре вяжущих веществ и бетонов, которой руководил замечательный ученый, лауреат Ленинской премии Александр Васильевич Волженский. Я был зачислен старшим инженером-исследователем в научно-исследовательский сектор института на эту же кафедру.

Но, как говорится, человек предполагает, а райком КПСС рекомендует. В начале 1968-го меня вызвали к секретарю райкома партии В.А. Деревянкину, и тот без обиняков объявил, что меня намерены рекомендовать к избранию вторым секретарем Москворецкого райкома комсомола. Я попытался отказать, но...

В Москворецком райкоме комсомола я не проработал и года. Стоит отметить, что коллектив там был дружный. Его возглавлял первый секретарь Юрий

Возианов. Парень был и внешне красивым, и по-человечески обаятельным. Он здорово помог мне войти в ритм работы райкома. С ним всегда можно было посоветоваться. А еще нас очень сблизило общее увлечение: он тоже любил лошадей и занимался на Центральном московском ипподроме.

К сожалению, о Юрии приходится говорить в прошедшем времени. Он всегда производил впечатление мягкого человека. И только когда он боролся со смертельным недугом, мы все, его друзья, смогли убедиться в силе его духа, в том, каким стойким характером он обладал. Вечная ему память!

В конце 1968 года в Москве происходило районирование — менялась структура управления городом. Мне в связи с этим рекомендовали возглавить Советский райком комсомола. Специфика его состояла в том, что там практически отсутствовали крупные промышленные предприятия. Райкому нужно было приложить немало стараний, чтобы наша районная организация не затерялась среди других, с более мощными ресурсами и возможностями. И нам это удавалось. Не случайно первый секретарь далеко не самого крупного района был избран членом бюро МГК ВЛКСМ, а в октябре 1971 года — секретарем Московского горкома комсомола.

Время работы в составе секретариата МГК ВЛКСМ до сих пор считаю счастливейшим периодом в своей трудовой биографии. Возглавлял секретариат горкома Сергей Купреев, интереснейший, принципиальный, чуткий и отзывчивый человек. С ним можно было советоваться по любому вопросу, не рискуя быть неправильно понятым. Он сумел создать такую атмосферу в нашем небольшом коллективе, что и работать, и отдыхать всем хотелось вместе. Я каждый день летел на работу, как на праздник. Коллеги — Игорь Шахманов, Ирина Конюхова, Валерий Шадрин, Юрий Можаров — всегда готовы были помочь друг другу, подставить плечо, подстраховать товарища, искренне болели и переживали за каждое из многочисленных мероприятий, которые проводились едва ли не ежедневно. И всегда находили возможность внести свой конкретный, посильный вклад в их подготовку.

Именно поэтому я как личную трагедию воспринял приглашение в конце 1971 года на работу в ЦК ВЛКСМ, на должность заведующего отделом рабочей молодежи, и только уже позднее, когда меня рекомендовали для избрания первым секретарем МГК ВЛКСМ, я оценил мудрость и дальновидность Е.М. Тяжельникова: для первого секретаря Московского горкома лучшей школы, чем был тогда отдел рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ, и не придумаешь. Так я про-

Защитник Отечества Виктор Мишин

ходил все этапы комсомольской закалки. Как же они помогли мне в моей последующей работе и помогают сегодня!

Когда меня избрали на эту должность, у меня уже созрело понимание: комсомол работать по-старому не может и не должен.

Не пытаюсь идеализировать эту уникальную молодежную организацию, а тем более — свою в ней работу. Нельзя забывать, что в середине 1980-х годов ВЛКСМ насчитывал в своих рядах более сорока миллионов человек. А это — четверть населения нынешней России. Практически все взрослые граждане Советского Союза в свое время носили в нагрудном кармане комсомольский билет.

Не будь комсомола, вряд ли бы и я, как и многие и многие молодые люди, состоялся как личность. Ведь именно в нашем союзе существовала возможность для самореализации. Он был настоящей кузницей кадров. К слову, одна из причин неудачи экономических реформ, проводимых в России, на мой взгляд, заключается в том, что за дело взялись люди, не прошедшие нормальной жизненной школы. Все-таки служебная лестница — не самая бесполезная вещь в хозяйстве у хорошего хозяина. И не важно, кто им является — государство или частный собственник. В советское время на вершину могли взойти только наиболее способные, умные, трудолюбивые, целеустремленные, настойчивые. Все было более логично и, следовательно, достойно.

Как это ни покажется кому-то банальным, но комсомол снискал себе право называться кузницей кадров неслучайно. Он учил молодых людей быть ответственными, энергичными, предприимчивыми. Что такое школа комсомола? Это четкая организация дела. Это навык работы с людьми. Это воспитание в себе руководящей воли, готовности принять решение в любой ситуации. Это и способность, когда надо, быть дипломатом. Именно такие качества, а также сравнительно молодой возраст позволили бывшим комсомольским работникам быстрее адаптироваться к новым реалиям, возникшим в нашей стране.

Факты говорят сами за себя: многие представители финансовой и политической элиты родом из комсомола. Сколько угодно примеров. Я поддерживаю тесные контакты с коллегами по комсомольской молодости и могу сделать однозначный вывод: абсолютное большинство наших людей состоялись и в этой новой, посткоммунистической, постперестроечной жизни.

* * *

Масштабы сделанного комсомолом за всю его историю поистине колоссальны. Становой хребет сегодняшней российской экономики, вне зависимости от нынешних форм собственности, создавался руками молодых, и комсомол был в центре этой работы. Как ни пафосно это звучит, но из песни слов не выкинешь: строительство Днепрогэса, Турксиба, БАМа, освоение тюменских нефтяных и газовых месторождений, прокладка трубопроводов, по которым сегодня качают нефть, приносящую нефтедоллары, — это все делалось руками молодых людей, комсомольцев. Сейчас кое-кто распространяет ложь, что БАМ построили зэки. Это неправда! Восточный участок БАМа прокладывали военные строители, а основную часть магистрали — комсомольцы!

Когда бросились критиковать и изобличать застойную систему, вместе с водой выплеснули и младенца. Что плохого было в БАМе? Сказать, что все ехали за длинным рублем, орденами и квартирами, значит оскорбить ребят, которых влекли романтика, молодой задор. Я стоял у истоков этого движения, формировал первый отряд строителей БАМа, уехавший на стройку в 1974 году. У нас отбоя не было от желающих получить комсомольскую путевку!

Мне одному из первых посчастливилось облететь БАМ из конца в конец на вертолете, много раз я бывал и на других стройках. Да, неудовлетворенность молодых строителей условиями жизни и труда иногда была, не всегда реальность совпадала с ожиданиями. Но молодежь горела желанием бороться с недостатками, бесхозяйственностью, узкими ведомственными интересами. Люди не были разобщены, они сплоченно выступали против трудностей.

Замечу: сегодня БАМ работает на полную мощность, превышающую проектную, и значение магистрали с каждым днем возрастает. Поэтому, что бы ни писали и ни говорили, факт остается фактом: большое, нужное для народа дело сделала молодежь. На БАМе выросло целое поколение, и — не сомневайтесь — не самое плохое поколение! И наш БАМ верой и правдой служит и будет служить России.

*Первый секретарь Советского
РК ВЛКСМ*

* * *

Помимо строек у комсомола было немало и других живых дел. В начале 1986 года ВЛКСМ выступил одним из инициаторов создания Единой общественно-государственной системы научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Тогда это было очень прогрессивным начинанием. Система НТТМ позволила сплотить талантливых ребят, обладающих большим интеллектуальным потенциалом, имеющих желание реализовывать свои способности в общественно полезном деле и при этом зарабатывать средства для своих личных нужд.

И пока первые советские кооператоры пытались завоевать себе место под солнцем, наши ребята, в том числе и те, кто сегодня занимает лидирующие позиции в российском бизнесе, спокойно делали свое дело, причем на абсолютно законных основаниях. Была возможность создавать творческие моло-

дежные коллективы, где строго не регламентировалось, сколько потратить на развитие производства, а сколько — на зарплату. Это не было воровством государственных средств. Это было разрешенное законом свободное их использование. Происходило накопление первичного капитала.

Одна беда: зарабатывать деньги ребята научились и занятие это полюбили, но вот научно-техническое творчество отходило при этом на второй план. А ведь надо было зарабатывать деньги и для развития базы НТТМ, чтобы система самовоспроизводилась, не зависела от госбюджета. В этом виделся один из рычагов ускорения научно-технического прогресса, реальный вклад в экономику страны.

Комсомол был также инициатором идеи молодежных жилищных комплексов (МЖК). Объединения молодых людей создавались не просто для совместного строительства общего жилого дома, но и служили основой образования новой социальной общности. Эта идея получила поддержку в широких молодежных кругах.

Нельзя сбрасывать со счетов то, что и освоение целинных земель, и движение студенческих стройотрядов, и выпуск газет, журналов, книг для молодежи — это все дела, которые организовывал ВЛКСМ.

И конечно, хотелось бы сказать о премиях Ленинского комсомола и их значении для экономического и культурного развития страны. Эта премия присуждалась молодым за достижения в области науки, техники, производства, культуры. Геннадий Месяц, Евгений Велихов, Юрий Овчинников, Александра Пахмутова, Алексей Баталов, Николай Губенко, Иосиф Кобзон... Какое созвездие имен! Всех просто невозможно перечислить.

Премия Ленинского комсомола для каждого лауреата имела особую ценность. Ведь как бывало с Госпремией, допустим, в области науки? Там ученые пробивали в лауреаты представителя своей научной школы. По принципу: «Есть разные гипотезы: одна — моя, остальные — ошибочные». А премия Ленинского комсомола была в гораздо меньшей степени подвержена конъюнктуре.

В перестроечные годы комсомол часто обвиняли в формализме, очковтирательстве. Было и это, не скрою. И все же реальных, полезных дел было гораздо больше. Студенческие отряды, НТТМ, клубы «Кожаный мяч» и «Золотая шайба», Советы молодых ученых и специалистов, военно-спортивные и пионерские лагеря... Что сегодня предложено молодежи взамен? Ни-че-го!

Не люблю менторский тон, но мне действительно жалко ребят, предел мечтаний которых ограничивается покупкой БМВ или поиском «теплого места».

А чем сейчас заняться простым ребятам, пацанам с улицы? Примкнуть к байкерам? Но ведь сегодня на «фестивали» байкеров добрая половина участников привозят свои дорогие мотоциклы на огромных трейлерах, да еще с парой крепких охранников. Это что — доступное увлечение для подростков?

Во времена комсомола ситуация, когда парень не окончил восемь классов и его отчислили из школы, становилась чрезвычайным происшествием. Да, были трудные ребята из неблагополучных семей. Но не существовало такого количества наркоманов среди подростков и молодежи, как сейчас. Не было миллионов детей школьного возраста, не умеющих ни читать, ни писать. Не

Виктор Мишин на открытии XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве

было беспризорников. Не было детской проституции. То, что происходит с молодежью нашей страны, — это показатель, по которому можно судить о состоянии здоровья нашего общества.

Кто сегодня в стране всерьез занимается молодежью? Вопрос риторический. А ведь мы рискуем потерять целое поколение.

А кому мешала пионерская организация? Зачем ее разогнали? Да, она тоже страдала излишним формализмом, но и много делала для детей. По крайней мере, ребята были под присмотром. Если дома ребенку не хватало ласки и внимания родителей, помогала пионерская организация. Ленин не нравится? Не надо Ленина! Пусть пионерская организация носит имя Юрия Гагарина. Он был пионером космоса. Не нравится слово «пионеры»? Можно и по-другому назвать. Кое-где умные руководители органов народного образования все же сохранили пионерские организации, которые и сегодня делают важное и нужное для детей дело — учат общаться и жить в коллективе. Празднование 95-летия со дня образования пионерской организации убедительно показало, что вся страна испытывает ностальгию по этому благородному детскому движению.

Юношеским организациям современной России не выжить без объединения усилий, без использования опыта комсомола. Общество, которое не думает о молодежи, — общество обреченное. Вот почему люди самых разных политических убеждений, разных конфессий обеспокоены тем, что

работа с молодежью ослаблена, в ней совершенно отсутствует системный подход. Сегодня даже Госкомстат и Министерство юстиции не знают, сколько у нас зарегистрированных и незарегистрированных юношеских организаций.

Я как-то вычитал в СМИ, что количество молодежных организаций в стране уже перевалило за пять сотен. Но практически все они — сырые, аморфные, с непонятными декларациями. Пожалуй, единственная на сегодняшний день организация, не политическая, но хоть как-то структурированная, — это Российский союз молодежи. Сейчас в РСМ 250 тысяч индивидуальных членов и около 800 тысяч участвующих в их программах: в проведении молодежных лагерей, фестивалей, конференций... И располагается РСМ в здании бывшего ЦК ВЛКСМ. Там работают нормальные, ответственные люди. Конечно, у них нет тех возможностей, которые были у нас. Но они хотя бы пытаются что-то делать.

Одно время заявил о себе Союз молодежных организаций России. И замечательно! Я был бы рад, если бы лидеры сотен молодежных организаций, несмотря на различие взглядов и убеждений, объединились для представления и защиты коренных интересов молодежи. Ведь есть же эти интересы. К примеру, равный доступ к образованию, спорту, культуре... У молодежи много интересов, требующих деятельного внимания к ним. Так что есть ради чего объединяться.

Я уже отмечал тот отрадный факт, что некоторые формы комсомольской работы сейчас возрождаются. Взять, к примеру, военно-патриотическое воспитание, шефство над ветеранами войны, работу с трудными подростками, комплекс ГТО. Студенческие строительные отряды участвуют в конкретных делах, например в ликвидации последствий стихийных бедствий на юге России или на Дальнем Востоке.

Мы обязаны хранить историческую память и преемственность поколений, и опыт комсомола богат тем, в чем сегодня нуждаются дети, подростки, молодежь России. Кадровый запас прочности страны еще не иссяк только благодаря тем людям, которые прошли кадровую школу в комсомоле. Они возглавляют российские регионы, работают на самых ответственных постах — и в госструктурах, и в частном бизнесе.

Комсомол «прикрыли» не за то, что он был политической организацией: главным образом, «прикрыли», чтобы отобрать собственность, которая была у юношеского союза. Например, у Бюро международного молодежного туризма при ЦК ВЛКСМ были свои гостиницы, центры отдыха молодежи. Вот эта недвижимость и потребовалась горячим головам «реформаторов» 1990-х годов.

Но отбросить драгоценный опыт духовного влияния комсомола на умы и сердца молодых людей в течение многих десятилетий, в годы мирного труда и боевых сражений за свободу и независимость Отчизны было бы вдвойне преступно. Меня радует, что и президент страны говорит о необходимости сильной молодежной политики, поэтому, как никогда, нужна сегодня мощная юношеская организация, которая бы представляла молодежь страны, действовала от ее имени и в ее интересах, тормозила власть, влияла на общественное мнение. Это реально, к этому нам всем надо идти, если только мы хотим сохранить молодежь здоровой духовно и физически!

«Дети разных народов...» — этим обращением начинался Гимн демократической молодежи, который мы пели в комсомоле с огромным воодушевлением. В наши дни, когда махровым цветом расцветает национализм, в том числе и на бытовом уровне, особенно ценным представляется комсомольский опыт интернационального воспитания детей и молодежи. Оглядываясь назад, во времена детства и юности, понимаешь, что нас тогда мало интересовало, какой национальности был тот или иной наш ровесник. Главное — каков он как человек. Интернационализм в действительности был огромнейшим завоеванием нашего Советского государства.

И сегодня у каждого из нас, кто прошел школу комсомола, есть немало друзей в ближнем и дальнем зарубежье. Я часто вспоминаю лица близких по духу товарищей — украинцев Анатолия Корниенко, Дмитрия Охромия, Валерия Цыбуха, белоруса Константина Платонова, литовца Валериюноса Балтрунаса, узбека Бури Алламурадова, таджика Шухрата Султанова, казаха Серика Абдурахманова, эстонца Индрека Тооме, латышей Марите Рукмане и Артура Плауде, грузин Иосифа Орджоникидзе и Джумбера Патиашвили, азербайджанцев Рахмана Везирова и Вагифа Гусейнова, армян Сурена Арутюняна и Левона Саакяна, туркменок Оглынабат Ишанкулиеву и Жанну Чаррыеву и многих, многих других.

Не могу оставить без внимания своих друзей из стран, которые были близки нам в советские годы, — Станку Шопову, Чабу Хамори, Мирослава Дочкала, Эгона Кренца.

Об Эгоне Кренце хотелось бы сказать особо не только потому, что он был последним руководителем СЕПГ и ГДР. Эгон Кренц был брошен в застенки германской тюрьмы за то, что честно исполнял положения Конституции ГДР. И в своей принципиальной книге, которая увидела свет и на русском языке, Эгон Кренц, не обижаясь на КПСС и нашу страну, прямо пишет, что ГДР перестала существовать главным образом из-за предательства тогдашней верхушки ЦК КПСС.

Уместно вспомнить, что свою первую зарубежную поездку после выхода из тюрьмы Эгон совершил в Россию по приглашению своих друзей. Мы позаботились о том, чтобы он почувствовал искреннее к себе отношение с нашей стороны. Несмотря на более чем скромные наши возможности, мы сделали все для того, чтобы его приезд был значимым не только для нас, тех, кто его встречал, но и стал символом интернационализма и настоящей дружбы между народами наших стран.

О друзьях-товарищах

Годы жизни и работы каждого человека обогащают его и таким бесценным даром, каким является дружба.

Повторюсь: пусть не обижаются те мои многочисленные друзья, кого я даже не упоминаю на этих страницах. Это вовсе не от моей забывчивости. Просто не хватит сотен страниц, чтобы назвать всех моих друзей и товарищей, с кем посчастливилось вместе работать в молодые годы.

Сергей Купреев оставил самый глубокий след в моей душе. Почти тридцать лет отделяют нас от момента трагической гибели Сергея Александровича

ча Купреева. И чем больше проходит времени, тем более рельефно выявляются уникальные черты его личности.

Первое, что хочется сказать о друге: его отличала высочайшая культура. Я, пожалуй, не знаю другого человека с техническим образованием, который бы настолько глубоко знал и чувствовал музыку, практически профессионально разбирался в литературе и театре, изобразительном искусстве. Он был душой, центром притяжения в любом коллективе. Этому способствовали его искренность, эмоциональность. К нему все относились с уважением — и близкие друзья, и все, с кем он общался, поскольку он притягивал к себе окружающих открытостью и готовностью помочь другу, товарищу, просто знакомому или малознакомому человеку

Вспоминается такой случай. Было это в 1976 году. Прошло месяца три-четыре после моего избрания первым секретарем Московского горкома комсомола. Как-то вечером я приехал к Сергею и посетовал на то, что замучила теучка, приходится заниматься мелочовкой — устройством детей в сад, выбиванием квартир для активистов и тому подобными делами. Не хватает времени, чтобы подумать о перспективе, комплексном подходе к решению молодежных проблем. Сергей пристально посмотрел на меня и, улыбаясь, спросил: «Витя, ты правда дурачок или прикидываешься? Все наши глобальные дела, планы, комплексные программы — полная ерунда, а главное как раз и состоит в помощи конкретному человеку. Это и остается в его сердце, в его памяти...» Позже не раз убеждался в том, до чего же был прав Сергей.

Купреев проповедовал принцип: мы несем ответственность не только за наших родных и близких, но и за тех, кого поддержали, выдвинули на комсомольские или партийные посты. Он радовался успехам своих воспитанников и огорчался, когда те допускали ошибки и когда их постигали неудачи. Всегда стремился поддержать, оказаться в нужную минуту рядом. Ему были присущи душевная мудрость, умение сопереживать человеку.

И еще одна грань личности друга. Он был большой патриот и интернационалист. Среди близких друзей Сергея Купреева можно было встретить людей самых разных национальностей. Как настоящий русский интеллигент, он очень уважительно относился к традициям, культуре, языку своих друзей. Вспоминается немало примеров.

В 1971 году я вместе с Сергеем принимал участие в торжественном пленуме ЦК ЛКСМ Армении, посвященном пятидесятилетию образования комсомола республики. Так вот, большую часть своей приветственной речи Сергей произнес на армянском языке, цитируя при этом произведения не самых известных поэтов Армении.

Особые симпатии Купреев питал к Грузии и серьезно изучал грузинский язык. Ныне покойный народный поэт Грузии Ираклий Абашидзе не раз с восхищением говорил, что был поражен тем, как талантливо исполнял Сергей обязанности тамады на грузинском языке.

Мне пришлось наблюдать интернационализм Сергея, его уважение к традициям и культуре народов не за одним только праздничным столом, но и в трагические моменты армяно-азербайджанского конфликта, когда мы вместе работали в Комитете особого управления в Нагорном Карабахе. В течение года мы жили в Степанакерте в одной квартире. Было много поистине драма-

тических ситуаций, когда приходилось вести трудный диалог с чрезмерно возбужденными людьми, а то и с разъяренной толпой. Нужно было говорить людям не самые приятные вещи, представляя интересы отсутствующих соседей. Принципиальная, честная позиция, которую всегда занимал Сергей, снискала ему заслуженный авторитет как азербайджанской, так и армянской сторон конфликта.

В гостях у Михаила Шолохова

Несмотря на свою интеллигентность и мягкость, Сергей Купреев был человеком принципиальным. К нему в полной мере можно отнести слова Владимира Маяковского: «Он к товарищу милел людскою лаской, / Он к врагу вставал железа тверже!»

О Сергее Павлове

Так сложилось, что мне не пришлось работать непосредственно, бок о бок, с человеком, который возглавил нашу молодежную организацию тогда, когда она состояла исключительно из «шестидесятников». Я имею в виду «шестидесятников» по духу. Это уже позже узкая группа крикливых возбuditелей общественного спокойствия монополизировала право именовать так только себя. А ведь это был период «оттепели», как охарактеризовал это время Илья Эренбург, и молодежь, наиболее чуткая к переменам, забурлила дискуссиями, новаторскими начинаниями во всех сферах жизни.

Как близко к сердцу воспринимали мы тогда полемические баталии на страницах «Комсомолки» между «физиками» и «лириками»! Нас всерьез волновал вопрос: «Нужна ли в космосе ветка сирени?» В обществе, а тем более в самом юном его отсеке — комсомолии, шла острейшая борьба многих течений, закладывался фундамент для предстоящих форм и методов комсомольского действия. Вот это время и вывело на орбиту вожака советского комсомольского племени Сергея Павлова.

Я имел возможность не один раз слушать его зажигательные речи на различных комсомольских форумах. Не все, конечно, восторгались его принципиальной позицией по тем или иным вопросам. Но это было действительно бурное время. И шел во главе комсомола достойный человек, что бы о нем ни говорили.

Сергей Павлович покорял нас своим обаянием, эрудицией, откровенными суждениями по самым различным проблемам в жизни нашей страны и за рубежом. Уже позднее я узнал, что С.П. Павлов высшее образование получал, будучи председателем Государственного комитета по физкультуре и спорту. Но воистину справедлива мысль, что образование не столько добавляет ума, сколько позволяет систематизировать ранее обретенные человеком знания. Убежден, что не только я, но и большинство комсомольцев не задавались даже вопросом, имел ли высшее образование тогдашний руководитель комсомола. Он весь был порыв, сгусток энергии. Если прибегать к горьковскому

образу — человек, своим горящим сердцем зовущий идти за собой. Масштаб личности этого красивого голубоглазого мужчины, его способность постичь подлинный дух юношества, его удивительный талант находить с молодыми людьми общий, понятный им язык еще ждут своей достойной оценки, литературного воплощения в биографических произведениях.

О Валерии Сухорадо

И это все о нем... Уже десять с лишним лет нет с нами Валерия. И видит Бог, не проходит ни одной встречи друзей по комсомолу за столом, чтобы не вспоминали его — настоящего парня, веселого, неординарного человека. В памяти каждого, кто хорошо был знаком с Валерием, он остался прежде всего человеком неиссякаемого юмора, самоиронии и удивительной легкости в общении и огромной работоспособности. Поэтому и у меня, когда вспоминаю встречи с Валерой, всегда всплывают перед глазами эпизоды с его искрометными шутками, розыгрышами и очень добрыми мистификациями.

Шутить Валерий ухитрялся в любой ситуации. Но при этом никогда не терял чувства меры. И обид на его шутки, как правило, ни у кого не было. Однажды он «оживил» очень серьезное мероприятие — пленум горкома комсомола, на котором Сергея Купреева освобождали от обязанностей первого секретаря МГК ВЛКСМ в связи с переходом на партийную работу. В зале присутствовали партийные работники, секретарь горкома партии и первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Вышедший к трибуне Валерий Сухорадо произнес добрые пожелания успехов на новом участке работы, а затем наклонился и, в подарок Сергею, достал из-под трибуны живого петуха. На несколько секунд воцарилась мертвая тишина, а затем зал разразился гомерическим хохотом. Эта шутка ни в коей мере не противоречила торжественности и серьезности момента. Просто Валерий намекнул другу: не проспай ответственных часов на новом посту.

Валерий прожил короткую, но яркую жизнь. И повсюду проявлялись лучшие качества его творческой личности.

Особое место в биографии Валерия Сухорадо занимает работа в ЦК ВЛКСМ. В 1976 году было принято постановление ЦК КПСС об усилении работы с творческой молодежью. В ЦК ВЛКСМ был образован специальный отдел, призванный возглавить работу на этом важном направлении, а Валерий Сухорадо стал его первым заведующим. Если принять во внимание роль и значение Московского обкома комсомола, авторитет его первого секретаря, то приход не в самый основной отдел ЦК для Валерия вряд ли был большим карьерным ростом. Но он всегда считал главным работу, а не амбиции. На этом участке в полной мере раскрылись его дарования как истинного творца и организатора. Убежден, что именно в эти годы комсомол наиболее плодотворно работал с творческой молодежью, а герой нашего повествования являлся генератором множества плодотворных идей, проводником комсомольского влияния на молодые таланты.

Особенно хотелось бы сказать о той роли, которую сыграл Валерий Сухорадо в подготовке и проведении XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. Думается, благодаря его неисчерпаемому творческому потенциалу для основной части нашей делегации и художественных групп стали незабываемыми две недели подготовки к фестивалю, в течение которых пре-

красный лайнер «Шота Руставели» пересек Балтийское море и Атлантику. И, конечно, Валерий был, без преувеличения, главным режиссером феерического карнавального шествия и гала-концерта советской делегации.

В.В. Сухорадо немало сил и таланта отдал подготовке совершенно уникальных концертов на XVII и XVIII съездах комсомола, автором сценариев и главным режиссером которых он был.

Мне же хочется закончить свои воспоминания рассказом о последнем творческом вкладе Валерия в пропаганду идей комсомольского сотрудничества — его участия в подготовке в Государственном Кремлевском дворце концерта, посвященного 80-летию комсомола. Он был главным режиссером этого памятного вечера. Следует отметить, что концерт состоялся в 1998 году, возможностей для организации было куда меньше, чем в советские времена. И все же это событие стало заметной вехой в культурной жизни столицы, всей страны.

На этом концерте впервые прозвучала песня, написанная Георгием Мовсесяном на слова Валерия Сухорадо, — «Комсомол, комсомол, комсомол». С той поры эта песня стала современным гимном всех воспитанников комсомола.

Словами из этой песни и закончу свои заметки о прекрасном человеке и настоящем друге:

*Это память моя, это вера моя —
Комсомол, комсомол, комсомол.*

О Владимире Панченко

Жил такой парень. Прошло относительно немного времени со дня неожиданной для большинства из нас смерти Владимира Панченко, и, конечно же, редкий день проходит без того, чтобы не ощутить, как нам его не хватает. Не хватает его юмора, доброты, тепла, внимания.

Инженер-текстильщик по образованию, он был прирожденным организатором и вожаком, человеком высокой культуры, тонкого художественного вкуса.

Владимир Панченко был очень остроумен и очень любил по-доброму подшучивать над друзьями и близкими. Мне и самому довелось быть одним из любимых объектов его острот, но все его «подколки» были замешаны на уважении и любви к человеку. Трудно припомнить хотя бы один случай обиды на него.

Открытость, желание помочь, понимание проблем, художественный вкус, доброжелательность, порядочность привлекали к Владимиру Панченко самых разных людей — маститых композиторов и выдающихся спортсменов,

С подарком Н. Левичева

актеров, комсомольских, профсоюзных и партийных функционеров, художников и журналистов.

Он, как никто другой, умел дружить, понимал и проповедовал дружбу как явление «всепогодное» и независимое от времени.

О Владимире Федосове

Как бывает несправедлива судьба. Писать о Владимире и легко, и сложно. Легко, потому что еще при жизни успел сказать ему очень многое. Сложно, потому что есть перед ним малообъяснимое чувство вины. О чем идет речь? Володю избрали секретарем ЦК ВЛКСМ в 1983 году. Выражаясь современным сленгом, его «дресс-код», как мне представляется, не до конца соответствовал требованиям, предъявляемым к комсомольскому лидеру 1980-х годов, хотя все мы тогда не были пижонами и франтами. Брала Федосова в ЦК ВЛКСМ с перспективой на должность второго секретаря, занимающегося оргработой. Там бы он был на своем месте. Но обстоятельства сложились иначе, и Володе Федосову пришлось передвинуться на позицию секретаря ЦК ВЛКСМ, занимающегося подготовкой XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И здесь он работал в напряженном ритме, обогатился ценным опытом в политической, международной и организационной сферах. Это здорово помогло ему, на мой взгляд, когда он перешел в Комитет защиты мира, а затем занимался созданием новой структуры уже в постперестроечное время — Федерации мира и согласия. Здесь в полной мере раскрылись его дипломатический талант и организаторские способности.

Владимир Федосов ушел из жизни в расцвете сил, совсем молодым. Будучи человеком высокой внутренней культуры, он бережно относился к собственному здоровью, старался быть в курсе всех новых разработок в области медицины. И тем неожиданнее была для всех нас, его друзей, весть о серьезном заболевании, приведшем к трагической развязке. Он всегда казался нам могучим мужиком, да, по сути, и был таким. Мы все надеялись, что Владимир будет именно тем человеком, вокруг которого сплотятся все воспитанники комсомола, чтобы по мере своих сил и возможностей вносить посильный вклад в дело воспитания подрастающих поколений.

Он был душой Воронежского землячества в столице. Под крылом Федосова в здании на проспекте Мира зарождались и осуществлялись многие благородные дела московских воронежцев.

Постоянно повышая свой образовательный уровень, стараясь, по Пушкину, «в просвещении стать с веком наравне», Володя защитил в Академии госслужбы кандидатскую диссертацию и уже на заре компьютерной эры стал одним из наиболее продвинутых и активных пользователей электронно-вычислительной техники.

В моей жизни есть эпизод, который не сотрется из памяти до конца дней моих. Было это в злополучный 1991 год. Излишне напоминать, что времена тогда были не очень сытые. Семейный достаток моей семьи в одночасье подошел к концу. Я даже стал подумывать, сдать квартиру, а самим разъехаться по родителям. Только мысль о том, что соседи станут судачить: «Мишин дошел до ручки», — удержала от этого шага. Все-таки наши предки были правы: что

бы ни случилось, имя и биография обязывают «не терять лицо».

Именно в это время в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил Владимир Федосов, спросил, может ли он ненадолго заскочить к нам. Я даже несколько удивился от неожиданности, так как в то время мы с ним общались не очень часто. Спустя несколько минут Володя вошел в квартиру с мешком картошки, лука, капусты и куском мяса. Мы с женой несколько оторопели при виде всего этого. Оказывается, он возвращался со своей «малой родины» из Воронежской области и решил всем своим друзьям привезти гостинцы. Подарок этот в те дни дорогого стоил. Но еще дороже я ценю этот поступок Володи с годами. Вот таким в жизни был Владимир Федосов!

О Людмиле Швецовой

Дар бесценный был ей дан. Об этой женщине, если ты не искренен, лучше не писать. Человек она была во всех отношениях удивительный. Я не знаю никого, кто в наше время, являясь должностным лицом, пользовался бы таким уважением и любовью людей, как Людмила Ивановна. Этот авторитет завоеван ею самой.

Ко всем проблемам, которые приходилось ей решать, особенно если они касались человеческих судеб, она относилась неформально, с душой. Окружающие всегда были уверены: никакой мелочи она не упустит, докопается до сути, найдет возможность поддержать, ободрить человека, который уже сник перед чиновничьим беспределом. Огромной души ее хватало, чтобы согреть тысячи незнакомых людей, которых она не считала чужими.

За годы работы в мэрии Москвы Людмила Ивановна сделала так много для социальной сферы столичного мегаполиса, что ее имя будет помнить и ценить не одно поколение москвичей. Будучи сама человеком не самого идеального здоровья, она приходила на помощь всем, кто в ней нуждался. И не только близким, друзьям и товарищам.

Отзывчивость Людмилы Ивановны, обаятельная улыбка, с которой она встречала каждого, кто обращался к ней, создавали впечатление, что перед тобой — самый удачливый в жизни, счастливый человек. А между тем судьба вовсе не баловала эту великую женщину. Безвременная потеря мужа, трагическая гибель сына, многие тяготы и лишения, выпавшие на ее долю, не очерствили ее, не сделали равнодушной. Наоборот, преодолевать собственные невзгоды она научилась в борьбе за счастье других людей.

Меня всегда приятно поражало несомненное ораторское искусство Людмилы Ивановны. Слушаешь ее, и создается впечатление, что речь льется логичным ручейком, что этот экспромт рождается прямо перед тобой. Если бы мне самому не приходилось очень часто выступать перед различными аудиториями, может быть, я и поверил бы, что это возникает так просто, само собой. Но опыт подсказывает, что каждый раз, подходя к микрофону, глядя в глаза слушающим ее людям, Людмила Ивановна говорила им то, что накануне было тщательно продумано и взвешено и что непременно следовало высказать именно здесь, в этой аудитории. Нужно обладать особым талантом, чтобы уловить настроение пришедших на встречу с тобой людей, ответить на волнующие их вопросы, найти слова, которые бы затрагивали их душевные струны.

Друзья не раз мне говорили с восхищением: Людмила Ивановна ни в одном из своих выступлений не позволяла себе бездушных штампов и повторений. И каждый ее разговор со слушателями непременно отличался своеобразием, неординарностью. Это — замечательный талант авторитетного в народе общественного деятеля.

Песни Кобзона ведут нас по жизни

Конечно, Иосифа Давыдовича представлять вряд ли стоит. Сказать, что он легенда советской и российской эстрады, — это почти ничего не сказать о нем. Его песни, дивный голос сопровождают нас повсюду. И это — действительно большая удача, выпавшая нашему поколению.

Вместе с тем, слушая Иосифа Давыдовича со сцены в наши дни, я все чаще склоняюсь к тому, что он по праву является генеральным секретарем нашего ветеранского комсомольского движения. Свою неутомимую концертную деятельность Иосиф Давыдович совмещает с державным служением, являясь первым заместителем председателя Комитета по культуре Государственной Думы Российской Федерации. И это при том, что он не обладает могучим здоровьем. Зато в дружбе это глыба. Всегда готовый прийти на помощь, своей доброжелательностью, отзывчивостью, сердечным вниманием он служит для многих примером того, как следует относиться к людям, нуждающимся в поддержке.

Мне как-то попало высказывание Иосифа Давыдовича в ответ на злые нападки на него со стороны некоторых так называемых «демократов». Кобзон-де — певец «застоя». Со свойственным ему остроумием и прямоотой он отвечал: «Напишите хорошую песню о перестройке или о нынешнем времени, и я буду с удовольствием ее исполнять».

Иосиф Давыдович не просто постоянный член оргкомитетов по достойному проведению празднований 80-летия, 85-летия, 90-летия, 95-летия и готовящегося 100-летия со дня образования комсомола. Он — активнейший участник концертных программ в Государственном Кремлевском дворце, посвященных этим знаменательным датам. И верится, что с песнями Иосифа Давыдовича мы и завтра будем шагать в будущее.

Виталий Борисович Арсентьев

*Председатель Центральной ревизионной комиссии
ВЛКСМ*

*Кандидат исторических наук, профессор,
действительный член Академии политических наук*

Советник МИД РФ первого класса

*Профессор РЭА им. Плеханова, член правления
и директор Московского фонда развития
парламентаризма и социальной информации*

*Профессор-консультант, эксперт
ООО «ЭкоТехноМенеджмент»*

*Член Центрального совета Общероссийской
общественной организации «Воспитанники
комсомола — Мое Отечество» (ЦС ОРОО «ВК—МО»)*

*Член Совета по молодежной проблематике в Госархиве
социально-политических документов РФ*

Лучшая школа жизни

...В комсомол я вступил в Некрасовской сельской школе-семилетке весной 1951 года, когда оканчивалась учеба в шестом классе. Даже в райком не вызывали, было, как тогда говорили, выездное бюро райкома. Готовились, конечно, Устав ВЛКСМ зубрили, волновались. Вступили в комсомол почти всем классом: Миша Ворожко, Гена Липов, Лида Фролова, Лиля Яковлева (в 19 лет мы поженились и вот уже седьмой десяток лет вместе).

У всех у нас — мы дети военного времени — было трудное, порой полуголодное детство, многие росли без отцов. Мой отец — младший политрук разведроты Борис Иванович — в 25 лет в феврале 1942 года погиб под Вязьмой. Мама — учительница, а потом председатель сельсовета — тащила нас, троих детей, все эти годы.

Я, самый старший, знал, как тяжело поднимать нас всех, знал цену домашнего и сельского труда, работу в поле, с лошадьми, на сенокосе и хлебоуборке. Первую свою зарплату получил в 14 лет в совхозе за сенокос и подвоз зерна на ток, за работу копнильщиком.

Показав матери свой новенький, еще пахнувший типографской краской комсомольский билет, получил от нее, члена партии с 1942 года, и одобрение, и наставление: «Береги и будь достоин. Это хороший шаг. Ты стал у меня совсем взрослым». Помню, как трепетно и бережно хранил я первый свой комсомольский билет, тоненькую красную книжечку за № 37473420. У Лили номер на единицу меньше. Тот билет не сохранился, так как было несколько общесоюзных обменов комсомольских билетов. Но сохранились последний — за № 0000000113, выданный как работнику ЦК ВЛКСМ Бауманским РК ВЛКСМ города Москвы, и моя учетная карточка, составленная Кировским райкомом комсомола Узбекистана. Для меня

это очень памятные реликвии. Показываю их и рассказываю о пережитом внукам и правнучкам.

Город Саратов. Мои рабочие и комсомольские университеты

Еще в техникуме, одном из старейших в стране — электромеханическом им. П.Н. Яблочкова, я получил первые уроки активной общественной работы, будучи избран на втором курсе членом комитета комсомола. Наш секретарь Геннадий Гусев и сам работал хорошо, и нас привлекал, заставлял проявлять и инициативу и находчивость, учиться так, чтобы быть в числе лучших, активно во всем участвовать. Учился только на «отлично» и все годы получал повышенную стипендию, что для меня значило много: из дома-то нечем было помочь. С нами, подростками, учились семеро старших парней, уже прошедших армию. Они создали «летучую бригаду» шабашников, и мы брались по вечерам или в выходные за любую работу на станции или на стройке. Это было хорошим материальным подспорьем.

После окончания техникума пошел работать на завод, где проходил преддипломную практику и защищал свою реальную дипломную работу — «Модернизация штамповочного полуавтомата». Мне нравился этот новый, только что построенный завод. Огромная территория, новые цеха с уникальным оборудованием, заводской клуб-дворец, фабрика-кухня с тремя залами, спортивный зал. Продукция завода — электровакуумные приемно-усилительные радиолампы, последнее достижение радиотехнической отрасли страны — шла на космические и военные программы и частично — на «гражданку».

Приняли меня в 13-м штамповочном цехе хорошо. Наставником определили Василия Поимцева. Замначальника цеха Василий Петрович Шабалин и мастера смен Алексей Романов и Василий Макаров помогли за три месяца пройти курс молодого мастера. И уже к октябрьским праздникам начальник цеха В.Н. Власов назначил меня, двадцатилетнего, мастером смены, дав в подчинение 65 штамповщиц и троих настройщиков. И закрутилась, завертелась заводская жизнь. Работа в три смены, освоение большой номенклатуры продукции, обучение новых работниц, соревнование между сменами, борьба с браком. С качеством было очень строго: каждая партия проверялась контролером от военпреда. Лучшей школы вникнуть в жизнь, чем работа мастером смены, на первых порах и не придумаешь.

Самой трудная была ночная смена. Штамповщицы — молодые девушки или молодые мамы — к четырем утра от монотонной работы и шума сильно уставали и начинали клевать носом. Зарядка, подбадривание, общая разминка помогали, но нужен был глаз да глаз... А тут недоглядел. Молодая работница, с которой только накануне проводил дополнительный инструктаж по технике безопасности, не закрыла ограждение и попала пальцем под штамп — одной фаланги как не бывало. Это серьезное ЧП — производственная травма! Оказали медпомощь, отправили в заводскую поликлинику... А мастеру, то есть мне, — выговор по полной и денежный начет... Бди в будущем!

Пару месяцев потребовалось, пока внедрял вместе с комсоргом и профсоргом более эффективную схему организации рабочего дня, выдачи персональ-

кресников мы все заросли и кустарники расчистили, спланировали большую площадку, разбили временно палатки, подвели воду и электричество. И через месяц открыли сначала палаточный, а потом, оборудовав легкими щитовыми домиками, и полнопрофильный комсомольско-молодежный лагерь отдыха, который многие годы служил на благо заводского коллектива.

На главном, производственном, направлении в эти годы особое внимание было приковано к развитию бригад коммунистического труда. Это движение (а такие бригады надо было создать, убедить рабочих и ИТР войти в их состав, утвердить) подкреплялось более насыщенной политической, технической и экономической учебой, развитием наставничества, внедрением новых форм обмена опытом и контроля, поощрением взаимной выручки. Стало больше ударников коммунистического труда, лучшим рабочим присваивали звание «Отличник качества», почетное звание «Мастер — золотые руки» (к освоению смежных специальностей привлекали более опытных мастеров). «Комсомольский прожектор» следил за снижением непроизводительных затрат, за строгим соблюдением вакуумной дисциплины (всегда требовалась стерильная чистота в сборочных цехах). Вместе с профсоюзами развивали и внедряли различные формы соревнования.

Директор завода, партком всячески поддерживали инициативы комитета ВЛКСМ. Заводской коллектив практически на 80 % составляла молодежь, поэтому роль комитета комсомола была высока. Все крупные планерки у директора завода или в парткоме проводились с участием секретаря комитета ВЛКСМ. Начальники цехов серьезно воспринимали предложения и пожелания комсомольцев. Многие начальники участков и мастера смен были комсомольцами. Совет молодых специалистов при комитете ВЛКСМ наладил тесное сотрудничество с разными службами главного инженера, главного технолога, с производственным отделом, с БТИ (бюро технической информации). В его зале нередко выступали перед молодыми специалистами приезжавшие из министерства ведущие специалисты. Несомненно, важными импульсами нового были регулярные приезды на завод министра и замминистра отрасли. Особо запомнились приезд и беседы с министром культуры СССР Е.А. Фурцевой, с секретарем ЦК ВЛКСМ М.И. Журавлевой, посещения секретарей обкома и горкома партии и комсомола, зарубежных гостей. На заводе в то время стажировалась группа молодых специалистов из Китая. Мы и с ними работали.

Партия сказала: «Надо!..»

Вызвал меня секретарь Ленинского райкома партии А.Ф. Клыков и сказал: «Райком считает необходимым направить вас на работу вторым секретарем нашего райкома комсомола». Я попытался было убедить его, сказав, что на заводе и так дел невпроворот, еще бы год-другой поработать, но Клыков категорически отверг мои доводы: «Нет. Считайте это мнением и поручением райкома партии».

Через пару дней на очередном пленуме райкома комсомола меня и избрали. Ленинский район был молодым и перспективным. Его создали осенью 1945 года из нескольких пригородных поселений, а за 15 лет он стал крупнейшим в городе — и на учете состояли более 20 тысяч комсомольцев.

Напряженность моей работы возросла, хотя в зарплате я существенно потерял: вместо 130 рублей на заводе стал получать в райкоме 90. А семья, как и каждая, жила от зарплаты до зарплаты и нуждалась в каждом рубле. Трехлетний сынишка — в детском садике, там же воспитателем и его мама, моя жена, педагог по образованию. Спасибо заводу — получили комнату в коммунальной квартире, чему были несказанно рады, так как до этого более трех лет мыкались по съемным углам в поселке Поливановка.

В составе Ленинского райкома на комсомольской работе трудились энергичные и напористые секретари комитетов заводов Евгений Афанасьев, Галя Перова, Володя Калинин, Люся Винокурова, Антонина Кувыкина, Владимир Лещенко, Олег Безродный, Нора Торадей...

Через год наш первый секретарь райкома А. Курилов был выдвинут на работу в органы, а меня избрали на его место и членом бюро Саратовского горкома ВЛКСМ. Секретарями в горкоме работали хорошо известные мне товарищи — Г.В. Катушев, К.П. Муренин, Л.И. Лапшова.

Конечно, как и в каждой работе, было много больших и мелких неурядиц, ошибок, неприятностей. Но они не осели в памяти, а вот одно событие оставило след.

Захватили дом

В декабре 1961 года, в субботу поздно вечером, в нашу квартиру настойчиво постучали. Открываю — на пороге сержант милиции: «Вас вызывают в райком партии. Срочно. Машина у подъезда».

Через 15 минут вхожу в кабинет первого секретаря райкома партии. За столом несколько человек.

— Вот и комсомол прибыл. Подождем еще — сейчас подъедут и другие. У нас серьезное и необычное ЧП. Рабочие и специалисты завода «Техстекло» сегодня вечером совершили самозахват готового к сдаче многоквартирного дома в поселке завода. Обстановку выясняем. Милиция уже на месте. Вам надо, распределившись по подъездам и этажам (вот по этому списку), срочно выехать на место. Установить, кто какую квартиру занял, кто в ней находится. Обойти всех, собрать на площадках и доходчиво разъяснить незаконность этих действий, объяснить, чем это грозит по закону. А главное — уговорить людей приостановить самозахват и перевоз вещей. И по возможности убедить «добровольцев» под наши гарантии оставить самозахваченные квартиры. Действовать спокойно, без угроз, выясняя, как все произошло. И в 7 часов утра доложить результаты. В первую очередь выявить, есть ли среди них коммунисты и комсомольцы. С бузотерами не скандалить. Транспорт внизу. За дело!

Подъезжаем. Время полуночное. Зима. Темно, электричество еще не подключено. Только лунный свет помогает хоть что-то увидеть. Около дома рабочая суeta. Тащат в подъезды и квартиры домашний скарб, легкую мебель, утварь. На лестницах и в доме люди спокойно и деловито спуют вверх-вниз по ступенькам. Чиркают спичками или освещают путь огоньками свечек, керосиновыми лампами, фонариками. На лестничной площадке уже кто-то ведет переговоры.

— А что? — басит крепкий мужик. — Сколько же терпеть и ждать можно? Надеялись по-честному получить свои квартиры, в порядке очереди, ходили на субботники, помогали строителям скорее сдать дом... А тут объявили, что квартир-то на треть меньше нам выделено. Все остальные ушли в фонд города, района, строителям, за какие-то прежние долги. Вот и решились... Никто нас не выселит. Все по-честному — как был ранее вывешен список очередников. Вот мы и здесь. А с долгами и отдачами пусть власть сама разбирается. Деньги мы уже собрали, и наши «ходоки» уже в Москву поехали защиту искать.

Молодежи не видно. В основном отцы семейств, женщины, пожилые. В полутемноте мелькнуло знакомое лицо. Да это Саша Игумнов! Знал его как активиста еще на своем заводе. Я тут же к нему.

— Саш, как же так все получилось? И ты как в это вмешался? Где, в какой ты квартире?

Он показал рукой на сидящих на узлах плачущую жену и двоих детей и сказал, что понимает, что, конечно, нарушили правила, но как жить-то дальше, если по очереди не получается?!

— Пойдем покажу, где я сейчас живу. Посмотри, секретарь, — потянул меня за рукав Саша.

Мы вышли во двор и направились по протоптанной в неглубоком снегу тропке в поле. Какое-то приземистое укрытие. Замерзшие ступеньки вниз. Набрякшая дверь тяжело поддалась. В землянке — как в погребке... Обшитые черновым горбылем голые стены, топчаны для постелей, кухонный столик, ведро с водой и отходами, керогаз, в углу — старая женщина, мать Саши, в телогрейке, укутанная одеялом.

— Вот так я живу пятый год. А считают мастером и на хорошем счету держат. И квартиру должен был получить. А когда все рванули, и я за ними. А что делать? Обещали несколько раз. Тут я и в список на вселение попал, но побоюсь: захватят вне очереди, и мне не достанется. Вот и решил, как все. Понимаю, незаконно, а что поделаешь?!

Проговорили мы с ним, потом с его женой и матерью, которая оставалась в землянке. Я пообещал помочь, чем только смогу. Но объяснил: чтоб не накалять, надо выселиться. И секретарь райкома партии тоже обещал помочь. Смотрю, Саша заколебался, а мне жалко их всех стало. Сам я только недавно с семьей вселился в коммуналку, жили в одной комнате. Состояние было такое, что, будь у нас еще одна комната, взял бы хоть к себе на время.

В райкоме партии доложил про Игумнова. Сказал, что нашел только одного, с которым надо срочно работать и реально помочь.

Дело это с самозахватом жилого дома тут же дошло и до обкома партии, и до Москвы. Посланцы от заселенцев еще вечером выехали в Москву добиваться справедливости. Несколько раз все это разбирали на бюро райкома, и в исполкоме, и в обкоме партии. Расселение шло более полугода. Те, кто был первыми в списке на получение, остались, их не тронули. А каких-то нахально действующих нахрапом выселили силой, с кем-то подписали гарантийные обязательства. Сократили процент возврата и долга. Ряд районных и заводских начальников лишились своих мест. Вскоре сменился и первый секретарь райкома партии. Саше Игумнову дали комнату в коммуналке: он один из первых покинул этот дом. Вот такая была жилищная история...

Саратовский обком и горком комсомола

Летом 1963 года меня утвердили заведующим организационным отделом обкома комсомола. объездил все промышленные районы Саратова, основные города: Энгельс, Балашов, Вольск, Аткарск, Красноармейск, Пугачев... Побывал на всесоюзных семинарах. Набирался опыта и знаний. Окончив университет марксизма-ленинизма, я поступил на вечернее отделение в Саратовский политехнический институт.

Много внимания в то время уделяли ударным комсомольским стройкам. Саратовцы тогда внедряли идеи бездефектного изготовления продукции, саратовскую систему качества, движение наставничества, соревнование комсомольско-молодежных бригад на ударных комсомольских стройках, таких как сооружение 3,5-километрового моста через Волгу, химкомбинатов в Энгельсе и Балакове, соревнования бригад на крупных заводах, в совхозах и колхозах Заволжья.

25 декабря 1964 года меня избрали первым секретарем Саратовского горкома комсомола. Городская организация — шесть районных комитетов, более ста тысяч комсомольцев. И избрали членом бюро горкома партии, депутатом горсовета. Работы стало еще больше, задачи намного сложнее и интереснее. Вместе работали тогда секретарями горкома уже прошедшие школу райкомов Владимир Румянцев, Ия Салина, заведующими отделами — Валерий Гуськов, Роза Белоусова. Вместе с нами весь аппарат — 10 человек. Большая промышленность, стройки, сфера быта и торговли, транспорта, студенческий и театральный город. Острой была борьба с преступностью и нарушениями общественного порядка, с проникновением наркотиков, анаши. Постоянно пополняли подразделения милиции и народной дружины своими комсомольскими посланцами. Саратовская система борьбы за качество и участие комсомола в этой работе демонстрировались в Москве на ВДНХ. На память осталась медаль...

Память невольно высекает, высвечивает отдельные эпизоды, как в кино прокручивая на экране эти годы и имена, фамилии друзей и товарищей из нашей комсомольской команды Саратовского горкома и затем обкома комсомола: И.М. Герман, Ю.П. Кочетков, К.П. Муренин, Б.А. Ручкин, В.М. Поляков, В.П. Пичугин, К.Л. Андреев, А.П. Теплов, Г.В. Катушев, Ф.А. Григорьев, В.Н. Гусев, В.Ф. Гуськов, З.М. Ларионова, Т.В. Петрова, И.Ф. Салина (Елынычева), А.П. Силкин, В.М. Румянцев, А.А. Репкова, Г.А. Орлов, Г.А. Шепилов, Л.Я. Назаров и многие еще. Какие замечательные и прекрасные люди!

Москва, ЦК ВЛКСМ

А через два года, в марте 1966-го, был приглашен на работу в Москву, в аппарат ЦК ВЛКСМ. После всех собеседований состоялся разговор с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Сергеем Павловичем Павловым.

Эта беседа произвела на меня большое впечатление. Он заинтересованно выслушал мою информацию о положении в Саратове, о пуске моста через Волгу, спросил про семью — у меня уже было двое детей, про учебу в институте. Сказал, что работы будет много, частые командировки, но институт надо окончить успешно и далее учиться всю жизнь.

На заседании Секретариата ЦК ВЛКСМ меня утвердили ответоргом в Отдел комсомольских органов. Попал в сектор Украины и Молдавии. И сразу — после знакомства с документами и делами, вводного инструктажа — командировка в Донецкую область с целью изучения и подготовки к XX съезду ЛКСМ Украины. Затем в Черкасскую область, а потом — в город Киев и участие в этом съезде.

XX съезд ЛКСМ Украины прошел на большом подъеме. Торжественное шествие делегатов и молодежи по Крещатику врезалось в память на всю жизнь. Киев в последние дни апреля был бесподобно красив. Цвели каштаны. Молодежь настроена по-боевому — впереди было столько дел!

Как раз в эти дни я получил телеграмму от Саратовского горкома партии с поздравлением и сообщением, что за участие в строительстве моста через Волгу меня отметили первой государственной наградой — медалью «За трудовую доблесть». Потом будут и другие награды. Все они для меня важны, дороги и ценны. Но первая медаль особенно запомнилась...

Через два года, в 1968-м, уже в период работы Е.М. Тяжельникова первым секретарем ЦК ВЛКСМ, состоялось и мое повышение — утверждение заведующим сектором по работе с комсомольскими организациями областей Центральной Черноземной зоны и Северного Кавказа.

В этот же вечер я должен быть дежурить всю ночь в первой приемной ЦК ВЛКСМ. Евгений Михайлович Тяжельников, завершая рабочий день, задержался в приемной, еще раз спросил о моей последней работе на Украине, о семье. На прощание сказал с характерной для него улыбкой: «Смотрите, Виталий, на всю ночь комсомол страны под бдительным оком дежурного по ЦК... Всего доброго вам и сегодня, и вообще на работе в вашем секторе...»

Чтобы не быть в отрыве от работы на местах, при распределении зон я оставил себе Ставропольскую краевую, Дагестанскую и Чечено-Ингушскую республиканские организации. И так же как и все мои коллеги, по две-три недели в месяц работал в командировках. Не начальником, а вполне тягловой лошадию в упряжке с секретарями обкомов и крайкомов комсомола. У меня сложились настоящие товарищеские отношения со всеми первыми секретарями комсомола этих территорий. Но особо — с секретарями Ставропольского и Краснодарского крайкомов комсомола — Виктором Казначеевым и Виталием Сыроватко, Дагестанского — Абдулатипом Гаджиевым, Чечено-Ингушского — Сергеем Кирилловым. О том, насколько это были творческие и инициативные, ответственные и энергичные товарищи, говорит жизненный путь каждого из них уже после комсомола. Все они прошли потом большую партийную и советскую работу, были депутатами Советов не только своих территорий, но и Верховного Совета СССР, министрами и замами министров. Наши связи не рвались вплоть до их ухода. Уже нет с нами многих, но остались в истории комсомола и в нашей благодарной памяти их имена: В.И. Голованов, Г.П. Елисеев, В.А. Казначеев, В.П. Калашников, Л. Кондрашова, И.С. Корнеева, Е.С. Косолапова, Г.И. Ровкин, В.А. Сивченко, В.А. Трофимов, В.И. Подрез, Л.А. Фролов, Н.В. Янина...

Как я благодарен им за дружбу, поддержку и требовательное товарищеское отношение!..

Комсомольская работа — это прежде всего люди. Молодые, растущие, рвущиеся вперед, имеющие ясные цели и упорство. Именно таких мы замечали и

Эта очень памятная для меня фотография. Май 1977 г. Смена первых секретарей. Уходит Е.М. Тяжелников на работу в аппарат ЦК КПСС. Первым секретарем ЦК ВЛКСМ избран Б.Н. Пастухов. Такие все близкие мне люди, товарищи и друзья. Очень жаль, что 14 из них уже нет с нами

старались из каждой командировки привозить о них свое мнение в ЦК ВЛКСМ. Из таких формировались комсомольские вожаки и впередиидущие. Мне повезло: я работал в комсомоле в период его взлета — в 1960—1970-х годах.

Крепко врезалось в память 50-летие комсомола. 1968 год. За полгода до юбилея было принято развернутое постановление ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ». Состоялась встреча секретарей и членов бюро ЦК ВЛКСМ с первым секретарем ЦК КПСС. В октябре прошло по всей стране Всесоюзное комсомольское собрание. Его итоги подводились и в прямом эфире по Центральному телевидению. Мне, руководителю оперативного штаба по проведению этого собрания, выпала честь быть ведущим на этой телепередаче. По очереди выходили на прямую связь телецентры Сибири, Центра, Запада, Востока и Юга страны. Вкраплялись кадры с комсомольских собраний московского автозавода имени Ленинского комсомола, из Большого театра, из зерносовхоза на Кубани, из МГУ, из армии.

В Москве, в районе Ходынки, собрались почти пять тысяч представителей — лучших посланцев комсомолии всей страны. На бывшем летном поле Центрального аэродрома был развернут и по-армейски четко организован первый палаточный многотысячный лагерь. Помню шествие этой массы делегатов от стадиона на улице Куусинена (район Аэропорт) и до Красной площади. Там и состоялась красочная демонстрация молодежи Москвы, массовые выступления спортсменов, а вечером — торжественное заседание в Кремлевском дворце съездов. Все это было волнительно, торжественно, незабываемо и до сих пор стоит перед глазами, хотя и прошло почти полвека.

Школа интернационализма — Узбекистан

С января 1970 по март 1974 года я работал вторым секретарем ЦК ЛКСМ Узбекистана. Это особо трудный, но очень интересный и счастливый период моей жизни. Работал с первыми секретарями ЦК ЛКСМ Узбекистана

Р.Х. Абдуллаевой, с Э.Г. Гафуржановым. Остались самые добрые отношения со многими моими товарищами тех лет — Ало Ходжаевым, Рустамом Алимовым, Рихси Алимовым, Лилией Алиевой, Юрием Шароновым, Фаридой Мамаджановой. Уже нет с нами таких ярких, но рано ушедших — Дильбар Абдуразаковой, Юрия Мелентьева, Анатолия Володарского. Там меня избрали кандидатом в члены ЦК Компартии Узбекистана, депутатом Верховного совета, членом Комитета народного контроля, членом Президиума профсоюзов республики. За четыре с лишним года неоднократно побывал во всех 11 областных комсомольских организациях, в десятках городов и районов, во многих хозяйствах и на предприятиях, на ударных комсомольских стройках. За организацию комсомольского шефства над выпуском новой продукции (самолета «Антей») и за руководство штабом ударных комсомольских строек был отмечен орденом Трудового Красного Знамени, тремя Почетными грамотами ЦК КП и Верховного совета республики. А главное — прошел уникальную и незабываемую школу работы в многонациональной республике. Наблюдал и учился.

После возвращения в Москву и состоявшегося в мае 1974 года XVII съезда ВЛКСМ я был избран председателем Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ и проработал в этой должности четыре с половиной года. Одновременно работал секретарем парткома аппарата ЦК ВЛКСМ. И здесь судьба свела с прекрасными партийными товарищами и коллегами — А.В. Федуловой, Е.А. Барановым, Н.Ф. Семеновым, Г.И. Павлюковым, И.И. Зарубиным, В.М. Ситцевым, Е.И. Пушкиным, со всеми работниками отделов ЦК ВЛКСМ, КМО СССР, БММТ «Спутник», лагерей молодежи, редакторами молодежных изданий, хозяйственных подразделений. О работе Центральной ревизионной комиссии докладывал на XVIII съезде ВЛКСМ. По партийной линии был избран членом Бауманского райкома партии, где первым секретарем работал Сергей Александрович Купреев, ранее первый секретарь МГК ВЛКСМ города Москвы.

Учеба в АОН при ЦК КПСС и работа в ВКШ при ЦК ВЛКСМ

В сентябре 1978 года я был направлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, в аспирантуру. Учиться в зрелом возрасте — мне было уже сорок лет, слушать лекции известных в стране профессоров, много читать и работать, переосмысливать, открывать новое — это было замечательное время. Думал, что окончательно завершил свою работу в комсомоле.

Но... Еще не закончил учебу в Академии, дописывал свою диссертацию по проблемам привлечения трудящихся к управлению производством, как неожиданно пригласил на беседу первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич Пастухов. С ним много лет проработал в ЦК, и он не раз помогал мне и в жизни, и по работе. Он был на съезде комсомола Узбекистана, где меня избирали вторым секретарем ЦК. С ним и с космонавтом Владиславом Волковым летали в Самарканд, Бухару, Навои. Вместе с ним проводили советско-венгерский фестиваль в Ленинграде. На учениях на курсах «Выстрел» вместе в одном окопе пропустили над собой махину танка. Да много чего было...

Борис Николаевич без долгого вступления предложил срочно перейти проректором по работе с иностранными слушателями в ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Как он говорил, требовалось укрепить этот участок и в полной мере применить все, что было лично накоплено за долгие годы работы в комсомоле. Ему я отказать не мог. И вновь как бы возвратился в комсомол и более пяти лет трудился на этом весьма непростом посту, защитил диссертацию. И одновременно нарабатывал преподавательский опыт на кафедре истории КПСС. В школе у меня сложились хорошие отношения с ректором В.Н. Трущенко, с проректорами А.В. Мялкиным, А.П. Зиновьевым — моим земляком, Н.К. Родзейко, секретарями парткома В.Е. Томашкевичем, И.М. Ильинским, с заведующими кафедрами и преподавателями, с большой группой переводчиков. Хотя на первых порах было довольно трудно, особенно когда пришлось совершенствовать программы учебы, наводить более четкий порядок в учебном процессе, повышать требования к связке преподаватель — переводчик, в повышении насыщенности выездных практик слушателей в Ленинграде, Киеве или на предприятиях Москвы.

Незабываемыми событиями этих лет остались ввод нового, по последнему слову техники оснащенного учебного корпуса, 40-летие ЦКШ — ВКШ, международные встречи с руководителями зарубежных молодежных школ в Москве и Болгарии, работа с посольствами многих стран Европы, откуда прибывали слушатели.

Ярким событием стал XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Он проходил в Москве в конце июля — начале августа 1985 года. Мне и профессору В.П. Мошняге было поручено организовать подготовку и проведение на базе ВКШ двух дискуссионных клубов. Мне достался Центр прав женской молодежи. Готовились очень тщательно. В его работе приняли участие представители многих стран. Ректор ВКШ Н.В. Трущенко, проректор Н.К. Родзейко вместе с нами дневали и ночевали. В дискуссиях участвовали всемирно известные деятели женского движения — Фрида Браун, Анжела Дэвис, Валентина Терешкова. Фестиваль и работа всех дискуссионных центров прошли очень успешно. Группа наиболее активных организаторов фестиваля была награждена орденами и медалями. Открытие и закрытие фестиваля на Большой спортивной арене в Лужниках были потрясающими, красочными, волнительными, наполненными энергией молодежи со всех континентов. Это было незабываемо!

В середине 1986 года Международный отдел ЦК КПСС рекомендовал меня на работу в МИД, и я уехал на пять лет советником нашего посольства в Никарагуа. И здесь, в этой революционной стране, мне всегда помогали мои комсомольские университеты, опыт и навыки работы с людьми. Но это уже другая история...

Прошли годы. Кровоточащей раной остались в прошлом разрушение великой страны СССР, самороспуск комсомола в сентябре 1991 года, дележ комсомольской собственности, лихие 1990-е. Новые младореформаторы и демократы стремились извратить историю страны, роль партии и комсомола, весь период строительства социализма и 73-летний путь комсомола вычеркнуть из учебников и вытравить из сознания поколений. Не получилось. И не получится. Стремление людей к устройству более справедливого и гуманного общества неискоренимо. Каким оно будет — покажет будущее.

На встрече ветеранов комсомола В.Б. Арсентьев, Б.Н. Пастухов и Е.Н. Махов

Моя личная судьба, как и миллионов других, круто изменилась. Но комсомольская дружба и связи не разрушились. И я еще на 20 лет остался в рядах комсомола. Теперь уже ветеранов. Постоянно сотрудничаю с Оргкомитетом по подготовке ежегодных встреч комсомольских воспитанников.

В 2015 году при активном участии первых секретарей ЦК ВЛКСМ разных лет Е.М. Тяжельникова, Б.Н. Пастухова, В.М. Мишина, а также лауреата премии Ленинского комсомола И.Д. Кобзона и других известных и заслуженных товарищей (З.Ф. Драгункиной, А.В. Жуганова, Л.Ф. Кольчева, В.В. Немчинова и других) активно включился в создание Общероссийской общественной организации воспитанников комсомола. Ее отделения или ассоциировавшиеся и сотрудничающие с ней организации ветеранов комсомола теперь есть практически во всех регионах страны. Какую-то лепту внес и наш сайт «Комсомол — моя судьба», который вместе с Л.Б. Мананниковой (из Алма-Аты) создали и ведем, редактирую его уже десятый год.

И хотя минуло 26 лет со времени самороспуска комсомола осенью 1991 года, комсомол не ушел в небытие. Его опыт работы с молодежью, его идеи патриотического воспитания и служения Отечеству не канули в вечность. Они продолжают жить и активно использоваться в работе с молодежью, в работе с ветеранами комсомола.

Значит, крепка еще комсомольская закалка. Значит, жив еще и дух комсомола.

Сергей Васильевич Артахов

Первый секретарь Удмуртского обкома ВЛКСМ

Управляющий делами ЦК ВЛКСМ

Председатель совета директоров ОАО «Корлстон»

Космонавт Серебров помогал отбить атаку

Родился в 1955 году. После окончания школы № 3 в городе Узловая Тульской области в 1972 году поступил в Рязанский государственный радиотехнический институт.

Был хорошим студентом, с повышенной стипендией, но далеким от общественной жизни, поскольку серьезно занимался спортом: был двукратным призером российского чемпионата среди школьников, членом сборной России среди школьников в беге на полтора километра, чемпионом российского «Спартака». И, естественно, времени хватало только на учебу и спорт. К тому же рано, в 20 лет, женился, родилась дочь (она мне уже троих внуков подарила), поэтому пришлось думать не только о себе, но и о семье, и, когда я распределялся, для меня главным было — предоставят ли жилье: квартиру или комнату.

При распределении я был в числе первых и имел возможность выбирать. Выбрал Ижевский радиозавод, потому что там обещали комнату для нас со Светланой Борисовной и дочуркой Ириной. И поехали мы. Комнату нам так и не дали, но предоставили комнату в частном секторе, и завод за нее платил. Я работал регулировщиком радиоаппаратуры — это высшая степень рабочей специальности, получал по 350 рублей в месяц. Цех у нас был огромный, почти тысяча человек... При оформлении на работу в разговоре с начальником цеха выяснилось, что он тоже был в свое время легкоатлетом, стайером. Видимо, почувствовав во мне родственную душу, через некоторое время вызвал к себе и предложил: «Хватит регулировщиком работать, давай иди в начальники». Я долго отбивался, но отбиться все-таки не удалось, потому что в те времена уговаривали просто — ломали через колено...

Поскольку то, что мы делали, эксплуатировалось при разных температурных режимах (от -50° до $+50^{\circ}$), то все оборудование тестировалось очень тщательно, при этом использовался чистый спирт, поэтому приходилось оберегать спирт от коллег по цеху. Проработал почти два года, занимаясь всеми видами спорта — и футболом, и баскетболом, и легкой атлетикой, и неожиданно меня избрали комсоргом завода (комсомольцев почти пять с половиной тысяч, самая большая организация в районе). Позже, опять «через колено», избрали вторым секретарем Индустриального райкома комсомола, но и в райкоме я долго не задержался, поскольку избрали вторым секретарем горкома комсомола города Ижевска, а в двадцать пять лет стал первым секретарем горкома комсомола (со стотысячным комсомольских населением) и проработал им четыре с половиной года. И опять неожиданно перевели ответоргом в отдел организационной работы ЦК ВЛКСМ, где я стал курировать комсомольскую организацию Армянской ССР. Естественно, приходилось при этом вникать в дела их соседей — помогать также комсомольским организациям Азербайджана и Грузии.

Конечно, так просто никого не назначали. В аппарате ЦК комсомола оказывались люди, прошедшие горнило выборов, начиная с цеховой организации, кончая заводской, районной, городской, областной, и везде люди, везде ты — как под лучами прожектора, везде тебя критиковали не формально, а на самом деле.

А потом я снова вернулся в Ижевск, и меня избрали уже первым секретарем обкома комсомола.

1986 год. Начинаясь разгул демократии, со свободными микрофонами на всех сборах, собраниях, конференциях.

Я помню, когда проводили областную конференцию, к нам приехал летчик-космонавт Саша Серебров и попал в самое горнило, когда комсомольцы горячо высказывали свою точку зрения о работе и желаемых преобразованиях... С тех пор мы стали с ним настоящими друзьями.

В 1987-м меня снова позвали в Москву, но уже в отдел рабочей молодежи. Позвал Иосиф Николаевич Орджоникидзе, который тогда был секретарем. И мне пришлось заниматься вещами, связанными с ударными комсомольскими стройками и молодежно-жилищными комплексами, в то время это было важно. Ну, ударные комсомольские стройки — это вообще была фишка Ленинского комсомола...

Там я тоже не очень долго проработал — годика полтора. Но за это время нам удалось «пробить» постановление Совета Министров Российской Федерации по МЖК (тогда правительство возглавлял В.И. Воротников). Квартир для молодежи не хватало, а с помощью этого постановления появилась возможность молодым людям получить квартиру быстрее. По всему Советскому Союзу нам не удалось этого сделать просто в силу нехватки времени, но по России удалось. Мы были вместе с Иосифом Николаевичем Орджоникидзе на том памятном заседании правительства, когда принималось это постановление. Готовили мы его почти полгода, тяжело оно давалось, потому что не вписывалось в существующую систему государственного управления. Удалось и потому, что заместителем у В.И. Воротникова был Олег Иванович Лобов из Свердловска, а инициатива по молодежно-жилищным комплексам начиналась там, и он еще на Урале, очень активно помогал уральским комсомольцам...

Вспоминается и еще одно событие — выборы начальника ударной комсомольской стройки БАМ, поскольку очень много комсомольцев по комсомольским путевкам были посланы на строительство Северо-Муйского тоннеля и вообще всей трассы. И мы в Тынде тогда дневали и ночевали, помогали организовывать быт, потому что люди в вагончиках жили.

Штаб решили избрать на новых условиях гласности и демократии. На местах были выдвинуты кандидаты, их приехало, если мне не изменяет память, человек восемь в Тынду, все они озвучивали свои программы в присутствии заместителей министров и начальников управлений всех министерств и ведомств Советского Союза, которые были связаны со строительством и освоением этой территории.

Естественно, что наша узкая комсомольская направленность так или иначе перекликалась со всеми проблемами региона, потому что дорогу построить-то построили, а надо обустраивать, надо создавать какие-то города, чтобы в них было все, что положено. В результате мы с Сергеем Бабкиным, моим кол-

легой по отделу рабочей молодежи, отправили в ЦК КПСС записку по поводу всех этих проблем. Позже нас критиковали за то, что мы слишком много правды рассказали.

В итоге выборов сначала избирали штаб, а затем планировали избрать и начальника штаба. Кстати, в ходе этих выборов были использованы новые для страны политтехнологии, когда каждого кандидата, что называется, раскладывали по полочкам. В конечном итоге избрали коллективный штаб и не ошиблись. Эти ребята очень много успели сделать до развала Советского Союза для развития территории, создания производственных и социальных условий.

В 1988 году меня утвердили первым заместителем управляющего делами ЦК ВЛКСМ, и я стал заниматься, что называется, комсомольским хозяйством. Комсомол имел большую собственность и много строил.

Вот и я, трудясь в управлении делами с 1988 по 1991 год, за строительство отвечал. Кроме жилищных дел, мы занимались постройкой и домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей, «Артеком» и «Орленком». Финансирование шло государственное, а как бы оператором этих денежных потоков выступал комсомол. Как сейчас помню, в «Артеке» были проблемы с оползнями, приходилось проводить серьезные мероприятия по укреплению берегов и прочим вещам. Это очень тяжелые, затратные не только в финансовом, но и в техническом плане работы. Делали все надежно, с использованием самых новых технологий. И мы успели сделать до августа 1991 года. Построили там хорошую транспортную часть, не говоря уже о плановых ремонтах...

С «Артеком» нам удалось, а вот в «Орленке», под Новороссийском, проблем было побольше. Мы строили там все для новой дружины, «Олимпийской», и, несмотря на все трудности, уже когда Россия стала суверенной страной, сумели достроить. До возвращения Крыма России это была одна из основных баз для отдыха детей Российской Федерации.

Нужно сказать, что всегда управление делами строило очень много, а при Владимире Михайловиче Ситцеве даже до Дальнего Востока добрались. При нем был построен и введен в эксплуатацию пионерский лагерь «Океан» в Приморье.

Но возвращаюсь к Крыму — там были у нас дома отдыха в Гурзуфе и Аю-Даге. Я практически их достраивал. Аю-Дагский дом отдыха в июле 1991 года, если мне не изменяет память, вводили в эксплуатацию. Там как раз меня ГКЧП и застал. Строили практически всем миром. Мебель, она у строителей столяркой называется, поставляли наши чехословацкие товарищи и лично Васил Могорита, бывший руководитель Союза социалистической молодежи, а потом и первый секретарь Компартии Чехословакии. Когда случился августовский путч, он как раз находился в Крыму, и глаза у него стали, мягко говоря, круглыми. Как сейчас помню его слова: «Вы не представляете, что произошло, — он их произносил практически в течение пяти минут, — и какие будут последствия!» Как в воду глядел...

После известного хлопкового дела в 1984—1989 годах (экономические и коррупционные злоупотребления) в Узбекистане были осуждены более четырех тысяч человек, Е.К. Лигачев, второй секретарь ЦК КПСС, произнес фразу о том, что в Узбекистане были подорваны устои советской власти. После этого

по всем линиям, в том числе и по нашей, в республику направили много партийных, советских и комсомольских работников, в том числе и из ЦК ВЛКСМ.

А когда после ГКЧП начался «парад суверенитетов», этих людей стали притеснять, обижать, угрожать, была реальная угроза их жизням.

Нужно было срочно вывозить их и их семьи и давать им жилье.

Хотя мы вместе с Павлом Григорьевичем Мелехиным, светлая ему память, занимались очень активно жилищным строительством, все-таки дать жилье почти двум тысячам человек было трудно.

Во все времена жилищная проблема в Москве была сложная, но тем не менее мы с ней справлялись. Без излишеств — это была принципиальная позиция нашего руководства, которая передавалась из поколения в поколение: то есть не строить никаких хором, а более-менее нормальные квартиры. Дома строили в основном в так называемой Комсомольской деревне, а вместе с Гостелерадио СССР создали там и инфраструктуру: построили магазин, музыкально-художественную школу, детские сады. Это была тогда политика Моссовета, и, естественно, мы в этой политике принимали активное участие своими средствами. В то время мы и сами строили, и участвовали в долевом строительстве. Вот мы по долевым затеяли строительство на улице Академика Королева для возвращавшихся из союзных республик наших коллег.

Но пришли другие времена, и новый Моссовет старался как можно больше отнять, поэтому в построенном доме комсомолу была оставлена только четверть квартир вместо половины.

Пришлось закладывать очередной дом на улице Молдагуловой, но это мы уже делали без всяких долевых участков, за счет договора подряда с Мосстройтрестом.

Когда построили — началась «вторая серия». Тогда пошла эпидемия самозахватов. Очень активен в этом был товарищ Станкевич, будучи тогда уже первым замом Гавриила Попова, мэра Москвы. Кстати, Станкевич долго терся возле Центрального комитета комсомола, будучи членом Совета молодых ученых и специалистов, и, получив власть, начал тихонько отбирать все, что, как говорится, плохо лежит. Уже не только квартиры, но и другую комсомольскую недвижимость. Правда, чуть позже он убежал из России и долго скрывался в Польше из-за скандала со взяткой, но отнять у нас успел много.

Построили дом, но ни одному из наших коллег Моссовет ордер не дал. На комиссии Моссовета я объяснял, для кого эти квартиры, что люди буквально бежали из Средней Азии, спасая жизни детей, но тогда никто не слушал, мы же все были «коммуняки поганые», а в комиссии были новоиспеченные «демократы», позже справедливо названные «демшизой».

Но все-таки благодаря помощи бывших комсомольцев и тому, что мы всегда строили с запасом, нам удалось дать квартиры всем нашим вернувшимся коллегам...

В Удмуртии и Ижевске выпускался не только автомат Калашникова — республика была заточена на военно-промышленный комплекс и справлялась со всеми теми задачами, которые страна перед нею ставила. Особый пиетет питал к ней сам Дмитрий Федорович Устинов, который в войну, когда эвакуировали из Тулы и из других мест заводы, жил у нас в Ижевске долгое время, у него даже комната была на заводе Ижмаш, в которой он ночевал...

Республика была трижды орденосной, хотя и не очень-то на слуху. Так уж случилось, что мы с Дмитрием Вильямовичем Главатских в свое время помогли отбить атаку «наших американских товарищей» по уничтожению «Тополя», который выпускался в Удмуртии.

Время было тяжелое, при Борисе Николаевиче Ельцине многое пускали под нож, в Воткинске даже была построена деревня для американских специалистов, которые пытались слишком активно верховодить этим процессом. Директор завода, который выпускал «Тополь», дважды Герой Социалистического Труда Г.В. Садовников, застрелился, бардака этого не вынес. Ну, естественно, американцы были заинтересованы в том, чтобы под нож пустить и этот вид вооружения. Александр Александрович Серебров тогда был помощником Ельцина по ракетно-космическим делам... А мы с ним дружили (после встречи на областной конференции с 1986 года), «чай гоняли», часто проводили вместе время. Человеком он был интересным, неординарным. В космос летал четыре раза, но всего однажды получил звание Героя, потому что всегда говорил правду в лицо своему руководству, а это не нравилось. Как-то зашли к нам в гости друзья, которые занимались «ракетными делами», и во время разговора за чаем случайно услышали фамилию Сереброва. Генерал-лейтенант, не буду называть фамилию, спросил нас: «А вы что, знакомы?» Мы ответили, что знакомы. Он тогда чуть ли не на колени встал и, несколькими штрихами обрисовав ситуацию с американцами в Воткинске, попросил познакомиться с Серебровым. Мы как бы случайно их познакомили, и они часа два проговорили. После этого американцы потихоньку уехали из Воткинска, а генерал получил инфаркт и звание Героя России за спасение «Тополя». А для нас с Дмитрием Вильямовичем это повод для тоста за хороших людей, которых, несмотря ни на что, у нас в России много.

Сурен Гургенович Арутюнян

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Армении

Первый секретарь ЦК КП Армении

Чрезвычайный и Полномочный Посланник первого класса СССР и Российской Федерации

Чрезвычайный и Полномочный Посол Армении

100-летию комсомола — достойную встречу!

Столетие Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи — выдающееся событие для миллионов воспитанников комсомола.

Школу комсомола прошли 200 миллионов юношей и девушек. Молодежь творчески и активно участвовала в созидании экономического, оборонного потенциала страны, покорении космоса, развитии энергетического и нефтегазового комплекса.

Меня воспитала и взрастила великая и уникальная страна — Советский Союз, страна, которой я был беззаветно предан и без остатка отдавал ей все свои силы и способности.

Я был очевидцем колоссальных событий моего времени: Победы в Великой Отечественной войне, восстановления народного хозяйства, освоения сибирских недр и целины, прорыва в космос, создания сверхдержавы и достижения стратегического паритета с США, расцвета национальной культуры и утверждения оптимизма и доверия в стране. В тот же период мы и не подозревали, что переживаем время, кем-то названное в последующем «застоем».

На плечи каждого поколения ложатся свои испытания. Мое поколение также пережило немало драматических событий, острых коллизий. И нужно было выдержать испытания судьбы, не сломаться, сохранить себя, не соблазниться сиюминутным и меркантильным.

Был я причастен к победам и разочарованиям, взлетам и падениям своего поколения, но оставался верен себе и своим убеждениям. И это придавало мне силы и уверенность на всем моем жизненном пути.

Жизнь не стоит на месте. Она проносится с бешеной скоростью. А как хочется вернуться в то далекое прошлое и все это вновь увидеть, встретиться с родными и близкими людьми. Но, увы, прошлого не вернуть, оно остается в памяти и сердце. И все же как-то очень печально оттого, что прошлое уходит безвозвратно.

Работал по специальности в Арташатском районе, но вскоре меня перевели на работу в ЦК комсомола Армении. Почти одновременно поступило предложение поработать в Арташатском районном комитете партии. Окончательное решение принималось во время беседы с заведующим отделом партийных органов ЦК КП Армении Альбертом Амаяковичем Степаняном. Именно он настоял на моем переходе в ЦК ЛКСМ Армении. До сих пор удивляюсь тому, что столь крупный руководитель нашел время принять меня, молодого парня, чтобы обстоятельно поговорить со мной, прежде чем дать согласие на назначение инструктором ЦК комсомола. Кто бы что ни говорил, а ведь уме-

ли в советское время готовить кадры, отбирать, растить, что я сполна почувствовал на себе. Причем со мной все это было без всякой протекции. Кроме матери, младших брата и сестры, в Ереване у меня никого не было. Спустя годы, когда я работал секретарем ЦК ВЛКСМ в Москве и мои сверстники говорили мне, что в Армении без знакомства невозможно сделать карьеру, я категорически не соглашался с их мнением. В качестве примера приходилось приводить себя.

Начав трудиться, в том числе в качестве специалиста Мхчянского госплемрассадника, я увидел реальную жизнь, расхождение теории с практикой, что было для меня своего рода встряской. Восторженность сменилась смешанным чувством. Поражали убогость деревенской жизни, бесхозяйственность и безответственность, с чем мне приходилось сталкиваться. Если социалистический метод хозяйствования считался

С.Г. Арутюнян

самым лучшим, почему же в колхозах урожайность винограда составляет 70—90 центнеров с гектара, а в частном подсобном хозяйстве собирают вдвое-втрое больше? Подобному парадоксу никак не мог найти объяснение. Точнее, не хотел разрушать сложившийся в своем сознании идеализированный мир. Я терзался в сомнениях, но мои убеждения оставались непоколебимыми. Более того, и теперь считаю: воспитание здорового (по всем параметрам) подрастающего поколения в нашей стране в целом имеет правильное направление.

Поэтому когда сегодня раздается разнузданная критика всего советского, в том числе системы воспитания молодежи, когда в СМИ злобно иронизируют по этому поводу, хочу задать вопрос: чему тогда обучали и что воспитывали? Нам прививали чувство патриотизма, любви к Родине, учили уважать труд, постоянно пополнять свои знания, быть честными, благородными и гуманными, крепить дружбу между народами Советского Союза, призывали бороться за мир, готовить себя к защите Отечества. Можно ли здесь найти какой-либо криминал? Поэтому очень благодарен школе, комсомолу, всей системе советского воспитания и образования за то, что меня воспитали таким, какой я есть.

Когда пишу эти строки, в голову приходит такая мысль. Велика заслуга тех людей, которые работали в советское время и внесли огромный вклад в процветание Советского Союза и Армении: они оставили в наследство крупные заводы, фабрики, научно-исследовательские институты, вузы, техникумы, дома культуры, построенные города и села. А самое главное — оставили нам в наследство мощный интеллектуальный потенциал. Весь вопрос в том, как мы сегодня используем этот потенциал. Очень важно его не растерять.

Все же поражает то, какой исторический скачок совершила наша страна и Армения за годы советской власти: были созданы своя государственность, мощная индустрия, наука, культура. Убежден, что годы советской власти в Армении — это годы ренессанса нашей нации. За всю свою многовековую историю подобного подъема национального самосознания, расцвета экономики и искусства армянский народ не испытывал.

Позади десятилетия, но из памяти не изгладились годы, пережитые в комсомоле, энтузиазм и самоотверженность, с которой мы отдавались работе. Читая эти строки, кто-то, вероятно, скептически улыбнется. Однако и я, и мои единомышленники в те годы считали себя счастливыми. Потому что жили с верой и убежденностью в правоте своего дела, во главу угла ставили интересы людей, заботу о человеке. Да, не все получалось так, как хотелось, сталкивались с негативными явлениями, но они, как говорится, не делали погоду.

Помню, как в ноябре 1977 года неожиданно в ЦК ВЛКСМ ко мне зашел Герой Советского Союза, генерал-полковник, начальник Политического управления ракетных войск стратегического назначения Петр Андреевич Горчаков и вручил мне свою только что изданную книгу воспоминаний «Время тревог и побед» с надписью: *«Арутюняну Сурену Гургеновичу. Трудолюбивому работнику партии. Скромному, чуткому, отзывчивому Человеку.»*

23.XI.1977 г.

С уважением, П. Горчаков».

Внутренний мир человека неисчерпаем. Этот мир обогащается через общение с людьми. Каждый человек ощущает на себе, какую богатейшую палитру мыслей и эмоций рождает человеческое общение.

За годы работы в ЦК ВЛКСМ я объездил всю страну, не раз бывал во всех союзных республиках, посетил большинство областей России. Часто выезжал за границу, но всегда считал: такого букета, такого разноцветья и многообразия красоты, как у нас в стране, нет нигде. Их каждой поездки выносил для себя что-то нужное и полезное, набирался опыта. Не могу забыть бескрайние степи Казахстана, целину, неповторимую красоту Украины, хлопковые поля Узбекистана, пустыню Каракум в Туркменистане, суровую прелесть Байкала, Братскую ГЭС и Усть-Илимск, Тюмень и Сургут, БАМ, Амур, Брест, Беловежскую Пущу в Белоруссии, Закарпатье, Прибалтику, Холмогоры, Ровно и Волынь, Северный Кавказ... Не говоря уже о Закавказье, Армении, моей малой Родине. Более интересного края, кажется, нет.

Запомнилась поездка на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку — Байкало-Амурскую магистраль (декабрь 1974 г.). Поездка на БАМ была довольно напряженной, так как приходилось постоянно выступать перед строителями, партийным и комсомольским активом, проходили изнурительные встречи с обсуждением хода строительства, а проблем было более чем достаточно.

Строительство Байкало-Амурской магистрали поражало своей грандиозностью и энтузиазмом комсомольцев и молодежи, приехавших со всех республик Советского Союза. Да, не все делалось так, как хотелось бы, в организации труда и быта. Однако комсомольцы проявляли примеры настоящего

*Секретари ЦК ВЛКСМ после получения правительственных наград.
Первый слева — С.Г. Арутюнян*

героизма. Ничего не приукрашиваю, не лакирую, вспоминаю о том, чему сам был очевидцем. Попробуйте бросьте сегодня клич выполнить свой патриотический долг! Сомневаюсь, что многие откликнутся. Популярное объяснение: «Времена не те». А я отвечу иначе: жизненный уклад не тот. Нынче все решают деньги. Поэтому дело не доходит до патриотизма. Повсеместно главенствует универсальный принцип: купи — продай — получи прибыль. В наших «рыночных отношениях» можно утопить все самое светлое и благородное. А ведь все то, что мы имеем, вернее, еще сохранили и чем гордимся, создавалось в значительной степени на энтузиазме масс, самоотверженным трудом комсомольцев и молодежи.

Нечего удивляться, что сегодня не хватает денег на зарплату, пенсии, жилищное строительство, науку, образование, медицину, армию, спорт. Ведь в советские времена хватало средств на развитие всех сторон жизни общества. При этом СССР оказывал экономическую, разнообразную научно-техническую помощь многим дружественным государствам. Отнюдь не идеализирую советское прошлое. Просто хочется реальных оценок как наших достижений, так и упущений.

Я благодарен судьбе, что вел в ЦК ВЛКСМ направление, позволявшее мне активно общаться с легендарными военачальниками — Г.К. Жуковым, А.М. Василевским, С.М. Буденным, И.С. Коневым, И.Х. Баграмяном, В.И. Чуйковым, А.Х. Бабаджаняном, А.И. Родимцевым, А.Л. Гетманом, К.П. Казаковым, И.И. Федюнинским, Н.М. Хлебниковым и другими. Товарищеские отношения связывали меня с трижды Героями Советского Союза А.И. Покрышкиным и

С.Г. Арутюнян с делегатами Всемирного фестиваля молодежи

И.Н. Кожедубом, летчиками-космонавтами, дважды Героями Советского Союза Г.Т. Береговым, П.И. Климуком, А.А. Леоновым, П.Р. Поповичем и другими.

Вспоминая свое детство и юность, я хорошо помню, что в те годы воспитывала вся атмосфера жизни. Ну и, конечно, школа.

Каждый из нас — дитя своего времени, и от этого клише никуда не уйти.

Нельзя обойти молчанием и то, как дезориентируется сегодня общественное мнение, как в сознание людей внедряются преимущественно негативные, трагические страницы из прошлого страны, а положительное, все, чего достиг Советский Союз за более чем семидесятилетнюю историю, замалчивается или шельмуется. Не вступая в долгую дискуссию, приведу лишь слова замечательного советского поэта Николая Тихонова:

*Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.*

Юрий Григорьевич Бойко

Первый заместитель заведующего отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ

Начальник управления Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок»

Наша дружба не знает границ

Вечером мне позвонил мой старый товарищ по комсомолу, главный редактор журнала «Смена» Михаил Кизилев и сообщил, что Международный оргкомитет «Комсомолу — 100» поддержал идею о выпуске книги мемуаров наших товарищей, для которых комсомол в той или иной степени — судьба. Михаил предложил написать несколько страничек самых ярких и интересных воспоминаний из моей комсомольской биографии.

После его звонка ночь не спал — думал. Ведь комсомол — это вся наша жизнь!

Сумасшедший разброс мыслей, эмоций, воспоминаний. Кажется, обо всем хочется сказать, многое и многих вспомнить. Какое воспоминание будет главным? О чем моим комсомольским товарищам будет интересно вспомнить вместе со мной? Как не превратить воспоминание в самопиар? Короче, эти и многие другие подобные вопросы очень долго не имели у меня ответов. Прошло какое-то время, и мысли начали раскладываться по полочкам, стало что-то проясняться. Получается, что надо «пройтись» по своей жизни еще раз. Время показало, что главное — это все же люди, за которыми стоят большие дела, доверенные нам комсомолом. И вспомнить нужно имена этих людей.

Моя биография реально была классической комсомольской. Так случилось, что мне комсомол доверил пройти все: секретарь первичной комсомольской организации (неосвобожденный, а затем освобожденный, как тогда говорили), учеба в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, заведующий студенческим отделом Приморского крайкома комсомола, первый секретарь Первореченского райкома комсомола Владивостока, секретарь Приморского крайкома ВЛКСМ, инструктор, ответорг, заместитель заведующего отделом, первый заместитель заведующего отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ.

На это ушло 18 лет. С сожалением думал, что на этом моя комсомольская биография заканчивается, но оказалось, что я не прав. Виктор Максимович Мишин — тогда первый секретарь ЦК ВЛКСМ — пригласил меня к себе и сказал: «Рано тебе еще идти на покой. Рекомендуем тебя на очень важную работу — поедешь в Краснодарский край и будешь в должности начальника управления Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок» заниматься организацией отдыха детей России».

Решение Бюро ЦК ВЛКСМ поддержал и Совет Министров России. Поехал выполнять очередное поручение комсомола. После «Орленка» работал управляющим делами Советского детского фонда имени В.И. Ленина, впервые созданной такой организации у нас в стране, главной задачей которого было привлечение внимания общества к обездоленным детям. Оказалось также, что не

весь мой потенциал был исчерпан, и поэтому еще в течение шести-семи лет работал генеральным директором в легендарной организации — Доме отдыха «Елочка». Очень многие поколения комсомольских работников помнят это замечательное место, куда съезжались на семинары, учебу да и просто отдохнуть, познакомиться и найти новых друзей.

Короче, на комсомольской работе мне посчастливилось трудиться почти в два раза дольше предусмотренного Уставом ВЛКСМ срока пребывания в комсомоле. Я уверен, что мне в жизни просто повезло!

Перечисление должностей и мест работы заняло много места. А представьте, что за каждым наименованием должности стоят большие дела, в которых комсомол доверил мне участвовать. В каждом проводимом нами мероприятии принимало участие огромное море людей, и не только мужественных и известных нашей страны, но и просто рядовых комсомольцев, которым были небезразличны судьба страны, судьба организации.

Что из всего этого классического набора выбрать для воспоминаний, что будет интересно людям? Трудно решить. Однако о некоторых, на мой взгляд, наиболее ярких впечатлениях я попробую написать. И пусть не обижаются на меня мои коллеги по работе в Дальневосточном пароходстве, мореходной школе, в райкоме комсомола и некоторых других организациях. О многих помню, многими делами горжусь, никого и ничего пытаюсь не забыть.

В этой статье я нарушу хронологию событий — с учетом видимых, на мой взгляд, приоритетов. Во-первых, конечно же, это работа в «Орленке».

Это были 1985—1987 годы. Одно перечисление всесоюзных и всероссийских мероприятий займет очень много места, поэтому не стану их называть. Но сколько было именитых гостей! Это летчики-космонавты А.Н. Березовой, В.Д. Зудов, С.В. Кричевский, известные спортсмены А. Дитятин, В. Старшинов, И. Роднина, Г. Карпоносов, Н. Линичук, А. Миненков, артисты, композиторы, режиссеры — В. Толкунова, А. Вознесенский, В. Котеночкин, В. Татаринев. Помню приезд в лагерь двух великих людей — композитора А.Н. Пахмутовой и поэта Н.Н. Добронравова. «Орлята» были так рады этим встречам, что не давали гостям проходу, буквально «висели» на них, как гроздь винограда. То же самое было и с композитором В. Шаинским, и со многими другими известными в стране людьми.

«Орленок» собрал большой трудовой коллектив единомышленников, самоотверженных людей, горячо преданных детям, беззаветно служивших идее воспитания нового поколения. Нам многое удалось сделать, вывести из разрухи значительное количество объектов лагеря, вдохнуть новую жизнь в инфраструктуру, восстановить из «бросового» объекта лагерь «Олимпийский», построить новое жилье сотрудникам.

Особое место в моей комсомольской биографии заняло участие в работе комсомола по шефству над комсомольскими организациями воинов-интернационалистов в Афганистане. В стране этой благородной и почетной миссией занимались все без исключения комсомольские организации. В ЦК ВЛКСМ координацию работы комсомольских организаций страны было поручено вести под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Д.А. Охромия отделу спортивной и оборонно-массовой работы, в частности, персонально

мне, первому заместителю заведующего отделом, а также ответоргу Валерию Головневу. Особо хочу сказать еще об одном добровольном члене нашей группы — Наталье Васильевне Яниной. Работая в отделе комсомольских организаций ЦК, она тем не менее помогала нам, точнее сказать, заводилой у нас была именно Наталья Васильевна. Она трогательно заботилась об афганцах, любила каждого из них, болела душой, как за своих детей. Особую заботу проявляла о раненых воинах. Такое отношение к ним не было спонтанным — Наталья Васильевна в годы Великой Отечественной войны воевала на передовых рубежах, часто летала в тыл врага в качестве радиста, многое видела и многое знала о войне. Награждена орденом Ленина. Рассказывать о том периоде жизни не любила. Однако считала своим личным врагом каждого, кто не понимал важности участия в помощи нашим воинам-афганцам.

Ю.Г. Бойко — первый заместитель заведующего Отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ. 1984 г.

Валерий Головнев прошел часть своей воинской службы в рядах ЦК ВЛКСМ, грамотно осуществлял координацию работы комсомольских организаций Военно-морского флота страны и сухопутных войск. Тогда это называлось шефством комсомола над комсомолом армии, авиации и флота. Знал эту работу профессионально, не понаслышке. Окончил военно-морское училище, служил в разных частях флота. Офицер, капитан 1-го ранга. После ЦК ВЛКСМ работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи продолжил в ЦК ДОСААФ СССР. Сегодня активно работает на общественных началах во Всероссийском совете ветеранов. Беспокойный, неравнодушный, честный и грамотный офицер, порядочный человек.

Такие же беспокойные люди от всех комсомольских организаций страны окружали нашу группу. Телефоны в отделе разрывались от звонков. Мы не видели ни одного равнодушного лица. Инициатива у всех буквально кипела. По всей стране собирались посылки, тоннами исчислялась «продовольственная» помощь. Ягоды, мед, конфеты, даже арбузы присылали к нам с просьбой отправить все эти гостинцы ребятам-воинам, и особенно в госпитали, где находились раненые бойцы. А сколько тонн книг мы отправили в воинские части, не счесть.

Вообще в нашем отделе спортивной и оборонно-массовой работы, созданном в 1918 году в качестве одного из первых подразделений главного штаба Ленинского комсомола, трудились люди, беззаветно преданные делу военно-патриотического воспитания подрастающего поколения. Нельзя о них не вспомнить. Мне выпала честь работать вместе с Валентином Колодиным, Александром Фирсовым, Юрием Поповым, Владимиром Левченко,

Валерием Головневым, Анатолием Ануфриевым, Евгением Фроловым и многими другими.

Еще одного человека, работавшего в ЦК ВЛКСМ, не могу не вспомнить добрым словом. Это был Евгений Иванович Пушкин — главный финансовый Бог комсомола. Мы привыкли к тому, что деньги приходится выпрашивать у финансистов, дотошно «пытающих» нас: зачем да почему, а еще главный вопрос — зачем столько? У меня с Евгением Ивановичем на эту тему однажды была встреча, которая стала для меня уроком на всю жизнь. А было это так.

ЦК ВЛКСМ деньгами не разбрасывался, и по каждому случаю нужно было принимать письменное решение либо Бюро, либо Секретариата ЦК. Нашей координационной группой мы решили просить деньги для оплаты проезда родственникам ребят-афганцев, находящихся в тяжелом состоянии в госпиталях. У многих родители проживали на Камчатке, Сахалине, в Якутии, в других глубинных уголках страны и чаще всего не имели средств для проезда и встречи со своими детьми, поэтому мы просили деньги на каждую конкретную поездку каждого конкретного родителя и обычно получали их. Но времени на то, чтобы убедить значительную группу специалистов финансового подразделения ЦК, уходило много. Иногда можно было даже и не успеть.

Так вот, будучи морально «подготовленным» к борьбе с финансистом за «вышибание» денег, я зашел в кабинет к Евгению Ивановичу и с порога «ринулся в бой». Тот жестом остановил мой поток возмущения и произнес: «Не стой в дверях, проходи, присаживайся, и давай поговорим». Эта беседа заняла минут сорок. В разговоре ни одного слова не было сказано о проблеме, с которой я «влетел» к нему в кабинет. Речь шла о моей прошлой работе в Дальневосточном пароходстве, учебе, работе в райкоме, крайкоме и ЦК комсомола. Не забыл он расспросить о моих родителях, друзьях. Короче, это был «светский», товарищеский разговор. Я нервничал, ожидая, когда же он заговорит о проблеме, с которой я пришел. Наконец он спросил: «Сколько денег тебе надо, чтобы оплатить проезд в ташкентские госпитали родителей ребят, проживающих на Дальнем Востоке и других отдаленных территориях?» Я назвал сумму. Евгений Иванович попросил зайти к нему завтра утром, в 8.00.

Без пяти минут восемь я уже был у двери кабинета.

«Заходи! — сказал Евгений Иванович и тут же протянул мне документ: — Иди и зарегистрируй. Можешь обрадовать своих — вопрос решен положительно». Я поблагодарил его и ушел. Каково же было мое удивление, когда я прочитал уже готовое (!) решение Бюро ЦК о выделении денег, но не одноразово, как это было раньше, а ежемесячно, причем в размере, существенным образом превышающем оговоренный мною. Мы не сэкономили эти средства, а в полном объеме израсходовали их на приглашение родителей в госпитали к их детям. Помнить об этом уроке буду всегда.

Вообще комсомол и судьба подарили мне радость встреч, знакомств с великими людьми. Неизгладимые воспоминания о совместной военно-патриотической работе оставили Юрий Левитан (да-да, это именно тот Левитан, голоса которого боялись многие наши враги), летчики-космонавты СССР Климук, Береговой, Леонов, Гречко, Серебров (бывший пионервожатый «Орленка»), а также Анна Ивановна Щетинина — первая в мире женщина — капитан дальнего плавания (она преподавала судовождение у нас в мореходке),

артисты Е.П. Леонов, И.Д. Кобзон, Г.В. Мовсесян, Е. Мартынов, Л. Сенчина, В. Винокур и многие, многие другие, всех не перечесать. Это были настоящие друзья нашего отдела. Не помню случая, чтобы эти великие люди отказали нам в наших многочисленных просьбах о встречах с молодежью, воинами всех видов и родов войск. Ехали, встречались, выступали, разговаривали в непринужденной обстановке. Никогда не требовали от нас никакой платы за свой труд.

Особое место в огромной армии всех, с кем мне пришлось встретиться по делам комсомола, занимают комсомольские работники Вооруженных сил. Среди них В. Сидорик, Е. Махов, Н. Кошелев, И. Ефимов, А. Коряковский, В. Кожемякин, А. Каньшин и многие другие.

Расскажу хотя бы об одном из них — об Александре Каньшине и его команде. Мало кто знает, что армейские комсомольские работники после ухода в запас не оставили благородную деятельность, а продолжили эту работу на «гражданке». Они отдали в залог свои квартиры, взяли кредиты и создали Ассоциацию офицеров запаса Вооруженных сил «Мегапир». Привлекли к ее работе бывших военных и гражданских министров, маршалов, генералов и адмиралов, равнодушных офицеров запаса. Построили объекты, которые приносили прибыль, а основную часть вырученных денег направляли бывшим военнослужащим, нуждающимся в помощи, на стипендии детям военнослужащих, погибших при исполнении воинского долга. Всех направлений благотворительности не перечесать. Сегодня «Мегапир» — востребованная в обществе организация, вышедшая уже на международный уровень.

И еще об одном человеке хочу рассказать. Мы познакомились на выездном семинаре комсомольского актива Фрунзенского района города Владивостока. Это была секретарь комсомольской организации краевой санэпидстанции, член райкома комсомола Лида Федосова. Подружились уже после семинара. Вскоре поженились. Недавно друзья поздравляли нас с золотой свадьбой. Все эти годы мы были вместе. И везде, куда бы ни направлял меня на работу комсомол, будь то Владивосток, Краснодар или Москва, моя жена была моим активным помощником, верным соратником и другом, жила жизнью и интересами комсомола. Много времени и сил отдавала детям, работая учителем общеобразовательной школы в «Орленке», преподавала биологию и химию, вела кружки, ходила с детьми в морские походы. Коллектив учителей избрал ее своим профоргом.

Вообще у комсомольской дружбы нет границ. В 1964 году я начал организовывать оперативный комсомольский отряд по борьбе с преступностью во Фрунзенском районе города Владивостока. Получил очень хорошую профессиональную поддержку от руководства и сотрудников районного отдела милиции, а затем и райкома комсомола. Нам доверяли. Мы старались работать творчески и изобретательно. Учились практике работы у опытных оперативников. Через год о нас рассказывали в местных газетах, ребята (и я в том числе) получили по десятку почетных грамот и других наград от руководства краевого Управления внутренних дел за раскрытие преступлений и за задержание опасных преступников. После двух лет активной работы в краевом соревновании оперативных отрядов мы обошли многих, включая оперативный отряд, созданный при УВД, и заняли первое место. Не могу при этом не вспомнить и секретаря комсомольской организации строительного

Выпускники 1974 г. ВКШ при ЦК ВЛКСМ

техникума Валю Авсеенко, которая активно помогала мне в создании отряда и отборе в него лучших комсомольцев, в том числе и из своего техникума. Наша дружба и совместная работа на этом не закончилась. Сегодня вместе с Валентиной Осиповной мы активно занимаемся общественной работой в составе организационно-методической комиссии Всероссийского совета ветеранов.

Конечно, не хватит объема целой книги, чтобы написать о людях, о славных и благородных делах комсомола. Уверен, многие напишут о своей комсомольской юности и друзьях, со многими из которых не расстанемся по сей день. И нет такого уголка у нас в стране и в бывших наших республиках, где бы не было наших соратников. К сожалению, в последнее время я перестал заходить в «Одноклассники». Слишком часто стали там писать, что ушел из жизни один, другой, третий. Читать — а если быть точным, знать об этом — я не хочу. Они все для меня живые, они есть и всегда будут таковыми. Они все у меня в левой стороне груди — под комсомольским значком.

Дмитрий Петрович Брагиш

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии

Секретарь ЦК ВЛКСМ

Премьер-министр Республики Молдова

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Молдова

Народный депутат СССР и депутат парламента Республики Молдова

Опыт, которым нужно гордиться

С комсомолом, можно сказать, я связан с детства, потому что, вступив в его ряды одним из первых в классе, через некоторое время был избран комсоргом класса. И потом всю свою сознательную жизнь, до самого развала Советского Союза, отработал в комсомольских органах, пройдя путь от секретаря комсомольской организации класса до секретаря ЦК ВЛКСМ. На мой взгляд, очень интересная школа, важная школа, и, самое главное, во многом то, что я делал после этого, получалось исключительно благодаря тому опыту, тем знаниям, которые получил в комсомоле.

Конечно, как и все, я обязан во многом своим родителям и должен их за все поблагодарить. Когда я пошел в первый класс, мой отец оканчивал пятый курс очного отделения политехнического института. Мама всю жизнь трудилась в колхозе, причем рядовой работницей. Но родители посчитали, что их дети — а нас было четверо — должны учиться в Кишиневе, должны получить по возможности самые глубокие знания. В результате я окончил кишиневскую школу № 1 имени Григория Ивановича Котовского — по тем временам лучшую школу города с углубленным изучением французского языка. А брат и две сестры окончили школу, где «углубленным» был английский, так как отец понял, что французский уже теряет свои лидирующие позиции.

Надо сказать, что у нас были и учителя, которые окончили Сорбонну. Что такое быть выпускником Сорбонны, какой там уровень знаний, известно всем. Поэтому школа наша действительно была, как принято сегодня говорить, элитная и заложила в нас много нужных и разносторонних знаний. На всяких международных форумах мы отличались более глубоким пониманием обсуждаемых проблем именно благодаря тому, что получили серьезное базовое образование. А еще учеба в школе дала мне возможность стать самостоятельным, так как я с семи лет жил в зимнее время без родителей в Кишиневе.

А свою комсомольскую деятельность я могу разбить на несколько этапов. В первую очередь это, конечно, школа и политехнический институт, потому что в институте я тоже через некоторое время стал секретарем комитета комсомола факультета, а затем и заместителем секретаря комитета комсомола института. Тут не могу не вспомнить людей, которые в той или иной степени способствовали моему становлению. Я благодарен Людмиле Ивановне Патрон, тогдашнему секретарю партбюро школы, Аршо Сумбатовичу Парсаданяну, декану энергетического факультета политехнического института, и

целому ряду других людей, которые учили, объясняли, показывали, как надо делать, что делать и куда двигаться.

Конечно, студенческие годы были особенно интересными. В то время благодаря студенческим строительным отрядам, различного рода фестивалям, которые организовывались вузами, обмену студентами и участию во многих мероприятиях, организованных комсомолом, мне удалось увидеть значительную часть Советского Союза. В составе студенческих отрядов побывал на Алтае, на БАМе, в Москве, Казани и целом ряде других городов. С особой гордостью вспоминаю участие во Втором съезде студентов социалистических стран, проходившем в Праге в 1977 году.

Хочется вспомнить два интересных момента студенческой жизни. Во-первых, фестиваль политехников-лазовцев (как мы тогда назывались). Это был крупный культурно-массовый фестиваль с участием одиннадцати различных вузов Советского Союза, который проводился в Кишиневе на базе Кишиневского политехнического института. Когда во дворце проходил итоговый концерт, в зале, рассчитанном на две тысячи мест, яблоку негде было упасть.

И второе — работа на Алонке. Алонка — это станция, которую строили молдаване из МолдавстройБАМа. По предложению одного из студенческих отрядов мы, политехники-лазовцы, решили собрать деньги и соорудить памятник нашему земляку Сергею Лазо, погибшему на Дальнем Востоке, в Забайкальской зоне. Этот памятник стоит до сих пор и является еще одним свидетельством славных дел комсомола.

После окончания политехнического института с красным дипломом пошел работать на тракторный завод, но через три месяца меня «вернули» и избрали секретарем комитета комсомола родного института. А потом началась моя работа в Октябрьском райкоме комсомола вторым и чуть позже первым секретарем, а затем вторым, первым секретарем Кишиневского горкома комсомола.

Это были годы моего становления как комсомольского вожака, и опять не могу не вспомнить людей, которые меня окружали и оказывали серьезную помощь, — Ивана Тимофеевича Гуцу, Владимира Васильевича Бабия, Илью Ивановича Буженицу — первых секретарей ЦК комсомола Молдавии, Валерия Александровича Казюлина — второго секретаря ЦК комсомола. Они значительно повлияли на формирование моей личности, на человека, который руководил серьезными комсомольскими структурами республики.

Затем около года я проработал инструктором ЦК партии, где тоже занимался в основном молодежной политикой партии, а после этого меня избрали первым секретарем ЦК комсомола Республики Молдова. И за этот период работы в ЦК хотел бы поблагодарить двух первых секретарей ЦК Компартии Молдавии — Семена Кузьмича Гроссу и Петра Кирилловича Лучинского, которые оказывали помощь, содействие, подсказывали, учили и во многом повлияли на те результаты, которых нам удалось добиться.

Тогда же я познакомился с людьми, курировавшими нашу республику из ЦК ВЛКСМ. Это в первую очередь Лариса Федоровна Колычева — первый заместитель заведующего орготделом, ребята из сектора Украины и Молдовы, который возглавляли в разное время Виктор Михайлович Шуняев и

Анатолий Иванович Сирож, ответорга Валерия Александровича Кривошеева. Эти люди своим опытом и знаниями оказывали реальную помощь в решении многих проблем, стоявших перед районными, городскими и республиканской комсомольскими организациями.

Конечно, работа в ЦК комсомола Молдовы значительно отличалась от той, которую я выполнял до этого, потому что комсомол, нравится это кому-то или нет, четко выполнял определенную государственную задачу — задачу воспитания молодежи, создания условий для культуры, для отдыха, для развития молодежной инициативы.

Молдова всегда отличалась интересными достижениями. В это время появился целый ряд инициатив, таких как, например, «От поля до прилавка»... То есть создавались молодежные бригады — от поля до прилавка, которые отвечали за качество продукции, поступавшей с полей. «Поле — прилавок» касалось не только Молдавии, но и доставки тех или иных товаров в Москву, на Украину и в ряд других республик.

Затем последовал короткий, интересный и в известном смысле трагический опыт работы в ЦК ВЛКСМ, потому что все закончилось съездом, который объявил о роспуске комсомола (именно поэтому я и называю его трагическим). Хотя это было, наверное, наиболее сознательное время моей комсомольской деятельности.

С одной стороны, повезло, что я попал на такой интересный участок работы, но, с другой стороны, этот участок был связан со многими негативными явлениями в СССР, которые происходили в конце 1980-х — начале 1990-х годов, ведь я отвечал за межнациональные отношения и проблемы чрезвычайных ситуаций. Приходилось часто бывать в тех местах, где люди сталкивались с настоящим горем, где их беспричинно убивали и где происходили различные катаклизмы. Здесь хотел бы вспомнить один важный урок, которому, я думаю, и сейчас надо следовать. Первый секретарь ЦК комсомола Казахстана Имангали Тасмагамбеков (теперь он посол Казахстана в России), придя на помощь пострадавшим от землетрясения в районе озера Зайсан, целый день работал на расчистке завалов и восстановлении разрушенных домов. И только поздним вечером, после того как отдал целый день этому делу, начал заниматься тем, чем в общем-то и должен заниматься первый секретарь ЦК комсомола в командировке.

Д.П. Брагиш на встрече с избирателями в народные депутаты СССР по Фалкшскому округу. 1989 г.

Это еще одно подтверждение того, что в комсомоле не было равнодушных людей, не было таких, кто мог пройти мимо боли, и не важно, природный это катаклизм или какая-то человеческая трагедия.

Мне дважды пришлось побывать в Нагорном Карабахе, довелось ночью видеть, как летают трассирующие пули. Побывал и в Ошской области Киргизии, где разразился кровавый конфликт. Был и в Баку, и в Тбилиси, то есть фактически почти во всех местах, где, к сожалению, происходили серьезные конфликты, где комсомол должен был повлиять на ситуацию или по крайней мере оказать содействие комсомольским организациям в решении проблем, с которыми они сталкивались на местах.

И очень важный момент, о котором, мне кажется, нужно вспомнить, — это Вахта памяти. В трехстах километрах от Москвы, на родине Юрия Алексеевича Гагарина, я в 1991 году побывал на Вахте памяти и был поражен. Через почти пятьдесят лет после Победы комсомольский поисковый отряд за десять дней работы собрал в лесах двадцать шесть гробов с останками людей, погибших с 1941 по 1942 год, когда немцев погнали от Москвы. Собирали, конечно, все подряд, не разбирая, советские это воины, немецкие ли. По медальонам нашли несколько человек, которые считались без вести пропавшими, отыскали много оружия, правда, давно уже проржавевшего... И хотя поисковикам было тяжело — слякоть, грязь, все равно ребята сделали эту работу, а затем с почестями захоронили всех, кто там погиб в 1941—1942-м. Мне кажется, это тоже один из показателей, одно из направлений, о котором нельзя забывать и которое нельзя не принимать во внимание, говоря о роли комсомола в жизни Советского Союза.

Все это было для меня настоящим откровением. По крайней мере, в Молдавии такого не было, там многое уже разведано и раскрыто. Правда, поисковые отряды продолжают работать, и до сих пор на Шерпенском и других плацдармах находят останки людей, погибших в 1944-м при освобождении Молдавии. Так что можно сказать, и современному поколению есть время и место для подвига.

Конечно, работа в Москве была гораздо интереснее того, что я делал в Молдавии. Ездил и в составе делегаций советской молодежи в разные страны — Китай, Францию, Испанию... Мы там налаживали международные отношения, делились опытом работы со сверстниками, воспринимали какой-то опыт с их стороны. Надо сказать, что комсомол, наряду с внутренней работой, играл важную роль в международном молодежном движении, причем начиная от различных студенческих международных структур и заканчивая такими, как Всемирные фестивали молодежи и студентов, которые, на мой взгляд, были, есть и будут, наверное, в перспективе одним из механизмов, позволяющих объединять молодежь, независимо от политической ориентации, страны проживания, национальности и религиозной принадлежности.

Комсомол — это еще серьезная школа гордости за свою Родину. Мне повезло, я был участником двух Всемирных фестивалей молодежи и студентов — в Москве и в Пхеньяне. Вспоминается один интересный случай. Мне доверили внести знамя МССР наряду с представителями других союзных республик на открытие фестиваля в Лужниках. Знамя СССР нес знаменитый Владислав Третьяк. По установившейся традиции страна-хозяйка замыкала колонну деле-

гаций на открытии. И вот в ожидании выхода на арену наблюдаем за другими делегациями. Вдруг видим огромный звездно-полосатый флаг США. А у нас флаг традиционных размеров. Так не должно быть, подумал я и поделился своим мнением с соседями. Подошли к Третьяку, рядом с которым находились руководители советской делегации, и высказали предложение о замене флага. Показалось, что никакой реакции на предложение не последовало. А через несколько минут вижу — приносят огромный флаг СССР. Я еще долго удивлялся, как Третьяк смог на вытянутой руке пронести его через весь стадион, на радость не только нашим участникам фестиваля, но и всей советской молодежи.

Но вот распался Советский Союз, на очередном съезде было объявлено о роспуске комсомольской организации, и лично для меня это стало настоящей трагедией. Надо было жить дальше, искать дело, которым придется теперь заниматься... Вернулся домой. Устроился в республиканскую фирму, занимающуюся внешней торговлей Молдовы, «Moldova Exim». После этого почти пять лет проработал в Министерстве экономики, до первого замминистра дорос, потом стал премьер-министром республики, позади восемь лет работы в парламенте, затем предложили должность посла Республики Молдова в Москве. То есть прошел достаточно серьезный и интересный путь. И хочу сказать, что тот опыт, те навыки и знания, что я получил в комсомоле, и сегодня, по прошествии многих лет, очень мне помогают. И не только мне, но и целому поколению людей, которые после развала Советского Союза стали работать в различных структурах.

Что касается работы в посольстве, это отдельная история, потому что удалось восстановить некоторые контакты с друзьями, с которыми в свое время мы вместе работали в комсомоле и которые сегодня находятся в различных структурах власти в России, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане... И могу с уверенностью сказать, что все, кто прошел комсомольскую школу, не потерялись в современной жизни. Теперь они — и председатели парламентов, и премьер-министры, министры и их заместители, и послы в разных странах, и представители своих стран в международных структурах. Без того опыта, без тех знаний, без той школы, которой был для нас комсомол, мы наверняка не смогли бы добиться тех результатов, тех больших успехов, которые есть у нас сегодня.

Часть молодых людей, прошедших комсомольскую школу, после развала Советского Союза занялись бизнесом, стали налаживать дело и реализовывать серьезные проекты, которые и сегодня во многом влияют на экономику наших стран. Это и понятно: комсомол, по большому счету, всегда оказывал влияние на производство и бизнес, если можно так выразиться, даже в советское время. Подтверждение тому — выставки молодых ученых и специалистов, центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ), ударные комсомольские стройки, где многие молодые люди имели возможность стать большими руководителями не только в своей стране, но и за ее пределами.

Поэтому меня не удивляет, что весь свой опыт и знания, полученные в молодости, они в конечном итоге применили на благо своих стран. Это произошло и в Молдавии, и в других бывших союзных республиках, и этим можно только гордиться.

Абдул-Рахман Халил-оглы Везиров

Секретарь ЦК ВЛКСМ

Первый секретарь ЦК КП Азербайджана

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР

В душе моей не смолкла та эпоха

Секретарем ЦК ВЛКСМ был все 60-е годы прошлого века — одни из лучших в истории СССР. До сих пор дают о себе знать «шестидесятники» — фанаты работы, одержимые...

Занимался я проблемами рабочей молодежи. Потом добавлялись армейский комсомол, подростки, научная молодежь, военно-патриотическое воспитание юношей и девушек.

Побывал во всех союзных республиках, в большинстве краев и областей страны — от Калининграда до Чукотки.

Это были годы, когда познакомился, подружился с изумительными людьми. Во многом, что удалось тогда и потом, их заслуга, их участие.

Невероятно много дал мне комсомол: понятия «мы», «идея», «формирование личности».

Со времен своего создания комсомол активно участвовал в развитии Родины, умножая ее богатства. В 1960-х годах на всесоюзные ударные комсомольские стройки были направлены более двух миллионов юношей и девушек. Из 111 тысяч строителей Красноярского края 42 тысячи были членами ВЛКСМ.

Большинство ударных строек были на территориях с плохо развитой инфраструктурой, при острой нехватке рабочих кадров. Как-то в ЦК ВЛКСМ обратились руководители Главсочиспецстроя с просьбой помочь кадрами строителей. Это оказалось непростым делом: молодежь стремилась на стройки Сибири, Севера, Дальнего Востока. Об этом говорило каждое десятое письмо, поступавшее в ЦК ВЛКСМ.

На краю мыса Пурсей, что глубоко врезается в Братское море, установлен монумент, на котором изображен комсомольский значок. Юноши и девушки помогли воздвигнуть жемчужину мировой энергетики, построили крупнейшие алюминиевый завод и лесопромышленный комплекс. Комсомольская организация Братска была удостоена ордена Трудового Красного Знамени.

А начиналось все с палаток в лютые морозы. Таким застал начало стройки. В последующем бывал там не раз. Вместе с плотиной рос город в тайге. Почастливилось 26 сентября 1967 года участвовать в составе правительственной комиссии в церемонии пуска ГЭС.

Значителен вклад ударных комсомольских строек в то, что до сих пор составляет основу экономик России, стран СНГ и Прибалтики. За годы семилетнего плана развития, когда ударные стройки получили самое большое звучание, экономический потенциал СССР вырос вдвое.

В выдающихся завоеваниях советского народа немалая заслуга ВЛКСМ, удостоенного высших орденов СССР. Его первичные организации действовали во всех учебных, трудовых и воинских коллективах. Комсомол прививал молодым любовь к Родине, заботился об их трудовом, эстетическом

и физическом воспитании, располагал для этого колоссальной материальной базой.

Отдел рабочей молодежи, которым мне выпало руководить, был важным участком в деятельности комсомола. Эта категория молодежи составляла в нем более 40 %.

В центре внимания были помощь молодым в подготовке к труду, повышение квалификации, научно-техническое творчество.

С годами росло число проблем, которые решал коллектив отдела рабочей молодежи. И по мере возрастания их значения от него отпочковывались новые подразделения: отделы «Комсомольского прожектора», молодежи сферы обслуживания, научной молодежи, учащихся профтехучилищ.

Исключительно плодотворным было участие комсомола в освоении нефтегазовых месторождений Западной Сибири, территория которой покрылась сетью железных и автодорог, аэродромов, нефтегазопроводов, где появились гиганты нефтехимии, новые города.

Запомнился первый приезд в растущий в безлюдной тайге Нижневартовск вместе с другом Фарманом Салмановым, первооткрывателем тюменской нефти. Помню и то, как, открывая новый клуб, первый секретарь райкома партии обратился к собравшимся: «Товарищи, знаете, какой сегодня у нас праздник? Наши жены пришли сюда в туфельках».

В своей «Исторической повести» Фарман Курбанович писал: «Не однажды прилетал к нам секретарь ЦК ВЛКСМ Абдул-Рахман Везиров, чтобы на месте ознакомиться с проблемами нефтяной целины. Мы много говорили с ним о вкладе Азербайджана в становление новых нефтяных районов».

Уже работая в Калькутте, получил письмо от легендарного вожака молодежи Тюменской области Геннадия Шмаля. Он писал: «В кругу сверстников и товарищей по комсомолу мы часто вспоминаем вас, потому что вы всегда были в курсе наших дел, часто бывали у нас. И не в качестве почетного гостя, а доброго товарища и руководителя. Я думаю, что вам интересно будет посмотреть на то, что удалось сделать, на то, у истоков чего стояли вы».

Руководителями штабов комсомольскихстроек были авторитетные вожаки молодежи, настоящие энтузиасты. Их обращения в ЦК ВЛКСМ и министерства были всегда обоснованными. По сей день поддерживаю связь с Владимиром Матусяком, почетным работником газовой промышленности СССР, возглавлявшим в 1963—1965 годах комсомольский штаб на строительстве трансконтинентального газопровода «Бухара — Урал».

Министр газовой промышленности А. Картунов писал в «Комсомольской правде»: «Активно, по-боевому работает штаб ЦК ВЛКСМ на этой важной стройке страны. Я знаю, как много сделал комсомол на наших стройках, какую большую помощь оказал хозяйственникам».

Помню, как вручал В. Матусяку почетный знак «За активную работу в комсомоле». В 2012 году в день рождения получил от него прекрасный подарок — толстенную книгу «Трасса сквозь время» о подвиге строителей газопровода.

Велик был авторитет ударныхстроек. Министр энергетики и электрификации СССР П. Непорожний говорил: «Для нас немыслима дальнейшая электрификация страны без участия комсомола. На всех 30 всесоюзных комсомольских стройках энергетики дела идут с перевыполнением пла-

нов». Тогда Советский Союз стал второй в мире страной по выработке электроэнергии.

«В общем-то зеленый, молодой народ», как поется в песне, возводил крупнейшие в мире гидроэлектростанции, железнодорожные магистрали и т.д. В восточных и северных краях появились 22 новых города (Дивногорск, Амурск, Шелехов...), 140 поселков (25 из них назвали в честь комсомола).

Участию комсомола в ударном строительстве посвящена обширная социологическая, художественная и публицистическая литература. Была целая плеяда творцов музыкальных произведений, художественных полотен, кинофильмов, спектаклей о молодежи новостроек (сразу вспоминаются поэма «Братская ГЭС» Е. Евтушенко, цикл песен «Таежные звезды» А. Пахмутовой и Н. Добронравова, пьесы А. Арбузова, картины И. Глазунова, концертные программы И. Кобзона и др.).

В книге народного артиста СССР Евгения Матвеева «Судьба по-русски» приводятся отрывки из рассказов знаменитого гидростроителя Бочкина: «И пошли к нам составы с демобилизованными солдатами, ребята по путевкам комсомола. Красавцы, здоровяки! Ну, думаю, держись, батюшка-Енисей! А они недельку-другую пошуровали и деру со стройки...

Еду к Алексею Николаевичу Косыгину. Так, мол, и так, мужики мои драпанули. «Зарботки-то — дай Бог всякому!» — говорит сердито премьер. «Рублем не захомутать», — отвечаю ему. А он мне еще сердитее: «Тогда чем?!» Отвечаю: «Только бабою...» Бедный Алексей Николаевич от изумления сначала распахнул глаза, а потом сильно так зажмурился... Ни слова не говоря, врезали по стакану боржоми. «Ладно, — говорит, — иди к Тяжелникову и решай с ним половые вопросы».

Я в ЦК ВЛКСМ, к первому секретарю. И сразу с порога: «Евгений Михайлович, без комсомолок ударной стройке кранты!..» Конечно, кинулись агитаторы, главным образом, куда? Известно, к ткачихам. И что вы думаете? Как прослышали мои мужики, что идет первый эшелон с девушками, все на стройке зашевелилось!»

* * *

Огромную заботу и заинтересованность в шефстве комсомола проявляли руководители страны, министры, великие строители И. Наймушин (Братская ГЭС), В. Муравленко (тюменская нефть), Д. Коротчаев (железная дорога Абакан — Тайшет).

Чту светлую память ветеранов ударных комсомольскихстроек — В. Залужного, Г. Буркова, О. Высокоса, В. Шкварко, Ю. Курбатова, Б. Мышенкова, М. Дронина, В. Божинского, а также О. Колесниченко (Красноярский край), В. Савченко (Магаданская область), А. Мандрыченко (Тюменская область), Е. Верещагина (Братск), многих, не упомянутых мною.

Спустя годы исключительно трогательно проходили встречи ветеранов ударных комсомольскихстроек — убеленных сединой, но с прежними молодыми и горячими сердцами.

Первые секретари ЦК ВЛКСМ в 1967—1968 гг. Н.А. Михайлов, А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный, С.П. Павлов

На определенном этапе экономика страны стала расти больше количественно, нежели качественно. Остро встали вопросы повышения производительности труда, внедрения достижений науки и техники.

Возраставшее значение проблем научно-технологического прогресса вызвало к жизни различные формы участия в нем комсомольских организаций: появились советы молодых специалистов и ученых, общественные конструкторские бюро, посты по внедрению новой техники...

Эти и другие объединения стали основой мощного движения — научно-технического творчества молодых инженеров, научных работников, изобретателей и рационализаторов. Вышло специальное постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Об образовании единой общегосударственной системы научно-технического творчества молодежи».

В 1968 году во Всесоюзном смотре технического творчества участвовал каждый пятый молодой человек, занятый в народном хозяйстве. В 25 павильонах ВДНХ СССР в Москве были представлены работы молодых новаторов 64 министерств. На местах прошли более двух тысяч выставок НТТМ. Состоялись впервые конкурсы профессионального мастерства более чем по семидесяти рабочим специальностям.

После многих лет забвения в 2002 году состоялась Всероссийская выставка научно-технического творчества молодежи, на которую я был приглашен.

* * *

Теперь о том, что было еще одним исключительно важным в деятельности комсомола. В начале 1960-х годов стала остро ощущаться проблема: с 1959 по 1964 год детское население страны увеличилось с 29,5 до 43 мил-

лионов. Вдвое возросло число юношей и девушек в возрасте 14—18 лет. Образовалась острая нехватка школ, училищ профтехобразования, вузов, спортивных, культурно-просветительных учреждений. Возросли безнадзорность и преступность среди несовершеннолетних.

Отслеживая негативные явления, мы информировали о них высшие органы власти, добивались принятия мер.

Организовали комиссию ЦК ВЛКСМ по работе среди подростков, которую поручили возглавить мне, а также специальный сектор, сотрудники которого (О. Морозов, В. Гурьев, В. Десятерик), да и всех отделов ЦК пропадали в командировках.

На призыв ЦК ВЛКСМ возглавить подростковые объединения по интересам горячо откликнулись выдающиеся люди страны.

Чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник проявлял огромную заботу о воспитании поросли шахматистов. По моей просьбе он привел в ЦК ВЛКСМ чемпионов мира, цвет советской шахматной школы. Они положили начало клубу «Белая ладья», стали шефствовать над юными шахматистами. Появились тысячи шахматных секций, проводились многочисленные турниры. Благодаря этому выросли выдающиеся шахматисты.

Знаменитый вратарь Лев Яшин встал во главе движения юных футболистов — клуба «Кожаный мяч». С тех пор проводятся состязания детских и юношеских команд на приз его имени.

Великий тренер Анатолий Тарасов возглавил всесоюзный клуб «Золотая шайба» — соревнования с участием миллионов ребят, давшие многим путевку в большой хоккей.

Юношескую военно-спортивную игру «Орленок» возглавил космонавт Георгий Береговой, а Всесоюзный совет комплекса «Готов к труду и обороне!» — космонавт Алексей Леонов. Миллионы ребят стали участниками этих движений.

Поддержали также инициативу знаменитого полярника 1930-х годов, радиста первой в мире полярной дрейфующей станции «Северный полюс-1» Эрнста Кренкеля по вовлечению юношества в познавательный мир филателии, которая вносит свой вклад в повышение общего уровня культуры. Содействовали Всесоюзному обществу филателистов в организации выставок, издании популярной литературы. Меня произвели в почетные члены общества, ввели в состав редколлегии журнала «Филателия».

Многосторонняя забота о подрастающем поколении позволила занять его полезными делами, резко сократить преступность среди них. Более чем в два раза увеличился прием в техникумы и вузы, в пять раз — в профтехучилища. Трудоустроено было почти втрое больше молодежи, чем в 1966 году.

Незабываема благородная деятельность Всесоюзной пионерской организации. Она воспитывала у подрастающего поколения любовь к Отчизне, доброту и взаимопомощь, трудолюбие. В ее законах было уважение к старшим, овладение знаниями, другие важные качества.

Сегодня, разрушив детскую организацию, выкинули сотни тысяч детей из Домов пионеров, спортивных школ, кружков самодеятельности, летних пионерлагерей. Что в итоге? Многие приобщились к наркотикам, бродяжничают, попрошайничают, появились малолетние проститутки, детское самоубийство...

Моя обеспокоенность и тревога по поводу тяжелейшего положения, в котором находятся ныне дети, вся молодежь, — отнюдь не брюзжание пожилого человека. Скорее, чувство ответственности за будущее подрастающего поколения, которое воспитало во мне комсомольское прошлое. «Сегодня — дети. Завтра — народ» (С. Михалков).

* * *

Расскажу и о мощном патриотическом движении, которое развернул комсомол в канун 20-летия Победы над фашистской Германией.

В первый же год во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа приняли участие миллионы юношей и девушек. Создали 27 тысяч музеев, комнат, уголков боевой славы, установили около 60 тысяч памятников и обелисков, привели в порядок свыше 80 тысяч братских могил. Были созданы отряды юных друзей армии, пограничников, военно-спортивные лагеря для молодежи и подростков.

18—21 сентября 1965 года в Бресте состоялся Первый слет победителей похода. Руководил им председатель Центрального штаба похода Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Я был его заместителем. В вечерние часы до глубокой ночи слушал его воспоминания о прошедшей войне, о Сталине, Жукове, суде над Берией, на котором он председательствовал...

В 60-х годах был накоплен богатый опыт совместной деятельности двух самых массовых организаций Советского Союза — комсомола и профсоюзов — во имя интересов молодежи.

В основу их содружества легло воспитание рабочей смены, защита ее интересов, повышение трудовой и общественной активности.

Инициативы комсомольских организаций подкреплялись материальными и финансовыми возможностями профсоюзов. Были приняты десятки совместных постановлений Бюро ЦК ВЛКСМ и Президиума ВЦСПС.

* * *

Огромное число книг и монографий запечатлели деятельность комсомола, оставившую добрый след в памяти поколений. Была мощная организация, которая заботилась о судьбе молодого поколения.

Президент Российской Федерации В. Путин в своем приветствии по случаю 95-летия ВЛКСМ писал: «Комсомол — это сопричастность к судьбе Отечества, стремление реальными делами быть полезным стране.

Комсомольцы всегда были первыми. Защищали Родину, возводили новые города, осваивали целину, Сибирь и Дальний Восток. Активно участвовали в патриотических движениях, реализации молодежных проектов в сфере науки, культуры, образования и спорта».

Конечно, как и у любой массовой организации, у нее были и показуха, и формализм, но в целом это была живая, авторитетная организация, к которой тянулась молодежь. Бывая в архивах, часто вижу иностранцев, изучающих историю комсомола. И это не случайно. Там было немало того, что напрасно утрачено. Помнится беседа с группой конгрессменов из США, направленной в

СССР президентом Кеннеди для ознакомления с нашей системой патриотического воспитания молодежи.

Деятельностью комсомола руководил Центральный комитет — небольшой многонациональный коллектив работников из различных краев страны. Трудились напряженно, с интересом. Пропадали в командировках, изучая деятельность местных организаций, помогая им, участвуя в их мероприятиях. Особенно доставалось работникам отдела рабочей молодежи. Я сам часто бывал в командировках — почти четверть года.

Проходили школу управленчества, разносторонней общественной деятельности, становились государственниками. Росли на принципах «раньше думай о Родине, а потом о себе» и «жила бы страна родная, и нету других забот».

Судьбу мою решало совокупное множество факторов, оказавшееся более мощным, чем один только национальный характер.

Посчастливилось работать с талантливыми соратниками — секретарями ЦК ВЛКСМ, яркими руководителями местных комсомольских комитетов. У каждого из них чему-то научился и многим обязан: это С. Павлов, Е. Тяжелников, Б. Пастухов, В. Логинов, В. Саюшев, Л. Балясная, М. Журавлева, Т. Куценко, Ю. Торсуев, А. Камшалов, Л. Матвеев, В. Дувакин, В. Житенев, В. Мироненко, П. Решетов, Г. Янаев, А. Дзасохов, В. Синельников, Л. Швецова, В. Ганичев, В. Змеевский, Н. Смелов, В. Шевченко, В. Криворученко, В. Минайлов, А. Ясько, В. Осипов, Д. Кузнецов; руководители местных комсомольских организаций — Ю. Ельченко, А. Капто и В. Шевченко (Украина), Г. Жабицкий (Белоруссия), У. Кенжебаев и У. Джанибеков (Казахстан), М. Ибрагимов и Р. Абдуллаева (Узбекистан), М. Али-заде и Э. Кафарова (Азербайджан), О. Черкезия и Р. Метревели (Грузия), А. Зитманис и Л. Барткевич (Латвия), В. Вялс (Эстония), Г. Бобосадыкова (Таджикистан), К. Кулматов (Киргизия), Г. Лавранчук и П. Лучинский (Молдавия), М. Моллаева (Туркмения), А. Качанов и В. Сыроватко (Краснодарский край), В. Казначеев и В. Михайленко (Ставропольский край), К. Чернов и В. Плисов (Красноярский край), Б. Зумакулов (Кабарда), Г. Гоц (целина), А. Куклинов (Свердловск), В. Карпочев (Горький), Ф. Санакоев (Ю. Осетия), Р. Беляев (Татария), А. Сосин, В. Трушин и В. Мишин (Москва), К. Иванов и Р. Николаев (Ленинград), А. Лизичев и О. Зинченко (армейский комсомол). Плеяда людей, беззаветно служивших делу воспитания молодого поколения, выросших в крупных государственных деятелей.

В памяти запечатлелись выдающиеся лидеры молодежного движения Н. Михайлов, А. Шелепин, В. Семичастный. Посчастливилось работать с Сергеем Павловичем Павловым с момента его избрания первым секретарем ЦК комсомола и до перехода в Госкомспорт. Впечатления о нем незабываемы: выдающийся вожак молодежи, инициатор исторических начинаний и движений.

Правдиво и уважительно написал о руководителях комсомола в книге «Они были первыми» Е. Тяжелников. Почти десятилетие Евгений Михайлович возглавлял Центральный комитет ВЛКСМ. В выдающихся достижениях советской молодежи была его огромная заслуга. Он и сейчас много времени уделяет пропаганде деятельности комсомола. Я глубоко чту мудрого, доброжелательного друга.

Более полувека длится дружба с Борисом Николаевичем Пастуховым, возглавлявшим ЦК ВЛКСМ в 1977—1982 годах. Это было время новых свершений

Слева направо: М.И. Журавлева, А.А. Леонов, С.П. Павлов, Ю.А. Гагарин, А.Х. Везиров, А.И. Камшалов, В.Т. Дувакин

комсомола. Подобно моей судьбе, жизнь и его бросала с одной стези на другую. И всегда был на высоте. Семейно дружим.

Комсомольские годы сдружили со многими великолепными людьми. Люди разных профессий, различных судеб — это и свидетельство моих интересов и симпатий. В их числе композитор Ян Френкель, народный артист СССР. Человек огромного обаяния, удивительной доброты и душевного благородства. Провел вместе с ним много времени, в том числе в поездках на комсомольские стройки. Побывали на Сахалине, Чукотке, в Тюмени... Гостил у меня в Пакистане, когда я был там послом.

Не всем было дано так спеть свои песни, как умел Ян Абрамович. Я нередко бывал первым слушателем его новых произведений — «Журавлей», «Русского поля» и других, популярных по сей день. Дружба с ним была огромным подарком судьбы.

В том же ряду дорогих моих друзей Виктор Андреевич Ивонин. Познакомились в 1956 году, когда он, ответорг ЦК ВЛКСМ, заботливо курировал комсомол Азербайджана.

Дружили семьями, вместе отмечали памятные даты, он был тамадой на свадьбе сына. Умница, скромный, доброжелательный — таким навсегда он остался в моей памяти.

Комсомол подарил мне дружбу с прекрасным человеком Георгием Мосоловым, заслуженным летчиком-испытателем СССР, Героем Советского Союза. Ему принадлежат несколько мировых рекордов по скорости и высоте полета. Георгий Константинович охотно откликался на просьбы ЦК ВЛКСМ. Вместе побывали на Северном флоте, опускались на атомной подлодке на приличную глубину, были на юбилее комсомольско-молодежного прииска золотодобытчиков на Чу-

котке, на строительстве Красноярской ГЭС. Я чту этого мужественного, молодого душой друга. В одном из писем он написал: «Я уже десятки лет несу в сердце уважение и любовь к одному из тех, кто был лидером рабочей молодежи. Это о тебе, Рахман. Я всегда помню тебя и искренне уважаю». И это взаимно.

Жизнь скупа на верных и истинных друзей. В лице Виктора Поляничко я имел такого друга. Человек яркой судьбы (американцы называют таких людей *self-made man* — «человек, создавший себя сам»), прошедший путь от солдата и начальника штаба ударной комсомольской стройки до крупного партийного работника и вице-премьера Российской Федерации.

Поздравляя меня с избранием на пост руководителя партийной организации Азербайджана, Виктор Петрович добавил: «Готов быть рядом. Жду команды». После завершения работы в Кабуле в качестве политического советника президента Афганистана он по моему представлению был направлен в Баку, где блестяще проявился его талант политического и государственного деятеля на посту второго секретаря ЦК партии.

12 апреля 1961 года. Прозвучали позывные Всесоюзного радио: «Гагарин в космосе».

Секретари ЦК комсомола были приглашены во Внуково-2 для участия во встрече пионера космоса. В Москву возвращались в правительственной колонне. Всюду люди — вдоль дороги, на балконах и в окнах домов, на деревьях. Проследовали на демонстрацию на Красной площади. Храню пропуск № 0003 с оттиском «Пропуск всюду» (уважали комсомол!). В тот же вечер в Кремле состоялся прием. После нескольких тостов Хрущев и Гагарин появились в Грановитой палате. Юрий Алексеевич познакомил Никиту Сергеевича с молодыми людьми, столпившимися за соседним столом. Это были будущие космонавты.

Через день Юрий Алексеевич с Валентиной Ивановной и их дочери стали нашими гостями в Переделкине, где был небольшой дом отдыха, куда мы приезжали с семьями на выходные. Сложилась традиция: космонавты после возвращения в Москву приезжали к нам. Играли в волейбол, катались на лыжах, гоняли шайбу, смотрели фильмы. Юрий Алексеевич был моим... замом по шашлыку, отвечал за обдув угля в мангале. В общении был интересным собеседником. Прекрасно читал стихи. Замечательно рассказывал анекдоты.

26 сентября 1963 года состоялся первый слет молодых строителей Сибири и Дальнего Востока. Для участия в нем в Красноярск вылетела делегация ЦК ВЛКСМ. В ее составе был и Космонавт № 1. После того как самолет взлетел, к Юрию Алексеевичу потянулись пассажиры за автографами. С разрешения командира Ил-18 он по радио поприветствовал всех и попросил летевшего с нами народного артиста СССР Георга Отса спеть для пассажиров. Знаменитый певец часто вспоминал о своем необычном концерте на высоте 10 тысяч метров.

Во время посещения строительства Красноярской ГЭС Юрий Алексеевич заложил Памятную плиту в основание плотины крупнейшей в мире гидроэлектростанции.

В памяти совместные поездки с космонавтами: Г. Титовым — в Приморский край, П. Поповичем — на Сахалин, в Молдавию, на Север, Г. Шониным — на строительство Нурекской ГЭС в Таджикистане, П. Беляевым — в Тюмень и

на второй слет молодых строителей Сибири и Дальнего Востока в Кемерово, Б. Егоровым — в ГДР.

1 мая 1965 года. Праздничная демонстрация на Красной площади подошла к концу. С. Павлов, спустившись с трибуны Мавзолея, сообщил о решении руководства включить в состав партийно-правительственной делегации, направлявшейся в Берлин на празднование 20-й годовщины Победы над фашизмом, космонавта и секретаря ЦК комсомола — Гагарина и меня. Делегацию возглавлял председатель Совета Министров СССР А. Косыгин. В ее составе были Маршалы Советского Союза В. Чуйков и В. Соколовский, видные государственные деятели.

В Берлине делегация была размещена в правительственных особняках. Гагарин и я жили вместе. И каждым ранним утром Косыгин звал нас на традиционную для него прогулку. Длительная прогулка повторялась перед сном.

Юрий Алексеевич и я участвовали не только в государственной программе празднества, а также в мероприятиях Союза свободной немецкой молодежи. Алексей Николаевич посылал нас также на встречи с иностранными делегациями. Подводя итоги поездки, он выделил нас как самых активных членов делегации.

Август 1965 года. Отдых в Крыму. Купание в море, катание на водных лыжах. Как прекрасно катался Юрий Алексеевич на них! В тогдашней популярности этого вида спорта большая заслуга его — руководителя Всесоюзной федерации по водным лыжам. Обучил многих, кто отдыхал вместе с ним. Лично у меня ничего не получалось. Как только отчаливал катер и натягивался трос, за который держался, то летел плашмя вперед. Поэт Николай Добронравов написал стихи, и пели их на мотив песни из кинофильма «Высота»:

*Как «бардзо добро» отдыхается!
Мы слышим здесь со всех сторон,
Здесь сам Везиров поправляется,
По водным лыжам «чемпион». Это он!*

*Здоровья столько здесь подарено,
Смелее в весе прибавляй — валяй!
Здесь все немножечко Гагарины,
Хоть завтра в космос отправляй.*

В нашем общении спорт занимал много времени. Как-то зародилась идея организовать встречу по хоккею между космонавтами и секретарями ЦК комсомола. Когда приехали в Звездный городок, то увидел большой плакат, посвященный мне: в центре мишени — кавказец в черкеске с кинжалом в зубах. Автор рисунка, Алексей Леонов, сообщил, что они тренировались в попадании в мишень, то есть в меня — вратаря. На рисунке подписи и пожелания: «Рахману с любовью и уважением. А. Леонов»; «Согласовано. С любовью и уважением в 10 001 степени. В. Терешкова, А. Николаев»; «Если можно и я. Б. Волинов, П. Попович». Мы проиграли с крупным счетом.

После гибели космонавта В. Комарова Юрий Алексеевич сказал: «Многие не представляют, с какими опасностями связано освоение космоса. Это ведь

путь в неизведанное, величайший риск. Будут жертвы. Никто не застрахован. Но я обязательно вновь полечу». И он готовился к будущему полету. Постоянно тренировался. Этой цели служил и его последний полет с инструктором — обязательный для летчика после возвращения из отпуска.

За день до гибели он заглянул в мой кабинет. «Я на секунду, поздороваться. Приду завтра после полета», — последние слова, услышанные мною от Юры...

На следующий день — страшная весть... Выехали на место падения МиГ-15. Цветы положили у злополучной воронки, на месте, где разбился самолет. Верхушки ближних деревьев были срезаны под острым углом...

Болгарская прорицательница Ванга сказала тогда: «Бог взял Гагарина на небо, чтобы слава его не потускнела в обыденной жизни».

С гагаринских времен сохраняю дружеские отношения, радуюсь встречам с яркой личностью — космонавтом Алексеем Леоновым, первым вышедшим в открытый космос. Встречаемся на различных мероприятиях и семейных торжествах. Храню совместные фотографии, подаренные им книги и рисунки.

Справедливо утверждение, что с годами трудно обзаводиться новыми друзьями, а старые или улетают на небо, или так меняются, что от них остаются жалкие воспоминания... В довольно солидном возрасте сдружился с Валерием Кругликовым, хотя знаю его с 1960-х годов. В одну из командировок на Украину посетил Новокраматорский машиностроительный завод. Секретарь комсомольской организации был приглашен на работу в ЦК ВЛКСМ. Скромный, толковый, он вскоре стал заместителем заведующего отделом рабочей молодежи.

После моего отъезда из Москвы и зарубежных скитаний долгие годы не виделись. А в окаянные ельцинские времена, в очень нелегкие для меня дни, Валерий помог оказаться в Словакии во главе представительства крупного московского объединения. Стала укрепляться продолжающаяся по сей день дружба. Обсуждаем литературные новинки, благо он выписывает многие художественные журналы. К сожалению, мало стало в них добротных произведений. Дорожу дружбой с ним.

Будучи секретарем ЦК ВЛКСМ, помог одному молодому человеку определиться в трудовой жизни, которая оказалась для него плодотворной. Прошли десятки лет, и когда я подал в отставку, рядом оказался Владимир Вениаминович Агеносов, проявляя почтительность и доброжелательность. Я очень ценю дружбу с ним, заслуженным деятелем наук Российской Федерации, автором многих трудов.

Дорогим и близким мне по духу был академик Е. Примаков. Познакомился с ним в Каире еще в 1963 году, где он был собкором «Правды». Последовали многочисленные встречи. Подружились семьями.

Поначалу я отнесся к Евгению Максимовичу сдержанно, но скоро разглядел его огромный интеллектуальный потенциал. Ему были присущи чувство собственного достоинства, стратегическое мышление, тактическая гибкость. Эти качества блестяще проявились на постах министра иностранных дел и председателя Правительства Российской Федерации.

В одной из телеграмм он писал мне: «За плечами у тебя непростая, очень интересная жизнь, многие события которой стали частью нашей истории. Го-

сударственный деятель, дипломат, ты внес большой вклад в обеспечение интересов нашей страны на международной арене. Неординарная личность. Ты, как магнит, притягиваешь к себе людей. Твой друг Е. Примаков».

Я благодарен судьбе за то, что она сблизила меня и с другими неординарными личностями, оставившими яркий след в истории страны, — глубоко уважаемым мною в партийном руководстве страны Е. Лигачевым, всемирно известным хореографом Ю. Григоровичем, выдающимся дипломатом Ю. Воронцовым (послом в Индии, Франции, США, ООН, первым замминистра иностранных дел), первооткрывателем нефтяных месторождений Западной Сибири Ф. Салмановым, композитором А. Пахмутовой...

Работая в ЦК ВЛКСМ, участвовал во многих всесоюзных мероприятиях, вблизи наблюдать деятельность высших руководителей государства. Тогда страной руководили Н. Хрущев, а затем Л. Брежнев. Это были лидеры, разные по темпераменту, стилю работы, результатам своего руководства.

А здесь — об одном из самых прогрессивно мыслящих деятелей, А. Косыгине, за плечами которого была беспрецедентно жесткая сталинская школа управления. Исключительна его роль в создании крупнейших в мире энергетических и транспортных систем, нефтегазовых комплексов, научно-производственных объединений

Я всегда ставил Алексея Николаевича выше остальных в руководстве страны, питал к нему большие симпатии. Ему был присущ постоянный поиск решения проблем, назревавших в народном хозяйстве. В 1965 году стартовала так называемая косыгинская реформа. Делалась попытка внедрить отдельные рыночные регуляторы во внерыночную планово-распределительную среду. Посчастливилось видеть, как он работал, участвуя в заседаниях Президиума Совета Министров СССР, на различных совещаниях, в зарубежных поездках.

Алексей Николаевич был реформатором, инициатором повышения хозяйственной инициативы предприятий, экономического стимулирования их деятельности. По его совету подробно знакомился с этой проблемой на Щекинском химическом комбинате (Тульская область) и докладывал ему о своих впечатлениях. А в ноябре 1966 года провели там совещание секретарей комитетов комсомола предприятий, перешедших на новые условия работы.

ЦК ВЛКСМ всегда получал поддержку предсовмина. Как-то ко мне обратились представители всесоюзной ударной комсомольской стройки — Барнаульского шинного завода. Целью их было добиться строительства Дворца спорта. Алексей Николаевич принял «ходовков» и решил их проблему.

У меня было много оснований, чтобы относиться к нему с глубочайшим почтением.

С весны 1959 года по весну 1970-го «от звонка до звонка» я был секретарем ЦК ВЛКСМ. Наступило время расставания с комсомольской работой. Но не с комсомолом — счастливой порой в жизни.

*И в душе моей не смолкла
Та эпоха ни на миг,
Где и мама — комсомолка,
И мой папа — фронтовик.*

Е. Нефедов

Евгений Александрович Вербицкий

Заместитель заведующего отделом ЦК ВЛКСМ

*по связям с молодежными организациями
социалистических стран*

*Руководитель Секретариата председателя Совета
Федерации Федерального собрания Российской
Федерации*

И атмосферу внукам передать

Комсомолу — 100 лет. Славная историческая дата для людей моего поколения, и, уверен, особенно для тех, кто работал в комсомоле, служил комсомолу, жил комсомолом.

Целый век... А мне восьмой десяток. Из них 18 лет я работал в комсомоле. Много, как говорится, воды утекло с той поры, но до сих пор я всеми узами сердца и памяти связан с ним.

У меня три внука и три внучки. Как передать им ту атмосферу энтузиазма, бескорыстия и веры в будущее, гордости за свою страну, которую испытывало подавляющее большинство советской молодежи? Трудно сегодня найти ответ на этот вопрос.

Многие из комсомольских дел, не по вине комсомола, канули в Лету, а дела то были государственные, востребованные временем. Приведу один пример из громадного участия комсомола в жизни страны.

В 1968 году, будучи студентом Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта, в составе студенческого строительного отряда рубил тайгу в Тюменской области на строительстве железнодорожной трассы Тюмень — Сургут (деньги зарабатывал на свадьбу). Получив диплом, также в составе студотряда, строил животноводческие фермы в одном из совхозов Семипалатинской области Казахстана. Опять-таки зарабатывал — на жительство. И таких отрядов по стране были сотни. Польза для всех была огромная.

После службы в рядах Советской армии вернулся на Белгородский котлостроительный завод, где начинал свою трудовую деятельность. Был избран заместителем секретаря комитета ВЛКСМ завода на правах райкома.

Интересная, живая работа. Комсомольцев почти две тысячи и дел громаде. В решении заводских проблем комсомол принимал самое активное участие. Так нам было поручено взять шефство над строительством заводского Дворца культуры. В то время сооружение для города было впечатляющим. На всю мощь заработал «Комсомольский прожектор». Строители очень скоро пришли к выводу — этому объекту надо уделять особое внимание...

Все городские конкурсы профессионального мастерства молодежи практически всех строительных профессий проходили у нас.

Работая на заводе, затем первым секретарем Октябрьского РК ВЛКСМ Белгорода, заведующим организационным отделом, секретарем, вторым секретарем Белгородского обкома комсомола, в полной мере осознал, что такое

и кто такой комсомол в общественно-политической жизни города и области.

Соревнования комсомольско-молодежных бригад на производстве, культурно-массовая, спортивная работа, шефство над ветеранами Великой Отечественной войны, работа по профилактике правонарушений среди молодежи, создание условий для НТТМ и много-много полезных дел для молодежи и для страны в целом.

Уверен, что каждый из приславших свои воспоминания может значительно расширить этот круг комсомольских дел.

Из ярко запомнившихся событий того времени — подготовка и проведение обмена комсомольских документов. Летом 1974 года в Белгороде по этому вопросу состоялся зональный семинар первых секретарей райкомов, горкомов и обкомов ВЛКСМ Черноземья и Северного Кавказа. Руководил семинаром первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжелников. Думаю, не стоит объяснять наше волнение. Для части участников семинара в нашем райкоме мы провели практические занятия, как сейчас говорят, «ролевые игры». Подвели итоги на шестом вопросе, но разговоры продолжились. Когда все немного расслабились и появилась уверенность, что обмен у всех пройдет нормально, я спел песню на известный мотив из кинофильма «Семнадцать мгновений весны», которую сам сочинил:

Е.А. Вербицкий

*Не думай об обмене свысока,
ЦК нам дал такое поручение,
А мысли бьют, как пули по мозгам...
Обмен идет, какое огорчение.*

*Идет он — не какой-то там глоток,
Ни брат, ни сват, какое невезение!
Держись, заворг, завсектором учтет
От первого обмена до последнего.*

*Ты спи, жена, зарплата на столе,
Не бойся и не плачь, ведь не один я тут,
Ты пишешь, дочь пошла уж в первый класс,
Ну что сказать, а выбывшие не идут...*

Обмен идет, обмен идет, обмен идет...

В общем, пел я еще дважды, да под оркестр на «бис», потом мне рассказывали, что ребята из ЦК пели ее и в Москве. А обмен в области мы провели хорошо.

С апреля 1977 года я почти 10 лет я проработал в отделе ЦК ВЛКСМ по связям с молодежными организациями социалистических стран (а коротко — отдел ЦК) ответником, а затем — заместителем заведующего отделом.

Занимался связями с Димитровским комсомолом Народной Республики Болгария. Сколько же обоюдополезного и интересного было в этой дружбе: Советско-болгарский клуб творческой молодежи, журнал «Дружба» — печатный орган ЦК ВЛКСМ и ЦК ДКСМ — в то время единственное в мире совместное молодежное издание, сегодня подобных аналогов не нахожу, фестиваль дружбы молодежи наших стран, обмен опытом практически по всем вопросам комсомольской жизни и удивительно теплые, доверительные отношения на всех уровнях комсомола.

Яркую страницу в летопись советско-болгарской дружбы вписали болгарские молодежные трудовые отряды, которые, в соответствии с межправительственными соглашениями СССР и НРБ, не один год работали на всесоюзных ударных комсомольских стройках Курской магнитной аномалии в Белгородской и Курской областях, в Тюменской и Иркутской областях, в Коми АССР.

Объективности ради отмечу, что на всесоюзных стройках трудились также посланцы из ГДР и ПНР. С болью ловлю себя на мысли, что сегодня на карте России подобных объектов не найти.

Более 40 лет прошло с той поры, а российские и болгарские ветераны отмечают каждую годовщину с начала совместного труда. Десятки болгар остались жить в Советском Союзе. В советско-болгарских семьях подрастают внуки.

С болью приходится сожалеть: сегодня практически все связи с Болгарией находятся в летаргическом сне. Под диаметрально противоположным углом зрения воспринимает нынешнее молодое поколение Болгарии символы нашей многовековой дружбы: Шипка, памятник «Алеша» в Пловдиве...

Из всего многообразия нашего взаимовыгодного сотрудничества остался лишь уникальный спортивно-оздоровительный комплекс «Камчия» на Черноморском побережье близ Варны (собственность Правительства Москвы). Думаю, что трудно найти где-либо подобный аналог. В нем ежемесячно отдыхали до двух тысяч московских школьников, многодетные семьи, ветераны Великой Отечественной войны и труда. Руководит этим прекрасным детищем Станка Шопова, бывший первый секретарь ЦК ДКСМ, верный и надежный друг России. Неимоверными усилиями она делает все, чтобы комплекс жил. В то же время опять приходится говорить с сожалением: нынешнему руководству Москвы этот «непрофильный» объект не нужен. Стратегически недалеконевидная позиция...

Много прошло лет, но я до сих пор поддерживаю контакты с болгарскими друзьями и верю, что полномасштабное и всестороннее сотрудничество между нашими странами вернется на круги своя.

Пожалуй, самым главным и значимым событием для всех комсомольских работников того времени стал XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Мне было поручено руководство управлением аккредитации и режима в аппарате Советского подготовительного комитета. Руководил аппа-

ратом секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Федосов, удивительно моторный, вникающий во все вопросы, требовательный и в то же время простой и незаносчивый.

По мере приближения открытия фестиваля напряжение в работе зашкаливало. Вместе с тем осознание того, что в подготовительную работу включилась вся страна, придавало уверенности в успехе большого дела. Но фестивальная действительность превзошла все ожидания. Блестящие церемонии открытия и закрытия фестиваля, сотни и сотни мероприятий, культурная программа, удивительная атмосфера дружбы — эпитетов не хватит, чтобы передать свои чувства даже спустя 30 с лишним лет. Не ошибусь, сказав, что фестиваль стал по праву главным политическим событием не только в жизни нашей страны. Уверен, что все участвовавшие в его подготовке и проведении, все — от первичек до ЦК ВЛКСМ — испытывали гордость за свою страну, за комсомол...

Все отведенное для моих воспоминаний место в этом сборнике мог бы занять перечень имен моих коллег по комсомолу, учителей, наставников. Большое им спасибо за школу, за совместную работу!

Хочу сказать о той атмосфере дружбы и взаимопомощи, которая царила в нашем отделе ЦК ВЛКСМ. Руководители отдела, с которыми мне пришлось работать, — Вячеслав Алдохин, а затем Игорь Щелоков — были настоящими международниками, достойно и профессионально держали штурвал управления отделом в своих руках.

С огромным уважением хочу вспомнить секретаря ЦК ВЛКСМ Людмилу Швецову — суперпрофессионала, Политика с большой буквы и в то же время удивительного человека, не равнодушного к проблемам людей.

Мне довелось работать с ней в Верховном Совете СССР. В конце трудовой деятельности я работал в Департаменте соцзащиты Правительства Москвы, а Людмила Ивановна, будучи вице-мэром столицы, курировала социальный блок. Надо было видеть, каким заслуженным авторитетом и доверием она пользовалась у москвичей. Что бы она ни говорила и ни обещала москвичам, она делала, решала, пробивала, требовала исполнения у чиновников и добивалась поставленной цели. Многие ее начинания, идеи, проекты реализовывались в конкретные дела, положительно влияли на социальный климат столицы. До последних своих дней она была на боевом посту.

Обязан сказать о первых секретарях ЦК ВЛКСМ, под чьим руководством я работал в ЦК. Это Е.М. Тяжелников, Б.Н. Пастухов, В.М. Мишин. Они были настоящими лидерами молодежи, достойно несли шестиорденоносное знамя комсомола. Сегодня, в столь непростое время, они представляются мне васнецовскими «Богатырями», которые зорко охраняют и берегут светлое имя комсомола. И в том, что этот юбилей — столетие! — состоялся, прежде всего их несомненная заслуга.

Свои заметки заканчиваю вопросом ко всем воспитанникам комсомола: если бы не он, кем бы мы были все?

Виктор Васильевич Воронов

*Второй секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ
Ответорг отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ
(курировал БАМ)*

*Директор Международной школы управления
«Интенсив» Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Профессор, кандидат экономических наук, заслуженный
экономист РФ
Член Союза писателей России*

Шелехов — юность моя!

С гордостью смотрю на памятную медаль общегородского фестиваля «Шелехов — юность моя!» в честь двадцатилетия приезда орловских комсомольцев на строительство Иркутского алюминиевого завода и города Шелехова. Она сделана комсомольцами построенного в короткий срок первенца алюминиевой промышленности Восточной Сибири — Иркутского алюминиевого завода (Ирказа) — из металла, выплавленного в его цехах. И как мне помнится, мы ее вручали всем участникам торжественного вечера в новом Дворце культуры «Металлург» при входе в зал, в субботу вечером, в конце июня 1976 года.

Этот фестиваль наш горком комсомола проводил совместно с горкомом партии и горисполкомом. Оргкомитет возглавляла секретарь Шелеховского горкома партии Галина Семеновна Ланкина. Заключительные мероприятия мы сознательно несколько сместили с «шелеховско-орловской даты» 17 июня к Дню советской молодежи — последнему воскресенью июня.

Конечно, нам, молодым, двадцать лет казались тогда огромным периодом, а для самих непосредственных участников событий 1956 года — начала стройки — все, думаю, было как будто вчера. Помогали и участвовали в подготовке и проведении большого числа культурных и спортивных мероприятий фестиваля все — руководители предприятий и организаций, секретари парткомов, председатели стройкомов и профкомов и, конечно, весь комсомольский актив города. Все делалось с энтузиазмом и вдохновением.

Тогда капитально отремонтировали стелу на Комсомольской площади, поставили шесть колонн с орденами комсомола и с обоих концов Комсомольского бульвара установили стелы с его названием. Привели в порядок памятную бетонную палатку на месте палаточного городка, сделали стационарные флагштоки с разноцветными металлическими флажками.

И именно сюда после завершения торжественного вечера двинулись все его участники вместе с гостями из города Орла, обкома и ЦК комсомола, неся по улицам любимого города зажженные факелы как символ преемственности и неугасаемой молодости. На подходе к памятной палатке факельное шествие встретил праздничный салют, организованный комсомольцами подшефной воинской части из поселка Чистые Ключи. И в этот же момент вспыхнул огром-

ный — не «пионерский», а скорее «комсомольский» — костер. И долго еще все танцевали и пели под звуки оркестра у этого костра на площадке бывшего палаточного городка...

Помнится, что все или почти все мы организовывали на энтузиазме, приглашая внести посильный вклад в любой форме каждого участника наших мероприятий. А когда каждый вносит хоть частицу чего-то своего, то общее становится интереснее и роднее.

И новогодние «голубые огоньки» мы проводили вскладчину: каждый, получая приглашение (от желающих не было отбоя), делал взнос. Эти деньги в основном расходовали, чтобы накрыть столы — купить легкую закуску, конфеты, шампанское. Руководство Дома культуры «Строитель» помогало аппаратурой, микрофонами, организовывало поздравления Деда Мороза и Снегурочки, оркестр и музыку. Немного денег «выкраивали» на шуточные призы. А порой и сами участники их приносили. Так член комитета комсомола стройки Олег Рупасов привез из деревни красивого петуха в корзине. Его долго скрывали, а затем за «огненную» пляску вручили лучшему комсомольцу-плясуну. Но, как и было задумано, петух вырвался, и затем весь зал с хохотом его ловил и вручал награжденному, который, сидя с ним за новогодним столиком, долго не знал, что же делать, пока ему не отдали в придачу к призу и корзину...

Но прежде всего большинство шелеховчан и комсомольцев добросовестно трудились на стройках и заводах, в других организациях и на предприятиях города. Проводились соревнования комсомольско-молодежных бригад за право быть сфотографированным у Знамени Победы и в Кремле, выпускались «Молнии» и листки «Комсомольского прожектора», ярко освещались городские события в местной газете «Рассвет коммунизма», организовывались спортивные состязания, туристические походы, восхождения на Саянские горы, даже был выпущен свой кинофильм об ударной комсомольской стройке. Теперь, разумеется, это не в диковинку — у многих свои видеофильмы на разные случаи жизни, а в те времена это было явление!

Да и вообще телевидение тогда еще не взяло людей в свой плен, не заключило их в губительные «сладкие объятия», не оторвало их друг от друга, и они тянулись к общению, к разговору по душам, к чему-то своему, шелеховскому — «строительному», «ирказовскому», «кабельному» или чему-то еще такому же (по названию своего предприятия) и по-хорошему гордились принадлежностью к этому.

В.В. Воронов. 1978 г.

Этот порыв особенно чувствовался, когда по решению парткома, руководства, стройкома и комитета комсомола нашего треста «Иркутскалюминстрой» мы начали проводить «Творческие отчеты» всех подразделений стройки. Конечно, в основе идеи секретаря парткома Ивана Георгиевича Сизых были смотры художественной самодеятельности. Но не только!

На рассмотрение заранее утвержденного жюри, которое поручено было возглавить мне — секретарю комитета комсомола, в ходе вечеров представлялись в первую очередь итоги производственно-хозяйственной деятельности подразделения (строительно-монтажного управления и т.п.), а также выставки картин, вышивок и другого самодеятельного и художественного творчества. Но главным, конечно, были выступления агитбригад и команд КВН, номера художественной самодеятельности — форма была произвольная и ничем не регламентировалась. За один вечер в ДК «Строитель» выступали по два подразделения. Была разработана специальная балльная шкала оценок, конечно, не совсем совершенная, но все-таки позволявшая оценить достоинства обоих коллективов. Затем, после проведения всех творческих отчетов и вечеров, подводились к 1 мая общие итоги, объявлялись и награждались коллективы-победители.

Творчество масс не знало предела! Таланты открывались везде и порою неожиданно. Люди узнавали друг о друге много нового, становились добрее и теплее по отношению к окружающим. Целых два зимне-весенних периода 1974 и 1975 годов зал ДК «Строитель» по субботам был переполнен и постоянно взрывался аплодисментами и смехом! Весь город только и обсуждал ход наших творческих отчетов...

А еще память выхватывает, как в конце января 1974 года мне посчастливилось выступать на расширенной коллегии Министерства промышленного строительства СССР в Москве с отчетом об итогах работы за 1973 год — решающий год очередной пятилетки. Конечно, мой громкий комсомольский голос и юный вид несколько взбудрили «патриархальную тишину» этого уважаемого высокого заседания. Но выступать от имени молодых строителей Шелехова, да и всей Сибири, было не только очень почетно, но и ответственно. Мы с нашим управляющим трестом Владимиром Филипповичем Зубрилиным в номере ныне зачехленной гостиницы «Россия» долго «шлифовали» текст моего выступления, тщательно взвешивали, как рассказать о досрочном пуске восьмого корпуса Ирказа, какие проблемы необходимо «заострить» и в чем попросить помощи от министра — Александра Максимовича Токарева — и его коллег. И все это — ради нашей стройки, ради нашего города и наших людей.

И теперь, уже умудренный жизненным опытом и сам многому кого-то научивший, с благодарностью вспоминаю оказанную нам помощь и жизненные уроки, которые нам, молодым комсомольским работникам и активистам, на практике и личном примере давали наши старшие товарищи — хозяйственные руководители, партийные, профсоюзные и советские лидеры, а также вышестоящие комсомольские работники — В.Ф. Зубрилин, И.Г. Сизых, В.И. Потапов, В.И. Зубков, И.И. Морозов, А.Ф. Анисимов, Н.К. Чернов, М.С. Архипова, А.И. Корнилов, Р.П. Ефремова, А.А. Леднев, А.Х. Ломоватский, К.И. Струговцев, И.С. Белоусов, Л.А. Лозовой, Н.М. Таранов, Ю.Ф. Бутаков, К.Ф. Шишкин, А.К. Кашапов, Г.И. Зоткин, В.П. Гончаров, М.П. Авдеев, В.Д. Ухин, Ю.Е. Глумов, В.В. Позд-

няк, В.В. Игнатов, А.И. Орлов, А.Е. Лавыгин, И.З. Джавелидзе и многие, многие другие. Всем-всем им низкий поклон!

А особо, с радостью припоминаю, что все эти «шелеховские» годы со мной рядом были мои друзья-комсомольцы — Василий Басюк, Василий Коцюрубский, Сергей Квитко, Сергей Татиевский, Валентина и Валерий Сафелкины, Надежда Копосова, Наталья Фень, Виктор Митов, Татьяна Веключ, Наталья Крупицкая, Валерий Куприн, Светлана Большакова, Виктор Тимофеев, Игорь Ельконин, Валентина Соловьева, Эдуард Трещинский, Левон Гагнидзе, Эдуард Ластовский, Владимир Тракай, Георгий Жарников, Вера Морозова и многие-многие, с кем вместе мы были в эти прекрасные годы нашей юности и юности нашего **вечно молодого душой города Шелехова!!!**

Полустанок с названием «БАМ»

У каждого из нас немало своих своеобразных полустанков — мест, где жили и живем, где работали и работаем, где встречались, радовались, ликовали и просто были счастливы.

Мне повезло, что у меня был и есть такой **полустанок с названием «БАМ»**. Это не просто населенный пункт или город и не железнодорожная станция, а нечто большее, не только в пространстве и во времени, но и в самом смысле и содержании этого короткого, но вместившего в себя так много слова — **«БАМ»!**

...БАМ стремительно, как вихрь, ворвался в нашу жизнь зимой 1974 года — из радиоприемников, с экранов телевизоров и кинотеатров, со страниц газет и журналов, из рассказов наших друзей, товарищей и коллег.

Вот так сильно БАМ гремел первые десять лет — до долгожданных фактической и символической стыковок Западного и Восточного его участков на разъезде Балбухта и станции Куанда и открытия сквозного движения поездов по БАМу в канун ноябрьских праздников 1984 года. Вся страна и весь народ вложили в это созидательное дело очень и очень много всего — и материального, и интеллектуального, и духовного, и даже частички своих сердец и кусочки своей малой родины со всех концов нашей необъятной Великой Родины — Советского Союза.

Как жаль, что на большее тогда не хватило сил и воли — дальнейшее развитие регионов, прилегающих к построенной в короткие сроки Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, практически приостановилось, а точнее, почти не началось. А какие прекрасные и даже детально просчитанные, с огромной эффективностью для страны, были планы. Если бы реализовать даже небольшую их часть, то рывок в освоении несметных богатств Сибири и Дальнего Востока на благо всего народа был бы, несомненно, громаден.

...Строительство БАМа, как и всех объектов транспортной инфраструктуры, имело свою большую «линейную» и «протяженную» специфику. Здесь не было, как на строительстве гидроэлектростанций и заводов, той захватывающей дух панорамы — башенных кранов, бесконечных колонн динамично снующих самосвалов с бетоном и грунтом, моря сверкающих и тающих в ночи огней электросварки. Строящиеся объекты и трудовые коллективы были раз-

бросаны друг от друга не на километры, а на десятки и даже сотни километров!

Путеукладчики, двигавшиеся навстречу друг другу с запада и востока, были своего рода «венцом строительства» — они как бы завершали то огромное дело, в котором до них принимали участие десятки, сотни и тысячи людей — рубили просеки, отсыпали насыпи дорог и железнодорожного полотна, строили мосты и придорожную автотрассу, временные поселки, вокзалы, депо, жилые дома, социальные объекты. Бригады путеукладчиков соединяли это с «внешним миром», с Большой землей, за их работой ежедневно следила вся страна...

...В моей домашней библиотеке имеется большое количество альбомов и книг о БАМе, написанных прекрасными и увлеченными людьми, с восторгом и спокойно, но в целом правдиво. Иногда, выбрав время, вновь перелистывая страницы этих книг и рассматривая многочисленные трогательные бамовские сувениры — от «золотого костыля» до куска ценного минерала — чаройта с Читинского участка БАМа, — прихожу к выводу, что ничего переписывать (как иногда сейчас делается) в «написанном тогда» не нужно — ни в своем, ни в чужом тексте. Все должно так и оставаться. Всему, как говорят, свое время и место, особенно в Истории.

...Итоговые материалы многих социологических исследований, проведенных в те годы на строительстве БАМа, показали, что это был очередной всплеск энтузиазма молодежи, но теперь уже не двадцатых годов... не пятидесятых, не шестидесятых, а семидесятых...

Подобное было ранее на других ударных комсомольских стройках. **Но это было ранее и у них — «... а сейчас и у нас — на БАМЕ»!!!** И хотя в ответах на вопросы анкет социологических опросов многие стеснялись этого и пытались замаскировать чем-то более «земным», например, «желанием узнать новые места», «материальной заинтересованностью», «возможностью приобретения автомобиля» и тому подобным — все равно это просматривалось, как говорят, невооруженным глазом. Молодежь на БАМ действительно тянуло стремление проявить и испытать себя в трудных условиях, совершить в жизни достойный поступок и сделать полезное дело. Был при этом частично и «здоровый авантюризм», присущий, наверное, большинству первопроходцев и переселенцев во все времена — как и у Колумба, и у Ермака! А всего на строительство БАМа по комсомольским путевкам из всех уголков страны приехало свыше сорока пяти тысяч юношей и девушек!

Они, строители БАМа, на самом деле стали **героями нашего времени!** И не только те девятнадцать Героев Социалистического Труда, что получили Звезды из рук секретаря ЦК КПСС Владимира Ивановича Долгих 27 октября 1984 года в Тынде. И не только те немногие, кто получил такие же Звезды до и после этого славного события. И не только те, кто был удостоен других высоких государственных наград за сооружение объектов БАМа. И не только те, кто получил медаль «За строительство БАМа» или другие комсомольские, партийные, профсоюзные и советские знаки отличия. **А и все те, кто действительно самоотверженно трудился на стройке века — БАМе, кто считает это своей высшей наградой в жизни и на слово «бамовец» отзывается, как на свое собственное имя, данное родителями при рождении.**

Дорогие бамовские реликвии

Есть стыковка БАМа

...Комсомол, БАМ, Иркутск, Байкал, Чита, Чара, Тында, Усть-Кут, Таюра, Магистральный, Ния, Кунерма, Нижнеангарск, Беркамит, Кувыкта, Ургал... — это бесконечный ряд слов-паролей, на которые мгновенно откликаются серебряные струны наших душ и сердец.

За каждым названием всплывают яркие мгновения, теплые встречи, незабываемые знакомства и познание людей, событий и окружающей нас действительности.

Эти мгновения жизни невозможно забыть, они будут с нами навсегда как одни из самых дорогих, хотя тогда — в те моменты — мы этого еще не осознавали.

...Поселок Звездный, июль 1974 года. Какой поселок? Его еще нет! Отряд имени XVII съезда ВЛКСМ живет в палатках...

А вот уже первый поезд до станции Улькан — это 1977 год... 1981 год — приезд отряда «Молодогвардеец» в Северобайкальск... Укладка «золотого звена»... Открытие сквозного движения поездов по БАМу — 1984 год...

И, конечно, **я благодарен судьбе, что лично знал и знаю людей, которые очень много вложили в сооружение магистрали.** Это Виктор Лакомов, Феликс Ходаковский, Леонид Казаков, Вячеслав Аксенов, Александр Бондарь, Иван Варшавский, Владимир Степанищев, Юрий Бочаров, Владимир Мучицын, Валентин Суцевич, Анатолий Орлов, Владимир Семин, Юрий Вербицкий, Валерий Нестерович, Алексей Максимов, Баир Балбаров, Сергей Будажапов, Александр Тишутин, Тлютай Бирюкбаев, Александр Акимов, Сергей Рыбаков, Лазарь Бартунаев, Владимир Поздняков, Евгений Словецкий, Виктор Муконин, Владимир Полютов, Константин Владимирович Мохортов, Евгений Михайлович Тяжелников, Борис Николаевич Пастухов, Виктор Максимович Мишин, Николай Васильевич Банников, Ефим Владимирович Басин, Иван Алексеич Панчуков, Юрий Афанасьевич Есаулков и многие-многие, **чьи имена должны быть навсегда вписаны в Летопись строительства БАМа.**

...Несмотря на прожитые годы, вместе **со словом «БАМ»** в нас по-прежнему **оживает ощущение** какой-то свежести чувств и эмоций, неподдельной искренности отношений, сибирского радушия и гостеприимства — **всего действительно настоящего и «стоящего», как сам БАМ!**

Сергей Рафаилович Гриневецкий

Первый секретарь Одесского ОК ЛКСМ Украины

Член ЦК ВЛКСМ (1986—1990 гг.)

Председатель Одесской областной государственной администрации (1998—2005 гг.)

Народный депутат Украины III, VI, VII созывов

Почетный гражданин города Одессы и Одесской области

Инициатива — путь к победе

Для каждого из нас комсомол — это не только часть жизненного пути, это — частичка нашей души, это то, что невозможно отнять, без чего мы не стали бы теми, кто мы сейчас.

В комсомол меня привела гражданская активность. В 1982 году я пришел в комсомол с производства — Раздельнянского районного производственного объединения по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства Одесской области, где по окончании Одесского института холодильной промышленности трудился инженером-технологом, начальником технического обменного пункта, заведующим ремонтными мастерскими и заместителем руководителя по материально-техническому обеспечению. Пришел и практически на десятилетие связал свою жизнь с работой в этой организации.

Начал с работы первым секретарем Раздельнянского РК ЛКСМУ, а через два года уже стал вторым секретарем Одесского ОК ЛКСМУ.

«Ветер перемен» того времени, начало процессов перестройки всколыхнули и молодежное движение. Этот период совпал с моим переходом на должность первого секретаря областного комитета комсомола. Это была пора экспериментов, поиска новых форм работы. Наша команда старалась не отставать от времени, поддерживать все новое и полезное, а главное — самим инициировать и воплощать в жизнь.

Наш одесский комсомол всегда отличался неординарностью, был с эдакой «перчинкой» и выступал с новыми, знаковыми инициативами «союзного» значения, как, например, Центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Это было прежде всего продвижение новых разработок молодых ученых. Со временем эти комсомольские инициативы переросли в крупные престижные предприятия и производства. Примером может служить созданная секретарем комсомольской организации Физико-химического института им. А. Богатского Анатолием Редером совместно с молодыми учеными лаборатория, которая впоследствии стала основой известного и успешного на мировом рынке фармацевтического предприятия «Интерхим».

С 1986 года одесский комсомол выполнял поручение поистине государственного масштаба. Детский лагерь «Молодая гвардия» распахнул двери для детей Чернобыля, приняв их на проживание и реабилитацию.

Мы также поддержали и развили инициативу молодежных жилищно-строительных кооперативов. Именно таким образом в Одессе был дан старт

молодежному строительству, а многие молодые семьи именно тогда получили свое первое самостоятельное жилье (для некоторых оно, к сожалению, так и осталось единственным).

А какой бурный восторг вызвал у одесситов наш комсомольский почин — молодежный агроконвейер! Ведь прямо с полей, где работали студенческие отряды, свежие фрукты и овощи поступали, минуя пресловутую овощебазу, на прилавки магазинов и ярмарок. Студенты одесских вузов сами собирали овощи и фрукты, сами перевозили и сами реализовывали! Таким образом, свежая продукция поступала от поля к потребителю в течение часа-двух.

Одесская областная комсомольская организация была одной из самых сильных творческих организаций молодежи Украины. Остановлюсь на некоторых знаковых инициативах.

Во-первых, активное участие в возрождении кавээновского движения. Обком комсомола поддержал команду «Одесских джентльменов» и добился прямых эфиров. Это согласовывалось на разных уровнях — и с руководителем Центрального телевидения Леонидом Кравченко, и с Эдуардом Сагалаевым — главным редактором программ для молодежи Центрального телевидения СССР в те годы. Очень помогла тогда и Раиса Максимовна Горбачева. И вот в 1986 году — первый прямой эфир: встреча команды «Джентльменов» Одесского государственного университета и команды Московского химико-технологического института, которая закончилась победой одесситов.

Вспоминаю, как взорвала Одессу — да что Одессу, весь Союз — инициированная и организованная Одесским обкомом комсомола Всесоюзная выставка политического плаката на Дерибасовской. Достаточно сказать, что о ней заговорили новостные каналы CNN и BBC.

Кстати, одесский комсомол практически первым поднял так называемый «железный занавес», открыв «окно в Европу». В 1984 году была построена гостиница «Юность». Обком комсомола, БММТ «Спутник» и Черноморское морское пароходство заключили трехсторонний договор об организации средиземноморских круизов. Таким образом молодежь со всего Союза получила возможность увидеть мир.

Отдельно хочу остановиться на создании Объединения молодежных клубов (ОМК), появившегося в Одессе по инициативе Жовтневого райкома комсомола и молодежи города.

А началось все с того, что в заброшенном подвале магазина «Куяльник», что на Дерибасовской, началось строительство первого в городе молодежного кафе, которое превратилось в своеобразную районную комсомольскую стройку. Попасть в «Молодежное» считалось престижным. Здесь выступали лучшие представители творческой элиты — актеры, музыканты, поэты, журналисты. Достаточно назвать такие имена, как наш выдающийся земляк Михаил Жванецкий, народные артисты Украины Анатолий Дуда и Людмила Ширина, Николай и Наталья Завгородние, «альтернативные» музыканты Сергей Терентьев, Юрий Кузнецов и Анатолий Шевченко, заезжие «звезды» Михаил Боярский и Александр Розенбаум, Вячеслав Полунин и Юрий Антонов.

Со временем к «Молодежному» присоединились новые кафе — «Вечерняя Одесса», «Ольвия», «Бригантина», «Парусник», «Ретро», четыре видеокафе. В ОКМ появились студия звукозаписи, фотолаборатория, мастерская по изго-

товлению и ремонту звуковой и световой аппаратуры.

Но самым главным стали клубы по интересам, которые, собственно, и определяли название объединения. В разные годы здесь работали более ста центров и творческих объединений, которые совершенно бесплатно посещали молодые и пожилые, дети и взрослые. Руководителями и активистами клубов являлись настоящие профессионалы, люди, имена которых сегодня стали знаковыми. Литературную студию «Круг» возглавлял и вдохновлял Юрий Михайлик, Центр игрового развития «Эрудит» вел поистине культовый знаток Борис Бурда, руководителем Рок-клуба был известный композитор Евгений Лапейко, а ядро Джаз-клуба составляли музыканты Николай Голощапов, Юрий Кузнецов, Татьяна Боева. Особое место занимал Клуб веселых встреч. Членами его были известные сегодня режиссеры, актеры, журналисты, продюсеры, писатели — Юрий Стыцковский, Александр Федоренко, Сергей Осташко, Яков Гопп, Юрий Володарский, Борис Барский и Георгий Делиев. Кстати, мегапопулярный проект «Маски-шоу», лидерами которого являются Делиев и Барский, — тоже творческий проект одесского комсомола.

Однако со временем ОМК становилось тесно в рамках кафе. Массовые мероприятия выплеснулись на улицы, в концертные залы и музеи, на телевизионные экраны и в другие города нашей страны.

Многие до сих пор помнят первый в СССР конкурс «Мисс Одесса», первое общегородское празднование Нового года на Дерибасовской, первый фестиваль брейк-данса, первый на Украине рок-клуб. А еще в «пакете идей» были возрожденная «Юморина», Всесоюзные фестивали фантастики, джаза, пантомимы, Международные интеллектуальные игры.

На базе одесского ОМК был проведен первый республиканский семинар по проблемам досуга, в котором приняли участие секретари горкомов комсомола всех областных центров.

За свою работу ОМК получило десятки дипломов, грамот от ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМУ, Министерства культуры СССР, специальный диплом Выставки достижений народного хозяйства СССР за участие в культурной программе, посвященной XX съезду ВЛКСМ... Однако, несмотря на все эти достижения, в 1986 году была предпринята попытка закрыть ОМК, со всеми его клубами и дискотеками. Но мы, комсомольские лидеры, партийные работники, работники культуры встали на защиту своего прогрессивного детища, и его удалось отстоять. Более того, в том же 1986 году наш опыт был изучен и обобщен.

Первый секретарь Одесского обкома ЛКСМ Украины Сергей Гриневецкий

Вышло совместное постановление ЦК КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС и Министерства культуры СССР о создании молодежных хозрасчетных объединений. Случилось это, по сути, тогда, когда ОМК уже почти 8 лет проработало без всяких постановлений, не взяв у государства ни копейки. Со временем в стране было создано 53 ОМК, но, скажу без ложной скромности, одесское так и осталось самым деятельным и долгоживущим.

Из комсомольской жизни исчез формализм. Это был настоящий прорыв. Как все новое, эти дела, при их очевидной нужности и важности, нелегко находили свой путь в жизнь. Приходилось действовать уже методом убеждения, личным примером. Кстати, такая активность комсомола порой приходилась не по душе многим партийным чиновникам. Впрочем, не любили нас и появившиеся в то время организации, скажем так, национального толка. Причины этой нелюбви просты: в комсомоле периода перестройки действительно сконцентрировалась самая активная часть молодежи, которая успешно реализовала себя буквально во всех отраслях.

К сожалению, известные события 1991 года не дали развиваться всем хорошим комсомольским начинаниям, завершить превращение комсомола в молодежную организацию нового типа, которая бы, обладая огромным опытом, наработками, материальными и человеческими ресурсами, сделала много полезного и необходимого для молодежи.

Сейчас стало модным бесконечно ругать комсомол. Но почти все нынешние народные депутаты, олигархи и верхушка власти имеют за плечами комсомольское прошлое. Через ВЛКСМ прошли около двухсот миллионов человек!

Для современной молодежи даже недавнее прошлое порой является загадкой. Они знают и судят о нем по книгам, телепередачам, рассказам родителей. Зачастую эти знания — всего лишь переплетение старых и новых мифов, которые не дают почувствовать дух времени, понять, чем же был комсомол для сотен юношей и девушек. А ведь важнее всего для нас быть понятыми новым поколением. Особенно сегодня, когда молодежи очень не просто. Судорожно возникают различные общественные движения и союзы, но все это — не более чем попытки создать если не подобие комсомола, то хоть какие-то оазисы смысла.

Мы хотим, чтобы молодые знали: дружба, товарищество, взаимопомощь, инициатива и новаторство были во все времена. Не конфликт поколений, а только их теснейшая связь может стать залогом построения стабильного правового общества, основой прогресса и развития.

Молодость всех тех, о ком повествует эта книга, связана с комсомолом. И никто из нас никогда не пожалел о том, что был такой период в нашей биографии. Более того, мы гордимся, что юность наша была комсомольской. Все мы по-прежнему молоды, ершисты, энергичны, деятельны! И сейчас, когда наш паспорт бессмысленно спорит с молодостью, она все равно живет в нас. И так же молод, несмотря на свои 100, комсомол!

Николай Николаевич Гриценко

*Заместитель заведующего отделом рабочей молодежи
ЦК ВЛКСМ*

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Доктор экономических наук, профессор,
действительный член трех научных общественных
академий*

*Лауреат Премии Правительства РФ в области
образования*

Президент Академии труда и социальных отношений

«Комсомольский билет стал для меня путевкой в большую жизнь»

В комсомол я вступил в 1944 году, после освобождения нас советскими войсками от страшной двухлетней фашистской оккупации. Помню тот день, когда секретарь райкома комсомола вручала нам комсомольские билеты, и ее напутственные слова — быть достойными звания комсомольца.

Первым нашим комсомольским поручением стала подготовка подарков, которые мы должны были отвезти в военный госпиталь и вручить раненым бойцам, а еще выступить перед ними с концертной самодеятельной программой. Ближайший госпиталь, куда мы приехали, находился в городе Конотопе. Эта встреча была незабываемой!

Второе комсомольское поручение — находить захоронения расстрелянных и казненных фашистами мирных жителей, солдат и офицеров, попавших в окружение, схваченных гестапо подпольщиков, помогать откапывать могилы и перевозить останки для захоронения в братской могиле на площади, расположенной недалеко от школы.

Потом было много других заданий — мы вместе со старшими принимали участие в сборе урожая (собирали оставшиеся колоски на хлебных полях), помогали семьям красноармейцев-фронтовиков в заготовке дров на зиму.

В 1945-м война наконец закончилась. Страна восстанавливала разрушенные фашистами города, сожженные села, затопленные шахты, взорванные домны, железнодорожные пути и мосты. Партия призвала комсомольцев участвовать в восстановлении народного хозяйства. Стали создаваться комсомольско-молодежные бригады, ширилось соревнование между ними.

Министерства открывали техникумы и ремесленные училища для подготовки дефицитных кадров рабочих и специалистов. В их числе был и сварочный техникум в Москве, куда я и поступил на отделение автоматической сварки. Комитет комсомола сразу пригласил меня на беседу и порекомендовал войти в состав студенческого совета общежития студгородка, расположенного в Головановском переулке в районе станции метро «Сокол». Больше половины студентов первого послевоенного набора были молодые солдаты-фронтовики, имевшие ранения и инвалидность, у которых учеба из-за войны

прервалась. На общем комсомольском собрании обсуждался состав студсовета, и меня избрали его председателем.

Главной первоначальной заботой для нас стала подготовка общежития к зиме, так как в нем не работали водопровод, отопление, электроосвещение. Все это приводили в порядок сами студенты с помощью коменданта общежития. Наряду с этим мы выполняли и задания городской администрации — разгружали овощи на овощебазах, а как только началась учебно-производственная практика, начали работать в сварочных мастерских, через день, чередуя с учебой. Работали и на стройках Москвы, на восстановлении теплоснабжения павильонов на ВДНХ. Именно тогда я получил первую грамоту от комитета комсомола техникума.

После окончания техникума с красным дипломом меня направили на завод металлоконструкций в городе Мариуполе — мастером по автоматической сварке. Завод этот размещался на территории завода «Азовсталь» и занимался изготовлением конструкций для восстановления металлургических предприятий, разрушенных фашистами. Работали по две смены, часто приходилось ночевать в конторе цеха, лежа на пачках чертежей, но свои комсомольско-молодежные бригадные обязательства мы старались выполнять качественно и досрочно.

С завода меня призвали в армию. Служба проходила на Урале в танковом полку. Я был избран членом комсомольского бюро батальона и назначен помощником командира взвода. На полковых учениях взвод занял 2-е место по боевой и политической подготовке, и в газете Уральского военного округа, которым тогда командовал маршал Г.К. Жуков, были опубликованы коллективная фотография нашего взвода и статья «Служить Родине так, как служит ей старший сержант Николай Гриценко».

По окончании курсов офицерской подготовки и истечении срока призыва по личной моей просьбе был уволен в запас для завершения учебы в вузе, так как в это время я уже был студентом 1-го курса вечернего отделения Челябинского политехнического института. Окончил я его в 1958 году, получив диплом инженера-механика.

Армейская служба сменилась работой мастера по сварке на Челябинском заводе дорожных машин. Когда я пришел на завод, главный инженер Н.Н. Дятлов сказал, что они давно ждут мастера по автоматической сварке. Он сразу выписал мне денежный аванс, связался с начальником сборочного цеха, с директором заводского общежития, с комсоргом Ниной Прокопьевой, которая тут же представила меня членам комитета комсомола, и в тот же день был подписан приказ о приеме меня на работу.

Работа, учеба, комсомольские поручения поглощали все время без остатка.

Вскоре Нина Прокопьева перешла в институт на дневное отделение и встал вопрос о ее замене. Выбор пал на меня, и на комсомольском собрании завода меня избрали секретарем комитета комсомола.

В числе первых дел комитет вместе с профкомом обновили состав комсомольско-молодежных бригад и условия их соревнования, провели массовый субботник по созданию на берегу озера Смолино коллективного сада, заводской базы отдыха и спорта, отремонтировали неисправный катер, а комсомольцы мебельного цеха сверхурочно изготовили байдарки. Следом за

нами, при поддержке горсовета, и другие предприятия начали создавать рядом с нами такие базы.

Тогда же комитет комсомола стал инициатором создания машиностроительного техникума. В то время для молодых рабочих уже были школа рабочей молодежи (ШРМ), ремесленные училища, а техникума не было. Дирекция и партком поддержали нас, выделили помещение, поддержали нас и в министерстве, и вскоре состоялся первый набор студентов. Этот техникум окончили многие кадровые рабочие завода и до сих пор благодарны за это.

Комитет комсомола завода был инициатором и других конкретных дел, которые неоднократно отмечали горком и обком ВЛКСМ. Возможно, именно это и повлияло на избрание меня на отчетно-выборной комсомольской конференции вторым секретарем горкома ВЛКСМ, основным участком работы которого были вопросы рабочей молодежи на предприятиях, стройках, транспорте, в сельском хозяйстве и других отраслях. Кстати сказать, Челябинск и область были тогда и сейчас остаются индустриальной базой страны.

Шел 1957 год. Председателем Челябинского совнархоза был в то время М.С. Соломенцев — Герой Социалистического Труда, позже, с 1971 по 1983 год, он был председателем Совета Министров РСФСР. В газете «Правда» М.С. Соломенцев выступил со статьей о проблемах дальнейшего развития металлургии на Южном Урале, в том числе — о строительстве 5-й доменной печи на Челябинском металлургическом заводе. Он писал, что было бы хорошо, если бы комсомол взял шефство, обьявив 5-ю домну на ЧМЗ ударной стройкой. Мы созвали расширенное заседание горкома комсомола, обсудили статью и поддержали это предложение. 5-я доменная печь стала ударной комсомольской стройкой. Создали штаб стройки, начальником штаба бюро горкома утвердило меня, и первый секретарь В.Ф. Марачевский вручил мне комсомольскую путевку.

Комсомольский штаб установил связь с начальником строительства, выяснил потребности, проблемы, структуру предприятий-поставщиков. Теперь необходимы были рабочие кадры строителей, и мы обратились к властям города и в горком партии с просьбой поддержать наш призыв к комсомольцам стать строителями ударной комсомольской стройки — 5-й доменной печи — по комсомольским путевкам. Предлагали по желанию комсомольца перейти в постоянный штатный состав строителей треста «Металлургстрой» или при сохранении прежнего рабочего места, временно, на период строительства домны, — в стройтрест, а тем, кто не имеет специальности, пройти там обучение.

В.В. Гриценко

Нас поддержали, и штаб развернул работу по всем направлениям, включая выдачу комсомольских путевок добровольцам.

Над 5-й домной шефствовали и комсомольские организации заводов-поставщиков, создавались контрольные штабы и группы слежения за исполнением поставок. Комсомольская пресса освещала ход соревнования комсомольско-молодежных бригад, а ЦК ВЛКСМ, Центральный комсомольский штаб в Москве поддержали инициативу челябинцев по сокращению сроков строительства подшефной домны и объявили соревнование ударных комсомольских строек семи доменных печей в других городах страны.

Прошло 60 лет, а в памяти ярко остались волнительные события тех дней: срочная телеграмма из ЦК ВЛКСМ П.Н. Решетову в обком комсомола — о командировании начальника штаба 5-й Челябинской домны Н.Н. Гриценко на бюро ЦК ВЛКСМ по рассмотрению итогов соревнования ударных комсомольских строек доменных печей за первый квартал 1958 года, поездка в Москву, заседание Бюро ЦК и присуждение коллективу нашей и строителям Криворожской домны первых мест и знамен; встреча с челябинскими делегатами партийного съезда, проходившего в те дни в Москве, поздравления, возвращение со знаменем ЦК комсомола и встреча с комсомольцами города. Темп, взятый строителями на первом этапе, в последующем сохранен, и домна введена в строй досрочно — за 7 месяцев.

Благодаря примеру челябинских комсомольцев ударных строек в стране стало более 100. ЦК ВЛКСМ созвал семинар по обмену опытом шефства комсомола над ударными стройками.

По возвращении из Москвы работы в штабе стройки домны прибавилось, так как ширилось параллельно движение комсомольцев по сбору металлолома как сырья для новой доменной печи. Кроме этого, у меня до защиты дипломной работы оставалось всего несколько дней. И в это время пришла телеграмма — вызов в ЦК ВЛКСМ. Зная ситуацию с защитой, обком попросил небольшой отсрочки для меня и получил согласие.

И вот я снова в ЦК ВЛКСМ, на приеме у первого секретаря ЦК В.Е. Семичастного, сменившего недавно на этом посту А.Н. Шелепина. Владимир Ефимович приветливо встретил, спросил, как идут дела в горкоме, на стройке домны, как прошла защита диплома, поздравил с успешным окончанием вуза и перешел к основной цели встречи. Секретариат ЦК комсомола принял решение ввести новую должность — заместителя заведующего отделом по работе с рабочей молодежью, куратора ударных строек — и рекомендует на эту должность Николая Гриценко. Челябинский обком поддерживает это предложение. В голове тут же пронеслись тревожные мысли: а как же штаб стройки домны, как семья (у нас была 8-месячная дочка), как с работой супруги-педагога? И вообще: справлюсь ли с таким ответственным делом? Некоторые из них я озвучил вслух, но Семичастный выразил уверенность, что справлюсь, и пожелал успехов.

Утверждение секретариатом моей кандидатуры состоялось в тот же день. На сдачу дел в горкоме комсомола и в штабе и на переезд с семьей дали несколько дней.

Работа в ЦК ВЛКСМ началась с ознакомления с делами на ударных комсомольских стройках с выездом на места. Часть имевшихся там проблем с по-

На ударной комсомольской стройке — Курской магнитной аномалии

ставками материалов и оборудования решали оперативно на месте сами, связываясь с комсомольскими штабами и контрольными группами, а иногда и с помощью обкомов комсомола.

Работа на всех ударных стройках шла, как правило, с опережением плановых сроков. Строителями там были и кадровые работники, и комсомольцы-добровольцы, пришедшие по путевкам комсомола и работающие с энтузиазмом, присущим молодости, с верой в полезность дела, готовностью переносить временные трудности. Помню, приехал я зимой на ударную комсомольскую стройку Гайского горно-обогатительного комбината в Оренбургской области. В голой степи огромный котлован, на подъезде к нему — высокая арка с надписью «Ударная комсомольская стройка». На противоположной стороне котлована — несколько деревянных вагончиков для жилья прибывших по путевкам комсомола новоселов. Встретил меня браво выглядевший, в одной тельняшке, несмотря на мороз, начальник комсомольского штаба стройки Виктор Поляничко и провел в один из вагончиков бригады строителей. Познакомились с ребятами. Был перерыв в работе, разговор пошел о делах на стройке, жизни и быте строителей, о насущных проблемах и о том, как их решать. Обсуждали вопрос с доставкой продуктов, топлива, воды. «У нас, — говорят, — у каждого свой умывальник — идем, покажем тебе». Вышли из вагончика — вдоль крыши висят огромные сосульки. «Видишь, как удобно — сверху-вниз провел по сосулке и свежей водой умылся. Лучше и не надо».

На стройке мы с Виктором составили подробный список вопросов, которые требовали рассмотрения в Центральном штабе и которые вскоре были решены.

Ударные комсомольские стройки, освоение целинных земель, массовое жилищное строительство, развитие научно-технического творчества молоде-

жи, организация производственно-технического обучения — этими и другими вопросами занимался в то время дружный коллектив сотрудников отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ.

Помогая развивать экономическую базу народного хозяйства, мы одновременно приобретали научные и практические знания, опыт хозяйственного управления и управления производством. Комсомольская школа дала хорошую подготовку для последующей деятельности.

В начале 1960-х годов в Советском Союзе началось активное развитие общественных форм участия граждан в управлении производством, в государственном управлении. Наряду с профсоюзами и комсомолом развитие получила система народного контроля, Всесоюзного совета научно-технических обществ, общества изобретателей и рационализаторов, Всесоюзного общества «Знание», женских, пионерских, детских, спортивных, туристических и других организаций. Многие из этих организаций проводили свои отчетно-выборные съезды и конференции и обращались в ЦК ВЛКСМ с просьбой выдвинуть своего работника кандидатом для избрания в органы управления этих организаций для постоянной связи. ЦК комсомола направил своих представителей в состав органов руководства ВЦСПС, Комитет народного контроля СССР, Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов и других организаций. В преддверии первого съезда научно-технических обществ Всесоюзный совет НТО, который объединял порядка 18 миллионов инженеров, техников, научных работников, обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой тоже выдвинуть представителя ЦК для постоянной связи. Так, по рекомендации комсомола, на первом съезде ВСНТО я был избран членом совета, потом заместителем, первым заместителем председателя ВСНТО, которым был в то время академик А.М. Самарин, а потом академик А.Ю. Ишлинский — директор Института проблем механики Академии наук, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, член Президиума ВЦСПС. В ВСНТО я проработал 25 лет. Совместно с ЦК ВЛКСМ мы проводили работу по развитию научно-технического творчества молодежи, используя нашу базу — дома техники, технические журналы, народные университеты технического прогресса, павильон ВДНХ «Труд и отдых».

В то время я был также членом кафедры научно-технического прогресса Высшей школы профсоюзного движения им. Н.М. Шверника (ВШПД), преобразованной в 1990 году в Академию труда и социальных отношений. Я уже защитил кандидатскую, потом докторскую диссертации, когда в ВШПД в 1986 году стала вакантной должность ректора вуза, и ВЦСПС, ректорат и партийные органы предложили мне занять ее. Руководство ЦК ВЛКСМ также поддержало это предложение. И вот уже более 30 лет работаю здесь — сначала ректором, а с 2005 года — президентом Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», вуза, которому в марте 2019 года исполнится 100 лет. За это время было подготовлено около 100 тысяч высококвалифицированных специалистов для сферы социально-трудовых отношений, за что коллектив ВШПД была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а коллективу академии объявлена благодарность Президента Российской Федерации.

В 1989—1991 годах я был избран народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР, председателем Комиссии Совета Союза по труду, ценам и социальной политике, членом Президиума Верховного Совета СССР. Участвовал в разработке и представлял Верховному Совету более 10 социально-трудовых законов СССР, которые были приняты и являлись своеобразными социальными амортизаторами для перехода от плановой к рыночной экономике.

Уже тогда, с участием народных депутатов от профсоюзов, ветеранов, женщин, комсомола, мы подготавливали модель планирования 13-й пятилетки, цели которой были обеспечить реальный рост социально ориентированной экономики и обеспечить промышленными и продовольственными товарами и продуктами питания людей не на минимальном, а на научно обоснованном уровне потребления по государственным социальным стандартам. Идею эту теперь, в составе Межведомственного творческого коллектива ученых и специалистов, который поручено возглавлять мне, мы стремимся реализовать в разработанной при поддержке В.В. Путина Концепции социального государства Российской Федерации в соответствии с 7-й статьей Конституции РФ. Ученые Академии труда и социальных отношений, делегаты Федерации независимых профсоюзов России, Академии наук, конструктивно настроенные депутаты — члены Конституционного собрания отстояли тогда единственно приемлемый путь развития России — строительство правового социального государства.

Возглавляя в настоящее время Экспертный совет по вопросам федерального и регионального законодательства в сферах образования и науки при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, мы с коллегами — членами совета (а это в основном президенты и ректоры ведущих вузов страны) — стремимся готовить предложения для законодательных инициатив, отвечающих интересам молодежи, всем гражданам и социальному государству.

Осуществляя представительские полномочия, взаимодействуя с профсоюзными, молодежными, ветеранскими организациями, Российским союзом ректоров, организацией «Трудовая доблесть России», ВЭО России, мы, ветераны комсомола, стремимся сохранить преемственность межпоколенческих отношений и лучшее из него передать молодежи.

В завершение хочу выразить огромную благодарность комсомолу, который вместе с профсоюзами стал для меня, как и для многих сверстников, судьбой.

Моя благодарность первым секретарям ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину, В.Е. Семичастному, Е.М. Тяжелникову, С.П. Павлову, В.М. Мишину — за доверие и поддержку, всем секретарям ЦК комсомола, особая благодарность светлой памяти Л.И. Швецовой, а также секретарям Челябинского обкома, горкома, райкомов и комитетов комсомола за сотрудничество и участие в нашей судьбе.

И особая благодарность — коллективу журнала «Смена» за проявленную инициативу в создании настоящей летописи комсомольских дел и судеб, посвященной 100-летию комсомола.

Р. С. А комсомольский билет хранится у меня вместе с орденами и медалями, дипломами, аттестатами, грамотами и почетными знаками — дорогими для нас вехами комсомольской судьбы.

Павел Николаевич Гусев

Первый секретарь Краснопресненского РК ВЛКСМ

Член бюро Московского ГК ВЛКСМ

Отвоторг Международного отдела ЦК ВЛКСМ

Главный редактор газеты «Московский комсомолец»

Председатель Союза журналистов Москвы

Член Совета при Президенте РФ по развитию

гражданского общества и правам человека

Заслуженный работник культуры РФ

От урана до «МК»

Родился я в Москве, но мой отец, Николай Павлович Гусев, служил (он был военным) в небольшом украинском городке Бердичеве, где и прошло все мое детство.

Я был заводилой двора. Вихрастым заводилой и в «казаках-разбойниках», и во всех по-детски хулиганских выходках и играх, связанных прежде всего с тем, что нам любопытно было все. Тем более что это были 1950-е годы, последствия войны проявлялись во всем. И для нас, мальчишек, эти разрушенные дома, воронки от снарядов, разбитые блиндажи были источниками впечатлений. Лагая по ним, мы пытались представить, что же здесь происходило... И, конечно, как все мальчишки, играли в войну. Делали автоматы и ружья из палок, привязывали веревками всякие причиндалы, бегали по сараям и прочее... Самым страшным для нас было стать «немцем» в таких сражениях. Но мне, как я помню, всегда удавалось быть «советским солдатом».

И еще помню, что среди нас было немало евреев и все они были моими хорошими друзьями. Бердичев всегда считался еврейским городом, оттуда вышли очень известные еврейские духовники, религиозные деятели. Я всегда удивлялся, приходя в гости к своему другу Яше, что у них в семье двенадцать детей, от мала до велика. Но в этой семье никогда не было жесткости, в ней царили теплые человеческие отношения. Фактически можно сказать, что мое детство прошло в еврейских семьях, причем, как я сейчас понимаю, это были в основном ортодоксальные еврейские семьи. С тех времен у меня полностью отсутствует антисемитизм. Это осталось на всю жизнь благодаря дружбе с Яшей и другими еврейскими мальчиками, с которыми мы учились в одном классе.

В 1957 году мы переехали в Москву, и я только тогда узнал многое про своего дедушку, о котором раньше никто ничего мне не говорил. А он был комиссаром чапаевской дивизии после Фурманова, в 1937 году его арестовали и расстреляли. Поэтому отцу в свое время не давали учиться как сыну репрессированного. В 1957 году его реабилитировали, и я наконец узнал, какой у меня был дед. Уже через много лет, когда я работал в газете, попробовал выяснить, что же на самом деле произошло с моим дедом. Меня пригласили в военную прокуратуру и оставили в кабинете одного, передав для ознакомления тонкую желтую папку. Это была папка допросов Гусева Павла Николаевича.

Допросы длились неделю. По первым было видно, как жестко он отвечал на попытки добиться от него признания, что он предатель и немецкий шпион. Но уже через два дня эти допросы ясно показывали, что этого волевого военачальника (а то, что он действительно очень волевой, было понятно по фотографиям, приложенным к делу), грубо говоря, сломали, и в дальнейшем он признавался во всем, чего требовал следователь... По решению «тройки» его расстреляли. Где и когда — неизвестно.

*Павел Гусев — первый секретарь
Краснопресненского РК ВЛКСМ*

Жизнь продолжалась. Из-за профессии отца приходилось много переезжать и часто менять школы и заново завоевывать свое пространство среди ребят. Меня приняли в пионеры, потом в комсомол, но хочу сказать, что в те годы я просто учился, не помышляя ни о каком лидерстве, вообще не знал таких слов — «лидер», «карьера», они совершенно отсутствовали в обиходе того времени. К тому же в 9—10-м классах я увлекся не политикой и комсомолом, а... палеонтологией и геологией. Причем увлекся так, что после 9-го класса даже поехал в экспедицию, где два с половиной месяца работал один день поваром, другой — коллектором, то есть описывал и упаковывал собираемые образцы минералов. Это была для меня очень интересная школа, потому что, проехав на машине от Рязани до Белого моря, мы видели, как и чем живет страна. И хотя время было далеко не легкое, а в некоторых местах я вообще не понимал, как люди там выживают, но мы видели общий настрой: да, сейчас живется трудно, но скоро все будет хорошо...

После этой поездки я загорелся идеей создать в своей школе музей палеонтологии. Сам собирал экспонаты, и мне даже выделили отдельный кабинет для палеонтологических и геологических образцов. Это было мое первое самостоятельное и важное дело. А после окончания школы я поступил в геологоразведочный институт. И вот здесь, в группе, где было больше тридцати человек, неожиданно проявились мои лидерские качества. На первом курсе меня избрали комсоргом группы, а к концу второго я был уже членом институтского комитета комсомола.

Как-то раз меня неожиданно пригласили в партком и спросили, хочу ли я вступить в партию. Конечно, я тут же выразил такое желание и, таким образом, в восемнадцать лет стал кандидатом в члены партии, а в девятнадцать — и членом партии. Мне тогда часто говорили, что я, мол, карьерист, раз так рано вступил в партию... Но, повторяюсь, я даже слова такого не знал и вообще не понимал, что может дать партия на тот период. Вступил, потому что предложили, и я был этому рад и гордился, тем паче, как я потом узнал, студентов в

партию принимали очень мало и по разнарядке, поскольку «зеленая дорожка» была для рабочих и военнослужащих.

Тем не менее я стал членом партии, и уже на третьем курсе меня избрали освобожденным секретарем комитета комсомола. Деньги даже стал зарабатывать, более того, имел свободное посещение занятий, что на тот период времени было вообще странно. Оказалось, что ректор специально приказ выпустил.

Работа в комсомоле была очень насыщенной и интересной. Мы организовывали различные мероприятия, проводили институтские вечера, на которые приглашали Владимира Высоцкого и известных бардов. Тем более что геолого-разведочный институт всегда был таким, можно сказать, братским институтом, где чувство локтя было очень крепко. И у меня во время работы секретарем комитета было ощущение того, что как-то объединяешь, сплачиваешь коллектив. Казалось, что рождались в прямом смысле новые люди — одновременно требовательные и доброжелательные. Вообще в геологии плохих людей очень мало, потому что это и палатки, и походы, и слеты, и еще очень многое, дававшее людям понимание того, что «чувство локтя», товарищества — это самое главное в жизни. В геологии именно так и рождалась личность. Личность, которая понимает, что живет в коллективе. Даже если это два-три геолога где-то там, в экспедиции, в тайге, в суровых условиях, где и поесть-то нормально нельзя, все равно недопустимо предательство, пренебрежение друг к другу. Я сам тоже работал на ряде урановых рудников (я тогда увлекся разработкой новых методик получения урана из месторождений) и побывал на очень многих рудниках Советского Союза, добывающих уран. Тяжелейшие условия! И там я понял, какую роль играет совмещение комсомола с геологией, как важно умение организовать себя и какую роль играет это «чувство локтя», когда невозможно даже упоминание слова «предательство», не говоря уже о самом предательстве.

Эти годы, это совмещение комсомола и геологии, наверное, и сформировали меня как личность. Я вплотную занимался научной работой — подземным выщелачиванием урана, учился уже в аспирантуре, и мне все это очень нравилось. Но когда до защиты оставался год, приехал как-то первый секретарь райкома комсомола, меня вызвали в партком и сказали, что есть предложение избрать меня вторым секретарем Краснопресненского райкома. Наступил момент, когда я должен был принять решение, наверное, самое главное и важное, которое в корне может изменить мою жизнь. Передо мной стоял выбор: либо продолжать заниматься научной работой, либо посвятить себя комсомолу. В тот момент я еще до конца не понимал, что для меня геология уходит навсегда, уходит то самое геологическое братство. Но нужно было что-то делать, в первую очередь решить для себя, где я должен быть в определенный момент своей жизни. Это оказалось очень сложно, но были долгие разговоры и в партийной организации, и в райкоме, а потом и в горкоме партии... И я наконец определился. Выбрал комсомольскую работу. Так я стал вторым секретарем Краснопресненского райкома комсомола, а через год, в 1975-м, меня избрали первым секретарем, и началась совсем другая жизнь. До этого я и представить себе не мог, что комсомол решает столько важнейших вопросов. Помимо всего прочего, это и работа с ветеранами, и с ребятами, у которых были большие

проблемы, связанные с сиротством и даже где-то с безденежьем, и многое-многое другое. Приходилось много чего делать, чтобы помочь им всем, и нам, к счастью, это реально удавалось.

Но уже после двух лет работы я заметил, что в комсомоле существует определенная система бюрократии, система фальши при решении каких-то вопросов, особенно связанных со всякими «ленинскими зачетами». Я никак не мог понять, для чего нужно фальшивить в том, что для молодежи не настолько уж важно. Ребята искали свой жизненный путь, у них были другие проблемы, а мы пытались формально заставить их сдавать Ленинский зачет или, предположим, сделать то, что им совершенно не нужно, ради «галочки» в отчете... Это была чисто бюрократическая схема работы с молодежью. Мы работали не с ее позиции, а с позиции той идеологии, которую пытались насильно вогнать в ребят. И такие противоречия (это уже был конец 1970-х — начало 1980-х годов) уже начинали сказываться. Я чувствовал, что комсомол все больше и больше становится организацией чиновников и разных чинуш. Когда уже думают не о том, что сделать для ребят, а о цифрах... С нас требовали какие-то отчеты, мы приписывали количество людей, побывавших на политзанятиях или иных мероприятиях. То есть начинали учиться бюрократии в худшем смысле этого слова.

Но при этом были вещи совершенно, на мой взгляд, выдающиеся. Например, комсомольские оперативные отряды. То, что они сделали для работы с трудными подростками, было в тот период неоценимо. Кроме того, комсомол начал обустривать в различных подвалах помещения для спорта, различные кружки, для того чтобы как-то отвлечь молодежь от улицы. Но опять же в этой работе все упиралось на личность. Вот если находился хороший человек, который мог заниматься с ребятами спортом на общественных началах, значит, это дело получалось, если нет — ничего не получалось. Или та же игра «Зарница», в которой молодежь с удовольствием принимала участие. Воспитание патриотизма через «Зарницу» было гораздо эффективнее, и оно не было натянутым. Там никто не говорил впрямую — люби Родину! Ты сам занимался там прикладными военно-спортивными видами, общался с военнослужащими, с ветеранами и становился совсем другим человеком. Начинал понимать, для чего ты это делаешь и почему ты должен защищать свою Родину.

А параллельно всему этому существовал Ленинский зачет. Это была чистая профанация деятельности комсомола. Мы просто втупую правили цифры, кто сколько сдал, потому что ничего не соответствовало действительности. Где-то проходило, где-то не проходило. Мы делали приписки, лишь бы создать определенный эффект... Это вызывало дикое отторжение у молодежи, и это, конечно, был тупик. Для меня лично стало открытием, что райком комсомола, горком партии состоят в основном из людей, далеких от идей, которые они пытались вдалбливать нам все эти годы. Это были люди, работавшие просто на карьеру, на то, чтобы закрыть «дырки» не реальной зачастую работой, а какими-то бумагами, цифрами, мероприятиями, которые и близко не относились к тому, что нужно. Мною все больше овладевало разочарование...

И все же, надо сказать, наш Краснопресненский район был очень творческим районом. У меня появилось много друзей в театрах, в Союзе писателей, в Союзе журналистов. Для меня это стало открытием другого среза общества.

Это были другие люди, с совершенно другими мыслями, возможностями, делами. Тогда, в середине 1970-х, я познакомился с еще начинающим Юрой Поляковым, ныне известным писателем, с Андреем Яхонтовым — писателем и драматургом, с поэтом Сережей Мнацаканяном и другими и неожиданно для себя почувствовал, что тоже могу что-то излагать, думать, мыслить. Тот же Андрей Яхонтов, который работал в «Литературной газете», стал меня подталкивать к литературному творчеству. Я начал писать какие-то рассказы, фельетончики, еще что-то. Но в какой-то момент почувствовал, что мне не хватает образования, не хватает внутреннего стержня, чтобы стать настоящим творцом. И тогда я принял совершенно неожиданное для себя решение — сдал документы в Литературный институт имени А.М. Горького на вечерне-заочное отделение. Я, первый секретарь райкома комсомола, стал снова студентом. Для всего моего окружения это было настоящим шоком. Я не стал замахиваться на другие специальности, а выбрал для себя литературную критику. Раскрыл рот, слушал лекции, участвовал в семинарских занятиях, очень, кстати, интересных и познавательных, одним словом, попал совсем в другую среду. Моим руководителем был литературный критик Евгений Сидоров, будущий министр культуры РФ и человек совершенно выдающийся.

Надо сказать, что это был очень странный период моей жизни. Во мне произошел какой-то перелом, и я все больше отдалялся от комсомольской работы, которую уже считал для себя не самой важной, в результате чего моя работа в райкоме завершилась. Встал вопрос: что делать дальше? И неожиданно Виктор Мишин и еще ряд моих друзей предложили мне идти в ЦК ВЛКСМ. То, что я учился в Литинституте, и в комсомоле, и в партии учитывалось. Так я попал в ЦК ВЛКСМ, в международный отдел к Игорю Щелокову, сыну Щелокова, и стал заниматься международной журналистикой. Для меня открылся совершенно новый мир. Я принимал огромное количество журналистов из других стран, организовывал поездки по стране, мотался с ними почти так же, как когда-то по месторождениям, но это были уже другие поездки, другие впечатления...

И в этот момент... Еще работая в райкоме, я часто проходил мимо здания, где размещалась газета «Московский комсомолец», и у меня иногда возникала мысль, что я хотел бы работать именно здесь. Но это были только мысли... А потом вдруг меня неожиданно пригласили в горком комсомола и сказали: «Паша, ты — единственный, у кого есть литературно-журналистское образование, ты — член партии, опытный комсомольский работник. Нам нужен главный редактор в газету «Московский комсомолец». Готов пойти?»

Так начался новый виток в моей жизни, я стал главным редактором «Московского комсомольца». Если честно, я тогда вообще не понимал, куда попал, потому что чисто редакционная деятельность была мне неведома, как технологически все устроено, оставалось для меня загадкой. А самая большая загадка заключалась в том, что каждое утро в районе восьми часов утра приходила из ТАССа так называемая тассовка-разблюдовка, в которой указывалось, где, на каком месте должен стоять тот или иной материал (например, выступления Брежнева, Суслова, репортаж и фото с того или иного мероприятия, события). Это было обязателькой, а у нас оставались какие-то «кусочки» полос, на которые мы могли поставить материалы, подготовленные редакцией.

А еще существовал некий 716-й кабинет на седьмом этаже, это был Главлит, куда каждый вечер носили на цензуру материалы. Одни снимали, на других ставили печать, расписывались, и их разрешалось публиковать.

Поначалу коллектив принял меня спокойно и нормально, но потом против меня развернулась достаточно жесткая кампания, что я, типа, ничего не понимаю и не знаю, на меня пошли анонимки в райком и горком партии, мол, я рубашки меняю каждый день, еще что-то не то делаю, галстуки там, пятое-десятое... Началось все это, естественно, не из-за галстуков, а из-за того, что я понял, что мы делаем газету не так, делаем ее для схемы, для «дяди» из горкома или еще кого-то, но никак не для читателя. Читатель занимал в этой строчке последнее место. И тогда я стал размышлять, что же делать... Приходил на Бульварное кольцо — там были стенды с газетами, и с «Московским комсомольцем» тоже, — садился на лавочку, сидел по три-четыре часа с тетрадкой и фиксировал. Вот подходит человек, прохожий, с чего он начинает читать — с первой полосы, последней, с середины? И на чем останавливается, что привлекает его внимание...

Потом, уже месяца через два, я спросил у своих коллег: а почему, например, прошли недавно крупные спортивные соревнования, а мы не ставим победителей на первую полосу? Мне отвечают: «Не положено, потому что спорт — только на последней странице». — «Но он же победитель, это же реальное событие, все об этом говорят и гордятся, что победил советский спортсмен!» — «Нет, это не положено», — стоят они на своем. «А давайте поставим!» — сказал я и, переломив ситуацию, все-таки поставил спортсмена на первую полосу. Это вызвало определенное недоумение у некоторых моих коллег, а может, и где-то еще. Но я на этом не остановился, стал выносить на первую полосу и артистов, и другие интересные события. То есть в корне изменил газету, подстраивая ее под читательские интересы, а не под интерес тех или иных личностей.

Вот тогда и началась так называемая «журналистская забастовка», на меня посыпались анонимки в разные инстанции, человек шестнадцать подали заявления об уходе: мол, не желают со мной работать, я не так делаю газету. Правда, потом некоторые вернулись и признались, что были не правы.

И все же мне удалось сломать стереотипы комсомольско-партийной печати, и газета стала выходить именно для людей. Бывали и ошибки, иногда мы шли не тем путем, иногда был излишек развлекательных материалов. Но при всем том я прекрасно понимал, что все эти изменения просто необходимы.

Павел Гусев — делегат Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве

Надо сказать, что в тот период я познакомился с Ильей Сергеевичем Глазуновым — народным художником СССР, одним из лучших наших живописцев, мыслителем, философом, прекрасным знатоком русской истории, который открыл для меня другой мир, другую историю нашей страны. У него была потрясающая библиотека дореволюционной и эмигрантской литературы, и я, сидя у него дома (а иногда и оставаясь ночевать), буквально зачитывался ею, узнавая новое и новое для меня про революцию, про соратников Ленина, о сталинском периоде и о многом другом, совершенно мне не известном. Все это вместе начало как бы ломать мою психологию и стереотип того, что на самом деле происходило в стране...

Возвращаясь к комсомолу, хочу сказать, что для молодежи делалось очень многое, огромное количество мероприятий проводилось. Но в то же время были и такие вещи, как, например, перед съездом комсомола нас всех собирали, и мы заучивали речовки: «Ленин! Партия! Комсомол!» А на следующем съезде уже кричали: «Брежнев! Конституция! Комсомол!» И все это было показушно и, в принципе, никому не нужно, к тому же все это оставляло жуткий внутренний осадок...

А в 1980-х годах пришел Горбачев, и тон стали задавать «Московские новости», «Огонек», а потом и мы активно включились. Но при этом нас по-прежнему собирали и выдавали жесткие инструкции, как и что надо делать. Помню, как секретарь горкома партии Татьяна Петровна Архипова говорила: «Я не знаю, как делать газету, но вы будете делать так, как я вам скажу!»

Вообще для меня это был тяжелый период, я до сих пор не понимаю, как смог тогда удержаться. Первым секретарем горкома партии стал приехавший из Ленинграда Лев Николаевич Зайков. После одной публикации он вызвал меня на бюро горкома и сказал, что Гусев и редакция занимают неправильные партийные позиции, есть предложение освободить Гусева от работы и исключить из членов партии. Вот тут, когда уже начали подниматься руки, проявилось наше комсомольское товарищество и братство... Встал Стас Смирнов — первый секретарь горкома комсомола и кандидат в члены бюро горкома партии и сказал: «Лев Николаевич, вы знаете, что газета — это комсомольское издание, Гусев — член бюро горкома комсомола. Да, он совершил плохой поступок, напечатав эту статью. Но мне кажется, что это комсомольское издание, и как член горкома комсомола он должен сначала быть разобран комсомольской организацией на бюро горкома комсомола. Дайте нам возможность сделать из этого случая такой вот сильный нравственный момент, чтобы все видели, что нельзя делать в комсомоле, а что можно. Мы разберемся, а затем выйдем с предложением в горком партии, чтобы вы приняли по нему какое-то решение».

Зайков задумался: «А что, это правильно, пусть сначала вы его осудите, а потом и мы займемся».

Таким образом Стас спас и меня, и газету. Разбирательство продолжалось долго. Я получил строгий выговор с занесением в комсомольскую карточку. Но вскоре Лев Зайков исчез, и исчезло все, что было с этим связано. Прошли пленумы горкома и обкома комсомола, и на них было принято решение об отказе от своих прав на газету «Московский комсомолец». И мы стали независимым изданием.

Галина Петровна Гуськова

Директор Алма-Атинской РКШ

(затем РИМ при ЦК ЛКСМ Казахстана)

О системе подготовки и переподготовки комсомольских кадров и актива ВЛКСМ

Развитие нашей страны, характеризующееся значительным подъемом материального и культурного уровня жизни народа, динамичным развитием общественного производства, ускорением научно-технического прогресса, предъявляло высокие требования к кадрам.

Для решения важнейших задач развития любого общества важнейшим условием является наличие способных, грамотных, профессиональных руководителей, людей честных, с твердыми убеждениями, способных организовать дело, беззаветно преданных ему. Кадры были и остаются сейчас решающей силой прогресса. При подборе и выдвижении кадров необходимо учитывать их практический опыт, пройденную ими жизненную школу, начинать свой карьерный рост с низшей должности, а также наличие личной честности, твердости характера, преданности делу. Решающим звеном Союзом молодежи тоже были подбор, расстановка, воспитание кадров и актива и их подготовка.

Большие и ответственные задачи, которые ставила страна, требовали постоянного совершенствования стиля и методов руководства всеми сторонами жизни общества, усиления организаторской и политической работы в массах, что предъявляло высокие требования к руководящим кадрам. Особое значение имела их идейно-теоретическая и профессиональная подготовка.

Усложнение процессов в экономической и социальной жизни требовало глубоких знаний, повышения деловой квалификации, профессиональных навыков и умений. И для решения этих задач была создана продуманная система подготовки и переподготовки кадров. Многие комсомольские руководители прошли подготовку в АОН при ЦК КПСС и партийных школах. При университетах марксизма-ленинизма были созданы факультеты переподготовки комсомольских кадров. Систематически проводились семинары в обкомах, горкомах, райкомах комсомола для всех категорий комсомольских работников и активистов.

Вместе с тем планомерного обучения до 1966 года не было. В записке отдела комсомольских организаций ЦК ВЛКСМ отмечалось, что обучением был охвачен не весь комсомольский актив, отсутствовали единые программы и планы переподготовки, поэтому последовательно ищались новые эффективные пути обучения. Началось создание сети комсомольских школ. В 1967 году было принято Положение о зональной, республиканской, областной комсомольских школах, утверждены учебные планы и программы обучения всех категорий комсомольских работников — от первых секретарей горкомов, райкомов комсомола до секретарей первичных комсомольских организаций. В том же году была создана Минская республиканская школа, затем Киевская, Бакинская, а в мае бюро ЦК КП Казахстана рассмотрело вопрос о строительстве комсомольской школы

в Алма-Ате. В конце 1980-х годов Алма-Атинская, Киевская, Минская и Ташкентская РКШ получили статус Институтов молодежи.

Сеть комсомольских школ постепенно расширялась, укреплялась их учебно-материальная база. В 38 комсомольских школах в 1977 году обучались более 20 тысяч комсомольских работников районного и городского звеньев, первичных комсомольских организаций. Во многих комсомольских школах были открыты вечерние отделения по обучению комсомольских работников и активистов и пионерские отделения. С ЗКШ, РКШ, ОКШ сотрудничали 10 академиков, 100 докторов наук, профессоров, более 600 доцентов, кандидатов наук, многие руководящие партийные и хозяйственные работники. Система переподготовки комсомольских кадров практически охватывала все категории комсомольских работников, что позволяло воспитывать всесторонне подготовленных, образованных, боевых организаторов и воспитателей молодежи. Учебный процесс включал в себя лекции, семинарские и практические занятия, деловые игры, решение конкретных ситуаций, написание рефератов, консультации, экзамены, проведение спецкурса, научно-практических конференций, обмен опытом работы на базе лучших комсомольских организаций.

В выработке профессиональных качеств комсомольского работника особое место отводилось учебной практике, которая проводилась в базовых комитетах комсомола с учетом категории обучающихся и имела четкую тематическую направленность. Основной целью и задачей практики являлось совершенствование знаний, закрепление навыков связи теоретических проблем с практикой, изучение и обобщение передового опыта, приобретение умения решать ситуационные вопросы, ознакомление с новыми формами и методами работы. Во время практики, в зависимости от обучающейся категории, слушатели знакомились с работой заводов, шахт, рудников, совхозов, предприятий питания и торговли, учебными заведениями.

Формирование каждого потока осуществлялось с учетом возрастных, психологических, национальных, индивидуальных особенностей каждого слушателя. Так, например, характерной особенностью Алма-Атинской республиканской комсомольской школы, как и ряда других школ, являлось обучение на каждом потоке представителей многих национальностей. Учебный процесс строился таким образом, чтобы совместная учеба, тесное общение, личные контакты, встречи способствовали укреплению у слушателей чувства интернациональной дружбы. На ряде потоков создавались группы слушателей, плохо владеющих русским языком, для которых занятия по обмену опытом, консультации, экзамен проводились на родном языке.

Таким образом, комсомольские школы заняли ведущее место в системе подготовки и переподготовки комсомольских кадров и актива и имели хорошие перспективы для дальнейшего развития. Эти перспективы прежде всего состояли в повышении качества, совершенствовании методов обучения, усилении роли школ в распространении передового опыта, исследовании проблем в деятельности комсомола. Для охвата обучением всех звеньев комсомольских работников были созданы при обкомах, горкомах, райкомах комсомола постоянно действующие семинары и курсы с учетом опыта и профиля комсомольских организаций. В школах комсомольского актива проходили обучение самые разные категории комсомольских работников и активистов: группкомсорги,

секретари цеховых, бригадных, отделенческих организаций, члены бюро и комитетов комсомола, бригадиры комсомольско-молодежных коллективов, мастера производственного обучения, организаторы летней трудовой четверти, командиры ОКОД и другие. Одним из интересных примеров служил опыт обучения комсомольского и пионерского актива в лагерях «Романтик» и «Костер» и в лагере комсомольского актива учащихся профтехобразования «Монолит» Кустанайской областной организации Казахстана. Там уже сложились свои традиции: встречи трех лагерей, совместные линейки, трудовые десанты, конкурсы, военизированные игры на местности, праздники професий, Нептуна, малые олимпийские игры и многое другое. И таких примеров по стране было много. Научно, грамотно организовать свою работу комсомольским вожакам помогали рекомендации, выработанные на научно-практических и научно-теоретических конференциях, проводимых вместе с партийными комитетами.

Г.П. Гуськова

Вот такая сложившаяся система обучения комсомольских кадров и актива позволяла повысить их деловую квалификацию, что способствовало укреплению комсомольских организаций грамотными, идейно закаленными работниками, повышало уровень организаторской и политической работы комсомола и его авторитета.

К сожалению, сложившаяся система работы с комсомольскими кадрами и активом была на корню разрушена в 1990-х годах. На наш взгляд, и жизнь подтверждает это, опыт работы партийных и комсомольских комитетов по переподготовке кадров и актива и в целом опыт работы с молодежью был бы полезен и сегодня.

Валентин Петрович Денисов

Первый секретарь Ульяновского ОК ВЛКСМ

Секретарь ЦК ВЛКСМ

Депутат Государственной Думы Федерального собрания

РФ Руководитель Россотрудничества в Азербайджане

Кандидат экономических наук

Вспоминая мои комсомольские годы

Комсомолу я отдал тринадцать лет. Для меня это была именно та школа, которая научила принимать решения и брать ответственность в самых разных ситуациях, общаться с людьми в самых разных аудиториях, отстаивать свою точку зрения перед «старым и малым», начальником и подчиненным. Это бесценный фундамент жизни, включающий в себя знания и опыт, победы и ошибки. Теперь, правда, некоторые считают, что комсомол был какой-то кормушкой для «блатных», пустивших на закате организации общественные деньги в личный бизнес. Не без этого, наверное. Но в основной массе в комсомоле состояли и работали порядочные люди. И тот, кто хотел работать на позитив страны, организации, да и на личный авторитет, добивался многого.

Свой приход на комсомольскую работу до сих пор считаю делом случая. В студенчестве я был членом комитета комсомола института. После его окончания получил направление на работу в одну из нечерноземных областей. Но тут случилась трагедия с вожаками Ульяновского райкома комсомола. Меня пригласил Николай Фокин, заворг обкома комсомола, и предложил поработать в райкоме. На мой вопрос: «А как же Нечерноземье?» — ответил: «Это уже дело обкома партии».

Отработал я полтора года, и тут опять случай. На одном из активов райвоенком с трибуны заявил: «У нас некоторые товарищи за комсомольским значком прячутся от армии». Мне шепнули: «Это о тебе». А я на тот момент был членом призывной комиссии, был самый разгар призыва. Такой пассаж военкома меня просто обескуражил. В тот же день я выбрал будущее место службы — Забайкальский военный округ, сам себе выписал призывную повестку. Когда первый секретарь райкома партии Юрий Горячев узнал об этом, он не подобрал выражений в разговоре ни со мной, ни с военкомом...

Поехал служить в Забайкалье, в зенитно-ракетную часть. В армии меня приняли в члены КПСС. После увольнения из армии меня вновь пригласил Горячев и сказал: «Все, показал характер, давай в наш район, будешь опять заниматься комсомолом». Однако я уже решил, что поеду жить и работать в соседний район, в родное село. Горячев на меня, конечно, пошумел, дескать, «предаю» район. Но я вернулся домой и начал работать заведующим животноводческой фермой, потом экономистом.

Возвращение мое «в комсомол» в 1980 году было опять-таки совершенно нетипичным. Представьте: сентябрь, контора закрыта, так как идет уборка картофеля, все ходим по полю с ведрами. Вдруг мчится райкомовский уазик,

и секретарь райкома комсомола Борис Гаврилов подлетает ко мне: «Срочно в обком!» К тому времени я уже был членом бюро обкома, поэтому спокойно говорю: «Девчонки, покараульте-ка мое ведро, я скоро приеду». Так и не вернулся я за тем ведром...

Привезли меня сразу в обком партии. Сергей Марьин, второй секретарь обкома комсомола, на ходу мне шепнул: «Меня рекомендуют на первого, Головки — на второго, а ты будешь секретарем по пропаганде». Для меня такая перспектива была полной неожиданностью. А в обкоме партии говорили об этом уже как о решенном деле: «Есть мнение...»

В тот же вечер мы с Женей Головки оказались в Москве. Начались собеседования в отделах ЦК. Дело это непростое — три дня ходили по разным

В.П. Денисов

этажам. Дошел я до первого зама завотделом пропаганды и агитации Федора Демидова, он мне и говорит: «Ну как же мы будем с тобой работать-то? Я в колхозе ничего не понимаю, а ты в ленинском зачете ничего не смыслишь». И пошел советоваться к своему руководству: «Почему обком партии рекомендует на такую важную идеологическую работу какого-то главного экономиста колхоза?» Ему отвечают: «А ты позвони в обком, выскажи свое мнение». Наверное, над ним просто пошутили, он же все всерьез воспринял. Проходит мимо меня в свой кабинет, набирает номер телефона первого секретаря обкома КПСС Ивана Максимовича Кузнецова... Как потом мне рассказывал Кузнецов, да и сам Демидов это подтвердил, состоялся примерно такой разговор. Иван Максимович: «Как тебя зовут? Федор? Кем ты работаешь?.. Так ты что, Федя, засомневался в решении, которое партия принимает? Ты знаешь, какие последствия могут быть для тебя?»

Спустя два дня меня избрали секретарем обкома. Через два года пригласили поработать в отдел сельской молодежи ЦК ВЛКСМ, затем вновь вернули в Ульяновск. Сначала — вторым секретарем, а потом почти шесть лет я был первым секретарем обкома комсомола. Наверное, что-то получалось, переходящие знамена ЦК вручали нам регулярно, чем мы вызывали немалую ревность в соседних регионах. А затем меня избрали секретарем ЦК комсомола.

На «верхнем этаже» комсомола было много чего интересного. Ярким, эмоциональным и незабываемым событием, например, стал XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в 1985 году в Москве. Мне пришлось стать его непосредственным участником. Конечно, нужно понимать, что это был другой мир, другие люди и другие ценности. К сожалению, это все осталось только в истории, которую очень многие хотят переписать и переиначить. Но есть конкретные факты. В том фестивале принимали участие

30 тысяч иностранцев из 157 стран мира. За восемь дней фестивальной программы прошли десятки самых различных мероприятий: шествия, концерты, спортивные соревнования, посещение различных учреждений и коллективов. Конечно, самые зрелищные — открытие и закрытие — состоялись на Большой спортивной арене «Лужников».

А на следующий день после закрытия фестиваля я в составе большой советской делегации отбыл в КНДР для участия в государственных мероприятиях по случаю юбилея этой страны. В ходе встреч в Пхеньяне родилась идея провести молодежный фестиваль советско-корейской дружбы в Ульяновске. Тогдашнему первому секретарю обкома КПСС Геннадию Васильевичу Колбину это предложение понравилось, и закружилось-завертелось! В течение года мы подготовили очень интересное мероприятие с оригинальными задумками. Приехали известные артисты, каких никогда наш город не видел. Это был грандиозный праздник!

Помню, как начинали в Ульяновске строить Дворец бракосочетаний (ставший в итоге Домом техники). Чуть ли не десять лет строили, даже двери поставили с обручальными кольцами, но дожидаться его открытия уже не было сил... И вот на одном совещании Колбин спрашивает: «Ну что, какие предложения?» Встаю: «Геннадий Васильевич, я был в горисполкоме. Какое здание прекрасное — это же готовый Дворец бракосочетаний!» Пауза гнетущая повисла, а один из руководителей города, глядя на меня, пальцем у виска покрутил.

Прошло месяца два. На очередном совещании Колбин вдруг говорит: «Я в субботу в горисполкоме был. Не помню, кто-то тут предлагал ранее приспособить здание под Дворец бракосочетаний. Давайте дадим срок подобрать помещение для горисполкома». Но мне и не нужно было, чтобы он сказал: «Вот Денисов предлагал...» Мне важен результат. Кстати, по тем временам беспрецедентный случай — чтобы горисполком так потеснили! Зато Дворец бракосочетания до сих пор живет в прекрасном историческом здании, бывшем доме купца Шатрова.

Что еще запомнилось?.. Авиакомплекс — Всесоюзная ударная комсомольская стройка. За нашим обкомом закрепили прием отрядов со всего Союза: размещение, трудоустройство, организацию досуга и прочее. Мы участвовали во всех штабах, которые проводил Дмитрий Федорович Устинов, министр, он прилетал с большой группой специалистов почти каждую субботу. Очень хорошо помню, как строился в Новом городе первый кинотеатр (комсомольский актив помогал стройке по субботам-воскресеньям), как стояли с Сашей Поляковым, секретарем комитета комсомола авиакомплекса, и я тогда спросил его: «Саша, а почему кинотеатр решили назвать «Руслан»?»

Это потом все узнали, что «Русланом» назовут самолет, рабочее название уже, видимо, проговаривалось, и кто-то подсказал дать кинотеатру такое же имя. Ну а когда появился сам самолет, мы сразу все поняли. Конечно, запомнился первый подъем машины. Собрались приглашенные, весь коллектив комплекса, и вот «Руслан» показался из ангара, покатился по полосе, а мы шли за ним, провожая в небо...

Кстати, когда я стал секретарем ЦК комсомола, мне посчастливилось оказаться в Киеве на подъеме «Мрии» — так сказать, родственницы «Руслана», но только грандиознее его по размерам.

Делегаты XII Всемирного фестиваля молодежи. В.П. Денисов второй слева

Как секретарь ЦК ВЛКСМ я занимался несколькими направлениями: работой с сельской молодежью, «Комсомольским прожектором», экологией и так далее. Запомнилась одна поездка в Казахстан, на Аральское море. Там довелось увидеть совершенно нереальную картину — корабли в пустыне. Мы делали облет Арала (вернее, того, что от него осталось), и вдруг видим — стоят корабли среди песков: море-то ушло...

Цель поездки была достаточно серьезной — тогда много говорили о переброске сибирских рек в Среднюю Азию. Примерно через год Егор Кузьмич Лигачев проводил в Киргизии совещание как раз по переброске рек, я тоже присутствовал. Все высказались в том духе, что надо поставить данный вопрос перед Горбачевым и Правительством СССР. А поскольку уже была так называемая «гласность», я почувствовал себя свободно и, когда дошло до моего выступления, рассказал про экспедицию на Арал, заметив, что, перед тем как ставить вопрос о переброске, неплохо посчитать сначала среднеазиатский водный баланс. Сидящие в зале меня «не поняли» — затопали, захлопали. А потом я получил взбучку от Лигачева: «Я думал, ты наш, а ты, оказывается, залыгинец (писатель Залыгин тогда поднял против переброски рек движение «зеленых»). Ты не понимаешь, какая ситуация в Средней Азии, с ними же надо ласковее!..» (Кстати, если на совещание я прилетел с Лигачевым на его самолете, то обратно возвращался рейсовым.)

Потом он пригласил меня на Старую площадь, в ЦК КПСС, и продолжил воспитательную беседу. Лигачев, несмотря на то что сам имел опыт работы в комсомоле, почему-то жутко боялся молодежных инициатив. Опасался, на-

верное, как бы эти комсомолята чего серьезного не напридумывали, как бы не появились какие-нибудь новые Семичастные и Шелепины, которые в хрущевскую «оттепель» сыграли свою роль в изменении курса страны.

Я хорошо помню, как проходили юбилеи комсомола. Хочу рассказать об одном случае, произошедшем со мною в дни празднования 70-летия комсомола. Сегодня его можно назвать курьезом, а тогда... В ту пору я уже был секретарем ЦК ВЛКСМ. И вот в один из октябрьских дней мой коллега Николай Долгушкин передает мне поручение первого секретаря Виктора Мироненко побывать на одном праздничном мероприятии. Причем буквально через час. И где бы вы думали? Ни много ни мало в КГБ СССР, на Лубянке. ЦК ВЛКСМ находился неподалеку, поэтому я пешком добрался до места назначения. Меня встретили, вежливо проводили по служебной лестнице сразу за кулисы сцены актового зала.

Там уже собиралось руководство КГБ. Подошел и недавно назначенный председатель КГБ Владимир Крючков. Начинаем занимать места в президиуме, одновременно открывается занавес. Я вижу огромный полный зал. Ветераны — в форме, действующие сотрудники — в штатском. И тут слышу: «Слово для доклада предоставляется секретарю ЦК ВЛКСМ...» Значит, мне. Успеваю спросить: «Сколько по регламенту доклад?» — «До 40 минут». Начинаю осознавать, в какую «историю» я попал, ведь меня о докладе никто не предупредил. Пока шел до трибуны, успел достать из кармана приглашение, выписанное на имя Мироненко. Тем самым стараюсь показать присутствующим в зале, что это тезисы моего выступления. Посматриваю на часы, выступаю уже 32 минуты. При этом внимательно наблюдаю за реакцией президиума и зала. Наконец, завершаю выступление и вдруг слышу громкие аплодисменты. Следом за мной на трибуну поднимается Крючков. Очень хорошо помню, с чего он начал свое выступление. «Мне вот тут подготовили речь минут на 15», — при этом показывает несколько листов бумаги. Немного подумав, откладывает их в сторону и произносит: «В начале Великой Отечественной войны я был комсоргом на Сталинградском тракторном заводе...» Зал начинает аплодировать. Представляете, что мне пришлось пережить в минуты своего выступления-экспромта?

Или вот. 29 октября 1988 года мы пригласили в ЦК секретарей и заведующих отделами разных поколений. Несмотря на жесткость горбачевско-лигачевского «сухого закона» и пагубные последствия его нарушения, подготовили легкий фуршет. Но никто не хотел брать на себя ответственность дать команду внести в зал фужеры с шампанским. Вдруг появляется управделами ЦК КПСС Николай Кручина (когда-то он возглавлял отдел сельской молодежи ЦК ВЛКСМ) и говорит мне: «Собрали таких уважаемых людей и по рюмке им не нальете?» Говорю ему: «Все есть, только никто не решается взять на себя ответственность». А он в ответ: «Значит, ты возьми ее на себя. Дай команду, пусть заносят».

На следующее утро он мне позвонил и сказал: «Валентин, передай Мироненко, что по возвращении на Старую площадь я рассказал Горбачеву об этой теплой встрече, он одобрил. Пусть Виктор не трясется от страха».

Положительные эмоции у меня остались от празднования 95-летия комсомола. В 2013 году я уже работал в Баку представителем Россотрудничества.

В Российском информационно-культурном центре решил собрать комсомольский актив Азербайджана. Пришли около 100 человек. Обстановка получилась очень неформальной и дружеской. Как потом я понял, в таком количестве и составе они не встречались ни разу после развала СССР.

Секретарем ЦК ВЛКСМ меня избрали на XX съезде. Я проработал в этом качестве ровно три года, день в день.

В стране все больше набирала обороты перестройка. XXI съезд комсомола проходил уже не в Кремле, а в гостинице «Россия». Перед началом первого заседания в комнате президиума состоялось чаепитие с участием секретарей ЦК ВЛКСМ и генсека Михаила Горбачева. В этой неформальной обстановке завязался откровенный разговор о судьбе СССР. Мне удалось задать ему несколько вопросов. Например, о его личном отношении к идее создания российской компартии и появившимся статьям ленинградки Нины Андреевой с призывом «закручивать гайки» в стране и партии, то есть «крепить дисциплину». И так далее. Я услышал от него, что то и другое он не разделяет и не собирается поддерживать, что за этим стоит Лигачев, а не все руководство партии. Его ответы меня удовлетворили, я их воспринял положительно. Каково же было мое удивление, когда Горбачев буквально через несколько минут, выступая уже с трибуны съезда и касаясь этих вопросов, высказал полностью противоположные суждения. Я сидел в зале и думал: «Какой генсек настоящий: тот, с которым мы только что пили чай, или тот, который стоит на трибуне?» После его выступления ряд делегаций, в первую очередь из прибалтийских республик, перешли «в наступление». Они требовали для себя прав и полномочий, намного превышающих права и полномочия центра. Так был запущен механизм развала комсомола. Параллельно подобное уже происходило и в КПСС. Участь СССР была предрешена. Часы обратного отсчета приближения дня окончательного развала великой страны уже давно были запущены.

На следующий день я заявил с трибуны съезда о том, что больше не считаю возможным свое пребывание в выборных органах комсомола. Так завершилась моя комсомольская карьера.

Время показало, что после XXI съезда комсомол превратился совсем в иную организацию, а потом и вовсе прекратил свое существование.

Александр Сергеевич Дзасохов

*Первый заместитель председателя Комитета
молодежных организаций СССР*

*Первый заместитель председателя Советского
комитета солидарности стран Азии и Африки*

*Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Сирийской
Арабской Республике*

Первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС

*Член Политбюро ЦК КПСС, член Президиума Верховного
Совета СССР*

*Председатель Комитета по международным делам
Верховного Совета СССР*

Президент Республики Северная Осетия — Алания

*Заместитель председателя Комиссии Российской
Федерации по делам ЮНЕСКО*

Доктор политических наук, действительный член РАЕН

*Имеет государственные награды СССР, Российской
Федерации и ряда зарубежных государств*

Маяк на всю жизнь

Прошло много десятилетий со времени моей комсомольской молодости, и сегодня, с высоты своего возраста, могу сказать, что это была самая важная часть моей жизни с точки зрения получения жизненного опыта, глубокого понимания своего долга перед Отечеством.

Моя комсомольская биография началась в 1955 году, когда меня, студента третьего курса Северо-Кавказского горно-металлургического института, избрали секретарем комсомольской организации вуза. Организация была большая — более трех тысяч человек. Сам вуз был многонациональным, здесь учились люди со всего Советского Союза. Одни уже отслужили в армии, другие пришли со школьной скамьи.

Институт был, как сегодня сказали бы, элитарным — студенты носили форменную одежду, получали повышенную стипендию. Для нас главным было получить качественное образование и готовиться к большим делам послевоенного созидания. Вместе с тем комсомольская организация должна была реагировать на общественно значимые события. В середине 1950-х годов ЦК комсомола бросил клич: «Пусть земля горит под ногами у хулиганов!» Как и по всей стране, нам было чем заняться. Местная шпана облюбовала для своих сборищ прилегающую к институту территорию. Нередкими были драки со студентами, в ход шло и холодное оружие.

В апреле 1955 года, в один из выходных дней, по инициативе комитета комсомола был организован рейд среди молодежи, приехавшей в институт со всех концов города на танцы. За вечер изъяли 27 финских ножей и десятки свинцовых кастетов. В формах обращения с преступной шпаной мы себя

не ограничивали, применили физическую силу.

Это событие получило большой общественный резонанс. Расследованием занялся областной комитет партии. И первый секретарь обкома Владимир Агкацев, который непосредственно изучал обстоятельства происшедшего, прекрасно понимал, что дальше терпеть хулиганство нельзя. Но, с другой стороны, мы вроде бы проявили самоуправство.

Расследованием на областном уровне дело не закончилось. Делегация наших студентов по моему поручению отправилась в Москву и попала в приемную председателя Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова. Сотрудники аппарата Верховного Совета позвонили в обком партии, запросили дополнительные материалы. В результате мы отстаили свою правоту. За ту апрельскую операцию некоторые наши студенты, в том числе и я, получили в подарок именные часы от министра внутренних дел РСФСР генерала Тикунова.

После окончания института ректор института С.И. Крохин рекомендовал поступить в аспирантуру, однако вскоре меня избрали первым секретарем горкома комсомола Владикавказа — исторического города на Юге России. Одновременно на полставки преподавал в институте.

На долю комсомола выпадали задачи особой государственной важности и общественной значимости. Надо было реагировать на события и вызовы, которые сопутствовали тому времени. После XX съезда партии, связанного с вопросами культа личности И.В. Сталина, в общественной и особенно в молодежной среде была бурная реакция, возникали острые публичные дискуссии. В ряде мест, например в Грузии, в Тбилиси, на митинги выходили тысячи студентов. ЦК ВЛКСМ счел необходимым созвать срочное совещание секретарей вузовских комсомольских организаций всего Кавказа — от Ростова до Закавказских республик. Собрались в Тбилиси. Старшим по должности и опыту был Николай Месяцев, секретарь ЦК ВЛКСМ, человек сильной политической воли, прекрасный оратор и полемист. Он выступил перед многолюдными аудиториями студенческой молодежи, дал обстоятельные разъяснения и советы всем участникам совещания. По сути дела, он переломил протестную ситуацию, сумел создать атмосферу единства среди молодежи и тем самым оставил огромное впечатление как настоящий лидер комсомола и советской молодежи. Впоследствии Месяцев многие годы возглавлял Гостелерадио.

На работу в Москву в аппарат ЦК ВЛКСМ я попал совершенно неожиданно. В конце февраля 1958 года меня вызвали в столицу, предварительно дав понять, что речь может пойти о переходе на работу в ЦК ВЛКСМ. В Москве после серии собеседований Евгений Соколов, заведующий организационным отде-

*А. Дзасохов — секретарь
комитета комсомола СКГМИ.
1955 г.*

лом ЦК ВЛКСМ, представил меня первому секретарю ЦК ВЛКСМ, легендарному Александру Николаевичу Шелепину, лидеру московской молодежи в годы Великой Отечественной войны, пользовавшемуся у нее огромным авторитетом. Поэтесса Маргарита Алигер писала о нем в поэме «Зоя», посвященной Герою Советского Союза Зое Космодемьянской. Встреча с Шелепиным и его добрые советы и теперь в моей памяти. Несмотря на свое высокое положение, он интересовался делами в моей родной Осетии и на Кавказе.

В качестве ответственного организатора орготдела ЦК ВЛКСМ я курировал Южный Урал. По 200—230 дней в году приходилось проводить в командировках. Десятки раз бывал на Магнитогорском металлургическом комбинате, на Челябинском трубопрокатном заводе, а также практически во всех областях, краях и республиках нашей большой страны.

Особенно запомнились командировки в военные округа. В ЦК ВЛКСМ тогда работал Алексей Михайлович Королев, заведующий военно-оборонным и спортивным отделом. Он часто приглашал меня в поездки по военным частям, в Ленинградский военный округ, Кронштадт, Калининград. Помню, мы в течение почти двух недель объезжали и облетали места базирования Тихоокеанского флота. Несколько раз с нами был командующий флотом адмирал Виталий Алексеевич Фокин. Когда мы подходили к кораблю, представитель командования докладывал ему о построении личного состава, а он говорил: «Отставить! Докладывайте представителю ЦК комсомола». Фокин понимал, что мы еще очень молоды и мало что сделали для страны по сравнению с ним. Но своим поведением давал понять и нам, и морякам, сколь большая надежда возлагается на молодое поколение.

Вспомню еще одну интересную историю. В 1961 году, в связи с кончиной председателя Госсовета Германской Демократической Республики Отто Гро-теволя, а это был известный в мире социал-демократ, который предпочел быть на стороне ГДР и Социалистического содружества, Верховный Совет СССР объявил двухдневный траур по всей стране. Такой была форма скорби с народом близкого, дружественного государства. В этот же день секретаря ЦК комсомола Лена Карпинского и меня первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов срочно отправил в Магнитогорск — флагман металлургов Советского Союза. Что там происходило? На день всесоюзного траура в парке Магнитогорска был заранее назначен вечер танцев. Молодежь ожидала этого события. А тут танцы отменили. Местные ребята решили по-своему: танцам быть! И произошло столкновение молодых рабочих с милицией. Мы с Леном Карпинским целую неделю разъясняли, убеждали, отвечали на вопросы и предъявляемые претензии. Конечно, оставались на стороне молодежи. Но чтобы не разжечь костер непонимания, пришлось проводить встречи во многих коллективах, о многом беседовать. Позже я не раз бывал в Магнитогорске, общался и с теми горячими ребятами, но мы и дальше были с ними в одном строю.

Подчас комсомольцев того времени представляют такими «роботами», слепо выполнявшими партийную волю. Это ошибочное представление. Наша молодость сглаживала многие бюрократические штампы. Жизнь была яркая, с приключениями, богатая на выдумки, всякие хохмы.

Об управделами ЦК ВЛКСМ Тигране Григоряне ходили легенды. Это был очень энергичный и способный человек. Всегда непоколебимо стоял на сво-

их профессиональных позициях и в ходе подготовки к важным мероприятиям доходил до пика напряжения. Ребята очень ценили его, но иногда подшучивали. Как-то Борис Моздухов, один из старейших работников ЦК комсомола, приятель Григоряна, куратор комсомольских организаций Москвы, позвонил Тиграну и, изменив голос под узбекского комсомольского лидера Каюма Муртазаева, сказал: «Только что из Ташкента на Казанский вокзал прибыл состав с баранами для разнообразия меню делегатов молодежного фестиваля. Организуй разгрузку». И Григорян, привыкший все исполнять сразу, тут же направил на вокзал людей. И только потом понял, как его разыграли. Можно представить себе его реакцию!

Работники ЦК комсомола часто подключались к подготовке и проведению крупных общественно-политических мероприятий союзного масштаба. Это были уроки жизни со знаком «плюс» или «минус». Никогда не забуду, как не сдержал слез на одном из молодежных мероприятий Л.И. Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС. А дело было так. В 1963 году во Дворце пионеров на Ленинских горах в Москве проходила встреча с комсомольцами — участниками выполнения важной задачи в Алжире. И вот поднимается на трибуну парень с костылем, ему в Алжире при ликвидации мин, оставшихся после войны, оторвало ногу. Напомню, Алжир многие годы боролся за свою независимость. Тогда почти каждый третий алжирец погиб. А когда эта война закончилась, наши ребята помогли ликвидировать ее последствия. Во время рассказа парня-сапера о тех событиях зал замер, мужество наших ребят в далекой стране потрясло всех. Леонид Ильич, выслушав, не выдержал, выйдя за кулисы, закурил, чтобы унять волнение, и завел с нами разговор о своих комсомольских годах. Он, фронтовик, не мог сдержать нахлынувшие эмоции. А потом дал указание помочь бывшему саперу и его комсомольским товарищам.

Совсем в другом облике предстал перед работниками ЦК комсомола Никита Сергеевич Хрущев. Дело было в Воронеже. В 1960 году в центре российского Черноземья под председательством Хрущева проходило очередное всесоюзное совещание после сбора урожая кукурузы. Как известно, в те годы у него была навязчивая идея: кукуруза везде — от юга до севера! И вот на трибуну выходит секретарь Пензенского обкома партии С.М. Бутузов, рассказывает о собранном урожае кукурузы и показывает два початка. Хрущев тут же спрашивает: «А вес их каков?» Бутузов отвечает: «Где-то до 250 граммов». Помощник Хрущева Шевченко тут же хватя эти два початка, взвешивает и потом докладывает: меньше, нет тут 250 граммов. Как же Хрущев разбушевался! Начал кричать, унижать Бутузова, говорил всякие нелепости. Это тоже был урок жизни, только с негативной стороны — как нельзя поступать. Руководитель не должен опускаться до грубости, унижать людей. Это мы, молодые, понимали и учились тому, что, выполняя директивы, нельзя терять души и человеческого участия. Чем выше должность, тем выше должны быть ответственность и политическая культура.

Тем временем страна переживала период, получивший название политической «оттепели». Расширялись международные контакты СССР, в том числе по линии общественных и молодежных организаций. Естественно, в нашей среде рос интерес к этой сфере деятельности, тем более что комсомол активно наращивал свои международные связи. Несколько работников ЦК комсомола

начали в свободное от работы время изучать иностранные языки. Я взялся за английский. Возможно, это стало одной из причин, по которой секретариат ЦК ВЛКСМ направил меня на работу в Комитет молодежных организаций СССР. В 1962 году я стал его ответственным секретарем, а затем — первым заместителем председателя КМО СССР.

Работа в комитете была интересной, давала возможность получить новые знания, обрести качества политика и дипломата.

С благодарным чувством вспоминаю Сергея Калистратовича Романовского, первого председателя созданного в 1956 году Комитета молодежных организаций СССР. После войны, как говорится, во фронтовой шинели Романовский, имевший немало боевых наград, поступил в Институт международных отношений в Москве. Позже незаурядные личные качества вывели его на переднюю линию политической и дипломатической деятельности.

Совместная работа с Романовским позже переросла в дружбу. Много лет спустя я, уже в качестве члена Политбюро ЦК КПСС и председателя Комитета по международным делам Верховного Совета СССР, приезжал в Мадрид на съезд правящей социалистической партии. Там находился и Романовский. В те годы он был очень успешным послом нашей страны в Испании.

Сменил Романовского в Комитете молодежных организаций Петр Николаевич Решетов. Человек уральской крепости духа, волевой, с неиссякаемой способностью вникать в суть вопросов, уважающий чужое мнение, лишенный чиновничьих привычек, порядочный и надежный во всем. Своей работой Решетов подтвердил, что у Комитета молодежных организаций сильные лидеры. Позже он был направлен на работу в Гостелерадио, на смену легендарному Энверу Назимовичу Мамедову, и оставил в журналистской среде самые добрые воспоминания о себе.

Назову еще несколько очень способных парней из молодежного движения моего времени. Это Владимир Яровой, Саша Лебедев, Валерий Кузнецов, Юрий Данилов, Владимир Ломейко, Виталий Миляев. Всех и не перечислишь.

Молодежи свойствен свободный, свежий взгляд на политические вопросы. И это помогало нам, работая на международной арене, многое делать для объединения молодежных движений самых разных взглядов. Не только левых и социал-демократических. С нами в разных формах сотрудничали крупные молодежные движения стран Запада, причем уже в то время, когда там обострялась конфронтация с СССР. Международные молодежные форумы против ядерной угрозы, конгрессы, посвященные борьбе за сохранение мира, были серьезным дополнением к общим усилиям нашего государства на международной арене.

В моих записных книжках и фотоархивах много материалов 1960-х годов. Постараюсь их сохранить и передать в архив истории советской молодежи, создание которого считаю очень полезным делом.

1960—1970-е годы были наполнены жестким противостоянием двух мировых систем. Молодежное антивоенное движение стало как бы зеркалом разделения мира: с одной стороны — СССР и его союзники, с другой — США и страны НАТО. Но во второй половине 1960-х годов произошла потрясающая вещь: молодежные движения социалистических и западных стран находили все большее взаимопонимание. Все были против роста ядерных вооруже-

ний, расширения военных баз, военных интервенций, как это было во Вьетнаме. Многие бывшие лидеры тогдашних молодежных организаций, в том числе и из другого политического лагеря, стали потом руководителями своих государств и политических партий. Это Герхард Шредер, который долгое время был лидером молодых социалистов ФРГ. Жозе Мануэль Баррозу, который в молодые годы возглавлял Союз студентов-маоистов Португалии, а спустя некоторое время в течение десяти лет был председателем Еврокомиссии (2004—2014 гг.). Известный польский политик, экс-президент Польши Александр Квасьневский в молодости был президентом Союза польских студентов. Фейсал Микдад, ныне первый заместитель министра иностранных дел Сирии, был секретарем Международного союза студентов, очень влиятельной по тем временам молодежной организации. Можно назвать десятки имен и других известных политиков, которые прошли школу становления в различных молодежных организациях.

За годы работы в комсомоле и КМО СССР у меня была счастливая возможность встречаться и беседовать с Фиделем Кастро, Эрнесто Че Геварой, президентом Алжира Ахмедом бен Белла, президентом Египта Гамалем Абделем Насером, архиепископом и первым президентом Кипра Макариосом, с великими чилийцами Сальвадором Альенде и Пабло Нерудой и многими другими.

В июле 1963 года по поручению политического руководства страны и ЦК ВЛКСМ возглавил группу из трехсот молодых, но имеющих опыт советских специалистов, направленных в длительную командировку на Кубу. Мы должны были помочь кубинскому руководству провести административно-территориальную реформу, предоставить консультации по широкому кругу вопросов — от экономического планирования и внешнеэкономической деятельности до размещения трудовых ресурсов и проектирования дорог.

Добирались мы в Гавану из Ленинградского порта более 15 суток через Атлантику. Прошло около шести месяцев после Карибского кризиса. Советско-кубинские отношения на какое-то время ухудшились. Кубинские руководители считали, что, выведя ракеты с Кубы, СССР едва ли не предал Кубинскую революцию. Но кубинский народ выбрал социалистический путь развития, поэтому советский опыт был для него крайне важен. И нам предстояло в рамках наших возможностей закрепить солидарные отношения, помочь возвращению советско-кубинских отношений в дружеское русло.

Я имел важное официальное поручение ЦК ВЛКСМ установить доверительные и добрые отношения с представителями руководства авторитетной и очень влиятельной общекубинской молодежной организации «Хувентуд

А.С. Дзасохов

Ребельде», в частности с третьим человеком в политической иерархии Кубы Джулио Эглесиасом.

На Кубе со мной работала отличная команда специалистов. Все с честью выполнили свою задачу. С большой симпатией вспоминаю Владимира Бондарчука, бывшего первого секретаря Одесского обкома ВЛКСМ, блестящего организатора, позже работавшего торгпредом СССР на Кубе. Иван Ушачев стал академиком и вице-президентом ВАСХНИЛ, Василий Громов — советским послом в Латиноамериканских странах, Геннадий Глоба — руководителем торгового представительства СССР в Японии. Этот список можно продолжать и продолжать.

В следующий раз я попал на Кубу только в 1967 году. Тогда я был первым заместителем председателя Комитета молодежных организаций СССР. В Гаване открывалась конференция Организации солидарности народов Латинской Америки. Сначала в Москве решили, что советскую делегацию в Гаване возглавит первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Машеров. Потом вместо него предложили кандидатуру первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова. Но в конце концов в Гавану вместо кандидатов в члены Политбюро было решено направить меня как руководителя Комитета молодежных организаций СССР. Причем вся советская делегация состояла лишь из двух человек — меня сопровождал старший научный сотрудник Института Латинской Америки Сергей Семенов.

Кубинской поездке на конференцию Организации солидарности народов Латинской Америки предшествовала командировка в Каир. В июне 1967 года, в ходе так называемой Шестидневной арабо-израильской войны, Египет потерпел поражение. Обстановка в Каире была накалена. В стране царил антисоветская истерия, на непрекращающихся митингах говорили о ненадлежащей якобы подготовке к войне по вине советских офицеров-советников. Именно в эти дни в Москве было принято решение отправить делегацию в Каир. Впереди нас ждали очень нелегкие выступления, острые дискуссии. Состав делегации был сильным, ее возглавлял депутат Верховного Совета СССР, секретарь ЦК Компартии Узбекистана Рафик Нишанов.

Помню, как недалеко от Каира, в Сахара-Сити, собрались около трех с половиной тысяч египетских военнослужащих — в запальчивом настроении, раздосадованные поражением. Мне, представителю комсомола, предстояло подняться на трибуну и защищать позицию моей страны, находить верные аргументы. И это получилось...

Теперь я в том возрасте, когда надо подводить итоги. За плечами много политических и государственных должностей, научных и дипломатических званий, награды советские, современной России и зарубежных государств. Вспоминая прошлое, скажу, что именно годы работы в комсомоле задали нужную жизненную траекторию.

Надеюсь, что 100-летие ВЛКСМ, оставаясь важной исторической вехой, одновременно даст молодежи современной России возможность взять лучшее из опыта комсомола. Подразумеваю не только идеологические, мировоззренческие взгляды, но и способность обретать глубокие знания, почитать нравственные ценности, ценить дружбу между народами, образующими наше Отечество, свято хранить преемственность поколений разных эпох.

Николай Кузьмич Долгушкин

Секретарь ЦК ВЛКСМ

Руководитель секретариата заместителя

председателя Правительства РФ

Заместитель министра сельского хозяйства РФ

Член Совета Федерации ФС РФ

Главный ученый секретарь Президиума Российской академии наук

Доктор экономических наук, профессор,

действительный член РАН

Горбачева не послушались...

Родился я в селе Ковыляевка Оренбургской области. Отец был механизатором — причем лучшим механизатором района, мама трудилась на птице- и свинофермах. Я, два моих брата и сестра с детских лет во всем помогали родителям. В пятом классе я уже сторожил колхозный ток, разгружал машины с пшеницей, работал на зернопогрузчике, потом «дорос» до помощника комбайнера, а после школы уже работал на «степном корабле» самостоятельно.

Поступил в Погроминский аграрный техникум, а через год — на заочное отделение Куйбышевского сельхозинститута. После окончания техникума в 1969 году вернулся в родной колхоз, назначили меня главным агрономом, вскоре приняли кандидатом в члены КПСС. А летом 1971-го прямо в поле ко мне подъехали первый секретарь райкома партии Иван Фролович Дорожкин и первый секретарь Оренбургского обкома ВЛКСМ Александр Зеленухин и предложили должность первого секретаря райкома комсомола. Я пытался как-то возражать, но... Так в 22 года я стал первым секретарем Тоцкого райкома комсомола...

В 1973 году, когда я окончил Куйбышевский сельскохозяйственный институт, пришла повестка в армию, и отправили меня служить на год в Группу советских войск в Германии.

После армии вернулся в родной район, и какое-то время работал инструктором Тоцкого райкома партии, а позже был избран вторым секретарем Оренбургского обкома комсомола. В 1977 году меня утвердили заместителем заведующего отделом сельской молодежи ЦК ВЛКСМ, в 1978 году избрали первым секретарем Оренбургского обкома комсомола, а через три года — секретарем ЦК ВЛКСМ по работе с сельской молодежью, в 1986 году — вторым секретарем ЦК ВЛКСМ.

В 1989 году был переведен на работу в организационный отдел ЦК КПСС и курировал Таджикскую партийную организацию.

Как раз в то время произошли «душанбинские события», когда в Душанбе националисты пытались устроить переворот и захватить власть. Ночью вместе с Борисом Карловичем Пуго — главой Центральной контрольной комиссии ЦК КПСС — мы вылетели в Таджикистан.

Н. Долгушкин — воин Советской армии

Там уже все было очень серьезно: первый секретарь ЦК компартии, председатель Верховного Совета и председатель правительства Таджикистана были взяты в заложники, несколько человек были убиты. Мы с Пуго прилетели прямо к началу пленума ЦК компартии республики, который в конечном итоге принял решение: «Ни шагу назад!»

После пленума зашли в кабинет второго секретаря ЦК партии Геннадия Гавриловича Есенкова, и оттуда Борис Карлович позвонил Горбачеву и доложил обстановку: перед зданием ЦК собралась толпа, где-то около пяти тысяч, требуют отставки руководства, а среди них уже шныряют люди с ножами и потихоньку начинают «пускать кровь».

Горбачев ответил: «Если народ требует отставки, то они должны уйти в отставку», — и положил трубку.

Я был категорически против этого и сказал Пуго: «Борис Карлович, опыт истории подсказывает, что ни в коем случае нельзя этого делать».

Решили выйти в прямой эфир на телевидении, так как волнения начались уже и в других крупных городах. Кроме того, появились и временное правительство, и самозванный лидер, все было, как говорится, на грани. Мятежники к этому времени уже захватили республиканскую больницу, Дворец культуры и спорта, некоторые другие важные административные здания.

Борис Карлович поехал в телецентр, который мятежникам так и не удалось занять, так как его охраняли наши БТРы, а мы с Шухратом Султановым — заворгом ЦК Компартии Таджикистана — стали обсуждать ситуацию.

Члены пленума еще не успели разъехаться. Два райкома партии в Душанбе возглавляли бывшие комсомольские работники, и мы, созвонившись с ними, договорились, что нужно собрать всех членов ЦК и членов горкома партии.

В 9 часов вечера все собрались в зале и спрашивают: «Где Пуго, где Долгушкин, почему вы нас сдаете?»

Я позвонил Пуго: «Борис Карлович, вам нужно срочно приехать сюда, члены объединенного пленума собрались, спрашивают, где вы, и требуют не идти ни на какие уступки».

Он приехал очень скоро, и началось заседание, на котором была принята короткая резолюция — никаких уступок мятежникам.

Ночью на улицы были выведены отряды самообороны (впервые в Советском Союзе), в основном из русскоязычных жителей, так как уже были случаи грабежей и мародерства — срывали сережки с русских женщин, разграбили банк, начали грабить магазины. Основные здания все же удалось заблокировать

Секретари ЦК ВЛКСМ и секретари ЦК ЛКСМ союзных республик

с помощью подкрепления из ОМОНа и милиции, основных зачинщиков стали арестовывать.

Но через день мятежники решили вывести на центральную площадь уже десять тысяч людей. И вывели, но не на площадь, а на пустырь на окраине города, поскольку центр мы перекрыли грузовыми машинами. К нам прибыла подмога из Москвы, в том числе работники ЦК КПСС из отделов пропаганды и международных отношений.

Митинг был в разгаре, у микрофона то и дел менялись ораторы, а в стороне сидел парень лет тридцати, весь в белом. Как мне сказали, это был их имам, он прошел подготовку в Эмиратах и сейчас здесь за главного.

Я подошел к нему, представился и сказал: «Все, что вы делаете, — незаконно. Поэтому или ты сейчас скажешь, чтобы все разошлись, или мы тебя арестуем и увезем в милицейской машине».

Он сделал вид, что не понимает, и даже головы не повернул в мою сторону.

Через пару минут я снова подошел к нему и повторил свои слова еще раз, но он снова сделал вид, что не понимает. И только после третьего раза он, посмотрев на меня ненавидящим взглядом, поднялся и вскинул вверх руки. Толпа стихла, встала на колени. Он минут десять говорил, проклиная коммунистов, советскую власть, затем прочитал молитву и дал команду расходиться. Народ стал расползаться в разные стороны...

В конечном итоге мы полностью овладели ситуацией, ввели комендантский час, и постепенно все успокоилось.

Через две недели мы вернулись в Москву и подготовили записку на имя Горбачева, что нужно сделать, чтобы подобное больше нигде не повторилось. Горбачев собрал руководителей Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. (Кстати, первый секретарь ЦК партии Киргизии самонаде-

Секретарь ЦК ВЛКСМ Н.К. Долгушкин вручает награды комсомола

янно сказал тогда, что это только Таджикистан прошлепал, а у них, в Киргизии, такого быть не может.) Это совещание проходило в апреле 1990 года, а уже летом в Киргизии случилась ошская резня, средневековая страшная резня, когда были убиты более тысячи человек — им отрезали головы, вспарывали животы беременным женщинам, грудных младенцев бросали в арыки...

Потом уже мне сказали, что, если бы мы не удержали ситуацию под контролем, должна была вспыхнуть вся Средняя Азия. Уже и деньги были приготовлены, а в Душанбе были завезены в большом количестве водка и наркотики...

Когда все закончилось, Борис Карлович пригласил меня в Центральную контрольную комиссию КПСС. А в августе 1991 года, после известных событий, все как-то быстро, можно сказать, растворилось, и мне пришлось возглавить ликвидационную комиссию ЦКК КПСС. На этом моя партийная работа завершилась...

Сегодня, анализируя события, участником которых мне пришлось побывать, я прихожу к выводу: ситуацию в Душанбе смогли выправить люди, имевшие огромный опыт комсомольской работы. Именно на комсомольской работе молодые люди приобретают опыт общения со своими сверстниками, которые, в силу возраста и недостаточности опыта, не только отличаются категоричностью мнений, но и пытаются отстаивать их в любых ситуациях.

После тех среднеазиатских событий я, наверное, впервые в полной мере осознал, как много дал мне опыт комсомольской работы. А позже, уже работая в правительстве, Министерстве сельского хозяйства России, в Совете Федерации и в Академии наук, я все больше и больше укреплялся в этом мнении... Знания, опыт работы с молодежью, навыки, полученные мной, и теперь помогают мне...

Зинаида Федоровна Драгункина

*Первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома
ЛКСМ*

Заведующая отделом ЦК ВЛКСМ

Депутат Московской городской Думы

*Член Совета Федерации Федерального собрания
Российской Федерации*

*Председатель Комитета Совета Федерации по науке,
образованию и культуре*

Заслуженный учитель Российской Федерации

Традиции, проверенные временем

В моей памяти навсегда сохранились строки поэта: из комсомола, как с Байконура! Образ этот, передающий, как со стартовой площадки на казахстанской земле отправлялись в космическое путешествие корабли с космонавтами на борту, точно определяет становление судеб миллионов юношей и девушек, прошедших школу комсомола и точно, безошибочно избравших свой дальнейший жизненный путь. Комсомол, которому в нынешнем году исполняется сто лет, был уникальным общественным феноменом. Ни одна эпоха до этого не создавала столь грандиозного объединения молодежи, одухотворенного великими идеалами патриотизма и справедливости, открывающего перед юными поколениями широкий простор для творческого и профессионального роста. Моя жизнь — одна из миллионов — тому подтверждение.

Много несправедливого наговорено за время бурных перемен на эту в целом замечательную организацию, которая делами своими, подвигами тысяч и тысяч своих членов завоевала благодарную память в истории наших народов. Сделанное комсомолом не удастся никому перечеркнуть. История — вещь справедливая, со временем она все расставляет по своим местам. Считаю, что сама система подготовки кадров в то время была лучшей, позволяла выявить молодых лидеров и обеспечивать им социальный и карьерный рост. Сегодня многое делается в этом направлении, и важно, что основной упор здесь — на молодежь. И это правильно.

Я рада, что проверенные временем лучшие традиции комсомола востребованы в работе современных молодежных объединений — набирающего силу Российского движения школьников, детско-юношеского патриотического движения «Юнармия», добровольческих, волонтерских организаций.

Справедливости ради надо сказать, что в комсомоле не было ничего идеального, встречались там и случайные люди, и молодые, да ранние карьеристы. Но в массе своей юноши и девушки вступали в комсомол по велению своих сердец, полные предчувствий свершения собственных судеб. И эта, я бы сказала, основная часть комсомольского братства, прежде всего определяла и будет определять светлое лицо этой удивительной молодежной организации. Ведь комсомол — это не только политика, это верная дружба и взаимопомощь, общие цели и мечты. А главное — сопричастность

к судьбе Отечества, готовность вносить личный вклад в решение общих задач страны.

Скажу о себе. Город моего рождения Лениногорск (ныне Риддер) входит сейчас в состав Восточно-Казахстанской области. Земля, где ты родился, теперь очень трогательно именуется «малая родина». Сколько счастливых минут пережито в семье, в школьные годы! Сколько незабываемых впечатлений той далекой уже поры пронесишь с собой через всю жизнь... Все, что дано было мне впитать в себя в детские и отроческие годы, для меня и сегодня самое дорогое сокровище.

Без комсомола, без друзей, обретенных в его рядах, без тех знаний, которыми он меня обогатил, без той удивительной атмосферы творчества, стремления реальными делами быть полезной своей стране, которыми были окружены все мои комсомольские годы, вряд ли состоялась бы моя жизнь такой, какой она состоялась.

В первичную комсомольскую организацию школы, как и миллионы моих ровесников, я подала заявление в тот же день, как мне исполнилось четырнадцать лет. Была активисткой в школе, комсоргом во время учебы на филологическом факультете Усть-Каменогорского государственного пединститута.

Что касается моих учителей, кланяюсь в ноги всем, кто заронил в меня зерна знаний. И я всегда испытываю радостное чувство оттого, что профессия, которую я получила, именуется Учитель, что первой строчкой в моей трудовой биографии значится Школа, что и сегодня могу пообщаться с моими любимыми учителями, так много давшими мне в юные годы. Убеждена, сердце и знания учителя будут востребованы всегда — это естественный и вечный закон жизни.

Благодаря своим учителям в пединституте я полюбила поэзию Владимира Маяковского. Его слова: «Комсомол — это имя дар!» — воспринимала как собственное жизненное кредо. О том, что придется стать одним из тех, кто руководит этим молодежным движением, конечно, никогда и не помышляла. Все произошло неожиданно, круто изменив мою жизнь.

Стоило мне, молодой учительнице, на одном городском собрании искренне и чистосердечно покритиковать кое-кого, как меня тут же пригласили в горком комсомола, где после избрания я и начала работать вторым, а потом первым секретарем. Мои коллеги по педагогическому коллективу школы, где я тогда работала заместителем директора — организатором внешкольной и внеклассной воспитательной работы, провожали меня в горком с некоторым сочувствием: там молодые бюрократы покажут тебе, как следует выступать, не случайно же многие из них свои речи читают по бумажке... Не скрою, переволновалась еще больше я сама. Но оказалось, что мне предложили сменить свою профессию и перейти на близкую к учительской комсомольскую работу. Я прибывала в легкой панике: вместо своих маленьких мальчишек и девочек общаться со взрослыми горняками, шахтерами? Мне показалось тогда это просто невозможным. Лишь длительная беседа с тогдашним партийным руководителем нашего Лениногорска Николаем Петровичем Ворониным, ставшим мне на всю жизнь добрым наставником и другом, перевесила чашу весов в пользу комсомольской работы. Теперь я только благодарю судьбу за то, что так случилось. Комсомол дал мне бесценный опыт работы с людьми, открыл

передо мной перспективы для творческого роста.

Время летело стремительно. Мне вскоре доверили возглавить Восточно-Казахстанский обком ЛКСМ Казахстана. Ответственность высочайшая. Область наша обширная, одна граница с Китаем длиной в девятьсот пятьдесят километров, сосредоточено 52 % Таблицы Менделеева. А это — множество погранзастав, где большинство бойцов — комсомольцы. С деятельностью сельских комсомольских организаций я была мало знакома; в Лениногорске, городе рудников и шахт, больше всего приходилось вращаться в среде рабочей молодежи.

Нелегкая это задача — быть вожаком молодежи огромного во всех отношениях края. Но времени на сомнения и переживания никто не отводил. Тебе доверили товарищи это право — будь добра, докажи, что ты в состоянии оправдать их надежды! А это значит, не теряя ни минуты, нужно было включаться в бурный ритм новых комсомольских обязанностей. И среди всего обилия забот требовалось ни на мгновение не упускать главного — быть в гуще молодежных проблем, чтобы можно было реагировать на реальные запросы и потребности тех или иных категорий молодого поколения. Участвовать в жарких дискуссиях, организовывать комсомольские субботники на строительстве новых комбинатов, фабрик, сельских объектов.

Не скрою: бывало очень трудно. Правда, судьба одарила меня и здесь мудрым и по-отечески заботливым старшим товарищем. Александр Константинович Протозанов, первый секретарь обкома партии, кандидат в члены ЦК КПСС, немало времени потратил на то, чтобы укрепить мою веру в свои силы и способности, научил говорить с людьми честно и прямо. Александр Константинович тактично формировал многих из нас комсомольских вожakov и меня научил преодолевать трудности. «Никогда никому не показывая своих слез, даже когда тебе невмоготу!» — наставлял он. Стараюсь всегда следовать его напутствиям.

А.К. Протозанов поддержал перед ЦК ВЛКСМ мою кандидатуру, когда меня спустя годы пригласили в Москву. В ЦК ВЛКСМ я стала работать в школьном отделе, а в скором времени возглавила его. А это означало, что я возвращалась к любимому делу, к своей профессии. Только простор передо мной открывался куда более широкий. Появилась возможность увидеть лучшие школы в других областях и республиках, познакомиться с сотнями лидеров школьных комсомолии и пионерии. Оглядываясь назад, спрашиваю себя: чему научилась за

З.Ф. Драгункина

эти годы, за что себя уважаю? И сама себе отвечаю: за высочайшую работоспособность и ответственность за порученное дело.

Невозможно не гордиться ребятами, которых мы пестовали на сборах-тысячниках в «Олимпийце», движением трудовых объединений школьников, замечательными акциями в поддержку молодых учителей, нашим сотворчеством с композиторами, писателями, учеными.

Помню, как вместе с коллегами в те далекие годы мы подняли проблему детей-сирот. Мощный толчок в организации всего того, что еще сегодня надо реализовывать, дало постановление партии и правительства по работе с воспитанниками детских домов. Нами все это было буквально выстрадано, сформулировано и продвинуто, а потом служило обездоленным детям. Первая смена детей-сирот в «Артеке» была буквально взрывом в общественном мнении... Многие тогда встали в ряды наших последователей.

Работа в центральном штабе комсомола обогатила меня дружбой на всю жизнь с активистами из самых разных городов нашей необъятной Родины. Со многими из них дружу до сих пор.

Скажу откровенно, работа с детьми, с подростками — одна из самых сложных. Вот тут уж никак нельзя разговаривать со своими собеседниками при помощи бумажки. Тебе смотрят в лицо, стремятся встретиться с твоими глазами. Марина Цветаева как-то задавалась вопросом: «Дети не поймут?» — и отвечала: «Дети слишком понимают». Я солидарна с замечательной поэтессой. За десятилетия общения с детьми — сначала в школе, затем в комсомоле, в благотворительных организациях и до сих пор — тысячекратно убеждалась в том, что ребята представляют собой смшелный, иногда даже ушлый народец, им по душе «уесть» взрослого, проявить лукавство. Когда разминка боем состоялась, когда взрослому посчастливилось завоевать доверие, тогда все маски сняты, и перед тобой искреннее сердце, незащеленное поле, готовое принять зерна добра, света и знания.

Как председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре глубоко убеждена, что образование, культура и воспитание — как три сестры — всегда должны быть вместе и рядом. Именно они формируют духовное, интеллектуальное состояние нации, наш моральный стержень. Без этого невозможно прорывное развитие страны — как поставил задачу в Послании Федеральному собранию и новом майском указе Президент России Владимир Владимирович Путин, выделив образование, науку и культуру в приоритетные проекты.

Вся моя жизнь — служение детству. Более двадцати пяти лет возглавляю на общественных началах международную благотворительную организацию Центр народной помощи «Благовест». Для благовестинцев благотворительность не нуждается в мотивации. Она — кислород нашей жизни. «Благовест» проводит гуманитарные и благотворительные акции в поддержку пострадавших от стихийных бедствий, техногенных катастроф, террористических актов. Имеет уникальный опыт работы по организации отдыха, лечения и оздоровления детей с ограничениями жизнедеятельности, детей из приемных, многодетных семей. Особая поддержка — талантливым и одаренным детям из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Считаю, что мощным стимулом к развитию благотворительности, добровольчества стал проходящий ныне в стране Год добровольца (волонтера). Символично, что именно он открыл объявленное в стране указом главы государства Десятилетие детства, продолжающее национальную стратегию действий в интересах детей. Мы с коллегами были активными разработчиками этой стратегии, я являлась секретарем Координационного совета при Президенте РФ по ее реализации во главе с председателем Совета Федерации Валентиной Ивановной Матвиенко. Вопросы российской семьи и детей находятся в центре постоянного внимания верхней палаты парламента, всего общества.

З.Ф. Драгункина

Комсомол, школу которого прошли десятки миллионов советских людей, отмечает свое столетие. Верю, что выражу чувства многих из нас, если скажу: это большое счастье, что многие годы нашу организацию возглавляли, являясь первыми секретарями ЦК ВЛКСМ, Евгений Михайлович Тяжельников, Борис Николаевич Пастухов и Виктор Максимович Мишин! Все они — люди увлеченные, настоящие подвижники служения общему делу, искренние, открытые, готовые всегда прийти на помощь, дать мудрый совет. Подлинные носители комсомольского духа! У них было и есть чему учиться.

Накануне векового юбилея комсомола оглядываясь назад, смотрю в завтрашний день с надеждой и радостным чувством: хочется привнести в жизнь своих современников больше добра, теплоты и милосердия, чтобы дети наши и внуки жили, трудились и создавали в самой счастливой стране на свете.

Александр Петрович Душанин

*Ответственный организатор отдела спортивной
и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ*

*Кандидат юридических наук, заслуженный работник
физической культуры РСФСР*

*Член коллегии Министерства спорта Российской
Федерации*

Мяч помог свернуть ковер

В школе меня выбрали заместителем секретаря комитета комсомола, так как к этому времени я уже был неоднократным победителем и призером республиканских соревнований среди пионеров и школьников по спортивной гимнастике.

В детскую спортивную школу меня, третьеклассника, привел наш участковый, после того как меня и моих уличных приятелей в целях профилактики поставили на учет в детской комнате милиции, чтобы, как он сказал, «меньше болтался, дрался, дурака валял, а занимался делом». Затем, когда после 8-го класса вырос за лето сразу на двенадцать сантиметров, стало сложно работать на снарядах, так как на перекладине практически доставал ногами маты, и по совету тренера начал параллельно осваивать легкоатлетические дисциплины. Благо акробатика и гимнастика очень помогли в развитии координации движений, в общей подготовке, и уже в первый же год вполне прилично прыгал с шестом, бежал спринт и барьеры, метал копье. Так определилась моя новая спортивная специализация — легкоатлетическое многоборье.

Школу окончил с двумя четверками и бронзовым призером Спартакиады школьников РСФСР, поэтому поступать мог куда угодно. Сначала хотел отправить документы в авиационный институт, поскольку с математикой все было хорошо, я регулярно участвовал в школьных математических олимпиадах. Вообще школа у нас была очень серьезная, с сильным коллективом преподавателей, к тому же с политехническим обучением — один день в неделю мы работали на заводе. Там освоил специальность токаря-универсала, что впоследствии мне очень пригодилось.

На выпускном экзамене по литературе взял свободную тему и написал сочинение по только что вышедшей поэме Евгения Евтушенко «Братская ГЭС». Представить тогда не мог, что через несколько лет буду принимать участие в организации спортивной жизни на Усть-Илимской и Саяно-Шушенской ГЭС, на Байкало-Амурской магистрали и других всесоюзных ударных комсомольских стройках.

Жизнь распорядилась по-другому. Умер отец, который прошел всю войну, воевал под Сталинградом и на Курской дуге. Два раза горел в танке, но остался жив. Несмотря на тяжелые ранения, до сорока лет играл в футбол, а зимой — в хоккей за свой завод «Арсенал». Умер в возрасте сорока двух лет — пошел осколок рядом с сердцем. Спасти не успели.

Нужно было выживать. Мама работала медсестрой, зарплата небольшая. Младшая сестра только что поступила в техникум, и надо было помогать

ей. Так что вместо института пошел работать на завод «Электровнатомат», токарем координатно-расточного станка.

Работа была интересная — приходилось делать сложные математические расчеты и обеспечивать высокую точность обработки деталей для авиационной и космической техники. До сих пор с благодарностью вспоминаю наш небольшой дружный коллектив, в котором довелось сделать первые самостоятельные шаги в жизни.

Параллельно занимался спортом — и достаточно успешно: выиграл первенство российского ДСО «Труд» среди юношей в десятиборье. У меня был старший товарищ — тоже многоборец — Саша Цыганов, который учился на спортфаке в Ижевске. Он посоветовал мне поступать на факультет физвоспитания и спорта Удмуртского государственного педагогического института, где мне, спортсмену, будут созданы все необходимые условия для учебы и тренировок. Для меня это было особенно важно, поскольку помощи из дома ждать я не мог.

А.П. Душанин

После окончания института отслужил в рядах Вооруженных сил СССР. Я еще застал ту, советскую, армию и прошел настоящую армейскую школу. Служил с удовольствием, а вскоре после успешного выступления на первенстве военного округа и Вооруженных сил меня избрали секретарем комитета комсомола роты.

После армии вернулся в Ижевск и сразу пошел на оборонный завод. Одновременно работал в спортивном клубе тренером по легкой атлетике. Кстати, работал вместе с Галиной Кулаковой — нашей прославленной лыжницей, многократной чемпионкой мира и Олимпийских игр.

Через два года меня пригласили на беседу в обком комсомола и предложили поработать в отделе спортивной и оборонно-массовой работы. Возглавлял его Слава Кизенко, один из сильнейших лыжников-гонщиков студенческого общества «Буревестник». Я очень уважал этого человека еще в годы учебы в институте. Он и убедил меня поработать в спортивном отделе обкома комсомола.

Я сразу, без раскачки, включился в интересную и масштабную работу. Здесь пригодились все знания и умения, накопленные за период выступлений в спорте, учебы и службы в армии. Одновременно я не бросал и своих ребят, которых тренировал с третьего класса. Они за эти годы стали совсем взрослыми, окончили вузы, военные училища. Но до сих пор встречаюсь с ними, с моим первым набором. Кстати, один из них пошел по спортивной стезе и сейчас — заслуженный тренер России.

В этот период мы начали проводить среди предприятий Удмуртии соревнования на основе договоров на лучшую организацию спортивно-массовой

работы, которые заключали комитеты комсомола и спортивные клубы заводов. Эксперимент оказался очень удачным и всколыхнул спортивную жизнь в трудовых коллективах. Мы были первыми в этом движении. Ни у кого в стране такого больше не было. Например, Ижевский радиозавод соревновался с Сарапульским радиозаводом, Чепецкий механический завод — с Ижевским механическим, завод «Ижмаш» — с Воткинским машиностроительным заводом. Это позволило объединить усилия и значительно активизировать работу спортивных клубов и комитетов комсомола. Стали регулярно проводиться спартакиады комсомольского актива, в которых участвовали все секретари комитетов комсомола. За основу был взят комплекс ГТО. Вскоре секретари комитетов ВЛКСМ стали вполне профессионально разбираться в вопросах организации спортивно-массовой работы.

Осенью 1976 года поступило предложение поработать в отделе спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ — на мой взгляд, одном из интереснейших отделов, где в это время работали легендарные личности: двукратный олимпийский чемпион Борис Лагутин, олимпийские чемпионы Александр Иваницкий и Владимир Васин. Позже в отдел пришли Виктор Клименко, Ирина Роднина и Геннадий Карпоносов.

Костяк отдела составляли великолепные организаторы, прошедшие школу комсомола и спорта, настоящие профессионалы — Виктор Галаев, Валерий Киселев, Рудик Незвецкий, Гена Швец, Виктор Петраков, Алик Алиев, Владик Немчинов, Женя Павловский, Валерий Михалев, с которым мы когда-то соревновались еще на Всесоюзной спартакиаде школьников. Каждодневный, напряженный ритм работы был всем привычен и напоминал интенсивные спортивные тренировки, через которые прошли все эти ребята. Отдел сплотил нас. Со многими дружим до сих пор.

Десять лет пролетели как один день. Это было время интереснейшей работы, общения с замечательными людьми — ветеранами Великой Отечественной войны, прославленными военачальниками, космонавтами, выдающимися советскими спортсменами и тренерами, известными учеными, крупными руководителями организаций, предприятий истроек.

В ЦК ВЛКСМ мне было поручено заниматься проблемами физического воспитания рабочей молодежи, поскольку я хорошо знал завод, да и сам рабочий в нескольких поколениях, так что на заводе всегда чувствовал себя как дома. Кроме этого, решал вопросы организации физкультурно-массовой работы на всесоюзных ударных комсомольских стройках. Плюс к этому курировал сборные команды Советского Союза по биатлону, лыжным гонкам, тяжелой атлетике, вольной и классической борьбе.

Наши предложения об организации шефства сборных команд Советского Союза над крупнейшими комсомольскими стройками было полностью поддержано руководством Спорткомитета СССР, который возглавлял в то время С.П. Павлов, а заместителями его были воспитанники нашего отдела Н.И. Русак, В.Л. Сыч, начальниками управлений — Ю.Е. Титов, А.Н. Ефименко, А.К. Валяхметов, Д.И. Прохоров и другие.

По завершении спортивного сезона или крупнейших международных соревнований спортсмены сборных команд регулярно встречались с рабочими коллективами и комсомольским активом этих строек. Например, сборные ко-

Сборная команда СССР по лыжным гонкам на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. 1983 г.

манды по лыжным гонкам, двоеборью и биатлону свой тренировочный сбор в Красноярском крае регулярно завершали встречей на Саяно-Шушенской ГЭС, где подводили итоги прошедшего спортивного сезона и ставили задачи на предстоящий.

Борцы-вольники неоднократно бывали на БАМе. Они были закреплены за Бурятским участком БАМа, и их хорошо знали все строители от Северобайкальска до Северомуйска, причем их авторитет вырос не на пустом месте.

В один из таких приездов бригадир комсомольско-молодежной бригады Александр Бондарь предложил устроить соревнование между спортсменами и строителями по расчистке и подготовке просеки под будущую магистраль. Спортсменам предложили фору — с учетом, что они не профессиональные строители. Спортсмены отказались. В составе нашей сборной команды во главе с заслуженным тренером СССР Ю.А. Шахмурадовым были неоднократные чемпионы мира и Олимпийских игр Иван Ярыгин, Леван Тедиашвили, Сослан Андиев, братья Анатолий и Сергей Белоглазовы, Павел Пинигин, Сергей Корнилаев, Санасар Оганисян, Анатолий Прокопчук — все великолепно физически подготовленные. К тому же Ваня Ярыгин оказался профессиональным лесорубом. Когда он взял в руки бензопилу «Дружба» и стал класть деревья хлыст к хлысту, в одном направлении, все рты разинули. В общем, что в конце дня обе бригады пришли к финишу одновременно. После этого наших ребят действительно зауважали, а вечером в клубе не хватило мест, поэтому все вышли на поляну, где собралось огромное количество тоннельщиков, строителей, проходчиков. В знак признания наши спортсмены получили тогда дипломы почетных пассажиров первого поезда БАМа по маршруту Даван — Северобайкальск.

Так же содержательно проходили встречи борцов классического стиля со строителями и нефтяниками в Сургуте, Нефтеюганске и Нижневартовске.

Над строителями и газовиками Нового Уренгоя взяли постоянное шефство наши прославленные ветераны-волейболисты, олимпийские чемпионы Виталий Коваленко, Георгий МондзOLEВСКИЙ, Николай Буробин, Дмитрий Вос-

кобойников во главе с заслуженным тренером СССР Н.А. Беляевым. В том, что в настоящее время в чемпионате России играет команда мастеров из Нового Уренгоя, — их немалая заслуга.

Сборная команда СССР по фигурному катанию по окончании сезона в полном составе ежегодно выезжала с показательными выступлениями в турне по городам Урала и Сибири. Необходимо отметить, что спортсмены сборных команд не были некоей изолированной от общества сферой, а являлись активными участниками общественной жизни и грандиозных свершений, происходивших в стране.

Первую Всесоюзную спартакиаду ударных строек в 1978 году в Тюмени мне пришлось готовить самому — начиная с идеологии ее проведения, сценария спортивно-художественного праздника и программы самих соревнований. На эту Спартакиаду приехали представители двадцати четырех ударных строек, и прошла она очень успешно.

Когда туда вместе с летчиком космонавтом В.К. Быковским прилетел секретарь ЦК ВЛКСМ Д.А. Охромий, он с удивлением спросил меня: «Саша, ты что, один все это готовил?» Я ответил: «Да нет. У нас здесь собралась замечательная команда».

Это действительно была великолепная команда. Главный режиссер — Лев Вениаминович Немчик (он потом был главным режиссером фоновой группы на Московской Олимпиаде), профессиональный инженер-математик с великолепным художественным вкусом. Главный художник — Рафаил Казачек, главный художник Театра Моссовета (позднее — главный художник Московской Олимпиады). Все оперативные вопросы тогда решал председатель Тюменского спорткомитета Г.М. Нечаев.

По сценарию праздника нужно было посадить на поле вертолет с факелом из Уренгоя, но вдруг запретили все полеты, поскольку за три дня до начала праздника на Севере вертолет с вахтовиками упал в болото. Пришлось ехать в авиаотряд и разговаривать с его командиром. Он сказал: «Если возьмете на себя ответственность под расписку, значит, посадим на стадионе вертолет. Если нет, нам категорически запретили». Пришлось дать расписку. Посадили даже два вертолета: маленький Ми-2 доставил горящий факел из Уренгоя, а огромный Ми-6 сел на стадионе со строителями-первопроходцами.

Праздник, устроенный нами в Тюмени, был действительно грандиозным и красивым. Его затем несколько раз показывали по местному телевидению.

Наш отдел принимал активное участие в подготовке и проведении крупнейших спортивных мероприятий, в том числе Спартакиад народов СССР. Особенно запомнилась Спартакиада 1982 года в Красноярске. Это было значимое в спортивной жизни страны событие, поскольку в финале выступали сильнейшие спортсмены всех союзных республик. К Спартакиаде были построены новые спортивные сооружения. Очень много тогда сделал и помогал в строительстве спортивных объектов и организации мероприятий Красноярский крайком комсомола. От союзных республик приехали руководители спортивных организаций и представители Центральных комитетов комсомола, которые тоже внесли свою лепту в успешное проведение этого спортивного праздника народов огромной страны.

Уже работая в Спорткомитете СССР, я выезжал на Украину, в Белоруссию, Армению, Таджикистан, Казахстан и Грузию. Там встречи на местах со спортивными работниками из бывшего комсомольского актива были самыми дружественными, самыми, можно сказать, родственными. Это были люди, близкие по духу, по убеждениям. С ними легко решались самые сложные вопросы.

Когда в Бакуриани проводили заключительный сбор перед Олимпийскими играми 1980 года в Лейк-Плэсиде, вторым секретарем ЦК комсомола Грузии был Иосиф Орджоникидзе, он тогда очень помог в обеспечении самого сложного по объемам и нагрузкам сбора в условиях среднегорья. Комсомольский актив Грузии специально организовал поставку цитрусовых, воды «Боржомии» и, по рекомендации врачей, для восстановления после огромных нагрузок, — лучших грузинских вин «Ахашени», «Оджалеши», «Хванчкара» и других.

Наши лыжники и биатлонисты затем блестяще выступили на Олимпийских играх, и в этом была заслуга также и комсомола Грузии.

Для меня особенным событием стали Олимпийские игры в Москве в 1980 году. Вся страна готовилась к этим играм...

Запомнился один, можно сказать, забавный эпизод. Во время XVIII съезда комсомола наш отдел отвечал за художественно-спортивный праздник в Лужниках. По программе после выступления десантников планировалось выступление фигуристов. У нашего известного главного режиссера Б.Н. Петрова возникла проблема. Нужно было за считанные минуты убрать огромный ковер, застилавший всю спортивную арену, чтобы после десантников фигуристы смогли выйти на лед. Б.Н. Петров поставил нам задачу: «Делайте, что хотите, но зрители не должны смотреть на арену, их надо чем-то занять». Во время обсуждения этой проблемы в отделе возникла идея провести лотерею и разыграть первую путевку на Олимпийские игры, клюшку олимпийских чемпионов-хоккеистов и футбольный мяч с автографами всех наших выдающихся футболистов. Посоветовались с председателем Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Б.Н. Рогатиным и заместителем председателя Спорткомитета СССР В.Л. Сычом. Все идею поддержали. Решили, что мяч будет вручать Лев Иванович Яшин, клюшку — Вячеслав Старшинов, а путевку — председатель «Спутника» Борис Рогатин. Но как все это разыграть между двумя с половиной тысячами делегатов съезда? Я поехал на Центральное телевидение и выпросил у них шар-лототрон для проведения лотереи. Затем пригласил ведущего популярнейшей программы КВН Александра Маслякова поучаствовать в этом мероприятии. Саша охотно согласился.

И вот — Лужники. Мы с Масляковым стоим перед зрителями, и он говорит: «Уважаемые товарищи, сейчас вы все станете участниками лотереи, где победители получают первую путевку на Олимпийские игры в Москве, футбольный мяч с автографами наших лучших футболистов и хоккейную клюшку с автографами олимпийских чемпионов». Ажиотаж на трибунах поднялся необыкновенный.

Мяч, помню, выиграл секретарь райкома комсомола из Московской области, и в зале раздались крики, что все подстроено, но затем хоккейную клюшку получила балерина из Риги, большая любительница хоккея, и все сразу успокоились. Ну а главный приз — путевку на Олимпиаду — ко всеобщей радости, получил бригадир комсомольско-молодежной бригады на строительстве крупнейшей стройки СЭВ — Усть-Илимского ЛПК Владимир Линейцев.

Двадцать пять минут пролетели как одно мгновение. Все внимание зала было приковано к нам, и на то, как скатывают ковер и на лед выходят фигуристы, никто не смотрел. Так что с этой задачей мы успешно справились...

Все вышесказанное — это только маленькая частичка той большой многогранной работы, которую проводил отдел спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ — один из флагманов аппарата ЦК ВЛКСМ. Он всегда собирал под свое крыло личностей — людей мыслящих, самоотверженных, разносторонне развитых и интересных, высоких профессионалов в спорте.

Мне посчастливилось во время работы в отделе быть непосредственным участником великих свершений в стране, в которых участвовал комсомол. Это были прекрасные годы взросления и мужания, приобретения опыта работы с людьми, исключительно честной и добросовестной.

Все это мне пригодилось в дальнейшем на различных должностях в Спорткомитете СССР, Совете Министров СССР и Правительстве Российской Федерации.

За последние годы значительно окрепла материально-техническая база российского спорта. Почти в два с лишним раза увеличилось количество плавательных бассейнов, ледовых дворцов и спортивных залов. К чемпионату мира 2018 года построены 12 суперсовременных футбольных стадионов. В то же время необходимо отметить и негативный процесс, происходящий в современном спортивном движении, затронувший и российский спорт: коммерциализация разъедает нравственные и моральные устои и традиции, заложенные предыдущими поколениями советских спортсменов. Даже детище комсомола — комплекс ГТО — превратился в коммерческий проект. Вся работа по комплексу строится на платной основе через специальные центры тестирования, а более 200 тысяч учителей и преподавателей школ и вузов практически отстранены от этой работы.

В сложные 1990-е годы пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить в стране государственную систему управления физической культурой и спортом. Отстояли. Уверен, что отстоим и комплекс «Готов к труду и обороне!».

Владимир Константинович Егоров

Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ

Ректор Литературного института

*Заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС,
помощник Президента СССР*

Директор Российской государственной библиотеки

Министр культуры Российской Федерации

Президент-ректор, ректор РАГС с 2000 по 2010 г.

Доктор философских наук, профессор, академик РАН

Почетный член Российской академии художеств

Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Как из нас «лепили» кадры

Немного из личного опыта

Убежден, что среди моих коллег многие, обращаясь к комсомольскому прошлому, ловят себя на мысли об адекватности сохраненного в памяти реально происходившего. Это замечательное свойство человеческой памяти — помнить хорошее, забывать плохое, однако хорошее для личных воспоминаний — не всегда бесспорное подспорье для публичной мемуаристики. И все же за тенетами прошедшего в диапазоне от неизбежной работы в рамках правил, установившихся в обществе в конкретное время, до собственных благоглупостей у каждого, кто связывал свою судьбу с комсомолом, безусловно, есть о чем рассказать. Существенном. Вспомнить, чтобы сказать спасибо тем, кто встретился в молодости и оставил добрый след, светлую память. Но не только это. Хотелось бы, чтобы пришедшие и идущие на смену молодые лучше понимали наше время. А такие любопытствующие и уже этим благодарные среди потомков были всегда. И будут — иначе зачем все мы приходим в этот мир?

О комсомоле написано немало — и правдивого, и небылиц. Есть и специальные исследования, и небольшие, сугубо личностные зарисовки. Вот несколько эпизодов из реальной жизни, которые дороги мне.

В школе у нас директором была замечательный человек и педагог З.И. Попова. В любой школе всегда есть проблемы. Как-то Зоя Ивановна говорит мне (я был секретарем комитета комсомола школы): есть ребята в средних классах, да и в старших — и комсомольцы, и нет, для которых слово, оценка товарищей весомее учительских назиданий да и официальных комсомольских мер. А что, если создать школьный товарищеский суд, где можно будет обсуждать разные проступки? Важно (и оговорилась, что, возможно, высказывается не совсем педагогично), чтобы в нем были старшеклассники, пользующиеся у ребят авторитетом не только потому, что отлично учатся. Мы предложили Толика Павлова (мой лучший друг, которого, увы, уже нет). Оценками не блистал, но был честным и чистым парнем — его по-настоящему уважали. Подобрали еще ребят. И суд заработал. Он разбирал лишь крайние (по школьным меркам)

случаи и собирался за два последних года нашей учебы раза три-четыре. Но «проработки» действенными были. Для меня же это была первая школа неформального подхода к делу. Урок, пожалуй, небольшой, но на всю жизнь запомнившийся. А жизнь, собственно, из таких и состоит.

И еще один пример — урок самоуправления, когда комсомол умело, с умом использовался, если так можно выразиться, старшими товарищами. На истфилфаке моего родного Казанского университета самым авторитетным среди студентов был Гена Зерцалов — студенческий декан. И не «по должности», а по человеческим качествам. Студенческому деканату были отданы права на распределение стипендий, мест в общежитии. Я не помню случая, чтобы Н.А. Гуляев (наш декан — замечательный ученый и руководитель) хоть раз не согласился с мнением студдеканата. При чем здесь комсомол? Да при том, что студенческий декан и деканат избирались на общем студенческом собрании по согласованному предложению официального деканата и комсомольского бюро — на комсомольское же бюро не возложишь функции, которые выполнял этот орган студенческого самоуправления. Такая вот была выбрана, можно сказать, управленческая конфигурация в тех конкретных условиях. А Г.И. Зерцалов состоялся и как партийный, и затем как государственный деятель в Казани, в Татарстане.

Что комсомол был хорошей школой выявления и обкатки будущих управленческих кадров для самых различных областей государственной, общественной деятельности, известно. Но из нас, комсомольских активистов, затем работников, готовили не просто менеджеров, умеющих руководить профессионалов, — нас воспитывали, а не просто «натаскивали». Разумеется, далеко не везде и не все было идеальным, отлаженным. И старшие товарищи, партийные, советские руководители, администраторы были разными. Это так. Но мне повезло. Абсолютное большинство тех, под чьим руководством я работал и от кого зависели мое будущее, карьера, если хотите, были умными, профессиональными людьми. Повезло? Конечно. Но и система работала. Забывать об этом — необъективно, нечестно.

Еще немного об уроках управления. О студенческих строительных отрядах (ССО) хорошо известно. Движение возродилось, пройдя после распада комсомола через забвение в 1990-х. Но без комсомола такого размаха в наше время движение ССО никогда бы не обрело. В ССО я был и рядовым бойцом, и командиром линейного отряда (в Чехословакии в 1968 г.), и комиссаром зонального отряда Татарии, занимался движением и будучи секретарем комитета ВЛКСМ университета. Через ССО прошли многие мои друзья, товарищи, шлифуясь как молодые руководители, хозяйственники. Убежден, что еще впереди возрождение чего-то, похожего на НТТМ (научно-техническое творчество молодежи). Набирает силу студенческое самоуправление в организации студенческой вузовской науки, а ведь СНО (студенческими научными обществами) мы в комсомоле занимались предметно. С вузовского комсомола за все это просто спрашивали. А у нас в университете еще был и замечательный Совет молодых ученых. До сих пор с гордостью вспоминаю, что по нашему выдвижению первым был удостоен премии Ленинского комсомола среди юристов Валерий Лазарев. Он стал видным ученым, а еще — постоянным представителем Государственной Думы в Конституционном суде. По названным и другим на-

правлениям деятельности с комитетов комсомола спрашивали, «прикладывая» к оценке работы своего рода «лекала», именуемые сейчас «критериями эффективности». Такое тоже было. Повторюсь: комсомольских работников растили, испытывали, экспериментировали с выдвиганием. Так работала система. Моему поколению будущих управленческих кадров повезло — мы вступали в жизнь, когда систему еще не поглотили, извините за тавтологию, системные сбои.

Готовили нас не только к управленческому делу, ориентировали прежде всего отнюдь не на то, чтобы карьеру строить, а чтобы эффективно работать, оставаясь людьми. Многому меня научил ректор университета М.Т. Нужин — удивительный человек, Личность. Войну прошел, университет поднял, отстроил, ректором был

25 лет. (Молодец Камиль Исхаков — друг с университетского комсомола. По его инициативе, когда он был мэром Казани, напротив университета Нужиному поставили памятник, как и другому великому ректору — Н.И. Лобачевскому.) Уроки Михаила Тихоновича были простыми и мудрыми. Как-то, когда я работал секретарем комитета комсомола, будучи уже преподавателем, он на одной из встреч сказал: «Володя, вы в комсомоле все на «ты», и иначе быть не должно, но вы уже и преподаватель, а все «тыкаете» студентам. Не сверстникам, не тем, с кем давно вместе, а и младшекурсникам. Они же — сам видел — как-то смущаются, не сообразят, как к вам обращаться. Не знаю, как быть с этим в комсомоле. Подчеркну — не знаю, сами решайте. Но, в принципе, запомните одно — никогда не говорите человеку «ты», если он не может ответить вам так же». Такой вот не пустячный урок на всю жизнь.

О работе с десятком лет в системе ЦК ВЛКСМ говорить можно много. С какими замечательными людьми довелось встретиться! А какие условия были созданы для проведения молодежной политики! ЦК комсомола, по существу, — это и высший орган молодежной организации, и крупное, авторитетное Министерство по делам молодежи. С большими правами и возможностями. С тремя первыми секретарями довелось работать: Е.М. Тяжелников, Б.Н. Пастухов, В.М. Мишин — люди очень разные, но каждый — лидер, безусловно. Да, ЦК ВЛКСМ действительно был действенной структурой в государственной машине управления. Таким было время, таким было государство. Да и КПСС, собственно, была партией с оговорками. Это был стержень государственной системы управления, бесспорно, управленческой системы — политизированной, идеологизированной. Со всеми «плюсами» — не будем об этом забывать, и с «минусами», приведшими, увы, к распаду Союза.

В. Егоров — боец студенческого строительного отряда, 1967 г.

Министр культуры РФ В.К. Егоров с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II на торжествах по случаю наступления 2-го тысячелетия. Иерусалим, январь 2000 г.

В ЦК почти семь лет был замзавотделом, потом заведующим отделом пропаганды. Большая часть времени уходила на работу со СМИ — разумеется, главным образом со своими, молодежными. Но что значит «уходило времени»? Это были годы общения и работы с исключительно интересными и талантливыми людьми! У комсомола было три издательства и не только «Комсомольская правда», «Пионерская правда», но и молодежные газеты в каждой области и республике во всем СССР, а в национальных республиках — газеты не только комсомольские, но и пионерские, молодежные и детские журналы на русском и национальных языках... Среди же доброго десятка журналов ЦК ВЛКСМ были не только «Молодой коммунист» и «Комсомольская жизнь», как, возможно, полагает кто-то по незнанию, но и журналы по самому широкому спектру молодежных интересов от «Вокруг света» до «Мурзилки» и «Веселых картинок». Журналы тогда возглавляли: «Смену» — Альберт Лиханов, «Сельскую молодежь» — Олег Попцов, «Молодую гвардию» — Анатолий Иванов, «Технику — молодежи» — Василий Захарченко, «Литературную учебу» — Александр Михайлов, «Ровесник» — Алексей Нодия, а молодежную редакцию Центрального телевидения — Эдуард Сагалаев. Какие имена! Извините, кого не назвал, всех не перечислить.

А писатели, с которыми общался, работал, со многими по-настоящему дружил, совершенно перевернули мою дальнейшую жизнь, рекомендовав на работу ректором Литературного института им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Говоря современным языком, меня тогда по их рекомендации направи-

ли топ-менеджером, по ситуации в институте — кризисным управляющим, несмотря на, мягко говоря, не очень профильный опыт предыдущей работы. Непросто было поначалу, правда. Главным образом — психологически. И студенты «прикалывались». Все было.

Со студентами, надо сказать, язык общий нашли быстро. Возможно, настроенность пропала после такого эпизода. Пригласили как-то на студенческое собрание и спрашивают примерно так: «А какое отношение вы имеете к литературе?» Зачем вроде пришли «в чужой монастырь»? Ответил прямо, в их же духе, а для них, талантливых и потому нормально-амбициозных, самолюбивых, видевших себя кто-то и в классиках, оказалось понятным, «по вкусу», когда сказал: «Свой вклад в литературу я внес в 18 лет, бросив писать стихи».

Литературный запомнился на всю жизнь. Не мне судить, как работал. Но помню хорошо греющее до сих пор. Когда пригласили в ЦК КПСС на должность замзавотделом культуры и это стало известно, пришли два наших руководителя творческих семинаров, замечательные поэты Е.А. Долматовский и Л.И. Ошанин, поддержавшие меня с самого начала в институте, и перед уходом говорят, что называется, и в шутку, и всерьез: «Вы пришли сюда, так сказать, по комсомольской путевке, но на уход в партначальники мы путевку вам не подпишем — сработались же вместе, зачем вам это? Хотя понимаем, перестройка идет, время необычное, наверно, интересно для молодого человека...» Молодому человеку было интересно. И тогда поблагодарил, и до сих пор — спасибо им.

Вспоминать и рассказывать можно долго, но на этом ставлю точку. Остановлюсь, поскольку возрастное: вспоминать да напутствовать, вспоминать да утешивать, слава Богу, еще не овладело. Мне так кажется.

Валентин Митрофанович Ермолов

Первый секретарь Пермского ОК ВЛКСМ

*Председатель областного комитета по телевидению
и радиовещанию.*

*Директор государственного автономного учреждения
«Пермский краевой фонд социальной поддержки
населения»*

Считаю, что комсомольская биография начинается даже не с момента вступления в комсомол, а значительно раньше.

Семья наша жила очень скромно: папа — инвалид II группы Великой Отечественной войны, мама долго работала разнорабочей на железной дороге, последние годы — почтальоном. Кроме меня в семье были младшие брат Виктор и сестра Нина.

В школе я входил в совет пионерской дружины и был членом ученического комитета.

Окончил с отличием семилетнюю школу в селе Азовка Бобровского района Воронежской области, но вопрос, где учиться дальше, долго не обсуждался.

Было решено, что поступать надо в один из техникумов Воронежа, а это 150 километров от нашего села. И вот под началом тети Лены (сестры мамы) сдал документы в строительный техникум (впоследствии его переименовали в монтажный).

Учеба в техникуме имела свои особенности: за четыре года надо было пройти курс предметов 8—10-го классов и, конечно, получить специальность.

У нас были прекрасные преподаватели, и я учился с большим желанием.

На всю жизнь запомнился легендарный преподаватель физики — Александр Маркович Рабкин. Он умудрялся за один практический урок половине группы выставить оценки. Вызывал к доске четырех учащихся, давал простейшие задачки. Пока они их решали, он ходил между рядами и ставил элементарные вопросы: «Что такое джоуль?! Не знаешь, забыл?.. Садись, пага». И так далее. (Он практически не выговаривал звук «р».) Но хороших и отличных оценок тоже было немало.

Мы имели прекрасную возможность заниматься спортом. Техникум находился в центре Воронежа, в большом здании на проспекте Революции. И в нем же располагался спортзал, где мы в свободное от учебы время до самозабвения играли в баскетбол и волейбол.

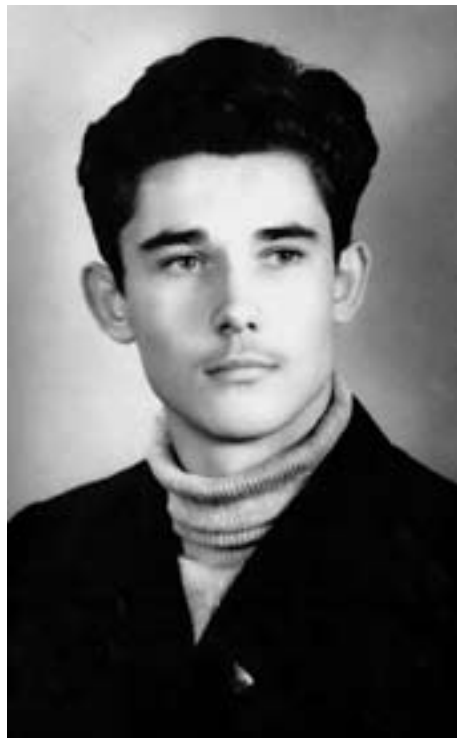
В актовом зале техникума был центральный лекторий Воронежа. Здесь по воскресеньям читали лекции на различные темы: международные, научные, литературные. Часто показывались кинофильмы, с приглашением ведущих артистов. Учащиеся техникума бесплатно посещали эти культурно-просветительские мероприятия. Для нас, подростков, это было громадным «окном» в мир знаний и увлечений.

В 1960 году вступил в комсомол.

Четыре года учебы пролетели быстро. Как правило, тогда было «союзное распределение» — выпускники получали направление в различные города и районы Советского Союза.

Окончив техникум с отличием, я выбрал город Пермь. Предприятие оборонной промышленности — велосипедный завод (гражданская продукция — естественно, велосипеды, остальное — оборонка).

И тут произошел казус — приехав за две тысячи километров, я снова попал в ситуацию выбора. Оказывается, руководство завода, исходя из названия техникума — «монтажный», запрашивало специалиста по монтажу нестандартной радиоаппаратуры, а у меня — монтаж и эксплуатация электрооборудования. Руководитель лаборатории Борис Иванович Пантелеев сказал, что они готовы меня взять и учить новой специальности. Я согласился, попал в молодежный коллектив и довольно быстро освоился. Появилось много общественных дел. Играл

В.М. Ермолов

за сборную завода по волейболу, пригласили заниматься в драмкружке при местном Доме культуры им. В.В. Маяковского. Сначала сопротивлялся, но, как потом выяснилось, в жизни пригодилось все.

Дело шло к службе в армии. Но руководители специального конструкторского бюро настояли, чтобы я поступил в политехнический институт, на дневное отделение, по направлению от завода, с последующим возвращением на предприятие.

Окончив институт по специальности «Технология и оборудование сварочного производства», вернулся на завод и был назначен технологом в цех. Через несколько месяцев на заводе состоялась отчетно-выборная комсомольская конференция, на которой меня избрали в состав комитета комсомола, а потом — заместителем секретаря комитета комсомола. А начальник цеха воспротивился: «Сиди и работай. Я буду решать вопрос с директором завода, ты у меня в резерве на замначальника цеха». Продолжаю работать в цехе. Дня через три подходит ко мне начальник цеха Сергей Александрович Путятов и с гневом сообщает, что мне надо идти работать в комитет комсомола: «Директор сказал: «Разве я могу новую комсомольскую конференцию назначать?»

Так началась моя комсомольская биография.

Комсомольская организация завода насчитывала около полутора тысяч членов ВЛКСМ.

Необходимо отметить, что авторитет комитета комсомола подкреплялся и тем, что секретарь комитета комсомола участвовал в еженедельных совещаниях у директора завода. Это давало возможность знать обстановку на предприятии и жить жизнью завода. Жизнь эта строилась по многим направлениям. В первую очередь, конечно, работа над выполнением государственного плана. Но в коллективе бурлила и общественная жизнь: соревнования между цехами и технологическими и вспомогательными службами, каждый год проводилась заводская спартакиада по многим видам спорта. На заводе были свои стадион, спортзал, бассейн, лыжная и туристическая базы. В заводском Доме культуры работало множество всевозможных кружков для детей и взрослых, где занимались не только заводчане. Ежегодно проводился смотр художественной самодеятельности. И в проведении всех этих мероприятий комсомол занимал достойное место.

Память сохранила имена многих людей: директор завода Иван Иванович Туев, главный инженер А.А. Игнатов, секретарь парткома Ю.А. Савельев, секретари комитета комсомола З. Анварова, Г. Панов, В. Мишин, Б. Бородин, Н. Конопкин, Л. Кузин, А. Парыгин, секретари цеховых организаций В. Конюхова, Л. Улитина, Г. Игнатьева, члены комитета комсомола Т. Комарова, Т. Котова, тренеры и игроки волейбольной команды Н. Шитов, Н. Лапота и многие, многие другие.

В 1969 году наступило время «сквозных» отчетов и выборов в комсомоле. После долгих и непростых событий меня на отчетно-выборной конференции избрали в состав Свердловского РК ВЛКСМ и первым секретарем. В районе было около 30 тысяч комсомольцев, более 100 первичных комсомольских организаций, 8 комитетов с правами райкома.

Громадную поддержку и помощь я получал от работников аппарата райкома: Д. Вохмянина, Л. Шулупова, Ю. Щелкунова, Т. Пестовой и других. В районной комсомольской организации было около 40 освобожденных комсомольских работников. Не могу не назвать секретарей крупных комсомольских организаций (корифеев): завода им. Я.М. Свердлова — Р. Букина и Н. Оборина, завода им. М.И. Калинина — В. Посохина и П. Субботина, Электроприборного завода — В. Шестакова, И. Верхоланцева.

Во время этой бурной райкомовской жизни я получил урок, который запомнил на всю жизнь. В первой половине 1970 года должен был состояться пленум райкома партии по выполнению постановления ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и коммунистическом воспитании молодежи», и мне предложили на нем выступить. О чем говорить? Я обратился за поддержкой к инструктору Пермского ГК КПСС Михаилу Степановичу Несолену. Он мне посоветовал ознакомиться с выступлением на подобном пленуме Пермского ГК КПСС секретаря горкома комсомола Н.П. Артамонова. Я прочитал стенограмму его выступления и обратил внимание на одну мысль: «Некоторые руководители предприятий очень мало встречаются с молодежью».

На нашем пленуме было много желающих выступить, мне слово тоже предоставили. И я в своей первой на таком форуме речи назвал вместе с другими фамилию директора завода имени Я.М. Свердлова, Героя Социалистического Труда Михаила Ивановича Субботина, который якобы мало встречается с молодежью. Когда пленум закончился, Михаил Иванович попросил слова (надо

сказать, что он был внушительных размеров, всегда носил Звезду Героя Социалистического Труда) и громовым голосом произнес, что меня он видит первый раз и что я его никогда и никуда не приглашал, а если приглашу, то придет хоть ночью.

Я готов был провалиться сквозь землю. Подошел к секретарям РК КПСС Станиславу Павловичу Кузнецову и Зинаиде Тимофеевне Максимовой, а те, глядя на меня, улыбаются. Оказывается, их очень удивила реакция Субботина на мое критическое замечание, они не помнят, чтобы он так реагировал на критику в свой адрес.

Для меня это стало большим уроком на всю оставшуюся жизнь: чтобы кому-то указывать на его недостатки, надо сначала крепко подумать и разобраться по существу.

В июле 1971 года меня избрали первым секретарем Пермского ГК ВЛКСМ. Здесь, как говорится, совсем другой масштаб и другие задачи.

В 1973 году планировалось отметить 250-летие города. Было принято решение — провести в честь юбилея факельное шествие молодежи. В ноябре всегда отмечался Международный день студентов, и горком комсомола имел опыт проведения подобных шествий.

Мы задумались, как привлечь побольше на этот митинг не только студентов, но и жителей города. Для этого в центральном универмаге в течение недели по радио звучали соответствующие объявления — как сказали бы сегодня, реклама предстоящего мероприятия. А непосредственно в день проведения митинга, договорившись с воинской авиационной частью «Сокол», на Октябрьской площади установили прожекторы, которые производили в осеннем вечернем небе необычное яркое зрелище.

В назначенное время я открыл митинг. На трибуне — руководство города, области и гости из соседних регионов. Минут через 30—40 после выступления запланированных товарищей предложили митинг объявить закрытым. Но не тут-то было. Народ все прибывал и прибывал, и вместо ожидаемых десяти тысяч их оказалось в два-три раза больше. Милиция с трудом обеспечивала порядок на площади. Секретарь обкома партии Иван Яковлевич Кириенко, стоявший рядом со мной, потребовал, чтобы я объявил о закрытии митинга, что я и сделал, и через какое-то время все же удалось завершить праздничное мероприятие.

В тот период горком комсомола организовывал и проводил также студенческие и театральные весны. Эта традиция сохранилась и до наших дней. Ажиотаж вокруг этого события, особенно при проведении гала-концертов, был огромный.

Кроме того, тогда получило широкое развитие проведение конкурсов профессионального мастерства и наставничества среди молодежи. Конкурсы охватывали широкий круг профессий: токари, фрезеровщики, слесари, сварщики, кулинары, официанты, парикмахеры и так далее. Проводились они как среди молодых рабочих, так и среди учащихся профтехучилищ. В декабре 1971 года на Всесоюзном конкурсе молодых фрезеровщиков в Риге участвовали 24 молодых победителя республиканских и зональных соревнований, а первое место завоевал член цехового комитета ВЛКСМ, фрезеровщик цеха № 71 завода имени Я.М. Свердлова Михаил Белкин.

Память сохранила имена многих товарищей, с которыми довелось работать в горьком комсомола и которые впоследствии стали уважаемыми людьми в различных сферах нашей жизни: Юрий Жуков, Владимир Карташов, Нелля Сирина, Герман Кривошеин, Нина Эдель, Валерий Корепанов, Геннадий Пихтовников, Владимир Худяков, Полина Шардакова и многие, многие другие.

Моя комсомольская биография продолжилась на более высоком уровне. С февраля 1974 года — второй секретарь, а с декабря 1975 года по август 1981 года — первый секретарь Пермского обкома ВЛКСМ. Комсомольская работа приобрела совершенно новые формы — это практически каждодневные взаимоотношения с ЦК ВЛКСМ, его солидным аппаратом, когда в любую минуту мог раздаваться звонок из любого отдела. В абсолютном большинстве эти отношения оставили у меня самые добрые воспоминания, как и обмен комсомольских документов, празднование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов на Кубе, 60-летие ВЛКСМ, подготовка и участие в проведении XVII и XVIII съездов ВЛКСМ, реализация решений съездов и многое, многое другое.

В год 30-летия Победы комсомольско-молодежные бригады пермских заводов имени В.И. Ленина, имени Я.М. Свердлова, имени Ф.Э. Дзержинского, строители Чайковского, металлурги Лысьвы, шахтеры Кизела решили работать под девизом «За себя и за того парня». В апреле 1975 года Пермь проводила в Москву 250 комсомольцев города и области — победителей Всесоюзного социалистического соревнования. Они были удостоены высокой чести быть сфотографированными у святыни советского народа — Знамени Победы. Фотографирование проводилось по 20—25 человек, и каждый получил соответствующее удостоверение и коллективную фотографию.

Серьезных усилий требовала работа всей областной комсомольской организации по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

В мае 1974 года первый секретарь ОК ВЛКСМ Виталий Окунев говорит мне: «Сапоги есть самые высокие? Завтра поедем посмотреть урочище Красаву». То, что мы увидели, надо сказать, нас прямо озадачило. В 10 километрах от Перми располагалась громадная болотистая пойма, в которой требовалось провести серьезные мелиоративные работы — осушение, орошение и так далее.

Образовали штаб, главой его утвердили на бюро ОК ВЛКСМ опытного комсомольского работника и строителя, секретаря комитета комсомола строительного треста № 14 Василия Токаря. Объявили объект ударной комсомольской стройкой. Сложность состояла в необходимости освоения совершенно новой технологии — на глубине около двух метров копалась траншея под определенным углом для стока воды, укладывались глиняные трубки длиной 30—40 сантиметров, которые сверху накрывались листами стекловаты. Опыта никакого. Сначала использовали специальные экскаваторы, «хобот» которых двигался, используя натянутую струну, под определенным углом. Потом появились более совершенные — с лазерным лучом. Для работы и обучения приехали три бригады из Литвы, имевшие опыт работы на этой технике, так как они значительно раньше начали заниматься мелиорацией. Через год было проложено около 100 километров закрытого дренажа, построено 15 киломе-

Аппарат Пермского ОК ВЛКСМ

тров песчано-гравийных дорог, сварено и уложено 20 километров стальных и полиэтиленовых труб для орошения. Появились лучшие комсомольские экипажи: В. Телесницкого, К. Карева, Ю. Югова. Механизатор Александр Поносов впоследствии стал лауреатом премии Ленинского комсомола, затем был направлен на учебу в Свердловскую высшую партийную школу, был руководителем ряда организаций и завершил свою трудовую деятельность главой администрации Пермского (сельского) района Пермской области. Через несколько лет, когда эта стройка завершилась, появился целый микрорайон Кондратово, и осушенное болото стало «пермским огородом».

Событием для областной комсомольской организации всегда был приезд одного из секретарей ЦК ВЛКСМ.

Однажды раздался звонок секретаря ЦК ВЛКСМ В.В. Григорьева: «Валентин, я завтра буду у вас. Есть необходимость побывать на Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате. Все остальное — на месте». Встречаем. Оказалось, что в издательстве «Молодая гвардия» и в газете «Комсомольская правда» сложилась критическая ситуация с газетной бумагой и под вопросом оказался выпуск книг и газеты. Министерство целлюлозной и бумажной промышленности обещало помочь, но требовались дополнительные усилия трудового коллектива. Министром в то время был Константин Иванович Галаншин, бывший первый секретарь Пермского обкома партии. Тогда приняли решение обратиться к молодежи.

Приехали в Соликамск (поездом: была зима, трескучий мороз, на машине даже не рискнули ехать). В зале собрались около 200 человек комсомольского актива целлюлозно-бумажного комбината. Владимир Викторович произнес зажигательную речь о спасении «Комсомольской правды», пообещав солидные премии отличившимся. При активной поддержке директора комбината

Валентина Михайловича Татарчука в течение месяца было изготовлено несколько сотен тонн бумаги сверх плана. Большая группа комсомольцев получила награды ЦК ВЛКСМ, а также несколько десятков томов издательства «Молодая гвардия» из серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), путевки в молодежный лагерь «Спутник», путевки для детей во Всесоюзные пионерские лагеря «Артек» и «Орленок». Так при использовании моральных, материальных и, выражаясь современным языком, административных ресурсов была решена конкретная задача.

1980-й — год Московской Олимпиады, на которую первые секретари ЦК ЛКСМ союзных республик, крайкомов и обкомов комсомола были приглашены в качестве почетных гостей.

Но этот год мог стать и печальным годом завершения моей комсомольской карьеры.

В 1980 году было чрезвычайно жаркое лето, и в первую смену по стране в пионерских лагерях утонули более ста ребятишек по различным причинам, двое из них — в Пермской области. А произошло следующее. В пионерском лагере Березников мальчик во время киносеанса попросил у воспитателя разрешения пойти в туалет, а сам отправился на заброшенный пруд поплавать на самодельном плотике и утонул. Второй случай произошел в Кизеле на пионерской спартакиаде нескольких лагерей. Начальник лагеря-«хозяина» запретил купание на территории, а руководитель команды другого лагеря, выведя воспитанников за пределы лагеря, разрешил купаться. И один из ребят, к сожалению, тоже утонул.

Сводка о подобных событиях каждый день ложилась на стол первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Борис Николаевич Пастухов, увидев очередную сводку, в сердцах заявил, что одного из первых секретарей обкомов надо освободить от работы.

Рассмотрение этого дела проходило на Секретариате ЦК ВЛКСМ. Накануне мне сообщили, что Борис Николаевич настроен категорически и мне рекомендуют приехать на секретариат с выговором по партийной линии. Тогда я договорился о встрече с первым секретарем обкома партии Борисом Всеволодовичем Коноплевым, доложил ему о цели своего визита. А он удивленно говорит: «Впервые вижу человека, который просит объявить ему партийное взыскание. Я знаю об этих случаях и скажи Борису Николаевичу, что я крупно с тобой поговорил».

«Моя речь» на секретариате длилась не более двух-трех минут, после чего начались вопросы. В числе прочих Борис Николаевич спросил, как меня наказали по партийной линии. Я сказал, что у меня был «крупный» разговор с Борисом Всеволодовичем. Он удивился и предложил освободить меня от работы. На защиту встали женщины — секретари ЦК ВЛКСМ Зоя Григорьевна Новожилова и Алевтина Васильевна Федулова. Завершилось рассмотрение объявлением выговора.

Продолжительная успешная работа в обкоме комсомола не могла быть без участия замечательных комсомольских работников: секретарей, заведующих отделами, многих, кто трудился в аппарате ОК ВЛКСМ. Это Ю. Антонов, А. Фомичев, В. Щукин, А. Шуклин, Л. Захарова, В. Ленковский, Т. Марголина, К. Мелкозерова, И. Твердохлебов, Г. Дмитриев, А. Гущина, В. Бобрешов, А. Самарин и другие.

В комсомоле, пожалуй, как нигде, трепетно относились к старшим товарищам, ветеранам комсомола. Для меня это В.К. Котов, В.М. Прилуков, Ю.В. Шестов, Э.С. Копысова, В.П. Окунев, В.Н. Колыванов, С.А. Шелковников, Е.К. Черепанова...

В этом ряду особое место занимает Елена Аветисовна Орачева. Она родилась в армянской семье в Тбилиси. После окончания Северо-Осетинского пединститута поехала по распределению в отдаленную сельскую школу Чусовского района Пермской области. Проявила себя творческим педагогом, на общественных началах в лесном поселке создала школу рабочей молодежи.

С начала 1960-х годов она на комсомольской работе: инструктор обкома комсомола, секретарь Пермского горкома и более десяти лет — директор зональной комсомольской школы, где проходили переподготовку руководители молодежных организаций Пермской, Свердловской, Кировской областей, Коми, Удмуртской, Марийской АССР. Это была одна из лучших школ в стране. На протяжении девяти лет работала начальником летнего молодежного лагеря «Юность» для активистов школ Пермской области. Уже будучи на партийной работе, а также проректором и ректором Западно-Уральского института экономики и права, она не оставляла комсомол. Была организатором комсомольского ветеранского движения в Прикамье. Имея неугомонный характер, Елена Аветисовна всегда была в числе организаторов юбилейных комсомольских мероприятий. Сегодня не одно поколение с теплотой вспоминают о своем чутком и требовательном наставнике.

Завершая свои воспоминания о комсомоле, хочу сказать, что полностью разделяю слова Б.Н. Пастухова: «...Лучшая часть моей жизни — Ленинский комсомол, которому я обязан всем — друзьями и товарищами, это было прекрасное время...»

И вместо послесловия. В 1981—1983 годах я учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, пять лет был первым секретарем Дзержинского РК КПСС города Перми, потом четыре года — председателем областного комитета по телевидению и радиовещанию. С 1992 года — в государственном автономном учреждении «Пермский краевой фонд социальной поддержки населения», сначала работал директором, последние восемь лет — заместителем директора.

Семейный стаж — 53 года, двое детей, три внука.

Но это, как говорится, уже другая история.

Александр Егорович Жерихов

Секретарь Владимирского обкома комсомола

Заведующий сектором областей Уральского региона

отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ

Руководитель Федеральной таможенной службы

Российской Федерации

Советник генерального директора ПАО «Газпромнефть»

«Такая организация, как комсомол, очень нужна сегодня...»

Слова эти сказаны 30-летним молодым человеком, которому не довелось быть ни октябренок, ни пионером, ни комсомольцем. Но он любит изучать историю, прошлое и настоящее своего народа. Из прочитанного и увиденного в фильмах советской поры он сделал для себя вывод о пользе организации, которая работала с молодежью.

Целиком и полностью согласен с таким выводом, ибо комсомол сыграл решающую роль и в моей судьбе, а она вряд ли чем-то отличается от судеб моих сверстников.

За годы работы в ВЛКСМ на различных должностях, со многими регионами нашей страны и зарубежьем комсомол научил меня, невзирая ни на какие трудности, проблемы, добиваться поставленных целей, занимать активную жизненную позицию, опираясь при этом на высокие нравственные принципы: порядочность, честность, критическое отношение к себе и окружающим, умение ценить добрые доверительные отношения с коллегами и друзьями.

Когда меня избрали секретарем комсомольской организации школы, я, понятно, еще не в полной мере осознавал масштаб деятельности комсомола. Зато впоследствии, работая первым секретарем Камешковского райкома ВЛКСМ, заведующим отделом комсомольских организаций Владимирского обкома, секретарем Владимирского обкома комсомола, а потом и заведующим сектором областей Уральского региона отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, я сполна был вовлечен в масштабные проекты, над которыми работал Ленинский комсомол.

С огромным удовольствием вспоминаю свою работу на прославленном и легендарном предприятии — заводе им. В.А. Дегтярева в городе Коврове Владимирской области, где я трудился секретарем комитета комсомола одного из оборонных производств. Вспоминается, как комсомольско-молодежные бригады и я вместе с ними работали над одним экспортным изделием, которое нужно было сдать военпреду до 1 Мая. Пришлось работать после дневной смены всю ночь, нарушая трудовое законодательство. Рано утром мы уходили с завода под звуки духовых оркестров. Возле многочисленных заводских проходных собирались тысячи заводчан, чтобы идти на Первомайскую демонстрацию. А нам казалось, что бравурные марши оркестры играли и в нашу честь. Это было ни с чем не сравнимое чувство выполненного долга — мы сделали в срок важный государственный экспортный заказ, получив при этом благодарность руководства завода, а через какое-то время — и министра отрасли.

А разве можно забыть, как мы организовывали многочисленные субботники, посвященные различным знаменательным датам на гражданском производстве, где собирали мотоциклы «Восход»? За смену с конвейера сходило до двухсот мотоциклов, и на некоторых из них мы организовывали мотопробеги по местам боевой славы заводчан — участников Великой Отечественной войны.

Ежегодно летом мы использовали очень хорошую заводскую базу и создавали совместно с ДОСААФ лагеря для трудных подростков на реке Клязьме. В один из сезонов мне пришлось лично возглавить такой лагерь. Упор делали на военно-спортивные игры, соревнования. Тут надо было стать самим Макаренко и проявлять находчивость, смекалку и разворотливость. Отрадно было видеть результаты своей работы — ребята не хотели уезжать из лагеря, их родители говорили добрые слова, отмечали положительные изменения в поведении своих детей. Да и оценка нашей работы со стороны была замечена. В частности, я жил по соседству с заместителем городского прокурора, которая занималась в городе несовершеннолетними подростками, состоявшими на учете в детской комнате милиции, и некоторые из ее подопечных были в нашем лагере. Как-то при встрече прокурор заметила, насколько впечатляющи результаты моей работы в летнем лагере с трудными детьми, и предложила мне поработать у нее общественным помощником прокурора, пока я не окончу юридический институт. Работу с трудными подростками мы не считали чем-то особенным из множества комсомольских дел. Но сейчас, с высоты прожитых лет, видя состояние этой работы в нашей стране, особенно в 90-х годах, понимаешь всю важность того, что мы тогда делали.

Кстати, с функционированием родного мне завода им. В.А. Дегтярева я столкнулся, уже работая руководителем Федеральной таможенной службы. Мы начали более решительно и системно бороться с пресечением контрабандных грузов, поступающих в Россию из Китая, Турции и стран Европейского союза. Достаточно вспомнить громкие дела по Черкизовскому рынку в Москве, задержанию составов с китайскими товарами народного потребления с Дальнего Востока, идущих в адрес... режимных воинских частей в Подмосковье, и многие другие.

Проанализировав ситуацию, мы выявили тенденцию: новоявленные коммерсанты, зная о тяжелом финансово-экономическом положении крупных оборонных предприятий, имеющих свои подъездные железнодорожные пути и особый режим охраны, стали обращаться к директорам заводов с просьбами

А.Е. Жерихов

об открытии на их территории складов для временного хранения импортного ширпотреба. Подобные предложения поступали и руководителям Тушинского машиностроительного завода в Москве и ряда оборонных предприятий Подмоскovie. Понятно, что нельзя было идти на поводу у контрабандистов: экономику этих предприятий побочные доходы уж точно бы не поправили, а вот обогатить некоторых руководителей и их покровителей могли. Чтобы у принимающих решение управленцев не возникло соблазна пойти навстречу пожеланиям предпринимателей, мы предупредили их о возможных последствиях и проинформировали соответствующие министерства и ведомства...

С особой теплотой вспоминаю работу во Владимирском обкоме ВЛКСМ. Прошло 37 лет, как меня перевели на работу в ЦК и я перебрался в Москву. Пока живы были родители, часто их навещал, а сейчас раз в год бываю в родных местах. И когда еду по своей малой родине, перед глазами встает картина: вот указатель поворота на крупнейший свиноводческий комплекс «Владимирский» в поселке Лесном Камешковского района, где я трудился первым секретарем райкома, а этот указывает на самую большую птицефабрику в поселке Юрьеvec. Сколько же не часов, а дней пробыл на этих стройках, организуя субботники, работу комсомольско-молодежных бригад, студенческих строительных отрядов и ребят, приехавших к нам из Узбекистана по комсомольским путевкам! А как приятно было видеть, что через два-три года на ровном поле появлялись огромные высокотехнологические сельскохозяйственные предприятия с развитой инфраструктурой, многоквартирными домами, школами, детскими садами! В то время руководством страны было принято решение по подъему Нечерноземья, и комсомол взял шефство над этими ударными стройками. В настоящее время это самые крупные сельскохозяйственные предприятия во Владимирской области. Поэтому, проезжая рядом с ними, вспоминаю, с каким упорством, задором, энтузиазмом трудились комсомольцы на этих объектах, а польза от сделанного очевидна и сейчас.

Вспоминается встреча в обкоме комсомола с известным американским певцом, киноактером, общественным деятелем Дином Ридом, пользовавшимся огромной популярностью у молодежи в СССР, в странах Латинской Америки и Восточной Европы. Запомнились не столько его песни под гитару и знаменитая «Белла чао», а то, с каким восхищением, искренностью он отзывался об энтузиазме комсомольцев, которые трудились на всесоюзной ударной комсомольской стройке — сооружении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ), где он часто гастролировали, посвятил увиденному многочисленным песни, и то, как он, безумно любя свою родину, рассказывал о расизме в его стране, экспансионистской, агрессивной, лицемерной политике руководства США по отношению к другим странам. Это подтверждается и всеми последующими годами, особенно в последнее время. Дин Рид трагически погиб в 1986 году недалеко от своего дома в Восточной части Берлина. Его нашли мертвым в Цойтенском озере. Официальная версия — утонул. Но мои восточногерманские коллеги (мне довелось в конце 80-х работать вторым секретарем посольства СССР в ГДР) говорили, что «наши западные партнеры» не простили Дину Риду его левых взглядов и активной антиимпериалистической позиции. Они говорили, что тело Рида находилось под водой, заваленное камнями, а судмедэксперты сделали вы-

вод, что певец умер за четверо суток до обнаружения трупа, имея многочисленные ножевые ранения...

Масштаб вопросов, которыми занимался комсомол, поражает. Увидеть и принять непосредственное участие в их решении мне позволила работа заведующим сектором областей Уральского региона. Не зря говорят: Урал — опорный край державы! В регион входили Свердловская, Челябинская, Тюменская, Оренбургская, Курганская области, Башкирия, Удмуртия и Пермский край. Это крупнейший промышленный и оборонный комплекс страны. Сколько было сделано добрых дел комсомольскими органами этих территорий, которые находили поддержку в ЦК ВЛКСМ, а потом их идеи распространялись по всей стране. Молодежные жилищно-строительные кооперативы (МЖК), научно-технические объединения (НТТМ), Магнитка, Уралмаш, Уралвагонзавод, Челябинский тракторный завод, строительство нефтяных и газовых магистралей Западной Сибири. Сложно перечислить все дела и начинания, которые рождались творчеством и инициативой комсомола.

Особые воспоминания меня связывают с Тюменской областью — нефтегазовой кладовой страны. Десятки поездов с молодежью мы совместно с отделом рабочей молодежи ЦК, комсомольскими органами страны отправили на ударные комсомольские стройки Западной Сибири. Так уж получилось, что после окончания службы в таможенных органах я более одиннадцати лет работаю в ПАО «Газпромнефть». Это крупная нефтяная компания, основными видами деятельности которой являются разведка и разработка месторождений нефти и газа, реализация добытого сырья, а также производство и сбыт нефтепродуктов. Компания осуществляет свою деятельность в крупнейших нефтегазовых регионах России: Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах, Оренбургской, Томской, Омской областях. Постоянно участвуя в работе правления, оперативных совещаниях и других мероприятиях, получая ту или иную информацию с нефтяных месторождений (АО «Газпромнефть — Ноябрьскнефтегаз», ООО «Газпромнефть — Хантос», «Газпромнефть — Муравленко», «Газпромнефть — Оренбург»), вольно или невольно вспоминаю, что не просто там был, а проводил большую работу по созданию надлежащих условий для труда, отдыха привезенных из разных уголков нашей страны комсомольцев-добровольцев и их адаптации к суровым сибирским условиям. Помнится, как-то мы отправляли из Москвы очередную партию молодых добровольцев. Как всегда, торжественный митинг, песни, музыка духовых оркестров, приподнятое настроение. В поезде и по пути следования состава в крупных городах — та же самая атмосфера. Состав прибывал в Тюмень, а дальше по группам уезжали в Новый Уренгой, Сургут, Нижневартовск, Ноябрьск, Надым и другие поселки и города Тюменской области. Я взялся доставить одну из групп с Украины, из Донбасса, на самый север области. Пересели на поезд, идущий в направлении Тобольска, а дальше — вертолетом на площадку. По мере продвижения на север ландшафт за окном поезда менялся. Вовсю проявлялся суровый сибирский климат. Морозы стояли в это время очень сильные, за тридцать с минусом. Да и в поезде было холодно, несмотря на хорошую экипировку ребят... Вертолет сел на заранее подготовленную и скрепленную из деревьев площадку рядом с двумя строительными вагончиками. Вот и вся инфраструктура с унылым пейзажем. Смотрю на ребят: и у них настроение соответствующее. Чувствовал себя

неловко перед ними, когда улетал обратно в Москву. Пока проводили организационные мероприятия, старался им как-то поднять настроение, заверял, что буду помогать им адаптироваться в этих нелегких условиях. Слово свое я сдержал — регулярно отправлял им посылки, поздравления.

Как-то раз я был в командировке в Тюменской области, участвовал в комсомольской конференции. Ко мне подошел молодой человек, на груди у него различные комсомольские награды. Здороваясь, он сказал: «Вы что, меня не узнаете?» Это был молодой человек из той донбасской группы, которую я доставлял на необустроенное нефтяное месторождение, но уже возмужавший и возглавляющий одну из молодежных бригад. Как было радостно на душе, когда узнал, что все ребята, приехавшие в тот раз по комсомольской путевке, трудятся, прижились, некоторые обзавелись семьями и довольны своей работой.

На ударные комсомольские стройки молодежь ехала исключительно добровольно. И когда я слышу из уст недоброжелателей о принудительном направлении молодежи на стройки, то, как непосредственный участник этих событий, говорю решительное НЕТ. Никто никого не принуждал, это было поистине патриотическое движение молодежи, учитывающее интересы страны.

Какое важное для страны дело организовывал комсомол, шефствуя над строительством нефтегазопроводов Сибири! До сих пор страна пользуется ими, формируя наполовину свой бюджет, а в некоторые годы — получая более 60 % доходов за счет сырьевого сектора. Мне это доподлинно известно как бывшему руководителю Федеральной таможенной службы России. Кстати, не случайно в труднейший период, в конце XX — начале XXI века, многие бывшие комсомольские работники, имея огромный организационный опыт и интеллектуальный потенциал, возглавили области. В Уральском регионе это бывшие первые секретари Тюменского, Оренбургского обкомов комсомола Ю.В. Неелов и Ю.В. Елагин, впоследствии ставшие эффективно руководившими губернаторами.

В самые тяжелые годы после развала Советского Союза на основных народно-хозяйственных должностях трудились и продолжают работать до сих пор люди, прошедшие удивительную школу комсомола, имеющие огромный организационный опыт. Сужу это и по таможенной службе. Наряду с профессионалами, основной костяк в руководстве ГТК и ФТС, региональных таможенных управлений и таможен составляли люди, прошедшие школу комсомола и сумевшие практически с нуля создать современную таможенную службу. Именно они, имея большой организационный опыт, внесли решающий вклад в разработку новой нормативной базы службы, были в авангарде создания передовых информационных таможенных технологий и современной материальной и социальной базы.

В целом комсомол был уникальной созидательной молодежной организацией, сыгравшей, на мой взгляд, выдающуюся роль в развитии страны и миллионов граждан, прошедших эту замечательную школу. Я благодарен судьбе, что удалось непосредственно приобщиться к этой замечательной организации. И не использовать ее уникальный положительный опыт сегодня — это огромное заблуждение и ошибка. Надо отдать должное сегодняшнему руководству страны, которое понимает, что нужно серьезно работать с молодежью, ибо будущее развитие России в значительной степени зависит именно от нее.

Александр Васильевич Жуганов

Первый секретарь Алтайского крайкома ВЛКСМ

Секретарь ЦК ВЛКСМ

Заместитель министра образования РФ

Руководитель аппарата Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов

Кандидат философских наук

Комсомол — моя судьба

Я родился на изумительно красивой, древней алтайской земле. Напомню, что наименование «Алтай» происходит от тюркского «алтын», «алдан» — «золотой». Алтай по праву называют драгоценной жемчужиной, подлинной житницей Сибири. Хочу также напомнить, что стоянка Карамы в Солонешенском районе Алтая имеет возраст 1 700 000 лет и является самым древним археологическим памятником на территории России.

Алтайская земля богата как природными ресурсами, так и мужественными, самоотверженными людьми. Тысячи наших земляков создавали ее славу.

Поселок Дубровск, где я родился, расположен на берегу реки Чистюньки. Так ее называли за чистые родники, прозрачные воды, удивительно красивые кувшинки и лилии. Здесь было обилие рыбы, ежегодно гнездились белые лебеди.

Шла война. Мужчины почти все, в том числе и мой отец Василий, воевали на фронте, а мою маму Екатерину избрали председателем колхоза, так как она была хорошим организатором, пользовалась авторитетом и уважением сельчан. После войны семья переехала в город Алейск, где построила дом, и я начал учиться в школе. По окончании девяти классов решил поехать в город Рубцовск и там продолжать учебу в строительном училище. В 1959 году я вступил в комсомол, а в 1960 году меня впервые избрали секретарем комсомольской организации.

Можно сказать, что мне как-то всегда везло на хороших людей. Ребята быстро распознавали мой общительный характер и часто обращались за помощью или советом, когда мы учились или работали, жили в общежитии. В городе Рубцовске у нас была очень сплоченная комсомольская организация. Мы хорошо работали, повышали профессиональное мастерство, занимались спортом, играли в духовом оркестре, участвовали в самодеятельности. Мы принимали активное участие во всех субботниках и воскресниках, по весне готовили пионерские лагеря к приему детей, быстрее всех выполняли возложенные на нас поручения. Каждый имел свое конкретное дело.

Помню, пропагандистом у нас был начальник управления Василий Васильевич Василевич. Он всегда открывал парады, гарцуя на белом коне, так как был участником и героем Великой Отечественной войны. У него вся грудь была в орденах и медалях, как сейчас говорят — «полный иконостас». С одной стороны, он строго спрашивал с меня за организацию политической учебы, а с другой — делал все для того, чтобы комсомольцы проявляли интерес к политической жизни страны.

В июне 1962 года я был призван на службу в пограничные войска, где и служил до сентября 1965 года. Считаю, что пограничные войска — это замечательная школа возмужания и становления мужчины, школа воспитания чувства ответственности за судьбу Родины, формирования защитника Отечества. Офицеры-пограничники учили нас огневой, конной, тактической подготовке, стремились сделать из нас бойцов ответственных, смелых, сильных духом. Граница, на мой взгляд, как ничто другое, воспитывает эти качества в каждом, кто проходит на ней воинскую службу.

Памирский пограничный отряд, где служил, всегда вспоминаю с особым чувством гордости. Ведь Памир — крыша мира! В основном здесь служили сибиряки и москвичи, ребята очень хорошие, физически крепкие. Условия были трудные. При низком давлении высокогорья вода закипала не при ста, а при семидесяти градусах... Заставы располагались на высоте до 4200—4400 метров над уровнем моря, а один пост на заставе Джарты-Гумбес — 4600 метров. Туда пограничники уезжали на две недели, и, естественно, смешно говорить о каких-то политинформациях... Единственное, слушали «Маяк», а газеты порой доходили до нас через 10—15 дней.

На границе я вступил в ряды КПСС, избирался секретарем первичной комсомольской организации, был назначен инструктором политотдела пограничного отряда. Уволен в запас в звании старшины.

После армии я вернулся на Алтай, в город Алейск, и устроился на работу в передвижную механизированную колонну. У нас была очень дружная и работоспособная комсомольско-молодежная бригада. Мы трудились ударно, зарабатывали очень хорошо.

Меня несколько раз приглашали в райисполком и райком партии на работу, но я все отказывался и «сдался» лишь на седьмой раз... Первым секретарем райкома партии в то время был Петр Миронович Демин, фронтовик, полковник в отставке, сильный, красивый, очень уважаемый человек. Когда он в очередной раз пригласил меня к себе на собеседование, я уже не стал отказываться. Решил попробовать и два года работал инструктором Алейского райкома партии. А когда началась подготовка к 50-летию Ленинского комсомола, меня рекомендовали в бюро райкома комсомола, а затем на должность первого секретаря райкома комсомола. Так я вновь оказался в комсомольской семье. Видно, действительно, комсомол — моя судьба.

Надо сказать, в то время в городе не было ни одного кафе, а только рабочие столовые, где молодежь зимними вечерами устраивала вечера с самой разной, но, главное, интересной и привлекательной тематикой. Это и литературное кафе, и вечера поэзии, и диспуты, встречи молодых специалистов, врачей, учителей, пионерского и комсомольского актива. Активно привлекалась талантливая молодежь, читали стихи, пели песни, танцевали, проводили юморины, лотереи и многое другое, что наполняло отдых и делало его интересным. А организаторами, ведущими всегда были работники райкома комсомола, каждый был, как говорится, и чтец, и жнец, и на дуде игрец. С одной из самых активных, задорных, красивых и замечательных я и познакомился. Это была Людмила Лаптева, заведующая школьным отделом райкома комсомола. Она исполняла любимые молодежью современные песни, читала патриотические стихи Роберта Рождественского, Владимира Маяковского и многих других поэтов.

В августе мы пригласили друзей на нашу комсомольскую свадьбу. Работники райкома партии, райкома комсомола, молодые специалисты, учителя — словом, почти весь наш комсомольский и пионерский актив — поздравили нас с законным браком, пожелали быть верными комсомольским традициям, что мы и исполнили. Через два года, в Международный день студентов, у нас родилась дочь Наташа, а в день рождения комсомола — вторая дочь Светлана. А 26 августа 2017 года мы с Людмилой отметили золотую свадьбу — 50-летие, не буду скрывать, счастливой семейной жизни.

А.В. Жуганов. 1974 г.

Работа в райкоме комсомола была интересна тем, что позволяла постоянно общаться с людьми на первичном уровне — это пионеры, школьники, механизаторы, животноводы, полеводы, а также строители, рабочие промышленных предприятий. И не только общаться, но и учиться друг у друга. Теплая дружеская беседа с наставником всегда помогала работать и жить. Очень многие ребята, с которыми я до сих пор поддерживаю связь, позже работали на руководящих постах. И сегодня, выйдя на пенсию, они ведут большую общественную работу. Это были замечательные годы становления, когда мы имели возможность набираться и знаний, и практического опыта.

Большую организаторскую, идейно-политическую работу вели работники и активисты Володя Чувахин, Анатолий Мироненко, Алексей Добрынин, Виктор Плужников, Геннадий Плотников, Галина Сапина, Галина Пушкарева, Екатерина Ряполова, Галина Малахова, Сергей Завгородний, Зоя Мальгинова, Зина Никитина, Людмила Малышева, Галина Кошель и будущие первые секретари райкома Володя Легостаев, Сергей Евдокимов, Юрий Вислогузов и Сергей Крюков.

Добрыми советниками были Раиса Рагозина, Лиля Деятелилова, Георгий Околелов, Любовь Матвеева, секретари райкомов партии Анатолий Примин, Дмитрий Гладких, Алексей Бурлаков, Василий Ревякин. Неоценимый вклад в подготовку молодежи к службе в рядах армии внесли Герой Советского Союза Николай Митрофанович Гаврилин, Иван Денисович Дерюгин, Дмитрий Иванович Лаптев.

Подлинными наставниками были председатель колхоза Владимир Михайлович Овсянников, секретари парткомов Людмила Петровна Малахова, Виктор Петрович Мосягин, Людмила Михайловна Кузнецова.

В городе и районе очень активно занимались военно-патриотическим воспитанием, поскольку в те годы у нас в крае строился оборонительный рубеж, ракетный пояс, и было много военнослужащих. Когда проходили игры «Зар-

ница» и «Орленок», использовали и имеющуюся гражданскую, и военную технику — бронетехнику, вертолеты, разнообразные учебные принадлежности. Достаточно активно привлекались к работе молодые офицеры. Они закреплялись за организациями, школами и с удовольствием передавали ребятам свой опыт, профессионально ориентировали их на службу в Вооруженных силах, готовность в любой момент встать на защиту Родины. Комсорг райкома комсомола Валентина Сажина по своей инициативе организовала секцию парашютистов при воинской части.

Мы стали больше внимания уделять работе комсомольского оперативного отряда и спорту — футболу, волейболу, легкой атлетике. Часто проводились межрайонные и городские соревнования по различным видам спорта, в том числе на призы клубов «Кожаный мяч» и «Золотая шайба».

Были организованы смотры художественной самодеятельности, которые помогали выявлять таланты, растить их. В них принимали участие, как говорится, и стар и млад. Почти в каждой организации были свой хор, танцевальные кружки, а на крупных предприятиях — даже свои духовые оркестры, ансамбли. Одним словом, жизнь кипела.

Подготовка к 50-летию комсомола и 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина придала молодежи большую, мобилизующую энергию. В этот период в городе и районе были организованы ленинские комнаты, уголки, где проводилась целенаправленная, содержательная работа. Здесь проходили лекции, встречи, беседы, прием в комсомол и в пионеры, писались сочинения, проводились конкурсы работ учащихся и многие другие мероприятия.

В сентябре 1972 года, в разгар уборки урожая, состоялся пленум краевого комитета комсомола, где меня избрали первым секретарем крайкома. Я сменил на этом посту Виталия Владимировича Кирюшова, очень обаятельного, умного, талантливого, прекрасного организатора, которого молодежь любила. Конечно, мне не сразу все удавалось, было, признаюсь честно, трудно. Но были рядом опытные работники аппарата, которые помогали как настоящие друзья. В тот год Алтай собрал рекордное количество зерна, продал его государству 5 200 000 тонн. Это был, несомненно, выдающийся результат. Наша краевая комсомольская организация была на хорошем счету и в соревнованиях по другим направлениям деятельности, и в целом по итогам работы. Она постоянно добивалась переходящих красных знамен.

Должен сказать, что успехи комсомольских организаций края были обусловлены огромной поддержкой партийных работников и лично первого секретаря крайкома партии Александра Васильевича Георгиева. Он уделял исключительное внимание жизни, учебе, труду и отдыху молодежи. И крайкомом партии были поддержаны инициативы комсомола по полезащитному лесоразведению, соревнования молодых за призы знатных людей и многие другие. Александр Васильевич любил встречи с комсомольским активом, постоянно выступал на учебе секретарей горкомов, райкомов комсомола, а у нас их было восемьдесят пять. Горно-Алтайский обком комсомола также входил в состав краевой комсомольской организации. Александру Васильевичу небезразлично было, какие проблемы волнуют молодежь, что не получается в работе, в чем нужна поддержка партийных органов. Всегда уточнял, сколько в год построено квартир для молодоженов на селе, количество воинов, уволенных в

запас и оставшихся работать на селе, количество комсомольских молодежных коллективов и так далее.

В те годы практически в каждом совхозе и колхозе Алтая строились молодежные улицы. Доброй традицией стали комсомольско-молодежные свадьбы, торжественное посвящение в хлеборобы, проводы в ряды Советской армии, слеты воинов, уволенных в запас, праздники улиц, смотры народных талантов и многие другие мероприятия. Александр Васильевич Георгиев был пламенным патриотом Отечества, опытным руководителем, мудрым и заботливым наставником молодежи, неравнодушным к ее интересам, делам и заботам.

С большой ответственностью комсомольские организации подходили к овладению сельскохозяйственной техникой — тракторами, комбайнами, автомобилями. Механизаторский всеобуч объединял и средние школы, и ПТУ, и специальные курсы. Работа шла под девизом: «Живешь на селе — знай технику!» В сельских школах закладывались дендрарии, работали производственные бригады, лесничества. Потом появилось движение «Девушки — на трактор», и многие девушки стали комбайнерами и трактористками. Организатором и вдохновителем этого движения в крае была Варвара Бахолдина. Были учреждены премии знатных хлеборобов. Проводились соревнования между комсомольско-молодежными бригадами, а потом, после уборки урожая, подводились их итоги. Во Дворце спорта, вмещавшем шесть тысяч человек, чувствовали тружеников полей, лучших механизаторов, трактористов, комбайнеров, животноводов, полеводов. Вручались дипломы, медали имени знатных людей Алтая. Для девушек-механизаторов — имени Варвары Максимовны Бахолдиной, для трактористов — Михаила Ивановича Гусельникова, для молодых комбайнеров — Семена Ефимовича Пятницы. Эта форма трудового соперничества нашла широкую поддержку среди всех тружеников села, в различных специальностях и профессиях. Она стала массовой, а для Алтая — поистине всенародной. Победители чувствовали ответственность за результаты своего труда. Кроме дипломов и медалей вручались ценные подарки, и в каждом направлении первым трем победителям — машины. Вы понимаете, что это был за подарок в то время!

Бойцы студенческих отрядов на Алтае проводили большую работу по мелиорации земель, строительству животноводческих ферм, жилья, школ. В крае был девиз — «Школа должна быть самым красивым местом на селе». Одним словом, делалось очень много хорошего.

Хочется подчеркнуть, что на Алтае очень бережно относились к людям, если можно так выразиться, боролись за каждого человека. Помню, как Александр Васильевич Георгиев говорил: «Вы скажите, что надо, мы для вас все сделаем, но вы из края не уедете». Это была целая система — закрепление молодежи на селе.

Но и при таком стремлении, чтобы молодежь все-таки оставалась жить и работать на Алтае, надо было, естественно, создавать и условия для этого. Сибирь — сложный регион, тем не менее край постепенно развивался, а люди росли духовно и профессионально, понимая, что эту землю надо и любить, и беречь, и работать на ней.

Центральный комитет ВЛКСМ одобрил работу краевой комсомольской организации с молодыми педагогами. В этом плане были определенные успе-

хи, очень широко распространено было наставничество не только по рабочим профессиям, но и среди учителей, интеллигенции, специалистов. В целом наставничество — это не просто передача профессиональных навыков, это еще и духовное воспитание, становление молодого специалиста. Поэтому с этой категорией специалистов работа была поставлена на должном уровне.

В краевой комсомольской организации я проработал шесть лет, был уже своего рода ветераном среди многих первых секретарей ЦК республик, крайкомов и обкомов комсомола.

На XVIII съезде комсомола меня избрали секретарем ЦК ВЛКСМ и поручили курировать работу со студенческой и научной молодежью, которая составляла большой отряд Ленинского комсомола.

Широким, масштабным движением в комсомоле было научно-техническое творчество молодежи (НТТМ), охватывавшее ее различные возрастные группы. Проходили семинары, конкурсы, создавались школы молодых ученых по различным проблемам ускорения научно-технического и социального прогресса. Проводились соревнования, победители которых получали премии Ленинского комсомола. Все понимали их важность, значимость для ускорения научно-технического прогресса. В 1985 году Госкомитет по науке и технике, ЦК комсомола, Госкомтруд СССР и ВЦСПС утвердили положение о КТМК. Этим документом определялись их принципы, порядок обеспечения необходимыми финансовыми и материально-техническими ресурсами, а также оборудованием и производственными площадями. В стране работало более двухсот шестидесяти таких коллективов, и полагаю, что, несмотря на все изменения в стране, опыт работы творческих молодежных коллективов может быть полезен и сегодня. Его эффективность проверена временем.

Мне представляется уникальным, масштабным движением студенческих отрядов в СССР, аналогов которому нет в мировой практике молодежных общественных инициатив. Движение студенческих отрядов — верный путь к формированию классов управленцев всех уровней, воспитанию зрелости, характера, творчества, ответственности людей. Шли годы, бойцами студенческих отрядов становились все новые поколения студентов, но неизменными оставались традиции подвижничества, бескорыстия, самоотверженности, дружбы и товарищества. В летний период времени в составе отрядов работали более 870 тысяч человек, выполнялась большая производственная программа, осваивались сотни миллионов рублей, проводилась большая общественно-политическая работа: лекции, концерты, шла воспитательная работа с трудными подростками. Хотел бы особенно отметить шефство студентов над развитием города Гагарина, которое продолжается по сей день. Студенты не просто создавали интернациональный студенческий отряд из всех союзных республик, краев и областей РСФСР, но и проводили дни ударного труда. На заработанные деньги велось строительство в городе Гагарине школ, студенческих общежитий, жилых домов, Дворца культуры, дорог. Много было сделано и оформлено силами студенческих отрядов. И в этом интернациональном студенческом отряде города Гагарина, как в капле воды, отражались и все проблемы, и все успехи. Мы знаем очень много воспитанников студенческих отрядов, которые стали руководителями предприятий и организаций. Работа в таких отрядах помо-

Делегация Алтайского края на XVII съезде ВЛКСМ

гала молодым людям почувствовать самостоятельность, научиться жить и работать в коллективе и вообще определиться в жизни, стать успешными организаторами производства. Что касается студенческого строительного отряда города Гагарина, я считаю, что он был гордостью Ленинского комсомола, студенческих отрядов. Студенты постоянно встречались с приезжающими туда космонавтами, родственниками Юрия Алексеевича Гагарина, его мамой Анной Тимофеевной, замечательным, добрым и милым человеком. Студенты внесли свой вклад в создание музея первого космонавта и в целом космонавтики. Я много раз был в студенческих отрядах в городе Гагарине, как-то и всей семьей выезжал, для того чтобы принять участие в дне ударного труда. Посадили деревья в парке. Было сделано многое, чтобы город Гагарин рос, хорошел, развивался.

В настоящее время работниками отдела студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ подготовлены материалы для издания книги, и я полагаю, что все они великолепно разбираются в проблемах подготовки высококвалифицированных, творчески активных специалистов. Я полагаю также, что они всесторонне, с учетом многолетнего практического опыта интересно расскажут в книге об этом удивительном и неповторимом времени в жизни каждого студента. Известна педагогическая мудрость: «Студент не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь».

Думаю, что все, кто участвовал в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, запомнили его на всю жизнь. Высокую организованность, дисциплину, терпение проявили бойцы студенческих отрядов при подготовке и проведении этого исторического форума-праздника. Абсолютно без каких-либо затрат ими было подготовлено представление «Мир победит войну», участниками которого на стадионе «Динамо» стали более десяти тысяч человек. Одни только многочасовые вечерние репетиции после трудового дня чего стоили! Конечно же, студенты чувствовали усталость, но понимание важности и ответственности способствовало созданию яркого эмоционального праздника для участников и гостей фестиваля, наглядно продемонстрировав-

шего патриотизм советского народа, победившего фашизм в годы Великой Отечественной войны.

Работа в комсомоле обогатила мои знания о политических бурях, бушевавших на разных континентах планеты, оставила неизгладимое впечатление в моем сознании и сердце. Я имел возможность прикоснуться к событиям в Афганистане и Сирии, побывать в прифронтовых государствах Юга Африки — Замбии, Родезии, Анголе, Танзании, встречаться с молодыми коммунистами после их победы над фашизмом в Греции и Уругвае, провожать на фронт бойцов в Никарагуа. С каким уважением юноши и девушки относились к советским сверстникам! Как они любили свою землю, с какой надеждой боролись за свои права и достойную жизнь!

Учеба секретарей ЦК ВЛКСМ союзных республик, крайкомов, обкомов комсомола на курсах руководящих работников государства для всех нас была важным событием. Посещение Звездного городка было в программе обучения, и космонавт Василий Григорьевич Лазарев как экскурсовод показывал летательные аппараты и спутники. Воспользовавшись паузой в экскурсии, я сказал космонавту, что уже много раз это видел. Василий Григорьевич лукаво улыбнулся, и через одну-две минуты раздалось радиосообщение: «Александр Жуганов приглашается для испытания на центрифугу». Я спросил, куда идти, спустился в специальное отделение, быстро переоделся, разместился в центрифуге, меня проинструктировали, какие кнопки нажимать, как дышать и вести себя. Включили центрифугу. А для всех участников экскурсии в это время по монитору показывают испытания космонавтов из ГДР Зигмунда Йена и из Польши Мирослава Гермашевского. Последний теряет сознание, и здесь дается вставка, как я прохожу испытания. Я манипулирую пультом управления, отвечаю на вопросы о самочувствии, по мере возрастания нагрузки говорить становилось труднее и труднее, но в общем-то все завершилось отлично. На следующий день при подведении итогов Евгений Михайлович Тяжелников шутливым тоном произнес: «А сегодня от отряда космонавтов выступит Александр Жуганов». Ну, естественно, все встретили эту шутку аплодисментами.

Говоря о комсомоле, не могу не вспомнить первых секретарей ЦК ВЛКСМ — Евгения Михайловича Тяжелникова, Бориса Николаевича Пастухова, Виктора Максимовича Мишина. Это замечательные люди, прекрасные организаторы, истинные патриоты, беспредельно преданные нашей Родине.

Вспоминая их, я часто думаю, что если бы эти секретари ЦК комсомола были на других, еще более высоких должностях в нашей стране, то не произошло бы развала Советского Союза и жизнь была бы совершенно другой...

Комсомольское братство — не просто красивые, ничего не значащие слова. Оно действительно было, и оно — пример для нынешних молодежных объединений. Бессмертный полк, дни комсомольского братства прочно вошли в наше сознание и сердца. Мне представляется, что в комсомоле общие дела и интересы способствовали главному, поистине великому искусству — умению дружить, ставить интересы дела товарищей на первое место.

В 1986 году Совет Министров Российской Федерации утвердил меня заместителем министра высшего и среднего специального образования России.

В следующем году в Комитет партийного контроля пришла анонимка о том, что во время моей работы в ЦК комсомола в студенческих отрядах были случаи

гибели студентов и я как секретарь, отвечающий за этот участок, должен понести наказание. Пригласили на заседание КПК, который возглавлял М.С. Соломенцев. Видимо, они решили еще раз «повоспитывать» комсомол. Естественно, я, как и все мы в ЦК комсомола, полагал, что жизнь и здоровье каждого студента превыше всего, но дело в том, что за охрану труда и создание необходимых условий для работы несут ответственность принимающие организации. Мы в центральном штабе делали все необходимое для того, чтобы предупредить трагические случаи, учили актив. Все это я и сказал комиссии. Меня выслушали и вынесли вердикт — из партии исключить, такие в партии не нужны. Соломенцев сказал: «Ленин таких в тюрьму сажал, Сталин расстреливал, а вы хотите быть в нашей партии. Не получится». Вот такими словами был оценен весь мой труд в студенческих отрядах. Но меня все-таки «отстояли» министр образования СССР Геннадий Алексеевич Ягодин и министр образования РСФСР Иван Филиппович Образцов.

Когда развалились СССР и КПСС, я сказал себе, что ни в какую другую партию вступать не буду. Останусь комсомольцем.

Очень большой период в моей жизни занял Север, поскольку я работал в Совете Федерации и много лет занимался проблемами Севера. Север — это особый центр притяжения на нашей планете. Ломоносов в свое время говорил: «Могущество российское будет прирастать Сибирью и Северным Ледовитым океаном». У нас много говорят про Сибирь, но про Северный Ледовитый океан забыли, а ведь в Северном Ледовитом океане скрыты несметные богатства. В районах Крайнего Севера сосредоточены основные запасы углеводородного, алюминиевого, агропромышленного сырья, драгоценных поделочных камней, редких цветных благородных металлов, алмазов, платиноидов, природного газа, меди, никеля, апатитов, не говоря уже о рыбе и морепродуктах. В настоящее время благодаря президенту В.В. Путину Север России постепенно возрождается. И эта природная кладовая будет веками служить величию России. Сегодня многое делается, а предстоит сделать еще больше.

Хочу заметить, что на Севере живут люди стойкие, мужественные. К ним в первую очередь относятся и коренные малочисленные народы, молодежь. Это героические люди. Им надо реально помогать сохранить свой уклад жизни, культуру, обычаи, традиции, сохранить природные заповедники, сакральные места.

Мы готовимся к вековому юбилею комсомола. Мероприятий очень много. Пишутся мемуары, стихи, музыкальные произведения. Во многих республиках, краях и областях приняты документы и созданы оргкомитеты на уровне государственных властных структур, и, конечно же, подготовка к юбилею будет вестись с учетом национальных особенностей. Мы многое возлагаем и на студенческие отряды, и на школьников, которые примут участие в конкурсах сочинений и работ, связанных с историей комсомола. Думаю, и книги, и журналы, и конкретные дела, посвященные юбилею комсомола, обогатят наше представление о возможностях молодых людей. К тому же выпуск каждой книги — это память о людях, которые жили, любили, творили, созидали в очень непростое для страны время.

В плане Оргкомитета по достойной встрече векового юбилея комсомола — целый перечень мероприятий. В районах, городах, поселениях — в общем, везде, где есть ветераны комсомола, проводится интересная содержательная работа. Это можно показать о Воронежской, Кемеровской, Челябинской обла-

стях, Москве, Санкт-Петербурге и других территориях. Каждая организация вносит свой достойный вклад в проведение юбилейной даты.

Было решено активизировать движение «Зеленая волна». В каждом населенном пункте, городе, районе предполагается высадить аллеи или скверы в честь столетия комсомола — очень важно увековечить память. А недавно в комплексе ЦСКА провели выставку голубей. Голубеводы в честь столетия комсомола вывели новую породу и назвали ее «Комсомол». Очень красивые птицы получились. Думаю, и другие мероприятия будут важными, запоминающимися и оставят в памяти ветеранов комсомола добрые, прекрасные чувства.

Конечно же, молодежь надо заниматься. На сегодняшний день для воспитания в учебных заведениях большие резервы. Важно, чтобы в школу приходили интересные люди, ученые, руководители технопарков, кластеров, ветераны, рассказывали о себе, о своей работе, перспективах развития науки техники, о своих товарищах, об истории нашей страны. Школа должна быть заинтересована в этом, ведь именно им, молодым людям, идти вперед, строить будущее, свое и страны.

Мы должны воспитывать молодых людей в духе коллективизма, внимания к людям, особенно к ветеранам, инвалидам, ко всем, кто нуждается в нашей заботе и помощи.

В качестве примера хочу привести лишь один драматичный эпизод. В 1983 году случилась трагедия с первым секретарем Алтайского крайкома ВЛКСМ Анатолием Мироновым, который в трагической ситуации, помогая людям, потерял обе ноги. Но как жить без ног после активной, бурной комсомольской деятельности? Не хочу описывать все его страдания, боль, трудности, невзгоды. Главное — комсомол ни на минуту не забывал о своем товарище. По распоряжению Виктора Максимовича Мишина Анатолию была предоставлена возможность жить в Москве, учиться, работать. Друзья и товарищи помогли решать социально-бытовые вопросы детей, семьи и многое-многое другое.

Конечно, став инвалидом, надо было научиться ходить, самостоятельно перестраивать всю свою жизнь. Главное — друзья по комсомолу постоянно звонили, заходили, помогали Анатолию. Он стал центром притяжения Алтайского землячества. Здесь проявились лучшие качества душевной красоты, доброты, заботы, доброжелательности. Пришло понимание того, что каждый телефонный звонок, просьба, информация для человека — это часть его жизни. Анатолий продемонстрировал, что рядом с верными друзьями можно победить даже смерть. Наше равнодушное, заботливое отношение к ветеранам — залог их долголетия.

Мы, в свою очередь, должны сделать все для того, чтобы наша молодежь росла активной и духовно богатой, чтобы она не только давала стране хороших специалистов, профессионалов высочайшего уровня, но формировала прежде всего людей добрых, равнодушных, отзывчивых, людей долга, чести, достоинства. Нам надо воспитывать в молодежи чувство бережного отношения к России. Как никогда, актуальна задача — формировать у молодежи преданность и любовь к Отечеству, готовность при любом развитии событий беречь Россию, защищать ее не только от внешних разрушительных сил, но и от внутренних. Надеюсь, так и будет.

Олег Борисович Иванов

Народный артист России

Лауреат премии Ленинского комсомола

Член правления, председатель песенной комиссии Союза московских композиторов

Председатель жюри международного музыкального конкурса-фестиваля патриотической песни «Красная звезда»

Я песней, как ветром, наполню страну

Это было похоже на настоящую сенсацию. Радиостанция «Юность» и ЦК ВЛКСМ проводили III Всесоюзный конкурс комсомольско-молодежной песни. Как и полагается, они были представлены под девизом. И вот авторитетное жюри во главе с Александрой Николаевной Пахмутовой решает: победила песня «Товарищ». После вскрытия конверта с именем автора оказалось, что не только самодеятельных, но и опытных, знаменитых авторов опередил студент-пятикурсник медицинского института из Барнаула Олег Иванов. За несколько дней песня облетела буквально всю страну.

Когда меня спрашивают, как я пришел к музыке, к песням, я сразу вспоминаю... большую квартиру в заполярном Норильске, где я жил до школы у бабушки. Можно сказать, что говорить и петь я выучился одновременно. А все бабушка. Украинка, лучшая певунья у себя в деревне, она знала великое множество песен и в бесконечных хлопотах по дому постоянно их напевала. Бабушка первая и заметила, что ее внучок всем машинкам, кубикам и зверушкам предпочитает звучащие игрушки — свистки, гудки и прочее. Заметила и начала помогать, подсказывать. Скоро запели вместе, на два голоса.

Когда в семь лет я вернулся в Барнаул и пошел учиться, меня отдали и в детскую музыкальную школу. Однако, откровенно говоря, больше гамм и этюдов меня занимали тогда обычные мальчишеские дела — купание и рыбалка на Оби, игра в футбол или хоккей, лыжи. Но мама была начеку, и гаммы и этюды звучали, как и когда положено.

И все-таки музыка не могла не войти в мою жизнь. Дело в том, что директор школы № 27, где я учился, была горячим приверженцем художественной самодеятельности, считала, что это многое дает для эстетического воспитания детей. 27-я славилась в городе своим отличным хором, эстрадным ансамблем, даже поставили два акта «Евгения Онегина». Конечно, ребята и девчонки сами шили костюмы, мастерили декорации.

Разумеется, во всем этом я принимал самое активное участие. Играл в эстрадном ансамбле на фортепиано, аккордеоне, солировал в хоре, вместе с закадычным другом пробовали писать: один — стихи, другой — музыку. Так и родились мои первые песни.

Но я еще не понимал, что музыка — это на всю жизнь, и после окончания школы поступил в Алтайский медицинский институт. Учился с увлечением, занимался в студенческом научном обществе, стал ленинским стипендиатом.

Но мелодии рождались будто сами по себе, я их записывал, иногда по две-три в день, и вскоре их уже начали распевать в студенческой среде. Первыми исполнителями были друзья из эстрадного ансамбля и агитбригады, которыми я руководил в институте.

А потом захотелось показать их профессиональным музыкантам, посоветоваться с ними. Когда в Барнаул приезжали эстрадные знаменитости, я буквально дежурил за кулисами с нотной папкой в руках. Представлялся, протягивал ноты: вот, посмотрите мои песни, может, что-нибудь понравится, и вы исполните. Знаменитости смотрели, порой тут же напевали, кое-что брали, обещая спеть, но дальше обещаний дело не шло.

Но я не особенно унывал, да и некогда было — учеба, музыка, общественные дела. К окончанию института сочинил уже около 150 песен.

В поисках текстов стал всюду выискивать интересные стихи. Как-то однокурсник подарил мне книжку стихов Александра Прокофьева. Стал читать вечером дома и увидел «Товарища». Прочел залпом, тут же наметил, где припев и запев. Песня практически родилась сразу от начала до конца...

Пожалуй, к встрече именно с этим стихотворением я давно был готов. В памяти жили рассказы деда Прокопия Андреевича, сражавшегося в Сибири в годы Гражданской. Его отца, моего прадеда, на смерть заповороли в томской тюрьме колчаковцы, мстя за сына, красного партизана...

С середины 1960-х годов в советской песне обозначились определенные сдвиги. Набирали популярность вокально-инструментальные ансамбли, главным инструментом становилась электрогитара. Появились новые ритмы — то, что впоследствии стало называться стилем «бит».

Я в студенческие годы «впитывал» творчество советских композиторов-песенников — Исаака Дунаевского, Василия Соловьева-Седого, Микаэла Таривердиева, Александры Пахмутовой, Аркадия Островского. Но слушал и воспринимал и зарубежную музыку, среди исполнителей которой наибольшее впечатление на меня производил ансамбль «Битлз». Вот под этим «перекрестным влиянием» и стал работать над большим циклом песен на стихи Алексея Кольцова и Роберта Бернса.

Если раньше я писал в рамках уже сложившихся традиций, то «Битлз» открыли глаза на возможность использования ладово-интонационного богатства народной песни в современном прочтении — через новые ритмы, новые тембровые возможности электрогитары, электрооргана, ансамблевого пения высоких мужских голосов. Это заставило меня серьезно посмотреть на свою судьбу, на себя в музыке. До сих пор писал, в сущности, как получится, не знал законов гармонии, не мог «перевести» мелодию с фортепиано на язык оркестра... Чтобы идти дальше, надо было учиться.

Как раз в то время в Барнаул приехал известный новосибирский композитор Георгий Николаевич Иванов. Прослушав меня, пригласил учиться в свой класс в Новосибирской консерватории. Я согласился. И сразу же после госэкзаменов в мединституте взялся за учебники по музыке. Занимался по 12—14 часов в день, и все равно подготовка была слабоватой. Но Георгий Николаевич ходил на каждый вступительный экзамен, и порой мои отметки сопровождалось таким примечанием комиссии: «Специального музыкального образования не имеет, но обнаруживает большие природные способности — 4».

В консерваторию приняли на очное отделение — вечернего тогда не было. Днем ходил на музыкальные занятия, а ночами работал на полставки разъездным врачом скорой медицинской помощи.

Жил, испытывая, если можно так выразиться, борьбу двух начал — медика и музыканта, единых, впрочем, в том, что они обращены к внутреннему миру человека, хотя и в разных аспектах. Через три года окончательно расстался с медициной: выбор был сделан.

Олег Иванов

Но была и другая, более существенная для меня трудность: пришел в консерваторию как убежденный песенник, а надо было учиться пониманию академической музыки. В консерваториях практически не учат писать эстрадные пьесы и песни. В моем случае это могло привести к серьезным последствиям. К счастью, не привело благодаря учителю. Георгий Николаевич привил любовь к академической музыке, раскрыл ее глубины и неисчерпаемые возможности, мудрость, которую она таит в себе. И в то же время всячески поощрял работу над песней, хотя теперь я сочинял одну в два-три месяца. Стали популярными «Комсомольское слово» (стихи Владимира Харитоновна), «Наша юность» (стихи Якова Шведова), «Талая вода», «Будут гореть закаты» на стихи Льва Ошанина.

Окончил консерваторию в 1976 году. Дипломными сочинениями были одноактная комическая опера по водевилю А.П. Чехова «Юбилей» и «Маленькая симфония для струнного оркестра и ударных инструментов». Тогда же стал лауреатом премии Новосибирского комсомола. А в 1982 году я получил премию Ленинского комсомола — считал, что это не только за мои творческие достижения, но и за активную общественную работу в комсомоле, ведь я возглавлял Совет творческой молодежи Новосибирского обкома ВЛКСМ, а затем меня избрали членом бюро обкома. Горжусь, что новосибирские комсомольцы посылали меня своим делегатом на XIX съезд ВЛКСМ. Я также был участником Всемирных фестивалей молодежи и студентов в Берлине и Гаване, фестивалей дружбы молодежи нашей страны и Венгрии, Румынии, Греции. Участие в подобных форумах — незабываемое событие, обилие новых знаний и впечатлений. Во время таких встреч заряжаешься творческой энергией, думаешь, что надо еще попробовать, намечаешь новые пути...

Немало пришлось поездить и по нашей стране. Бывал у тюменских нефтяников и строителей ЛЭП, на Урале и Дальнем Востоке. Выступал на Крайнем Севере перед воинами-пограничниками, над которыми шефствуют новосибирские комсомольцы, и перед земляками, построившими бамовскую станцию Постышево. В этих поездках и встречах ощущаешь наяву масштабы нашей страны, разнообразие природы, грандиозность преобразований. БАМ, например, дорог мне тем, что там родилось несколько новых песен. Прямо в поездке мы стали работать с Львом Ивановичем Ошаниным над песней «Поезд юности».

В поездке родилась и «Глухарина заря» на стихи Анатолия Поперечного. В содружестве с ним появилась также и песня «Олеся». На меня еще в детстве большое впечатление произвел фильм «Колдунья» с Мариной Влади в главной роли. Потом прочитал повесть А.И. Куприна «Олеся». Для меня это один из самых дорогих, поэтичнейших образов. И когда Анатолий Григорьевич написал стихотворение «Девушка из Полесья» («Олеся»), он предложил положить его на музыку, и мне сразу захотелось это сделать.

Впервые показал песню делегатам творческой группы, отправлявшейся на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гавану. Запел, и в зале установилась тишина. Закончил — снова тишина. Успел подумать: «Вот и провалился...» И вдруг — взрыв аплодисментов. А когда плыли на теплоходе «Шота Руставели» через Атлантику, ребята и девушки уже вовсю распевали: «Останься со мною, Олеся, как сказка, как чудо, как песня...»

Я часто размышляю над тем, что все-таки важнее в песне — музыка или стихи? Если вспомнить лучшие русские и советские песни, то в повседневной жизни мы их сначала обозначаем по стихам, а потом уж поем. Фразы из любимых песен становятся поговорками, широко распространяются. Самый прекрасный музыкальный материал при слабых стихах обрекает песню на скорое забвение. Только слияние талантливых стихов и талантливой музыки позволяет песне стать выразительницей своего времени, свидетельством эпохи, по которому потомки будут определять наш душевный настрой. Сегодня не только композиторы и поэты, но и исполнители самое серьезное внимание уделяют текстам. Идет поиск новых образов, новых тем.

Вот, кажется, найдены отличные стихи, сочинена хорошая мелодия, и песне гарантирован успех. На самом деле это скорее компоненты успеха, но отнюдь не гарантия его. То, что рождено на бумаге, в рукописи, — пока полдела. Очень важен еще один фактор — кто будет исполнять произведение. Иногда мне задают вопрос: «Кто из исполнителей ваших песен вам нравится больше?» Наверное, тот, кто делает песню популярной... Как каждое стихотворение ждет своего композитора, так и каждая песня ждет своего исполнителя. Но и тут бывают разные варианты. Взять хотя бы ту же «Олесю» Я писал в расчете на «Песняров», так как хорошо представлял их ансамблевую культуру пения, диапазон солистов, музыкально-поэтический образ песен в их исполнении. Но сомневался, возьмут ли: ведь у «Песняров» уже была своя «Олеся». Мои сомнения рассеяла музыкальный редактор Центрального телевидения О.Б. Молчанова. «Песняры» ее петь не будут, — сказала Ольга Борисовна. — Но вот есть хороший ансамбль из Гомеля — «Сябры», они могут спеть ее прекрасно. Им как раз не хватает популярности, так как нет «своей песни».

Я доверился опыту и интуиции Ольги. Выслал им нотный и аудиоматериал. Когда через месяц приехал в Москву для записи в телепередаче «С песней по жизни», с первых же звуков понял: песня получилась. «Сябры» замечательно и органично распорядились с музыкальным материалом... Слово «сябры» по-русски означает «друзья». И мы действительно стали с этим ансамблем друзьями, записали вместе много работ.

А еще у меня часто спрашивают, как лично я отношусь к западной поп-музыке. Как профессионал я не могу находиться в вакууме, не зная музы-

кальной жизни нашей страны и за рубежом. Но отношусь к современной западной поп-музыке критически: принимаю лишь то, что созвучно нашей культуре. Слепо подражать самым модным ансамблям и течениям — значит, всегда быть в позиции догоняющего, потому что лучше первоисточника все равно не сделаешь. Наш же первоисточник — это традиции народных песен, и он, кстати, пользуется большим успехом у зарубежных слушателей. Несмотря на современный сложный характер выражения музыкальной мысли, ее корни остаются и должны оставаться в традициях национального, народного искусства.

Молодежь, как никто, подвержена влиянию моды. Вообще-то в подражательстве нет ничего страшного, такой этап неизбежен в развитии любого творца. Но от этого надо идти к осмыслению, а затем — к собственному слову.

В этом году комсомол отмечает большой праздник — 100 лет своего создания! И, говоря об этой знаменательной дате, я не могу не вспомнить строчки моего любимого поэта Льва Ошанина:

*Мы пройдем по чащам, по таежным рекам,
Мы откроем новый Саянск.
Ведь не зря, наверно, эстафету века
Нам с тобой доверил комсомол.
А юность — это смелость,
А смелость — это почерк.
И мы найдем страницы
Для наших строчек.
Мы найдем дорогу,
Куда зовут рассветы
И где на поезд счастья
Берут билеты.*

О.Б. Иванов

Игорь Михайлович Ильинский

Заместитель заведующего Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ

Ректор Московского гуманитарного университета

Доктор философских наук, профессор

Лауреат премии Ленинского комсомола

Человек начинается с выбора

С растерянностью глядя вслед мгновенно исчезающему Настоящему, из которого наслаивается все более толстый слой Прошлого, человек (вопреки своему желанию) встречает Будущее: течение времени неотвратимо и неостановимо. Солнце всходит и заходит, заканчивается один день, наступают следующие. Весна, Лето, Осень, Зима — четыре неизменных актера, сменяя друг друга, играют на подмостках театра Природы один и тот же бесконечный спектакль, декорациями в котором служит все живое и неживое, человек — в том числе. Как и все остальное, жернова Времени превращают его в прах. Но, в отличие от «всего остального», человек не исчезает без следа: человек — существо **историческое**; после человека остаются его дела, история, хотя, по правде говоря, все же не после каждого...

Человек исторически начинается в тот момент, когда возникает ситуация сознательного **выбора** Будущего в Настоящем. И то, что выбрал человек из множества возможных путей на Дороге Жизни, обрываемой смертью, есть история **этого** человека, **его** судьба. Именно сознательно выбранная линия жизни, именно идеи, которые он исповедовал, именно ценности, которым следовал, дают человеку право сказать: это — «мой» путь, «моя» история, «моя» Судьба. Или «мой» комсомол...

В моем ректорском кабинете, рядом со знаменем Московского гуманитарного университета, стоят знамена Центральной комсомольской школы и Высшей комсомольской школы. На знамени ЦКШ, созданной в 1944 году, по красному фону вышиты портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина, а на обороте — комсомольский значок старого образца... Увидев портреты вождей, тем более — Сталина, некоторые посетители, особенно иностранцы и отечественные ультралибералы, едва сдерживают возглас удивления и желание задать мне вопрос: «Так вы — сталинист?!» Не сталинист, нет. Просто чту историю своей страны. Всю — от «вещего Олега» до нынешних дней. Историю Союза Советских Социалистических Республик — тоже. И, разумеется, историю комсомола. Знамена — это символы великих времен, в которые мне довелось жить, и великих дел, свершенных комсомолом.

В Галерее Почета выдающихся людей нашего университета — портреты секретарей ЦК комсомола Е.М. Тяжельникова, Б.Н. Пастухова, В.М. Мишина, Л.И. Швецово́й. Все они носят звание «Почетный профессор Московского гуманитарного университета» и являются его частыми гостями. Друзья-товарищи «моего» комсомола.

Почему я говорю «мой» комсомол? Привычно для слуха и принято говорить — «наш». Ведь комсомол был единой многомиллионной организацией, в которой отдельно взятая личность представляла собой своего рода мате-

матическую точку, некую условность. «Голос единицы — тоньше писка», — говорил В. Маяковский. Имелся в виду писк комара...

Школу комсомола за время его существования, как известно, прошли около 200 миллионов человек. Но дело в том, что в этой школе (что естественно) были разные ученики.

«Двоечники», а иначе говоря, «болото», «выбывшие без снятия с учета», которых многими тысячами ежегодно исключали из комсомола.

«Троечники» — те, кто «состоял» в комсомоле из корысти, «на всякий случай», изредка выполнявшие отдельные поручения.

И миллионы активистов, которые без всякого расчета на выгоду тянули лямку группкомсоров, секретарей первичных организаций, членов бюро и комитетов комсомола, различных комиссий, советов, тратя ради других свое личное время, силы и нервы...

А еще — освобожденные комсомольские работники, численность которых в разные годы была различной: от сотен — в начале истории комсомола до 150 тысяч человек — в конце его существования: секретари крупных комсомольских организаций, работники райкомов, горкомов, обкомов и ЦК ВЛКСМ. Эту множественность можно определить двумя словами: аппарат комсомола.

Пройдя все ступени — от группкомсорга в Новосибирском строительном техникуме, комсорга роты в Омском танкотехническом училище, секретаря комитета комсомола стройки п/я 53, секретаря райкома комсомола до работника аппарата ЦК ВЛКСМ, главного редактора всесоюзного журнала и директора Научно-исследовательского центра при ЦК ВЛКСМ, — со знанием дела говорю: во все мои времена на всех «этажах» комсомола я встречал множество замечательных людей, которые творили замечательные дела. Мне нравились эти люди, нравилось то, что они делали, как любили и жили.

Но рядом существовало и другое, не столь великое, но тоже множество, в котором, как и в первом, счет шел на сотни тысяч, а то и миллионы «единиц», — незамечательное. Включая часть комсомольских работников. Мы очень по-разному смотрели на жизнь, на комсомол, хотя работали (вроде бы) ради одной цели — ради «светлого будущего».

Я был максималист, а они — минималисты: имитаторы, «пофигисты» (Ю. Поляков), «кабычегоневышлисты» (Е. Евтушенко). Я дал им свое определение — «кипучие бездельники». Это был не «мой» комсомол.

И. Ильинский — курсант Омского танкотехнического училища

А в общем в комсомоле все было так, как и быть должно в любой огромной стране, ведь комсомол был «страной молодежи». 40 миллионов человек! Это вся Венгрия, пять Болгарий, не говоря о странах-карликах.

Человек не может сотворить в одиночку даже историю семьи: у каждого в ней — свой путь, своя судьба.

Переkreшиваясь между собой, бесчисленное количество человеческих историй создают «нашу» историю, в которой добро и зло, любовь и ненависть, честь и предательство, великое и низкое, прекрасное и безобразное так густо перемешаны, что трудно порою понять, где добродетели, а где — пороки...

В «нашей» общей истории комсомола, у каждого человека есть «свое» время и «свое» пространство, «свои», только с ним происходившие события, значения которых часто совершенно несоизмеримы.

Каждый вправе сам определять цену своей личности и своей роли в жизни комсомола — великой молодежной организации, дела которой и имена людей, их сотворивших, вычеркнуть из истории Отечества невозможно.

Когда я говорю: «мой» комсомол, то имею в виду вовсе не должности, которые занимал, — они были среднего уровня. В любом случае я честно служил комсомолу на тех постах, которые мне доверяли сами комсомольцы, комсомольские органы или, как принято было в то время говорить, «доверяла партия».

С первых дней работы в комсомоле у меня довольно быстро сформировалось представление о его назначении, роли и функциях в обществе.

Нас учили, что комсомол — это «резерв и помощник партии». Я понимал: комсомол должен «организовывать», «мобилизовывать» молодежь на нужные для страны дела. Это правильно. В этом смысле он — «инструмент», «средство», «приводной ремень». Но все имеет меру. Где предел? Почему комсомолец должен только «давать» комсомолу и не иметь возможности попросить помощи для себя? Я понимал комсомол как инстанцию, куда молодые люди могли приносить свои заботы, обиды и боль, где они имели право просить помощи и защиты и получать их.

Комсомольские работники в моем представлении были вовсе не пошляками и карьеристами, какими их скопом представляют сегодня, да и в прошлом, случалось, а, как сейчас говорят, «социальными работниками», своего рода «общественными санитарами», которые вытаскивали из грязи жизни, из разного рода бед и несчастий молодых «подранков», находили им работу, чем-то занимали, давали дело по душе. Эта миссия возвышала меня в собственных глазах больше всего. Надо сказать, что такая точка зрения была непопулярна в партийно-комсомольских кругах. Я же как уперся в нее в самом начале своей комсомольской, а потом журналистской и исследовательской работе, так и следовал до конца.

Писать о социальных проблемах в социалистическом обществе, да еще на этапе «развитого социализма», было чревато во многих отношениях. Но это был мой выбор, мой путь, мое поле брани — «мой» комсомол.

Как исследователь и публицист, я написал о комсомоле, пожалуй, больше, чем кто-либо иной за всю его историю. И это главное, что дает мне право сказать: «мой» комсомол. Это — монография «ВЛКСМ в политической системе советского общества» (1981), в которой я (впервые в СССР!) радикально

переосмыслил функции комсомола и его назначение в обществе, нажив тем самым себе смертельных врагов среди историков комсомола, вызвав подозрение в «политической лояльности» в ЦК КПСС, да и в ЦК ВЛКСМ. Во время работы в Научно-исследовательском центре издан (первый за всю историю комсомола!) учебник «Комсомольское строительство» (1984), по которому обучались тысячи слушателей Высшей комсомольской школы и сотни тысяч — зональных и республиканских комсомольских школ. Все основные теоретические главы были написаны мною и составляли почти половину объема этих книг. (Не говорю о многих научно-популярных изданиях.)

В 1986 году издательство «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» опубликовало мою историческую повесть «Василий Алексеев» — о первооснователе комсомола. Написаны десятка два брошюр, несколько сценариев теле- и радиоспектаклей, очерки о комсомольских работниках, повесть «Смятение». Сотни статей, многие книги, брошюры и статьи были переведены на болгарский, венгерский, немецкий, английский, японский, греческий, китайский, румынский, турецкий и другие языки.

Предметом моей кандидатской диссертации был принцип демократического централизма в комсомоле, взятый в историческом плане, в докторской диссертации, защита которой сопровождалась громкими скандалами, я (первые в СССР!) исследовал роль комсомола в политической системе советского общества с позиций социальной философии.

В моих мыслях и публикациях комсомол был более интересной и эффективной организацией, чем в действительности. По крайней мере, я так считал.

Но кем бы я ни был в комсомоле, я не просто работал, я — служил ему. На стройке, в райкоме, в аппарате ЦК, в журналистике и науке. С февраля 1958 по декабрь 1991 года — тридцать три года...

...О том, что комсомол на своем XXII съезде самораспустился, я узнал 2 октября 1991 года, находясь в Вене, в Социальном комплексе Организации Объединенных Наций (ООН), как директор Научно-исследовательского центра и руководитель группы авторов по подготовке доклада Генеральному секретарю ООН «Глобальное положение молодежи в 1990-е годы. Прогноз до 2000 года»... Через два дня я вернулся в СССР, и в душе моей, тогда уже пожилого человека, образовалась неведомая прежде пустота, грусть и обида...

Вслед за комсомолом через несколько месяцев самораспустился и Союз Советских Социалистических Республик. Говорят — «развалился», «рухнул».

И.М. Ильинский

И.М. Ильинский

А все-таки на самом деле был уничтожен объединенными силами изнутри и извне, предан высшим руководством страны — Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе и К°.

На эту тему написан монблан книг и статей. Не собираюсь вступать в дискуссию, хотя немало уже сказал и еще напишу.

В завершение разговора о комсомоле повторяю: при всех недостатках это была могучая, уникальная по своим масштабам и мобилизационным возможностям организация, с участием которой за сказочно короткий срок на месте малограмотной, лапотной России (об уровне развития остальных 14 республик и говорить не стоит) была создана могучая индустриальная держава, победившая объединенные силы гитлеровского нацизма и фашизма многих европейских стран. Без уча-

стия СССР не было бы победы и во Второй мировой войне: США и Великобритания лежали бы в руинах, а оставшееся население осваивало бы немецкий «плюсквамперфект»...

29 октября 2018 года комсомолу исполнится 100 лет. Я — член Бюро Международного оргкомитета по подготовке празднования этого юбилея.

27 октября в Государственном Кремлевском дворце состоится торжественный концерт, посвященный 100-летию комсомола. Потом мы соберемся за дружеским столом, поднимем рюмки: «Ну, за комсомол!» — и споем песню Евгения Мартынова, который в мою бытность «главным» в журнале «Комсомольская жизнь» работал в нем музыкальным редактором. В песне этой есть слова:

*Посидим по-хорошему,
Пусть виски запорошены,
На земле жили-прожили мы не зря...*

Александр Викторович Казаков

*Командир Казахстанского республиканского
студенческого отряда*

Президент Группы компаний «КрашМаш»

Мы палаточный штат учредили в степях Казахстана...

Свою работу в студенческом строительном отряде я начал в 1969 году мастером, окончив первый курс факультета ПГС Усть-Каменогорского строительного-дорожного института. Отряд назывался «Арман» (по-русски — «мечта»), и в нем было пятьдесят первокурсников. Закончил в 1983-м командиром 110-тысячного республиканского отряда Казахской ССР. Между двумя этими датами навсегда и без остатка вписалась моя комсомольская биография — время моих стартов, проб и побед. Всего пятнадцать трудовых семестров, пятнадцать жарких лет, пятнадцать рискованных витков планеты Целина. И если бы, как сказал поэт Александр Пушкин, «я памятник себе воздвиг», то пьедесталом для него были, есть и остаются студенческие стройки. Они — мои начала и моя судьба, как целинный Казахстан — моя первая любовь и альма-матер.

Я поступил в институт, когда образование в Советском Союзе признавалось лучшим в мире — народным по доступности, аристократическим по содержанию, богатым историей, традициями и героями. Это было в 1968 году. Студенческие строительные отряды готовились тогда к своей 10-й годовщине и были, по-моему, самым популярным волонтерским движением на Земле. Они почти сразу заслонили собой и одновременно объединили всё, чем славились наши вузы: студенческий спорт, научные общества, самодеятельность, турпоходы, досуг и само студенчество — мечтающее, строящее. А Казахстан, где я родился, стал землей обетованной для стройотрядовцев, из какого бы города и вуза Советского Союза они ни прибыли сюда. Без поездки со строительным отрядом не складывалась тогда образцовая студенческая биография. Почти так, как не складывается боевой путь солдата без переднего края и первого боя. И когда меня, первокурсника с дипломом техника-строителя, командир стройотряда, студент пятого курса факультета ПГС Александр Черепанов позвал с собой мастером, я не раздумывал.

— С чего начать, знаешь? — сразу спросил меня Саша, уже побывавший в стройотрядах.

— Да, — уверенно ответил я, ведь за плечами у меня были производственная практика в техникуме и первая в жизни стройка — новый микрорайон, а на вооружении — сразу несколько пр офессий: каменщика, арматурщика, сварщика, плотника...

— Что и как делать, знаешь?

— Разберусь.

— Наряды закроешь?

— Конечно.

— И ничего не боишься?

— Я же из Семипалатинска, можно сказать, крещенный первой советской атомной бомбой. (Это не красивые слова — бомбу испытали в 130 километрах от нашего дома через семь месяцев после моего появления на свет.)

— А стройка в компании новичков не смущает? — уточнил командир.

— Мой отец Бухгарминскую ГЭС строил. Он рассказывал: там большинство новичками были и справились!

— Ну, тогда поехали, тезка!

Мы жили в юртах, как полагается кочевому народу, работали на отгонах и по отделениям совхоза «Курчумский» Восточно-Казахстанской области. Строили из невиданного прежде самана — смеси глины с соломой — домики для чабанов и кошары для зимовки овец. На ходу учились всему, чего прежде не знали и не умели. Казахи принимали нас, как сыновей и добрых помощников. Всё попробовал тогда: и глину топтал, и впервые сел на коня — пусть на клячу, но это все же быстрее, чем пешочком из одной бригады в другую и обратно.

А студенческая газета как бы предупреждала:

*Вас ветры выйдут пеленать,
И грозы — руки ваши путать,
И пальцы будут биты бутом,
И будет тяжело кому-то,
Но нужно будет устоять!*

И мы устояли: осенью в кошары заселились нагулявшие жирок отары, а в новых домах зажегся свет. Так что я уже не сомневался, чем займусь следующим летом. И пошло-поехало, как по ступенькам: командир линейного отряда — трижды, главный инженер районного отряда, заместитель главного инженера республиканского отряда, а потом — командир 70-тысячного, а вскоре — 110-тысячного республиканского отряда, собравшего под свои знамена студенческий Советский Союз.

Параллельно стройкам, но на самом деле в тесной связи с ними выстраивались другие ступеньки биографии: комсорг на факультете промышленного и гражданского строительства, первый секретарь райкома комсомола, завотделом горкома партии, депутат райсовета и горсовета. Вот такая со временем получалась гремучая смесь из романтики, экономики и политики. Она, как топливо, двигала, зажигала, напрягала, не позволяя застаиваться ни в учебе, ни в работе, ни в общественных делах. Выработывались принципы: сначала — «если надо, значит, надо», потом — «вперед, только вперед», то есть не сворачивая, не оглядываясь, без передышки и сомнений. Тем более что моя стройотрядовская биография и моя комсомольская жизнь соединялись и взаимно питали друг друга на фоне колоссальных космических стартов, атомных испытаний и рекордных целинных урожаев. Как тут было нам, молодым, отстаивать от старших!..

Жизнь логично разделилась на «до» и «после» отряда. Перед Новым годом — утверждение командиров. В комитете комсомола вуза и в обкоме комсомола спрашивали коротко: «Готов?» С этого момента ты отвечал за каждого бойца, за его настрой, здоровье и жизнь. И чем больше становился отряд, тем больше был груз ответственности и выше цена ошибок. Из года в год отрабатывались

ритм и технология: сразу после зимней сессии — договорная кампания, командировка на будущее место дислокации, сбор отряда, учеба, отъезд, работа, соревнования, фестивали, слеты, конкурсы, сдача объектов, возвращение. Потом все снова.

Этот ритм я ощущаю по сей день и, похоже, еще не выбиваюсь из него.

Мои отряды, уже не студенческие, а сугубо профессиональные, высоко-механизированные, специализирующиеся на промышленном демонтаже и сносе отслуживших свой срок старых заводов, фабрик, электростанций, элеваторов, работают по всей России, кочуют с объекта на объект. И называется нынешний мой объединенный всероссийский отряд «Группа компаний «КрашМаш» — крупнейшая по своему профилю во всей стране. А моя должность командира, как положено по штату, теперь — президентская. И всегда рядом — мой сын Виктор, тоже командир.

А.В. Казаков

Ни одного свободного лета у меня не было в студенческие годы, нет и сейчас: все спрессовано планами, договорами, обязательствами. Но все равно я чувствовал и чувствую себя самым свободным человеком на Земле. И несколько не жалею о случившемся: эти пятнадцать фантастических лет были самой большой радостью в моей жизни, самыми стремительными в моей профессиональной карьере, самыми ценными с точки зрения человеческого общения, самыми познавательными и интересными, если говорить о знании жизни, дела и себя самого. С каждой стройкой я вновь и вновь проверял и перепроверял свои способности и возможности, и все это было в движении, спорах, заботах, борьбе. Такого обилия и многообразия задач, ситуаций, индивидов и личностей, как на целинных стройках, я в жизни больше не встречал. И дальнейший путь прокладывался и преодолевался, как говорится, уже на автопилоте. Даже перестройка, столкнувшая новые, часто сумбурные и спорные идеи с многолетними традициями, поменявшая общественные ценности на приватные, а плановое хозяйство — на рыночное, не сломила ни меня, ни моих товарищей по студенческому строительному движению. Нам с лихвой хватило того колоссального заряда и запаса прочности, который мы получили в степях на отрядных стройплощадках. И нас, воспитанных и выросших как государственники, раньше думающих о родине, а потом — о себе, не изменили ни хаос, ни беспредел. Наверное, это и был комсомол. Точно — комсомол!

Помните вопрос из кинофильма о легендарном командаре Василии Ивановиче Чапаеве: где должен быть командир? Я невольно задавал его себе, иногда по несколько раз на дню, ведь в каждой новой ситуации — новые

компетенции, права и обязанности и, конечно, своя особая ответственность за принятое и исполненное решение. Все надо учесть: во-первых, во-вторых, в-третьих и так далее. Большой список, до бесконечности. Но главным для меня в этих заповедях было одно — сберечь людей, вернуть их домой живыми и здоровыми. Этого не вырвать из моего мозга с тех давних пор — с Казахстана.

Я был уже третий год командиром 100-тысячного республиканского студенческого отряда, а это, по военному счету, целый десяток дивизий, армия. И вдруг — чрезвычайное происшествие: двое бойцов сели на чей-то мотоцикл прокатиться по ухабистой степной дороге и, черт возьми, по нелепой случайности разбились. Вроде бы все было предусмотрено, от всего застраховались заранее. Из приказа в приказ повторяли: за руль не садиться, чужую технику не трогать, ко всему, что движется, не приближаться, без команды не грузиться, в непогоду из лагеря не выезжать. И вот — смерть, сразу две безвозвратные потери. Значит, что-то не так приказал и объяснил, не все предусмотрел. Значит, был не там, где должен был быть командир...

Сегодня, начиная разговор об охране жизни и безопасном труде с принимаемым на работу новичком, я невольно вспоминаю, до стука сердца, то ЧП на степной дороге, ведь память не стынет. Создал библиотеку самых подробных, предельно доходчивых памяток, инструкций, плакатов для каждого — от начальника участка и прораба до разнорабочего. Проверяю, чтобы читали, спрашивали, уточняли, учили наизусть, сдавали экзамены, не даю покоя и никогда не дам — требую жить!

В моей записной книжке с давних пор накопилась тысяча имен и адресов. Это совсем разные люди, с которыми свела за полвека работы моя кочевая жизнь. Сто из тысячи имен — это я утверждаю совершенно точно — комсомольцы и стройотрядовцы. И я не забываю каждого поздравить с днем рождения, поблагодарить за дружбу и службу, соединившие нас когда-то, как в братство, в студенческий строительный отряд.

Всем нам, конечно, повезло с моментом истины, с резонансом событий и достижений, ведь Целина студенческая вышла на орбиту одновременно с Целиной космической. Мы стартовали, по большому счету, в одних координатах: кто — под Усть-Каменогорском, кто — под Семипалатинском, Кустанаем, Гурьевом, Кокчетавом, Алма-Атой, а кто — на Байконуре. И порой казалось, что весь Советский Союз с зачеткой в кармане сосредоточился на одной стройплощадке, в одной тесной, но такой просторной семейной казахской палатке-юрте. Каждый из нас открывал здесь свою целину, закладывал фундамент, строил свой дом и свою биографию, поднимал отрядный флаг, как боевое знамя. Каждый из нас сделал это не для себя — для людей. По-настоящему, часто впервые, но всегда всерьез, без оправданий, отговорок и отступлений. И как бы ни судили о нас потомки, из песни слова не выкинешь:

*Мы палаточный штат учредили в степях Казахстана,
Мы знамена свои вознесли на высоты ветров...*

Слава великому Ленинскому комсомолу — организатору студенческих строительных отрядов!

Александр Семенович Капто

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины

Доктор философских наук

*Почетный профессор факультета политологии МГУ
им. М.В. Ломоносова*

*Почетный доктор Днепрпетровского университета
Чрезвычайный и Полномочный Посол*

В водовороте века

Мои строки — это не плач по прошлому, тем более не призыв к возврату назад (что вообще невозможно), а стремление честно и максимально объективно передать понимание того, каким был комсомол в мои годы, и прежде всего — в тот период, когда в 1966 году я был избран вторым, а чуть позже — и первым секретарем ЦК комсомола Украины.

Подчеркну в самом начале: мировой истории ни в прошлом, ни в новейшее время неведом опыт создания и функционирования такой, как комсомол, общественно-политической организации молодежи для реализации ее потребностей в органическом единстве с интересами всего общества. В принципиальном плане мою однозначно положительную оценку этого исторического эксперимента может изменить только одно-единственное обстоятельство — появление на политическом пространстве новой, столь же массовой организации, способной объединить молодежь с целью решения ее, как никогда, обострившихся социальных проблем, с таким же, как у комсомола, весом в обществе и государстве, в международном молодежном движении.

Да, комсомол подвергся беспрецедентно жестокому суду истории, но все же он не получил и не мог получить от нее (истории) отрицательной оценки. Зададимся вопросом (и пусть это не прозвучит риторически): какие прегрешения можно поставить в вину комсомолу, которые были бы основанием для его разрушения? Что он совершил неблагопристойного перед государством, перед обществом, наконец, перед самой молодежью, интересы которой выражал? Весь парадокс заключается в кричащем несоответствии «исторической вины» комсомола (кстати, так никем и не доказанной) и вердиктом, вынесенным политическими геростратами. Налицо — прискорбный исторический факт: признанная обществом авторитетная молодежная организация, деятельность которой была построена исключительно на созидательных и гуманистических началах, стала заложницей и жертвой противоборства находящихся у власти политиканов. Если в 1920-х годах определенные политические силы пытались навязать молодежи идеи политической «нейтральности», вбить клин между поколениями: если в хрущевские времена разрушение комсомола происходило путем чудовищного его разделения на комсомол городской и комсомол сельский, то после горбачевской «перестройки» от комсомола, как и от всех государственных и общественных институтов общества, остались сплошные руины.

При этом я далек от того, чтобы на прошлое смотреть через розовые очки, находиться в плену отживших идеологических догм и не оправдавших себя

форм организации социальной жизни и политической деятельности. Трагедия страны и народа коснулась своим обжигающим крылом каждого моего нерва, каждого микромиллиметра моего сердца. Но история потому и является историей, что она остается навсегда, и если даже из отдельной песни невозможно выбросить какую-то строчку, то из исторической памяти преступно выжигать страницы человеческого бытия, каким бы противоречивым и трагическим оно ни было.

Итак, каким для меня остался комсомол Украины 60-х годов XX столетия? Готовясь отмечать в 1969 году его 50-летие, мы, работники ЦК комсомола республики, используя аналитический подход, решили на основе различных данных воссоздать своеобразный социальный портрет нашей организации. Привожу его штрихи из сделанного мной доклада на торжественном пленуме ЦК ЛКСМУ, состоявшемся по сему случаю 26 июня 1969 года в Октябрьском дворце Киева, в том дворце, где собирались делегаты первого комсомольского съезда. Если к началу первого съезда в республике было всего девять тысяч комсомольцев, то к 50-летию — около четырех миллионов. Весьма показательным оказалось сопоставление характеристик социального состава: в начале 1920-х годов каждый второй комсомолец был наемным работником или кустарем-одиночкой, в 1960-х же годах в структуре нашего общества такие социальные группы и прослойки вообще отсутствовали, а комсомольцами были высококвалифицированные рабочие и хлеборобы, ученые, студенты, учащиеся. К тому времени в составе ЛКСМУ было 300 тысяч высококвалифицированных специалистов ведущих отраслей народного хозяйства, науки и культуры. Вспоминаю одно сравнение, которое я приводил на торжественном пленуме. В дореволюционных паспортах была графа: «Если обладатель документа не может писать, то его признаками должны быть рост, цвет волос, особые черты». К 50-летию ЛКСМ из каждых ста работающих комсомольцев Украины семьдесят семь имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование.

О высокой социальной активности членов союза свидетельствовал такой весьма показательный факт: около 59 тысяч комсомольцев были избраны депутатами местных органов власти республики, а 12 членов ВЛКСМ — в высший орган власти — Верховный совет Украины. Благодаря этому молодые депутаты проходили школу государственного управления, отстаивали интересы молодежи на различных уровнях властных структур, активно воздействовали на государственную молодежную политику. Весьма существенным было и то, что в те годы комсомол обладал правом законодательной инициативы, что позволяло ему разрабатывать проекты законов по проблемам молодежи и добиваться их принятия высшим законодательным органом страны. Для полноты картины необходимо напомнить и о том, что в выборных органах власти функционировали депутатские комиссии по делам молодежи, а в состав коллегий министерств и ведомств обязательно входили представители комсомола. Столь внушительный набор конкретных инструментов привлечения молодежи к государственному управлению способствовал повышению роли и авторитета союза молодежи в жизни общества, в развитии его как активного и деятельного субъекта политики, в гражданском воспитании юношей и девушек.

Не случайно многие молодые люди, получив опыт организаторской и политической деятельности, становились со временем крупными государственными и общественными деятелями. Взять, к примеру, бюро ЦК ВЛКСМ того периода, когда я входил в его состав как первый секретарь ЦК комсомола Украины: первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельников после комсомольской работы занимал посты заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС и Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Румынии; второй секретарь Б.Н. Пастухов — председателя Госкомиздата (ранг министра), Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Дании и Афганистане, затем — заместителя министра иностранных дел и министра по делам СНГ, секретари ЦК ВЛКСМ А.Х. Везиров и С.Г. Арутюнян стали первыми секретарями ЦК партии, соответственно в Азербайджане и Армении, член бюро ЦК ВЛКСМ, председатель Комитета молодежных организаций Г.И. Янаев в горбачевские времена был избран вице-президентом страны. Подобная практика наблюдалась на всех уровнях политической структуры общества — секретари райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК комсомола союзных республик становились потом руководителями партийных комитетов, органов советской власти, директорами крупнейших заводов, ректорами вузов.

Говоря о комсомоле моего времени, не могу не коснуться проблемы «шестидесятников». Напомню читателю, что этим термином обозначалась относительно небольшая группа творческой молодежи, для которой характерными были актуализация социально весомых тем в их произведениях, публицистическая заостренность авторской позиции, определенный критицизм к некоторым сторонам современной жизни и истории. Ядро этих «шестидесятников» составили одаренные молодые люди, со временем занявшие достойное место в литературном процессе, театральном и изобразительном искусстве. Их вклад в критическое осознание обществом существовавших тогда социальных болячек, административно-командных методов руководства различными сферами общественной жизни, в том числе и творческим процессом, несомненны. Многие из них были кумирами молодежи, со временем же они стали настоящими мэтрами художественной культуры. И все же как человек, самым непосредственным образом общавшийся в 1960-х годах с этой категорией молодежи, не могу не высказать два, на мой взгляд, существенных суждения.

Во-первых, обращает на себя внимание ставшее практически традиционным подчеркивание в СМИ особой «страдальческой доли» «шестидесятников» и их подчеркнутой оппозиционности по отношению к властям. Действительно, различного рода бюрократический произвол имел место, но он проявлялся в абсолютно одинаковой мере по отношению к разным возрастным группам и разным слоям интеллигенции и не имел «специального адреса» — «только для молодых «шестидесятников». Равно как и оппозиционность была свойственна представителям разных возрастов интеллигенции, причем не только творческой, но и научной, и технической. К тому же не следует забывать, что «шестидесятники» не были обделены тогдашними благами и вниманием: они имели широкую общественную трибуну в виде газет и журналов, их рукописи не залеживались в издательствах, книги выходили большими тиражами с довольно приличными гонорарами, да и зарубежные поездки для них не были единичными. «Шестидесятники», сами себя так назвав, стремились как бы за-

патентовать в общественном мнении за собой «особую» историческую роль на политическом пространстве общества.

И, во-вторых, представляется некорректным выделение «шестидесятничества» в качестве «самого гражданского» и «самого наиболее социально активного» феномена тогдашней молодежи. Поэтому если уж и применять термин «шестидесятники» в качестве нравственно-политического эталона молодого поколения 1960-х годов, то его надо трактовать с широких общественно-политических позиций, не допуская при этом стимулирования, наряду с межпоколенческим конфликтом, еще и внутривозрастного противостояния. Ведь в истинном смысле слова «шестидесятниками», то есть людьми, наиболее ярко отразившими облик того поколения, было куда больше молодых людей, причем не только из творческой среды. Разве первый в истории человечества дерзновенный выход в космос, совершенный воспитанником комсомола Юрием Гагариным, не является блистательной характеристикой поколения 1960-х годов? Напомню, как это прокомментировал известный американский художник Рокуэлл Кент: «Юрий подарил нам небо. А многие его полет сравнили с подвигом мифического героя древности Прометея».

А подвиг Павла Поповича, который вместе с Андрияном Николаевым осуществили первый в мире групповой продолжительный полет в космос? А общепланетарная спортивная слава самого сильного в мире человека — Леонида Жаботинского? А Иван Стрельченко — выдающийся донецкий шахтер, Герой Социалистического Труда, кавалер многих орденов и медалей, депутат Верховного Совета и т.д., человек, влюбленный в гриновские «Алые паруса» и сам написавший книги «Добытчики солнечного камня» и «Зажги свою звезду», в которых он показал молодежи, какое это счастье — зажигать среди людей свою звезду, свою зарю, какого это требует огромного и доблестного труда? Гордостью молодежи 1960-х стал и подвиг украинского комсомольца Николая Пяскорского, сапера-добровольца, принимавшего участие в разминировании оставшихся после обретения Алжиром независимости 12 млн мин. Он лично обезвредил десятки тысяч мин, расчистив поля, на которых алжирские крестьяне стали выращивать пшеницу и виноград. Но одна из мин оборвала жизнь Николая, и в последний путь его провожал весь Алжир. А молодой макеевский металлург Владимир Гребиниченко, бросившийся спасать сталевара, когда горячий поток металла неожиданно перевернул ковш и брызги раскаленного металла посыпались на людей, накрывая огненной массой подручного сталевара. Владимир вытащил из огненного пекла коллегу-металлурга, но сам упал у печи и погиб.

В этом контексте не могу не вспомнить о факте из истории патриотических традиций украинского комсомола, который я привел в своем выступлении на XVI съезде ВЛКСМ. Привожу его дословно: «Прославленному сталевару Макару Мазаю, схваченному гестаповцами в оккупированном Мариуполе и выдержавшему нечеловеческие пытки, на последнем допросе было предложено: «Пустите завод. Ваше слово будет оправданием и законом для всех. Мы хорошо оплатим услуги». Он гордо ответил врагам: «Я и так богатый человек. Я — комсомолец и победитель в социалистическом соревновании сталеваров Советского Союза».

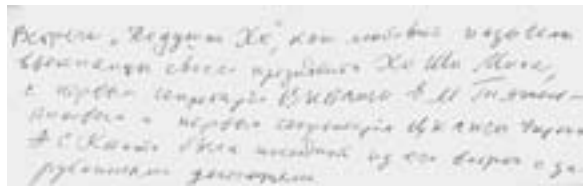
Или такой примечательный факт: в 60-х годах прошлого века Академия наук Украины стала самой молодой по возрастному составу в мире, в 1965 году

половину ученых в институтах академии составляла молодежь до 30 лет. Комсомолец Александр Гузь за четыре года прошел путь от выпускника Киевского университета до известного ученого, защитившего в 26 лет докторскую диссертацию и написавшего к тому времени 50 важнейших научных работ.

Названные выше факты и примеры — лишь отдельные грани облика комсомола 60-х годов, достойные того, чтобы, независимо от нынешних политических бурь, прокатившихся по нашей земле, относиться к ним уважительно и заботливо.

Базовыми нравственными ценностями поколения 60-х были культ честного и самоотверженного труда, острое чувство преемственности поколений, гражданского долга и ответственности за общезначимые дела, готовность к самопожертвованию во имя общественного блага. В этом же ряду — борьба (с использованием исключительно воспитательных средств воздействия) с хулиганством, пьянством, преступностью, бездуховностью и бескультурьем. Большим богатством стало многогранное общение молодежи Украины со своими сверстниками из тогдашних союзных республик и различных стран мира. Международные контакты расширяли политический горизонт молодежи, способствовали формированию гуманистических общепланетарных мировоззренческих установок, четкому пониманию того, что происходит в мире и какова роль молодежи в этих процессах. Словом, поле деятельности комсомола было широким, не побоюсь сказать, плодотворным и высокопочитаемым в обществе.

И еще один вопрос, который на фоне настоящего бурелома исторических событий может показаться не только прозаическим, но и малозначительным. В нынешние «купи-продажные» времена первым и неизбежным условием создания и функционирования любой молодежной организации (независимо от ее общественно-политической ориентации) является спонсорская поддержка со стороны какой-то партии, объединения или индивидуального толстосума. Без спонсорской поддержки — как в песне из одного кинофильма советского времени: «Потому что без воды — и ни туды и ни сюды». Комсомолу тоже требовались деньги, причем немалые, — на оплату многочисленного аппарата сотрудников комитетов разных уровней (от первичных заводских, фабричных, вузовских и до Центрального комитета), на содержание помещений, канцелярские расходы, на строительство комсомольских музеев (не за счет

госбюджета), на комсомольские премии для наиболее талантливой творческой и научной молодежи, на оказание помощи детским домам, домам сирот, наконец, на финансовую поддержку международных мероприятий — Всемирных фестивалей молодежи и студентов, различных форумов, летних лагерей молодежи и так далее.

Словом, выражаясь современным языком, целые финансовые потоки. Откуда же брались эти деньги? Ныне в мутных потоках лжеправды как в печатных, так и в электронных СМИ нередко можно услышать сотканное из фактов (в одном случае — может быть, от незнания сути дела, а в другом — из-за злонамеренной фальсификации) утверждение о том, что комсомол всегда «сидел на шее» у государства, получая от него материальную поддержку и именно таким образом обеспечивая себе «процветание в жизни». Истина же заключается в том, что к тому времени, о котором я пишу, комсомол полностью (подчеркну трижды — полностью) перешел на самофинансирование, которое стало возможным благодаря тому, что он сам стал зарабатывать деньги — за счет сбора металлолома и макулатуры (это давало огромнейшие суммы, не говоря уже об общественной значимости такой работы и большой экономической пользе для экономики страны), издательской и концертной деятельности и многого другого. Такие приобретения определялись легитимным в те времена термином «привлеченные средства», которые, кстати, ввиду их важности и необходимости отчитаться о расходовании, выделялись во всех комсомольских финансовых документах даже отдельной строчкой. Еще подчеркну — суммы этих «привлеченных средств» были большими. Да плюс еще комсомольские взносы. Поэтому на комсомольских счетах после расходов на указанные выше «статьи», как правило, всегда лежали определенные финансовые резервы.

В этом контексте вспоминаю примечательный эпизод. Когда мы, работники ЦК комсомола, пригласили руководящих лиц республики на торжество по случаю завершения строительства в Краснодаре масштабного центра «Молодая гвардия», со стороны представителей Совета Министров Украины последовал ответ: за приглашение спасибо, но объясните нам, как появился этот объект: в планах строительных работ, утверждавшихся Советом Министров, он никогда не значился, никакое его финансирование не осуществлялось. В этой ситуации я, первый секретарь ЦК комсомола, в подготовленной краткой записке пояснил: стройка была объявлена комсомольской, ударной, в государственные она не включалась, объект сооружался исключительно за счет так называемых «привлеченных средств».

Все сказанное говорит о финансовой независимости комсомола от государственной казны и партийной кассы, о высоком уровне самообеспечения в функционировании всех структур молодежной организации, о способности комсомола как активного субъекта политических отношений в обществе строить свою общественно-политическую деятельность, опираясь на все свои, в том числе и материальные, возможности, не допуская при этом иждивенчества, паразитирования, коррумпированности. И я думаю, что подобные факты заслуживают пристального внимания не только исследователей-историков, сдувающих пыль с залежавшихся без движения архивных источников о нашей не столь уж далекой истории.

Не побоюсь утверждать, что все названные вопросы отражают базовые ценности для молодежного движения: о зависимости политики от источников ее финансирования, о ее (политики) чистоте и меркантильной непорочности, о сочетании молодежного максимализма и критицизма со способностью и готовностью молодежи лично, самой решать свои собственные проблемы. И кто возразит, что эти вопросы не имеют отношения к современной подрастающей политической смене?

А.С. Канто с Ю.А. Гагариным

...Мне судьба отвела роль шестнадцатого руководителя комсомола Украины. И я считаю своим моральным долгом, говоря о 100-летию ВЛКСМ, назвать имена тех, кто лучшие свои молодые годы отдал служению молодежному делу, кто внес свой достойный вклад в решение насущных политических, социальных, трудовых, гуманитарных проблем подрастающих поколений. Во главе этой «шеренги» под номером один — П. Воробьев-Семенов, который в первой половине мая 1919 году стал одним из инициаторов создания Оргбюро по подготовке первого съезда комсомола Украины, на самом съезде был избран в состав Центрального комитета (в числе десяти членов и четырех кандидатов), а на пленуме — председателем президиума ЦК из трех человек. Его сменил С. Игнат — активист молодежного движения на Одесчине, которому со временем выпала высокая честь проведения III съезда КСМУ — первого съезда, состоявшегося в мирное время и впервые представленного всеми организациями комсомола Украины, на IV съезде УСМУ он выступил инициатором объявления шефства комсомола над вооруженными силами. Первый опыт участия молодежи в мирном строительстве комсомол приобретал под руководством Д. Марченко, ведя одновременно борьбу с проникновением в молодежную среду троцкизма.

В 1924 году после V Всеукраинской конференции во главе комсомола Украины в качестве генерального секретаря ЦК (тогда было утверждено это новое название) стал С. Высочиненко — любимец молодежи, создававший в 1917 году первые ячейки рабочей молодежи в Харькове и прошедший до избрания на высокий пост школу руководящей хозяйственной работы, бывший секретарь Харьковского губкома комсомола. На этом посту его сменил в 1927 году А. Мильчаков, получивший большой опыт комсомольской работы в Сибири, на Урале, а также в аппарате ЦК ВЛКСМ (вначале — в качестве руководителя одного из отделов, а затем — «рядовым» секретарем ЦК). После избрания его в 1928 году генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ во главе ком-

сомола Украины стал И. Корсунов, еще в 1918 году зарекомендовавший себя активным молодежным политиком.

В 1930 году генеральным секретарем был избран А. Бойченко — секретарь комсомольской ячейки железнодорожного узла Киев-II, затем секретарь райкома, Киевского окружкома и секретарь ЦК ЛКСМУ, человек, повторивший легендарный подвиг Николая Островского, написав, будучи до конца своей жизни прикованным к больничной койке, замечательную трилогию «Молодость» о молодежи 20-х и 30-х годов. После него в 1933 году первым секретарем ЦК ЛКСМУ (такое название должности утвердилось в начале 1930-х годов и сохранилось вплоть до развала комсомола в период горбачевской «перестройки») стал С. Андреев, направленный на эту должность с поста секретаря обкома Центральной Черноземной области и первого секретаря Северо-Кавказского крайкома комсомола.

В условиях осуществления ошибочной установки И. Сталина об обострении классовой борьбы в стране и развернувшихся репрессий 1937 года сложную миссию руководителя комсомола Украины выполнял Р. Усенко. Сменившему же его Я. Хоменко довелось трудиться на комсомольской ниве не только в тревожные предвоенные годы (состоявшийся в сентябре 1940 г. XII съезд ЛКСМУ призвал молодежь настойчиво овладевать военным делом, максимально приближая обучение к условиям военного времени), но и принимать личное участие в организации молодежи на борьбу с фашизмом. Первым послевоенным руководителем ЛКСМУ, решавшим задачу восстановления комсомола и его организационного укрепления, стал В. Костенко, ощутивший непосредственно на себе, что означало в те годы «украинолюбство».

Яркой фигурой в комсомоле был В. Семичастный, сменивший В. Костенко, но ненадолго задержавшийся на посту руководителя ЛКСМУ — был избран секретарем ЦК ВЛКСМ. Судьба сыграла с ним злую шутку: он, выдвигенец Н. Хрущева (в бытность того первым секретарем ЦК КПУ) на пост руководителя комсомола Украины, со временем, уже будучи председателем КГБ, обеспечивал доставку из аэропорта в Кремль вызванного с отдыха Никиты Сергеевича для... снятия его на заседании Политбюро ЦК КПСС с поста руководителя партии. В биографии ставшего после В. Семичастного первым секретарем ЦК ЛКСМУ Г. Шевеля — в том числе и участие по комсомольской путевке в партизанском подполье, в послевоенный же период он проявил себя творческим и в высшей степени ответственным работником, способным организатором, обеспечившим участие молодежи не только в общественно значимых для Украины делах, но и в освоении целины, строительстве крупнейших промышленных объектов в Сибири. С именем В. Дрозденко, сменившего на посту руководителя украинского комсомола Г. Шевеля, связаны успехи молодежи в широкомасштабном шефстве над крупнейшими объектами промышленности и сельского хозяйства, и прежде всего — сооружением на Донбассе 37 угольных шахт, ставших комсомольскими стройками. Талантливым вожаком молодежи проявил себя и Ю. Ельченко; приняв эстафету от него в качестве руководителя комсомола, я стремился сполна использовать его богатейший опыт честного и добросовестного служения порученному делу, справедливого и внимательного отношения к людям, бескорыстия и человеческой порядочности.

Комсомольский сюжет моей жизни хочу закончить напоминанием об одном историческом факте, свидетельствующем об истоках зарождения комсомола. Как известно, в настоящее время в сознании людей прочно закрепился журналистский штамп о том, что комсомол — это порождение советской системы. Оставив в стороне «перекося» в трактовке советского прошлого (это тема отдельного разговора), обратим внимание на другое: в данном случае истина состоит в том, что комсомол зарождался не на советской почве, а еще в условиях царской России — в виде союзов рабочей молодежи, а затем оформился в единую организацию в 1918 году на первом съезде РКСМ. И первоначально он свою деятельность по отношению к партии строил по принципу партнерства и независимости. Такое уточнение необходимо, чтобы подчеркнуть в данном случае крайне существенный момент: возникшие еще в дореволюционное время союзы рабочей и союзы крестьянской молодежи явились ответом на острые социальные проблемы молодежи (безработица, политическое бесправие, нищета, безграмотность...). Молодежь в этих союзах увидела надежного защитника своих прав и свобод, а также трибуну для проявления своей гражданственности и политической активности.

Развалился же комсомол под сокрушительными ударами горбачевско-ельцинского геростратизма, когда, выражаясь словами В.В. Путина, сказанными применительно к другой ситуации, не удалось «отделить котлеты от мух». А сегодняшние молодежные проблемы — социальные, политические, гуманитарные — не менее остры, чем в далеком прошлом. И неолиберальный лозунг о том, что рынок сам регулирует все проблемы жизни, в том числе и молодежные, не только не верен, но и крайне социально опасен. Рынок, например, наряду с административным ресурсом, фактически регулирует процедуры избрания в законодательные органы страны, в том числе и парламент. И сколько в нем молодых рабочих, молодых крестьян, молодых инженеров, врачей?! Вопрос риторический. Рынок все больше и больше завоевывает студенческое пространство, когда все меньшими и меньшими становятся шансы выпускников с периферии (за исключением семей толстосумов) поступить в вузы. Рынок привел к тотальному уничтожению молодежной инфраструктуры для проведения работы по интересам, организации досуга — молодежных и пионерских лагерей, Дворцов молодежи, Дворцов пионеров, системы профессиональной ориентации...

Перечень этих «почему» бесконечен. И что взамен? Стихия рыночных и либеральных отношений с размытыми представлениями об этических ценностях, с культом безнравственности и вседозволенности, с процветанием наркомании, проституции... Одна из причин (далеко не единственная) такого состояния молодежной среды — отсутствие общенациональной консолидации, общенациональных рычагов защиты интересов молодежи. Существующие же ныне молодежные формирования, несмотря на их многочисленность, такой объединяющей силой не обладают, более того, они воплощают дробление молодежного сегмента социума на основе групповых интересов и часто поют с «чужого голоса».

Владимир Анатольевич Катунин

Первый секретарь Волгоградского обкома ВЛКСМ

Член ЦК ВЛКСМ

Поле нашей памяти

Получил от Гали Хорошевой — председателя Волгоградского союза комсомольских поколений — поручение: к очередной годовщине ВЛКСМ подготовить правдивый материал о создании мемориала на Солдатском поле. Мол, ты был в то время и первым секретарем обкома, и автором идеи, тебе и карты в руки, а то пишут и говорят всякую отсебятину!

Действительно, сегодня многие важные детали даже сами авторы мемориала путают! Впрочем, это понятно. С памятью у нас, детей войны, теперь похуже, чем в годы комсомольской юности. Одно ясно, что надо вспомнить реальную историю о том, как комсомольцы возродили убитое войной сталинградское поле. Нынешним молодым особенно надо объяснить, зачем мы это делали и зачем для этого нужен был комсомол!

А как узнать историю этого славного дела молодым волгоградцам? Включи Интернет — и увидишь десятки материалов о Солдатском поле. Заходи — и все сам будешь знать. Однако реальная история в них зачастую действительно искажена. Неточностей, ошибок, разных глупостей — море!

Вот, к примеру, местные журналисты с восторгом пишут о посещении мемориала новым губернатором области, где ему (человеку не местному) якобы рассказали, что памятник открыт в сентябре 1978 года. А ведь читатели так и будут думать! На самом же деле комсомольцы поле разминировали, распыхали и построили мемориал в сентябре 1975 года. Сегодня в официальном туристическом буклете безответственно утверждается, что название полю дал Константин Симонов, тогда как название родилось после статьи «Солдатское поле», написанной в апреле 1975 года нашим собкором «Комсомолки» Георгием Пряхиным.

Именно тогда, накануне 30-летия Победы, волгоградские комсомольцы пообещали разминировать мертвое поле и вернуть его к жизни! Утверждают, что памятник создавал скульптор Левин, тогда как он был архитектором. Это именно тот архитектор Леонид Левин, который получил за белорусскую Хатынь Ленинскую премию. А вот фигуру девочки Милы ваял действительно скульптор — Алексей Криволапов, автор другого нашего памятника — Комсомольцам — защитникам Сталинграда. Знатную трактористку Машу Пронину, проложившую первую борозду по мертвому полю, называют Героем Социалистического Труда. Это не верно — она была депутатом Верховного Совета СССР. И таких искажений множество!

Есть даже утверждение, будто бы Катунин рассказывал, как на его глазах командир саперов при разминировании поля в одночасье поседел от переживания. Ну, поверьте, не говорил я этого!

Часто путают истинное время открытия памятника и вспашки поля интернациональными экипажами молодежи соцстран осенью 1975 года с датой окончания реконструкции памятника и акцией сева на Солдатском поле с участием Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова весной 1980 года.

Аналогичную ошибку делает даже сам Л. Левин в своей книге «Хатынь», где автор мемориала описывает историю его создания. Видно, редактор книги пропустил.

Немало выдумок в рассказах о выборе места для мемориала. На самом деле его определил участник Сталинградской битвы, первый секретарь Волгоградского обкома КПСС Леонид Сергеевич Куличенко. Взяв Левина и меня, он отправился к месту работы саперов в совхозе «Кузьмичи». Глядя на разминированное поле, сказал, что, поставив памятник за десять с лишним километров от дорог и автотрассы Волгоград — Москва, мы массового воспитательного эффекта не добьемся. Решили посмотреть близлежащие поля, в районе боев у разъезда Конный, но этому воспротивился автор: мол, на равнине, среди больших пространств затеряется камерное по интонации произведение! Возвращались оттуда расстроенные...

В.А. Катунин

Неожиданно у известного теперь всем места Куличенко вдруг остановился и спросил у Левина, не подойдет ли оно художнику. Леонид ответил, что тут — над обрывом оврага и склона с оставшимися после войны воронками — было бы очень неплохо. Но как же быть с идеей возрождения реального мертвого поля? Тогда Леонид Сергеевич мудро ответил: «Все поля под Сталинградом солдатские!!!» Как в воду глядел! Выяснилось, что этот небольшой участок поля действительно со времен войны не распахивали, а когда начали строить, то и там нашли и смертоносное железо, и останки павших советских солдат.

Вообще идея памятника и его воплощение представляют собой художественное объединение различных артефактов Сталинградской битвы. Это и возвращенное к жизни поле брани, и символическая граница мертвого и живого поля из вспахавших его тракторных лемехов, и захоронение найденных на нем останков героев — защитников Сталинграда — с копиями пробитых пулями солдатских касок, и собранное при разминировании смертоносное железо войны в символической воронке взрыва, и даже обожженное огнем битвы мертвое дерево!

Наконец главный смысловой центр мемориала — фигурка девочки и треугольник фронтового письма реального сталинградского воина майора Петракова к ныне живущей дочке Миле с клятвой защитить и василек наших полей, и детей, и саму Родину от фашистских сапог.

Обходят авторы писаний вопрос об источниках и мотивации самих создателей мемориала. Так вот! С гордостью можем утверждать: никакого официального разрешения и финансирования не было.

И материалы, и техника — все это было, как нынче модно говорить, за счет спонсорства и участия комсомольских организаций. Все от идеи создания мемориала до ее воплощения — это чистейшая инициатива молодежи и результат ее бескорыстного энтузиазма! Бойцы студенческих отрядов под руководством командира штаба ССО Александра Денисова день и ночь спешили возвести мемориал к намеченному сроку. Подчеркну при этом: за идею, бесплатно! Там, где нужно было платить официально, это делалось на наши же комсомольские взносы.

Много информации можно легко извлечь из Интернета, но вот что примечательно: в нем не найдешь внятного ответа на основной вопрос — а что двигало создателями памятника, авторами и строителями, зачем они напрягались? Никто ведь не заставлял. А что заставило?

О целях и мотивах наших действий проникновенно, с яркой поэтической интонацией сказано комсоргом завода «Баррикады», а теперь известным волгоградским поэтом Володей Овчинцевым в строчках, высеченных на входном знаке мемориала: «Тебе, солдат, — подвигом имя свое обессмертившему, хлебу и миру вернувшему ратное поле, воздвигли этот памятник комсомольцы».

Воспитание чувства благодарности живым и павшим героям — защитникам Родины, стремление к пониманию и продолжению боевых и трудовых свершений советского народа, забота о сохранении их памяти — вот что было одним из важнейших дел всей нашей комсомольской жизни! Боевой орденом на знамени Сталинградской комсомольской организации, памятник Комсомольцам — защитникам Сталинграда, мемориал на Солдатском поле — все это высшие знаки и вечные символы огромной патриотической работы Ленинского комсомола и его боевого отряда — царицынской, сталинградской и волгоградской комсомолии!

Давайте, дорогие друзья, откроем сборник «Летопись волгоградского комсомола», книгу Г.А. Ясковца «Люди из легенды», энциклопедию Сталинградской битвы под редакцией М.М. Загоруйко, очерки «Нас водила молодость» к 80-летию ВЛКСМ, материалы научной конференции «Поле солдатской славы», представленные проректором Волгоградского университета О.И. Сгибневой и заместителем губернатора Г.И. Хорошевой. В этих документах ярко показан героизм комсомольских поколений, раскрываются объективная закономерность и истоки патриотических дел волгоградских комсомольцев, участников Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, посвященного 50-летию образования СССР, военно-патриотического марша «Дорогой славы героев Сталинграда» к 30-летию разгрома фашистов у стен города-героя. В этот период ЦК ВЛКСМ и Штаб Всесоюзного похода 17 раз награждали наши организации за образцовое проведение патриотических акций. Уверен, что, учитывая героические традиции строителей тракторного, комсомольцев — защитников Сталинграда, молодежных отрядов на восстановлении города-героя, ЦК ВЛКСМ и принял решение о проведении в сентябре 1975 года VII Всесоюзного слета победителей походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа именно в Волгограде.

В дни слета возведенный на Солдатском поле мемориал стал не только символом наших патриотических традиций, материальным знаком Великой

Отечественной войны и Сталинградской битвы, но и ярким художественным явлением, в котором о войне, о ее ужасах и ее героях говорят не только символы, но и сами артефакты войны.

Сегодня мемориал является наглядным свидетельством неизбежного торжества жизни над силами зла, над поднимающим голову фашизмом. Об этом еще в 1943 году писал чилийский поэт Пабло Неруда: «Здесь с смертью билась жизнь! И смерть враги нашли! И победила жизнь в боях под Сталинградом!» А мы, верные памяти героев, тоже вернули к жизни одну маленькую часть убитых войной сталинградских полей. Своей причастностью к такому святому делу мы будем всегда гордиться! Думаю, что волгоградские комсомольцы имеют на это полное право!

Уверен, эта история помогает понять, зачем нужен был и чем занимался Ленинский комсомол!

Сегодня противодействие фашизму и терроризму, воспитание патриотизма снова становится важнейшей задачей общества, как и необходимость показа молодежи, что антипатриотизм стал воистину прибежищем негодяев!

Об этом просто кричит судьба мемориала в наши дни! Лишенные совести и памяти современные вандалы разбили фигуру девочки, украли бронзовые лемеха и каски, гранитные плиты на могиле. Разговоров о священной памяти героям много, а без денег никто ничего не делает для ее сохранения! Правда, к очередному юбилею Победы в Великой Отечественной войне кое-как подлатали разбитое и похищенное, и то — под напором ветеранов комсомола — создателей Солдатского поля!

Так будем поступать всегда, ведь хранить память о подвигах героев Сталинграда — это наш священный долг!!!

Михаил Григорьевич Кизилов

Заведующий отделом пропаганды и культурно-массовой работы Ленинградского ОК ВЛКСМ

Заведующий сектором по работе с творческой молодежью ЦК ВЛКСМ

Главный редактор журнала «Смена»

Член Союза писателей СССР (РФ) и Союза журналистов СССР (РФ)

Случайностей в жизни не случается

После окончания школы в Краснодаре вместе с аттестатом зрелости получил специальность слесаря по ремонту холодильных установок. Один из преподавателей, побродивший по свету судовым механиком, красочно рассказывал о своих странствиях, но особенно — о Ленинграде. Естественно, пять человек из класса поехали поступать в ЛТИХП — Ленинградский технологический институт холодильной промышленности.

В комсомол меня приняли одним из последних в классе, по причине самого маленького роста и «огромной занятости» — активно занимался спортом: акробатикой, был в составе сборной школы по баскетболу и настольному теннису. На первенстве города выиграл у чемпиона города, правда, взял не умением, а куражом. В составе студенческого строительного отряда ЛТИХП, будучи в высоком звании комсорга группы, отправился в Заполярье с фотоаппаратом и кинокамерой и в свободное от работы время снимал все, что казалось важным и интересным. Кинофильма не случилось из-за непригодности пленки, а фотографиями в сентябре были завешаны все стены второго этажа вуза.

Меня избрали членом комитета комсомола факультета, и следующим летом я опять поехал в Заполярье комиссаром студенческого отряда. В сентябре избрали секретарем комитета комсомола крупнейшего факультета, а чуть позже заместителем секретаря комитета комсомола вуза. Потом снова стройки, снова Заполярье... Вслед за этим, в 1970 году, была студенческая стройка в составе ССО Ленинграда в Чехии, получение диплома в 1971 году и награждение медалью «За трудовую доблесть», которая нашла меня через год уже в Петропавловске-Камчатском.

Ленинград — Эрмитаж, особенно зал Рокуэлла Кента (надо же, какое воображение, какие краски!), Русский музей, Евгений Лебедев, Иннокентий Смоктуновский и Татьяна Доронина на сцене Большого драматического театра в спектаклях легендарного Георгия Товстоногова, песни Булата Окуджавы, Юрия Кукина, Владимира Высоцкого в актовом зале вуза — все это потрясало и будоражило воображение.

Учеба, занятия спортом, работа на кафедре, в студенческих стройотрядах вселяли уверенность: жизнь прекрасна! В непредсказуемости человеческого бытия убедился позже — после окончания вуза отправился отдавать долг Родине на плавающую базу подводных лодок «Камчатский комсомолец».

Владивосток, Камчатка, Курилы, Индийский и Тихий океаны, Азия и Африка, бураны и тропические ливни, снежные заносы и ураганы, медведи, киты, страусы, подводный мир Аденского залива, полярные сияния и созвездие Южный Крест помогли «душе запеть», а руке потянуться к перу.

И вспомнился Рокуэлл Кент, оказалось, что Камчатка, особенно ее Север, — это по цветовой гамме почти его полотна.

Потом снова был ЛТИХП. Работа младшим научным сотрудником. В 1974 году Зоя Базарова, секретарь комитета комсомола технологического факультета ЛТИХП и коллега по комитету комсомола, за время моих хождений по морям стала первым секретарем Фрунзенского райкома комсомола и, что называется, за уши потянула меня

в райком, сначала заведующим отделом пропаганды, потом вторым секретарем. Поскольку Зоя не просто лидер от Бога, но и очень талантливая отличница, доводившая любое начатое дело до конца и помогающая по жизни многим, то отказаться было неловко, да и не хотелось отказываться. Завкафедрой профессор Э.И. Гуйго напутствовал шутя: «Топай уж до ЦК!» Как в воду глядел: «дослужился» до Отдела культуры ЦК ВЛКСМ.

Но до этого был обком комсомола, куда получил приглашение стать заместителем заведующего отделом пропаганды и культурно-массовой работы от самой Татьяны Федоровой — в полном смысле слова, явления Ленинградской комсомольской организации. Яркий, очень образованный и умнейший человек, с исключительным чувством юмора и собственного достоинства, с подчеркнутым уважением к любому собеседнику и... очень красивая женщина.

Она, как насадка, лелеяла сотрудников своего отдела, вела по жизни, учила отстаивать свое мнение и не плыть по течению. Ее исключительность ценили в ленинградском комсомоле, но для работы в партийных органах она была слишком умна и блестяще образована, поэтому впоследствии стала главным редактором популярного детского журнала «Костер».

В отделе работали очень интересные и талантливые люди: Лена Мозговая, будущий доктор искусствоведения, которая все знала про искусство и Ленинград, Володя Ивченко, прожужжавший всем уши тем, что в городе появился молодой и очень талантливый кинорежиссер Алексей Учитель и ему нужно помогать, Валентина Бойкова, которая, в свою очередь, лелеяла молодых композиторов Александра Журбина и Александра Морозова, Михаил Довгалев, доказывавший, что Михаил Боярский — яркий и талантливый актер, а Лев Додин и Борис Эйфман — растущие гениальные режиссеры, Юрий Ростовцев — любимец ленинградских писателей, будущий автор книги «Виктор Астафьев» в

Михаил Кизилов на совещании молодых писателей в Петропавловске-Камчатском. 1983 г.

серии ЖЗЛ. И даже «самую скучную и рутинную» работу — систему политической учебы — курировала Галочка Соловая, очень яркий и светлый человек.

Достаточно сказать, что во многом благодаря Татьяне Федоровой состоялись главные редакторы: Юрий Ростовцев («Студенческий меридиан»), Юрий Ковешников (газета «Президент»), Михаил Кизилев (журнал «Смена») и Геннадий Селезнев (газеты «Комсомольская правда», «Правда». Он же с 1996 по 2003 год был председателем Государственной Думы РФ)...

В 1978 году меня неожиданно пригласили в отдел культуры ЦК ВЛКСМ курировать работу с молодыми писателями.

Что поразило в первую очередь. Беседа с Борисом Николаевичем Пастуховым перед утверждением на должность. Он сказал: «Миша, нам нужны идеи. Разные, и чем больше, тем лучше. Умные и не очень, неожиданные и на первый взгляд глупые... Ты предлагай, что считаешь важным и нужным, а у нас хватит опыта и интеллекта решить, заслуживают они внимания или нет».

Видимо, в этот момент у заведующего финансовым отделом ЦК комсомола Евгения Ивановича Пушкина екнуло сердечко. Потому как через несколько месяцев ЦК ВЛКСМ и Правление Союза писателей приняли решение о проведении Всесоюзного конкурса рукописей молодых писателей имени Николая Островского, а через год — Всесоюзного конкурса имени Максима Горького на лучшую первую книгу молодого писателя. Финансовый отдел, «кряхтя и охая», поддержал эти решения, но когда я и Юрий Лопусов, настоящий интеллектуал, который в Союзе писателей СССР занимался молодыми писателями, пришли к Валерии Сухорадо, заведующему отделом культуры ЦК комсомола, с проектом совместного постановления о выделении в каждую республиканскую, краевую и областную молодежные газеты ставки для руководителя литературного объединения при редакции этих газет, он почитал постановление, засмеялся и сказал: «Наши финансисты встанут на уши и точно будут против — шутка ли, 100 рублей в месяц в каждую газету». И предложил беспроектный вариант: «Давайте сделаем так, чтобы они даже не увидели этот проект. Подписывайте постановление у Георгия Мокеевича Маркова — председателя СП СССР, или у Юрия Николаевича Верченко — его заместителя, и попросите кого-то из них позвонить Борису Николаевичу Пастухову с просьбой поддержать. Борис Николаевич большой книголюб и к писателям относится с искренним уважением».

Естественно, нам не составило большого труда убедить Ю.Н. Верченко сделать этот звонок, тем более что почти вся финансовая нагрузка при реализации этого постановления ложилась на комсомол. Не успел я вернуться из Союза писателей с подписанным Верченко документом, как мне сказали, что звонила Людмила Алексеева — заместитель заведующего общим отделом ЦК ВЛКСМ, воистину светлейший человек и большая умница, и сказала, что Борис Николаевич ждет этот документ, чтобы его подписать.

Когда она его прочитала, прежде чем нести на подпись Б.Н. Пастухову, то не удержалась от эмоций: «Какие молодцы в отделе культуры, как лихо обошлись без визы финансистов. Теперь они его просто примут к исполнению».

Постановление было принято, и в каждой молодежной газете стали работать профессиональные писатели, которые помогали начинающим авторам словом и делом, а всесоюзные конкурсы рукописей и книг молодых писате-

лей — быстрее «вытаскивать» на всесоюзный уровень талантливых прозаиков и поэтов. Что стало очень хорошим дополнением к Всесоюзным совещаниям молодых писателей, фестивалям поэзии братских республик и многочисленными творческим командировкам писателей на ударные комсомольские стройки.

В отделе культуры было не только интересно, но и комфортно работать. Все были не просто комсомольскими работниками, а профессионалами своего дела, если не от Бога, то от образования и опыта. Безусловно, это Валерий Сухорадо. Я не помню случая, чтобы он меня «учил жить», просто выслушивал и говорил «да» или «подумай еще, как лучше сделать». Однажды он пришел в отдел с книжкой молодого писателя Николая Дмитриева и спросил, знаю ли я его. Я, естественно, знал и сказал, что это молодой учитель из Подмосковья. Он рассмеялся, стал по памяти читать его стихотворение: «Не отпустили за границу, печати важной не достал...» — и посоветовал: «Приглядысь к нему, по-моему, талантливый парень».

Действительно, Николай был очень талантливым поэтом (к сожалению, рано ушел из жизни) и заслуженно стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

Очень приятно и интересно было работать с Николаем Бутовым, заместителем Сухорадо, который живо и шумно «крутил» культурно-массовую работу, Галиной Ратниковой, Ольгой Костюк, Вадимом Беклешовым, Юрием Богоуцким, Юрием Боканем, Анатолием Вилковым, Александром Горшковым, Борисом Нечаевым, Александром Никульченковым, Евгением Поздняковым, Николаем Старченко, Валерием Тарбоковым... Они прекрасно знали свое дело, пользовались авторитетом в творческих союзах и в аппарате ЦК ВЛКСМ и всегда готовы были прийти на помощь и «подстраховать» коллегу.

И, конечно, с двумя внешне «яркими антиподами» — Николаем Левичевым, имеющим, помимо большого опыта работы в ленинградском комсомоле, блестящее образование, и Михаилом Шмойловым из Хабаровска. Внешне абсолютно разные: Николай — высокий, стройный, с негромкой, очень правильной речью и очень «хорошим пером», имеющий единственный недостаток (по мнению врачей) — дефицит веса, и Михаил — невысокого роста, весьма плотного телосложения, говорящий громко и энергично и имеющий (по мнению врачей) избыток веса. Но оба исключительно подвижные и энергичные трудоголики, умеющие не только организовывать и руководить, но, если нужно, профессионально указать режиссеру, музыканту или дирижеру на их ошибки либо лихо вскочить в седло и показать на Бородинском поле, что собой представляла русская кавалерия в 1812 году, не говоря уже об их остроумии и чувстве юмора. Не случайно Михаил со временем стал заведующим Отделом культуры ЦК ВЛКСМ и по сей день является продюсером и режиссером традиционных праздничных концертов в день рождения комсомола, а Николай — единственный из «комсомольских функционеров», благодаря таланту, трудолюбию и интеллекту, вместе с единомышленниками смог создать новую партию, придумать ей красивое название «Справедливая Россия» и стать заместителем председателя Государственной Думы РФ. Наверное, это нескромно, но я горжусь тем, что Николай Левичев, Михаил Шмойлов и Николай Старченко — главный редактор газеты «Орловской

Всемирный фестиваль молодежи и студентов. А. Яхонтов, Н. Левичев, К. Селихов, О. Шестинский, Е. Туинов, Н. Петев, В. Хайрюзов, М. Кизилов у ЦДЛ

комсомолец» и очень хороший писатель, стали сотрудниками отдела культуры с моей подачи.

В 1985 году в награду за успешное проведение Форума молодых писателей на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Центральном доме литераторов, за который я отвечал, меня «повысили» в заместители главного редактора журнала «Смена», поскольку форум «прошел на высоком уровне и при полном аншлаге».

Главным редактором в «Смене» был тогда Альберт Анатольевич Лиханов, журналист и писатель от Бога, который умел и научить, и заставить работать. Три года под его мудрым взором не прошли даром, за что искренне ему благодарен. С 1988 года я стал подписывать выход журнала «в свет», что и делаю нынче.

Светлана Александровна Коваль

Секретарь Архангельского ОК ВЛКСМ

Доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Заслуженный учитель Российской Федерации

Председатель регионального объединения

Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Воспитанники комсомола — Мое Отечество»

Преимственность — вечная ценность

Я — коренная северянка, архангелогородка, соломбалка — жительница корабельной стороны Архангельска, где из петровских судоверфей в XX веке вырос судоремонтный завод «Красная кузница». На нем кузнецом-молотобойцем начинал свой трудовой путь мой отец Александр Васильевич Усов. Был комсомольцем, в годы Великой Отечественной — парторгом ЦК ВКП(б), а потом — заместителем директора завода, начальником политотдела Главсевморпути.

В этом рабочем районе проходило мое послевоенное детство. Здесь моя родная школа № 50, директором которой был человек, прошедший войну, — Клавдий Николаевич Варфоломеев. Здесь в год 40-летия комсомола я вступила в ВЛКСМ, что было важной составляющей всей жизни абсолютного большинства моих сверстников... Здесь я познакомилась с теми, кого называли комсомольскими вожаками и кто позже стал моими коллегами: первым секретарем Соломбальского райкома комсомола, потом Архангельского горкома и первым секретарем обкома комсомола Юрием Бураковым, в 1969 году назначенным директором Всероссийского пионерского лагеря «Орленок», затем работавшим в Министерстве просвещения СССР; секретарем райкома комсомола и директором школы, куда я пришла работать, Александрой Николаевной Лебедевой-Глекель; Сергеем Ионковым, с которым мы почти одновременно будем работать секретарями обкома комсомола...

В тот период комсомольская юность для многих начиналась уже в школе. Школа не только давала знания (смею утверждать: хорошие, качественные, прочные), но и создавала условия для активной общественной работы. В старших классах меня избрали председателем ученического комитета, а мою подругу Галину Евстигнееву (Каторину) — секретарем комитета комсомола. Сколько мы провели бурных диспутов о смысле жизни, школьных вечеров с постановкой пьес, герои которых помогали формировать наши идеалы, вечеров выпускников и встреч с участниками Октябрьской революции и Гражданской войны, с нашими шефами — производственниками завода «Красная кузница» и представителями воинской части. Этот перечень дел — подтверждение той системной работы, которая шла во многих школах страны и от которой зависело отношение к пионерии и комсомолу.

Я увлекалась журналистикой и собиралась поступать на журфак Ленинградского университета. К сожалению, семейные обстоятельства не позволили воплотить эту мечту, и я стала студенткой историко-филологического факультета Архангельского педагогического института имени М.В. Ломоносова. Здесь мне тоже везло на умных и думающих педагогов, о которых мы никогда не думали и не говорили как о провинциальных (с подтекстом «неудавшихся») специалистах. В институте была бурная комсомольская жизнь, а из нашей студенческой среды вышло немало будущих комсомольских работников.

На студенческой скамье мы узнали потрясающую новость: человек в космосе! Помню, как в аудиторию ворвалась секретарь факультетского комсомольского бюро Валя Карелкина: «Ребята, в космосе Юрий Гагарин!..» Тут же многие бросились в соседнюю аудиторию к Борису Гагарину и его однофамилице Людмиле Гагариной: «Это не ваш родственник полетел?..» Кстати, Борис начал работу заведующим отделом пропаганды, а потом стал и первым секретарем Архангельского обкома комсомола. Ему доводилось встречаться и с космонавтами, а мы нередко подшучивали: ну как, тебя еще не зачислили в отряд? К тому же в Архангельской области строился космодром, и кроме комсомольской организации воинской части там была и гражданская комсомольская организация. Мы были хорошо знакомы с первым секретарем Мирнинского горкома Женечкой Безякиной. Ее работа по сплочению молодых офицерских жен, гражданских служащих заслуживала внимания и распространения опыта...

Еще в студенческий период я стала внештатным инструктором обкома комсомола (была и такая должность в комсомоле). Помогала становлению Архангельского городского штаба школьников, который создавался усилиями инженера Владимира Сотрудинова (вскоре ставшего секретарем Архангельского горкома комсомола по работе с учащейся молодежью). Мы жадно «впитывали» те формы и методы работы, которые позже назовут коммунарской методикой (а моя аспирантка Анечка Полищук защитит диссертацию на тему «Становление и развитие идей коммунарской педагогики»). Это был период активной лекторской работы, организации диспутов, участие в которых помогало оттачивать умение убеждать...

После окончания института меня пригласили на работу в школьный отдел обкома, фактически без меня решив вопрос с обкомом партии, как «обойти» необходимое в то время распределение. Один из доводов заключался в том, что я все студенческие годы работала в школе, так что необходимые три года реально «выполнила». К тому же я уже была членом партии, а, как было принято, партия могла рекомендовать на любую работу.

Мое «вхождение» в жизнь отдела началось с проведения двухнедельного сбора-учебы школьного комсомольского актива, в программе которого оказалась не только теоретическая подготовка, но и многодневный поход. И это с собранными со всей области активистами, без предварительной тренировки, с минимальным количеством взрослых на группу в... 60 человек. Поход через тайгу, болота, в разгар сезона комаров и мошкар! Сегодня, при всех требованиях и ограничениях (во многом справедливых), никто бы не позволил нам такой вольности, но тогда с руководителем похода (а им был праправнук Пушкина, заядлый турист, инженер и отчаянный жизнелюб Эдвин Гибшман) мы прошли около 180 километров без больших проблем, сдружившись и став

(как сказали бы теперь) командой. Еще долгие годы была переписка, а приезжая в область, я непременно встречалась с теми, кто был на сборе.

Практически параллельно с этими сборами стали проводиться коммунарские сборы, организаторами которых были горком комсомола и городской штаб школьников. Замечу, что при всех потрясениях, которые сопровождали это движение, Архангельский штаб (АГШШ) живет и в 2016 году отметил 55-летие...

Между тем инструкторская работа, требовавшая не столько творчества, сколько выполнения инструкций, указаний, необходимых согласований и тому подобного, начала тяготить, и я обратилась к первому секретарю обкома с просьбой отпустить меня в школу. Умный Виктор Михайлович Третьяков (впоследствии фактически последний советский губернатор, 15 лет возглавлявший Архангельский облисполком) не стал категорически возражать, сказал, что подумает. К тому же мы оказались вместе на одной из районных комсомольских конференций, которую я должна была «готовить». Несколько откровенных разговоров (когда, в основном поздно вечером, появлялось свободное время), видимо, убедили его в искренности моих намерений продолжать заниматься учительской деятельностью, и он дал согласие, при этом обронив фразу: «Я ведь тоже уйду, а вот Бураков мне не простит такое решение». Думаю, он преувеличивал, решая судьбу инструктора, да и возвращающийся после учебы в Высшей партийной школе бывший второй секретарь обкома комсомола вряд ли думал о каких-то перестановках...

Началась — точнее, продолжилась — моя работа в школе. Я снова оказалась в родной пятидесятой учителем русского языка и литературы и помощником директора школы по комсомольской работе. Организация насчитывала почти 500 человек. С огромным энтузиазмом работала с комитетом комсомола, а как учитель литературы, конечно, «ловила» новые имена (Аксенов, Евтушенко, Рождественский), приглашала своих архангельских поэтов — Николая Журавлева, Дмитрия Ушакова, Михаила Скороходова — на встречу с моими молодыми «комсомольскими сподвижниками».

Такое же понимание я встретила в новой школе, куда с сентября 1967 года райком партии направил меня на новую должность: организатора внеклассной и внешкольной воспитательной работы — заместителя директора школы. В школе было более 1600 учащихся. Подготовка к полувековым юбилеям

*Комсомольский секретарь.
Начало 1970-х гг.*

Октябрьской революции и комсомола, встречи, походы, конкурсы — огромный арсенал средств, который мы познавали благодаря и общению, и курсам повышения квалификации, и участию в выборных органах (я была членом райкома и горкома комсомола), читая газеты и журналы, гоняясь за новинками литературы и стремясь попасть на спектакли и концерты, когда оказывались в наших столицах...

Думаю, что плохо и неуютно было тем, кто не встретил на своем пути хорошего вожакого, умного учителя, внимательного комсомольского вожака. Нам было с кого брать пример. Мы служили делу и были максималистами, нередко критически выступающими на собраниях и конференциях (нет никакого сравнения с сегодняшним утверждением об «оказании образовательных услуг», о самореализации любыми средствами, о ненужности коллективного мнения, об утверждении «эго»).

Мы не нанимались на комсомольскую работу — нас замечали и избирали. В конце 1969 года меня избрали вторым секретарем Архангельского горкома комсомола, потом — секретарем обкома комсомола. Трудно в коротких воспоминаниях передать то, что связано с этим периодом, но в истории комсомола (а я занимаюсь историей комсомола) период 1950—1960-х годов — самый продуктивный, человечный, творческий...

Если телеграфным слогом, то работа комсомольского секретаря будет выглядеть так: возможность общения с совершенно разными людьми; командировки, подготовка вопросов на бюро и конференции; чувство ответственности за предлагаемые решения; учеба в зональной и Высшей комсомольской школе; встречи с удивительными людьми, в том числе с теми, кто становился исследователями комсомольской истории; комсомольско-молодежные свадьбы, возможность поездок за рубеж по линии БММТ «Спутник» и отдых в молодежных лагерях ЦК комсомола. Это также ответы на многочисленные вопросы на встречах, в письмах, нередко решение конфликтных ситуаций (вот где проявлялись знания педагогики и психологии), умение убеждать и отвечать на сложные вопросы, в том числе политические (как молодежь может быть вне политики!), участие в акциях, проводимых комсомолом, студенческие строительные отряды...

До сих пор помню, как приехавшие на строительство в тайге железной дороги представители Азербайджана игнорировали наши настойчивые рекомендации использовать мази от комаров и как через несколько дней пришлось госпитализировать несколько человек, изъеденных этими кровопийцами. А еще — как отметили на концерте Полада Бюль-Бюль-оглы его 28-летие (возраст выхода из комсомола) вручением северных сувениров (с 2006 года он — Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в России).

Были ли в то время проблемы? Конечно, были. Это и усиливающееся авторитарное давление некоторых партийных руководителей, и стремление к массовости во всех делах (особенно «подгоняемый» рост школьного комсомола и стопроцентный охват пионерии), и постепенный зажим критики, особенно при вышестоящих проверяющих или просто коллег из ЦК (не выноси сор из избы!). А еще прорывалось доносительство, нашептывание, уходила открытая критика...

На юбилее Педмастерской гуманитарного факультета. 2017 г.

В 1976 году я вернулась в школу... Десять лет — снова заместителем директора, учителем не только русского языка и литературы, но и истории. В это же время — аспирантура в ЛГПИ — прекрасной ленинградской научной педагогической школе, и защита диссертации по теме, связанной с воспитанием старшеклассников на героических традициях советского народа. Кстати, научный руководитель Тамара Константиновна Ахаян одной из первых защитила диссертацию по проблемам школьного комсомола. Одним из своих учителей она считала Татьяну Ефимовну Конникову — ленинградского педагога, еще в 1950-х годах создавшего коллектив знаменитой 210-й школы. На кафедре работали великолепный дидактик Галина Ивановна Щукина, пионерский мечтатель Ксения Давыдовна Радина, осмысливающая опыт коммунарства Мая Германовна Казакина, внимательная заведующая кафедрой Зинаида Ивановна Васильева. Членом диссертационного совета был основатель коммунарства Игорь Петрович Иванов. И сегодня опыт ленинградской школы и уже новой — школы Российского государственного педагогического университета (Е.В. Титовой, А.П. Тряпицыной, Н.В. Седовой, С.А. Писаревой и других) мог бы быть востребован Российским движением школьников и другими детскими и молодежными общественными объединениями...

Несмотря на работу в школе, на то, что в семье росли двое детей, продолжала поддерживать контакты с комсомолом — работала в группе консультантов ЦК по вопросам патриотического воспитания. Особенно запомнились встреча в Минске на одном из семинаров и слова председателя Центрального штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, Героя Советского Союза, маршала авиации Сергея Игна-

тьевича Руденко в ответ на пожелание как-то ограничивать время для выступления ветеранов: «Слушайте их! Вслушивайтесь в то, что и как они говорят! Ведь с вами разговаривает История. Совсем скоро они уже не смогут так долго говорить в силу возраста. А пройдет еще время — и останется только Память! Слушайте солдат Великой Отечественной... Учитесь работать с ветеранами!»

Это напутствие несло для меня тот самый дух великой педагогики и трепетного отношения к людям старшего возраста. Как жаль, что сегодня прерывается эта связь времен и очень часто молодежь не только не воспринимает старшее поколение, но даже не понимает, почему нужно это общение поколений...

Защитив диссертацию, я продолжала работать в школе, но мои коллеги по институту настояли, чтобы я подала заявление на конкурс. Избрали старшим преподавателем, а вскоре — и доцентом кафедры педагогики и психологии. Только что вступивший в должность ректора сорокалетний Владимир Булатов (когда-то мы с ним работали в комсомоле) убедил, уговорил на один год возглавить факультет физической культуры. Деканство продлилось пять лет. А потом — участие в преобразовании института в Поморский педагогический университет. Создание экспериментального учебно-научного подразделения — Педагогической мастерской, начавшей одной из первых апробацию идей многоуровневой системы образования, а затем выросшей в гуманитарный факультет.

Удивительно, но лихие 1990-е позволяли заниматься творчеством, меньше всего думать о каких-то постоянных отчетах, спущенных сверху цифрах... Совсем недавно мы отметили наше 25-летие. И снова можно приводить судьбы моих выпускников, среди которых — не только школьные учителя и вузовские преподаватели, но и представители других направлений гуманитарной сферы: журналисты, специалисты по работе с молодежью, министр по делам молодежи и спорта...

Все эти годы опыт комсомольской работы, умноженный на общение со специалистами педагогических научных школ, помогал в работе со студентами.

Несколько лет назад, когда в области было создано региональное отделение Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Воспитанники комсомола — Мое Отечество», я стала его председателем. Эти несколько лет в преддверии 100-летия комсомола показывают, как важна сегодня (особенно для молодых) работа по ознакомлению с историей комсомола, ведь это часть истории страны. Надо уметь говорить с ними на их языке, но не все переводя на язык «краткости» и «инфо», надо убеждать власть предрежащих в величии (хотя и с трагическими страницами) XX века и самим не потерять веру в значимость того, что было сделано комсомолом...

Личные воспоминания, слова о тех, кого уже нет рядом с нами, история без фальсификации, преемственная связь поколений — это ценности, что помогают в современном бушующем мире. Деятельность комсомола — это одна из тех духовных скреп, о которых говорил президент. И как важно, чтобы слова и дела старших комсомольских поколений были поняты и развивались дальше. И как важны имена тех, кто помогал в твоём становлении, кто был товарищем, коллегой, сподвижником...

Лариса Федоровна Колычева

Первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома комсомола

Первый заместитель заведующего Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ

Консультант отдела по работе Советов Верховного Совета СССР

Делегат XV, XVII, XIX, XX съездов комсомола

Что в моей жизни комсомол? Это вся моя жизнь!

Вся моя сознательная жизнь связана со святым для меня понятием «Комсомол». Я думаю, что каждый, кто вплотную соприкасался с ним, поймет, какую дорогу по жизни мне посчастливилось пройти. Душа моя, сердце мое — неразрывный сплав с комсомолом. Заряд, полученный от работы в этой замечательной организации, является и будет являться постоянным источником энергии до скончания лет моих. Я — женщина и не могу без счастливых слез вспоминать свои первые шаги в комсомоле, встречи с юностью, нашу бескорыстную дружбу, когда мы были действительно единой семьей и приносили без оглядки на жертвенный алтарь свое спокойствие, благополучие, личные притязания на жизнь.

Родилась я в Приморском крае, в городе Тетюхе, сегодня он называется Дальнегорском, где папа работал на Сихотэ-Алинском горнообогатительном комбинате. Потом его перевели в Казахстан, в город Зыряновск, и там я пошла в школу. Была очень активной, меня избрали секретарем комитета комсомола и председателем совета школы. Это была новая форма самоуправления школы старшеклассниками. Директор школы и педагогический коллектив ни одного важного вопроса без нас не решали. После окончания школы с серебряной медалью пошла работать лаборантом в центральную химическую лабораторию Зыряновского свинцового комбината и вскоре уже была в составе комитета комсомола предприятия. Можно сказать, началось мое становление и закалка как личности с одновременным познанием реалий жизни. Потому что никакой другой фактор не дает молодому человеку столько, сколько работа в производственном коллективе, когда ежедневно приходится общаться с людьми разных профессий и возрастов, особенно с рабочими.

Так, постепенно приобретая опыт и завоевывая авторитет, начинала понимать свою роль и предназначение, пытаюсь определить скрытые во мне способности. Меня избрали заместителем секретаря комитета комсомола комбината, а затем — секретарем. Комсомольская организация не маленькая, более 900 человек, с правами райкома, большинство ребят — горняки, обогатители. Тут и пригодился уже наработанный опыт общения. Делала все от души, с энтузиазмом и удовольствием. Не могу не вспомнить золотое время начала семидесятых, грандиозных по тем временам состязаний двух комбинатов — Лениногорского полиметаллического и нашего Зыряновского, причем не только производственных, но и в рамках КВН тоже. Эти юморные баталии

показывало областное телевидение, едва только оперившееся. Тогда телевизоры еще были не у каждого, а мы — уже в эфире, на экране. Разве такое можно когда-либо забыть?! До сих пор, встречаясь с Володей Пономаревым, бывшим секретарем комитета комсомола наших соперников, с юмором вспоминаем наше состязание в КВН.

С непроходящим чувством восхищения, восторга и гордости за наше великое единение вспоминаю, как меня, в 1966 году делегата XV съезда ВЛКСМ, девочку из Восточного Казахстана, поздравляли с 20-летием все делегаты комсомольского форума.

Энергетика таких событий впитывается каждой клеточкой организма, остается на всю жизнь и вырабатывает иммунитет от всего плохого в человеческих отношениях. Я впервые оказалась в Москве, впервые увидела космонавтов и, конечно, домой уехала с автографами почти всех космонавтов — делегатов съезда комсомола. Никогда не забуду выступление на этом съезде гениальной Александры Николаевны Пахмутовой, тогда еще не обремененной регалиями и наградами, а молоденькой улыбчивой девушки, чьи песни уже полетели по стране и стали любимыми.

Она маленького роста, поэтому за трибуной стояла на скамеечке. Так совпало, что в этот день болгарская делегация преподнесла сюрприз — из Софии привезли гвоздики и каждому делегату вручили по цветку. А когда Александра Пахмутова выступила, то с задних рядов пошла волна гвоздик, и композитора буквально завалили цветами. Она стояла с огромной охапкой гвоздик и не знала, что делать.

К ней подбежал Александр Медведь — трехкратный олимпийский чемпион и многократный чемпион мира, Европы и СССР по вольной борьбе, в полном смысле великан, поднял ее на руки и с букетом понес с трибуны. Зал стоя провожал ее громом аплодисментов.

Вернувшись домой, я побывала на очень многих предприятиях области и захлеб рассказывала о своих впечатлениях о съезде. Молодежь слушала меня с большим интересом, задавала огромное количество вопросов.

В 1971 году меня избрали первым секретарем Зырянского горкома комсомола: здесь удалось сформировать работоспособный и умелый актив, и я продолжила нарабатывать первые навыки комсомольского вожака.

Я горжусь своей принадлежностью к Казахстанской республиканской комсомольской организации. Комсомол Казахстана славен многими своими делами — ударными комсомольскими стройками, молодежными овцеводческими бригадами, освоением целинных земель и миллионами пудов зерна в закрома государства. Всего не перечесть!

А разве можно забыть такие комсомольские дела, как шефство над Зайсанским и Курчумским погранотрядами?! Помимо материальной помощи и обустройства дальних застав, сколько комсомольцы вложили души в шефские связи с пограничниками, кто это может сегодня подсчитать?! За большой вклад комсомольцев области в укрепление нашей границы я была награждена медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР», удостоверение подписал Юрий Владимирович Андропов, и я этим очень горжусь.

Незабываемым было и республиканское совещание по вопросам участия молодежи в дальнейшем развитии овцеводства на базе Талды-Курганской об-

ласти, куда съехались представители всех союзных республик. В то время первый секретарь обкома комсомола Куаныш Султанов показал всем образец организации таких масштабных мероприятий и высший класс казахского гостеприимства!

Я всегда с большой теплотой и признательностью вспоминаю секретарей ЦК ЛКСМ Казахстана: Закаша Камалиденовича Камалиденова, Геннадия Васильевича Митрофаненко, Виталия Алексеевича Брынкина, своих коллег, первых секретарей обкомов комсомола — Шамшу Беркимбаеву, Геннадия Зайченко, Куаныша Алпысбекова, Славу Медведева, командира республиканского ССО Сашу Казакова, своих друзей по горкому и комитету комсомола — Хатиру Нугуманову, Валеру Ивенко, Любу Борисюк, Валеру Ферхо, Свету

Л.Ф. Колычева

Асанову, Валеру Доскалова и многих других, которые и сегодня всегда со мной рядом. Нас связывали настоящая дружба, уважение и поддержка друг друга.

Так сложилось, что я прошла все этапы комсомольской работы: пять лет в комитете комсомола Зырянковского комбината, в гуще рабочего коллектива, потом была первым секретарем горкома комсомола, затем — первым секретарем обкома, поэтому, когда меня утвердили заместителем заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, а чуть позже — первым заместителем, я к этому была уже готова. Тем паче что успешно окончила Академию общественных наук при ЦК КПСС. И у меня не было никаких проблем в общении с руководителями областных, краевых и республиканских организаций, поскольку я говорила с ними, что называется, на одном языке. И, конечно же, мне повезло на учителей. Многому научилась у первого секретаря обкома партии Александра Константиновича Протозанова, который умел работать с кадрами, мы все учились у него и брали с него пример.

С особой теплотой вспоминаю годы работы в отделе комсомольских органов ЦК под руководством Виктора Гавриловича Волчихина. Можно сказать, я перед ним преклоняюсь. Будучи большим профессионалом, он умел тихо, спокойно, не повышая голоса, и спросить, и подсказать, и посоветовать. Всегда очень интеллигентно и в то же время четко проводил все заседания, совещания, обсуждения. И это при том, что в отделе работали люди, имеющие большой опыт работы.

Отдел комсомольских органов — это сердце, мотор в ЦК ВЛКСМ, пусть не обижаются другие отделы, я очень уважительно отношусь ко всем. Но особая роль во взаимодействии с комсомольскими организациями республик, краев и областей принадлежит, конечно, орготделу, в котором я проработала более одиннадцати лет — это было неповторимое, счастливое время!

Лучшие представители комсомольских организаций страны были делегированы на работу в орготдел ЦК ВЛКСМ. Это люди высочайшего профессионализма, ответственности, честности, опыта работы на разных уровнях комсомольских организаций. Многие ребята отдела были рекомендованы руководителями других отделов ЦК ВЛКСМ, первыми и вторыми секретарями ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов комсомола для работы в загранучреждениях за рубежом, советниками ДОМА (Афганистан). До сих пор считаю, что мой отдел — самый родной, самый любимый, самый лучший! И сегодня я продолжаю дружить со многими моими коллегами — это Володя Попов, Володя Шугайло, Алла Фесенко, Виктор Стручков, Гена Скиданов, Володя Поляков, Валера Митькин, Света Сахарова, Гена Маранян и многие, многие другие.

Работая первым секретарем обкома комсомола и в орготделе ЦК, я часто общалась с первыми секретарями ЦК ВЛКСМ Евгением Михайловичем Тяжелниковым, Борисом Николаевичем Пастуховым и Виктором Максимовичем Мишиным. Я очень многому училась у каждого из них, они — высочайшие профессионалы, которые про комсомол знали все, могли и подсказать, и заставить работать, если нужно, не унижая человеческого достоинства. Каждый из них немало вложил в мое становление, профессионализм, умение работать с молодежью и понимать ее потребности.

Это были лидеры молодежной организации страны, и сегодня они остаются во главе нашей Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Воспитанники комсомола — Мое Отечество» и Международного оргкомитета «Комсомолу—100». Мы их, любя, уважительно называем между собой «наши вожди».

Хочу обязательно помянуть добрым словом Владимира Ивановича Федосова. Интеллигентный, очень совестливый и искренне преданный комсомолу человек. Я думаю, что он даже мысли не допускал о том, что кого-то можно, зачастую справедливо, обругать. Всегда находил мягкие, тактичные слова, чтобы подсказать или поправить ситуацию. Столько энергии, знания, умения поддержать разговор, юмор и сердечность и какое-то врожденное желание помочь ближнему и не очень ближнему. И, что удивительно, при этом — быстро и четко решать все вопросы. Если он был не очень компетентен, скажем, в вопросах искусства, он не стеснялся проконсультироваться у профессионалов, прежде чем озвучить просьбу или предложение. Как сегодня при подготовке уже традиционных праздников и других мероприятий нам его не хватает! Не хватает его опыта, умения, улыбки, которые создавали настроение, помогали и поддерживали многих в трудные минуты жизни.

Он очень рано ушел. И очень быстро. Потому что ему некогда было «прислушиваться» к своему здоровью, он жил не своими интересами, он больше интересовался самочувствием и здоровьем друзей и стремился им помочь. Когда же ему самому потребовалась помощь, было уже поздно.

Наша комсомольская юность — замечательное и удивительное время! Молодежь имела свою организацию, была востребована на самых важных участках развития народного хозяйства нашей страны. Мы формировали и отправляли эшелоны добровольцев на строительство БАМа, на освоение Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса и другие ударные стройки

страны. А шефство комсомола над детскими домами?! В то время над каждым детским домом шефствовала какая-нибудь комсомольская организация.

Добрая дружба связывала комсомол с нашими любимыми космонавтами, и эта дружба продолжается по сей день. У меня очень теплые отношения с семьей космонавта Валентина Лебедева, дважды Героя Советского Союза, талантливого ученого, члена-корреспондента РАН.

Я постоянно поддерживаю связь с моими комсомольскими коллегами в нашей стране и странах ближнего зарубежья.

Сегодня комсомольской организации больше не существует, но моя душа осталась комсомольской. Я — счастливый и богатый человек! Говорят, что друзей много не бывает, а у меня их очень много! В каждом уголке нашей необъятной Родины, бывшего Советского Союза, у меня есть друзья! Жизнь моя — это комсомол, и комсомол — это моя жизнь!

Л.Ф. Кольчева

Вячеслав Всеволодович Копьев

Первый секретарь Московского горкома ВЛКСМ

Второй секретарь ЦК ВЛКСМ

Старший вице-президент ПАО «АФК «Система»

Президент Союза регбистов России

Есть стимул — будет результат

Я родился и вырос в Москве, на Пресне, в районе площади Восстания, напротив школы, в которую мечтал пойти с самого раннего детства и все время спрашивал у родителей: «Когда меня отдадут в школу?» А все потому, что она была с... пожарным уклоном и после ее окончания выпускники получали еще и профессию пожарного. Во дворе школы была красная пожарная машина, и золотые каски были очень красивые, и мне это все очень нравилось.

Но к моменту поступления, это было в 1961 году, Н.С. Хрущев решил, что все российские дети должны знать английский язык, и моя школа была перефилирована на изучение английского. Для меня, ребенка, это было жуткой травмой. Правда, потом стало интересно и учиться, и жить... На Пресне был знаменитый Дом пионеров им. Павлика Морозова, в котором было много разных кружков и секций, и все ходили туда заниматься. Я был очень активным пионером, и меня избрали председателем пионерского штаба Пресненского района. До сих пор помню секретаря Краснопресненского райкома комсомола Люсю Ананьеву, которая курировала пионерию и все время возилась с нами. Мы ходили в походы, что-то вырезали и выжигали на деревянных досках, рисовали, занимались спортом, даже организовали первый вокально-инструментальный ансамбль в Москве. Я не буду называть фамилий, но многие из тех, кто считается основоположниками российской рок-музыки, учились в нашей школе.

Ну а потом я стал студентом МИФИ. Отец у меня был инженером, работал в системе высшей школы. Я же очень увлекался историей, но дед (он был историком) сказал, что все-таки надо иметь более надежную профессию: «Так что поступай лучше в технический вуз!» Я и поступил в МИФИ, один из самых престижных вузов.

Каждый, кто поступал в МИФИ, мечтал стать лауреатом Нобелевской премии. В те годы это было как бы обязательным условием поступления. Окончив институт, был принят в аспирантуру, моим научным руководителем стал Вячеслав Афанасьевич Горбатов, профессор, доктор наук, один из лучших советских ученых, занимавшийся теорией графов. Он помог определить тему диссертации: «Структурная функциональная декомпозиция организации устройств промышленной автоматики с использованием булевой коалгебры графов».

Очень рано, уже на третьем курсе института, меня приняли в члены партии, и я стал членом комитета комсомола института. Когда до защиты диссертации оставалось не больше года, вдруг вызывают в Красногвардейский райком партии и предлагают поработать в райкоме комсомола. Принимать это

предложение было тяжело, ведь впереди — защита диссертации, а с этой должностью резко менялась вся моя жизненная установка. Но, как тогда говорили, если партия сказала «надо», комсомол ответил «есть». И меня избрали вторым секретарем райкома комсомола. Диссертацию все-таки удалось защитить, и меня как одного из самых молодых кандидатов наук «вытащили» в городской комитет комсомола, там я полтора года проработал заведующим отделом научной молодежи, после чего, по настоянию нашего замечательного Красногвардейского райкома партии, вернули обратно и избрали первым секретарем райкома комсомола, где я отработал четыре года. А позже был избран секретарем МГК ВЛКСМ и курировал студенчество и науку.

Потом меня утвердили на должность заведующего отделом научной молодежи ЦК ВЛКСМ, который, по веянию времени, был переименован в отдел научно-технического творчества молодежи. В 1989-м снова вернулся в горком комсомола в качестве первого секретаря, а в 1990-м был избран вторым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Получилось так, что в комсомоле — с 1978 по 1991 год — я все время был связан с научной молодежью, со студенчеством.

Это была очень интересная работа — студенческие строительные отряды, студенческие научные общества, создание системы НТТМ — научно-технического творчества молодежи, одним словом, новые экономические механизмы, новые веяния в жизни.

Можно привести массу примеров очень известных предпринимателей, чья биография начиналась в центрах научно-технического творчества молодежи. Но это не только центры НТТМ, это и выставки, которые проводились не только в Советском Союзе, но и во многих странах (кстати, мне довелось тогда стать участником выставки в Японии).

Для меня работа над созданием НТТМ — один из самых интересных периодов в моей жизни.

Надо сказать, что здесь колоссальную роль сыграл Иосиф Николаевич Орджоникидзе, когда был секретарем ЦК ВЛКСМ. Колоссальной энергии человек, убежденный и умеющий правильно мыслить и формулировать задачи. Вообще в любом деле, с моей точки зрения, 95 % успеха — это умение правильно сформулировать задачу, потому что, если она не сформулирована, ты никогда не поймешь, что же надо делать. Это проблема очень многих и людей, и организаций, и даже иногда стран. И Иосиф Николаевич сыграл ключевую

Вячеслав Копьев — первый секретарь МГК ВЛКСМ

роль в развитии НТТМ. Проводились выставки на ВДНХ, в которых участвовало большое количество молодых ученых, специалистов, конференции студенческих научных обществ и так далее. И первые мои научные публикации были как раз на таких студенческих научных конференциях. Огромная заслуга комсомола, что у молодого человека была возможность реально доложить о своих научных результатах не просто на семинаре на кафедре, а на всероссийских, всесоюзных конференциях, это давало мотивацию продолжать заниматься научными исследованиями. Можно говорить о том, что долгие годы технологически СССР отставал от Запада, но научная мысль у нас всегда работала с опережением. В нашей системе образования очень много закладывалось такого, что позволяло успешно реализовывать себя в жизни.

Постепенно, шаг за шагом, стала формироваться система новых центров, новых экономических механизмов деятельности по развитию научно-технического творчества. По инициативе ЦК ВЛКСМ было принято специальное постановление Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии движения научно-технического творчества молодежи, были предоставлены и реализованы механизмы, которые в принципе отличались от достаточно негибких механизмов экономического развития, существовавших в советской экономике.

Наши ученые относились к этому по-разному, потому что фактически исчезли нормативы по фондам оплаты труда и так далее. С другой стороны, я считаю, что основной принцип социальной справедливости, социализма — от каждого по способностям, каждому по труду — очень хорошо реализовывался как раз в этой схеме. Заработал — получи. Поскольку все эти тарифные планы, нормативы зачастую просто не учитывали реального вклада или реальной активности людей, будь то ученый, или рабочий на заводе, или человек, занимающийся сельским хозяйством. Короче, это был совершенно новый прорыв, наряду с такими вещами, как студенческие отряды, которые уже существовали давно, и я нигде в мире не знаю более массового движения. Конечно, никогда не забудутся пять лет летних студенческихстроек. Я каждый год ездил, был и командиром, и лучшим командиром студенческого отряда. Помимо возможности показать себя и романтики были и экономические причины, была возможность очень хорошо заработать летом, чувствовать себя независимым и вообще самостоятельным человеком. Наряду с этим появившиеся, я бы сказал, два коренных столпа: молодежно-жилые комплексы и НТТМ — были первыми и совершенно новыми механизмами новой экономики. Другое дело, что, может быть, они были не до конца правильно оценены и правильно развиты. Вот это я отношу и к своим недостаткам, и к тому, что, быть может, тогда в этом направлении кое-чего не доработал. Ну, не только я, все мы. Был принят закон о кооперативном движении, хотя вообще-то кооперация была создана еще в царской России, в XIX веке. Следовало просто обеспечить условия, позволяющие, так сказать, реанимировать ее, а не придумывать что-то заново. Но у нас имелись предпосылки и возможности для того, чтобы избежать этого «дикого капитализма» 1990-х годов, если бы правильно были использованы, развиты и трансформированы механизмы, созданные в рамках уже существующих экономических условий. Под них нужно было менять экономические условия, а не разом отрицать все, что было до этого. Дикий, ничем не ограниченный

Секретари МГК ВЛКСМ. Слева направо сидят: Алексей Борзов, Борис Пастухов, Юрий Дмитриевич Машан, Виктор Петрович Трушин, Виктор Мишин. Стоят: Александр Артемьев, Вячеслав Копьев, Станислав Смирнов, Александр Горбачев

принцип личного обогащения напоминает бухаринский тезис 1920-х годов — «Обогащайтесь». Все равно рамки были необходимы, и они были отработаны и предложены обществу, но, к сожалению, соответствующего результата не получилось. Может быть, в силу того, что шаги по их представлению на суд населения нашей страны оказались слишком робкими. Но тем не менее время было интересное, проекты были самые сумасшедшие, начиная от дирижаблестроения, которое тогда мы пытались развить для массового использования во время посевных работ в сельском хозяйстве, транспортировки тяжелых грузов в места, где нет аэропортов и дорог, и так далее. Кстати, сейчас к этой идее многие возвращаются, поскольку это более дешевый вид транспорта, не требующий энергетических затрат, как раз идеальный способ решения проблемы сообщения между малыми городами.

Много было интересных проектов, связанных именно с научно-техническим творчеством молодежи. У меня остались кое-какие сборники тех времен, листаешь и думаешь: боже мой, если бы что-то из этого было все-таки доведено до конца и реализовано, может быть, у нас многие вещи сегодня по-другому были устроены. Но, как говорится, жизнь есть жизнь...

Это, наверное, был самый интересный период для меня. Ну, конечно, нельзя не вспомнить ударные комсомольские стройки. На многих довелось по-

бывать, прежде всего — на БАМе. Там работали действительно героические люди, да с каким настроением, с каким блеском в глазах!

Иногда доводится слышать не самые лестные слова о комсомоле — правда, с каждым годом все меньше и меньше. Мне кажется, такое говорят люди, которым не повезло поучаствовать во всех этих делах и свершениях, и у них, наверное, осталось какое-то чувство обиды. Девяносто процентов начинаний, таких как ударные комсомольские стройки, НТТМ, были основаны именно на увлеченности молодых участников этих процессов. А комсомол, как я считаю, просто помогал все это оформить и организовать.

Конечно, есть примеры гениев-одиночек и в творчестве, и в науке — прежде всего. Но все равно, как правило, грандиозные исследования или изобретения — это результат большого коллективного труда...

Я поддерживаю отношения со многими своими ребятами, с которыми мы учились вместе. Кто-то из них работает в МИФИ до сих пор, преподает, кто-то — в научной сфере, кто-то ушел в бизнес... Каждый человек, который был активен в институте и потом в научной среде, в той или иной форме все равно был связан с комсомолом, потому что комсомол давал механизмы и возможности для самореализации.

Очень значимо было получить премию Ленинского комсомола за научную работу. Когда наши коллективы молодых ребят получали премии Ленинского комсомола или Московского комсомола, в институте это становилось настоящим событием, которому придавалось особое значение. Сегодня мы только ищем, только подступаемся к каким-то инструментам, которые развивали бы творческую молодежь. Например, сейчас АФК «Система» пытается сделать такую программу — «Лифт в будущее», основываясь на прежнем опыте. Но, к сожалению, это возможно только тогда, когда существует единая общегосударственная система, потому что эти советы (я сам был членом многих советов) были абсолютно неформальными организациями, куда не назначали людей, а избирали тех, кто может что-то придумать, скреативить — идею какую-то, какой-то проект, может быть, формат новый или еще что-то. Я помню наши городские и региональные конференции молодых ученых специалистов по отраслям. То, что сейчас называется «мозговым штурмом». Все, что сегодня пытаются организовать с точки зрения развития научно-технического творчества молодежи, — это на самом деле форматы, которые были давно реализованы. Просто тогда это была целая система, которая тебя вела по всем этим, что называется, этапам, а сегодня — всего лишь какие-то разрозненные элементы, не соединенные воедино, отсюда и все проблемы.

В чем было принципиальное отличие, в чем плюс советского образования по сравнению с зарубежным и с нашим сегодняшним образованием? Известное правило «буковки «Т»: у нас не всегда была вертикальная ножка высокой, зато горизонтальная широкой, дававшей людям возможность стратегически смотреть на ситуацию, оценивать перспективы. А если тебе нужно было что-то изучить глубоко, то всегда эту вертикальную можно было увеличить. Сейчас же (на Западе это было всегда) преобладает эта вертикальная составляющая «Т». Встречаешься с человеком, а он, кроме своей, условно говоря, «норки» ничего не знает... Я был на международных конференциях, то есть глубоко изучал там систему, предположим, теорию графов, но при этом и другие спо-

события магматического системного анализа мне были доступны, потому что образование МИФИ давало очень широкий спектр возможностей. А мои коллеги из других стран, которые все знают, предположим, про господина Эйре, про раскраску графов или почему там три краски, а не девять, и так далее, хорошо знают всю механику этого процесса, но не могут даже сказать, зачем это нужно, оптимизация каких процессов, в том числе и технологических, возможна с использованием этого теоретического механизма. И думаешь: господи, человек же может на этом Нобелевку получить, но зачем? То есть человек должен иметь какую-то мотивацию. Это был большой плюс советской системы образования. От нее сейчас отказались, просто взяв другой механизм, который тоже, наверное, имеет право на жизнь, но именно советская система образования давала больше возможностей не только для общества, не только для страны, но и для конкретного человека, потому что обеспечивала вариативность выбора. Человек мог позволить себе совершенно по-другому смотреть на ситуацию, оценивать ее, делать выводы. Не все выводы были правильны, что показал 1991 год, но это уже другая история...

Кстати, года два назад мы создали организацию, которая называется МГК. Она объединяет людей, активно участвовавших в жизни Московской городской комсомольской организации, состоявших в советах молодых ученых и специалистов, тех, для кого лучшие молодые годы жизни были связаны с организацией, позволявшей реализовать себя, если у человека действительно было желание сделать что-то полезное для своего поколения, своей страны.

Разные были этапы в жизни страны, как и у каждого человека, но в моменты, которыми принято гордиться, комсомол всегда играл значительную роль. Энергия молодости всегда, с моей точки зрения, довлела над какими-то там политическими амбициями. Люди просто стремились делать что-то полезное и правильное.

И хотя, конечно, мы все постарели и молодость вспоминается с некоей ностальгией, у нас есть очень много ребят и девушек, комсомольцев 1980-годов, есть свой сайт, они активно участвуют в жизни этой организации, готовятся к ее 100-летию. Я считаю, что комсомол очень много сделал для становления страны и на определенных этапах во многом соответствовал, с моей точки зрения, лучшим представлениям...

Александр Иванович Куприянов

Секретарь комитета комсомола школы-интерната поселка Мара Николаевского района

Хабаровского края

Ответственный секретарь газеты

«Комсомольская правда»

Главный редактор газеты «Вечерняя Москва»

Годы гордости и радости

После распада Советского Союза многие бросились пересматривать нашу историю, осуждать и бранить то, что было в прошлом, в том числе и комсомол.

Я свою работу в комсомоле и с комсомолом не пересматривал и пересматривать не буду. Чем больше живешь, тем больше видишь и понимаешь — все попытки обвинить комсомол в том, что в нем было много бюрократии, формализма, чванства и прочих пороков, — все это глупость и незнание его истории. Да, был и формализм, да, были и карьеристы, и не очень умные секретари комитетов комсомола на разных уровнях, но ведь это не главное. Подобное есть и будет в любом обществе, от этого никуда не денешься. Я не собираюсь заниматься приглаживанием, приукрашиванием того времени, но я хорошо знаю и другой комсомол, настоящий, поскольку многие годы был с ним связан — работал собкором на БАМе, заместителем главного редактора в хабаровской молодежной газете, к тому же лично участвовал в строительстве БАМа.

Комсомол для меня начался с того времени, когда в сельской школе я поступил в комсомол, а уже позже, когда стал учиться в школе-интернате, меня избрали секретарем комитета комсомола школы. Я собирал взносы, ездил в Николаевск, где отчитывался в горкоме комсомола, меня и на пленумы приглашали.

Я был, можно сказать, таким молодым задорным комсомольцем. Писал стихи, рассказы, даже печатался. И уже тогда учился общаться с людьми, в чем-то убеждать их, решать какие-то вопросы. И все другие, кто проходил школу комсомола, — тоже, ведь не случайно в условиях постсоветского периода огромная армия людей, пришедших в управление, ставших руководителями фирм, губернаторами и мэрами и в конечном счете предотвративших распад России, были связаны с комсомолом.

Комсомол был прежде всего школой управления. Помимо различных фестивалей, организации вечеров отдыха, военно-политических слетов, «Золотой шайбы» и «Кожаного мяча», песен и плясок у костров была и большая организационная работа, были ударные комсомольские стройки, студенческие строительные отряды, «Комсомольский прожектор»... Люди, которые работали в комсомоле, начиная с инструктора райкома до первого секретаря обкома или крайкома, учились догмам управления — решать многое и уметь брать на себя ответственность.

Сегодня, поскольку идет смена поколений, к нам приходят молодые люди, получившие образование в Оксфорде, Гарварде... У них высокие IQ, у них сер-

тификуты и лицензии. Смотришь на такого и думаешь: «Как хорошо, вот пришел человек, который может помочь!» Но как только дело доходит до практики, он, оказывается, ничего не может. Я их называю «поколение ИБД» — имитаторов бурной деятельности. В отличие от моих друзей-комсомольцев и вожаков, которых я хорошо знал и с которыми поддерживаю отношения и сегодня. Володя Зюкин, нынче уже Владимир Михайлович, — первый секретарь Хабаровского крайкома комсомола, а позже — первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Талантливый, умный человек, он не боялся брать на себя ответственность, принимая те или иные решения в больших делах и при воплощении этих решений в жизнь.

Несмотря на молодость и энтузиазм, желание отдохнуть и повеселиться, мы четко знали: делу — время, потехе — час. Но этот «час» тоже умели проводить. В памяти каждого из нас — курьезы, шутки, розыгрыши, и, собираясь вместе, мы часто их вспоминаем как яркое подтверждение того, что комсомольцы в любых ситуациях умели находить выход. И в самых нелепых, а главное — в серьезных делах.

Помню, в конце 80-х годов, когда я уже работал в «Комсомольской правде» ответственным секретарем, проводился фестиваль комсомольской прессы в Грузии. Мы поехали туда от «Комсомолки» представительной делегацией. Возглавлял ее Валерий Петрович Симонов, мой хороший друг и земляк, он из Читы, работал там главным редактором молодежной газеты, потом его взяли в отдел пропаганды ЦК комсомола и уже оттуда перевели заместителем главного редактора.

Так вот, каждой газете или журналу были предоставлены шатры, где устраивались выставки и встречи... Наконец наступил день торжественного открытия фестиваля во Дворце молодежи Грузии, на котором должны были присутствовать все приехавшие делегации. Мы стали собираться. А надо сказать, что наш Валера Симонов был большим аккуратистом, воплощением элегантности. Вырядился он в классный чешский костюм небесно-голубого цвета — ну красавец прямо! Одним словом, едем мы в автобусе на фестиваль, и люди из ЦК комсомола Грузии, которые нас принимали, говорят: давайте заедем по дороге кое-куда, перекусим, выпьем, ну, как обычно принято у грузин.

А.И. Куприянов. БАМ. Дуссе-Алиньский тоннель. Май 1975 г.

Заехали в одно местечко — кругом горы, грузинский пейзаж, погода отличная, стол, шашлыки. Симонов в своем небесно-голубом костюме. Он, как руководитель делегации, начинает произносить тост под хорошее вино. В это время шашлычник несет шашлыки на подносе, а на краю его стоит большая пиала с ткемаливым соусом. Валера продолжает говорить, и тут шашлычник вдруг обо что-то спотыкается, поднос, что называется, идет юзом, и пиала с красным соусом падает на Валерку. И не на голову, не куда-то еще, а прямо на голубой костюм. Мы все стоим в ужасе, Валера тоже глаза выпучил, но переживал он вовсе не из-за костюма. Сейчас же должно состояться открытие фестиваля, и на нем будет присутствовать Виктор Иванович Мироненко, первый секретарь тогдашнего ЦК комсомола, к которому мы все очень уважительно относились. (Вообще хочу сказать, сколько помню первых секретарей — В.М. Зюкин, В.И. Мироненко, Б.Н. Пастухов, — все они были интеллектуальные люди, большие умницы, люди, которые могли что-то и предлагать, и делать.) Так вот поворачивается Валера ко мне и говорит: «Сань, что делать будем, где взять другой костюм, рубашку?» И тут водитель, который нас возил, предлагает свою бурку — она у него в автобусе лежала. Я ему киваю: «Давай быстро бурку, посмотрим!» Он достает ее — длинную, почти до пят, но... господи, где она только не побывала! Наверное, и в саклях ночевала, и на сеновалах, и реки переплывала — столько на ней было мусора, соломы и пылищи! Взались мы приводить ее в порядок, вычистили как смогли. Надо заметить, что дело было, как помню, не то поздним летом, не то ранней осенью — одним словом, очень жарко. Но Валера все равно нарядился в эту штуку — а куда деваться? — и мы отправились дальше. Надо было продержаться на открытии хотя бы первые пятнадцать—двадцать минут, а потом уже можно было съездить в гостиницу и переодеться.

И вот, как говорится, «картина маслом»: мы заходим во Дворец молодежи, и в это же время появляется Мироненко — как всегда, одет с иголки, чистый, выбритый, красивый. Смотрит на нас и говорит: «О! «Комсомолка»! Ну, «Комсомолка» никогда не обойдется без того, чтобы что-нибудь не придумать», — и прошел мимо нас в зал. Мы облегченно выдохнули. Бедный Валера так и присидел почти до окончания мероприятия в этой бурке.

Вот такие смешные эпизоды, шутки, дружеские розыгрыши постоянно сопровождали нас в нашей комсомольской работе, ведь все мы были молодые, задорные, полные энтузиазма и любви к жизни.

Но с течением времени оказалось, что участие в молодежной организации — быть может, и политизированное, и идеологизированное — заменить нечем. Лично для меня — только лишь творчеством. Я писал книги, издавал романы, получал литературные премии, работал в «горячих точках»... И это ощущение молодости и радости от работы в комсомоле не забудется никогда. Как не забудется и наше комсомольское дальневосточное братство, когда первый секретарь Кировского райкома комсомола Володя Поликанов буквально спас меня на заседании партийной комиссии от позора — сейчас он генерал в отставке, долгие годы работал за границей...

Или же главный редактор партийной газеты Анатолий Константинович Бронников. Он как-то вызвал меня к себе и говорит: «Надо в партию вступать. Ты как?» — «Ну, меня вообще-то из комсомола исключали, — осторожно отве-

чаю я, — были там кое-какие прегрешения...» А он только рукой махнул: «Все нормально, давай!»

Прихожу на заседание партийной комиссии. Сидят в комиссии старички и говорят: «Ну что, все хорошо, но вот тут у него комсомольский строгий выговор с занесением в учетную карточку за политическую близорукость и беспринципность». А такой выговор действительно был в свое время. В 1968 году мы издавали студенческий журнал — как потом оказалось, подпольный. Я из него вскоре вышел, потому что со многим был не согласен. Я вообще родом из семьи, где дед был каторжанин, большевик, партизан и так далее, поэтому мировоззрение у меня было совсем другое, но поначалу все же принимал участие в выпуске этого журнала, за что и «поплатился».

В комнате воцарилась тягостная тишина, и Володя Поликанов понял, что все, кирдык, не пройду я ни в какие кандидаты. А его отец — Герой Социалистического Труда Иннокентий Поликанов, из моей деревни, где я родился и вырос, в Николаевске открывал рудные залежи золота. И совсем недавно, года два-три назад, мы туда ездили с Поликановым, открывали мемориальную доску в честь его отца. Он вскочил: «Ну, вы понимаете, да, было. Но он — сын капитана и учительницы, воспитывался в интернате. Бывают ошибки в молодости. Александр все понял, исправился». Короче говоря, отстоял меня.

От смешного до трагического, от печали до радости, от счастья понимания жизни, мироощущения до каких-то серьезных выводов — все это проходили в комсомоле. И я бесконечно рад, что до сих пор сумел сохранить отношения почти со всеми своими комсомольскими друзьями.

Эти комсомольские годы выстроились по моей жизни — и репортерской, и бамовской, и северной (я на Севере работал — собкором «Комсомольской правды» в Магаданской области) — в некую удивительную картину, до сих пор вызывающую во мне ощущение какой-то особой гордости и радости

Нурали Хайдарович Курбанов

*Первый секретарь ЦК ЛКСМ Таджикистана,
член Бюро ЦК ВЛКСМ*

*Директор института экономико-правовых основ
недропользования Российского государственного
геолого-разведочного университета им. Серго
Орджоникидзе, доктор экономических наук, профессор*

Нашел слова — решил проблему

В 1968 году вступил в комсомол, и вскоре на общем собрании комсомольской организации меня избрали секретарем первичной ученической комсомольской организации. Так началась моя комсомольская биография.

Начал активно заниматься комсомольской работой среди учеников средней школы № 25 Кумсангирского района Республики Таджикистан. Впервые за активную общественную и комсомольскую работу получил первую денежную комсомольскую премию в размере 15 рублей — в то время для ученика это были хорошие деньги.

Осенью 1972 года был призван в ряды Советской армии, служил в городе Николаеве в войсковой части № 48413 в 9-м зенитно-ракетном дивизионе, где и начался второй этап моей комсомольской жизни. Армейский комсомол открыл новую страницу в моей комсомольской биографии. Я активно занимался комсомольской работой среди солдат дивизиона.

Хочу вспомнить из армейской жизни один случай. По приказу командира нашего дивизиона майора Виталия Алексеевича Смалько неожиданно для всех солдат было объявлено построение. Дав соответствующие команды, командир вдруг приказал расстегнуть гимнастерки и начал проверять, что находится в карманах солдат. Подойдя ко мне, из правого кармана он вынул мой военный билет, а из левого вынимает... Устав Коммунистической партии Советского Союза. Окинул меня своим командирским взглядом и сказал: «Сержант Курбанов, после построения зайдите ко мне». Таким образом я встретился с ним один на один. Он стал интересоваться, почему у меня в кармане находится Устав КПСС. Я ответил, что хочу быть честным гражданином своей страны. Тогда он порекомендовал мне вступить в партию, а для этого как можно скорее написать заявление о вступлении кандидатом в члены КПСС. Я подал заявление, и меня в декабре 1973 года приняли...

В феврале 1974 года на общем комсомольском собрании дивизиона меня избрали делегатом на Всеармейское совещание секретарей комсомольских организаций, которое проходило 13—14 марта в Москве.

В связи с этим хочу рассказать об одном интересном эпизоде: перед выездом в Москву нас собрали в штабе 8-й отдельной армии ПВО в Киеве (именно эта армия защищала рубежи Советской Украины), и в этой встрече принимал участие командующий армией, дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Владимир Дмитриевич Лавриненков. Он посмотрел на всех присутствующих и сказал: «Что же у нас получается: из нашей армии ПВО на совещание едут в Москву из 18 делегатов 17 помощников начальников полит-

отделов по комсомольской работе, то есть офицеры, и только один солдат срочной службы — Нурали!» Вот так я, простой солдат, попал в Москву.

Всеармейское совещание проходило в большом зале Кремлевского дворца. Перед участниками совещания выступал министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Гречко Андрей Антонович, Главнокомандующий войсками ПВО СССР, Маршал Советского Союза Батицкий Павел Федорович и другие.

Здесь я получил первую высокую комсомольскую награду — Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ. По возвращении из Москвы меня возили по всем дивизионам войсковой части № 48413, я выступал перед солдатами и офицерами в городе Николаеве и рассказывал об итогах работы Всеармейского совещания секретарей комсомольских организаций.

В ноябре 1974 года меня демобилизовали из Вооруженных сил СССР. Вернувшись в свой родной район, встал на воинский учет, а для постановки на партийный учет пошел в районный комитет партии. Завсектором учета райкома партии говорит: «Надо вам зайти к заворготделом райкома партии Манановой Назакат Фозиловне». После встречи с ней (по ее же совету) я отправился к первому секретарю райкома комсомола Зулматову Кобилу Усмановичу. Во время беседы он предложил мне работать в райкоме комсомола, на что я ему ответил, что учусь на 1-м курсе Политехнического института и хотел бы работать по профессии, строителем. Он ответил: «В строительстве успеете поработать, а сейчас партия направляет вас на работу в комсомол. Поскольку вы молодой коммунист, мы считаем, что вы принесете больше пользы обществу, работая в комсомоле».

Внутренне я не совсем был готов к этому предложению, так как не имел образования и хотел работать по специальности. Но, несмотря на это, 9 декабря 1974 года состоялось заседание бюро райкома комсомола, где меня утвердили инструктором орготдела. После заседания бюро, в этот же день, вместе с заворготделом РК комсомола Иномджоном Султановым зашли в его кабинет, он мне показал несколько папок и предложил с ними ознакомиться. Спустя некоторое время, просматривая документы, я задал ему вопрос:

— Иномджон Султанович, откуда вы все это берете? Или переписываете?

На что он мне ответил:

— Слушай, Нурали, пол видишь? — и показал пальцем вниз.

— Да.

— Потолок видишь? — улыбаясь, показал на потолок.

Н.Х. Курбанов

— Да.

— А все остальное — из головы! — и указал пальцем на свою голову.

Еле дождавшись окончания рабочего дня, я быстро ушел и в течение недели на работу не возвращался. На 6-й день ко мне домой, а мой дом расположен в 30 километрах от райцентра, приехал первый секретарь райкома комсомола К.У. Зулматов и, естественно, говорил об ответственности, посоветовал завтра вернуться на работу, потому что если направила партия, то во что бы то ни стало необходимо выполнять ее поручение.

На следующий день я вышел на работу в райком.

В 1975—1976 годах по решению ЦК ВЛКСМ проводилась большая политическая кампания — обмен комсомольских документов. В 1976 году меня назначили заворготделом, а в 1977 году избрали вторым секретарем райкома комсомола.

Кумсангирский район граничит с Афганистаном. В районе проводилась большая работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Вспоминается один интересный случай. Когда к нам приехали представители Государственного комитета по физической культуре и спорту СССР и ЦК ВЛКСМ изучать работу общественных организаций по развитию физической культуры в районе, нас, представителей общественности, собрали в исполкоме. Во время встречи представитель Спорткомитета СССР задал вопрос:

— Кто здесь председатель комитета по физической культуре?

— Я, — ответил председатель Спорткомитета района Мададбег Бегов.

И уже ему задается вопрос:

— Как у вас организовано плавание?

— У нас в районе, когда дети рождаются, народная традиция, они плавать учатся раньше, чем ходить.

Конечно, такой ответ рассмешил участников совещания, и задан был следующий вопрос:

— А все-таки как у вас организуется плавание?

В ответ Мададбег Бегов сказал:

— У нас в районе нет стандартных плавательных бассейнов, а все мероприятия по плаванию проводятся на естественных водоемах.

— У меня больше нет вопросов, давайте посмотрим ваши естественные водоемы, — проговорил представитель Спорткомитета.

Мы показали им эти водоемы. В то время таких спортивных объектов строилось мало, а у нас других возможностей не было.

В октябре 1979 года меня пригласили на работу в ЦК ЛКСМ Таджикистана на должность инструктора отдела комсомольских организаций и назначили куратором по Ленинабадской области. Во время оформления документов в сектор по учету кадров неожиданно зашел второй секретарь ЦК комсомола Таджикистана Борислав Борисович Мещанинов и, обращаясь к завсектором по кадрам ЦК комсомола Лилии Акимовне Яковлевой, поинтересовался:

— Вы знаете, кто перед вами стоит?

— Да, Нурали, — ответила Лилия Акимовна.

— Это будущий первый секретарь ЦК комсомола Таджикистана, — сказал Борислав Борисович, похлопывая меня по плечу.

И это его предсказание сбылось спустя десять лет!

Это назначение давало мне возможность многому научиться: другая среда, другая культура, другие отношения. Знакомство с новой комсомольской организацией, работа в ней открывали для меня новые горизонты. Здесь я познакомился с замечательными людьми, комсомольскими лидерами. Это Мамаджон Хамидов, Ином Мухамедович Умаров, Ахмаджон Кабылов, Набижон Юлдашев и многие другие.

В связи с этим хочется вспомнить один случай, произошедший со мной.

В одной из поездок, которая оказалась для меня последней в эту область в качестве куратора, меня тревожило одно обстоятельство: уже три месяца я нигде не мог найти свой партбилет. В голове была только одна мысль: потерять билет я мог только в городе Ура-Тюбе. Поехал туда, спрашивал о документе у работников гостиницы, но получал лишь отрицательные ответы. Пришлось возвращаться в Душанбе ни с чем. Подъезжая к городу, думал, куда лучше пойти сначала: либо сразу в ЦК, либо в общежитие, чтобы еще раз поискать свой партийный билет, а потом уже в ЦК. Решил заехать в общежитие, настроение было никакое, потому что от наличия партийного билета зависела моя судьба. Зайдя в свою комнату, вытряс из чемодана все, что там было, и вдруг вместе с другими бумагами падает та самая красная «корочка». Я не поверил своим глазам. От счастья, что нашел билет, не мог удержаться и отправился в ресторан, где достаточно крепко отметил свою находку. На следующий день утром захожу в ЦК, где меня уже ждал второй секретарь ЦК комсомола Александр Тимофеевич Уваров. Он сообщил, что меня направляют на работу первым секретарем Колхозобадского райкома комсомола. Там я шесть лет возглавлял районную комсомольскую организацию.

Для меня был дар судьбы — возглавлять эту организацию. Много в жизни почерпнул для себя именно здесь, именно на этой должности я сформировался как личность. В течение шести лет комсомольская организация района ежегодно получала переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ. За этой наградой стояли большие комсомольские дела и успехи, и на этом пути много интересного было связано с взаимоотношением комсомола, хозяйствующих руководителей и общественности района. О некоторых интересных моментах этой жизни хотелось бы вспомнить.

В те годы по инициативе ЦК ВЛКСМ были проведены различные крупные политические молодежные мероприятия. В 1982 году был организован агитпоезд ЦК ВЛКСМ по местам революционной и трудовой славы советского народа. В связи с проведением этого мероприятия в Курган-Тюбинской области обкомом комсомола был образован штаб и утвержден план подготовки и проведения этого важнейшего политического мероприятия. Нам предстояло встретить поезд в городе Калининабаде, а оттуда участники агитпоезда должны были разъехаться по городам и районам области для проведения различных акций. Все мероприятия были рассчитаны на два дня. Когда мы приехали, чтобы забрать гостей, оказалось, что вместо 10—15 человек, о которых ранее говорили в штабе, наш район посетили 35 участников, а вместе с корреспондентами количество гостей достигало 45.

На двух автобусах мы выехали в сторону Колхозобадского района: у границы района, в поселке Чапаево дорогих гостей уже встречали представители общественности, молодежь, руководство района. Я, честно говоря, пал духом,

потому что не понимал, где всех разместить. Ранее мы с председателем колхоза «Коммунизм» многоуважаемым Ниезмахмадом Беговым договорились, что в хозяйстве примут и разместят 20 человек, но тут — 45! Что делать, я не знал. Мудрый Бегов понял мое состояние, подошел ко мне и сказал:

— Нурали, что-то у тебя настроение подавленное...

На что я ему ответил:

— Я вам говорил о 20, а тут 45 гостей! Не знаю, как быть...

В ответ он мне горит:

— Э-э-э-й, Нурали! Подумаешь, сейчас пойду в мебельный магазин, всю мебель, которая есть в магазине, вынесу, и на 45 человек подготовим места, а вечером вместо одного барана зарежу трех, вместо ящика водки и ящика коньяка поставлю пять ящиков водки и коньяка! Ты об этом не беспокойся, а лучше быстро решай вопрос с их обедом. По программе где они должны обедать?

А обедать они должны были в колхозе имени Ленина, руководителем которого являлся известнейший Абдувадуд Дустов. Я направил туда своего водителя, который передал, чтобы столы накрывали на 50 человек. Там все очень оперативно и с уважением было организовано. В моей памяти навсегда остались слова этого величайшего мудреца, по тому времени очень влиятельного человека, руководителя, который одной своей фразой: «Э-э-э-й, Нурали, что ты беспокоишься!» — вытащил меня из этого трудного положения.

Второй случай: не помню год, но на практику из ВКШ к нам отправили группу комсомольских работников из Гвинеи-Бисау, а ЦК ЛКСМ Таджикистана определил, что лучшим местом для их стажировки будет Колхозабадский район. По этому поводу мне позвонили из ЦК ЛКСМ, и я спрашиваю: «Сколько их будет?»

«Их будет 22, а вместе с корреспондентами и представителями — 25», — ответили мне.

Надо было разработать программу приема гостей, и я решил посоветоваться с первым секретарем райкома партии Тимуром Додобаевичем Додобаевым. Изложил ему цель визита гостей, а он говорит, что им надо показать предприятие — зональную опытную станцию, а вечером отвезти в колхоз 40 лет Октября, там Файзали Гурезов все организует. А у меня уже был свой план: «Тимур Додобаевич, ни разу за все время, что я работаю в районе, колхоз имени Карла Маркса не принимал никаких гостей. Может быть, сейчас он примет?»

«Я по этому поводу с председателем колхоза говорить не буду и тебе не советую», — покачал головой Тимур Додобаевич.

«Давайте я сам поеду и поговорю, получится — не получится, будь как будет!» — предложил я.

«Ладно, — ответил Тимур Додобаевич, — но имей в виду: с ним, то есть с председателем, тебе будет тяжело говорить!»

Ситуация не из простых! С одной стороны, председатель колхоза — Герой Социалистического Труда Сафар Джумаевич Джумаев, который 40 лет возглавляет колхоз, с другой — я, молодой, не имеющий никакого опыта, и мне обязательно надо его уговорить принять иностранную делегацию.

Отбросив все сомнения, я решил действовать. В тот же день позвонил секретарю комитета комсомола Хураму Кичкинаеву и узнал, что председатель колхоза у себя в кабинете обычно бывает в три часа дня. К этому времени я

подъехал в колхоз и зашел к уважаемому председателю. В кабинете, кроме него, никого не было, сидел один и курил. Кабинет хорошо обставлен, все стулья обтянуты белым сатином. Увидел меня и воскликнул:

— У-у-у-у, комсомол, заходи! Какими судьбами?

— Я хотел увидаться с вами, обсудить один вопрос.

— Что волнует комсомол? — спросил он, пожимая мне руку.

— Гости к нам приезжают, — объясняю.

— Откуда?

— Из Гвинеи-Бисау!

— Откуда?! — удивленно переспросил он.

— Из Гвинеи-Бисау!

— А зачем они приезжают?

— Изучить опыт управления хозяйством в современных условиях.

— Это хорошо! — одобрил председатель и попросил поподробнее объяснить суть приезда.

— В соответствии с решением Центрального комитета Компартии Таджикистана и Совета министров колхоз имени Карла Маркса, колхоз имени Ленина и Вахшская зональная опытная станция определены как объекты для посещения иностранных туристов.

Сафар Джумаевич выслушал меня с некоторым недоверием и попросил повторить. Я все повторил.

— Я, член ЦК, что-то не припомню такого постановления...

— Это постановление было принято давно, вы, соответственно, были ознакомлены с ним, но, ввиду занятости, возможно, не придали этому значения. Но такое постановление есть, — набравшись смелости, ответил я.

В ответ он задумчиво сказал:

— Возможно... Значит, гостей мы должны принимать?

— Да, мы посоветовались с первым секретарем райкома партии и пришли к выводу, что будет хорошо, если гостей будет принимать колхоз имени Карла Маркса.

— Какая программа ожидается? — заинтересовался председатель.

— Мы их встретим на границе района и оттуда — прямо к вам.

— Ко мне?

— Да!

— К парткому?

— Нет, именно к вам, так как они приезжают изучать опыт управления передовым хозяйством, именно к вам как самому опытному руководителю колхоза! Вы встретитесь, потом на повестке — посещение хозяйства, мы поедем в комсомольско-молодежную бригаду Абдужабора Тангирова. На базе комсомольско-молодежной бригады будем проводить форум руководителей и членов комсомольско-молодежных бригад района, а по завершении форума все гости отправятся в центральный сад колхоза, где будет организован прием от имени председателя колхоза.

— А сколько их будет? — спросил Сафар Джумаевич.

— Иностранных гостей — 22, а вместе с представителем и корреспондентами их будет 25 человек.

Он посмотрел на меня и сказал:

— Давайте я приглашу секретаря парткома и главного бухгалтера колхоза! Когда мы все собрались, сообщил им:

— Вот у комсомола праздник — гости приезжают из Гвинеи-Бисау, и нам надо будет их принять.

Мы подробно обсудили план приема и мероприятий, чувствовалось волнение председателя и его подчиненных, ведь они никогда не принимали гостей в таком количестве, тем более иностранных.

Все было организовано очень достойно! Подводя итоги встречи, на которой вместо 25 в общей сложности было человек 50, председатель говорил о достижениях и проблемах, а в конце, заплакав, произнес:

— Спасибо комсомолу за прием гостей и организацию встречи, я этого никогда в жизни не забуду!

Первый секретарь райкома партии, пожав мне руку, долго смотрел на меня удивленно и говорил:

— Ну, Нурали... Как ты его уговорил?!

Третий случай связан с празднованием 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

27 апреля 1985 года первый секретарь райкома партии Т.Д. Додобаев собрал актив обсудить празднование этой даты. Но все ответственные лица о готовности к проведению данного праздника уже отчитались. Было видно, что секретарь райкома не совсем доволен тем, что услышал.

— Что-нибудь масштабное в районе будет или нет? — нетерпеливо спросил он.

На самом деле у комсомола задачи по проведению празднования этого великого дня были минимальные, вместе с тем первый секретарь в присутствии всех еще раз спросил:

— У комсомола есть какие-то идеи?

— Конечно, есть! — уверенно ответил я.

— А что будет организовывать комсомол?

— Будут организованы факельное шествие и манифестация молодежи и ветеранов.

— Что это такое? — спросил Додобаев.

Я объяснил, что это массовое масштабное шествие молодежи района, в руках у них будут факелы, из них будет создано изображение «40 лет Победы» и все медленным шагом направятся к монументу Скорбящей Матери. Это будет организовано в ночь на 9 мая, а днем 9 мая пройдет массовая комсомольская манифестация молодежи с участием ветеранов, посвященная Дню Победы.

После моих слов лицо у первого секретаря потеплело, было заметно, что у него появилась уверенность, что праздник пройдет достойно. Хотя, признаюсь честно, ничего такого до этого момента у нас в комсомоле не было предусмотрено.

Вернувшись с совещания, я собрал актив, поставил перед ними задачи по организации этих мероприятий, и начались массовые репетиции-маршировки. Это вызвало определенную бурю у жителей района, эмоциональный подъем! Они даже представить себе не могли, что же это такое — факельное шествие. С прилавков магазинов исчезли все консервы (за что торговцы нас очень благодарили), они нужны были для изготовления факелов. В ночь с 8 на 9 мая

было организовано шествие, в котором приняли участие более 15 тысяч жителей района, а днем 9 мая в одной колонне собрались 10 тысяч участников шествия молодежи. Все прошло на высоком уровне.

Первый секретарь райкома партии горячо и сердечно поблагодарил комсомол за организацию и проведение этого важнейшего мероприятия, посвященного Дню Великой Победы! Обращаясь к присутствующим, он сказал:

— Ведь можете, оказывается, организовать!..

Комсомол был великой организацией. Эта организация открыла мне дорогу в жизнь, прежде всего я в этой организации приобрел тысячу друзей из разных концов нашей великой Родины — Советского Союза, куда, к огромному сожалению, сейчас не ходят поезда и не летают самолеты.

Я хотел бы сегодня поблагодарить тех друзей, у которых учился жизни и которые в самые трудные периоды моей жизни меня поддерживали. Это Зинаида Федоровна Драгункина, Людмила Ивановна Швецова, Лариса Федоровна Колычева, Александр Сергеевич Абрамов, Вячеслав Степанович Тимченко, Александр Павлович Бережной, Сергей Тимофеевич Папин, Александр Тимофеевич Уваров, Владимир Николаевич Лопак, Шукурджон Зухурович Зухуров, Шухрат Музафарович Султанов, Аброзик Восиевич Кабутов, Толибджон Буракович Гайратов, Рахмон Ульмасович Ульмасов, Рустам Усманович Курбанов, Анвар Хушвахтович Идрисов, Сафарбег Наджмудинов, Сайфуло Халилович Каримов, Шохзода Юсупова, Турсунной Алимардонова, Соро Долбоева и многие другие.

Это все благодаря Ленинскому комсомолу! Готов встать на колени и поблагодарить судьбу за Ленинский комсомол, за настоящую бескорыстную комсомольскую дружбу! Благодарю Бога за судьбу комсомольскую!!!!

Н.Х. Курбанов

Тамара Алексеевна Куценко

Секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ

Секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель Всесоюзной

пионерской организации имени В.И. Ленина

Заместитель председателя Госкомиздата РФ

Депутат Ленинградского городского Совета народных депутатов

Депутат Верховного совета РСФСР

Считаю себя счастливым человеком

Я родилась в Ленинграде в семье служащих. Мама — врач, папа — учитель, один из ведущих педагогов Ленинграда и директор школы. Он очень любил свою профессию. Одно время был освобожденным секретарем партийной организации Октябрьской железной дороги и членом бюро Куйбышевского райкома партии.

Для меня Ленинград остался Ленинградом и сегодня. Дух Ленинграда — это еще не познанная вещь, потому что это — поколения похожих и духовно близких людей. И этим очень многое определяется.

Мы жили в центре города. Красота и богатство ленинградской культуры, конечно, сыграли свою роль. Все было нацелено на то, чтобы детям после снятия блокады не только дать образование, но и показать Эрмитаж, Русский музей, сделать доступными книги.

Училась я в самой крупной школе Ленинграда, 209-й, на площади рядом с Московским вокзалом. Учителя были тогда другие, делаю на этом особый акцент, среди них было много преподавателей-мужчин. Очень тепло вспоминаю каждого из них.

В школе меня избрали председателем совета дружины... Усилий я для этого никаких не прикладывала, сказывалось, видимо, желание собирать вокруг себя людей, быть в гуще событий. А вот внутренне я как-то готова была к тому, чтобы служить стране.

После школы поступила в Ленинградский педагогический институт имени Герцена, в котором были очень хорошие преподаватели еще старой школы. И там же меня избрали в комитет комсомола, а потом — и секретарем комсомольской организации вуза. Жизнь, что называется, кипела. В 1958 году после окончания института пошла работать в школу преподавателем химии. И чем только там не занималась, даже в театральном кружке играла...

Одновременно преподавала и в вечерней школе, поскольку учителей не хватало. Меня, молодую учительницу, избрали депутатом городского Совета от Куйбышевского района.

Потом трудилась инструктором и заместителем заведующего отделом школ обкома комсомола, первым секретарем Дзержинского райкома комсомола, в 1965 году была избрана секретарем Ленинградского обкома комсомола, а еще через год — секретарем ЦК ВЛКСМ и председателем Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина.

Работали много и работали с удовольствием, самоотверженно и с полной отдачей. В годы моей работы закладывались, в то числе и в Ленинграде, многие ставшие всесоюзными начинания и движения. Например, Всесоюзная пионерская военно-спортивная игра «Зарница», которая зародилась в Ленинграде, но тогда ее никто не называл «Зарницей». В области была очень хорошая военная база, и нам помогали и в организации, и в проведении встреч и «боев». Потом это уже определилось в целое движение, которому предшествовала еще, опять же в Ленинграде, организация походов по местам боевой и трудовой славы. Это было реальное приобщение к истории. Я очень горда, что движение красных следопытов родилось в моем родном городе. Первый памятник детям войны на Дороге жизни — «Цветик-семицветик» — поставлен именно там.

Комсомол руководил пионерией: помогал осуществлять мероприятия, формировал из своей среды пионервожатых, курировал летний отдых детей. У комсомола была хорошая материальная база, что давало возможность помогать вместе с профсоюзами в организации детского отдыха.

Особое внимание уделялось шефству над сельскими школами... Мы должны были выполнять «всеобуч» — 1 сентября в стране не должно было быть ни одного ребенка вне школы.

Еще были клубы «Золотая шайба» и «Кожаный мяч». Мальчишки всей страны играли в хоккей и футбол, хотя на всех и не хватало формы. Ребята, что называется, с ума сходили, когда приезжал знаменитый тренер Анатолий Тарасов.

Я уж не говорю об участии молодежи в крупнейших стройках — таких как Байконур, Красноярская и Усть-Илимская гидроэлектростанции, подъем целины, строительство БАМа...

Комсомол всегда вел поиск передовых интересных форм работы, творчески подходил к делу. Например, была проведена операция «Чукотка»: ВЛКСМ и пионерия решили подарить Чукотке Дворец пионеров. Был разработан проект, отправлены стройматериалы. Деньги на специальный счет собирала вся страна, ведь Дворцы пионеров — это были такие кладези знаний, столько людей выпустили, от чемпиона мира по шахматам до конструкторов. Они же там все начинали. В том же Питере, на Невском проспекте, куда дети шли просто толпой.

Я считаю себя счастливым человеком, потому что в моей судьбе был комсомол и мне даже доверили какое-то время быть одним из руководителей, лидеров этого молодежного движения. Создание ВЛКСМ было жизненной не-

обходимостью, ведь без действенной организации невозможно вести какую бы ни было воспитательную работу с детьми и юношеством. Комсомол дал возможность направлять молодых людей по верному пути, помогал им сделать правильный выбор в жизни, прививал истинные жизненные ценности. Поэтому я могу говорить о комсомоле только в превосходной степени. Эта массовая организация пробуждала в молодежи гражданские чувства, и вся деятельность ВЛКСМ была направлена на помощь в решении больших государственных задач.

Хочу отметить, что комсомол — это прежде всего люди. И не только те, ради которых ты работаешь, но и те, кто с тобой рядом. Кем ты гордишься. Те, кто помогал тебе и кому помог ты, кого рекомендовал на повышение и вместо себя тоже. К сожалению, невозможно перечислить имена всех, кому я благодарна за поддержку и помощь, и прошу за это прощения. Но хотелось бы обязательно назвать тех людей, кого мне повезло встретить на «комсомольских дорогах», заметить, с которыми довелось «побежать по жизни» уже вместе и общаться многие годы.

Татьяна Филипповна Андросенко — секретарь Сумского обкома комсомола Украины и позже ответственный секретарь Всесоюзной пионерской организации комсомола, нынче — главный редактор самого популярного детского журнала «Мурзилка», который она смогла не просто сохранить в самый сложный период нашей истории, но и развивать. Журнал и сегодня продолжает сеять «разумное, доброе и вечное» и очень любим не только самыми молодыми читателями, но и их родителями. Зинаида Федоровна Драгункина — первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома комсомола и заведующая отделом школьной молодежи ЦК ВЛКСМ. Сегодня она — председатель Комитета по науке, образованию и культуре Совета Федерации РФ.

Алевтина Васильевна Федулова — секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина, впоследствии она работала председателем Комитета советских женщин, заместителем председателя Государственной Думы РФ...

Людмила Ивановна Швецова — секретарь ЦК ВЛКСМ Украины и секретарь ЦК ВЛКСМ, впоследствии — заместитель мэра Москвы и заместитель председателя Государственной Думы РФ.

Талантливейшие, светлейшие личности, не только генераторы идей, но и «моторы» в умении их осуществлять.

Конечно же, в работе с детьми и молодежью очень большую помощь оказывали ученые, писатели, режиссеры, актеры, военные, государственные органы на всех уровнях.

Я не помню ни одного случая, чтобы мне отказал, с чем бы я к нему ни обращалась, президент Академии наук СССР великий ученый Анатолий Петрович Александров... Писатели Сергей Михалков, Агния Барто, Анатолий Алексин, Альберт Лиханов, Николай Носов, легендарная Наталья Сац — режиссер Московского детского музыкального театра, Зиновий Карагоцкий — главный режиссер Ленинградского ТЮЗа, композитор Дмитрий Борисович Кабалевский. Я уж не говорю о легендарных Александре Николаевне Пахмутовой и Николае Николаевиче Добронравове... Маршал Иван Христофорович Баграмян курировал «Зарницу», которую придумал Вячеслав Фурин, главный редактор журна-

ла «Пионер», маршал Иван Степанович Конев — походы по местам революционной, боевой и трудовой славы, Владислав Третьяк — спорт. Интересно работалось и с бывшим редактором «Мурзилки» Анатолием Митяевым...

Одним словом, комсомол выискивал «генераторов идей», и партия готовила свои будущие кадры через комсомол — это самый короткий путь, не требовавший средств для обучения, это был кадровый резерв и хорошая школа руководства.

Комсомол имел мощную материальную базу, особенно для детей — пионерские лагеря «Артек», «Орленок», «Океан», в которых отдыхали и учились сотни тысяч, если не миллионы советских ребят со всего СССР и многих стран.

Конечно, в наше время тоже были проблемы — взять хотя бы трудных детей и подростков, за кем недосматривала семья, и спорт был тем главным делом, в которое можно было вовлечь кого угодно. В этом вопросе снова инициативу проявил комсомол: в каждом дворе был поставлен стол для настольного тенниса, а при наличии свободного места организовывались волейбольные и баскетбольные площадки. В Ленинграде ни один двор не оказывался без того или иного спортивного сооружения. Я бы еще отметила, что мы все делали серьезно, даже в Дне птиц участвовали все комсомольские секретари. Устраивали встречу птиц, во дворах и скверах вешали скворечники...

Мне повезло во многом. А больше всего — на людей, которые в разные периоды моей «комсомольской жизни» поддерживали, помогали, тактично подсказывали и, прямо скажем, зачастую просто учили: Сергей Павлович Павлов, Евгений Михайлович Тяжельников, Борис Николаевич Пастухов, Абдул-Рахман Халилович Везиров, Сурен Григорьевич Арутюнян, Любовь Кузьминична Балясная, Вадим Аркадьевич Саюшев, Ким Михайлович Иванов, Олег Максимович Попцов, Григорий Васильевич Романов и многие, многие другие.

Я об этом всегда помню и искренне им благодарна.

Т.А. Куценко

Валентин Витальевич Лебедев

Летчик-космонавт СССР

Дважды Герой Советского Союза

Член-корреспондент Российской академии наук

Почетный гражданин города Тынды

Вершина мужества — в тоннелях БАМа

Полет в космос — не вершина мужества.

Не меньшее мужество проявляли первостроители БАМа.

Страницы из дневника

18 сентября 1984 г.

Все началось в 1974 году, на XVII съезде комсомола. Тогда, будучи уже космонавтом, я был избран его делегатом, работал в секции трудового воспитания молодежи в Колонном зале Дома союзов.

И вот сижу в президиуме, с одной стороны — космонавт Андриян Николаев, а с другой — незнакомая девушка. Пробовал записать все интересное, о чем говорили выступающие. К обеду исписал только треть листа. Поворачиваюсь к девушке и спрашиваю, что, мол, вы думаете о выступлениях. Она отвечает: «Я ткачиха, мало что понимаю в политике, умею только работать на двенадцати станках». Меня поразила ее искренность. Несмотря на то что меня не было в списке выступающих, попросил у председателя слово. Он стал мне объяснять, что все выступления уже согласованы, но я все же настоял. Выйдя на трибуну, говорю: «А ну, ребята, глубоко вздохнем и проснемся!» Все оживились... Почему я так сказал? Потому что речи выступающих сморили всех политизированным пустословием. «Как-то стыдно, — продолжаю я, — приехали из разных уголков страны, хотелось услышать, как вы живете, какие проблемы, а вместо этого талдычите одно и то же по бумажке». Зал взорвался аплодисментами, и после этого заговорили нормальным языком. На следующий день меня с секретарем парткома нашего предприятия А.П. Тишкиным вызвали в горком к первому секретарю, где меня упрекали в том, что я своим внеплановым выступлением нарушил регламент съезда. Однако, по предложению казахской делегации, меня избрали членом ЦК ВЛКСМ. На этом съезде был сформирован Ударный комсомольский строительный отряд имени XVII съезда ВЛКСМ на Байкало-Амурскую магистраль.

И я решил тогда для себя, что обязательно поеду к ним, захотелось узнать, что это за ребята, которые не побоялись трудностей стройки и готовы на лишения в глухих таежных местах.

Потом, уже работая в бригаде Володи Степанищева, увидел — это был осознанный порыв, в основе которого лежали сила наших идеалов, нашей человеческой морали, история страны и, конечно, стремление найти себя, понять свои возможности. Можешь ли вот так, с нуля, начать жизнь, пустить корни на новом месте, трудом завоевать уважение и признание окружающих. И еще — увидеть Родину, ведь мы величие ее просторов воспринимаем в основном по географической карте.

Приезд отряда МАИ на БАМ

Первый раз прилетел на БАМ по поручению ЦК комсомола в январе 1975 года. Вокруг тайга, безлюдные места. Первые десанты бамовцев по 25 человек были разбросаны вдоль трассы. Они стали основой строительства будущих стационарных поселков — Звездного, Кунермы, Кувукты и других.

Мне предложили слетать на вертолете в бригаду Володи Степанищева. Прилетели в Кувукту. В бригаде среди ребят одна девушка — повариха Шура Штейн. Жили в двух вагончиках, над которыми развевался красный флаг. А в них холодрыга, в чайнике аж вода заледенела. Тогда стояли жуткие, даже по сибирским меркам, морозы. Столбик термометра стабильно держался где-то на отметке 50—55 градусов мороза. Густой сизый туман навис над тайгой, еще гуще стелился над речкой Ковантой. Задачей бригады, как и многих других, расположившихся в глухой тайге вдоль трассы, было обеспечить плацдарм для летних работ, доставив по замерзшим речкам вагончики, технику, топливо, оборудование. Ребята из бригады Володи Степанищева без суеты вели рубку просеки, расчищали площадку под временный поселок.

Перед отъездом они мне говорят: «Мы хотим принять тебя почетным членом в нашу бригаду!» На что я им ответил: «Парни, так не пойдет! Быть почетным среди вас не могу. Обещаю, летом буду к вам приезжать с отрядом студентов МАИ, который заканчиваю».

Напоследок они решили проверить меня на своей центрифуге, которую сделали из длинных бревен на льду реки Кованты. Получилась как детская карусель, только больше. Уложили на нее и всей бригадой начали раскручивать, пока не слетел в сугроб... Сейчас могу сказать — тогда специально руки

отпустил, хотелось доставить им удовольствие, повеселить, что космонавт на их центрифуге не удержался.

После возвращения домой приехал в МАИ и предложил набрать отряд для работы на БАМе. Было столько желающих, что пришлось объявить конкурс, с нашего факультета «Проектирование космической техники» отобрали 25 человек, и я их возглавил. Как и обещал, мы приехали работать в бригаду Володи Степанищева в дни студенческих каникул. К нашему приезду там уже стояло два барака, было много техники, рабочих. Нам предложили строить школу. После ее закладки я попросился к ребятам, которые работали в тайге на вырубке просеки в районе Черного Камня. Я раньше никогда лес не валил пилой «Дружба». Поначалу было тяжело: опыта нет, все время в напряжении. И лиственницы там огромные, до полуметра в диаметре и больше, того и гляди, как бы, падая, не придавили. Более опытные ребята меня подстраховывали, подсказывали. Валить деревья надо было так, чтобы они ложились вдоль трассы, а не как попало. Их раскатывали вдоль полотна дороги, а потом засыпали песком и щебнем из карьеров. Получалась подушка на вечной мерзлоте для при-трассовой дороги, которая опережала прокладку железнодорожной магистрали. Вставали в 7 утра, чтобы успеть побольше сделать, пока не жарко и мошки мало. А там ее столько! Ложишься спать в палатке и руки под себя поджимаешь, чтобы меньше кусали... Интересно, после рабочего дня усталость особо не чувствовалась, мышцы болят, а в теле легкость. Все из-за воздуха — он там напоен запахом трав, свежестью спиленных деревьев. К тому же, искупавшись в ледяной воде реки Кованты, сразу взбодриться. По вечерам пели песни на берегу, пили чай. Бригады друг к другу ходили в гости. В выходной день вмещалось все — и спортивная программа, и самодеятельность, и лекции. Меня часто приглашали выступать в разные места.

За лето 1975 года мы построили деревянную щитовую школу в Кувыкте на 150 человек. А если школа есть — поселку быть. При ней мы сделали музей космонавтики, много привезли с собой разных экспонатов. Я передал несколько вещей, связанных с моим полетом на корабле «Союз-13». Когда в следующем году пригласил в отряд молодых инженеров и рабочих с нашего предприятия, НПО «Энергия», они также дополнили его элементами космической техники.

В Тынде был деревянный Дом культуры «Юность», где проходили все бамовские встречи. Кто здесь только не выступал из известных артистов, писателей, композиторов! Все тогда хотели поддержать первостроителей БАМа. В нашей бригаде женились Люба и Леня Гвоздиковы... А какая же свадьба без цветов? На нашем берегу реки цветов было мало, и я поплыл на другую сторону, чтобы нарвать букет для невесты. Обрато плыл с цветами в зубах, так как течение быстрое. Валера Афонин из бригады, увидев меня с букетом, попросил остановиться у березы. Так и сфотографировал...

Свадьба проходила в кафе «Березка». Кто-то из гостей сказал, что в «Юности» поет Кобзон! Так как мы с ним были знакомы, поехал туда и пригласил его к нам на свадьбу. Он сразу согласился, и мы с ним пели всеми любимые песни.

В строительстве БАМа, как и во всяком большом деле, были удачи и неудачи, подвиги и ошибки. Но при всем этом было огромное вдохновение.

Запомнилась больше всего искренность и чистота помыслов людей, людей-созидателей, с которыми меня связала многолетняя прочная дружба.

Хочется вспомнить прежде всего Есаулкова Юрия Афанасьевича — бывшего моряка, строителя Зейской ГЭС, первого секретаря Тындинского райкома КПСС, а с 1975 года — горкома партии. Человек прямой, решительный, Юрий Афанасьевич много сделал хорошего для стройки, для обустройства людей. Большого уважения заслуживают первые руководители БАМа: Константин Владимирович Мохортов, Игорь Сергеевич Розанов, Ефим Владимирович Басин — по-государственному мыслящие люди. К великому сожалению, многие уже ушли из жизни, но осталась их дорога, остались и развиваются города и поселки магистрали.

Среди моих друзей-бамовцев немало комсомольских лидеров тех лет: Валентин Сущевич, Валерий Сергеев, Юрий Вербицкий и, конечно, прославленные бригадиры, мужественные, талантливые вожаки рабочей молодежи Леонид Казаков, Володя Степанищев, Саша Бондарь, Иван Варшавский, Вячеслав Аксенов и многие другие. С каждым из них меня связывают добрые дружеские отношения.

В первые годы я приезжал на БАМ на его Центральный участок, а в последующие побывал и на Западном, и на Бурятском, и на Восточном участках.

Особенно запомнился мне Северо-Муйский тоннель. Строители этого подземного гиганта прошли в глубь хребта где-то около семи с половиной километров. Потом, из-за вывала пород на Ангараканском разломе, проходку пришлось остановить. Искали эффективные методы их закрепления. И в этот самый трудный для бамовцев-тоннелестроителей период мне довелось пройти по тоннелю до проходки. Впечатление жутковатое, прямо скажу: горячий пар от термальных источников в отводном канале, чернота ствола тоннеля, которому не видно конца, и, когда проходишь до забоя, открывается фантастическая панорама: в ярких лучах прожекторов огромный свод с нависающими каменными глыбами, а впереди стена и нагромождение взорванной породы. Меня поразили рабочие, рядом с буровой техникой огромных размеров они выглядели богатырями в своих робах, с темными лицами от пыли горных пород — в общем, величественная картина, где человек — поистине хозяин земли. Такое невозможно забыть.

Посчастливилось мне участвовать и в торжествах по случаю укладки «золотого звена» БАМа в Куанде, и в открытии сквозного движения поездов на всем протяжении магистрали. Тогда, в октябре 1984 года, многочисленную группу строителей наградили Золотыми Звездами Героев. Тында бурлила. После награждения в ДК «Юность» все герои-бамовцы собрались в новой квартире у нашего друга Валеры Афонина. Здесь были новоиспеченные Герои, и те, кого наградили немного раньше: Леня Казаков, Иван Варшавский, Володя Степанищев, Саша Бондарь — всего, наверное, человек 16. Среди приглашенных был Герой Советского Союза генерал А.Л. Кожевников, с которым мы проехали на первом поезде по БАМу, и ребята из бригады Степанищева — Боря Борисов, Таня Денисова, Анита Тихонова и многие другие. Квартира с трудом вмещала всех желающих отметить праздник. По традиции решили «обмыть» геройские Звезды. Валера Афонин взял большую хрустальную вазу, в нее сложили все Звезды, в том числе генеральскую и мои две, до краев наполнили

вазу водкой и пустили по кругу с тостами, как водится: за БАМ, за лесорубов, мостовиков, тоннельщиков, механизаторов, за монтеров пути и за тех, кто в море и в космосе. Потом Леня Казаков повеселил всех, повесив все эти Звезды на себя, — таких Героев страна еще не видела. Весело было. Расходились глубоко за полночь...

Всего я проработал с отрядами на БАМе три летних сезона. Построили там кроме школы магазин, складские помещения, 8-квартирный дом, кафе, спортзал. Но главное — это то, что БАМ связал меня дружбой на всю жизнь со многими его строителями. Счастливое было время — мы жили в великой стране и были с ней едины.

На первом поезде по БАМу

24 октября 1984 г.

Наш путь начался от станции Усть-Кут на поезде «Комсомольская правда». Первый пассажирский поезд по БАМу состоит из 16 купейных вагонов, двух ресторанов и клуба для встреч.

Смотрю в окно, небольшая метель, здесь снег уже покрыл землю, лежит плотно. Смешанный лес, как в Подмоскovie, вдоль дороги телеграфные столбы и бетонные опоры будущей электросети, так как уже в следующем году первые 280 км трассы от Усть-Кута собирались электрифицировать.

Подъезжаем к очередной станции, смотрю в окно — Кунерма. Станция двухэтажная, из белого кирпича с красным, на платформе — два десятка встречающих, за станцией виднеются среди тайги поселок из одноэтажных деревянных домов, обшитых свежестругаными досками, и одного двухэтажного каменного здания.

15 часов 15 минут — прошло 5 часов в пути в первом поезде, который знаменует начало сквозного движения по БАМу.

Подходим к перевалу Даван на высоте 1000 метров. Ира, проводница нашего вагона, сказала, что мы поехали через тоннель, а не через перевал и жаль, что не увидим, какие там красивые места. Вокруг лес из сосны, осины, елей, березы — только дикий, в сплошных завалах. Сопки, высотой около 600 метров, в редколесье небольших чащ, и речка внизу, с проталинами темной воды.

В 19.00 подъехали к Северобайкальску, на платформе перед станцией собралось много народу, и уже в темноте прошел митинг. Попросил главного инженера местного треста показать город. Я полагал, что те каменные дома около вокзала — это и есть весь город, а оказалось, Северобайкальск большой: состоит из новой части, которую мы видели, и большого деревянного поселка, откуда город и начинался. В Северобайкальске насчитывалось уже 33 тысячи жителей, люди ехали сюда с охотой — здесь хороший заработок, и в трудовой книжке отметка «БАМ» тоже кое-что значила для жизни. Он находится на территории Бурятии, на полуострове, в 600 метрах от озера Байкал, который расположен на высоте 457 метров над уровнем моря, и застройка ведется с учетом сохранения природы. Поэтому в городе повсюду небольшие рощицы из сосен, елей.

На платформе в темноте ко мне подошел начальник станции и попросил встретиться с людьми в красном уголке, они прослышали, что едет космонавт, и ждут. Я, конечно, согласился. Народу в красном уголке набралось много:

Прокладка притрассовой дороги

строители, солдаты и пассажиры с поезда. Я долго отвечал на все интересующие их вопросы.

25 октября 1984 г.

Проснулся в 8 часов. День солнечный, морозный, смотрю в окно — вокруг сопки, горы, как в Крыму, высотой 600—800 метров. Склоны покрыты хорошим строительным сосновым лесом, в чащах много валежника, вдоль дороги видны небольшие поселки строителей, стоят вездеходы, склады геологов-изыскателей.

В 13.15 обошли Северо-Муйский хребет — пока пройдена только третья часть тоннеля, который пробивают с обеих сторон — с западной (прошли уже 3,5 километра) и с восточной (прошли 2 километра). Меня заинтересовало, что прокладке основного тоннеля предшествует опережающий тоннель, который служит для отвода термальных вод. Из окна красивая панорама — солнце в морозной дымке, в низине хвойного леса какой-то полузаброшенный поселок. Над песчаными насыпями дорог возвышаются лесные массивы. Однако нет ощущения дикости, угрюмости природы, непроходимости тайги, спокойная величественная картина единения труда человека, органически вписавшегося в природу. Прошли широкую долину реки, заросшую по берегу лиственницей.

Перед тем как стали огибать Северо-Муйский хребет, подошел к тепловозу, который дополнительно подцепили к нашему составу сзади. Оказывается, на таком подъеме один тепловоз может тянуть состав в 300 тонн при температуре минус 30 градусов, а если температура ниже — только 250 тонн. Наш состав около 1100 тонн, поэтому тянули его четыре тепловоза. Полотно

хорошего качества, ездить начали в прошлом году по отдельным прогонам, шпалы здесь ставят деревянные, тайшетские, они мягче, лучше амортизируют, чем бетонные.

В 17.50 остановились в Таксимо, станции еще нет, только небольшой полустанок в виде аккуратного домика. Темно, на взгорке, освещенном фарами машин, прошел небольшой митинг по случаю первого поезда. Трибуна на открытой платформе грузовика. За полустанком — лесок, за ним, в низине, огни стройки, недавно заложили фундаменты домов и котельной. На митинг приехали приветствовать первых пассажиров люди из поселка, который в четырех километрах от трассы. Из репродукторов зазвучала песня: «Главное, ребята, сердцем не стареть».

23.00. Куанда. Здесь начало Читинской области, и прибавляется час, теперь разница с Москвой — 6 часов.

Ночь, наш вагон остановился напротив стелы, посвященной укладке «золотого звена», точнее, их два, в темноте не понял: анодированные или покрашенные, — потрогал их. На стеле изображена медаль «За строительство БАМа» и надпись «Сентябрь 1984 г.». Стыковку в Куанде провели бригады Героев Социалистического Труда И.Н. Варшавского и А.В. Бондаря.

Радостно на душе — ехать по трассе на первом поезде. Сфотографировались на память у стелы. С проводниками после долгого пути размялись, сшибая друг друга в снег. Теперь нас по равнине потянут два тепловоза — один сзади, другой впереди. Вокруг хвойный лес и спуск в низину, поселок остается где-то в стороне. Бригада железнодорожников добросовестно осматривает тормоза состава, так как впереди перевал. Вечером опять, как и вчера, концерт, а после него смотрели фильм «Любовь и голуби».

26 октября 1984 г.

За окном поезда уже тундра, покрытая тощим ельником. На удалении, справа — гряда низких гор, а слева — предгорье с редким лесом из чахлых сосен и бурелома. За лесом скалистые горы, высотой километра два, напоминающие Тянь-Шань в районе Иссык-Куля. Рядом наша «попутчица» — притрассовая дорога с телеграфными линиями на деревянных столбах, а за ней параллельно шагают белые от инея в морозной синеве опоры линий электропередачи. Идем по краю горного отрога. Поражает дикость и безлюдность этих мест.

Уже проехали от Усть-Кута 970 километров, пересекли большую реку, шириной метров 150, скованную льдом, с небольшой проталиной посередине от быстрины.

13.10 по местному времени. Поезд змеей изгибается, делает полупетлю, пересекая дважды по мостам одну и ту же реку, так что мы из хвостового вагона видим свои тепловозы. Идем по ветке в обход еще одного тоннеля. Берега реки в шрамах от машин, бульдозеров, экскаваторов, выбиравших гравий из нее. Проезжаем огромный карьер, рабочие, прекратив работу, приветствуют нас, у переездов дежурные с красными повязками улыбками встречают первый сквозной пассажирский поезд. Надо сказать, организация прохода поезда прекрасная. Идем со скоростью около 60 км/ч, качает, как в обычном поезде.

Музей Кувыкта

Горы ушли далеко к горизонту, справа и слева видны вершины их хребтов. Вдоль трассы много дорог-зимников по болотам среди сухостоя. Река здесь уже встала, надежно покрывшись льдом. Под полотном дороги проложены водоотводные каналы, обложенные деревом или бутовым камнем. Интересно здесь река промерзает — лед со дна выдавливает воду, которая, наплывая на берег, замерзает наледью, а на озерах вода, застывая, образует купола в виде перевернутых блюдечек.

27 октября 1984 г.

10.00. Вот и Тында, через 20 минут прибываем.

Медленно сходятся два поезда — с восточного участка БАМа и с западного, разрезается алая лента, и поезда подходят друг к другу. Сквозное движение по БАМу открыто! Раздается салют, и на фоне синевы неба расцветают огоньки ракет в сплетении дымовых лент. На вокзальной площади собралось много народа. Меня встречает Володя Степанищев с ребятами его бригады, в которой я работал во время отпусков в течение нескольких лет.

Через час начинается митинг, который открывает секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро В.И. Долгих. Площадь обозначили желтыми БелАЗами и КамАЗами. Очень красиво, несмотря на то что вокзал еще не достроен. Меня с Володией Степанищевым пригласили на трибуну для почетных гостей. Перед нами — деревянный поселок старой Тынды, а за ним поднимается на сопках новый город с многоэтажными домами, красиво вписываясь в природу. Народ стоит радостный, одни — в робах строителей, другие одеты

празднично. Смотришь на них и понимаешь: за их плечами — огромный труд в тяжелейших условиях великой стройки БАМ, по которой нам посчастливилось проехать. Я обвожу всех взглядом и думаю: а могла бы подобная стройка быть выполнена на Западе, учитывая такие масштабы, трудности природы и сроки? Думаю, да, могла бы. Работать люди там умеют. Но их труд не создал бы коллектива единомышленников, объединенных одним стремлением — процветанием Родины, а не личным обогащением. Там каждый бы работал за себя и для себя, и общество не ответило бы им признанием, потому что цена их труду — только деньги. А в Советском Союзе вся страна стремилась поддерживать эту стройку, обогатить знаниями, опытом, талантом, посылая туда лучших людей — писателей, артистов, военачальников, ученых, рабочих, государственных деятелей, чтобы сделать труд строителей не самоцелью на пределе человеческих возможностей, а гармоничным в сочетании их мужества, добросовестности с заботой об их развитии и росте. Тысячи бамовцев побывали во многих зарубежных странах и разных уголках нашей страны. Огромный человеческий потенциал воспитанных БАМом поднял молодежь на новый уровень в труде, в отношении к жизни, формируя общество нравственно высокой закалки.

БАМ — это более 4000 километров железнодорожного пути, включая вторые пути: Тайшет — Лена, и меридианальные ветки: БАМ — Тында и Тында — Беркамит. Магистраль построили на вечной мерзлоте, по бездорожью, с перспективой освоения здесь огромных природных богатств. И какую построили! Каждая станция вдоль дороги возводилась определенной республикой или регионом в собственном архитектурном и художественном исполнении. По сути, получилось как открытое метро в полстраны, где все станции имеют свое лицо и неповторимы. У строителей была мечта — оставить на память будущим поколениям не просто дорогу, а чтобы, проезжая, люди видели и узнавали по станциям, посланцы каких республик, краев и областей строили ее.

Мне повезло: я участвовал, помимо космической, и в прокладке земной магистральной. Здесь я познакомился с мужественными людьми, дела которых останутся в истории, потому что по ним измеряются достижения каждого поколения на пути в будущее.

Наша страна в XX веке осуществила такие грандиозные проекты, как БАМ, орбитальная станция «Мир», система «Энергия» — «Буран», МКС, которыми по праву гордится, но при этом, как ни странно, не стала богаче. А почему? Пора бы нам это понять. Все время не продумываем до конца, не просчитываем конечный результат.

Глубоко убежден: если что и вытасчит страну из экономических неурядиц, так это огромный задел, созданный в советское время, и, конечно, Байкало-Амурская магистраль как основа для развития наших территорий, освоения природных богатств. В этом укрепление мощи государства и надежда на благополучие нашего народа.

На БАМе я понял, что полет в космос — это далеко не вершина мужества. Не меньшее мужество проявляли первостроители БАМа...

Юрий Александрович Липатов

*Первый секретарь Раменского райкома комсомола
Московской области*

Второй секретарь Раменского ГК КПСС

*Генеральный директор ОАО «Раменский
электротехнический завод «Энергия»*

*Депутат Государственной Думы Федерального собрания
Российской Федерации третьего созыва*

Первый заместитель председателя Комитета

*Государственной Думы по энергетике, первый
заместитель руководителя фракции «Единая Россия»
в Государственной Думе*

*Член Совета Федерации Федерального собрания
Российской Федерации*

Кандидат экономических наук

Испытание трибуной

Парень я деревенский, родился в деревне Дергаево Раменского района Московской области. Отец с войны вернулся инвалидом, с перебитыми ногами, мама — блокадница, у нее был четкий взгляд на воспитание своих детей, и она требовала, чтобы в 9 часов вечера мы с младшим братом были всегда дома. Мы обижались и только позже поняли, что это правильно, поскольку у многих моих друзей детства судьбы сложились так, что они отправились, как говорится, в места отдаленные и уже ушли из жизни.

Учился в школе № 1 города Раменского, в которой я был, как и многие, «хорошистом», с креном на тройки и только в старших классах взялся за учебу серьезно, понимая, что нужно поступать в институт.

Помню, как нас принимали в октябрята в первом классе, при этом учителя говорили, что мальчик, который изображен на значке октябренька, в детстве хорошо учился, звали его Володя Ульянов и он позже создал Советский Союз. Но, главное, говорили самые важные вещи: что нужно стремиться к знаниям, нужно жить честно, приходить на помощь товарищу. Потом мы становились пионерами, и учителя внушали нам то же самое, что и в начальной школе, но уже с более серьезными аргументами.

Ну а в 14 лет мы уже вступили в комсомол. Чем мне запомнился комсомол в школе? Здесь уже не тотальные приемы, как в октябрята и в пионеры, здесь подход был индивидуальный. Мое отношение к комсомолу в школе было, можно сказать, простое — меня приняли в комсомол, и хорошо.

После окончания школы я поступил на вечернее отделение института, поскольку считал невозможным пять лет сидеть на шее у родителей. Они очень хотели, чтобы я получил высшее образование. Чтобы им не перечить, я sluкавил — отнес документы в институт, но сдавать экзамены не стал, а им сказал, что завалил, но сам тут же поступил на вечернее отделение.

В 17 лет я пошел работать на завод, на военный объект, сборщиком приборов-интеграторов, с помощью которых ракета летит куда надо. Работа была интересная и уникальная — требовалась, что называется, ювелирная точность сборки. Как правило, из трех претендентов через четыре-пять месяцев испытательный срок проходил только один. И меня поражало, как взрослые, здоровые и интересные мужики, с такими на первый взгляд большими и грубоватыми руками делали ювелирную работу с легкой душой. Работали с удовольствием, обладали чувством юмора, и на участке часто звучал смех. Но при этом сборку делали поразительно точно. И я был очень доволен, что мне удалось закрепиться на такой сложной, высококвалифицированной и очень высокооплачиваемой работе.

А через три года, на третьем курсе института, меня перевели на должность инженера и, учитывая, что в цехе было более 150 комсомольцев, предложили возглавить цеховую комсомольскую организацию. С тех пор я начал серьезно вникать в задачи и проблемы, которые стояли перед коллективом и молодежью. И процесс, что называется, пошел. Но одно дело, когда тебя, доверяя твоим качествам, избирают в лидеры, и совсем другое — сможешь ли ты оправдать это доверие. Я не думал о том, переизберут ли меня на следующий год, просто выполнял те задачи, которые передо мной ставились, с удовольствием общался с людьми и моложе, и старше себя, в чем-то их убеждал, многому у них учился, старался всегда держать свое слово. Мне это очень нравилось, я начал понимать, почему люди работают на освобожденной комсомольской работе и называются профессионалами, которых, как правило, все уважали, и я стал задумываться, нужно это мне или нет. На мой взгляд, у каждого свое предназначение, и счастье, когда человек занимается именно тем, для чего он появился на свет, и это становится его любимым делом. Вот и мне казалось, что это мое... что можно попробовать этим заниматься. Но как выйти на тот уровень, который дал бы возможность двигаться дальше и раскрыться?

И здесь опять же — судьба. Я был секретарем крупнейшей комсомольской организации приборостроительного завода, где работали более тринадцати с половиной тысяч человек и комсомольцев было более трех тысяч. Из городского комитета комсомола пришел запрос — есть ли кадры, которые можно было бы рассматривать на должности инструкторов, и комитет комсомола приборостроительного завода сразу почему-то остановился именно на моей кандидатуре. Пригласили, предложили, и я, психологически уже готовый к этому решению, дал согласие. Несмотря на то что в зарплате терял очень много, мне хотелось иметь именно такую работу, чтобы завтрашний день не был похожим на сегодняшний или вчерашний, ведь работа на предприятии не просто рутинная, она, по сути, абсолютно запрограммирована: занимаешься каждый день одним и тем же, одними и теми же приборами, исследованиями, и ничего другого там не будет, даже с точки зрения профессионального роста. Люди, которые работают на конкретных производственных, государственных должностях руководителями, сидят на этих должностях годами, и движения никакого нет. Взять хотя бы наш завод. Хоть и неудобно об этом говорить, но никуда не денешься — это жизнь. Когда, например, руководитель умирал, на его место вставал главный инженер, а дальше смена происходила только через пятнадцать—двадцать пять лет. Правда, внутренняя дисциплина, которую я

получил на заводе, когда нельзя было опоздать даже на две минуты, многому меня научила.

Да, я вышел на уровень инструктора горкома комсомола. А дальше что? Как дальше работать? Ведь ты должен быть понятен и нужен не только тем людям, с кем работаешь, но и всем структурам, с которыми взаимодействуешь, с огромным количеством организаций и их руководителями, чтобы отстаивать интересы молодежи. И для того чтобы двигаться дальше, нужно было проявить себя с лучшей стороны. Прежде всего я старался быть обязательным. Для меня это было законом.

Даже если я кому-то мимоходом, в коридоре, что-то пообещал сделать, у меня это сидело в голове, пока не выполню это обещание. Где-то месяца через четыре мне передали слух, ходивший среди сотрудников комитета: «Этот человек очень подозрителен, потому что он очень обязателен». На что я ответил: «А что, разве по-другому может быть?» Помимо этого, надо быть деликатным и энергичным. Общаться без зазнайства, во время многочисленных мероприятий, тех же субботников, слетов находиться не во главе, а рядом. Мы ведь не только работали вместе, но и вместе отдыхали, вместе песни пели. Из всего этого и складывается авторитет. Недаром на Руси есть пословица: добрая слава далеко заходит, а худая — еще дальше.

В первые дни моей работы второй секретарь горкома партии Александр Иванович Антонов сказал: «Юра, если хочешь, чтобы тебя уважали, нужно уметь выступать. Будешь выступать достойно, без бумаги — будут уважать, не сможешь — не будут уважать». И это обязательное условие для лидера любого уровня.

Я добился этого не сразу. Поначалу просто заучивал наизусть выступление, потому что первый опыт выступления в качестве инструктора горкома комсомола получился очень интересным и... провальным. Праздники — 1 Мая и 7 ноября — и в городе Раменское, и на районном уровне. И вот, будучи новоиспеченным инструктором райкома комсомола, отправился в Новохаритоново, чтобы участвовать в мероприятии по случаю Дня Октябрьской революции. Меня поставили на трибуну как представителя райкома комсомола. Выступают председатель исполкома, другие люди, все так хорошо говорят, играет праздничная музыка, и на меня это так сильно подействовало, что очень захотелось выступить. Я подхожу к ответственному за проведение митинга и говорю: «А мне выступить можно?» На меня посмотрели буквально сверху вниз: «А ты кто?» — «Да я — инструктор горкома комсомола». — «А, ну, конечно, можно». И меня включили в список выступающих. Я жду и чувствую, что во мне столько всего много, что я могу и хочу сказать, аж прорывает. Меня объявляют, я подхожу впервые в жизни к микрофону, начинаю: «Дорогие товарищи!...» Потом говорю две или три фразы такие, на пафосе, и... клинч, ступор полный! И я понимаю,

Ю.А. Липатов — первый секретарь Раменского ГК ВЛКСМ

что все мое выступление на этом заканчивается... Ну, постоял я еще немного, и пришлось ретироваться. Надо отдать должное аудитории — не было никаких улюлюканий, даже похлопали. Но мне было настолько стыдно, что я, даже не дожидаясь окончания митинга, «огородами, огородами — и к Котовскому», то есть побежал на автобусную остановку и ходу оттуда. Для меня, конечно, это было настоящей катастрофой, я не ел, не пил, почти не спал.

И вот как-то после праздников пришел я на работу (а приходил всегда очень рано, где-то в восемь), сижу у себя в кабинете, и вдруг в половине девятого открывается дверь, и заходит заместитель председателя исполкома Юрий Владимирович Иванов, который от имени городского комитета партии руководил этим митингом.

Входит, садится напротив меня и начинает:

— Ну как, оратор? Юра, ты не переживай. У всех у нас всякое бывает. Первый блин оказался комом. Но таких вещей допускать нельзя. Или ты готовишься, или лучше не высовываться.

Много еще сказал ободряющих слов, я до сих пор это помню. Говорю к тому, что не знаю, как сейчас, но в наше время мы ощущали очень доброе отношение и поддержку старших товарищей, и со стороны горкома партии, и исполкома, и со стороны руководителей организаций и завода. Было своего рода наставничество.

Меня же могли, что называется, размазать, обозвать мальчишкой, сопляком... Но для меня это стало такой школой, что на определенном этапе приходилось не только готовиться к выступлениям, но даже заучивать их наизусть. Так постепенно приходил опыт.

Могу вспомнить и другой случай. Это уже конец 1980-х, завершение так называемой перестройки. В 1985 году первым секретарем горкома партии был избран Александр Сергеевич Соколов, будущий депутат Государственной Думы и заместитель министра спорта Российской Федерации. Он меня пригласил на работу в качестве второго секретаря горкома партии, что называется, выдернул с должности главного инженера завода.

1989 год — время голодное, на всех полках магазинов стоят только трехлитровые банки с березовым соком. Психологическое состояние в стране тяжелое. А.С. Соколов был в командировке, я исполнял обязанности первого секретаря горкома партии.

Утром звонит директор крупнейшего авиаремонтного завода в Быкове, на котором работали более шести тысяч человек, и говорит:

— Юрий Александрович, я вас прошу приехать сегодня вечером и выступить перед коллективом. Люди хотят услышать, что происходит в стране, как понять все происходящее и чего в ближайшее время ждать.

Отказать невозможно. Деваться некуда. Договариваемся на 5 часов вечера.

Надо сказать, что начальство — ЦК и обком партии — не проводило никаких активов, никто ничего не говорил о положении в стране, о перспективах.

Приезжаю, с директором идем в знакомый мне Дворец культуры человек на 600. В фойе — ни одного человека, мне поясняют, что все в зале. Заходим на сцену, зал набит битком, все молча сидят в верхней одежде и ждут меня. Тяжелейшая атмосфера. Когда я из-за кулис посмотрел в зал, честно скажу, у меня просто мурашки по коже пробежали. Огромное количество людей ждут секретаря городского

комитета партии, который должен им рассказать что-то такое, что им неизвестно. А что я могу им рассказать? Беда в том, что они не понимают, что я, руководитель района, практически знаю не намного больше их, а может, и вообще ничего, что все новости черпаем только из телевизора, никто нас из партийного руководства страны и области никуда не приглашал, ничего не объяснял, как было раньше. Но при этом я также хорошо понимал, что, если в течение 5—7 минут не возьму на себя зал, они меня с трибуны моментально изгонят. Честно признаюсь, не помню, что я тогда говорил. Вот убей Бог, не помню. Единственное, что я для себя определил, — не надо суетиться. Мне потом сказали, что речь моя длилась минут 15. Потом пошли вопросы. Но с вопросами было уже проще. Главное — они меня приняли, а ведь могли вместе с трибуной выкинуть...

В целом, надо сказать, нам, партийным руководителям, в тот период было очень тяжело, ведь даже мыло выдавали по карточкам. Я никогда не забуду, как ко мне подошел инструктор горкома партии и сказал: «Юрий Александрович, я ведь никогда не думал, что мыло так быстро смыливается».

В комсомоле, с одной стороны, тебе помогали, тебя оценивали, тебя выдвигали, но в то же время ты и сам мог проявлять инициативу, предлагать свои идеи. Особенно когда у тебя есть цель, когда ты к чему-то стремишься. Как было у меня, когда я начал работать на заводе. Там я столкнулся с очень интересной и парадоксальной ситуацией. Будучи в течение трех лет молодым рабочим, но с высокой квалификацией, я получал очень большую зарплату, даже больше отца. И руководство меня уважало. А когда перешел вроде бы на повышение — стал инженером, то понял, что отношение к рядовому инженеру менее уважительное, чем отношение к высококвалифицированному рабочему, от которого зависит выполнение плана.

И вот как-то поздно вечером иду по коридору завода, а коридор был без окон, время ночное, освещение дежурное, и вижу: на стене висит плакат — Политбюро ЦК КПСС. Я взял стул, снял этот плакатик, принес домой и, изучая биографии членов Политбюро, увидел очень интересный алгоритм: все эти люди, независимо от того, какое они получали образование и в какой отрасли народного хозяйства начинали свою деятельность, потом обязательно работали в комсомоле или в партии. Не было ни одного человека, который стал бы политическим деятелем союзного масштаба, выйдя напрямую с директорской должности, пусть даже самого большого в стране завода. И уже позже я задавал вопрос старшим товарищам: почему так? Они отвечали, что кадровая политика партии такова, что человек, успешно справляющийся с работой в одной сфере, направляется потом в другую, третью... И если на всех этапах своей карьеры успешно себя проявляет, то считается унифицированным специалистом, умеющим разбираться в экономической работе и политической деятельности государства.

Когда меня избрали первым секретарем Раменского горкома комсомола, я поставил перед собой задачу, что по каким-то направлениям и позициям наша организация должна стать лучшей в Московской области. Для этого нужно было понимать, что район собой представляет. Он был третьим в области по производству продукции сельского хозяйства, занимал приличные позиции в плане промышленности. Поэтому, изучив ситуацию, я понял, что свои усилия нужно направить на то, чтобы деятельность городской организации была заметна в районе и людям, и руководству района. В Московской области было

несколько ударных комсомольскихстроек: Воскресенский химический комбинат и строящийся Давыдовский комбинат сельскохозяйственных машин на территории Егорьевского района. Силенок там не хватало, поэтому решением областного комитета комсомола нас обязывали оказывать помощь и направлять туда комсомольско-молодежные бригады. И я, как первый секретарь горкома, должен был найти и направить людей туда. А где я их мог взять? На предприятиях и заводах своего района. Но для того чтобы комсомольцев отпустили на какое-то время со своих производственных площадок на другое предприятие, у меня должны быть очень хорошие и уважительные отношения с руководителями предприятий и совхозов, ведь они могут дать, а могут и не дать, сославшись на свои трудности. Мне давали. И дальше я делал все для того, чтобы наши комсомольско-молодежные коллективы занимали призовые места. За первое место по показателям вручалось объединенное Красное Знамя обкома партии, Мособлсполкома, Московского областного комитета профсоюзов и обкома комсомола. Честно говоря, я был по-настоящему горд, когда на пленум горкома партии приехал секретарь обкома партии и публично вручил переходящее Красное знамя Раменскому райкому комсомола. Я также очень хорошо понимал, что должен честно отработать оказанное доверие.

Несмотря на то что мне неоднократно предлагали работу и в обкоме комсомола, и в горкоме партии, и в горисполкоме, я категорически отказывался, аргументируя тем, что мне нужно вернуться на производство. А когда проработал 8 лет в горкоме комсомола, понял, что нужно уступать дорогу преемнику, и позвонил первому секретарю городского комитета партии Леониду Витальевичу Смирнову, в будущем заместителю министра легкой и текстильной промышленности Российской Федерации, и попросил о встрече. Он пригласил меня к себе в 8 часов вечера. Это к вопросу о том, как люди работали. Леонид Витальевич долгие годы был директором текстильного комбината «Красное знамя», по сути, его буквально заставили избираться секретарем горкома партии, он очень не хотел уходить с комбината. Я ему и говорю, что мне пора уходить, близится конференция, нужно все подготовить.

— А что ты хочешь? — спрашивает он. — Куда?

Я понимал, что глупо ставить какие-то условия, поэтому ответил:

— Куда бюро горкома партии направит.

— Понятно. Вопрос будет рассмотрен и решен. Больше этот вопрос не поднимайте.

Этот разговор произошел в апреле, конференция должна быть через полгода. Пришел сентябрь, до конференции — полтора месяца, я молчу, выдержки хватило. Звонит второй секретарь горкома партии Виктор Филиппович Лайко, приглашает на встречу и говорит:

— Бюро горкома партии вопрос рассмотрело и предлагает вам на выбор три места: два небольших коллектива — директором завода и главным инженером электрозавода имени Куйбышева.

Я принял решение пойти на завод.

Это к вопросу о том, как складывается судьба человека: предлагают ему, или он сам что-то предпринимает. И опять же — из понимания того жизненного опыта, который я почерпнул с очень судьбоносного для меня плакатика с фотографиями и биографиями членов Политбюро ЦК КПСС.

Альберт Анатольевич Лиханов

*Инструктор Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ
Писатель, академик Российской академии образования
Президент Международной ассоциации детских фондов,
председатель Российского детского фонда, директор
Научно-исследовательского института детства
Лауреат премии Ленинского комсомола*

Свой среди своих

1

Как непросто это и как неловко — соединить радость и надежду, удачу и победу с грянувшей вдруг бедой и предательством, с безнадежностью, но и противлением, все-таки духовным несогласием в единении с простой мыслью — Родина-то у нас одна. Да и всё это к отметке совершенно невероятной — 100-летию комсомола, которое следует за оболганным 100-летием Октября.

Что в этом бедламе каждый из нас? Личность или песчинка в океане — безмолвная, движимая волнами, которые не спрашивают тебя о твоих соображениях... или «тварь безответная», которая всегда будет повторять то, что выкрикивают вздорные фальшивомонетчики «новых» истин?

Но, может, подводя итоги — а их следует подводить каждому, да и делает это всяк по-своему, — стоит просто спросить: а что сделал лично ты? И все ли, что мог, сделал? И чем, какими путами был повязан, чтобы оправдать перед отжитой жизнью несодеянное — насколько замысел был неисполним в силу неодолимости препон, и что может быть услышанным оправданием за неисполненный замысел?

Подлиннее всего, наверное, исповедаться самому перед собой, — не боясь при этом ни осуждений, ни укоров со стороны — да и исповедуясь-то самому себе же.

2

Я вступил в комсомол в 1950 году, семиклассником, тогда каждого «испытывали» в комитете школьной организации, спрашивали устав, задавали иные вопросы, и там зачем-то сидела рядом со мной на стуле седая старушка, наш завуч, — Мария Николаевна Шельпякова, награжденная за учительствование в войну орденом Ленина. Почему-то меня посадили на стул сначала рядом с ней, и тут она наклонилась ко мне и вдруг спросила шепотом: «У тебя большое сердце?» Я удивился, мотнул головой, но она продолжила: «А то у тебя жилка на шее так бьется!»

Нравилось, наверное, я просто сильно волновался, но вопросы по уставу оказались совсем простыми, потом в райкоме нам вручили билеты. Какое-то время я был комсоргом класса, но, подрастая, жил вовсе не комсомольскими интересами, но зато шесть (!) раз в неделю ходил в спортивные секции, занимался легкой

атлетикой и лыжами, и меня избрали физоргом школы. Дело было, конечно, в учителе физкультуры — его имя Николай Константинович Сычугов, и мы круто развернули дело. Школа была мужская, некоторых ребят корёжило послевоенное недоедание и дурное окружение, но мы, видать, используя мальчишечье самолюбие и жажду самоутверждения, сделали так, что все, без исключения, были включены во что-то спортивное. Две команды по 30 человек на ежегодной городской эстафете! Своя команда по русскому хоккею. Команда по боксу. Общешкольные соревнования по шахматам и шашкам. Массовая запись в секции детских спортивных школ. И результат — наш 10-классник Женя Брагин устанавливает на Всесоюзном первенстве рекорд Советского Союза по бегу на 800 метров для юношей.

Пацаны, пару лет назад подчиненные местной шпане, вдруг отрекались от хулиганского мира и вступали в секции, пусть даже бокса, но спорт не вооружал их умением драться, а ставил на свое место. Те, кто недавно провоцировал меня на «косалку», безоговорочно подчинялись моим почти что приказам при, например, расстановках в эстафетах. Мой класс заканчивал школу в 1953-м, и прежде хватало в нем неподчинения, доходившего до бевсовства, но за два года до аттестата вдруг неведомо откуда-то — и я думаю, через спорт и возникшее чувство командности — народ стал буквально хвататься за учебу. Всякий чувствовал, что детство позади, пора отвечать за себя, и как же, например, мы метались по городу в поисках учебника по математике Ларичева — там были задачи по всем разделам математики для поступления в вуз.

И мои дружки, в прошлом хулиганы, матерщинники и задиры поступили в вузы с первого захода (кроме троих). Один мечтал стать киномехаником и стал, хотя увлекался астрономией. А все остальные, кроме меня, гуманитария, оказались в университетах Москвы и Ленинграда, военно-механическом, Институте инженеров железнодорожного транспорта, горном... Командность, стремление победить в спорте привели к победам личным, и я был просто одним из всех. Кстати, командный наш, с тремя моими приятелями, областной рекорд 1952 года (малая шведская эстафета для мальчиков) не улучшен до сих пор! И опять же — он был именно наш, коллективный, а значит, общий, и вот это общее было главной сутью того, нашего, времени.

Стоял ли за этим комсомол? В то время в моем городе и на моих, так сказать, «рубежах» конкретно может быть и не стоял. Он был фоном. Но фоном государственным, который для всех — или для большинства — открывал возможность состояться в жизни.

Из нынешнего, сильно измененного мира хочу заметить: одним из способов внушения уверенности во всяких новых поколениях требуется не засилье развлечений, ручных действий и пусть даже умственного напряжения, вроде гаджетов, а засилье бесконечного контактного общения, которое дает только юношеский спорт.

Не спорт высших достижений — он явится сам по себе из высоких результатов, — а сотни тысяч доступных и бесплатных детских и юношеских спортивных школ, с миллионами детских команд по всем видам спорта. Шесть дней в неделю, когда я после уроков бежал на секцию, не позволяли погибать в безделье, ерунде, дурных выдумках.

Открытие Центральной городской библиотеки имени журнала «Смена» в Новом Уренгое

А еще мы много читали. Не буду здесь говорить об этом, потому что в результате этого и сам стал писателем. Но книги с высокими духовными установками в скрепе со спортом сформировали грамотное и деятельное послевоенное поколение, на которое немало чего легло.

3

Уральский университет имени М. Горького, куда я поступил на отделение журналистики, тоже не стал для меня «школой» комсомола, хотя я был знаком с первым секретарем нашего райкома Юрием Мелентьевым. Тогда он еще учился в аспирантуре истфака, а вырос в директора главного издательства комсомола «Молодая гвардия», замзава агитпропа ЦК партии и министра культуры РСФСР.

Так вот, комсомол в нашем университете поник и был незримо бит за реакцию на закрытое письмо по поводу культа личности Сталина. Свердловск был далековат от столиц, и студенты, услышав в закрытом письме поток обвинений в адрес только что искренне любимого вождя, задали простецкий вопрос: а где были вы, соратники Сталина, сейчас спрятавшиеся за «закрытое письмо»? Спустя десятилетия я написал и опубликовал роман «Оглянись на повороте, или Хроники забытого времени», который презентовал в том числе в Екатеринбурге. В нем я обозначил вопросы, так и не нашедшие ответа до сих пор — в силу вечного, наверное, не увядающего в любые эпохи, всякий раз измененного, но все того же неугасающего волонтаризма.

4

В родном Кирове, куда вернулся после университета, я совершил (или со мной совершилось) несколько событий. Первое — я женился на комсомолке и первом дикторе Кировского телевидения Лилии Александровне, у которой в 1941 году погиб на границе отец — офицер, а в 1945 году — мать. На эту тему я напишу повесть «Голгофа», а «Мосфильм» снимет картину «Карусель на базарной площади», где главные роли сыграют Регимантас Адомайтис и Сергей Гармаш, но дело в другом. Дело в том, что эта девочка стала моим духовным тылом, олицетворением совести, беды и доброты. И это именно то, что требовалось для становления мужчины.

Второе — я столкнулся сразу с 50 малышами-сиротами, которых привезли из районного детдома и передали в школу-интернат. От имени газеты и по ее поручению я участвовал в «благодеянии», когда ребят добрые взрослые разобрали по домам, но потом доброта сникла, и дети, за исключением двоих, усыновленных, вернулись в интернат.

Мне понадобилось 20 лет, чтобы не просто исследовать, но исстрадаться этой бедой. В Кирове, да и разъезжая по Сибири и Дальнему Востоку, я обошёл множество сиротских заведений. Во мне складывались два вектора: литературный — осмысливал повесть, получившую потом название «Благие намерения», и организационный — требовалось довести проблемы современного, «невоенного» сиротства до сведения властей и изменить эту систему.

Третьим краеугольным событием стало мое утверждение главным редактором областной молодежной газеты «Комсомольское племя».

5

Здесь я встретился и подружился с человеком, имя которого, увы, комсомол подзабыл. Его зовут Виктор Тимофеевич Дувакин. Он был секретарем райкома партии, в области начались перемены, и его избрали первым секретарем обкома комсомола. Не только он, но и парторганы готовили обновления всесторонне, и всех не устраивала «молодежка». Декабрьским утром 61-го меня вызвали в обком партии, вечером я уехал в Москву, там меня разглядывали, в том числе легендарный потом антагонист советской власти, а в ту пору секретарь ЦК Лен Карпинский — утром следующего дня я был уже на областной комсомольской конференции, где утвержден редактором и избран членом бюро обкома.

Виктор Дувакин был самодостаточный убежденец, человек, намного старше своих коллег равного уровня. И буквально через несколько месяцев, после мартовских выборов в Верховный Совет СССР, во время которых к нам приехал избираться Сергей Павлович Павлов, первый секретарь ЦК комсомола, Дувакина стали готовить в секретари ЦК по селу.

Своей основательностью, правдивым знанием русского села, отсутствием суетности и подобострастия он покорила Павлова. Мне, как редактору, Дувакин доверял безгранично, а с «ляпами» (у кого их не бывает) я приходил к нему сам. Однажды газета вышла без всеобщего девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (потеряли верстальщики, раньше ведь газеты верстались в металле). Я пришел к нему, протянул экземпляр газеты, пошутил, вроде

«Повинную голову топор не сечет». Он глядел, глядел на первую страницу, ничего не понял и ничего не нашел, пришлось указать на отсутствующее. Он чертыхнулся. Посмотрел пристально на меня: «Кто заметил?» — «Ну я, неизвестно даже почему, еще один-другой из наших сотрудников». Дувакин помолчал и предложил: «Самим распространяться не надо. Ну а если сверху позвонят — отсылай ко мне». Никто больше этого прокола не разглядел. Даже цензура. Впрочем, она тоже должна была бы за такое отвечать, но кому охота?

Дувакин, пожалуй, и разбудил во мне уже взрослое, не комсомольское, отношение к комсомолу. В командировках по районам я был вместе с ним раза два-три, и всегда он на глазах у меня достигал предметной цели. Его встречали первые секретари райкомов партии. Чаще всего он смотрел, ходил, спрашивал и добивался чего-то вместе с ними. Это было разумно, без всяких конфликтов, но со всегдашним установлением сроков. А что за дела? Коммуна молодых животноводов в одном районе, пренебрежительное отношение к ученикам и ученицам главы роно, ну и детские дома, когда я с ним, он не обходил. Тут же выделял деньги из комсомольского бюджета, знакомился с людьми искренне, будто с родней, забытой, но найденной. И связи с ними потом продолжались.

Это длилось недолго. Дувакина избрали секретарем ЦК в мае 62-го, на XIV съезде.

6

Газета наша делалась дерзко, остро, ее тираж за несколько месяцев вырос до 40 тысяч (с 10 тысяч). Сразу после визита С.П. Павлова к нам приехала из Москвы целая бригада, которая выпустила записку об опыте редакции (я ее до сих пор не читал), а когда в Москву забрали Дувакина, мне то справа, то слева стали сообщать, что и меня готовятся забрать в Златоглавую.

Но Дувакин ничего не говорил, да и я никуда не рвался. И вот тут уже отдел пропаганды (а именно Валерий Ганичев) стал предлагать мне инструкторскую должность. Уехал я, правда, из Кирова в прямо противоположном направлении — в Новосибирск, собкором «Комсомольской правды» по Западной Сибири. Вместе с женой и маленьким сыном. Лиля не побоялась сменить свое звездное положение на роль детского библиотекаря. Судьба, правда, быстро исправила эту ошибку, ее скоро пригласили в телестудию, а когда меня забирала в Москву, всячески уговаривали со мной не уезжать.

Полуторогодовая командировка в Новосибирск занимает в моей жизни важную строчку. Ярослав Голованов, громкоголосый справедливец из отдела науки, кричал на редколлегии, где меня утверждали: «Ты будешь собкором по науке! У нас полно умельцев по селу, по рабочей молодёжи, по комсомольской жизни, а по науке ни одного! Газете надо восстановить отношения с Академгородком!» Тогда эти отношения хромали, и я занялся таким восстановлением. Горжусь до сих пор, что был знаком с основателем Сибирского отделения Лаврентьевым, ядерщиком Будкером, генетиком Беляевым, математиками Ляпуновым, Векуа, Соболевым, археологом Окладниковым — кто поминает в столиках их нынче?

А Юра Журавлев, мой ровесник, в те дни моего собкорства получивший Ленинскую премию в одной из сложнейших, да ещё и закрытых отраслей ма-

тематики! Его избрали в ЦК комсомола, и он был его неболтливым украшением — молодой человек, добившийся сверхпобеды! Позже он станет академиком.

Тогда же я познакомился с ещё одним будущим академиком Анатолием Деревянко, позже он будет секретарем ЦК комсомола по пропаганде — зачем это выдающемуся знатоку археологии, думал я, и лишь иногда спохватывался, когда он прилюдно говорил о чем-то. Это была речь человека из другого мира: другое построение фраз, аргументация, словарь, наконец. Комсомол приближался к высоким сферам науки, а она украшала комсомол, и хотя это не вылилось все-таки в сложную систему, попытки происходили. Новосибирские же эксперименты системы НТТМ (научно-техническое творчество молодежи), закамуфлированное под комсомол предпринимательство (денежно успешное!), завершились скандалом с кучами неучтенного нала, но к науке отношения не имевшего. Так называемые коммерческие инновации, из которых в Москве чуть позже вызрел Ходорковский и другие молодцы от бизнеса, в Сибири провалились. Моё сознание не способно признать их частью комсомола.

Комсомол происходил от Павки Корчагина — Николая Островского, от молодогвардейцев, от героев Брестской крепости. А в Сибири 60-х годов их последователи жили рядом.

Навсегда в моем сердце Али Алиджанов, перенёсший туберкулёз, заработанный на изысканиях, но воспрянувший — тогда секретарь комсомольской организации и главный инженер проекта «Сибгипротранса», позже — директор этого института, проектировавшего все железные дороги от Урала до Тихого океана, а ещё позже — мэр Новосибирска. А тогда я написал о нем «распашной» очерк в большом формате прежней «Комсомолки» — два подвала, только сверху, так называемый «чердак». Вдруг звонит главный редактор «Комсомолки», мой начальник Юрий Воронов, мальчик блокадного Ленинграда, потом — большой поэт. Говорит: «Сейчас позвонил Павлов. Сказал: «Вот так надо писать о комсомоле». Не радоваться нельзя. Но дело — я всегда это старался отличить от всего другого — было не в «писать», а в «жить» и «делать». Алиджанов был таким до конца.

Там же, в Сибири, явилось такая практика — воинские эшелоны новобранцев возглавлял комсорг обкома — им был Володя Саваков, тогда завотделом военно-патриотического воспитания, много лет спустя — помощник предсовмина СССР Н.И. Рыжкова. Его приключения в ранге комсорга эшелона я переплавил в повесть, мной самим разок напечатанную и забытую. Но вдруг Свердловская киностудия ставит по ней фильм «Воинский эшелон» (сценарий Валентина Черных). Опять — отвага, мужество, жизнь, где подвиг соседствует с простотой и смехом.

Бывал я и на Запсибе, к примеру. Слыхивал про легендарного бригадира монтажников Николая Петровича Шевченко. И вот в белгородской больнице, где я недавно оказался, подходит ко мне громадный человек и говорит: «А я вас знаю! Я — Шевченко». Может, кто-то что-то не поймет, но имена подлинных героев, и не только комсомола, знали все, кто хотел знать и верить в свою собственную жизнь. Только сейчас выяснил: Шевченко из Новокузнецка направили в Старый Оскол, где он построил гигантский комбинат, был там первым секретарем горкома партии, затем председателем облисполкома, а орден

Председатель Советского детского фонда А.А. Лиханов и секретарь ЦК ВЛКСМ Л.И. Швецова у подаренного детскому дому грузового автомобиля

Ленина получил на Запсибе, мальчишкой. Имя легендарного монтажника маргенов знала вся Сибирь.

7

Я так жадно вцепился в собственную память о короткой жизни в Сибири, пожалуй, потому, что тогдашнее ее дыхание оставляло совсем другой след в душе, лишенной коммерческих помыслов, жадности, рвачества, имущества и других подлых, разрушительных, но сущностных по нынешним временам ценностях. Вот досрочно построить домну — да! Провести новую дорогу — да! Открыть месторождение газа в Уренгое — да! И хотелось не только мне, к примеру, а всей стране, чтобы для детей в Уренгое, который только начинался, а народ жил в строительных «бочках», скорее построили библиотеку. И «Смена», где меня утвердили главным редактором после тяжелой операции, построила там одну за другой аж две библиотеки — для молодых строителей и для детей и юношества, и обеим власть присвоила имя «Смены». Они до сих пор существуют, теперь в жилых домах, а тогда рабочие их собирали из деревянных панелей, которые сконструировали в родном мне Кирове, и для меня это тоже была радость. При этом моего звонка начальнику Генштаба Николаю Васильевичу Огаркову — пусть я и был главным редактором «Смены», которая много писала о нашей армии, — оказалось достаточным, чтобы нам, молодежному журналу, и раз, и два выделяли целые эскадрильи военно-транспортной авиации для перевозки воздухом и

самих стен библиотек, и книг для них, собранных читателями, и всякого библиотечного оборудования. Правда, во второй раз он сказал мне, обращаясь на «ты», как к родному:

— Понимаешь, ведь я в Афган даже воду самолетами вожу.

Вот что за времена это были. Я ему ответил, что понимаю, но ведь дорог в Уренгой нет. И все состоялось, как в сказке. И я этим «ты» горжусь по сей день — это не солдафонство было, нет, не грубость, напротив, признание меня своим, делающим дело, общее с заботами маршала Огаркова, а значит, и армии.

«Смена» считалась журналом рабочей молодежи, и мы не могли не писать о тех, кто по призывам партии, по путевкам комсомола и просто по совести своей ехал в Сибирь и на Дальний Восток, чтобы Родине помогать. Мы выпускали целевые номера, посвященные Западной Сибири, Восточной Сибири, Дальнему Востоку, создавая систему молодежного целеполагания, осмысленности выбора жизни теми, кто ехал туда и работал там. И в голову нам не могла тогда пробиться идея, что осваивать эти земли можно за бесплатный гектар, которым тебя одарят, облеченные таким правом...

Я горжусь тем, что целая группа наших «журналюг» — сменовцев во главе со мной получила медали «За строительство Байкало-Амурской магистрали», что меня позвали сварить «красный» стык газопровода Уренгой — Западная Европа за построенные там библиотеки.

8

Но, отодвинув на время эту могучую практику живого комсомола, хочу вписать несколько фраз о деле не менее могущественном и незабываемом.

Приехав в Москву, я привез с собой из Сибири разработанную идею: собрать молодые литературные силы тех мест и выпустить книжную библиотеку «Молодая проза Сибири». В 50 томах.

Список авторов, действительно молодых, был наготове, идея — объединить написанное о Сибири новым писательским племенем — наиважнейшая. Павлов идею одобрил, в Госкомиздат РСФСР ушло письмо за подписью секретаря ЦК ВЛКСМ А.И. Камшалова. Через пару дней меня ищет по телефону Иван Григорьевич Падерин — писатель, сибиряк, а в ту пору еще и работник того самого комиздата, куда ушло письмо.

Реакция одна: полный восторг. Большой ЦК уже одобрил. Давайте редколлегию, совместное решение, издательские расчеты, главного редактора издательства уже вызвали в Москву. Предлагалось исполнить проект за 5 лет — по 10 томов каждый год. Обернулось сроком в 10 лет по 5 книг. Прочитано самое малое 250 рукописей. После завершения проекта, где я по должности сначала был рядовым членом редколлегии, а завершил библиотеку ее главным редактором — но не это главное, — я ощутил идейное завершение смысла соединения Сибири, ее истории на всех этапах, живой, на глазах создающейся литературы и молодой крови эпохи, то есть комсомола.

Все это слилось в единый, высококачественный проект, где присутствовали и народы, населявшие Сибирь, их родовые признаки, и история освоения этой земли русскими первопроходцами, и великая индустриализация, и рево-

люция, и пришедшая туда наука, и, наконец, молодой порыв современного созидания, который, конечно же, инициировал комсомол.

Я давно знаю и люблю Игоря Ильинского, теперь серьезного ученого — философа и социолога, лучшего теоретика — да и практика — мира молодежи. Мы познакомились в Новосибирске, когда я собкорил, а он был первым секретарём райкома комсомола. Редакция поручила мне организовать статью о практике комсомольской жизни, мне рекомендовали Игоря, и он, для меня совершенно неожиданно, отгрохал острую, проблемную и конструктивную статью, которую «Комсомолка» напечатала. Её прочитали «кому надо». Вызвали Ильинского в Москву на «смотрины». Прошло несколько месяцев, и Ильинского забрали в ЦК. И кем? Ответственным организатором знаменитых всесоюзных ударных комсомольскихстроек: Братская ГЭС, Усть-Илимская ГЭС, Братский лесопромышленный комплекс, железнодорожная ветка Хребтовая — Усть-Илимск и другие. Потом появились его новые публикации. Игорь проводил в командировках 200—250 дней в году, попутно ему поручали присматривать за положением дел на Саяно-Шушенской, Дивногорской ГЭС. Без представителя ЦК там не решались многие важные дела, особенно когда речь шла о нуждах молодых людей.

Лишь многие годы спустя я узнал от Игоря его собственную историю. Кто он? Маленький коренной ленинградец, проживший в гитлеровской блокаде 323 дня самой голодной и самой холодной зимней поры 1941—1942 годов. Когда это стало возможно, его вместе с сестрёнкой, братом и матерью вывезли из Ленинграда и доставили в Новосибирск, а отсюда отправили на 120 километров в таежную деревню Петушиху (колхоз им. Жданова), поселили в рассыпающийся домишко. Здесь было, конечно, не так холодно и голодно, как в блокаде, но жили только на те овощи, молоко и другие продукты, которые удавалось выменять на одежду, привезенную с собой из Ленинграда. А муж и отец, проводив семью, ушел добровольцем на фронт. Мать написала ему отчаянное письмо. Отец обратился к Сталину. И вот однажды — чудеса! В деревню эту, куда не добирался никакой иной транспорт, на коне прискакал офицер из Маслянинского райвоенкомата. Врывается в правление колхоза, кричит там что-то, выбегает, вскакивает на коня, выхватывает револьвер и стреляет в воздух. Председатель колхоза с подручными бегут к избышке, где обитает эвакуированная семья, наконец, решают, как помочь ей с ремонтом дома и огородом. Отец Игоря героически погиб на фронте, брат умер в этой эвакуации, мать и сестра Ирина после семилетних мытарств в таежной глухомани переехали вместе с Игорем в Новосибирск, где тоже хлебнули немало лиха, но дожили до седых годов.

А Игорь сквозь ударные стройки и терпеливые труды вырос в доктора наук, ректора Московского гуманитарного университета, в прошлом — Высшей комсомольской школы. Лучший в стране знаток проблем молодёжи, социолог, философ. Дитя войны в высоком смысле слова! Игорь и прозу об этом сам написал. Жаль, поздновато, «Молодая проза Сибири» ушла в историю. Но вот именно так, в соединении с трудом, нравственными установками, с верностью к Отечеству, верностью ему и слиянием с другими людьми, другими усилиями и иной, но такой же самоотверженной работой рождалось единство молодых сил по имени комсомол.

Именно вот так в те годы издавалась, а главное, писалась наша 50-томная «Молодая проза Сибири», столь нужная тем, кто осваивал Сибирь. Растянувшееся на целых десять лет издание этой солидной серии, именно этим сыграло нежданно позитивную роль, потому что в неё «успели» войти романы и повести молодых писателей о молодых же героях того самого современного строительства.

Материальный труд сливался с духовностью, и одно служило другому, соединяясь в действующее, а не потребляющее государство, выстроенное народом в буквальном смысле. Сделать это могли люди, верующие в цель. И мы, те, кто был тогда в управленческом или даже исполнительском ряду комсомола, жили именно этими, духовными, а не собственническими интересами.

Собственничество было делом постыдным.

9

Довелось мне, недолго работая в аппарате ЦК, принять участие и еще в одном историческом деле. В 1966 году С.П. Павлов решил учредить премии Ленинского комсомола, а мне, как инструктору отдела пропаганды, поручили подготовить все главенствующие документы.

Они «вылизывались» коллективно, такая существовала практика, ну а имена лауреатов нам в отдел спустили сверху. Все оказалось в десятку! Список был недлинным, но совершенно уверенным и надёжным: музыка — А. Пахмутова и Н. Добронравов, литература — В. Чивилихин и грузин Н. Думбадзе, кино В. Жалакявичюс за фильм «Никто не хотел умирать», театр — Киевский ТЮЗ, спектакль «Молодая гвардия». А посмертно и первому — Николаю Островскому. И денежная часть премии была равна Государственной премии СССР! По крайней мере, это сделать позволили «высшие слои атмосферы» один, первый, раз.

Сама эта награда, существовавшая до слома советской власти и комсомола, сложилась в объективную систему формирования художественной элиты, служившей народу, а не его «заклятым» друзьям. Если громадные, подчас именно «великие» стройки соединяли миллионы людей труда, то премия формировала взгляды и идеологию творческой интеллигенции. И это ей удалось! Сотни и тысячи деятелей культуры разных народов, а потом и учёных, воссоединяли воедино советскую культуру — со своей верой в народ, верой в честь и достоинство всех перед всеми. А что и кого соединяет теперь? Деньги под мнимыми девизами лукавых «общественных» премий, ничего не говорящими ни уму ни сердцу?

10

В 1976 году я был удостоен премии Ленинского комсомола, а в 1980-м — Государственной премии РСФСР имени Н.К. Крупской. Решающую роль в присвоении первой премии сыграл председатель Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков, второй — первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич Пастухов.

Пишу об этом с душевной им личной благодарностью, потому что эти две премии стали для меня как два крыла для птицы. Я, получалось, набирал высоту, совершенно не думая об этом. Но в один прекрасный миг уровень обще-

ственного авторитета совпал с моими давними печальями о сиротском мире. И помог им.

Я ходил к очень многим, предлагая сделать что-то серьезное для изменения жизни ребят с такой судьбой. У кого только не был! Встретился один на один с министром просвещения СССР М.А. Прокофьевым. Не пробивалось!

Но вот генсеком ненадолго становится К.У. Черненко. А первым помощником у него — бывший работник ЦК комсомола, мой приятель Виктор Прибытков, которому я не раз жаловался на эту истинно национальную беду. И вдруг Виктор звонит мне и говорит: «Неси скорее свою записку!» После того как я её тут же написал, снова звонит: «Поздравляю! Дано поручение готовить постановление ЦК и Совмина СССР. Поручено Алиеву!»

Скажу только, что Гейдар Алиевич Алиев выполнил эту работу блестяще. В 1985-м появилось первое постановление, перевернувшее сиротский мир. Через два года, став председателем Совета Министров СССР, Николай Иванович Рыжков позвал меня в Кремль, встретил на пороге своего кабинета вместе с женой, Людмилой Сергеевной, и я 3 часа 40 минут рассказывал им о положении детей в СССР. 31 июля 1987 года меня позвали выступить на заседании Политбюро при рассмотрении проекта нового постановления по сиротству. Потом мне шепнули: «Еще ни один писатель не выступал на ПБ по вопросам, литературы не касаемым».

Комсомол в документе упоминался мельком. И если он исчез в ближние годы, то Детский фонд, сначала советский, а теперь российский, живет и трудится, следуя идеям святости трудного детства — идеям и божеским, и светским, и советским, чему все годы своей жизни верой, правдой и самым смыслом своим следовал комсомол.

11

Получилось как-то не вполне скромно. Написал о себе, но не обо всем комсомоле. В то же время надо ли мне судить о таком гигантском и историческом деянии и пространстве, как большой комсомол и его достойные дети.

И все-таки всему, чего добился и не добился, всему, что сделал и не сделал, я благодарен и комсомолу, и всему нашему тогдашнему государству, пусть это и звучит высокопарно.

Это тогда передо мной раскрывались двери, это тогда мне предлагали — иди вперед и добьешься, это тогда, хотя и не всегда, и не всюду, и не у всех, я мог быть и стал услышанным.

Посчитаю: я вступил в комсомол в 1950-м. Значит, из 100 возможных лет — 68 я если и не числюсь, то полагаю себя верным ему. Как и верным Родине и делу, которому служу во всех своих обязательствах. Из этих 68 двенадцать лет был членом ЦК ВЛКСМ. До ухода в Детский фонд из «Смены» был председателем Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ. Дважды выступал на съездах комсомола.

Так как же я должен думать о комсомоле?

Кто я сам-то для него?

Скажу просто — свой!

Точнее: свой среди своих.

Виктор Николаевич Лобко

Первый секретарь Гатчинского горкома комсомола

Первый секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ

Секретарь ЦК Компартии Узбекистана

*Заместитель заведующего отделом партийного
строительства и кадровой работы ЦК КПСС*

*Заместитель начальника Октябрьской железной дороги
по кадрам и социальным вопросам*

Вице-губернатор Санкт-Петербурга

*Президент Петербургского государственного
университета путей сообщения императора*

Александра I (ПГУПС — ЛИИЖТ)

Романов оказался прав

Гатчинская городская комсомольская организация была одной из лучших в Ленинградской области, и, честно говоря, я думал, что там пройдет вся моя жизнь. У меня сложились добрые отношения не только в горкоме комсомола, в горкоме партии, но и в районе. Ко мне очень хорошо, по-доброму относились руководители предприятий, организаций. Более того, мне дали квартиру в Гатчине. Мы наконец начали жить в комфортных условиях, с удобствами, с горячей водой. Причем на работу можно было ходить пешком. Я с такой любовью отделявал новую квартиру: сам плиточкой облицевал ванную, в прихожей все обустроил, славно все было. Мы с женой, два сыночка и бабулька с нами.

Однажды приглашает меня первый секретарь Ленинградского обкома комсомола Анатолий Степанович Ефимов и говорит: «Слушай, есть такое предложение — избрать тебя секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ. Ты будешь заниматься вопросами рабочей молодежи. Вопрос согласован, на пленуме тебя изберут». Для меня это было как удар молнией. С одной стороны, это очень серьезно и важно. А с другой — я же плиточкой только-только отделал все в новой квартире, мы же только-только начали нормально жить, комфортно. Но меня все-таки избрали секретарем обкома ВЛКСМ, хотя, на мой взгляд, я ничего особенного не совершил. Второй секретарь стал первым, а меня сделали вторым. Это была уже другая деятельность, надо было решать оргвопросы, кадровые вопросы. И это то, чем я занимался практически всю оставшуюся жизнь.

Потом, когда секретарем ЦК ВЛКСМ стал Дмитрий Николаевич Филиппов, которого во времена Собчака варварски убили прямо в подъезде его дома на Тверской улице, меня вдруг приглашает Григорий Васильевич Романов — тогда первый секретарь обкома КПСС, и говорит:

- Ну что, Виктор, Диму-то мы отдали.
- Я к этому не причастен.
- Ну ладно, ладно, а кто на место Димы?
- Не знаю.

— А ты что, не думаешь, что ли?

— Я знаю, что об этом есть кому думать.

— А ты что, сам не можешь, что ли, быть избран первым секретарем обкома комсомола?

— Это исключено.

— Почему?

— Понимаете, это все-таки Ленинград. Это — святое. К тому же родился я не в Ленинграде.

— Ну и что? И я — не в Ленинграде. Какая разница большая: я родился в Боровичах, а ты — в Барановичах.

— Нет, это невозможно.

— Почему невозможно?

— Понимаете, какая ситуация, это особый город — Ленинград. А я же не русский человек.

— А ты кто?

— Белорус.

Как он кричал на меня! Человек, который всегда был очень выдержанным, корректным, ни одного матерного слова не произносил. Он был всегда образцом того, каким должен быть руководитель такого уровня. И вдруг он на меня кричит:

— Что ты говоришь? Да кто тебе эту чушь, эту дурь в голову втемяшил?! Да как можно вообще так рассуждать?! Да какое это имеет значение? Уходи!

Я вышел из его кабинета и, как побитый пес, ползая по длинному коридору Смольного, поняв, что что-то сделал не так. И тут слышу, как будто с того света, голос его секретаря. А он девочек в приемной никогда не держал. У него в секретарях были пожилые мужчины. И Степан Афанасьевич зовет:

— Витя, Витя, вернись. Иди быстренько сюда, шеф требует.

Захожу снова в кабинет к Романову, он стоит перед столом, широко расставив ноги, чувствуется, что он еще очень напряжен:

— Ну вот что. Некогда мне тут воспитывать тебя. Завтра в 10 часов у секретаря ЦК КПСС Капитонова ты должен быть на собеседовании. Как вести себя, знаешь. Вернешься — доложишь.

Впоследствии, через много-много лет, когда я работал в ЦК КПСС, когда по всем швам трещал Советский Союз и распадался, когда в Азербайджане народный фронт разгромил две погранзаставы на границе СССР и Ирана, я, в составе группы работников из Москвы, был направлен туда. Надо было ехать в городок Ордубад, где были эти погранзаставы. Я бывал там и раньше, там жили люди добрые и приветливые. А тут все вздыбилось, все напряженные и страшно злые. Имея опыт работы с мусульманами, я попросил, чтобы там собрали аксакалов. Потому что, когда тебя начнут бить, и больно, и по лицу, только аксакалы смогут защитить.

В. Лобко — студент ЛИИЖТа

Приехал в Ордубад, там площадь небольшая, на ней собрались 5—7 тысяч человек. Трибуна была поставлена у памятника, и все кричат.

— Чего кричат?

— Требуют, чтобы вышел москвич.

А москвичом был я в то время. Вышел я на трибуну, рванул шапку с головы и минут 40 произносил речь, а то и больше. Зима, снежок порхает, безветрие. Огромная масса людей, все черноголовые. А пограничники заблокированные — все не местные, в основном из России. И я, обращаясь к толпе, говорю:

— Ну как же вы можете поступать с представителями этого народа, народа, который вас вытащил из тьмы средневекового мракобесия, который в самые трудные минуты делился последней крошкой хлеба? Я имею моральное право вас попрекать, потому что я сам нерусский.

Из толпы раздались возгласы:

— Кто-кто?

— Я белорус.

— Ах, негодяй, он себя еще нерусским считает, — взревела толпа. И я вспомнил тот случай. Романов таки был прав.

Передача опыта

Работая первым секретарем обкома, я проходил очередную школу жизни. Школу, которую не пройдешь ни в одном учебном заведении и о которой ни в одном учебнике не прочитаешь. Тогда партийные руководители передаче опыта придавали огромное значение. Звонок. По прямому звонит Романов:

— Что делаешь-то? Ладно, отложи, быстренько спускайся ко мне, к подъезду, поедем на Кировский завод.

Приезжаем. Ходим по цехам. Он общается с рабочими: с пожилыми, с молодыми, где-то шутит, с кем-то советуется. Потом проходит большое совещание с руководителями цехов и производств, обсуждается проблема производства трактора. А тогда решался вопрос о значительном увеличении производства трактора К-700 и переходе на новую модель. Идет совещание, достаточно жаркое, о чем-то спорят. Я сижу и не понимаю, для чего я здесь сижу. Просто смотрю, просто слушаю. Выступают начальники производств, руководители подразделений, генеральный конструктор Николай Сергеевич Попов. Принимается решение, едем назад. Он в машине спрашивает:

— Ну, что ты можешь сказать мне по поводу того, что ты видел и слышал? Как, ты считаешь, это совещание прошло? Кто прав, кто не прав?

Я что-то начинаю от волнения лепетать.

— Нет-нет, ты подожди. Ты вот обрати внимание. Вот эта категория людей — им главное, чтобы меньше работать, но чтобы денежки были. Вот эти понимают государственное значение процессов. Но главное, это то, что сказал генеральный конструктор. Ты помнишь, что он сказал? Что мы решаем проблему не Кировского завода и даже не Ленинграда. Мы решаем проблему Союза Советских Социалистических Республик. Ты обратил внимание, что народ уже устал? Мы этих кировцев, путиловцев уже замучили: то одно задание, то другое. Причем тракторы — это не самое главное производство Кировско-

го завода. Там кое-что другое делали и делают до сих пор. Попробуй поднять молодежь Кировского завода, — говорит мне Григорий Васильевич, — чтобы молодежь Кировского завода была инициатором.

Как это сделать, пока не понимаю. Но я же не могу сказать «нет».

Через день-два собираю совещание комсомольского актива Кировского завода. На Кировском заводе в то время работали 60 тысяч человек. 40 тысяч работали у нас, в Ленинграде. И 20 тысяч — на тихвинских производствах. Комсомольцев там было не 40 тысяч, но, если мне память не изменяет, тысяч шесть набиралось. Собираю комсомольский актив, приезжаю к ним. А там все такие ребята простые, в робах, в касках, в сварочных масках. А я такой пижон, при галстучке, наглаженный сам.

Начинаю что-то им говорить. Они меня слушают, слушают. Потом уж не помню кто:

— Ну, хватит нам уже рассказывать сказки, агитировать за советскую власть. Ты скажи конкретно, что надо и что ты сделаешь.

И тут я понимаю, что, если я не отвечу на их запрос, они мне просто скажут, мол, парень, не мешай нам жить и иди отсюда.

— А что вам надо?

— А вот ты сделай так, чтобы это производство было объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой. И всесоюзным объектом.

И я чувствую, что у меня выхода нет. Если только через форточку.

— Хорошо, будет вам ударная комсомольская.

Я не имел никаких оснований так говорить. Но рискнул. Они в свою очередь сказали, что берут на себя обязательства, проявляют инициативу и так далее. Я приехал в Смольный. А кабинет первого секретаря обкома комсомола тогда находился в шестом подъезде — монастырская часть справа от Смольного собора во второй часовне. Кстати, иностранные гости, которых бывало немало, меня всегда спрашивали:

— Ну и как вы, молодой коммунист, чувствуете себя под православным крестом?

— Как у Бога за пазухой.

Вот я приехал туда, к Богу за пазуху. Звоню Евгению Тяжельникову, первому секретарю ЦК ВЛКСМ. К тому времени я уже был членом бюро ЦК ВЛКСМ и мог себе позволить прямые разговоры.

— Евгений Михайлович, вот такая ситуация. Надо объявить ударную, комсомольскую.

— Ой, да как вы можете?! Да как вы смеете? Да вы даже не понимаете, да это решение принимается в ЦК КПСС. Это же...

— Евгений Михайлович, ну понимаете, я уже дал слово. И у нас назначен на послезавтра пленум обкома комсомола, где мы должны принять решение, что это — ударный объект и что это — ударная комсомольская.

— Виктор Николаевич, кто вам дал право?

— Нет, это не право, это поручение мне дал член Политбюро ЦК КПСС Григорий Васильевич Романов.

Это была, конечно, козырная карта, которой нельзя было пользоваться каждый день, но в трудные минуты она срабатывала безотказно. Он бросает трубку, и все. Проходит день, второй, тишина. Наступает день пленума обкома

комсомола. Мне говорят, что все уже собрались. И вот пора идти на заседание. Телефон молчит. Я уже беру папку с докладом, и тут телефон. Москва:

— Виктор Николаевич, я хочу вам сказать, что секретариат ЦК КПСС с вниманием отнесся к вашему предложению и принято решение объявить тракторное производство Кировского завода ударным комсомольским объектом Советского Союза. Но впредь, запомните, сначала надо советоваться.

Всесоюзная стройка

Пленум прошел, ударный объект работает. Но, честно говоря, я до конца не очень даже понимал, в чем прелесть этого. Я понимаю, что такое ударная комсомольская стройка БАМ или строительство Ленинградской атомной станции. Мы туда посылали отряды. А тут — действующее производство. Директор Кировского завода Василий Иванович Улыбин, Герой Соцтруда, он эти вещи хорошо понимал, но молчал до поры до времени. А когда ударная была объявлена, сказал:

— Виктор, надо собрать всесоюзное совещание секретарей комитетов комсомола всех предприятий, которые участвуют в создании трактора «Кировец».

Оказалось, что таких предприятий 529 на территории Советского Союза. Собрались у нас в Ленинграде основные, приехали человек 150—200. Совещание решили провести в ДК Кировского завода. С каждым из секретарей комсомола с этих производств приехали или главный инженер завода, или технолог, или сам директор. Идет совещание, выступают секретари, рассказывают, какие проблемы, что получается, что не получается. Василий Иванович Улыбин не сел за стол президиума, он сел за кулисами и старательно все записывал: где какие беспорядки, где какие проблемы. И так он узнал истинное положение дел. Был один анекдотичный эпизод, связанный с Херсонским заводом коленчатых валов. Задают вопрос:

— Почему вы срываете поставку коленчатых валов в нужном количестве?

— Дело в том, что мы эти коленчатые валы вытачиваем из заготовок, которые нам поставляют Кировский завод. Так что если вы нам сорвали поставку заготовок, то мы вам срываем поставку коленчатых валов.

Улыбин аж вскочил

Есть еще один важный момент. Эти ударные комсомольские объекты постоянно были под контролем ЦК КПСС, и каждую неделю туда направлялась сводка поставок материалов и поставок оборудования. Это имело огромное значение. Например, Тагильский трубный завод поставляет полутора тысячам потребителей свои трубы разного калибра и диаметра. Но в числе этих потребителей — 15—20 ударных строек. И завод в первую очередь отгружает продукцию им, чтобы его не спросили в ЦК КПСС, почему нарушаются поставки. То есть для работы на этих стройках создавались более комфортные условия — с точки зрения порядка и четкости организации процесса.

И через некоторое время я получил орден Трудового Красного Знамени. Его вручили не одному мне, а очень многим людям с Кировского завода, ко-

торые были удостоены государственных наград за выполнение государственной задачи.

Геннадий Селезнев

В те же годы я познакомился с Геннадием Николаевичем Селезевым. Или он со мной. Как он стал редактором газеты «Смена», я запомнил на всю жизнь. Шел 1974 год. Тогда газеты являлись печатным органом какой-либо общественной организации или советской власти.

Газета «Смена» была органом обкома и горкома ВЛКСМ. В это время в «Смене» был редактором хороший журналист, неплохой детский писатель, но уже очень немолодой человек, у которого были проблемы со здоровьем. Из-за этого в газете начались проблемы. Коллектив, в основном молодежный, почувствовал слабость руководства, стал хуже работать, часто допускались ошибки. Начались конфликты. После очередных ошибок остро встал вопрос о том, что газету нужно укреплять. Руководство обкома и горкома ВЛКСМ давно хотело поставить редактором «Смены» молодого, современного, как сейчас сказали бы, креативного журналиста, в то же время понимающего задачи комсомола. Таким человеком оказался Геннадий Николаевич Селезнев, который в это время работал заместителем заведующего отделом агитации, пропаганды и культуры обкома ВЛКСМ и как раз оканчивал факультет журналистики ЛГУ им. А.А. Жданова. Мы понимали, что «Смена» — это старейшая комсомольская газета нашей страны. Ей всегда уделялось особое внимание со стороны партийных и высших комсомольских органов, да и наши коллеги, так же как и журналисты всей страны, присматривались, о чем там «Смена» пишет. Геннадий Николаевич был очень подходящей кандидатурой, потому что он уже прошел хорошую жизненную школу — окончил профессионально-техническое училище, поработал на заводе «Компрессор» токарем, отслужил в армии, проявил себя как комсомольский активист и поэтому оказался на комсомольской работе. Да и мне, в то время первому секретарю обкома ВЛКСМ, он нравился своей прямоотой, честностью, умением слушать и понимать самых разных людей. Но, несмотря на это, мы решили все же сначала проверить, как примет его непростой коллектив «Смены», сможет ли он проявить себя как журналист. Поэтому сначала назначили его заместителем редактора, тем более что это было в нашей компетенции. В течение полугода мы присматривались, как он вживается в коллектив, как набирается опыта, как формируется отношение коллектива к нашему, так скажем, ставленнику. И мы убедились в том, что это подходящий человек, который быстро вошел в коллектив, и, что главное, журналисты признали в нем своего. Он стал писать материалы в газету, и довольно успешно.

А дальше возникли проблемы, потому что назначить его редактором мы уже не имели полномочий, это было в компетенции обкома КПСС. При всем том, что газета комсомольская, но это был вопрос идеологии, а тогда ей придавалось особое значение. Кстати, на мой взгляд, сегодня у нас столько проблем в современном обществе, потому что идеологии не придается значения. Более того, государственная идеология у нас запрещена по Конституции. На самом деле она есть и сегодня. Только она не государственная, а идеология

отдельных корпоративных групп, слоев, личностей. Но она функционирует и навязывается обществу.

Но вернемся к 1974 году. Для того чтобы назначить редактора «Смены», нужно было согласовать его кандидатуру с обкомом КПСС. Для этого я пошел к секретарю обкома КПСС по идеологии Борису Сергеевичу Андрееву. Придя к нему, я завел разговор о том, что нынешний редактор «Смены», конечно, хороший писатель и журналист, но, к сожалению, здоровье уже слабовато, и возраст отнюдь не молодежный, и мы подготовили на это место своего человека. На что секретарь обкома партии сказал: «Мы уже подумали, кого вам рекомендовать на эту должность. У нас есть кандидатура». И назвал кандидатуру — человека не комсомольского возраста, но имевшего авторитет в партийных кругах. Я категорически возразил, сказав, что молодежную газету должен возглавлять человек молодой, который понимает и чувствует жизнь молодежи.

Андреев резко ответил: «Будет так, как я считаю». Мне пришлось использовать последний довод, и я заявил, что со своим предложением пойду к Григорию Васильевичу Романову, первому секретарю обкома партии, члену Политбюро. Андреев посмотрел на меня не слишком приветливым взглядом, но отступить я не собирался. Придя к Григорию Васильевичу, я рассказал, что уже полгода мы растим на должность редактора «Смены» молодого человека, который прошел школу обкома комсомола. Что это человек с хорошей биографией, журналист. Романов выслушал и сказал:

— Ну хорошо, давайте.

Я говорю:

— Все хорошо, но тут есть проблема.

— Какая?

— Дело в том, что против этой кандидатуры категорически возражает Борис Сергеевич Андреев.

— Почему?

— Потому что он считает, что Селезнев слишком молод, и у него есть другая кандидатура.

Романов тут же, при мне, нажал кнопку прямого телефона, и я слышу разговор:

— Борис Сергеевич, у нас газета «Смена» — это чей орган печати?

— Как чей? Обкома комсомола.

— Тогда я не пойму, почему ты вмешиваешься в их решения? Пусть обком комсомола и решает, кому быть редактором. У нас есть первый секретарь обкома комсомола, мы ему доверяем, если он ошибется — будет нести ответственность.

И положил трубку. Селезнев был назначен.

Понимая, что за его деятельностью в газете все будут очень внимательно наблюдать, я был в серьезном напряжении. Поэтому неоднократно приезжал в редакцию, правда, всегда получал от этих посещений огромное удовольствие, потому что видел, какая хорошая обстановка там сложилась после того, как стал редактором Геннадий Николаевич Селезнев. В «Смене» царил дух творчества, состязательности, хорошей конкуренции, она стала заметно интереснее. Я чувствовал, что газета развивается в правильном направлении.

Таврический дворец. После комсомольской конференции. Первый ряд начиная с девятого слева: А.Н. Колякин, З.Г. Новожилова, В.Н. Лобко, В.И. Матвиенко

А потом произошел один эпизод, который окончательно снял вопрос, есть ли у нас настоящий редактор. Как-то вечером звонит мне Геннадий Николаевич и говорит, что ему нужен серьезный совет. Дело в том, что Кировский завод — подшефный комсомольский объект — готовился выпустить стотысячный трактор. Но в последний момент на заводе сказали, что, по их расчетам, этот трактор сойдет с конвейера только поздно ночью. А в то время материалы в печать надо было сдавать в набор вечером — в противном случае газета утром не выйдет. Вопрос заключался в том, что если вечером на первой полосе опубликовать красочное поздравление, а стотысячный трактор не выйдет — будет скандал. А если не поместить, то руководство «Смены» окажется не понимающим значимость момента. В то время как кто-то другой может и напечатать. Тогда между газетами тоже была серьезная конкуренция. Но я тоже не знал, сойдет стотысячный трактор или нет. Поэтому уклончиво ответил:

— Путиловцы-кировцы слов на ветер не бросают.

Утром прихожу на работу, в Смольный. Вдруг звонит прямой романовский телефон. Григорий Васильевич, который всегда был подчеркнуто вежливым, внимательным, корректным, даже не поздоровался. Только сказал:

— Виктор, зайди.

С некоторым волнением захожу в кабинет к Романову и вижу, что он держит в руках газеты. В одной — газету «Смена», в другой — «Ленинградскую правду». И спрашивает:

— Виктор, ну почему в «Смене» понимают политическое значение момента и приветствовали выход стотысячного трактора, а в «Ленинградской правде» — нет?

Я говорю:

— Извините, Григорий Васильевич, не знаю. «Ленинградская правда» — не наша газета.

Понимаю, что Геннадий Николаевич пошел на риск, уговорил сменовцев и рабочих типографии работать ночью и дожидаться подтверждения о выходе сотысячного трактора.

Романов мне сказал:

— Правильное решение принято по редактору. Это действительно настоящий руководитель газеты.

Я вышел из кабинета, выдохнул с облегчением и поехал обнять Геннадия Селезнева. Больше я уже не ездил к нему в редакцию и по утрам, пораньше, не бегал к почтовому ящику — посмотреть, что в «Смене» напечатано. Это действительно был момент, когда все вопросы снялись. Он был признан редактором. Мы дружили с Геннадием Николаевичем многие годы. Я с удовлетворением наблюдал, как он растет профессионально: главный редактор «Комсомольской правды», затем — главный редактор «Правды» и, наконец, председатель Государственной Думы Российской Федерации. С годами он стал серьезным политиком, большим государственным деятелем, но при этом всегда сохранял хорошие отношения с друзьями далекой юности, помнил своих учителей. Так же как в юные годы, он был трудоголиком и заражал своей одержимостью других, но при этом успевал заниматься организацией конных турниров, теле- и кинофорумов, поддержкой молодых талантов. Геннадий Николаевич Селезнев был очень светлым, духовным человеком и очень цельной личностью. Наверное, поэтому в сложное для страны время ему, коммунисту, депутаты самых разных фракций и убеждений доверили руководство Государственной Думой. Он прожил жизнь, как в песне: «Раньше думай о Родине, а потом — о себе».

Из книги Александры Медведевой «Виктор Лобко. Жизнь на гранях эпох»

Петр Кириллович Лучинский

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии

Первый секретарь ЦК КП Молдавии

Секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС

Председатель парламента Республики Молдова

Президент Республики Молдова

Президент Фонда стратегических исследований

и развития международных отношений «Lucinschi»

Покой нам только снится

Родился я в простой молдавской деревенской семье. В очень хорошей семье, в которой никто никогда не слышал громкого слова, не говоря уже о конфликтах или драках между нами, троими братьями. Жили дружно и учились, не думая ни о какой-то карьере, даже слова такого не знали. Но только учебы мне было мало. Я не мог быть равнодушным к тому, что видел вокруг себя, и всегда лез с какими-то замечаниями или с какими-то предложениями. Захотели, например, ребята организовать танцы по субботам в школе. Кому идти к директору с этим предложением? «Петя, давай иди!» Или же надо было проводить спортивные соревнования с соседней деревней. Только где? Спортзала не было, но был спортивный городок в школе, и я все организовывал. С этого, наверное, и начался мой «комсомол». Уже в пятом классе я был избран председателем ученического комитета семилетней школы. И избрали, видимо, потому, что ко мне всегда можно было обратиться за помощью и я сразу реагировал. Так постепенно у меня формировалось чувство ответственности, которое сопровождало меня на протяжении всей моей жизни...

В этом контексте хочу рассказать, каким образом все-таки проверялись люди. Мы проходили какие-то ступени, старались проявлять себя, как можно лучше выполнить порученное дело. Вот я — студент четвертого курса Кишиневского государственного университета, член комитета комсомола. Идет комсомольская конференция, на которой читается основной доклад, затем следуют выступления делегатов. Но не всегда комиссия успевает внести предложения выступающих, поскольку конференция проходит всего в течение нескольких часов. Я, как председатель комиссии, вышел на трибуну и предложил проект резолюции, в который вошли все высказанные предложения. Честно говоря, даже не знаю, как мы успели это сделать.

А на конференции присутствовал первый секретарь ЦК комсомола Молдавии Василий Буга. Мое выступление произвело на него впечатление, и он спросил: «Кто это такой?» — «Студент четвертого курса Лучинский».

Проходит два месяца, меня вызывают в ЦК комсомола и говорят: «Тебя включаем в комиссию по проверке оказания помощи Глодянской районной комсомольской организации». В комиссию вошло человек десять—двенадцать, я среди них был единственным студентом. Меня направили в деревню, и там я за пять дней сумел организовать прием в комсомол шести человек, провести вечера отдыха молодежи и учителей, викторины, прочитал

лекцию о международном положении. Потом меня снова включили в бригаду, уже в город Бельцы, а еще я много раз бывал на комсомольских стройках.

Когда я заканчивал четвертый курс, меня вызвали в ЦК комсомола и сразу повели к первому секретарю. Он сказал: «Мы за вами понаблюдали, давайте переходите на работу к нам в ЦК». — «Я бы хотел завершить свою учебу на очном», — ответил я. «Мы договоримся с университетом о свободном посещении занятий». Вот таким образом я на четвертом курсе стал инструктором ЦК комсомола Молдавии. Мне поручили курировать три района. А через какое-то время я перешел в Кишиневский горком комсомола, где работал заведующим отделом студенческой молодежи.

После окончания университета меня призвали в армию, и я служил в городе Бельцы. Начал с рядового бойца и дослужился до инструктора политотдела дивизии по комсомолу.

После армии возвратился в Кишинев, где мне предложили на выбор аспирантуру в Академии наук или работу в республиканском совете профсоюзов и в ЦК комсомола. Победило последнее, потому что ЦК имел свое общежитие. Там я проработал месяца четыре, а потом меня рекомендовали на должность первого секретаря горкома комсомола. Работа была интересная, боевая. Мой хороший друг — заслуженный тренер Молдавской ССР по боксу — собрал всех боксеров города и сказал: «Это первый секретарь горкома комсомола, любая его просьба должны быть выполнена». А эти ребята пользовались большим авторитетом среди молодежи и во многом помогали мне и в повседневной работе, и при проведении мероприятий, и при наведении порядка на улицах города.

Дело пошло очень хорошо. Наша комсомольская организация прогремела на всю республику.

В один из дней в кабинет ко мне заходит второй секретарь ЦК партии Молдавии, член ЦК КПСС Николай Афанасьевич Мельников и говорит: «Я хочу провести этот день с комсомолом. Давай пойдем на швейное предприятие». Я предварительно позвонил туда. Нас встретили директор и секретарь комсомольской организации Ира Митянина и провели по фабрике. Уже потом я понял, что Мельников хотел посмотреть, какой у меня авторитет, как я общаюсь с людьми и вообще что собой представляю. А перед уходом с фабрики он вдруг сказал: «Хочу встретиться с комсомольским активом, членами бюро, собери человек восемь—десять, кого считаешь нужным, поговорим о делах молодежи». Хорошо, что успел в приемной Ирине сказать, чтобы ребята не молчали, чтобы говорил не только я, потому что, как правило, когда приезжает большой начальник, все стесняются.

Беседа растянулась почти на полтора часа. Он исписал весь блокнотик, который был с ним. Мы говорили о том, что необходимо для того, чтобы молодежь была более активной, чтобы чувствовали себя хорошо, чтобы учились, чтобы работали. О делах вообще, об аспектах комсомольской жизни, молодежьей жизни прежде всего.

Через два месяца состоялся пленум ЦК партии по проблемам молодежи, на котором выступает первый секретарь ЦК партии Иван Иванович Бодюл. И больше половины того, что мы тогда проговорили со вторым секретарем ЦК партии, было в его выступлении. А я почувствовал себя, что называется, на

Петр Лучинский с Расулом Гамзатовым и Борисом Замакуловым — первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома комсомола

коне. Все-таки такое внимание, такая оценка деятельности нашей городской комсомольской организации порадовали, но в то же время такую оценку нужно было оправдывать в дальнейшем.

Через два месяца меня вызывает первый секретарь ЦК Георгий Лавранчук: «Слушай, есть предложение, чтобы ты вернулся в Кишинев, в ЦК комсомола на должность заведующего отделом школьной и студенческой молодежи». Я согласился и вскоре приступил к работе.

В декабре я работаю заведующим отделом ЦК комсомола, и на съезде партии республики меня неожиданно выдвигают кандидатом в члены ЦК Компартии Молдавии. Не совсем понятно, но все встает на свои места в марте на съезде ЦК комсомола республики, на котором меня избирают вторым секретарем ЦК комсомола Молдавии, а через год — первым.

В комсомоле всегда любили розыгрыши со всеми вновь назначенными коллегами. Работаю второй день секретарем ЦК комсомола, жду розыгрышей, и раздается звонок по городской связи: «Здравствуйте, Бодюль говорит». А у меня на кончике языка был ответ соответственный для розыгрыша. Но не знаю, какая сила меня остановила, не стал язвить, послушаю еще немного. Он говорит: «К нам приехал маршал Чуйков, было бы хорошо организовать встречу с молодежью. Возьмите на себя, организуйте». Вот там могла и погореть моя карьера (зная характер Бодюля), по крайней мере временно, если бы не проявил выдержки и тот звонок принял за розыгрыш. Встреча с Василием Ивановичем Чуйковым прошла хорошо и интересно, остались памятные фотографии.

А в 1967 году состоялся пленум ЦК комсомола Молдавии, на который приехал Борис Николаевич Пастухов, и меня избрали первым секретарем ЦК ком-

сомола республики. Соответственно как представитель молодежи я был избран депутатом Верховного совета республики и членом его президиума.

За последующие четыре года нами было сделано много хорошего. Мы своими силами построили второй в СССР Центр молодежи — с комсомольской школой, спортивным залом, гостиницей и рестораном. Воплотили в жизнь целый ряд идей и многое сделали для творческой молодежи — например, именно по нашей инициативе появилась премия Ленинского комсомола Молдавии в области творчества, лауреаты которой позже стали знаменитыми писателями, художниками, артистами.

Так я проработал четыре года, и снова — сюрприз. Приглашает меня первый секретарь ЦК Компартии Молдавии и говорит: «Слушай, мы решили выдвинуть тебя на секретаря ЦК партии». — «У меня нет опыта партийной работы», — отвечаю. «Ну, ничего, ты в коллективе будешь работать, может быть, пойдешь заочно в Высшую партийную школу. Но сейчас так складывается, что ты нужен в ЦК партии».

В национальной республике, и не только в Молдавии, раз в десять лет возникали разные сложные какие-то моменты — по языку, по культуре, по традициям, с которыми нужно было разбираться очень тонко, особенно с интеллигенцией и молодежью. А я еще со времен, когда был председателем совета общежития, дружил со многими будущими писателями, которые прошли через это общежитие, и у меня были хорошие связи и среди молодежи, и среди интеллигенции. Видимо, поэтому выбор пал именно на мою кандидатуру.

Полетел в Москву так, чтобы никто не знал. Прошел собеседования в орготделе, у секретарей ЦК КПСС Капитонова, Демичева, Кириленко. Вернулся обратно в Кишинев, и меня неожиданно для многих избрали секретарем ЦК Компартии Молдавии. Это был 1971 год, и мне к тому времени исполнился тридцать один год.

Это, конечно, были большое доверие и большая ответственность, такого в истории республики не было. И в то же время я чувствовал себя участником какого-то эксперимента, то бишь подопытным кроликом. Если я справлюсь, то многие комсомольские кадры будут выдвигаться на высокую партийную работу более активно. Если нет, люди, которые совершенно меня не знают, будут говорить: да пробовали там в Молдавии выдвигать комсомольца — и не получилось. Что потом мне подтвердили и мои коллеги из других республик и областей, которым говорили, что вот в Молдавии сделали такой шаг и мы решили тоже. Вот такая форма проверки и выдвижения была в стране. Не родственные связи, не деньги, с чем мы сейчас часто сталкиваемся, а именно способности и подготовка того или иного человека служили основой для его выдвижения и повышения. С 1962 года за мной наблюдали, мне помогали, меня, что называется, «выращивали», прежде чем предложить ту или иную должность.

Началась моя партийная и государственная работа, основу для которой дал комсомол, и общение с очень и очень многими людьми, помогавшими всем нам и нашим странам после распада СССР выжить и выстоять в те не самые легкие времена.

Я проработал одиннадцать лет в комсомоле, потом двадцать лет — на партийной работе и еще десять — на государственной. Был председателем парла-

П.К. Лучинский с маршалом В.И. Чуйковым. 1966 г.

мента и президентом Республики Молдова. Среди моих друзей, с кем я до сих пор общаюсь, процентов семьдесят — это те люди, с которыми я познакомился в годы работы в комсомоле.

Иногда говорят: «Комсомол был под партией». Но партия эта была — государство! Название этой партии — СССР. Мы ей содействовали и работали на благо страны. Мы 95 % времени не идеологией занимались, а занимались всеми аспектами жизни человека, начиная с отдыха, учебы, работы, соревнований, семьи и так далее. Вот что комсомол для меня.

В комсомоле я смог не только реализовать себя, но и найти свое счастье — будущую жену Антонину Тетяпову, инструктора Чечено-Ингушского обкома комсомола. Мы с ней познакомились в доме отдыха «Елочка», что в Подмоскovie, и через полтора месяца поженились. Прожив вместе более 40-лет (к сожалению, она рано ушла из жизни), могу похвастать тем, что у меня идеальная жена, подарившая мне двух сыновей. Она всю жизнь занималась педагогикой, школьной и пионерской молодежью, работала в Академии педагогических наук СССР и заведующей кафедрой Кишиневского государственного педагогического института.

Время летит быстро. Многие мои друзья и коллеги уже ушли из жизни, но навсегда остались в моей памяти. Ну а у нас, ныне живущих из старшего поколения, до сих пор сохранился любимый девиз: когда мы созваниваемся, то говорим друг другу не «Здравствуй!», а «Покой нам только снится!».

Анатолий Григорьевич Лысенко

Секретарь комитета комсомола Люблинского литейно-механического завода, секретарь Люблинского подрайкома комсомола

Заместитель главного редактора Главной редакции программ для молодежи Центрального телевидения СССР

Генеральный директор Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании

Председатель Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства Москвы

Генеральный директор Общественного телевидения России

Президент Международной академии телевидения и радио

Профессор факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики

Заслуженный деятель искусств России, лауреат

Государственной премии СССР и премии Правительства

Российской Федерации

Все, что есть, испытаем на свете...

Родился я за границей — в Виннице. В возрасте двадцати дней меня перевезли в Москву, где я до сих пор и обитаю. В комсомол вступил в школе. Мне очень хотелось стать комсомольцем. Причем получилось так, что в комсомол я вступал в полуинвалидном состоянии: мне разнесло руку. Я ободрал ее во дворе, она распухла, началось воспаление, нарыв был страшный. Врачи ничего не могли сделать. 13 октября 1951 года я пришел на бюро райкома (кстати, у меня все важные события почему-то происходят именно 13-го). Там мне стали задавать разные вопросы — как всегда, и умные, и глупые. Например, меня спросили, сколько комсомольцев принимали участие в штурме Зимнего? Я, естественно, ответил, что тогда комсомола еще не было. Под конец секретарь бюро сказал: «Поздравляем! Ты принят в комсомол!» После этих слов следовало отдать пионерский салют. Я поднял руку, и в этот момент нарыв на ней лопнул. Боль была адова, у меня в глазах этот секретарь райкома раза два, наверное, перевернулся. А члены бюро отметили — смотрите, как парень волнуется, побелел весь. Знали бы они, что это просто от адской боли...

В школе я не отличался хорошим поведением. Более того, один раз меня даже хотели исключить из комсомола за драку. Сейчас, конечно, трудно представить, что я когда-то был таким, как у меня в характеристике написано: «Мальчик крайне резкий, несдержанный, вспыльчивый». А потом, уже с годами, я понял, что, наоборот, противника больше заводит, когда ты спокоен.

После окончания школы я поступил на энергетический факультет Московского электромеханического института инженеров транспорта имени Дзержинского — МЭМИИТ. Надо сказать, что тогда в Москве было три же-

лезнодорожных института: МЭМИИТ, МИИТ — Московский институт инженеров транспорта имени Сталина, и Московский транспортно-экономический институт (тогда еще имени Кагановича), который готовил технологов и экономистов. Именно туда я и перешел потом из МЭМИИТа. Там я стал активно участвовать в художественной самодеятельности, где и познакомился с одним немцем, его звали Вольф Митт. У нас в институте вообще училось много ребят не только из Германии, а из самых разных стран, включая даже лосского принца, особенно много было китайцев.

Я хорошо знал историю Германии, которой очень интересовался, и однажды меня вызвали в комитет комсомола. Секретарь комитета был у нас человеком не меньшим, чем секретарь парткома — властный, очень жесткий, Толя Сазонов, по-моему, первый студент, награжденный государственной наградой за целину в 1957 году. Потрясающий человек, окончил ремесленное училище в самом начале войны и работал на железной дороге дежурным по путям. Из-за юного возраста его в армию не взяли.

Работали сутками, сильно уставали. Между путями стояла будка для инвентаря, которая имела выходы на две стороны. Он зашел в эту будочку ночью и прислонился к заколоченной двери. А кто-то раньше выдернул из нее гвозди. Дверь открылась, и он попал под поезд, потерял левую руку, левую ногу и на правой ноге еще два пальца. Нашли его часов через пять, было очень морозно, что его и спасло — не истек кровью. Нашли и привезли в мертвецкую, решив, что он умер. Через пару часов врач — Толя все годы поддерживал с ней связь, что называется, молился на нее — пришла, чтобы оформить документы о смерти, и увидела, что у него подергиваются кончики ресниц. Его тут же в операционную! Удалось спасти. Правда, потом он два раза пытался выбраться из окна — шутка ли, в 16 лет стать инвалидом. Вылечили, он уехал в свою деревню, но в нем было столько энергии, что спокойно жить он не смог. Возглавил комсомольскую организацию села. Вместе со своей будущей женой Валецкой, за которой ухаживал много лет, окончили вечернюю школу рабочей молодежи и поступили в наш институт. А потом Толя защитил диссертацию. Он был для нас образцом. При нем сказать, что у меня больше нет сил, было невозможно. Точно так же, как и при секретаре парткома, а в будущем — профессоре, докторе наук, ректоре МИИТа Иване Васильевиче Белове. Он был изуродован войной страшно. Несколько бойцов перелетали с аэродрома на аэродром в бомболюках. Самолет приземлился на заминированный немцами аэродром и взорвался. Множественные ранения, искорежены лицо и руки. Но при этом очень энергичный, живой. Однажды я не приехал на соревнования

Анатолий Лысенко в Останкино

по лыжам и пытался ему объяснить, что нога сильно болела. Он говорит: «А ты думаешь у меня ноги не болят? Хотя ты прав, они у меня действительно не болят». Поднял штанины, и я увидел, что у него — протезы. Никто из нас не знал об этом. С протезами на лыжах катался! И в общении с этими людьми было стыдно сказать, что не могу, что устал. Эти люди дали гигантскую школу.

Однажды Толя мне и говорит: «Слушай, мне сказали, что ты хорошо знаешь историю Германии, Китая, общаешься с немцами и китайцами. У нас появилась вот такая идея. В нашем комитете есть сектор по работе с иностранцами, и есть предложение, чтобы ты занял должность замсекретаря по этой работе». А мне было всего 19, учиться я толком не учился, зато в самодеятельности занимался серьезно. И тут в 19 лет — замсекретаря!.. Я, конечно, согласился и вскоре приступил к работе. Хочу отметить, что из нашего комитета комсомола вышли такие люди, как Гриша Харченко, будущий второй секретарь ЦК партии Украины, депутат Верховного Совета, Вася Бибко — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР, мы и сейчас с ним дружим, часто встречаемся. Вася был старше меня, армию прошел.

Именно с комитета комсомола нашего института и начался мой комсомол, уже настоящий...

После окончания института я распределился на Люберецкий литейно-механический завод. Мне повезло, потому что директором завода был Иван Васильевич Коновалов, Герой Социалистического Труда, человек незаурядный, ходил всегда насупленный. Идет по цеху, глаза в землю, и, кажется, ничего не видит. Но все видел, все замечал и на планерках все четко отмечал и требовал исправлений. Собрал нас, молодых специалистов, человек 15, и сказал: «Через полтора года ты должен возглавить такой-то цех, ты — через два года другой, а ты — возглавить службу главного технолога...» Одним словом, каждому из нас поставил задачу.

В недалеком будущем так и произошло со всеми, кроме тех, кто в силу каких-то причин ушел с завода.

Естественно, я думал, теперь буду заниматься только работой, никакого комсомола, стал подумывать и о диссертации. Но получилось по-другому. Буквально в тот месяц, когда я пришел на завод, в журнале «Комсомольская жизнь» была напечатана огромная статья о нашей комсомольской агитбригаде, которая с такими замечательными выступлениями объехала почти всю страну. Меня вызвали в партком: «Это про тебя?» — «Про меня», — говорю. «Ну, значит, будешь секретарем комитета комсомола завода». Я стал возражать: «Ни за что не буду! Я — мастер цеха, и мне моя работа нравится». — «Ну ладно, будешь заместителем секретаря». Ну а дальше — пошло-поехало: секретарь комитета комсомола, потом секретарь Люблинского подрайкома комсомола, где я работал с Аланом Чумаком (он занимался спортивно-массовой работой в Ждановском райкоме комсомола). И так все последующие годы — комсомол и комсомол, комсомол и комсомол...

Сегодня могу утверждать, что я бы никогда не состоялся без комсомола. И я очень жалею, что у нынешних ребят нет этой школы, нет школы целины. Ведь целина была фантастической школой: мы уезжали одним составом коллектива, а возвращались уже другим. Потому что целина была лакмусовой бумажкой проверки человека, сразу становилось ясно, кто есть кто.

Надо сказать, что тогда еще толком не было строительных отрядов, мы ездили как отряд, собирающий урожай. Но так как нас было много, то часть убирала, а часть строила дома, не жилые, конечно, а сараи, зернохранилища. Где-то лет восемь назад мой знакомый из Оренбурга сказал, что они ездили в наш совхоз и там еще стоит построенное нами зернохранилище, а наверху на балках вырезаны фамилии тех, кто строил. Выходит, не так уж плохо мы строили, почти шестьдесят лет стоит. Правда, сейчас не знаю, сохранилось или нет.

А вот комсомол точно сохранился. И подтверждение этому — наша «агитбригада», как мы ее называем. Хоть нам и по восемьдесят (а кое-кого уже нет с нами), все наши встречи заканчиваются песней «Комсомольцы-добровольцы». Дети и внуки смотрят на нас как на чудных — дедушки-бабушки (в нашей «агитбригаде» две бабушки) поют «Комсомольцы-добровольцы»! Но для нас это действительно как гимн, мы до сих пор чувствуем себя вместе с комсомолом.

А потом пошла «молодежка», но и там — все время с комсомолом. Мы с ним активно работали до 1988 года, а позже, во времена «Взгляда», — уже чуть поменьше. Хотя надо сказать, что и во «Взгляде» у нас были с комсомолом очень хорошие отношения. С Геней Янаевым, Витей Мишиным, Виктором Мироненко. Помню, как он страшно волновался, когда выступал в нашей передаче...

..Так вот вся жизнь и прошла. Однажды мой зять сделал мне на день рождения подарок: стеклянные коробки, а в них все мои награды — ордена, медали, государственные и церковные. И самым первым стоит комсомольский значок и первая моя награда «За освоение целинных и залежных земель» — такой здоровенный знак с 43-м номером.

Конечно, я не могу сказать, что мне все нравилось. Мы как люди, работавшие, как говорится, «внутри», много видели и туфты, и «Ленин, партия, комсомол», и «аплодируй или уходи отсюда, к едреной фене», и тексты для выступлений на съездах писали — все это было. Но при этом молодежная редакция — это все-таки была уникальная редакция.

Вообще тогда много хорошего было. Я лет пятнадцать делал передачи о комсомольских стройках — Саянская ГЭС, Братская ГЭС, Тюмень — Тобольск — Сургут, я многостроек прошел, и мне это нравилось. Хотя там тоже и туфты, и фальши хватало, но было очень интересно. Потрясающие ребята на БАМе, например бригада Бондаря. Я снимал и первую высадку «десанта» в Звездном. Там еще ничего не было, когда мы приземлились... Смешно выглядело, но журналистов, наверное, было больше, чем строителей...

В дороге на первую целину

Вспоминать можно много и долго. Нельзя не сказать и о фестивалях молодежи и студентов. Болгария, Германия, Венгрия, Куба, Пхеньян, Москва... Все это я прошел. К сожалению, в первом московском фестивале (1957 г.) я не смог принять участие, участвовал только в его подготовке, а потом улетел на целину. Правда, вскоре вернулся, но всего на три дня. Помню, тогда произошел один забавный случай. Мы курировали французскую делегацию и неожиданно потеряли одного француза. Кошмар, ужас, пропал человек! Потом выяснилось, что он познакомился с какими-то ребятами из Лосинки и три дня «гудел» с ними где-то в бараке. Когда мы его отыскивали, он на всю жизнь запомнил пирожки, «виникрет», его так закармлили, что он дышать уже не мог. Тогда ведь это чудо было — иностранец...

Не могу не вспомнить и берлинский фестиваль. Его, как я помню, открывал тогдашний президент Всемирной федерации демократической молодежи Берлингуэр, и он должен был произнести ритуальную фразу — мол, благодарю, товарищ Хонеккер, объявляю фестиваль открытым. А он решил произнести яркую, пламенную речь. Мы тогда вели репортаж вместе с Витей Любовцевым. А технология в наушниках была такова, что на одно ухо у нас заведена Москва, ну, там давали разные указания, а на другое ухо — так называемый шумовой микрофон, с которого мы получали «международный шум» со стадиона. Поэтому выступающих было очень трудно разобрать — почти ничего не слышно, сплошное «бу-бу-бу». А Берлингуэр говорил по-итальянски. Я же по-итальянски кроме «макароны» и «ланжероны» больше ничего не знаю. Что делать? Мы в ужасе смотрим друг на друга. А из Москвы Маргарита Эскина (мой начальник) в ухо: «Толядка, не молчи, Толядка, переводи!» А что переводить, когда я ни бельмеса не знаю, к тому же ничего не слышно? Мы вышибли стекло в комментаторской кабине, я высунулся и ловлю: «вьетнамо», «агрессию», «американо». А опыт все же имеется, я ведь делал не одну международную передачу, да и столько выступлений разных писал, вот и стал все это «бу-бу-бу» «переводить». А Витя, он был из программы «Время», человек более серьезный, просто лег лицом на стол и накрыл голову руками. Я сразу понял — последний день работаем. В общем, кончился мой «перевод», я сию обалдевший, думаю, ну все, сейчас Маргоша скажет, что уволен... А она вдруг спрашивает: «Почему ты первое предложение не перевел?» Сразу от сердца отлегло. Раз только первое, значит, все нормально...

Вообще это был самый тяжелый репортаж. На шествие было заложено два часа двадцать минут, а длилось оно пять с половиной часов. Но говорить ведь нужно, и мы говорим. А жара дикая, мы сидим в одних трусах. Попросили холодной воды. Жена нашего корреспондента протянула нам термос. Мы думали, там холодная вода, а оказалось, холодная кока-кола. Мы умудрились побрызгать ее на себя, после чего к нам все стало липнуть. А когда репортаж закончился и мы сидели, уже ничего не соображая, вдруг дверка кабины открывается, и на пороге появляются Евгений Михайлович Тяжелников, который всегда меня ругал за то, что хожу без галстука, и Эрик Хонеккер. «Вы что, все это время вели?» Мы ответили, что да, вели. Хонеккер велел нас на своей машине отвезти. Так мы, липкие, и поехали...

Так что много было всего интересного и смешного. Одним словом, жизнь кипела...

Достаточно вспомнить парад отрядов и военную игру «Зарница» в Ульяновске. Тогда парадом командовали Иосиф Орджоникидзе и маршал Баграмян... Парад начался, все отряды прошли чеканным шагом... Особенно запомнился отряд из Кривого Рога, во главе которого шли девчонка с огромным бантом и старик лет семидесяти с лишним, весь в орденах и с саблей на боку...

Вообще хочу сказать, что комсомол в то время был своеобразным «отделом кадров», отвечавшим за все и готовившим смену во всех отраслях. Ведь и на телевидении ребята из молодежных редакций потом возглавляли каналы. Валерий Иванов — первый главный редактор — был комсомольским работником. Я его знал еще с 1956 года, он был инструктором в нашем институте, а потом работал в горкоме. Из комсомола к нам пришел Володя Соколов. Он был секретарем Свердловского райкома, а сейчас он — профессор в Академии народного хозяйства. Из комсомола к нам пришли и Эдик Сагалаев, и Саша Пономарев. Многие ребята прошли школу «молодежки», но это была именно «молодежка», это уже не комсомол.

Мы занимались всем — и музыкой, и литдрамой, и политикой, даже международные передачи делали. И всегда возникал вопрос: а почему вы эти темы берете, они разве молодежные? Мы отвечали: а как же, молодежь нельзя загонять в возрастное «гетто», она всем интересуется. Так что делали все, и делали не как пропаганду, не информационно, а по-своему, главное, чтобы было и актуально, и интересно. А когда нам говорили: «Что ж вы так «выживаетесь»? — мы отвечали: «Мы ведь работаем для молодежи, у них другое восприятие жизни. Поэтому мы, как Анастас Иванович Микоян, «между струйками дождя» проскальзываем».

Вот такая была редакция — с большой степенью свободы. И благодаря этой большой степени люди там вырастали быстрее. Мы же много передач готовили, которые становились формой организации времени. Это же, скажем, не просто КВН, в КВН играла вся страна, и не просто «А ну-ка, девушки!», «А ну-ка, парни!» или «Молодцы!» — в них тоже играла вся страна. А в «Что? Где? Когда?» играют и по сей день.

А потом мы придумали «Нашу биографию», это было целое движение — поройся в своих предках, напиши свою биографию, это был шаг в изучение истории своей семьи...

Фильм «Наша биография», 60 серий, начинался с того, что я брал интервью на улице у ребят-школьников, спрашивал: «Кто был твой дедушка?» Никто не мог ответить. А одна девчущка сказала: «Дедушка — не знаю, а бабушка была выковырянная». «Кто?» — удивленно спрашиваю, а потом вдруг вспомнил, что, когда я был маленьким, «выковырянными» называли эвакуированных.

Это действительно было целое общественное движение. Люди с изумлением узнавали, кем были их родственники — дедушки, бабушки...

В конечном итоге это вылилось сегодня в «Бессмертный полк»...

Таймураз Дзамбекович Мамсуров

Первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ

Председатель Правительства Республики Северная Осетия—Алания

Председатель парламента Республики Северная Осетия

Глава Республики Северная Осетия — Алания

Член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации

Кандидат исторических наук, доктор политических наук

В лучшее верится!

Родился я в 1954 году в городе Беслане, в Северной Осетии, учился в школе № 1, теперь уже известной на весь мир, к сожалению, из-за теракта 1 сентября 2004 года. После ее окончания поступил в Северо-Кавказский горно-металлургический институт, на факультет промышленно-гражданского строительства, и получил специальность инженера-строителя. Как тогда было принято, был по распределению направлен в ростовский трест «Севкавэлеваторстрой» и начал работать мастером на стройке.

В школе имел отношение к комсомолу как активный исполнитель всех заданий и поручений. А в институте начал подозревать, что комсомольские чиновники — не совсем такие, какими представляются и какими должны быть. Дело в том, что по понедельникам-средам-пятницам у меня были тренировки за сборную института по баскетболу, а вторник-четверг-субботу — репетиции по национальным танцам. Я участвовал в нашем институтском ансамбле, который занимал призовые места везде. Таким образом, всю неделю после занятий я, можно сказать, потел, а в конце года освобожденный секретарь комитета комсомола — студент, но со свободным расписанием, утирая пот на трибуне, докладывал об успехах комсомола. Я тогда сидел, думал — во дает, он там сидит у себя в галстукке, а мы работаем на студенческих стройках. Тогда стройотряды были как бы, скорее всего, неминуемыми. Потому что не поехать в стройотряд было стыдно. С другой стороны, мы, будучи студентами, жили в общежитии и чувствовали себя нахлебниками по отношению к родителям. Ну, стипендию мы отдавали половину родителям, половину себе оставляли на пропитание, но в итоге-то мы знали, что нас, как детенышей, родители кормят. И вот заработать в стройотряде солидные деньги, принести, маме отдать такую кучу денег. А еще на часть этих денег съездить покататься в море, пожить в бывшем курятнике за рубль в сутки. Стройотряды нам нужны были. Я не скрываю, мы ездили туда больше заработать, чем, как Райкин говорил, «энтузиизм» проявить. Первый год я был в стройотряде бойцом, потом — командиром. В основном мы трудились в Казахстане, в Норильске. И дома, в горах, у нас были уникальные объекты, иногда они были намного сложнее, чем птичники в степях. Это не имело большого значения.

Мою активную деятельность в студенческих строительных отрядах заметили и предложили стать одним из руководителей областного штаба студенче-

ских строительных отрядов при обкоме ВЛКСМ. А позже, естественно, меня не спрашивая, как это обычно было в комсомоле, избрали вторым, а затем — первым секретарем райкома комсомола. В 1982 году вызвали в обком комсомола, вручили пакет и командировали в ЦК ВЛКСМ. Я приехал, пришел в орготдел, отдал пакет и собрался уезжать, считая, что обязанность курьера выполнил. Но мне сказали, что есть предложение поработать инструктором в орготделе ЦК ВЛКСМ, и дали два дня на раздумье. Мама была против, отец сказал: «Не знаю, чем это кончится, но раз так — работай». Это, наверное, один из немногих случаев, когда секретаря райкома комсомола пригласили работать в Центральный комитет. Осенью 1981 году в городе Орджоникидзе были массовые волнения, а мы, комсомольцы, все делали для того, чтобы предотвратить беспорядки и насилие. Эти события в официальных документах ЦК партии прозвали «националистическими проявлениями, разрушающими дружбу народов». Тогдашний комсомольский актив встал на защиту всех зданий, всех сооружений, которые могли подвергнуться нападению. В эти тяжелые дни в республику приехали сотрудники ЦК комсомола, которые не только высоко оценили деятельность комсомольского актива, но и порекомендовали пригласить меня в Москву, поднабраться опыта серьезной комсомольской работы. Таким образом, я стал курировать Воронежскую и Липецкую области, где был очень интересный опыт работы комсомольских организаций, а когда я немного, как говорится, набил руку, меня отправили домой, и в 1983 году я был избран первым секретарем Северо-Осетинского обкома.

Т.Д. Мамсуров

Конечно же, жизнь в комсомоле, что называется, кипела. Мы были молоды, азартны, всегда были на что-то нацелены, делали реальные дела... Страна была на подъеме. Для меня лично была очень большая школа жизни. В том числе и школа по подбору и подготовке кадров. За нами наблюдали, нам помогали, мы не просили должности, нам просто предлагали какие-то новые назначения, за это я благодарен той стране и той системе, которая тогда работала. Это была действительно система, она была не видна, мы узнавали о том, что нас куда-то готовят, только после того, как нас вызывали и говорили: «Мы давно за вами наблюдаем, у нас есть предложение, чтобы вы занялись вот этим делом». Это было и предложение, и поручение, так мы к этому относились.

Внимание со стороны партийных руководителей мы называли заботой. И это действительно была забота. И чем выше ты поднимался по иерархии в комсомоле, тем больше была эта забота, перерастающая в строгие требования. И мы это нормально воспринимали.

Сегодня я вижу и здесь, в Москве, и дома, и за пределами нашей республики очень много моих бывших коллег по комсомолу, успешно работающих в современных условиях. И я рад, что мне удалось внести свою лепту, чтобы они смогли проявить и реализовать лучшие свои качества. А ведь были моменты, когда приходилось, вопреки серьезным мнениям серьезных людей и служб, защищать своих подчиненных, с которыми, как я считал, несправедливо поступают и могут прервать их карьеру. Тогда меня предупреждали, что это опасно, но помогали молодость, азарт и, главное, уверенность, что справедливость обязательно восторжествует. Я действительно иногда, что называется, становился грудью на их защиту, и многих удалось защитить. И за это я сам себе за это говорю: молодец!

В 1986 году я был направлен в аспирантуру Академии общественных наук. После ее окончания защитил диссертацию, вернулся в республику и стал председателем райисполкома в Беслане. Это был 1990 год, ну а чуть позже мы увидели по телевизору бесконечные сериалы под названием «заседания Верховного Совета СССР» и съезды, бесконечные выступления с трибуны и из зала каких-то не понятных нам партийных групп (позже их назовут «демшизой»), которые с трибун обвиняли таких молодых, как я, что мы партократы, что мы кругом обросли льготами, что трудящиеся массы нами затоптаны, что пора нас всех выбросить за борт и двигать СССР, а потом уже Россию без нас к светлому демократическому будущему. Я это слышал от Ельцина, которому я, может быть, во внуки годился, слышал от других и не мог понять, что происходит. И, сидя в Беслане, видел и чувствовал, что моя страна, моя Родина разваливается, что партия никакого значения уже не имеет. Мною некогда любимый генсек, как ободранный, ошипанный цыпленок, почти с радостью доложил, что он слагает с себя должность и генсека, а потом и президента. Почему я об этом подробно говорю? Потому что они в Москве вякали об этом на весь мир и рвали друг на друге волосы в борьбе за власть, а люди с вилами и лопатами рвались ко мне в кабинет и проклинали меня: «Таймураз, ты на наших глазах вырос, мы верили тебе. Почему я полгода не получаю зарплату, по полгода не получаем пенсии, где наши многолетние сбережения?!» Мы на местах олицетворяли власть, и в нас кидали камни и плевали, а они в Москве продолжали безнаказанно делать себе карьеру!

Есть старая мудрость, которая гласит: те, кто поливает грязью власть (а мы тогда считались властью), имейте в виду, это те, которые половину времени тратят на то, чтобы поливать вас грязью, а вторую половину тратят на то, чтобы у вас же вымалить должности в этой власти.

Когда наше поколение созрело и состоялось благодаря комсомолу, мы, полные сил и желания делать жизнь страны и людей еще лучше, готовые идти за своими вождями, вдруг увидели и поняли, что руководители страны, которые годились нам в отцы и деды, предают страну и обрекают нас, молодых и энергичных, на проклятие народа.

Опыт работы в комсомоле очень пригодился на последующей советской работе, где нужно было строить и ремонтировать детские сады и школы, строить жилье, прокладывать канализацию, заниматься сельским хозяйством, готовиться к очередной зиме и новому учебному году... И мы к этому были не просто готовы, мы уже это хорошо умели, потому что, работая в комсомоле, мы не

ленились учиться у тех, кто знает больше нас, больше нас умеет. То есть комсомол научил нас организовывать и не просто требовать — растворяться в той среде, с которой ты хочешь что-то полезное сделать, и фактически добровольно вписываться в реальные события, дела... Я с удовольствием, как меня учили, выполнял команды тех, которые считали, что я что-то могу сделать, и я должен был это сделать. Как говорили мудрецы, подчиняться добровольно не стыдно, если разделяешь задачу, которую перед тобой поставили. Стыдно ее не разделять и, как раб, безропотно что-то делать. Вот комсомол как раз в большинстве своем убеждал нас в том, что это надо сделать, и мы могли убедить людей, что это нужно сделать. Этот опыт пригодился в советское и послесоветское времена, особенно тогда, когда у нас уже ничего не было, когда вокруг были злые люди, когда нечем было кормить детские сады, нечем было платить зарплату учителям, врачам, пенсии и так далее. Мы выходили к людям, принимали удары на себя, объясняли им ситуацию и вселяли надежду на то, что мы все-таки выберемся из этого. Конечно, комсомол — это огромная школа.

Даже сегодня, накануне 100-летия ВЛКСМ, хотя и намного реже, чем ранее, можно услышать, что комсомол воспитал Ходорковского, что многие комсомольские лидеры захватили должности и успешно работают и хорошо себя чувствуют.

Школу комсомола прошли сотни миллионов людей, и, конечно, были среди них и Ходорковский, и те, кто сегодня стыдливо прячет свою принадлежность к комсомолу. Но если судить по большому счету, то страна не развалилась окончательно в первую очередь потому, что в регионах на различных уровнях властных структур оказались бывшие комсомольские работники, которые не дали окончательно все погубить и разворовать.

Комсомол — это была великая организация, уникальная и неповторимая. Воссоздать ее уже невозможно, как ничего нельзя повторить. Но, к сожалению, мы так сильно в те годы попали под влияние партии, что нас довели до гипнотической веры в то, что партия никогда не ошибается. Это было большой ошибкой и для партии, и для комсомола. Воспользовавшись тем, что народ безгранично верит партии, ее возглавили мерзавцы, которые ради собственной карьеры разрушили страну. Хотя о мертвых не принято говорить плохо, но история — наука жесткая. Все нужно называть своими именами, и эти имена должны называть свидетели и современники этих событий. Ельцин и Горбачев в своем противостоянии, кто главнее, как два барана на узком мостике над пропастью, наплевали на родную страну и ее 250 миллионов жителей. Один из них покойник, но Горбачев еще жив, на мой взгляд, — это циник, который хочет, чтобы его пожалели, но он похож на того, кто собственными руками убил своих родителей, убил всю свою семью, а на суде просит пощады, потому что он, видите ли, оказался круглым сиротой. Так он сейчас выглядит.

Истоки этой слепой и гипнотической веры в партию нужно искать в событиях 1977 года, когда была принята новая Конституция, в которую вписали глупую и бездарную шестую статью о том, что единственная правящая сила в СССР — это КПСС.

Те, кто писал предыдущую Конституцию в 1936 году, понимали, что задача любой партии — формировать государство, укреплять его как государство со всеми государственными структурами. А в 1977 году, когда писали другую Кон-

ституцию, уже либо не понимали, либо сотворили это из лизоблюдства перед Политбюро и генеральным секретарем.

Мы же поверили в непогрешимость партии, слепо поверили. И не сразу поняли, упустили момент, не поняли, что стало твориться с 1985 года в партии и стране. Что творили Яковлев и Горбачев, один — в силу своей ненависти к родной стране, второй — скорее всего, в силу очень недалекого ума. Они очень коварно, находясь во власти, которой мы безгранично верили (вот в этом наша ошибка была — безоглядная любовь, вера в партию), сначала внушили нам, что наша страна — это страна преступников, что советская история — это сплошные ГУЛАГи, расстрелы, репрессии, что и Петр I на трупах Питер построил, и Иван Грозный своего сына убил, что пакт Молотова — Риббентропа — наш позор, и так далее и так далее... И довели молодежь до уверенности в том, что такую отвратительную страну с позорной историей не стоит защищать. И не защитили.

Сегодня на различных дискуссиях и в СМИ не устают повторять: Горбачев дал нам гласность, свободу слова, наконец-то мы вздохнули. Но это далеко не так. Вспомните статью в газете «Советская Россия» Нины Андреевой, несчастной преподавательницы химии из Ленинграда. Она поверила, что в стране свобода слова, и высказала свое мнение о перестройке. И что происходило после этого? Состоялся Секретариат ЦК КПСС, где ее заклеили позором, во все первичные партийные организации разослали письма-рекомендации, чтобы осудить ее высказывания. То есть гласность была для тех, которые вешали, что войну мы выиграли неправильно, что все космодромы, БАМ и все великие стройки построил Солженицын, который в поте лица там, в ГУЛАГах, кормил и одевал страну. А вы, комсомольцы, со своими ударными стройками и стройотрядами, вы — просто шелуха, ширма и так далее. Они врали, врали и врут нагло.

Комсомол, к сожалению, безропотно разделил судьбу страны, потому что не понял вовремя, куда его ведут, не восстал, не митинговал, не возмутился. Если бы комсомол действительно имел большую самостоятельность, то события пошли бы по другому сценарию. Но это не вина комсомола, а его беда. Это то, чего молодежь будущего должна избежать. Не надо безоговорочно верить кому-то — надо чутко и бдительно любить страну, заботиться о ней. И тогда любые ошибки будут просто ошибками.

В свое время мы, молодежь, вместо того чтобы тогда заявить, что, поскольку вы здесь все болтаете о будущем страны, а мы — будущее страны, мы не хотим идти за вами, а все же пошли в надежде на то, что партия знает, партия видит.

Я не хочу, чтобы нынешняя молодежь повторила наши ошибки, чтобы она верила безоглядно новым Яковлевым, которые и сегодня пытаются внушить, что Россия опять идет не по правильному пути, что у нас нарастает диктатура, что нам нужна новая свобода всего и вся, что нужно следовать в фарватере мифического мирового сообщества, искать прибежище в лоне «цивилизованных стран», списка которых нет, а есть новая путеводная звезда под названием «Все, что угодно, — только не Россия». А мы должны уберечь себя от брюзжания и не внушать молодежи, что лучшее время России — в прошлом. Все лучшее — впереди!

Геннадий Гургенович Марьянн

Заведующий сектором ЦК ВЛКСМ

Школа на всю жизнь

Я счастлив, что судьба связала меня с комсомолом, что лучшие годы жизни отданы комсомольской работе и истинному служению Родине!

Именно комсомол и комсомольская работа помогли сформировать активную жизненную позицию, выбрать свою дорогу в жизни и научили по-настоящему любить Отечество. Именно комсомол дал возможность приобщиться к бесценному опыту организаторской и общественно-политической работы, научил доводить начатое до конца, оценивать людей по их делам и поступкам, подарил необыкновенное чувство коллективизма, товарищества и братства. Мысленно оглядываясь на пройденный путь и вспоминая различные эпизоды жизни, начинаешь ощущать в душе нарастающее звучание гимна комсомолу, всем тем замечательным людям — истинным героям времени, которые были рядом и которые всегда готовы были прийти на помощь, посоветовать, поддержать, научить чему-то новому. Комсомол дал не только путевку в жизнь, он стал настоящей школой жизни и школой на всю жизнь.

Родился и вырос я на Кубани, в бывшей казацкой станице. Школу окончил в Туркмении. В школе, в 1956 году, вступил в комсомол. Общественной работой начал заниматься, будучи студентом — пошел по стопам отца-нефтяника, фронтовика, поступил на дневное отделение Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И.М. Губкина. Избирался профгруппоргом, членом студенческого совета общежития, в котором проживали порядка двух с половиной тысяч человек, участвовал в работе добровольной народной дружины, был одним из руководителей общежитской радиостудии, еженедельно ведущей передачи для проживающих в общежитии. Все эти и другие комсомольские поручения старался выполнять четко и ответственно.

Первым примером комсомольского организатора, оказавшего серьезное влияние на формирование мировоззрения и взглядов на жизнь, стал для меня и моих товарищей наш секретарь комитета комсомола института, проживавший тоже в общежитии, Алик Владимиров. Ныне Альберт Ильич Владимиров — широко известный в стране и за рубежом ученый, с опытом государственной и политической деятельности, имеющий множество высоких наград, званий и премий, президент нынешнего Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина, прошедший неповторимую школу работы в парткоме и райкоме партии, ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС и Совете Министров СССР.

В период нашего обучения в институте существовало положение, в соответствии с которым студентов-очников с первых дней обучения направляли на полтора года работать на производство по специальности, с вечерним обучением в ходе практики. Это делалось для того, чтобы поступившие в институт могли проверить себя, ту ли специальность они выбрали и не потратит ли государство напрасно деньги на их обучение. Выдержавшие практику студенты продолжали учебу на дневном отделении, опираясь на полученный про-

изводственный опыт. В соответствии с этим положением нашу группу газонефтепромышленного факультета вместе с другой такой же группой направили в Татарию, где мы окончили школу буровых кадров в городе Альметьевске, а затем нашу группу отправили в город Лениногорск — работать операторами по добыче нефти на нефтепромысле № 1 НПУ «Бугульманефть». После возвращения в Москву группы продолжили учебу на дневном отделении.

Во время учебы на третьем курсе в институте была создана новая кафедра — аэрокосмического профиля. Из студентов различных факультетов начали формировать две новые учебные группы, в одну из которых перевелся и я. По новой специальности на старших курсах вновь пришлось идти на полтора года работать в один из НИИ Министерства обороны в Московском регионе, с написанием там дипломного проекта. Эта производственная практика стала для меня в полном смысле судьбоносной. Отмечая мою склонность к научно-исследовательской деятельности, а также грамотные действия в экстремальной ситуации при проведении одного из экспериментов, мои научные руководители — полковник Всеволод Николаевич Зрелов и капитан 2-го ранга (на тот период) Леопольд Леонидович Калинин — проявили обо мне заботу и рекомендовали после защиты диплома на работу в Летно-исследовательский институт имени М.М. Громова (сокращенно ЛИИ) в городе Жуковском Московской области. Даже через много лет хочу выразить слова самой сердечной благодарности моим первым наставникам и научным руководителям за отеческую заботу и оказанное доверие, определившие всю мою дальнейшую судьбу.

Только начав трудиться в Летно-исследовательском институте, я понял, в какое уникальное место меня рекомендовали мои научные руководители и что стоит за скромным названием института. До прихода сюда я предполагал, что данный институт — это нечто компактное и академичное. На деле оказалось, что это фактически целый город, или, как говорят, государство в государстве, на рубеже самой передовой науки и техники, с огромной территорией, своим аэродромом, военными полигонами, научно-производственными комплексами, каждый — сродни крупному НИИ, с ангарами для множества боевых и гражданских самолетов, вертолетов, гидропланов и иной техники, широкой обслуживающей и социальной инфраструктурой, своим отделением ГАИ и милиции, подшефной воинской частью, охраняющей объекты института, и многим, многим другим, чего я даже представить себе не мог. Во главе этого огромного предприятия стоял авторитетный в аэрокосмической сфере ученый и организатор Николай Сергеевич Строев, ставший вскоре одним из руководителей Военно-промышленной комиссии страны, которого заменил в институте не менее авторитетный ученый — Виктор Васильевич Уткин.

Ни на одном предприятии того времени, насколько мне известно, не трудилось одновременно столько заслуженных деятелей науки, техники и Героев Советского Союза, сколько в ЛИИ. Среди них — руководитель подразделения, в которое меня оформили на работу, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники, соратник Сергея Павловича Королева, генерал Александр Васильевич Чесалов; руководитель другого подразделения — Арсений Дмитриевич Миронов, доктор технических наук, профессор, летчик, планерист и парашютист, лауреат двух Государственных премий, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», за год

до 100-летия Ленинского комсомола, 25 декабря 2017 года, отметивший свой 100-летие, являясь действующим главным научным сотрудником ЛИИ, который вместе с начальником института Виктором Васильевичем Уткиным и секретарем парткома того времени Георгием Ивановичем Фоминым принимал участие во встрече в октябре 1971 года первого секретаря ЦК ВЛКСМ Евгения Михайловича Тяжельникова, который приезжал в ЛИИ на отчетно-выборное собрание комсомольской группы Центра управления полетами предприятия и которого мне довелось сопровождать, работая после ЛИИ в Московском обкоме комсомола...

Гордость института и страны — Герой Советского Союза, летчик-испытатель, писатель Марк Лазаревич Галлай, дважды Герой Советского Союза, военный летчик-ас, летчик-испытатель, легендарный Амет-Хан Султан, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель, генерал Валентин Петрович Васин, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель, а позже — летчик-космонавт, президент Международной ассоциации «Земля и космонавтика» Игорь Петрович Волк...

Все они были достойными представителями своего времени и коллективного труда работников института, выразителями их повседневной героики и ярким примером для комсомольцев и молодежи. Лучшие выпускники авиационных и иных технических вузов, которых направляла страна в те годы в ЛИИ, попадали благодаря им в атмосферу, настраивающую молодежь на ударный труд и готовность к подвигу. Мобилизационное влияние на эту атмосферу, а также работу комсомольской организации добавляли каждый новый трудовой успех коллектива, каждая трудовая победа и каждая потеря товарищей, если иногда такое случалось в работе.

Став секретарем комитета комсомола, я получил возможность более глубоко вникать в то, чем занималось каждое подразделение института. Дух захватывало от грандиозности и значимости решаемых на предприятии задач, в том числе комсомольцами и молодежью. Однако появилось и чувство страха от мысли, что могу не справиться с порученной работой из-за отсутствия необходимого опыта, тем более что уровень работы комсомольской организации должен соответствовать столь высокому уровню героической работы предприятия. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не мудрая повседневная забота парткома института о комсомольской организации.

Секретарем парткома (с правами райкома) в то время был всеми уважаемый в институте Олег Яковлевич Деркач, избранный в партком из числа науч-

Обмен комсомольских документов в ЛИИ. 1967 г.

ных работников, кандидат технических наук. Его заместителем по оргработе являлся Владимир Михайлович Максютин, в прошлом военный летчик, а заместителем секретаря парткома по пропаганде и агитации — Вера Михайловна Микитенко, участница Великой Отечественной войны, пережившая блокаду Ленинграда, секретарь комсомольской организации зенитной батареи и воинской части, а позже, до переезда с мужем в Жуковский, — работник райкома комсомола и райкома партии в городе Ленинграде, ныне — почетный гражданин города Жуковского. Благодаря им началось мое познание комсомольской работы и становление вновь избранного комитета комсомола.

В качестве куратора комсомольской организации был выделен опытный член парткома Евгений Петрович Шпилько. Для связи с комитетом комсомола от профкома была названа авторитетная сотрудница института, опытная общественница Валентина Николаевна Горелова, вместе с рядом товарищей поручившаяся за меня в парткоме перед избранием, зная по совместной производственной работе; с их семьей впоследствии мы очень подружились. С помощью и при активном участии кураторов начали осуществляться первые шаги комитета комсомола. Стали более понятными многие очевидные, казалось бы, теперь вещи — что комитет комсомола не должен превращаться в коллективного массовика-затейника, а должен стать авторитетным общественно-политическим молодежным органом, призванным заниматься воспитанием юношей и девушек, мобилизацией их на решение задач, стоящих перед коллективом института.

Эти задачи должны были всегда определять задачи комсомольской организации наряду с задачами, которые ставят партком и вышестоящие комсомольские органы. Надо было научиться выделять главные звенья в работе, внимательно изучать опыт предшественников и передовой опыт вообще. В результате коллективного обсуждения распределили членов комитета комсомола по направлениям работы, продумали, как повысить эффективность участия комсомольцев и молодежи в трудовой деятельности предприятия, их профессиональный уровень и квалификацию, поднять трудовую дисциплину. Учли роль в этом различных форм соревнования, конкурсов, создали систему поощрения победителей. Составили план мероприятий по военно-патриотическому воспитанию, культурно-массовой, спортивной и другой работе. Приняли перспективный план работы комитета комсомола на год, ввели ежемесячное планирование, разработали систему контроля за выполнением намеченного, принимаемых решений и поручений. Определили дни заседаний комитета комсомола, ввели отчеты его членов о проделанной работе. По понедельникам стали проводить с секретарями комсомольских организаций подразделений планерки, приуроченные по времени к завершению планерок в горкоме комсомола.

Работа комитета комсомола стала налаживаться. Среди актива сложилась здоровая, творческая обстановка. У членов комитета появилась уверенность в своих силах. Активизировалась работа совета молодых ученых и специалистов, созданного нашими предшественниками, к которым мы всегда относились с большим уважением. По-боевому заработал «Комсомольский прожектор». Начали налаживаться отношения с партийным и профсоюзным активом, руководителями подразделений института, с различными городскими службами

и хозяйствами. Мы учились общаться с ними как коллеги и соратники, а не как просители и бедные родственники, приучая к тому, что секретарь комитета комсомола является одним из руководящей четверки — первых лиц предприятия, а секретари комсомольских организаций — членами руководящей четверки своих структур.

Коллективным делом комсомольской организации стало участие в сооружении спортивного зала на базе старой котельной, в строительстве жилых домов для работников института, в различных субботниках и воскресниках, в сельхозработах в подшефном совхозе имени Тельмана, в работе добровольной народной дружины — как члену бюро горкома комсомола мне не раз доводилось выполнять обязанности дежурного по городу в штабе ДНД. Важным делом комитет комсомола считал шефство над средней школой, в которой учились дети многих сотрудников, подбор вожатых в институтский пионерлагерь, привлечение молодежи к участию в праздничных демонстрациях. Совместно с профкомом на базе институтского Дома культуры «Стрела» создали молодежный культурно-просветительский клуб «Селена». Силами комсомольского актива в инициативном порядке сформировали профессионального уровня агитбригаду, объединившую многие институтские молодежные таланты.

Большая военно-патриотическая работа была проведена в ходе подготовки и празднования 23-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В честь этой знаменательной даты был осуществлен агитмотопробег Жуковский — Брест — Жуковский, организованный комитетом комсомола под руководством парткома и поддержанный Отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ. Наша агитбригада сыграла в этом мотопробеге ключевую роль.

Укреплению рядов комсомольской организации способствовал обмен комсомольских документов, проведенный по решению ЦК ВЛКСМ в 1967 году.

Примерно через год после избрания комитета комсомола к нам стали уже обращаться за опытом. Из Отдела научной молодежи ЦК ВЛКСМ приезжали знакомиться с работой совета молодых ученых и специалистов. Высокой оценкой деятельности комсомольской организации ЛИИ стало избрание меня кандидатом в члены обкома комсомола. И во всем этом была заслуга не одного какого-то человека, а коллектива, результат сложения усилий всех членов комитета комсомола и секретарей первичных организаций подразделений института.

Хорошей проверкой результатов работы комитета комсомола стала учеба комсомольского актива ЛИИ, проведенная на базе одного из загородных пансионатов, с выступлением представителей руководства института, парткома, госструктур, горкома и обкома комсомола. Наряду с насыщенной учебной программой активу представилась прекрасная возможность пообщаться в неформальной обстановке и ближе узнать друг друга. Учеба показала, что одним из важнейших результатов работы комитета комсомола стало сплочение актива, каждый активист почувствовал за собой силу комсомольского коллектива, и ряды активистов стали привлекательными для многих комсомольцев. Главный вывод, который удалось сделать благодаря учебе, — это то, что такому активу вместе со всей комсомольской организацией под

силу участие в решении любых сложных задач, стоящих перед коллективом института.

С теплотой и ностальгией вспоминаю оптимизм и уверенность в завтрашнем дне, с которыми трудились в те годы комсомольцы и молодежь института, зная, что их перспектива зависит от них самих, от опыта, знаний и вложенного ими труда. Вспоминаю, как заботились они о своем творческом росте и деловой репутации, о наличии у них неповторимого чувства сопричастности ко всему происходящему. Можно только гордиться тем, с какой высокой ответственностью молодые сотрудники относились к участию в важнейших государственных проектах, в испытаниях боевой и гражданской техники, в работах, связанных с подготовкой космонавтов, в различных теоретических и конструкторских изысканиях, во всем том реальном, что называлось «Мы учим летать самолеты», говоря словами любимой всеми песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова. Какого энтузиазма, самоотверженности и напряжения сил стоило, например, участие в негласном соревновании с англичанами и французами по созданию первого в мире сверхзвукового пассажирского самолета, в результате которого наш самолет Ту-144 был сдан в эксплуатацию значительно раньше англо-французского самолета «Конкорд» и превзошел его по многим характеристикам и параметрам.

По традиции на комсомольскую работу в подразделениях института избирались, как правило, лучшие передовики производства, молодые ученые и специалисты, которые могли служить примером для остальной молодежи. Поэтому комитет комсомола имел всегда моральное право поддержать при необходимости служебное продвижение руководством наиболее отличившихся активистов. Для поощрения лучших производственников и активистов из числа молодоженов комитет комсомола имел возможность ежегодно распределять вместе с секретарями комсомольских организаций порядка 10 комнат в коммунальных квартирах, выделяемых для этого руководством и профкомом института. В качестве поощрения актива можно было использовать путевки на институтскую базу отдыха на Черном море, распределение которых среди сотрудников института находилось в ведении комитета комсомола, а не профкома. В этих же целях использовались направления и рекомендации на учебу в вузы для молодых рабочих, вручение почетных грамот и памятных подарков. Для желающих из числа комсомольских активистов с высшим образованием были организованы курсы по подготовке к сдаче кандидатских минимумов.

Летно-исследовательский институт, ЦАГИ, другие предприятия города и сам город Жуковский в целом всегда отличались хорошими традициями в работе партийных, комсомольских организаций, и эти традиции бережно передавались активу из поколения в поколение. Авторитетными учителями для меня в этом отношении явились первый секретарь Жуковского горкома комсомола Юрий Федорович Майсурадзе, второй, а затем первый секретарь горкома комсомола Леонид Демьянович Жога, заведующая отделом по работе со школьной молодежью Валентина Дмитриевна Мишечкина (Виноградова), инструктор по вопросам пропаганды и агитации Марина Федоровна Леонова, заведующая сектором учета горкома комсомола Галина Рассветова, секретарь

комитета комсомола ЦАГИ Анатолий Федорович Бреусов, секретарь комитета комсомола Особстроя Александра Ивановна Синькова, член бюро горкома комсомола из ЦАГИ Александр Иванович Ерофеев, второй, а позже первый секретарь горкома партии и почетный гражданин города Жуковского Николай Андреевич Савенков, немалую роль сыгравший в моей судьбе...

Богатым практическим опытом вооружили меня мои предшественники по комитету комсомола ЛИИ — секретари Анатолий Просолович и Станислав Ларионов, ставший вскоре директором одного из заводов города, заместители секретарей Володя Глазков и Сергей Круглов, выросший до заведующего отделом оргпартрботы Московского обкома КПСС.

Работа в первичной комсомольской организации ЛИИ оставила неизгладимый след в моей душе и заложила огромный потенциал, которого хватило, с учетом продолжающегося пополнения опыта, на всю оставшуюся жизнь и последующую работу в комсомоле. Она позволила по-настоящему осознать глубину смысла записи в Уставе ВЛКСМ о том, что основой комсомола является первичная организация. Работая позже в ЦК ВЛКСМ и выезжая в различные командировки, я постоянно убеждался в правоте и силе этой формулировки устава и роли первичных организаций в жизни и делах комсомола, в повсеместном наличии боевых первичных организаций, ставших настоящей школой для молодежи. Из таких первичных комсомольских организаций складывались авторитет и слава комсомола.

Низко кланяюсь я сегодня первичной комсомольской организации ЛИИ, комсомольскому активу института и говорю спасибо за оказанное доверие, поддержку и взаимопонимание, за науку и школу, которую мне посчастливилось вместе с ними пройти. Спасибо моим товарищам Юре Белову, с которым вместе делили все трудности, избранному после меня секретарем комитета комсомола и достойно продолжившему лучшие традиции комсомольской организации, Лене Ивановой, несколько выборных сроков проработавшей заместителем секретаря комитета комсомола, членам комитета комсомола Володе Глазкову, Славе Кириллину, Виктору Харламову, Луизе Шалыгиной, Федору Буранову, Юре Клещеногову, Геннадию Ирейкину, Валентину Елину, Юрию Жигулину, заведующей сектором учета комитета комсомола Любе Брыкиной, секретарям комсомольских организаций подразделений Игорю Овчинникову, Жене Сафронову, Володе Умнову, Валерию Серебрякову, Марку Ситникову, Сергею Мельцаеву, Юрию Ракову, Борису Домогацкому, нашему золотому активу в лице Ларисы Изюмовой, Олега Булыгина, Валерия Соснина, Юры Алексеева, Володи Журавлева, Евгения Прокоповича, Льва Кунбутаева, Жени Порошиной и всем другим нашим ребятам. Каждым из них можно гордиться и с каждого из них нынешняя молодежь может брать пример.

Олег Андреевич Булыгин, очень чистый и порядочный человек, душа коллектива, прекрасный гитарист и самоотверженный труженик, всегда стремившийся к повышению знаний, стал заслуженным летчиком-испытателем в ОКБ А.С. Яковлева. Лев Магомедович Кунбутаев — генерал Вооруженных сил. Геннадий Григорьевич Ирейкин, золотой медалист из глубинки Ульяновской области, пришедший в ЛИИ с красным дипломом Куйбышевского авиационного института и обладающий разнообразными талантами, стал заслуженным штурманом-испытателем СССР, Героем России. Будучи на пенсии, он органи-

зовал Всероссийское общественное объединение испытателей «Клуб Героев города Жуковский», который долгое время сам возглавлял.

Все эти годы я бережно храню в душе все, что связано с городом Жуковским, Летно-исследовательским институтом, с работой в комсомольской организации ЛИИ, но чувствую себя в то же время очень виноватым перед моими товарищами за то, что в силу постоянной загруженности по работе не имел возможности общаться с ними и интересовался их судьбой через других людей.

Эффективной школой и практикой стала для меня работа ведущим инструктором в отделе комсомольских организаций Московского обкома комсомола, где была возможность общаться с такими опытными секретарями обкома, как Владимир Прокопьевич Колмогоров, Валерий Павлович Горчаков, Владимир Антонович Куфаков, Людмила Семеновна Тишурова, Валерий Васильевич Сухорадо, а также первыми секретарями курируемых горкомов комсомола: Алевтиной Васильевной Федуловой (Электростальский ГК ВЛКСМ, родоначальник Ленинского зачета), ставшей позже секретарем обкомка комсомола, а затем — секретарем ЦК ВЛКСМ; Аллой Борон (Ногинский ГК ВЛКСМ), выросшей до работника Московского обкома КПСС; Борисом Фатыховичем Усмановым (Балашихинский ГК ВЛКСМ), ставшим доктором социологических наук, профессором Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, преобразованной впоследствии в Московский гуманитарный университет; Николаем Игоревичем Захаровым (Дубнинский ГК ВЛКСМ), с которым вместе потом работали в ЦК ВЛКСМ, будущим доктором экономических наук, профессором Российской академии госслужбы при Президенте Российской Федерации. Каждый из них являлся яркой, самодостаточной личностью, и у каждого из них можно было многому научиться.

Борис Усманов, например, пришел первым секретарем Балашихинского горкома комсомола из комитета ВЛКСМ предприятия, возглавляемого выдающимся конструктором ракетно-космической техники, академиком Владимиром Николаевичем Челомеем. Обладая тягой к знаниям, изучению передового опыта и большой работоспособностью, Борис Усманов привнес в комсомольскую работу элементы творчества и много новинок, направленных на совершенствование организации труда комсомольских работников и повышение уровня руководства первичными организациями, которые были обобщены горкомом комсомола в виде документального фильма «Большое в малом» — в двух частях. Этот фильм был тиражирован ЦК ВЛКСМ и разослан во все ЦК ЛКСМ союзных республик, крайкомы, обкомы комсомола, комсомольские школы и братские союзы молодежи соцстран. По примеру Балашихинского горкома комсомола поручением ЦК ВЛКСМ в регионах были созданы базовые горкомы, райкомы комсомола по этим вопросам.

Настоящим университетом стала для меня работа в отделе комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, в котором свыше тринадцати лет посчастливилось мне трудиться, вначале инструктором и ответоргом, а затем — заведующим сектором. Не имея возможности в рамках отведенного в книге места рассказать о замечательном периоде работы в ЦК ВЛКСМ и людях, с которыми работал, хочу только поделиться тем, что школа ЦК ВЛКСМ, отдел комсомольских органов, позволила мне достаточно уверенно чувствовать себя с профессиональной точки зрения при работе в отделе организационно-партийной работы ЦК КПСС, в котором мне

Встреча участников агитмотопробега ЛИИ Жуковский—Брест— Жуковский в честь 23-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне

было оказано доверие работать инструктором, а потом в Аппарате Президента СССР в должности заместителя заведующего отделом. При этом во время работы в Аппарате Президента СССР, опираясь на опыт партийной и комсомольской работы, удалось внести определенный вклад в государственное строительство.

Вместе со словами глубокой признательности и благодарности хочу засвидетельствовать на страницах этой замечательной книги свое глубочайшее уважение моим товарищам и соратникам по ЦК ВЛКСМ, руководителям и коллегам, у которых многому удалось научиться и которые для меня всегда были и остаются прекрасным примером в жизни, — первым секретарям ЦК ВЛКСМ Евгению Михайловичу Тяжельникову, Борису Николаевичу Пастухову, Виктору Максимовичу Мишину, другим секретарям ЦК ВЛКСМ, руководителям отдела комсомольских органов Владимиру Титовичу Иванову, Виктору Гавриловичу Волчихину, Василию Ивановичу Минайлову, Всеволоду Богдановичу Окпышу, Геннадию Алексеевичу Шипилову, Ларисе Федоровне Колычевой, Валентине Ивановне Полуэктовой, Платону Александровичу Осокину, Михаилу Михайловичу Реве, Владимиру Семеновичу Посохину, товарищам по сектору — Артуру Артуровичу Невицкому, Валентину Александровичу Сущевичу, Виктору Владимировичу Кривоускову, Альберту Кирилловичу Шайдуко, Галине Васильевне Яновой, Геннадию Дмитриевичу Крылову, Валентине Яковлевне Токмань, Хазби Махарбековичу Богову и другим моим близким соратникам.

Всей своей жизнью я обязан комсомолу и хочу, чтобы он был так же любим нынешней молодежью. Очень надеюсь, что комсомол вновь будет востребован в стране и станет опять прекрасной школой для миллионов российских юношей и девушек. Молодежи нужна такая организация, как комсомол, такая школа жизни, школа патриотизма, мужества и гуманизма, самоотверженного труда и учебы на благо народа, школа коллективизма, товарищества и братства, которая стала бы для нее школой на всю жизнь!

Валентина Ивановна Матвиенко

*Первый секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ
Председатель Совета Федерации Федерального собрания
Российской Федерации*

Комсомольские годы Валентины Матвиенко

Ленинград. Из поезда дальнего следования выходит девушка, в руках у нее тяжелый чемодан... Куда идти дальше — ведь в этом городе у нее ни родных, ни знакомых? Подойдя к будочке с табличкой «Справочное бюро», узнает адрес Ленинградского химико-фармацевтического института и прямо с чемоданом смело заходит в кабинет приемной комиссии. Там ей говорят, что общежитие для иногородних предоставляется только за неделю до вступительных экзаменов, а она приехала рано, чуть ли не за месяц... И тогда юная абитуриентка из маленького городка Шепетовка Хмельницкой области Валя Тюнина проявила такую невиданную настойчивость, убеждая педагогов в своем намерении учиться именно в этом институте, что, как она сама говорит сегодня, случилось чудо: ей сделали исключение и дали направление в общежитие.

До этого в Черкассах она окончила с отличием медицинское училище, поэтому — как было принято в то время — ей надо было при поступлении либо сдать на пятерку один экзамен по профилирующему предмету, либо, если не получится, сдавать на общих основаниях все остальные. Зная это, Валя готовилась очень серьезно. Вот как она сама вспоминает тот период своей жизни:

«Конкурс был очень большой — порядка тринадцати человек на место. Но я была настолько уверена в своих силах, что даже заранее взяла обратный билет на 5 августа — а экзамен по химии был назначен на 3-е. Я понимала, что должна сдать его на пять, так как в противном случае сдавать дальше уже бесполезно. Взяла билет, очень быстро все написала, сажусь отвечать. А дальше — началось... Вопрос — ответ, вопрос — ответ, задачи — решения. А задач мне дали около десятка. Все это длилось часа полтора, экзаменатор учинила мне подлинный допрос, потом подключила других членов комиссии. Чувствовалось, что ими овладел какой-то азарт. Но через полтора часа они просто выдохлись, и экзаменатор протянула мне зачетку со словами: «Я с удовольствием ставлю вам отлично. Но хочу задать личный вопрос: а какую специализированную школу вы оканчивали в Ленинграде?» Я отвечаю, что окончила самую обычную школу, причем не в Ленинграде. Она была очень удивлена, что где-то, к тому же не в специализированной школе, могут так преподавать химию. Уже уходя, я услышала фразу, брошенную кем-то из членов комиссии: «Надо же — такая модная, а как голова варит!»

Комсомолка, спортсменка, красавица

Есть у журналистов один проверенный метод работы: если надо что-то подробное, в деталях узнать о человеке — опрашивается его ближайший круг. Люди, учившиеся или работавшие с «исследуемым объектом», — кладезь информации для формирования полного образа. Когда Валентина Ивановна Матвиенко появилась в Петербурге в качестве полпреда президента, питерские журналисты сбивались с ног в поисках тех, кто мог сказать: «...Знаю по совместной учебе... по работе...»

Например, вот что говорит Вениамин Молдавер, профессор химико-фармацевтической академии:

«Я на 3—4-м курсах читал их группе лекции и проводил лабораторные занятия. Матвиенко была старостой группы, умела вокруг себя организовать студентов и, что характерно, никогда не заискивала перед преподавателями. Организовала в институте донорскую работу. Всегда занималась спортом. Я долго хранил ее дневник по производственной практике как образец для студентов».

А это — воспоминания Олега Колесникова, студента химико-фармацевтического института в 1969—1974 годах:

«В течение трех лет я был замом секретаря комитета комсомола фармацевтического факультета, а Валентина — секретарем. Для меня она совершенно фантастическая личность: сильная.

Упорная, как сейчас говорят, сделавшая себя сама. Когда я учился на третьем курсе (а Валя — на пятом), перед зимней сессией я влюбился так, что, можно сказать, пребывал в коматозном состоянии и совсем забросил учебу. И вот Валя с удивительным тактом вытащила меня из этого состояния. Во всяком случае, сессию я кое-как сдал, и меня не выгнали. Вообще у Валентины были желание и способность устраивать жизнь ближним. Например, она в прямом смысле выдала замуж всех своих соседок по комнате в общежитии. И муж у нее хороший — Володька Бес (мы его так в институте звали), настоящий мужик».

Проректор по учебной работе химико-фармацевтической академии Леонид Марченко с большой теплотой отзываясь о Матвиенко:

«Мы с Валентиной учились в одно время. Валя сначала была комсоргом своего факультета, а потом стала секретарем комитета комсомола нашего института. В то время я был председателем студсовета, поэтому мы довольно много общались. Она была очень яркой девушкой — училась всегда отлично, и внешне очень хороша... Усиленно занималась спортом — играла в волейбол, баскетбол и даже защищала честь вуза на соревнованиях. Замуж вышла за своего однокурсника Володю. Отличный парень. Валя и Володя поженились на пятом курсе, 8 октября отпраздновали свадьбу в общежитии — оба там жили. С тех пор как Валентина Ивановна стала известным человеком, меня нередко спрашивают: «Ну, какая она была в студенческие годы?» И я почему-то чаще всего вспоминаю одну ее черту — она всегда умела слушать, и ей как-то хотелось что-то рассказать, довериться».

О том, что в институтские годы Валентина Матвиенко была яркой, неординарной девушкой, лидером, заводилой, вспоминают многие, кто учился с ней. Об этом свидетельствует и характеристика тех лет на студентку Тюнину Валенти-

Валентина Матвиенко
в студенческие годы

ну: «В 1967 году окончила с отличием Черкасское медицинское училище, фармацевтическое отделение, и в том же году поступила в Ленинградский химико-фармацевтический институт на фармфакультет. Тюнина Валентина все годы занимается на отлично, успешно сочетает учебу с большой общественной деятельностью. Первые три года учебы в институте была старостой курса и одновременно на втором и третьем курсах выполняла обязанности секретаря комсомольского бюро фармацевтического факультета. Летом 1969 года была избрана секретарем комитета комсомола института. Проявила себя как прекрасный организатор, чуткий и в то же время требовательный товарищ, пользуется заслуженным авторитетом среди студентов факультета. В быту и обществе скромна, морально устойчива, политически грамотна. В 1971 году вышла замуж за Матвиенко Владимира Васильевича».

Вот именно там, в химико-фармацевтическом институте, по сути, и началась политическая и государственная карьера Валентины Ивановны Матвиенко.

Стать лидером... от скуки

А первым толчком к карьерному росту была ее... студенческая зачетная книжка. Так получилось, что на первой сессии Валентина была единственной из первокурсников (150 человек), кто сдал все пять экзаменов на пятерки. Ее тут же вызвали в деканат и назначили старостой курса. Неблагодарная, по сути, работа: и за дисциплиной следи, и с сокурсниками при этом не испорти отношений. Но у Валентины получалось и то и другое.

«А на втором курсе была отчетно-выборная комсомольская конференция института, — рассказывает Валентина Ивановна. — Освобожденным секретарем комитета комсомола у нас была Люба Сердюк, взрослый, как нам тогда казалось, человек — ей было лет 28. Но главное, чем она отличалась от всех нас, так это чиновничьим складом своей натуры. Именно поэтому в институте не было никакой живой комсомольской жизни, никаких строительных отрядов — мы существовали сами по себе. И когда она выступила с каким-то нудным докладом, я не выдержала. Совсем не собиралась выступать, но здесь вышла и высказала все, что думала. Какая это комсомольская жизнь? Что, и дальше так будем жить?..»

Это выступление так взбудоражило и завело зал, что вслед за Валентиной на трибуну стали рваться другие студенты и тоже говорили о скуке и формализме, о том, что комсомольская работа сводится лишь к уплате членских взносов... А когда в итоге стали выдвигать кандидатуры на должность секретаря, в зале дружно начали выкрикивать фамилию Матвиенко. Пришлось вносить ее в список.

«Представители райкома и горкома — в панике, — продолжает вспоминать Валентина Ивановна, — ведь кандидатура уже заранее согласована на всех уровнях, а главное — это должен быть член партии. Вот тут-то и началась паника. Объявляется перерыв, приглашают меня и требуют: возьмите самоотвод, потому что вы не имеете права быть избранной, вы — просто студентка. Я отвечаю, что сама не рвусь на эту должность. А в это время вовсю проводится «нудная работа» с делегатами. После перерыва я первая выступаю и беру самоотвод — мол, спасибо, но не могу, в первую очередь должна быть учеба, к тому же у меня достаточно нагрузок как у старосты. Зал еще больше заводится, вопрос ставится на голосование — и мой самоотвод не принимается! В конечном итоге выбирают меня».

Это было настоящее ЧП районного масштаба. Долго обсуждали ситуацию в райкоме и горкоме — что же делать? Но ничего изменить было уже нельзя. Так Валентина Ивановна стала освобожденным секретарем комитета комсомола института.

И здесь можно согласиться с мнением Анатолия Герасимова, бывшего первого секретаря горкома партии, который и сегодня считает, что представлять Валентину Матвиенко в те годы обычной провинциальной девчонкой, которой просто повезло, в корне неправильно. Кроме того, она сама всячески сопротивлялась грядущей карьере.

«Хорошо помню, — говорит он, — как мне пришлось уговаривать Валентину согласиться работать в райкоме комсомола. Это к слову о ее якобы карьеризме. Она категорически отказывалась, говорила, что решила в жизни «держаться за трубу». Было такое выражение, которое обозначало жизненную реальность. И вообще у них с мужем уже выстроены определенные жизненные планы. Я сказал, чтобы она привела мужа. Через день пришли вместе, и у нас был долгий разговор, после которого она все же согласилась. Так и началась ее профессиональная политическая биография — сначала завотделом, потом секретарь, потом первый секретарь Петроградского райкома комсомола. А через полтора года ее уже забрали в обком... Матвиенко — масштабная личность, с колоссальной работоспособностью, логичным прагматичным мужским умом, которой абсолютно чужды женские коварство и интриганство».

Надо сказать, что перед этой беседой с Герасимовым у Валентины Ивановны произошел серьезный разговор с ректором института (тогда им был знаменитый Егоров, который водружал Знамя Победы над Рейхстагом). Дело в том, что после окончания института она была распределена в аспирантуру и, когда ее пригласили в райком на работу, отказалась, не задумываясь, так как собиралась заниматься именно наукой. Пошла к ректору и заручилась его поддержкой — он пообещал, что сам договорится с райкомом.

Через два дня ее вызывают к ректору, и он, весь такой бледный, опустив глаза, говорит: *«Вы знаете, со мной еще никто в жизни так не разговаривал, как секретарь обкома. Мне сказали, что я не понимаю кадровой политики партии. И еще сказали, что такие несознательные ученые стране не нужны. Если Матвиенко откажется идти в райком, мы запретим брать ее в аспирантуру. Я прожил жизнь, и вот вам мой совет: не отказывайтесь. Вы должны туда пойти».*

Вот тогда и состоялась беседа с Анатолием Герасимовым, результаты которой хорошо известны. Одним словом, несмотря на то, что выпускница института хотела не во власть, а в науку, ей этого не дали сделать, объясняя все «кадровой политикой партии». По сути, ее лишили права выбора. Она в тот момент подумала: ну ладно, раз так — отдам долг государству, а потом вернусь в науку. Но и через несколько лет ее не отпустили в аспирантуру. Валентина Ивановна сделала последнюю попытку «подержаться за трубу»: решила пойти на Ленинградский фармацевтический завод (ей предложили должность начальника цеха). Но ее опять не отпустили...

Спустя много лет она скажет, что по-прежнему жалеет, что ей не дали возможность поучиться в аспирантуре, но при этом добавит, что никогда не жалела о том, что прошла комсомольскую школу перед последующей партийно-хозяйственной работой.

«Комсомольская богиня»

И все же именно в комсомоле Валентина Матвиенко достигла, можно сказать, пика карьеры, дослужившись до первого секретаря обкома ВЛКСМ. И здесь опять не обойтись без воспоминаний тех, с кем она в те годы работала.

Вот что говорит ветеран ленинградской газеты «Смена» Нонна Некрасова:

«Во время нашего знакомства (конец 70-х) я заведовала отделом искусства обкома комсомола, занималась вопросами молодых талантов кино, театра, музыки, а Валентина Ивановна была секретарем обкома ВЛКСМ. Мы в те времена организовывали фестивали, смотры, конкурсы. Валентина Ивановна занималась созданием наиболее благоприятных условий для молодых талантов. В этом смысле я запомнила ее как человека очень принципиального, решительного, энергичного, контактного, подтянутого, делового, имеющего свою точку зрения, которую всегда сможет отстоять. Она пользовалась уважением, это — безусловно. Могла найти общий язык с творческой молодежью, помочь в решении самых сложных вопросов. Одинаково легко умела поговорить и с народным артистом, и с начинающим графиком, выпускником института Репина. Надо отдать ей должное — находила подход ко всем».

А Галина Баринова, помощник депутата Госдумы (в те годы — заведомо обкома КПСС), обращает внимание на особенность стиля работы Валентины Ивановны:

«Матвиенко — человек, который умеет работать, доводит любое начатое дело до конца и имеет прекрасную деловую хватку. Раньше это называли «мужской хваткой», хотя сейчас говорят «женская хватка» — мужчины уже так работать не умеют. А она умела и умеет. Могла разобраться во всем и не щадить себя во имя работы. Благодаря этим качествам у нее в общем-то все и всегда получалось. Я высококого мнения о деловых качествах Валентины Ивановны. Она не боялась общаться, всегда шла в гуцу людей и событий... Если перед ней стояла задача, она ее обязательно выполняла. И в рамках достижения цели, когда дело этого требовало, могла быть очень жесткой. Но при этом, когда надо было позаботиться о конкретном человеке, проявить внимание, всегда это делала».

Владилен Кузин, доцент кафедры социологии журналистики СПбГУ, а в начале 1970-х годов — заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды Ленинградского обкома партии, так говорит о ней:

«Помните, как пел Булат Окуджава в «Песенке о комсомольской богине»: «... но привычно пальцы тонкие прикоснулись к кобуре...» Так и про Валентину Ивановну тех лет можно было сказать, что у нее всегда «рука привычно тянулась к кобуре». Я знаю ее еще по обкому комсомола. Она — отличный организатор, к тому же энергичная, веселая дама».

Сама Валентина Ивановна о периоде комсомольской работы рассказывает весьма охотно. Например, в одной из телепрограмм «Итоги» она, давая интервью, вспоминала прошлую работу: «Мы организовывали клубы для трудных подростков, кружки по интересам, такой замечательный Дворец молодежи открыли — там лучшие джазовые коллективы выступали...» — но при этом тон у нее был, можно сказать, несколько оборонительный — дескать, что тут плохого? Чего вы цепляетесь к моему комсомольскому прошлому?

Возможно, причина в том, что до нас, выросших уже без пионерского детства и комсомольской юности, жизнь ВЛКСМ донесли как «школу молодых карьеристов»

стов», как заидеологизированную, заформализованную организацию, где все делалось для «галочки», ради отчетов для «старшего брата» — партии. Матвиенко и сама этого не скрывает: *«Была обязаловка — вроде никому не нужных Ленинских зачетов. Мы с друзьями так и относились к этому, как к обязаловке. А работу свою любили за возможность делать конкретные дела».*

При всем при этом они, выполняя «идеологическую обязаловку», умудрялись оставаться честными перед собой, не поступались совестью. Однажды Валентине Ивановне нужно было выступать на пленуме ЦК комсомола. Таким мероприятиям в те годы придавали очень большое значение, и каждое выступление тщательно готовилось и визировалось. В Ленинграде того периода активно развивалась система профессионально-технического образования. И выступление Матвиенко было посвящено этим самым ПТУ. За день до пленума ее вызвал к себе «старший товарищ» Ратмир Степанович Бобовиков и попросил показать заготовленную речь. Прочитал. «Вот здесь, — говорит, — надо чуть-чуть поправить, а здесь вставить личное обращение к Леониду Ильичу. Вы поняли, что надо сделать? Идите и делайте». Валентина Ивановна ушла и поправила текст с учетом замечаний, что были ей высказаны. Но, выступая в Москве, она... не произнесла вслух ни одного вписанного слова, а зачитала выступление в первоначальном виде. Ну, не смогла!

Мы сегодня прекрасно знаем, какие разные люди вышли из рядов ВЛКСМ. И «упертые коммунисты», и «русские патриоты», и «либеральные демократы»... Сравнивая представителей этой плеяды, все чаще думаешь о том, что Валентина Ивановна Матвиенко как реалистичный и конкретный человек просто не шла поперек системы, а, приняв правила игры, навязанные временем, старалась быть максимально прагматичной. Переступая через идеологическую шелуху своей работы, четко ставила перед собой и своими коллегами конкретные задачи и, как танк, шла на их выполнение.

А все эти отчетно-выборные конференции, Дни молодого рабочего, проводимые во Дворце молодежи... Может показаться странным, но многие сегодняшние пятидесяти-шестидесятилетние люди вспоминают не лозунги «Ленин! Партия! Ком-со-мол!», а трудовые подвиги и будни комсомольцев, их душевный настрой, чувство близости друг к другу и, конечно, красиво организованные массовые праздники — с подарками для лучших из лучших заводских рабочих, с высоким красивым голосом Таисии Калиниченко не в микрофон со сцены, а прямо в фойе дворца: «Сестра, ты помнишь, как из боя меня ты вынесла в санбат...»

Из книги Александры Медведевой «Пять лет с Валентиной Матвиенко»

Члены Бюро ЦК ВЛКСМ Валентина Матвиенко, Борис Пастухов и Людмила Швецова на Северном флоте

Евгений Николаевич Махов

*Помощник начальника Главного политуправления
Советской армии и Военно-морского флота по
комсомольской работе*

*Генерал-лейтенант в отставке, доктор
социологических наук*

Горжусь, что выпало такое везение

Для меня комсомол — это судьба. Половина стажа армейской службы связана с деятельностью на освобожденной комсомольской работе. Пройден путь от секретаря первичной комсомольской организации полка до помощника начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота по комсомольской работе. Есть что вспомнить. А что выбрать из массы проведенных мероприятий, сотен незабываемых встреч и знакомств? Одно перечисление фамилий знаменитых людей, с кем сталкивалась комсомольская работа, заняло бы много места. Как всегда в таких случаях, заминка. С чего начать? Наверное, с **первого** посещения штаба ЦК ВЛКСМ.

Первая беседа в ЦК ВЛКСМ

Она сохранилась в памяти довольно отчетливо. После почти десятилетней работы в низовых комсомольских структурах я был рекомендован на работу, которая уже входила в номенклатуру ЦК ВЛКСМ. Меня выдвигали на должность помощника начальника Политуправления (в дальнейшем я буду писать помнач ПУ) Прибалтийского военного округа, что требовало согласования с ЦК ВЛКСМ.

С волнением я вошел в известное здание штаба Ленинского комсомола. Поднялся на 4-й этаж, где находились кабинеты секретарей ЦК. Предварительно меня приняли в отделе оборонно-массовой и спортивной работы, долго беседовали и инструктировали. Ожидая вызова к Сергею Павловичу Павлову, первому секретарю ЦК ВЛКСМ, я осматривал находящийся перед приемной мини-музей ЦК. Небольшая, но богатая экспозиция комсомольских реликвий. Но главное, здесь же находилось Знамя ВЛКСМ, с прикрепленными орденами и обрамленное соответствующими орденскими лентами.

С волнением вошел в кабинет. Сергей Павлович вышел из-за стола мне навстречу, крепко пожал руку. И пригласил сесть. Беседа длилась, на мой взгляд, довольно долго. Павлов подробно интересовался жизнью армейских комсомольских организаций, задавал много вопросов. В заключение высказал ряд пожеланий. Я очень внимательно все выслушал, подробно записал и сразу позвонил из Москвы в Ригу, в комсомольский отдел, с просьбой подумать к моему приезду о решениях некоторых вопросов. Так мне хотелось срочно выполнить личные поручения первого секретаря.

Я удивился, что обо мне кое-что знают, поскольку я попал в поле зрения работников ЦК двумя годами ранее, при подготовке I Всесоюзного слета молодежи и студентов в Белоруссии.

Начало массового патриотического движения

Первый Всесоюзный патриотический слет молодежи и студентов. Республика Белоруссия, по-моему, стала инициатором и истоком мощной патриотической волны в стране. И это закономерно. Белоруссия первая в 1941 году понесла огромные разрушения и потери от вторжения фашистских войск. В войне потеряли каждого четвертого жителя республики. Как ни душил Хрущев уважение к фронтовикам, белорусы открыто чттили память о партизанах, восстанавливали землянки, обелиски и памятники в городах и деревнях. К тому же Белоруссию возглавляли бывшие руководители партизанского подполья, а они были сильными и волевыми партийными руководителями и в послевоенное время.

В 1964 году по инициативе комсомола страны началось большое патриотическое движение к 20-летию Победы. Зазвучал призыв-лозунг: «Фронтовики! Наденьте ордена!» Задел сделал писатель Сергей Смирнов. Он начал телепередачи о войне и фронтовиках, тепло воспринятые народом. Следует сказать, что благодаря незабываемому в своих фантазиях (доходящих до дурости) Никите Сергеевичу Хрущеву патриотическая тема в стране сошла на нет. Фронтовиков и армию в целом поливали грязью все, кто только хотел. Люди стеснялись своих боевых наград, над ними подсмеивались. Старшему поколению помнится призыв Хрущева отправлять уволенных военных работать в свинарники и коровники. «Героем дня» был майор запаса Чиж, который превратился в знаменитого свинаря. Военных откровенно обижали. И инициировал и поддерживал это гонение глава партии и государства!

Вспоминаю, как еще в первые дни работы в комсомольском отделе ГСВГ я получил высочайшее поручение, связанное с Хрущевым. Мне было поручено подготовить стайку пионеров и выпустить ее с цветами, когда в вестибюль Дома офицеров ГСВГ войдут Никита Сергеевич и Нина Петровна Хрущевы. Я собрал группу, разъяснил, что надо делать, и в нужный момент выпустил их, как голубей. Все удалось, несмотря на невероятную толкотню многочисленных сопровождающих Хрущева генералов, стремящихся быть ближе к вождю, в которой моих пионеров могли просто смять и оттолкнуть. Но ребята сделали все так, как я инструктировал, и меня даже похвалили. Тогда я не знал еще всех выкрутасов Никиты Сергеевича и гордился данным мне поручением, а впоследствии был крайне разочарован такой почестью.

Только с приходом к власти Леонида Ильича Брежнева зазвучали призывы к восстановлению забытых ценностей. Стали восстанавливаться памятники, могилы воинов, проводятся массовые мероприятия.

ЦК ВЛКСМ принял решение провести в городе Бресте, около развалин героической крепости, первый слет победителей походов по местам боевой славы. Это дань памяти и героическому народу Белоруссии, первым принявшему удар фашистов. На слет должны были съехаться представители от комсомольских организаций всей страны. Естественно, встали вопросы организации размещения, питания... Предполагалось, что размещаться участники слета будут в привезенных ими палатках. Но у организаторов (работников ЦК ВЛКСМ) аппетиты стали возрастать, и они попросили у округа армейские палатки, кухни, одеяла и многое другое для оборудования лагеря. Москва поддержала каким-то документом просьбы ЦК комсомола, а исполнение возложили на Белорусский

военный округ (БВО). Начальником штаба округа в это время был прибывший из Германии генерал-майор Николай Васильевич Огарков. С ним мы контактировали (вернее сказать, у него выпрашивали необходимое) по вопросам обеспечения слета.

Генерал Огарков

Маленькое отступление. С Н.В. Огарковым я познакомился в 1963 году, когда возглавлял маленькую группу Политуправления ГСВГ по проверке состояния комсомольской работы в мотострелковой дивизии, которой командовал полковник Огарков. Мы закончили работу, написали докладную записку. Писал я один, сверстывая из неграмотных записок членов комиссии что-то достойное прочтения руководством Политуправления. Вдруг поздно вечером мне сообщают, что со мной хочет встретиться утром командир дивизии и узнать мнение о работе комсомольской организации. Естественно, я не спал всю ночь, готовясь к этой встрече.

Утром прибыл к Огаркову. Меня сразу приятно поразило, что он вышел из-за стола, протянул мне руку, предложил сесть и выпить с ним чаю. Безукоризненно шитая форма. Прекрасная осанка. Все сразу вызывало симпатию к этому человеку. Доклада, к чему я готовился, по существу, не было, а был обмен мнениями, беседа, уважительная по содержанию, ценная предложениями со стороны комдива. Мы находились в кабинете только вдвоем, ибо разбор итогов работы для политотдела я сделал накануне. Огарков просто хотел лично услышать мнение комиссии Политуправления о состоянии комсомольской работы в дивизии. Это еще раз характеризует комдива с положительной стороны. Другому бы командиру «до лампочки», как там работает комсомол, у него заботы покрупнее. А этот нашел время. О приеме меня командиром дивизии я проинформировал руководство Политуправления ГСВГ и от своего руководства услышал хороший отзыв об этом начальнике.

И вот сейчас помочь организовать слет Москва поручила штабу БВО. Промежуточной исполнительной инстанцией между оперативной группой ЦК ВЛКСМ в Бресте и штабом округа стал комсомольский отдел БВО. Мы все были вовлечены в это большое мероприятие и крутились от зари до зари. В состав оперативного штаба ЦК ввели меня, с местом «дислокации» в Бресте. Там я познакомился с Виктором Байбиковым, «запевалой» многих комсомольских инициатив в стране.

Николай Васильевич Огарков взял все руководство подготовкой слета на себя. Он принимал нас, работников отдела комсомольской работы, вне очереди, даже если в приемной были посетители, понимал, что мы решаем не личные проблемы. Еще разрешил нам при необходимости выходить, минуя штаб округа, на командиров двух брестских дивизий.

В результате первый слет в Бресте не стал «первым блином». Это был натуральный молодежный слет туристов, искателей. Вечерами пели песни под гитары у костров. Рождались ритуалы. Большинство участников размещались в собственных привезенных туристических палатках, пищу готовили на кострах. Потом, как я уже упомянул, запросы начали возрастать: попросили армейские палатки, полевые кухни и, кажется, даже гречневую крупу.

То есть все, что требовалось для обитания. Благодаря Н.В. Огаркову все проблемы были решаемы.

Я не мог тогда предполагать, что мне придется служить и завершать военную службу под непосредственным руководством Николая Васильевича. Два талантливейших военачальника — главком Западной ставки Н.В. Огарков и член Военного совета Б.П. Уткин — рекомендовали и провожали меня из Прикарпатского военного округа на работу в КПК при ЦК КПСС.

В дальнейшем ежегодные слеты проводились в разных уголках страны. Как правило, в городах-героях. Они становились все более широкими по размаху и комфорту. Ни о каких туристах-исследователях речь уже не шла. Собирались в основном комсомольские функционеры, разбавленные поисковиками, музейными работниками и даже пионерами. Размещались в лучших гостиницах городов, проводящих слеты. Песен под гитары уже не слышалось, зато трибуны трещали от речей. Помню хорошо гостиницу «Волга» в Ульяновске, которая была отдана полностью участникам слета 1972 года. Там я впервые увидел молодых Иосифа Кобзона, Льва Лещенко и некоторых других артистов. С И. Кобзоном мы до сих пор дружим.

Маршал Конев на слете

В Бресте в городской гостинице размещали только почетных гостей слета во главе с маршалом Иваном Степановичем Коневым, остальные жили в поле. Он прибыл как почетный гость слета. Спецвагон встречали многочисленные представители. В числе других, только в задних рядах, я тоже встречал его на перроне. Первый раз я так близко видел этого знаменитого человека.

Вечером, на общем ужине в гостинице, произошел небольшой казус. Маршал пожелал ужинать в общем зале, вместе с участниками. Кто-то сказал ему, что на слет прибыл один фронтовик, который представляется близким Коневу по службе во время войны. Конев заинтересовался, попросил пригласить этого «однопольчанина». Тот пришел в ресторан в солдатской гимнастерке, обвешанный до пояса различными значками. Боевых наград не было. Конев задал ему два-три вопроса, потом с возмущением почти закричал:

— Вон отсюда! И чтобы я тебя на слете не видел!

Тогда было много проходимцев, которые хвалились своим знакомством с героями войны. Так, в Прибалтике с лекциями (не бесплатно) выступала лжемедсестра, которая якобы «сняла с амбразуры тело Александра Матросова». Оказалось, что таких «медсестер» было более двух сотен. Так же как и помощников Ленина, помогавших ему нести бревно на субботнике. И ведь люди не стеснялись, рекламировали себя, напрашивались на выступления перед молодежью за определенную мзду.

Позже, во время работы в ГлавПУРе, мне выпала честь быть у маршала дома на дне его 75-летия в составе небольшой делегации ЦК комсомола во главе с Е.М. Тяжельниковым. Осталась памятная фотография. Перед нами от юбиляра вышла представительная делегация ветеранов Советской армии во главе с маршалом Буденным. Но кто им укажет? График посещения маршала был очень плотный. Распорядители предупредили, что нам выделено не более 10 минут. Мы уложились, вели себя очень скромно, даже вопросов не задали. А они верте-

лись на языке. Но Конев на один главный вопрос ответил сам. Он показал клочок бумаги, на котором представитель Ставки дал разрешение оставить Н-скую высоту. Ту высоту, за оставление которой его пригласили к Сталину, и он, в присутствии некоторых соратников вождя, включая Берию, выслушал обвинения в невыполнении приказа. Грозил расстрел. Спасла эта бумажка, и маршал хранил ее всю жизнь. В защиту его тогда выступил Жуков.

Конев выглядел свежо для своего возраста. Красивая стройная фигура. Военная форма ему очень шла. Был очень общителен с нашей небольшой группой. Мы все хотели у него что-то спросить, но нас уже торопили, хотя мы находились там менее предусмотренного регламентом времени. Поэтому пришлось высказать только пожелания. Я обратил внимание на серебряную стопочку, из которой он пил или не пил (не видно было). Потом я увидел в ювелирном магазине такую же и купил ее.

Три года я проработал в комсомольском отделе Белорусского военного округа. В 1967 году готовились крупные войсковые учения ряда военных округов на территории Белоруссии. А меня отправили на целину, в составе оперативной группы округа по уборке урожая.

Такая досада! О целине ничего выдающегося или героического сказать не могу. Сформированный из запасников-водителей автомобильный батальон размещался в палатках. Жара и пыль. Хруст песка на зубах. Общение с молодежью было в основном индивидуальное, на массовые мероприятия времени не хватало. Работали ребята от зари до зари, вывозя зерно от комбайнов на элеватор, а когда заканчивали работу, падали на нары и моментально засыпали. Вот в этот период меня и вызвали в Москву на беседу, о которой я упоминал вначале.

Прошло более трех лет моей работы в ПриБВО. Вдруг узнаю, что в ЦК комсомола приняли решение о проверке состояния комсомольской работы в округе. Здесь неосмотрительно повел себя помнач ГлавПУРа Олег Зинченко, мой предшественник на этой должности. Он самолично дал согласие на проверку комсомольского отдела округа комиссией ЦК ВЛКСМ. Произошел серьезный казус, ибо с начальником ГлавПУРа этот вопрос не согласовывался. Алексей Алексеевич Епишев был очень щепетильным в этих вопросах, ибо ГлавПУР подчинялся непосредственно только ЦК КПСС. Назревал огромный скандал с негативным исходом для карьеры О. Зинченко. А суть в следующем. Епишев был прав: что значит ЦК комсомола проверяет работу армейской комсомольской организации без соответствующего постановления ЦК КПСС? Это равнозначно тому, что комсомол проверял бы работу партийных органов армии! Комсомол армии работал под руководством не ЦК комсомола, а политорганов, следовательно, проверке подвергались партийные органы, в том числе и ГлавПУР. Полное нарушение армейской партийной субординации. Этого Епишев допустить не мог. ЦК ВЛКСМ имел право самостоятельно проверять все гражданские комсомольские организации, но никак не армейские. По субординации надо было согласовать вопрос с ЦК КПСС, проинформировать Епишева, а потом...

Зинченко, зная, чем для него может закончиться этот финт, чуть не со слезами обратился к начальнику ПУ сухопутных войск генерал-полковнику С.П. Васягину:

— Семен Петрович! Что делать? Помогите!

Васягин, один из мудрейших политических военных руководителей, переговорил с Епишевым и представил дело так, что якобы ЦК комсомола знает о хорошей работе комсомола ПрибВО и хочет изучить положительный опыт. На такую формулировку начальник ГлавПУРа сразу согласился. Скандал был улажен. Повестку проверки в ЦК изменили: вместо слов «проверить работу» записали «изучить опыт работы».

Комиссия приехала очень солидная. Работали почти полмесяца. В действительности члены комиссии, охватившие большую часть комсомольских организаций округа, нашли много интересного и положительного в работе. В результате в ЦК комсомола согласились с положительными выводами комиссии, а меня пригласили на очередной пленум ЦК ВЛКСМ с просьбой выступить и поделиться опытом.

Выступление на пленуме ЦК ВЛКСМ

Я не помню за всю службу такого волнения, которое не покидало меня весь период пребывания в Москве и подготовки к выступлению. Первый раз я должен был подняться на такую высокую трибуну. Это было тогда редкостью. Как правило, на пленумах выступали только члены ЦК комсомола. Я им в то время не был.

Мое выступление оказалось не лучшим, я это понимал. Но если выступающий сорвал несколько раз аплодисменты, это считалось признаком успеха. Когда вспоминаю свое выступление, я бросаю шутку:

— Приехал в Москву со своими мыслями, а зачитал московские заготовки.

В то время за выступления с мест несли ответственность работники аппарата ЦК ВЛКСМ, они обязаны были читать и править текст — и литературно, и по содержанию. Надо, уверяли меня, чтобы с трибуны бил фонтан эмоций. Надо, чтобы зал рукоплескал. И обязательно, чтобы цитаты руководителей партии звучали чаще. Поэтому аппаратчики вкладывали свои заготовки в текст выступающего...

Короче, по моему тексту прошлись (я подсчитал) 15 человек — от инструктора до курирующего секретаря ЦК. С выступлением работали и сухопутчики, и главпуровцы. Каждый что-то вносил «важное». Одно мне оставили нетронутым: я своими словами рассказал о новом приеме в боевой подготовке войск округа — «обкатке танками». В целом текст выступления был написан квалифицированно и хорошо, но это был не мой вариант, я только озвучивал чужие слова. Но меня слушали в полной тишине, прервав аплодисментами аж шесть раз! Потом мне сказали, что рейтинг выступающего негласно определялся количеством полученных аплодисментов. Поэтому в выступления вставлялось непомерно много восклицаний, заверений, обязательств, призывов и всего другого, что вызывало бы эмоции у публики.

Меня многие поздравляли, но почему-то я не воспринимал теплые слова. Скуповатой оценкой отозвался и Олег Зинченко.

Одним словом, мои «смотрины» состоялись, выступление стало своеобразной «визитной карточкой»: после приезда из Москвы и, как мне говорили, якобы удачного выступления на пленуме ЦК ВЛКСМ меня выдвинули на перевод в Москву. Я как-то спокойно на это отреагировал. Но назначение действитель-

но произошло — правда, несколько позднее. Пришел приказ о новой для меня должности — помощника начальника Политуправления сухопутных войск по комсомольской работе. Не скажу, что я прыгал от радости. По-моему, это одно из назначений, которое я воспринял равнодушно. Почему? Сам не могу ответить.

Встреча с Гагариным

Как раз на том пленуме я и познакомился с Гагариным. А получилось так. Приехав в Москву, я поселился в гостинице «Юность», где и должен был проходить пленум.

В перерыве в коридоре меня нашел Олег Зинченко и шепчет: «После перерыва на заседание не ходи. Мы зайдем к тебе в номер с Юрой Гагариным. Сходи в магазин и... ну, ты сам знаешь. Приготовь стол и жди нас в номере». Олег Зинченко, видимо, поговорил с Гагариным еще до обеденного перерыва и первым получил согласие, ибо желающих пригласить Юрия Алексеевича и пообщаться с ним в неформальной обстановке после пленума было хоть отбавляй.

В этот вечер с комсомолом прощался, в связи с переходом на партийную работу, первый секретарь ЦК комсомола Грузии. Грузины тогда были, в сравнении с представителями других республик, самыми богатыми — по крайней мере, мне так казалось. Так вот, первый секретарь грузинского комсомола (не помню фамилию), выступая с прощальной (с комсомолом) традиционной речью, в завершение позволил себе пригласить весь состав пленума (а это более 400 человек) в ресторан. Гагарину он, видимо, уповая на свое положение, предварительно об этом не сказал или сказал поздно, когда Юрий уже дал согласие Зинченко.

До меня не сразу дошло, но я понял, что принять надо «на уровне». Сбежал в магазин неподалеку от гостиницы «Юность», взял там стандартный набор: палку любительской вареной колбасы, сыр, консервы какие-то, селедку, хлеб. Вот и все, что можно было купить в то время в магазине.

Пленум завершился, Олег с Юрием Алексеевичем скрытно от публики пробрались ко мне в номер. Были еще Геннадий Жабицкий, первый секретарь ЦК комсомола Белоруссии, и мой друг Толя Цибизов. Мы закрылись на ключ и таким узким кругом приступили к трапезе. Я получил за столом благодарные слова Гагарина за селедку, которую я сам разделал на бумаге. Помню, как Юрий Алексеевич высказался, что ему очень импонирует такой стол. Дескать, устал от официальных застолий, от хрусталя и протокола. Этим он окончательно покори меня.

Итак, ресторан гостиницы «Юность» заполнен, а Юрия Алексеевича нет. Грузинский комсомольский шеф начал кричать на своих клерков, что не начнет банкет, пока не найдут Гагарина. Его помощники бегали по всему зданию гостиницы. А Юрий сказал: «Я обещал Олегу быть у Евгения. А если обещал быть в одной компании, в другую я не хожу». (Кстати, я с тех пор и до настоящего времени руководствуюсь этим правилом.)

Но грузинским комсомольцам этого было не понять. «Продала» нашу компанию дежурная по этажу, указавшая на мой номер. Церберы «грузинского князя» стучали, ломались в дверь, ведь им было приказано без Гагарина не возвращаться в зал. Телефон трещал, не умолкая, я клал трубку на рычаг без от-

вета. Когда «церберы» окончательно допекли, я им ответил, что нечего ко мне ломиться, Гагарина в моем номере нет. Они просили разрешения войти, чтобы убедиться в этом, но я им дверь так и не открыл.

Видимо, они поняли, что на этом следует остановиться, или, может, проявилась их мужская воспитанность. Как там дальше было в ресторане, я не знаю, но нас больше не тревожили.

Вечер нам испортил руководитель комсомольской организации одной из республик. Фамилию не называю. Мы сидели, разговаривали, вспоминали. Естественно, все внимание было сосредоточено на Гагарине. Он только поднялся, чтобы произнести тост, как вдруг раздался условный стук в дверь и голос этого незваного гостя. Геннадий Жабицкий говорит мне: «Открой, свои». Я и открыл, тот стоит в дугу пьяный. Что делать? Пришлось впустить. Он сел. Настроение стало портиться уже от одного его вида. Тем не менее Юрий Алексеевич продолжал говорить тост о товарищах, о космонавтах. И вдруг этот пьяный секретарь открыл глаза и проговорил:

— Что ты все о космонавтах? Кто вы? Подопытные. Вас посадили в корабль, запустили, вернули, дали Героя, и все... (Привожу слова этого негодяя почти дословно. Они мне на всю жизнь врубались в память.)

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Молчал и Юрий. Потом, взяв себя в руки, он медленно, с нажимом, произнес:

— А Володя Комаров? Мой друг! Недавно сгорел в космосе. Это тебе подопытные... — И бросил стакан с недопитым коньяком на стол. Я заметил, как увлажнились его глаза. Юрий Алексеевич собрался уходить, и все окружили его, уговаривая остаться. Я в это время схватил за грудки незваного гостя и буквально вытолкал его в коридор. Юрия еле успокоили. Хотя настроение у всех было испорчено, он не ушел, и мы просидели еще довольно длительное время.

Потом я сопроводил Юрия Алексеевича в Звездный городок. Так надо было, ведь я отвечал за него. Ехали с ним в его машине, оба на заднем сиденье, а моя машина шла за нами. До Звездного ехать было более часа. Всю дорогу мы о чем-то говорили. Мне кажется, о моей подноготной он узнал полностью. А меня, естественно, интересовали вопросы космоса, полетов, его личное ощущение от полета. Я не лез в вопросы, представляющие секреты (хотя все, о чем говорили, казалось мне секретным). Но я боялся поднимать эти темы глубоко и очень осторожно задавал иногда тот или иной вопрос. Юрий отвечал открыто, порой с комментариями. Весь ночной путь прошел незаметно. Подъехали к подъезду дома № 2, где жили все космонавты первого отряда. Поднялись в лифте до квартиры, и я «сдал его с рук на руки» Валентине Ивановне. Пьяные мы не были, но я понимал, какую ответственность взял на себя, задержав космонавта № 1 допоздна. Валентина Ивановна была гостеприимна и любезна. На предложение выпить по чашке чая я ответил вежливым отказом. О Валентине Ивановне я знал только по информации от кого-то, а здесь она была наяву, и мы очень тепло поговорили. Валентина Ивановна произвела на меня хорошее впечатление. Умное, интеллигентное лицо. За очками красивые глаза. Но грустинка проглядывает, наверное, от усталости и переживаний за Юру, на которого обрушился водопад славы и известности.

В комнату я так и не пошел, стоял в прихожей, не снимая шинели, так что весь наш разговор длился не более 5—7 минут.

Возвратился я из Звездного в гостиницу поздно, но все-таки прибрал со стола, навел порядок в комнате. На полу увидел стакан, из которого последним пил Юрий Гагарин. Верхняя часть его была немного надколота, почему-то не захотелось выбрасывать стакан в мусорное ведро. Даже подумал, что при встрече, в виде шутки, попрошу Юрия Алексеевича оплатить нанесенный гостинице ущерб (тогда стакан стоил 8 копеек). А спустя какое-то время сообщили о гибели Юрия Алексеевича Гагарина...

Прошло много лет, я совершил массу переездов по службе, но тот стакан всегда стоит у меня в серванте как память о встрече с Юрой. Из него я никому, вопреки жалостливым просьбам, не разрешаю пить.

Дальнейшие многочисленные встречи с космонавтами были уже позднее, после моего переезда в Москву, и относятся к началу моей службы в должности начальника отдела комсомольской работы, помощника по комсомольской работе начальника ГлавПУРа Алексея Алексеевича Епишева. Более четырех лет я был на этой должности, и этот период считаю самым плодотворным в смысле знакомств и встреч со знаменитыми и известными стране людьми. Но чаще всего я общался с космонавтами. До сих пор встречаемся и общаемся как близкие друзья с Алексеем Леоновым, Валентиной Терешковой, Борисом Волыновым, Петром Климуком. Ушли и уходят из жизни ребята из первого набора космонавтов. Но память о них у меня останется навсегда.

Бамовский прокол

Прошло немало времени, но отчетливо вспоминаются многие эпизоды из периода моей комсомольской работы. До сих пор с содроганием вспоминаю серьезнейший прокол в своей работе, связанный с БАМом. О великой и грандиозной стройке в свое время, по-моему, знали все в стране, начиная с детского сада. На съезде комсомола торжественно и красиво отправили на стройку первый отряд добровольцев. Для них все было продумано: от экипировки до проводов в Сибирь. Я поздно спохватился, что в первый отряд не включили представителей армейского комсомола. Решили быстро ликвидировать промах. В ЦК комсомола поддержали просьбу Главного политуправления о формировании специального отряда в 100 человек воинов-комсомольцев под эгидой ЦК ВЛКСМ.

Из войск в ГлавПУР посыпались просьбы доверить им формирование этого отряда. Но инициативу перехватила Группа советских войск в Германии. Начальником Политуправления там был А.А. Лизичев, любимец Епишева. Епишев согласовал этот вопрос с министром обороны А.А. Гречко (без него нельзя было решить вопросы досрочного увольнения такого количества воинов), и решение было принято.

Наконец в Москву прибыли добровольцы из ГСВГ. Начиная со встречи на платформе Белорусского вокзала и до отправления их из Москвы программа предусматривала насыщенный период их пребывания в столице. Добровольцев принимали главкомы родов войск (по специальностям), в ГлавПУРе и у министра обороны. Везде были награждения, подарки, напутствия. Кроме этого, для них были организованы экскурсии по музеям Москвы, встречи со знаменитыми людьми армии и страны.

И вот завершающий эмоциональный митинг на привокзальной площади у

Ярославского вокзала, прощание, объятия, напутствия, и поезд двинулся. Мы с ребятами из отдела облегченно вздохнули — наконец-то отправили. Я доложил об этом Е.М. Тяжелникову и А.А. Епишеву, который при мне позвонил министру обороны и доложил, что задание партии выполнили!

И — о ужас! — на второй день мне позвонили и сказали, что все 100 человек военных покинули поезд и разбежались. Заказанные Министерством обороны вагоны стали пустеть уже на ближайших станциях после Москвы.

Я сидел в кабинете, сжав виски и мучительно раздумывая. Что делать? Идти к Епишеву? Тогда сразу — «с вещами на выход». Не доложить своевременно? Все равно факт выплывет наружу, и тогда будет еще хуже. Я боялся не за свою карьеру. Стыдно было за ГлавПУР, за комсомольский отдел. Мне на ум пришло единственно правильное решение: пойти к первому заместителю начальника ГлавПУРа генералу Павлу Ивановичу Ефимову и все рассказать. Так я и сделал.

Мудрый Павел Иванович! Фронтовик. В ГлавПУРе он решал все вопросы, не оглядываясь на начальство, чутко относился к просьбам сослуживцев. Выслушав мои причитания, он тут же позвонил в два военных округа (Уральский и Сибирский), обрисовал обстановку и попросил принять меры: найти добровольцев на БАМ, срочно их уволить в запас и направить в Тынду. Через три-четыре дня мне сообщили, что в Тынду прибыли 100 человек и встали на комсомольский учет.

Ни начальник ГлавПУРа, ни ЦК ВЛКСМ так и не узнали о случившемся. Честь отдела комсомольской работы ГлавПУРа была сохранена. Но мне это многого стоило. А.Д. Лизичев и Политуправление, упросив Епишева предоставить право отправки на БАМ военных, не учли, что в ГСВГ особенно сложно служить три года. Увольнений нет, контактов с местной молодежью, как в Союзе (СССР), нет. Естественно, по чьей-то инициативе в поезде все ринулись домой.

Больше за время моего пребывания на этом комсомольском посту проколов не было. В отделе работали высокопрофессиональные комсомольские работники, и мы справлялись со всеми возлагаемыми на нас задачами.

Е. Махов и В. Терешкова на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине. 1973 г.

Прощание с комсомолом

Памятным моментом для меня остался пленум ЦК ВЛКСМ, на котором я прощался с комсомолом. Пленум проходил в зале заседаний мэрии Москвы. ЦК комсомола иногда арендовал это помещение для проведения своих мероприятий.

Прощание с комсомолом

с комсомолом по армейским традициям. Так я и сделал. Сказал несколько благодарственных слов, попросил у пленума разрешения попрощаться по-армейски, подошел к комсомольскому Знамени, преклонил колено перед ним, поцеловал край полотнища и встал по стойке «смирно».

Я не ожидал, что все участники пленума поднимутся и тоже застынут на минуту. Раздался гром аплодисментов. После этого уже не только в ЦК, а во многих комсомольских организациях республик и областей повторяли такой же прощальный ритуал.

Воспоминаний о моей комсомольской деятельности много. Общесоюзные комсомольские мероприятия, фестивали и слеты молодежи. Особенно памятны встречи с известными всей стране военными ветеранами, деятелями культуры и искусства, писателями, поэтами, прославленными героями труда. С некоторыми комсомольскими работниками дружили семьями. Но, к сожалению, заданный объем статьи не позволяет назвать всех. Разве можно не вспомнить хотя бы Бориса Карловича Пуго и его супругу Валентину?! А ведь мы дружили более 20 лет. Последний телефонный разговор с Борисом у меня состоялся поздно вечером, в канун их гибели...

Особенно горжусь, что мне удалось близко познакомиться почти со всеми космонавтами первого, гагаринского, набора и многими последующими. Почти от всех гагаринцев имею автографы. Ежегодно мы всем комсомольским отделом выезжали в Звездный городок и целый день проводили с космонавтами.

Такого объема интересных встреч и знакомств у меня уже не было ни на какой последующей должности. Горжусь, что мне выпало такое везение — длительное время работать с молодежью.

Ритуал прощания с комсомолом был отработан годами. Выдвинутые на партийную или иную государственную службу руководящие комсомольские работники республик и областей приглашались, как правило, на пленум, и там их благодарили за работу и награждали почетными знаками ЦК ВЛКСМ или другими наградами. На эту прощальную процедуру пригласили и меня, когда я «ушел» из комсомола и уже работал на партийно-политической должности.

Сам ритуал был отработан годами и не претерпевал изменений. Каждый награжденный выходил на трибуну и говорил прощальную речь. В основном большинством произносились слова, типа: «Я благодарен комсомолу за ту проходную, что в люди вывела меня...» И вот я сижу в президиуме пленума, сейчас мне выходить, а что сказать, не повторяя других, ничего на ум не приходит. И вдруг осветило: попрощаюсь я

Владимир Александрович Медведев

Первый секретарь Рязанского обкома ВЛКСМ

Генеральный директор АООТ «Гудвилл», директор

Рязанского регионального общественного фонда

социально-экономического развития «Перспектива»

От Рязани до бывшей Гвианы

Счастлив тем, что принадлежу к людям, для которых комсомол стал судьбой. С ним связаны самые яркие и знаменательные события моей жизни. Родился я 28 апреля — в день рождения Рязанской областной комсомольской организации, когда отмечалось ее 36-летие.

Место моего рождения — расположенное в 20 километрах от Рязани село Кораблино, жители которого испокон веков отличались своей активностью. Незамедлительно откликнулись они и на революционные события 1917 года, повернувшие колесо истории. Бывшая барская усадьба была преобразована в народный дом, и уже в марте 1918 года 60 молодых кораблинцев объединились в культурно-просветительский кружок. В октябре они направили четверых своих представителей на I Всероссийский съезд комсомола. Возглавлявший делегацию Михаил Давыдов впоследствии ушел добровольцем на Гражданскую войну, продолжил службу в армии, а во время Великой Отечественной войны был крупным армейским политработником. В послевоенные годы Михаил Прокопьевич трудился на ответственных партийных постах, избирался депутатом Верховного Совета СССР второго созыва.

Вдохновленные атмосферой первого съезда и решением о создании РКСМ, ребята, возвратившись в село, взялись за организацию комсомольской ячейки. Конкретными делами первых кораблинских комсомольцев стали мобилизация молодежи на защиту советской власти, ликвидация безграмотности, противостояние местному духовенству и кулакам, проведение по призыву комсомола похода сельской молодежи за урожай и коллективизацию.

Еще в дни работы съезда посланцы кораблинской молодежи побывали в Наркомпросе у Н.К. Крупской, которая помогла им получить для народного дома библиотеку из трех тысяч книг, учебное оборудование и наглядные пособия для школы, реквизит для драматического кружка.

В 1935 году, за полтора летних месяца, жители села Кораблино своими силами построили новое двухэтажное кирпичное школьное здание. В этой школе довелось учиться и мне. Здесь в 1969 году я вступил в комсомол. Вскоре был избран заместителем секретаря комитета ВЛКСМ школы. Тогда же посчастливилось мне побывать в лагере комсомольского актива «Рубин» и приобрести там первые навыки общественной работы.

«Рубин» был создан Рязанским обкомом ВЛКСМ в 1965 году и существует до настоящего времени как областной лагерь актива старшеклассников. И сегодня, под эгидой министерства образования области, люди, некогда прошедшие школу комсомола, готовят в нем лидеров для органов ученического самоуправления, детских и молодежных организаций.

В.А. Медведев

С ностальгией вспоминается студенческая пора. СТЭМ факультета электроники, в котором я с удовольствием играл, по праву считался лучшим не только в нашем Рязанском радиотехническом институте, но и среди всех вузов города. Трудился я в строительных отрядах, возводивших жилые дома в сельских районах Рязанской области и в Казахстане. В период зимних каникул отправлялся с друзьями в «звездные походы». Шли на лыжах от одного населенного пункта к другому, при этом проводили поисково-краеведческую работу, записывали воспоминания ветеранов, ремонтировали телерадиоаппаратуру, давали концерты. Походы получили название «звездных», так как нанесенные на карту маршруты отрядов пяти факультетов образовывали пятиконечную звезду. Пунктом назначения одного из походов был город Новомичуринск, где возводилась Рязанская ГРЭС, имевшая статус областной ударной комсомольской стройки. Тогда я и предположить не мог, что, став вторым секретарем Рязанского горкома ВЛКСМ, однажды привезу сюда в помощь строителям очередного энергоблока молодых рабочих с предприятий областного центра.

Радует, что на протяжении десятилетий сохраняются в Рязани добрые традиции, нынешние юноши и девушки трудятся в студенческих отрядах, как и прежде ходят в «звездные походы».

Комсомольцы Научно-исследовательского института газоразрядных приборов, где я, окончив вуз, работал инженером, избрали меня секретарем комитета комсомола, имевшего права райкома. До сих пор помнятся проводимые в те годы смотры научно-технического творчества молодежи, конкурсы профессионального мастерства, туристические слеты, конкурсы бального танца, художественной самодеятельности.

Позже, работая в горкоме и обкоме ВЛКСМ, убедился, что такая же интересная, насыщенная жизнь была характерна для многих первичных комсомольских организаций.

В 1986 году, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, я работал инструктором в секторе Украины и Молдавии отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ. В Киевскую область прилетел в первых числах мая и стал очевидцем самоотверженных действий комсомольцев и молодежи на всех участках работы. В те напряженные дни комсомольские работники проявляли особую решительность и инициативу. Расскажу лишь об одном эпизоде. Было принято решение вывезти детей из Припяти и тридцатикилометровой зоны эвакуации в пионерские лагеря на Черноморское побережье. В качестве сборного пункта определили расположенный под Киевом летний лагерь труда и отдыха, кото-

рый необходимо было оперативно подготовить после зимней консервации. Детей требовалось не только разместить и обеспечить питанием, важно было предоставить им возможность помыться, чтобы избежать вероятного присутствия радиоактивной пыли. Когда вся надлежащая работа в рекордно короткий срок была проделана и уже ждали прибытия автобусов с детьми, в лагере появился мальчик, доставленный сюда его родителями. Проведя замеры, дозиметристы обнаружили следы радиации на обуви ребенка, и ее пришлось изъять. Мальчика нужно было во что-то обуть. Понимая, что вскоре подобная ситуация может повториться многократно, один из секретарей обкома незамедлительно выехал на торговую базу и вскоре пригнал оттуда две грузовые автомашины с детской одеждой и обувью. Он сумел забрать все эти вещи со склада «по законам военного времени», оставив взамен свою расписку. Таким образом, сработав на опережение, устранили потенциальную угрозу для здоровья детей и подростков.

В декабре 1987 года я был избран первым секретарем Рязанского обкома комсомола, позднее — членом ЦК ВЛКСМ, кандидатом в члены бюро областного комитета партии, делегатом XIX Всесоюзной конференции КПСС, депутатом областного Совета народных депутатов. Участие в работе партийных и советских органов способствовало повышению результативности работы всей областной комсомольской организации.

Не могу не вспомнить добрым словом первого секретаря Рязанского обкома КПСС Леонида Ивановича Хитруна, относившегося к молодежи с партийной принципиальностью и одновременно с отеческой заботой.

Получали мы помощь и от областного Совета ветеранов комсомола, который возглавляла Анна Яковлевна Жильцова, работавшая первым секретарем Рязанского обкома ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны. Тогда во многом благодаря ее инициативе прозвучал призыв «Девушки — на трактор!» и было развернуто соревнование женских тракторных бригад. В течение пяти лет становилась победителем Всесоюзного соревнования и удерживала переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ трудившаяся на рязанских полях бригада Дарья Гармаш. В 1947 году Центральный комитет комсомола принял решение оставить знамя в бригаде навечно. На протяжении многих лет лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда Дарья Матвеевна Гармаш щедро делилась своим опытом с молодыми тружениками.

К сожалению, не представляется возможным назвать поименно всех замечательных людей, с которыми сводила меня жизнь. На разных этапах работы были сотни таких — преданных общему делу, неравнодушных, увлеченных. Некоторые события объединили тысячи единомышленников. Например, невозможно посчитать число рязанцев, откликнувшихся на страшную трагедию — разрушительное землетрясение в Армении в декабре 1988 года. Буквально на следующий день после удара стихии в областном комитете ВЛКСМ был создан штаб по оказанию помощи пострадавшим, и сюда непрерывным потоком начали поступать продукты питания, медикаменты, одежда и многое другое. Все это несли и везли люди разных возрастов — от школьников до пенсионеров. Оперативно развернул работу комсомольский актив на местах, со всей области присылали свою продукцию трудовые коллективы. Работа велась круглосуточно, и скоро в здании обкома стало тесно от обилия ящи-

ков и тюков. На четвертый день из Рязани в Ленинанкан были отправлены три железнодорожных вагона с грузом первой необходимости. Значительные по тем временам денежные средства были перечислены в фонд помощи пострадавшим. Нашлось немало добровольцев, готовых отправиться на восстановительные работы.

Как известно, в 1989 году в Верховный Совет СССР предстояло избрать 75 народных депутатов от ВЛКСМ. Было ясно, что в число таких людей попадут лишь самые достойные. После серьезной, кропотливой работы в качестве кандидата обком утвердил токаря-оператора станков с числовым программным управлением Рязанского станкостроительного завода Игоря Никанорова. Конкурентная борьба обещала быть напряженной и требовала поистине творческого подхода. Возникла идея попросить стать доверенным лицом нашего кандидата Зою Васильевну Белову, секретаря партийной организации Рязанского областного театра драмы, народную артистку РСФСР, маму известной актрисы театра и кино, ныне народной артистки Российской Федерации Ирины Розановой. Прежде чем дать свое согласие, Зоя Васильевна высказала два пожелания. Во-первых, в течение нескольких дней пообщаться с самим Игорем, членами его семьи, товарищами по работе. Во-вторых, не требовать от нее предварительного текста выступления. Возражений, естественно, не было, и все состоялось. Когда на пленуме ЦК ВЛКСМ прозвучали, как говорится, «без бумажки» ее искренние, проникновенные слова, зал отозвался продолжительной овацией. Достоинно выступил и сам кандидат. Игорь Алексеевич Никаноров был избран народным депутатом и с честью оправдал оказанное доверие. Добросовестно работал в составе Комитета Верховного Совета СССР по международным делам, помогал своим землякам, не терял связь с комсомолом.

Не составляет труда привести множество примеров и цифр, свидетельствующих о результативной работе комсомольских организаций области. О славных делах комсомольцев и молодежи повествуют изданная в 1984 году книга очерков «Юность земли Рязанской», публикации последующих лет, архивные материалы. Желаящим больше узнать о рязанском комсомоле следует заглянуть в музей, ныне ставший Музеем истории молодежного движения. Уже само его здание является своеобразным экспонатом. Построено оно было в конце XIX века как резиденция рязанского губернатора. После октябрьских событий 1917 года преобразовано в Дом Свободы, в котором была провозглашена советская власть, размещался Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, работали комитет рязанской группы РСДРП и редакции партийных газет. Позже здесь несколько лет функционировал клуб рязанских комсомольцев. Со временем здание обветшало, но по инициативе обкома ВЛКСМ было восстановлено буквально из руин. На многочисленных субботниках трудились здесь работники комитетов ВЛКСМ, молодые активисты. В день 70-летия комсомола, 29 октября 1988 года, состоялось открытие Музея истории Рязанской областной комсомольской организации. И хотя вывеска на фасаде со временем изменилась, музейные залы по-прежнему пронизаны комсомольской энергетикой. Помимо постоянно действующих экспозиций здесь размещаются различные тематические выставки, проходят встречи ветеранов с юными рязанцами, акции творческой молодежи.

За время работы у меня было немало командировок, в том числе и несколько зарубежных. Одна из них особенно сохранилась в памяти. В конце 1980-х годов послом в республике Суринам — бывшей Нидерландской Гвиане — был Ю.А. Дергаусов, ранее работавший секретарем ЦК ВЛКСМ. С целью укрепления связей с партийными организациями данной страны Юрий Александрович высказал просьбу направить в Суринам комсомольскую делегацию для налаживания контактов с местными молодежными структурами различной политической направленности. И вот делегация из трех человек, руководителем которой я был назначен, предварительно побывав в Нидерландах и получив там соответствующие визы, перелетела через Атлантический океан и прибыла к месту назначения. В течение пяти дней, изнывая от жары и повышенной влажности, общались мы с молодыми суринамцами, рассказывали о Советском Союзе, о комсомоле, о XIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Пхеньяне. В результате на официальном приеме, проходившем в нашем посольстве, присутствовали молодые представители как правящей, так и оппозиционных партий. Поставленная задача была решена. Кроме того, на обратном пути заглянули мы на Антильские острова. Встретились с министром по делам молодежи и познакомились с местной молодежной организацией на острове Кюрасао. Затем на Ямайке провели переговоры с активом молодежного крыла Народной национальной партии. Тем самым были заложены основы для последующей работы Комитета молодежных организаций СССР в данном регионе.

Самое главное, что дала мне комсомольская юность, — множество добрых и верных друзей. Тех, с кем трудились рука об руку, благодаря кому состоялась моя биография. Мы никогда не теряли связи друг с другом, встречаемся и в дни горести, и в дни радости. Находим время для общения с молодыми рязанцами в учебных заведениях и трудовых коллективах. Новый импульс к повышению активности дало создание Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Воспитанники комсомола — Мое Отечество». Массово проходят в Рязани празднования юбилеев ВЛКСМ и дня рождения областной комсомольской организации.

Мне выпала честь представлять Рязанскую область в составе оргкомитетов «Комсомолу — 90» и «Комсомолу — 95». Как большое доверие воспринял избрание меня в Международный организационный комитет по подготовке к 100-летию ВЛКСМ. Поздравляя воспитанников комсомола с его вековым юбилеем, желаю всем неиссякаемых сил и энергии, чтобы как можно дольше оставаться в строю. А нынешней молодежи и последующим поколениям россиян хочу пожелать найти свое достойное место в современном мире, перенять и творчески претворять в жизнь все лучшее, что накоплено комсомолом за его 100-летнюю историю.

Геннадий Андреевич Месяц

Председатель Совета молодых ученых ЦК ВЛКСМ

Доктор технических наук, профессор

Академик Академии наук СССР / РФ

Вице-президент Академии наук СССР и РФ (1987—2013 гг.)

Член Президиума РАН

Председатель Высшей аттестационной комиссии

Минвуза РФ (1998—2005 гг.)

*Председатель Уральского отделения АН СССР / РАН
(1986—1998 гг.)*

*Директор Института сильноточной электроники
СО РАН (1977—1986 гг.)*

*Директор Института электрофизики УрО РАН
(1986—2004 гг.)*

*Директор Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
(2004—2015 гг.)*

*Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной
премии СССР, премии Совета Министров СССР,*

*Государственной премии Российской Федерации, премии
Правительства Российской Федерации в области*

*науки и техники, Демидовской премии, Международной
премии У. Дайка, Международной премии Э. Маркса,*

Международной премии «Глобальная энергия»,

*Международной премии имени Марии Склодовской-Кюри,
премии имени А.Г. Столетова РАН*

*Награжден золотыми медалями Российской академии
наук имени академика М.А. Лаврентьева и академика
С.В. Вонсовского*

Почетный гражданин города Томска и Томской области

Почетный гражданин города Екатеринбурга

Вечный двигатель науки

Молодежь являлась и будет являться одним из основных двигателей науки. В 1932 году, в разгар электрификации страны, вышла коллективная монография «Физика диэлектриков» с таким вступлением: «Овладевающему наукой и техникой Ленинскому Коммунистическому Союзу молодежи посвящают свой труд авторы». Одним из авторов был 29-летний А.П. Александров, будущий президент АН СССР.

В 1938 году Академия наук СССР и ЦК ВЛКСМ объявили Всесоюзное соревнование молодых ученых. Впервые в мире государство и союз молодежи организовали массовое движение молодежи в науку, стимулировали проявление

ние таланта, смелость браться за решение научных проблем. Соревнование не только выявило наиболее талантливых молодых научных работников, но и развило невиданный до того интерес юных граждан страны к творчеству. На конкурс поступил ряд выдающихся работ. Высшую оценку получили труды молодых математиков, в том числе профессоров МГУ Сергея Львовича Соболева и Льва Семеновича Понтрягина. Работа Л.С. Понтрягина «Теория непрерывных групп» была оценена как научное решение мирового значения. Лев Семенович стал академиком, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий. Наверное, следует сказать и о том, что в 13 лет он потерял зрение. Ум и мужество соединились в этом человеке. Смелую, интересную работу представил С.Л. Соболев, член-корреспондент АН в 30 лет, затем — академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР. Его имя присвоено Институту математики СО РАН, премии для молодых ученых СО РАН, стипендии для студентов НГУ.

Особую роль играла научная молодежь, когда было проведено испытание атомного оружия, запущен первый спутник Земли, первый человек полетел в космос. Были достигнуты выдающиеся результаты в ядерной физике, термоядерном синтезе, математике, фундаментальной биологии. Интерес к науке был огромным, казалось, что с ее помощью можно решить все проблемы. Ученые стали героями и в жизни, и в искусстве. Да, это была элита. Потому что эти люди создавали и создают высшие ценности.

Начался резкий приток молодых ученых в институты и вузы. А ведь это, как правило, были комсомольцы. Сложилась интересная ситуация: с одной стороны, большой отряд молодых талантливых людей, которым очень хотелось заниматься наукой, а потому скорее устроить свою жизнь и в лабораториях, и в быту. А с другой — многомиллионный комсомол, который нуждался в этих людях, чтобы изменить свой облик и расширить свое влияние. Наука и комсомол были нужны друг другу. Активизировалась работа ЦК ВЛКСМ по вовлечению молодых ученых и оказанию им помощи. Вот посмотрите, как быстро стали развиваться события. Появляется основополагающий документ «О работе с научной молодежью». Это совместное Постановление ЦК ВЛКСМ, Государственного комитета Совета Министров СССР, Президиума АН СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 12 мая 1967 года. Создавались Совет молодых ученых ЦК ВЛКСМ и премии Ленинского комсомола для молодых ученых в возрасте до 33 лет. Уже 22 мая 1967 года состоялось заседание Секретариата ЦК ВЛКСМ, где обсуждался вопрос «О группе по работе с научной молодежью в ЦК ВЛКСМ, в ЛКСМ союзных республик и некоторых обкомах комсомола». Вот задачи, которые должна была решать эта группа:

- осуществление совместно с отделами ЦК ВЛКСМ, руководства работой комсомольских организаций с молодыми учеными, обобщение и распространение опыта работы комсомольских организаций научных учреждений;

- оказание помощи Советам молодых ученых;

- организация учебы комсомольского актива научных и научно-исследовательских институтов;

- организация совместно с Академией наук СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Государственным комитетом по

науке и технике Совета Министров СССР и другими центральными организациями и ведомствами научных конференций и семинаров молодых ученых по различным отраслям наук и по отдельным важным научным проблемам;

организация комсомольского шефства над проведением работ в наиболее перспективных направлениях науки или на стыках отдельных проблем;

привлечение молодых ученых к организации различных олимпиад, конкурсов и симпозиумов среди школьников, популяризации научных знаний среди молодежи;

оказание помощи молодым ученым во внедрении их достижений и изобретений в производство, в улучшении организации работы научной молодежи.

В июне 1967 года состоялось первое заседание Совета молодых ученых ЦК ВЛКСМ в Новосибирском академгородке, на котором были приняты план работы Совета на июнь—декабрь 1967 года и решение о создании перспективного плана на три года. Председателем совета был назначен д. ф.-м. н. Ю.И. Журавлев, который работал в Сибирском отделении АН СССР. Из этого же отделения в аппарате ЦК ВЛКСМ работал Б.И. Мокроусов, сыгравший огромную роль в организации взаимодействия ЦК ВЛКСМ и Совета молодых ученых. Предполагалось подготовить предложения о кандидатах на первое присуждение премии Ленинского комсомола, провести конференцию о достижениях современной биологии, созвать семинары председателей Советов молодых ученых в регионах, изучить вопросы подготовки молодых научных кадров в области биологии и так далее.

Работа нашего совета существенно ускорила после принятия Постановления ЦК ВЛКСМ «Об участии научных учреждений в выполнении Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 28 августа 1969 года «О создании новых научных центров в ряде экономических районов РСФСР». Создавались Дальневосточный и Уральский научные центры АН СССР, Северо-Кавказский центр высшей школы, Сибирское отделение ВАСХНИЛ в Новосибирске. Все эти центры развивались наряду с созданными в последние 5—6 лет научными центрами в Московской области — в Пущине, Протвине, Фрязине, Черноголовке, Красной Пахре. Кроме того, развивались научные центры Сибирского отделения в Красноярске, Иркутске, Томске, Якутске и других городах.

В этой связи уместно упомянуть о письме в ЦК ВЛКСМ председателя Совета молодых ученых Томского обкома комсомола профессора Г.А. Месяца и председателя Совета молодых ученых Московского горкома ВЛКСМ к. ф.-м. н. И.Н. Сисакяна от 27 января 1970 года «О некоторых вопросах улучшения работы комсомольских организаций с молодыми учеными». В письме были сформулированы следующие предложения:

ЦК ВЛКСМ, по согласованию с Государственным комитетом СМ СССР по науке и технике:

обратиться к лучшим молодым ученым и инженерам с призывом поехать работать в новые научные центры, в этом особенно нуждались научные центры Урала, Сибири и Дальнего Востока;

организовать выдачу комсомольских путевок молодым ученым и инженерам с последующим обеспечением их жильем;

для ускорения строительства институтов в этих центрах некоторые из них объявить всесоюзными ударными комсомольскими стройками и взять под особый контроль.

В 1970 году Совет молодых ученых был реорганизован под моим руководством, создан ряд новых комиссий и секций:

организационная комиссия (Г.А. Месяц, Томск);

комиссия содействия научно-техническому прогрессу (В.И. Гриценко, Киев);

комиссия по новым научным центрам (Н.П. Юшкин, Сыктывкар);

комиссия по координации деятельности Советов молодых ученых ЦК ЛКСМ союзных республик, крайкомов, обкомов, крупных научных центров (Г.В. Давыдов, Москва);

комиссия по профессиональному росту молодых ученых и специалистов (Э.Э. Лавендел, Рига);

секция по рациональному использованию и охране природных ресурсов (К.Н. Дьяконов, Москва).

Совет молодых ученых искал новые формы работы. Для того чтобы молодежь быстрее продвигалась, ей нужно было общение с выдающимися учеными, участие в научных конференциях; нужно было вовремя публиковаться, защищать кандидатские диссертации; нужны были жилье, поддержка детей — несчетное количество проблем, ведь ученый не существует сам по себе.

Совет молодых ученых на все это влиял. На базах отдыха ЦК ВЛКСМ регулярно проводились научные конференции. Встречи и сами по себе многое значили, особенно для людей, которые жили в Новосибирске, Владивостоке, Свердловске, Томске и других отдаленных от центра местах. В 1972 году по линии «Спутника» мы организовали поездку более 30 молодых ученых из разных городов СССР в Польшу, Познань, на Международную научную конференцию. В 1974 году я возглавлял секцию «Научно-технический прогресс и молодежь» на XVII съезде ВЛКСМ. На ней обсуждались результаты работы ВЛКСМ с молодыми учеными в лучших институтах и вузах страны.

Огромную роль сыграла премия Ленинского комсомола в области науки. По деньгам это было не так уж много — 2 тысячи рублей, но если учесть, что аспирантская стипендия была около 100 рублей, то это, считай, 20 аспирантских стипендий, то есть полтора года молодой ученый имел дополнительное финансирование. Но главное в другом. Был четкий отбор. В Комиссии по премиям работали видные ученые. Первый ее состав возглавлял академик Н.Г. Басов, нобелевский лауреат. В состав комиссии входили академики А.П. Александров, Р.З. Сагдеев, С.П. Новиков, А.И. Целиков и многие другие. На последнем этапе существования СССР возглавлять комиссию было поручено мне. Премия Ленинского комсомола имела большое значение в том смысле, что вы-

Участники VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. 1957 г.

двинуться молодому человеку на фоне маститых ученых очень трудно, а тут вдруг независимая экспертиза тебя оценивает при большом конкурсе, о тебе пишут в газетах и журналах, тебя показывают по телевидению.

Для молодых это было мощным моральным стимулом. Сошлюсь на личный пример. В 1968 году мы получили премию Ленинского комсомола за развитие сильноточной наносекундной электроники. Эта работа впоследствии стала интенсивно развиваться, и не только у нас, но и во всем мире. Тогда, в 1960-х годах, это было только начало, но уже на базе тогдашних наших исследований были созданы образцы новых типов лазеров. В 1987 году мои ученики С.Д. Коровин и М.И. Яландин также были удостоены этой премии за работы по релятивистской СВЧ-электронике. А спустя 30 лет, уже в 1998 году, мы получили Государственную премию за работу в этом же направлении, в котором нам до сих пор принадлежит мировое лидерство. В списке этой премии пятеро были лауреатами премии Ленинского комсомола — я и мои ученики С.П. Бугаев, С.Д. Коровин, Б.М. Ковальчук, М.И. Яландин, все позднее были избраны академиками по физике.

Хотелось бы еще назвать имена людей, кто получил премию Ленинского комсомола и стал академиками, определяющими лицо нашей современной науки. Это академики А.А. Галеев, А.П. Деревянко, Н.П. Юшкин, В.П. Скулачев, И.А. Щербаков, В.А. Матвеев и еще десятки выдающихся ученых, впервые получивших оценку своего труда благодаря комсомолу. Многие из них стали также и прекрасными организаторами науки в нашей стране. Организационные навыки, которые были получены в комсомоле, позволили шире смотреть на ситуации, четче осознавать государственные интересы. Многие сегодняшние политики — это бывшие комсомольские лидеры. В 1991 году мы получили в наследство страну, которая досталась нам от Советского Союза и была создана ценой колоссальных жертв. Мы живем сейчас, можно сказать, «старым жиром», нажитым в том числе при помощи комсомола, при помощи самоотверженного труда молодых людей тех лет.

На наше время пришелся пик престижа ученых. Однако после 1991 года начался их резкий отток, зарплаты ученых значительно сократились, престиж науки упал, многие ушли в частный бизнес. Это был один поток ученых. Другой поток — это молодые люди, многие из которых уже состоялись, уезжали за границу. Их умело переманивали, обещая значительно лучшие условия работы и жизни. Этот процесс продолжается и сейчас. Он даже усиливается из-за низких зарплат молодых ученых и отсутствия регулярного поступления нового научного оборудования. Отъезд молодых ученых из России нам стыдно осуждать, так как мы не можем предоставить им нормальных условий для научной работы. Однако многие из тех, кто уехал, почувствовали, что там тоже не сахар. Им очень трудно пробиться. Там много бывших моих учеников и сотрудников. Они, как правило, занимаются наукой несколько лет, а потом переходят на научные поделки, мелкие заказы.

Вы задумывались о том, почему художник или поэт продолжает творить даже в том случае, если не получает признания? Потому что он заморожен творчеством, он не может думать больше ни о чем другом. Ученый — такой же творец. Если, будучи студентом, он понимает, что захвачен какой-то идеей, его привлекает научный поиск, то идет в аспирантуру. Он будет не так много по-

Чествование новых членов Академии наук СССР. Томск, 1984 г.

лучать, но это тот случай, когда человек стремится к высшему, ему открывается научная истина, он уже в плену у нее. Спустя время у него и деньги пойдут, и международные поездки, международное признание появится и так далее — человек оказывается на соответствующем уровне в соответствующей шкале ценностей. Вечные ценности при любой системе — монархической, капиталистической, социалистической — ими и остаются. Но жизнь, безусловно, стала сложнее. Работать, пробиться ученым трудно.

Нужен радикальный пересмотр отношения к науке на государственном уровне. На словах все за науку, все ее любят. А на деле... Я даже не могу предъявить претензии правительству, они дают то, что у них есть. И большего просто не имеют. А ведь американский бюджет на науку в десятки раз превышает российский. Реально это означает, что в недалеком будущем многие разделы науки у нас постепенно отомрут. Притом что в Советском Союзе у нас был широчайший фронт науки. Пока страна находится в таком положении, никаких крупных изменений в науке ждать не приходится. Уровень интеллекта российских ученых высок до сих пор. К счастью, это хорошо знают во всем мире, и нам не надо забывать об этом.

Андрей Кириллович Негуца

*Первый секретарь Котовского райкома ЛКСМ Молдавии
Председатель комиссии по делам молодежи Компартии
Молдавии*

Делегат XIX съезда ВЛКСМ

Факелоносец летних Олимпийских игр в Москве

Посол Республики Молдова в Российской Федерации

Ордена «просто так» не давали

Родился я в 1952 году в селе Хырбовэц (недалеко от Кишинева). Там же пошел в школу, а в 14 лет меня приняли в комсомол и тогда же на общем комсомольском собрании школы избрали секретарем ученической комсомольской организации. И тут я по-настоящему испугался, подумал: «А вдруг не получится? Подведу тогда ребят и педагогов!» Спасибо мудрым учителям, которые были рядом, умело направляли нас и развивали наши инициативы. Поэтому могу сказать, что духовную основу, первоначальный жизненный опыт я получил от родителей, педагогического коллектива родной школы и, безусловно, комсомола.

Членом ВЛКСМ я состоял 18 лет, в том числе последние четыре года — в должности первого секретаря Котовской ордена Трудового Красного Знамени районной комсомольской организации Молдавии. Хочу более подробно рассказать о ее работе в 1979—1984 годах. Отличительная особенность этой организации заключалась в том, что это единственная из районных и городских организаций республики, которая за успехи в воспитании юношей и девушек района Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Это была самая большая по численности сельская организация — свыше 19 тысяч комсомольцев, объединенных в 140 первичных организаций. Четыре из них — очень крупные (их комитеты комсомола имели права райкомов), а также организации строительного техникума, сельского профтехучилища, колхозов, совхозов, ученические и учительские организации школ. Одним словом, сложный многочисленный коллектив молодых рабочих, колхозников, врачей, инженеров, педагогов, учащихся.

Важной сферой нашей деятельности являлась работа в учебных заведениях — создание первичных организаций, прием в комсомол, организация соревнования «За отличную учебу», школьных олимпиад, помощь пионерским организациям, подбор и расстановка пионервожатых, шефство над ветеранами войны и многое другое. В школах мы имели самый многочисленный отряд районной организации (на учете состояли две трети состава района).

Сегодня мы много слышим, что скауты, волонтеры — это отряды, формирования, играющие особую роль в организации помощи нуждающимся членам общества. Если отбросить некоторую политизированность пионерских и комсомольских организаций, то они уже тогда, по сути, делали то, что подается сегодня как важная современная составляющая.

Приятно сознавать, что райком комсомола вместе с родителями, педагогами, органами государственного управления вносил свою лепту в становление и воспитание детей, юношей и девушек района.

Центральное направление нашей работы с рабочей и сельской молодежью заключалось в формировании и организации соревнования между комсомольско-молодежными коллективами (уверен, что старшее и среднее поколения вспомнят аббревиатуру КМК). Исходя из того что главной отраслью района являлось виноградарство, районная комсомольская организация взяла шефство над ней.

Виноградарские комсомольско-молодежные бригады совхоза-завода «Мерешены» (руководитель — депутат Верховного Совета СССР Любовь Буруян), совхоза-завода «Бозиень» (лауреат премии Ленинского комсомола Петр Чубук), совхоза-завода «Софийский» (делегат XXVI съезда КПСС Елена Василяки) и другие служили реальным ориентиром для трудовых коллективов не только района, но и республики, и всей страны. В том, что районная организация удостоена ордена Трудового Красного Знамени, огромная заслуга комсомольцев, связавших свою судьбу с виноградарством. Многие руководители и члены КМК и сегодня в строю, уже в качестве наставников молодежи ведут активную работу в районе. Убеленные сединами, к сожалению, часто с ослабленным здоровьем, они охотно идут на встречи с молодежью, посещают школы и лицеи, клубы и дома культуры.

Сегодня часто можно слышать, что комсомол ничего существенного не сделал, он был резервом КПСС и партийцы все делали за нас. Я категорически не согласен с таким мнением. Расскажу, как было в Котовске. Будучи членом бюро райкома партии и депутатом районного Совета народных депутатов, я присутствовал на партийных мероприятиях в селах района, сессиях сельских советов. Выполняя возложенные на меня обязанности, одновременно имел возможность вести прием юношей и девушек, обсуждать их проблемы и предложения. Наверное, были такие секретари парторганизаций, руководители предприятий, председатели сельсоветов, которые, по моей просьбе, решали поднятые мною вопросы комсомольцев района из боязни, что я — «человек из района» и многое будет зависеть от того, какой отчет я представлю руководству. Но большинство из местных руководителей контактировали со мной и моими коллегами, потому что понимали, что их конкретная помощь юношам и девушкам района действительно необходима.

А.К. Незуца

А. Незуца с М. Миркос, секретарем комитета комсомола колхоза «Победа» (слева), и Г. Ярышкиной, секретарем комитета комсомола филиала завода счетных машин

Работа в районной организации не была легкой — я постоянно чувствовал себя в каких-то тисках: сверху — ЦК комсомола и райком партии, а с другой стороны — комсомольцы с их сложными проблемами: одному надо помочь в получении земельного участка, другому — в строительстве жилья, третьему — в оформлении малопроцентного кредита. Четвертому нужно место в детсаду, пятый жалуется на несправедливое к нему отношение... От меня требовалось терпеливо выслушать всех и проявить настойчивость в решении этих вопросов. Когда получалось, радостное состояние и благодарность комсомольца или комсомолки служили катализатором в дальнейшей работе. Меня и моих коллег понимали и тогда, когда не было возможности выполнить просьбу молодого человека, все равно благодарили за наши усилия. Не прощали только бездушного отношения к ним и их проблемам.

Считаю необходимым отметить и влияние комсомола лично на меня. Можно сказать, что он дал мне путевку в жизнь. Если я обладаю навыками работы с людьми, могу выслушать их и организовать выполнение их просьб, требований, то это является следствием накопленного опыта в ВЛКСМ. Другие организации и институты государства — работа в партийных органах, парламентская деятельность, в структуре министерства иностранных дел — только совершенствовали мои первичные навыки, полученные в Котовской ордена Трудового Красного Знамени районной комсомольской организации ЛКСМ Молдавии, составной части ВЛКСМ!

Владислав Вячеславович Немчинов

Отвоторг Отдела спортивной

и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ

Начальник управления футбола Спорткомитета России

Руководитель Международного союза «Мужество

и гуманизм»

Самое замечательное — общение с людьми

Моя юность связана с Тульской областью. Школьные годы прошли в небольшом городке Суворове. В четырнадцать лет, как и полагается, вступил в комсомол — в год 50-летия комсомола. Первый вопрос, который мне тогда задали: «Кто первый секретарь ЦК ВЛКСМ?» В то время им был Евгений Михайлович Тяжелников. Я и подумать не мог, что спустя годы нам с ним придется не раз встречаться, разговаривать. Ведь я тогда был всего лишь юным комсомольцем, а он — уже первым секретарем ЦК комсомола!

Окончив школу, я подал документы в областной институт физической культуры и стал студентом. А учась на втором курсе, вступил в комсомольский оперотряд. Тогда, в начале 1970-х, они были востребованы, успешно проявляли себя, развивались, и молодежь охотно принимала в них участие. Меня назначили комиссаром такого отряда, и на этом посту я оставался практически до окончания института.

Хотя в институте физкультуры была военная кафедра, после окончания вуза меня призвали в армию — правда, всего на год. Отслужив, я по распределению вернулся в Тулу, проработал буквально три месяца в Доме пионеров Зареченского района, а потом меня пригласили в Тульский горком комсомола заведующим спортивным отделом. Здесь и началась моя активная комсомольская деятельность, которая продолжалась практически в течение десяти лет.

Приступил к делам в декабре, а уже в феврале следующего года нужно было проводить городские мероприятия ко Дню Советской армии. Хорошо помню, тогда вторым секретарем был Алексей Бутенко (впоследствии он стал одним из руководителей известного военного предприятия «Сплав»). Где-то на второй или третий день Бутенко зашел ко мне и говорит: «Что сидишь? 23 февраля на носу, надо готовиться к празднику, остается месяц-полтора». Я спрашиваю: «Так, а что делать?» — «Ноги в руки — и вперед! Думай и работай!» И вот за полтора месяца мы подготовили шикарнейшее мероприятие, которое потом стало в Туле традицией. Собрали тысяч десять молодежи, провели через весь город шествие с участием ветеранов, театрализованными представлениями, возложением венков... На центральной тульской улице было, да и остаются, три или четыре мемориальных места, связанные с революционными событиями и Великой Отечественной войной, к ним и возлагали венки...

Для меня это первое городское мероприятие стало стимулом и способствовало пониманию того, что если ты за что-то берешься и делаешь, то это будет делаться и сделается. Надо не на кого-то другого надеяться, а все де-

лать самому. Так было и в тот раз. Нам нужно было сплести двадцатиметровые гирлянды из еловых лап. Договорился с автопарком, утром на автобусе поехали в лес, нарубили веток, а ночью плели эти гирлянды, все — своими руками...

Надо сказать, что в то время у молодежи было очень развито чувство патриотизма и она с удовольствием участвовала в подобных мероприятиях: главное — что они были живыми, настоящими. Да и как-то все непосредственно было.

А мне это позволяло ближе общаться с ребятами, узнавать их. К тому же Тула была рабочим городом, здесь функционировали множество предприятий, в том числе и оборонной промышленности, и в каждом — огромный трудовой коллектив, в котором немало молодежи, так что работы было невпроворот. Но я до сих пор считаю, что общение с людьми — самое замечательное, что послала мне судьба. Просто колоссальнейшая школа жизненного бытия.

Занимались и спортивной, и военной-патриотической деятельностью. Отдел состоял из одного человека, тем не менее это уже позволяло «крутить» спорт, проводить всевозможные детско-юношеские соревнования — на призы клубов «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Белая ладья», сдачу норм ГТО, не забывали и представителей большого спорта. Тула — город с величайшими боевыми традициями и замечательным ветеранским составом... В то время здесь проживали больше двадцати Героев Советского Союза. А областной комитет ДОСААФ возглавлял Леонид Павлович Тихмянов, Герой Советского Союза, участник войны.

В спорт молодежь шла довольно активно, потому что это один из видов человеческой деятельности, где каждый мог проявить себя, и увлечение спортом, а в большей степени — физкультурой, охватило буквально всех.

Спортивно-физкультурное движение было одной из первых позиций активности молодежи в то время. При этом в нем всегда присутствовала военная тематика: те же «Зарница», «Орленок», военно-патриотические слеты, областные военно-спортивные лагеря. Мы каждое лето отправляли туда более тысячи допризывников: это вообще была прекрасная подготовка молодежи и ее самоутверждение. Лично мне посчастливилось в качестве заведующего отделом провести в Туле и одно из всесоюзных мероприятий, связанное с «Зарницей», в 1979 году.

В феврале 1978 года меня утвердили заведующим отделом областного комитета комсомола, а уже через год перевели в аппарат ЦК ВЛКСМ, в Отдел спортивной и оборонно-массовой работы.

В том, что меня из Тулы перевели в Москву, в ЦК комсомола, не было ничего необычного: действовала общая система подготовки кадров — комсомольских, партийных, хозяйственных. Отсев проводился прежде всего по уровню профессиональной подготовленности. У нас практически все ребята были с физкультурным образованием. В отделе работали выдающиеся спортсмены — олимпийские чемпионы Владимир Васин, Борис Лагутин, Витя Клименко... Для меня удивительным, даже непостижимым было другое: почему именно мне поступило такое предложение, причем не одно, а целых два — работать в ЦК ВЛКСМ и в Центральном совете Всесоюзной пионерской организации? Потом я все-таки понял: это, наверное, потому, что провел всесоюзный финал

«Зарницы», руководил спортивной секцией во Дворце пионеров, участвовал в организации других всевозможных спортивных мероприятий. Видимо, город это увидел и прочувствовал. К тому же за плечами были и полтора года работы в обкоме комсомола. Все это и сыграло роль, когда встал вопрос о моем назначении в отдел ЦК ВЛКСМ.

Отдел наш хотя и был большой — человек сорок, но очень сплоченный. А уровень какой! Например, Борис Николаевич Лагутин, с которым мы сидели, как говорится, стол в стол года два или три... Ну, величайший человек! Или тот же Виктор Клименко, тоже заслуженный мастер спорта, участник Олимпийских игр, мировых чемпионатов и при этом — скромнейший человек.

Я проработал в отделе с 1979-го по 1986-й включительно. И за все эти годы не было ни одного эксцесса внутри коллектива...

Где-то за год до Олимпиады-80 каждый из нас был прикреплен к определенной сборной команде. Наша задача состояла в оказании практической помощи руководителям команд, главным тренерам, в организации досуга спортсменов. Конечно, ребята тренировались много, но все равно иногда образовывались какие-то «окна», и наша прямая работа заключалась в организации встреч с интересными людьми, ветеранами войны, представителями творческих коллективов... Мне повезло, я работал сразу с тремя сборными: по водному поло — очень серьезный и подготовленный мужской коллектив, по плаванию, где в то время главным тренером был Сергей Михайлович Войцеховский, очень уважаемый тренер и величайший патриот страны (его воспитанник Владимир Сальников стал четырехкратным олимпийским чемпионом), и по прыжкам в воду. Вот с такими ребятами мне пришлось общаться, к тому же и самому опыта набираться, потому что мы с ними были практически одного возраста. Мы настолько вживались в эту среду, что победные результаты спортсменов воспринимали не как зрители и болельщики, а уже как члены команды. Все их победы и промахи пропускали через себя, понимая, что и на нас лежит частичка ответственности за все...

Вообще я счастлив, что судьба дала мне возможность общаться со всеми этими замечательными людьми, многие из которых стали по жизни моими настоящими друзьями. Они, конечно, очень разные. Но, находясь в одной команде, все были настроены на достижение единой цели, независимо от того, кто какое вел направление, в нужный момент подключались все и тащили на себе. В чем это проявлялось? Допустим, большое мероприятие общесоюзного

значения. Собиралась команда, выезжала на место и там, несмотря ни на что, «пахала». На проведении мероприятия регламента рабочего не было, и приходилось трудиться с раннего утра и до ночи...

Дорогие мои друзья-товарищи... Борис Лагутин — величайшей ответственности человек. Он вникал в каждую мелочь... А мы учились у него. Правда, его жизнь заставила так относиться к делу, еще будучи великим спортсменом, он как бы определил для себя, что любое действие надо проработать до мельчайших подробностей, а потом переложил это и на комсомольскую работу. Витя Клименко тоже был исключительно ответственным человеком, как и Женя Шеваловский... Одним словом, опыт комсомольской работы, общения с людьми — величайший опыт.

Особо хочется рассказать, как проходили спортивные турниры на призы клубов «Золотая шайба» и «Кожаный мяч». Во-первых, это была величайшая ответственность за детей, которые приезжали. Как бы мероприятие ни прошло, кто бы какие места ни занимал, первое и главное — безопасность детей. А ведь на общесоюзных мероприятиях тысячи участников и, можно сказать, за каждого ты отвечаешь...

А что касается наставников... Анатолий Тарасов, Вячеслав Старшинов, Анатолий Фирсов — эти величайшие люди всегда были рядом с отделом. Им было интересно, как мы поднимали и развивали молодежное спортивное движение. Они этим жили. Для нас это тоже было приобретением величайшего опыта. Я курировал «Кожаный мяч» достаточно долгое время, и в этом мне помогали наши выдающиеся футболисты: Альберт Шестернев, Игорь Нетто, Сергей Сальников, Анатолий Ильин, Алексей Парамонов и, конечно, Алексей Петрович Хомич и Лев Иванович Яшин. Они не просто присутствовали на наших детско-юношеских мероприятиях, они были непосредственными их участниками. Тогда это не называлось мастер-классами, это были просто занятия с ребятами. А для мальчишек, которым по двенадцать—пятнадцать лет, общение с олимпийскими чемпионами — это память на всю жизнь. Возглавлял центральный штаб клуба «Кожаный мяч» в течение десяти лет удивительный тренер и воспитатель Гавриил Дмитриевич Качалин. Он был беспартийным, но в душе — глубоко партийный и справедливый человек, к тому же исключительной интеллигентности, он никого не мог назвать на «ты», независимо от того, кто перед ним — молодой человек или его умудренный жизнью коллега... Через все эти детские мероприятия, которые проводил Центральный комитет комсомола: в футболе — «Кожаный мяч», в хоккее — «Золотая шайба» и «Плетеный мяч», в шахматах — «Белая ладья» и так далее — прошли в свое время большинство мальчишек и девчонок.

Несколько лет я проработал начальником управления футбола Спорткомитета России, руководил отечественным футболом. А после развала нашей большой и очень дорогой мне страны продолжил учебу в аспирантуре. В 1989 году мы вместе с коллегой по комсомолу Василием Георгиевичем Криворотенко создали общественную структуру, которая называется «Мужество и гуманизм» (в 2019 г. отметим ее тридцатилетие). Кандидатскую диссертацию писал по теме «Социальные инициативы и механизмы их реализации». Предложили ЦК ВЛКСМ на базе нашей организации провести апробацию деятельности разновекторных молодежных структур. Не убедили. Самостоя-

тельно и при поддержке соучастников нашего движения за весь этот период продвинули не один десяток проектов социальной направленности: мероприятия в местах патриотической славы нашей страны, многолетние военно-патриотические акции «Мы защищали Великую державу», «Мы — наследники Победы!» и многое, многое другое. Кстати, данное направление в союзе возглавляет генерал армии Виктор Федорович Ермаков, комсомолец 1950-х. Продолжаем развивать и проекты, которые были задуманы еще в комсомольские времена нашей юности. «Декабристское движение» — проект, посвященный славной исторической страничке нашего государства, связанной с декабристским восстанием 1825 года. Сегодня вокруг союза объединены большинство потомков участников тех далеких событий. Их просветительская работа — дополнение к образовательным программам, исключившим данную тему из обучения. Мы благодарны всем этим людям, и прежде всего — Александру Кирилловичу Нарышкину (неравнодушному потомку декабриста М.М. Нарышкина), неформальному лидеру проекта. А еще, хотя это вроде и не наша тематика, занимаемся просветительскими программами, связанными с развитием музыкального классического искусства... Причем без государственной поддержки, хотя многие мероприятия просто невозможно провести без финансовой поддержки. К счастью, находятся неравнодушные люди, готовые помочь доброму делу...

Одним словом, несмотря ни на что, все это живет. И, на мой взгляд, благодаря именно комсомольскому опыту. Ведь комсомол, можно сказать, «цементировал» страну, позволял не только выявлять талантливых людей, но и помогать им, сотням, тысячам людей, найти себя в жизни. Наверное, это и есть «комсомол — наша работа».

Валентин Осипович Осипов

Инструктор Отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ

Главный редактор издательства «Молодая гвардия»

Директор издательства «Художественная литература»

Председатель Всесоюзного Центра пропаганды

художественной литературы при Союзе писателей СССР

Директор издательства «Раритет»

Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской Шолоховской премии

Юрий Гагарин: В содружестве с комсомольским издательством

...Славна биография комсомола содружеством с великими соотечественниками. Замечу с гордостью: Юрий Гагарин отдал комсомолу не только свой авторитет первого космонавта, но и соучастие во множестве общих дел и замыслов.

25 марта 1968 года — особая дата. За неделю до его гибели — и кто бы мог подумать о возможности таковой?! — ему позвонили из издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и попросили приехать для исполнения «важнейшей из важнейших» его обязанностей.

Он порадовался этому звонку и сразу же выбрал для посещения вечер 25 марта.

Это был для него, как пришлось узнать только в день его гибели, последний в жизни выход на «гражданку» — за пределы служебных забот, но зато приобщение к делам комсомольской печати. Я тому свидетель, ибо был здесь главным редактором.

Зачем же понадобилось приглашение?

Есть в творческой биографии Гагарина книга, которую едва ли кто ожидал от него, — научно-популярная «Психология и космос», издана в «Молодой гвардии».

Люблю ее разглядывать. Авторы: Ю. Гагарин и В. Лебедев. (Теперь задним числом недоумеваю — почему-то не догадались их имена выписать полностью.) Переплет: по таинственному зеленоватому фону фотография — в упор на читателя глаза, преисполненные не то тревоги, не то страха. И еще обозначение научно-популярной серии «Эврика» — уж как популярна была по тем временам.

Гагарин всего этого не увидел.

Он увидел только подготовленный к печати текст. И потому обязан был разрешить начинать изготавливать саму по себе книгу, для чего надо было собственноручно подписаться под пометкой: «В печать».

Два особых события в тот день. Одно радостное: общество было осчастливлено возможностью приобщиться к первооткрытному труду. И трагическое: предсмертный автограф.

Итак, «В печать». Эти два слова сопровождаются автографом: «Ю. Гагарин», в окружении подписей соавтора, редактора, заведующего редакцией и моей, главного редактора.

Чего скрывать, стол к приезду знатного автора уже был соответственно иллюминирован.

Гость отверг наши притязания «обмыть» событие:

— Мне нельзя. Совсем нельзя. У меня полет... У нас проверяют. Семь лет перерыв в полетах на истребителе... Чего же рисковать при проверке?

Запивали акт подписания чаем, похрустывая печеньем. Вполне домашние посиделки.

Рассекречивание жизни в космосе. Как же было в тот день не вспомнить, что три года тому назад он пришел к нам вместе с ученым-медиком Владимиром Лебедевым. И рассказали, что-де собрали научный материал для книги о том, что сопутствует пребыванию человека в космосе. Выражались солидно, по-научному: «Психологический аспект жизни человека в космическом аппарате». Мы уловили, что соавторы оказались первыми в мире, кто готов был раскрыть эту тему для массового читателя. К тому же у них были все основания братья за такую тему: Гагарин учился в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского, Лебедев, врач, завершал кандидатскую диссертацию.

Нам, космическим неучам-профанам, быстро в ходе разговора открылись глаза на своевременность темы. Пафосная журналистика тех лет невольно внушала, что стать космонавтом очень легко: слетал, приземлился, и тут тебе всенародное признание со всевозможными почестями и наградами. Глаза на многотрудную и опасную профессию открылись лишь после появления книги Гагарина и Лебедева. Истинно так: полет в космос — не поездка в трамвае. Гибель в последующие годы и советских, и американских космонавтов, увы, подтвердила это.

Через год снова встреча — соавторы пожаловали теперь уже с рукописью. Началось чтение-знакомство.

...Человек в заземном бездонье. Неужто ему уготована участь придатка к ракете, к кораблю, к приборам и наушникам, как некоего робота? Неужто длительные тренировки превращают человека в механического исполнителя, пусть и одушевленного, вызубренных на Земле инструкций и команд, что поступают уже в полете?

Психика человека — его чувства, нервы, разум в не прекращающейся ни на мгновение лавине изменчивых впечатлений, а они перегружены увиденным, волнениями, переживаниями, сомнениями и даже ощущениями неминуемого страха (впрямь не робот же).

Строчки о страхе, пусть даже побеждаемом, — вовсе не досужий мой вымысел. Об этом, к примеру, побывавший трижды в космосе Н. Рукавишников сказал: «Поверьте, нелегко держать себя в руках, когда знаешь, что отказал двигатель и нет уверенности, что запасной сработает. А это значит, что корабль останется на орбите и будет летать по ней месяцы, а запасов кислорода у экипажа на два дня... Не хочу скрывать, подумал там: вернуться и не буду больше тренироваться, хватит. Но теперь снова начинаю готовиться: я профессиональный космонавт, без полетов жить не могу...»

Один на один с космосом. Защита — сравнительно тонкая обшивка и скафандр, спокойная (а спокойная ли на самом деле?) работа, быт по строгому распорядку (как же возможны спокойный сон или, к примеру, еда в стремительном снаряде?). И в одноряд сосуществование (может ли быть это естественным состоянием?) с каждойгновенной возможностью смертельной опасности... И человек выдерживает, но как, почему?

Первыми-то и взялись обо всем этом рассказать — для всех, не только для себе подобным — Гагарин и Лебедев. Повторю: их труд без всякого преувеличения явился новым словом в новой сфере человеческого разума. Таким стало научное завещание первого в мире космонавта.

В книге были главы и подглавки, которые заинтересовывали уже даже своими названиями: «Космонавт и робот», «Эмоции и космос», «Загадки тишины», «При встрече с опасностью», «Повесть о том, как я жил в сурдокамере», «Оттачивание воли», «Врачи остаются на земле» и еще, еще — такие же загадочные, интригующие.

Когда листаю эту книгу, невольно вспоминаются строки из «Божественной комедии» Данте: «У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование: Здесь нужно, чтоб душа была тверда; Здесь страх не должен подавать совета».

Как будто и о вхождении Гагарина в науку это сказано: и о твердости души, и о преодолении страха.

Соавторы это и сами разумели. В книге можно прочесть: «С космосом шутить нельзя! Вести себя с ним надо серьезно».

Рискованные издатели. Непросто преобразовать авторский замысел в рукопись. Работа с ней стала сама по себе ломкой — психологической — отношений издателей с космонавтами. Надо знать, что тогда слово первых вознесенных к всенародной славе людей имело особую магию для издающих — не перечить, им виднее.

Изложу для достоверности воспоминания редактора Василия Федченко (замечу: замечательный человек своим всегда творчески-вдумчивым отношением к делу, поразительной скромностью, а к тому же фронтовик, пожелавший работать именно в комсомольском издательстве):

«Это был фундаментальный, снабженный множеством схем и цифровых выкладок труд. Обстоятельный, солидный, научный, рассчитанный на человека с высшим техническим образованием. Словом, абсолютно не «молодогвардейский». Но как об этом сказать авторам? В моей практике бывали случаи, когда и менее именитые авторы, при более «божеских» претензиях издательства, хлопнув дверью, забирали рукописи. А тут Гагарин!» Далее редактор рассказывает, что происходило, когда издательский синклит поручил ему высказать просьбы-пожелания авторам, что означало — работа не принята: «В кабинете воцарилась выжидательная тишина. Гагарин не улыбался. В глазах главного редактора (обо мне речь. — В.О.) поблескивал ледок. «Ох, Вася, наломал же ты дровишек!» — пожалел я себя. И тут раздался ровный голос Юрия Алексеевича: «Спасибо за мужскую откровенность!» Гагарин повернулся к Лебедеву: «Ну как? Будем работать...» — «Будем», — подтвердил его соавтор. Я облегченно вздохнул».

Есть такая старинная пословица: у всякого словца ожидают конца. Они дважды перерабатывали свой труд — поверили издателям, что надо обра-

титься со своими откровениями именно к массовому — молодежному — читателю.

...Когда узнали — через день — о гибели Гагарина, так все мы, молодогвардейцы, просто оцепенели. Свое отношение к нашему всеобщему любимцу выразили вклейкой — фотографией в траурной рамке и словами прощания, в котором шли и такие строчки: «Эта книга о Человеке и Космосе. Ей суждено было стать жизненным завещанием. На этих страницах — итог его поисков и раздумий, его мечты о будущем...»

Еще одна забота — кто бы мог подумать, что она возникнет? Вызываю главного бухгалтера — как платить будем вдове после гибели «правообладателя»? Он сразу все уразумел и ответил опечаленно: «По закону — только половину от причитающейся суммы». Тут же письмо в ЦК комсомола — просим об исключении из правил. Там столь же срочно, без всяких вопросов-расспросов разрешили.

Храню эту книгу с автографами и вдовы Валентины Гагариной, и В. Лебедева.

...Юрий Гагарин прославился тогда же причастностью к шефству ЦК ВЛКСМ над молодыми деятелями культуры и, стало быть, сдружился с несколькими выдающимися творцами, стоит назвать хотя бы одного — Михаила Шолохова. Об этом можно прочитать в моей книге мемуаров «Корифеи моего времени. Свидетельства очевидца»(2013).

В.О. Осипов, в 1960—1970-х годах член Центральной ревизионной комиссии, награжден Почетным знаком ВЛКСМ, издатель, ныне писатель, автор 20 книг, лауреат Большой литературной премии России, член Высшего творческого совета Союза писателей России, награжден (1972) медалью им. С.П. Королева и дипломом имени летчика-космонавта Ю.А. Гагарина.

*В.О. Осипов и Ю.А. Гагарин.
Январь 1966 г.*

Леонид Леонидович Палько

*Отвоторг Отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ
Генеральный директор издательства «Вече»*

Яркие страницы моей комсомольской юности

Что я слышу в слове «комсомол»? Да, наверное, то же самое ощущение, когда ты здоров, просыпаешься утром полным сил и планов, а впереди тебя ждет солнечный день, улыбки родных и близких, любимая работа, чувство, что ты нужен и должен. В комсомоле — моя юность, молодость. В комсомоле я достиг определенных вершин. Главное, что мне поверили, меня увидели, помогли поверить в свои силы.

Как я стал комсомольским работником? Случайно, наверное. Просто «послал» секретаря бюро факультета своего родного института Слизова Володю подальше с просьбой не мешать нам делать стенгазету. Он этого «не простил». Наутро пригласил меня к себе и предложил работать — заняться общественной работой в бюро факультета, отвечать за организационную работу. И пошло, и поехало. И докатился я до секретаря обкома комсомола и покатился дальше в далёкую Эстонию ответственным организатором ЦК ВЛКСМ. Но начиналось все на факультете зоотехнии в родном теперь уже Новосибирском аграрном университете! Здесь был мой первый «бой», здесь была моя первая «передовая»! Как я сам для себя потом отметил, в комсомоле нас «калибровали», это действительно так, старшие товарищи к нам присматривались, прощали ошибки, учи-

*Будни первичной комсомольской организации, Палько Леонид и Аристов Юрий.
1982 г.*

Л.Л. Палько

ли, многих из наших преподавателей нет в живых, ушли из жизни Гудилин И.И., Харитонов С.М., Нугаев А.А. и другие! Но многие живы, и я был рад видеть их на открытии аудитории охотоведения, которую мне любезно разрешили оборудовать в родной альма-матер, они пришли и стояли рядом со мной и радовались за университет, за студентов, которые будут учиться в новой оборудованной и обустроенной аудитории! Это Ноздрин Георгий Антонович, Кобцев Михаил Федорович, Дегтяренко Иван Васильевич и еще многие и многие. Мои друзья и товарищи по комсомолу и студенчеству Сурначев Коля, Штоп Юра, Горских Валера, Жучаев Костя, Ланкина Надя, Королев Степа, Морозов Саша и многие-многие, я умышленно называю их по именам, хотя они уже все заслуженные-перезаслуженные, важные-преважные, добившиеся в своей жизни многого! После работы на факультете меня перевели замсекретаря комитета комсомола института, и я работал с Сурначевым Николаем, Роо Виктором, Соловьевым Сергеем, Потаповым Николаем. Всем им спасибо! Многих и не вспомнишь! Меня увидели и перевели в аппарат обкома комсомола инструктором, подучили, подшлифовали и «десантировали» в Здвинку, по-другому и не назовешь. Отдавал ли я себе отчет, как и куда я должен вести за собой комсомольцев, вряд ли, просто все вместе мы шли в «светлое будущее», жаль, что нас развернули и остановили, но то не наша вина, мы реально были в лучшем случае взводными в той большой геополитической войне! Но дела были яркие и интересные: выпускали сатирическую газету, провели впервые маевку и привезли в далекую Здвинку чернокожих студентов (интересно было смотреть, что их подкармливали бабушки, наверное, думали, что они голодные), провели легкоатлетический марафон и многое другое! Мы были одной командой: Голышко Андрей и его впоследствии жена Зайцева Наташа (второй и третий секретари райкома),

заворг райкома Ольга Егорова и наши активисты! Жаль, что проработал я недолго, обморозился, заболел, и меня перевели замом в орготдел к Сергею Докучаеву. Это сейчас он миллиардер, финансист, золотодобытчик, владелец заводов и пароходов, а тогда улыбочивый добродушный здоровяк! Потом меня избрали секретарем обкома, и мотало меня по всей области по нашим комсомольским оргвопросам целых три года, а затем работа в Центральном комитете ВЛКСМ и опять, правда, только в командировках: «десант» в далекую Эстонию, а потом? А потом ВСЕ: не стало Союза и государственного и комсомольского, но это другая история!

Что было яркое? Да как-то на фоне той освещенной молодостью и счастьем жизни «солнечные» вспышки не замечались сильно. Наверное, это встречи с интересными людьми — Дмитрием Шпаро, Александром Ивановичем Тихоновым, Александром Александровичем Карелиным, легендарным пограничником Карацупой, счастьем было увидеть и Маресьева Алексея Петровича. Конечно, незабываемо было побывать в командировках в Нагорном Бадахшане, граничащем с Афганистаном, помню, как обстреляли машину, как замерзал в —54 °С в Барабинской степи. Но это, пожалуй, яркие страницы со знаком «минус».

Я вспоминаю с теплотой и ностальгией те встречи комсомольцев, которые проходили сразу после развала Союза. Мы были молоды, полны сил, планов на новую жизнь, глаза светились, а руки «чесались», хотелось делать, доказывать, что школа комсомола пройдена не зря, что ты перенял всё то, чему тебя учили в комсомоле, — человечности, общению, открытости, душевности, собранности. Именно этому я лично научился, работая в комсомоле. Могу заявить со всей открытостью: у меня в трудовой книжке по банальному две записи. Это работа в комсомоле и работа в издательстве «ВЕЧЕ» (внутренние перестановки, как заместитель заведующего отделом, секретарь обкома, ответорг ЦК ВЛКСМ, я не учитываю). Итак, 11 лет в комсомоле и 27 лет работы в издательстве.

Что ещё дал комсомол? Друзей, товарищей. Предостерег и спас от резких движений в годы перестройки. К сожалению, новое время диктует новые правила поведения. Не в чести порядочность, поднялись и сильно заработали те, кто мог «хапнуть», переступить через честность. Да ладно, если тебе повезло — Бог с тобой. Оставайся человеком, будь человеком! Часто люди видят только деньги и общаются с подобными себе по заработку, доходу.

Учителя были и есть. В первую очередь мой учитель, вначале опосредованно, как шеф, а затем как старший товарищ и друг, — Косоуров Виктор Семенович. Он для многих из нас «батяка». Так получилось, что Москва нас сблизила, мы стали тесно общаться, ездить на охоту, в поездки, командировки. У нас раз в две недели стоит в программе «похлебать супчика» — это встретиться, пообедать, пообщаться, как я говорю — «сверить часы». Сильно нас сблизила и работа над книгой Виктора Семеновича «Все продолжается». Были и другие товарищи, но это больше всё же товарищи, а вот учитель — он один. Только он меня может «поддеть», «поставить на место», подшутить надо мной, подсказать, посоветовать и поправить. Один раз сказал, как гвоздь вбил: «Тебе может чуть больше повезло, чем другим. Может, помогла организованность и работоспособность. Но не дай бог тебе думать о своей исключительности». Я это запомнил и следую совету. Спасибо тебе, Семенович, за учебу и жизненные уроки!

Виктор Степанович Перегудов

Референт секретаря ЦК ВЛКСМ

Заместитель главного редактора журнала «Сельская молодежь»

Первый заместитель начальника управления мэра Москвы

Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий

На молодом просторе

У моих коллег по работе в комсомоле есть уже старые дачи. Там обыкновенно увидишь на стене в гостиной, а то и в коридоре на специальном коврике коллекции комсомольских значков. В альбомах, тоже старых, фотографии комсомольской молодости. У многих есть пластинки с комсомольскими песнями. Кто-то хранит почетные грамоты и награды. На книжных полках — книги тех лет, журналы с публикациями.

Речь идет о комсомольцах семидесятых-восемидесятых. Мы давно уже выросли в историю. Дав стране плеяду руководителей, политиков, ученых, писателей, мастеров и замечательных тружеников во всех, наверное, профессиях, наше поколение живет не столько прошлым, сколько настоящим и будущим. Отличие наше от более молодых поколений — в нерасторжимо прочной связи со страной. Это не комплимент, а констатация. Мы именно таковы, при всех наших достоинствах и недостатках. «Раньше думай о Родине» — это не о каждом из нас. Но это — о миллионах.

Мне досталась моя жизнь в комсомоле как подарок судьбы. Начну повествование с работы в воронежской областной комсомольской газете «Молодой коммунар». В 1970-х годах она «гремела» и тиражом, и качеством. Я начал публиковаться с первого курса университетского филфака, не пренебрегая, конечно, радостями и страстями студенческой жизни. Печатался часто, но и мечтать не мечтал, что окажусь в редакции не как внештатник, а как самый настоящий корреспондент отдела комсомольской жизни, в котором через год стал заведующим.

В 1974 году я опубликовал цикл очерков о комсомольско-молодежной бригаде. Помню, шел из университета в редакцию, а навстречу мне — Виктор Чекиров, тогдашний редактор газеты. «Подожди меня, — говорит, — в редакции». Я встревожился: вдруг какой-то прокол в публикации. Оказалось, что дело не в проколе, а в том, что Виктор Мустафович согласовал мою скромную кандидатуру для работы в штате. Что я испытал — описать невозможно.

Это была кадровая сенсация. Впервые за многие и многие годы в газету взяли со студенческой скамьи. Я, скажу нескромно, не подвел. Некоторые мои материалы перепечатывала «Комсомольская правда» — и это было как знак качества. Отдел пропаганды ЦК комсомола стал привлекать меня для работы в пресс-центрах пленумов. Потом время от времени приглашали для подготовки материалов ЦК. В мае 1980 года в Воронежский обком комсомола пришел телекс (ветераны комсомола знают, что это такое) с вызовом

(или приглашением) приехать в очередную командировку в Москву. Вызвал меня секретарь ЦК Владимир Викторович Григорьев. Когда я вошел в его кабинет, он с порога огорошил меня невероятным известием-предложением: «Виктор Степанович, я предлагаю вам перейти на работу в ЦК комсомола. Ваша должность будет — референт секретаря, то есть вы будете моим референтом. Вы согласны?»

Я в ошарашении молчал. Григорьев продолжил уже не столь официальным тоном: «Я понимаю, почему ты молчишь, Виктор. Скажешь сейчас, что тебе надо подумать, посоветоваться с женой. Дня три тебе хватит?»

Я помолчал три секунды и сказал: «Владимир Викторович, жена согласна».

Он засмеялся — и с этой минуты между нами, как сейчас говорят, используя американскую смысловую кальку, «возникла химия».

Эта «химия» обернулась впоследствии тем, что в 1981 году, когда Григорьева избрали секретарем Брестского обкома Компартии Белоруссии, он пригласил меня возглавить областную партийную газету. Я понимал, что это была любезность с его стороны, и, зная газетную жизнь, вовсе не стремился приходить в Брест в качестве «москвича», приближенного к руководству области.

Дружба наша сохранилась до самых последних дней его работы в качестве посла Республики Беларусь в России. Это было уже в новом веке, когда я работал в Правительстве Москвы.

Драгоценных качеств был человек и руководитель. Несколько раз я гостевал у него в Белоруссии, но вспомнить хочу эпизод, случившийся через несколько дней после неожиданного приглашения. Перед утверждением в должности референта была череда собеседований с руководством. За десять минут до начала заседания бюро, на котором первым вопросом повестки дня был кадровый, Григорьев привел меня к первому секретарю ЦК ВЛКСМ Борису Николаевичу Пастухову. Конечно, к этому моменту все было предрешено, иначе зачем и подниматься на пятый этаж, но теоретически все могло кардинально измениться.

Борис Николаевич был доброжелателен, но начал строго: «Виктор, вы собрались работать в ЦК, хотя до этого ни дня не работали в комсомоле. Полагаете, справитесь?» Это был серьезный, тестовый вопрос, и все зависело теперь от моего ответа. «Борис Николаевич, я работал в отделе комсомольской жизни в комсомольской газете. Я прошу вас задать мне любой вопрос по комсомольской тематике. Не отвечу — все тут же и закончится».

Пастухов взглянул на меня с интересом — так мне, во всяком случае, показалось.

— Что такое Ленинский зачет?

Я ответил красиво, кратко и по существу. Далее последовали вопросы этого же плана: что такое Ленинский урок, Ленинская поверка и, кажется, Ленинская линейка.

Про Ленинскую линейку я нафантазировал что-то совсем уж эталонное.

И тогда Борис Николаевич сказал (Григорьеву) коронную юморную фразу: «Представляешь, а я и не знал».

На что Григорьев тоже с юмором заметил: «Так вот же вам Виктор все объяснил!»

Я видел перед собой не чинуш и нравственных уродов, какими сейчас показывают комсомольских лидеров в дешевых и лживых сериалах, а умных, ироничных, весьма тонко мыслящих руководителей-интеллектуалов. Первое впечатление впоследствии лишь укрепилось. В моей работе были и рутинные моменты, они неизбежны, но в целом я был буквально переполнен ощущением значимости того, что делал комсомол. В другом свете воспринималась теперь и стройотрядовская страда, и журналистское творчество, и даже свойственный тем годам публичный пафос. Сознание не то что мирилось с ним, но просто адаптировалось применительно к реалиям высшей властной практики, ко всей той памятной пышной атмосфере славословия в честь «лично дорогого Леонида Ильича Брежнева».

В.С. Перезудов

Все все понимали, а уж комсомольские-то работники, которым неизбежно предстояло прощание с работой в ЦК, чувствовали и «атмосферу», и «землю» весьма реалистично. Слова оставались словами, а за дела спрашивали как надо.

Великой радостью были для меня командировки по стране. Журналиста в себе я не «выключал», а как комсомольский работник (долго не мог к этому званию привыкнуть) хотел искренне понять, что же такое комсомол для тех ребят, которые по городам и весям, в поселках, селах, городах, аулах и кишлаках проводят эти самые линейки, уроки и поверки. Понимание пришло довольно быстро, и оно не стало откровением: как и вообще в жизни за этой выхолащенной формой было реальное содержание, и не пропагандистское, а что ни на есть жизненное. Это было стремление к образованию, к новому профессиональному уровню, к духовному и культурному развитию — формально или неформально, но реально мощно на это настраивал комсомол. От этого понимания я никогда не отступлюсь.

И еще одно: у молодежи было чувство принадлежности ко всему важному и значимому, что происходило в стране и в мире. Комсомол давал в этом смысле довольно точные ориентиры, формировал мироощущение поколения. Даже песни тех лет были прекрасны и не лживы, и, скажите мне, старые комсомольцы, можно ли всерьез сравнивать «яростный стройотряд» Градского с нынешней эстрадной порнографией? Поющее поколение было. Учащееся, работающее, жившее в полную молодую силу.

Не знаю, идеализирую ли я то время, но одно скажу твердо: я не лгу. На сознание давил, конечно, и разгулявшийся формализм, и череда похорон сменявших друг друга Брежнева, Андропова и Черненко, но мы ведь жили, как и положено молодым, «поверх барьеров».

О грозящей стране катастрофе никто в начале 80-х не думал. Весьма косвенной приметой наступающих перемен стал приход ставропольского партий-

ного лидера Горбачева в ЦК партии на пост секретаря, курирующего сельское хозяйство. Стиль его работы импонировал всем, кто мог его узнать напрямую или косвенно, как я, например, почувствовать через документы «сверху» и «наверх».

Подспудно же ощущалось, что в действие вступили мощные, хотя и не явные силы. Внешне виделось некое позитивное в целом общественное брожение, направленное на преодоление слишком уж очевидных стилевых (а не сущностных) примет застоя. Мы начинали, с приходом Андропова, смотреть на себя критически — но не кислотно, а прагматично. Это происходило и в комсомоле, и довольно динамично. И это сначала радовало — покуда не превратилось в разгул критиканства, когда генсеком ЦК стал Горбачев, враз позабывший о селе.

Руль власти оказался в руках слабого политика, быстро деградировавшего не то до наивного глупца, не то до безумного реформатора, не то до предателя национальных интересов. Эти определения, полагаю, не нуждаются в документальных подтверждениях — их имеется бесчисленное количество.

Но все это наступило позднее, а в начале 1983 года я, референт, проводив Григорьева в Белоруссию, «автоматически» перешел к новому секретарю ЦК комсомола Николаю Долгушкину, пришедшему в ЦК из Оренбурга. Мы сработались с первого дня по той, думаю, причине, что незадолго до этого я побывал в Оренбургской области и имел там примечательный эпизод общения с секретарем обкома комсомола Долгушкиным. Мы приехали туда целой бригадой, неплохо подготовили вопрос на Бюро ЦК, я много беседовал с «моим» будущим секретарем. На прощание нам, что греха таить, накрыли «поляну», и вот, будучи несколько под градусом, я стал рассуждать о трудностях комсомольского лидерства. Тема эта меня интересовала всерьез, был некий литературный план. А Николай Долгушкин всерьез заинтересовался этими суждениями, прекрасно понимая, что я не только откровенен, но и имею собственное мнение об институте лидеров. Николай, как оказалось, в свою очередь понимал психологию пишущего человека. Когда настала пора уходить из ЦК, он с сожалением, но и с прекрасными пожеланиями отпустил меня в журнал «Сельская молодежь».

Это была фантастически интересная пора моей жизни. Работа в ЦК дала мне огромные возможности новых знакомств как с элитой молодежи (и не только молодежи) страны, так и собственно со страной, по которой довелось поездить. Журнал (здесь, как ранее в газете, мне достался отдел комсомольской жизни; позднее я работал заместителем главного редактора, им был Олег Максимович Попцов) дал мне колоссальную панораму большой литературы, всей жизни общества, которую мы изучали журналистским инструментом, хваткой и наличным талантом. Бездарные к Попцову не попадали. Это был на то время, безусловно, лучший журнальный редактор. Он разглядел меня всего по одному материалу, подготовленному за подписью весьма высокого руководителя. Надо откровенно сказать, что в комсомоле я стал «ходить по кругу» — такова, увы, доля референта, вынужденного тематически повторяться. Хотелось вернуться на журналистский простор.

Журнал заказал статью, по сложной траектории указание о ее подготовке прилетело на мой стол. Я эту статью написал: первые десять страниц — так,

как надо было начальству, а вторые десять — как разумел сам. Показал статью «автору», тот сказал: вторую часть надо сделать как первую.

Повез статью в исходном виде Попцову. Тот был обратного мнения и высказался так: «Первые десять страниц выбрось (было указано куда, но повторить адрес я не решаюсь), статью напиши в стиле второй части».

Я сказал, что «автор» такой вариант не примет.

Попцов парировал: «Ты ему рукопись больше не показывай. Он после публикации будет доволен».

Я рискнул и не просчитался (рискнул я, а не просчитался Попцов). Начальник был доволен. Долгушкин отпустил меня на журналистские хлеба. Согласие на это после собеседования дал тогдашний первый секретарь ЦК комсомола Виктор Максимович Мишин, за что я ему сердечно благодарен до сих пор. «Писатель», — определил он меня в конце напутственно-прощальной беседы.

К тому времени, кстати говоря, у меня вышла книга прозы.

Позднее я работал заведующим редакцией художественной литературы издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Это, в широком плане, тоже была сфера комсомола, и я должен сказать, что ЦК прекрасно понимал, что с указкой лезть в издательские планы негоже. Всю необходимую комсомольскую тематику мы исправно публиковали, по возможности делая эти книги интересными и содержательными, а сотни названий других книг — это было море подлинной художественной литературы, художественной и политической публицистики, исторических серий, уникальных изданий. Огромное число авторов выпустили первые книги в легендарной «Молодой гвардии».

Эти краткие воспоминание и не очень фундаментальные размышления пусть будут моим свидетельством о комсомоле. В памяти множество разного рода историй, комсомольских мифов, рабочих сюжетов, но за краткостью материала они пока не легли на бумагу. В памяти главное — сотни изумительных по человеческому и деловому качеству людей.

Комсомол никогда не растворится в истории, рано или поздно стране пригодится его уникальный и неповторимый опыт.

Было больно и тяжело видеть, как все это размывалось, ослабевало и уходило в прошлое. Больно и тяжело.

Я не люблю хаять времена, ибо это дело неплодотворное и, с позиций частного лица, к кому-то обязательно несправедливое. Или к чему-то. Например, к комсомолу. Его здоровье было его здоровьем, его недомогания — свидетельство ослабления государства и государственности.

Но я застал его молодым, мощным, дельным и деятельным. Об этом и вспоминается чаще всего. «Я был в комсомоле» — вы слышите гордость в этих словах?

Владимир Георгиевич Поздняков

Советник ЦК ВЛКСМ при Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА)

Руководитель агитпоезда ЦК ВЛКСМ на строительстве БАМа «Комсомольская правда»

Отвоторг Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ

Консультант отдела гуманитарных проблем ЦК КПРФ

Депутат Государственной Думы РФ (фракция КПРФ)

Эпизоды о работе в Афганистане

18 февраля 1983 года по решению ЦК ВЛКСМ и по собственному желанию я оказался в славном городе Кандагаре — древней столице Афганистана. В то время его называли афганским Сталинградом из-за массовых разрушений.

Первое, что меня поразило при посадке в Кабуле, — обилие вооруженных людей, которых я увидел из иллюминатора Ту-104. Воюющая страна!

В аэропорту встретили Толя Житнухин, Саша Потапов и другие мушаверы (советники). Приветы, подарки, письма, обед, перешедший в ужин. Знакомства, рассказы, предостережения и другие напутствия на Кандагар. Многих из ребят я уже знал, так как летом мы вместе проходили специальную подготовку в Узбекистане (Ташкент, Чирчик).

Официальный групповой заезд команды молодежных советников проходил в ноябре 1982 года — я туда не попал и прибыл только в феврале для замены заболевшего гепатитом нашего товарища Н. Плотникова из Харькова.

В Кабуле начальство со мной особо не церемонилось (обычно полагалась в течение недели некоторая адаптация — доклады, лекции, индивидуальные беседы, то есть вхождение в обстановку). Но уже на следующий день старшие мушаверы провели со мной различные собеседования, инструктажи, в том числе по технике безопасности. В ЦК Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) ознакомили с документами провинциальных комитетов ДОМА зоны «Юг»: Кандагар, Заболъ, Урузган. Выдали «калашников», «макаров», массу пропагандистской литературы. Ну и, конечно же, поставили первоочередные задачи...

Утром 18 февраля со всем багажом меня втолкнули в «вертушку», и через два-три часа я был уже в Кандагаре — точнее, в аэропорту Кандагара. До города было порядка 30 километров, а до ооновского городка (места моего будущего жительства) — 24.

Разбитая автомобильная дорога контролировалась нашими бойцами только в трех-четырёх точках: мосты и пикеты на вершушках близлежащих скал и барханов. Обычно движение по дороге начиналось в 8—8.30 утра. Вначале проезжали саперные машины, следом за ними — несколько БТРов с военными советниками, а затем те, кому надо быть в Кандагаре по долгу службы или работы.

Гражданские машины ездил до 17 часов (не позднее), на свой страх и риск, без броневого сопровождения.

Через пару часов я сидел внутри БТР. Молодые ребята — экипаж машины — смотрели на меня с некоторым интересом. Так смотрят случайные посетители на обитателей марастунов (местное название домов для умалишенных).

Мой приезд на виллу ооновского городка произвел фурор — как снег на голову. Меня не ждали — точнее, ждали, но не в этот день. Накануне ночью в город вошла банда, и там сильно стреляли, в том числе из пушек и орудий. Обычно на следующий день после боя в город советские люди из числа гражданских лиц, коими являлись партийные и комсомольские советники, на работу не выезжали. Эта информация должна была быть доведена до моего руководства в Кабуле через спецорганы. Но не довели.

В ооновском городке на двух соседних виллах проживало гражданских лиц из Советского Союза 6 человек. На одной — В. Ярошовец — старший советник ЦК КПСС при ЦК НДПА зоны «Юг», партийный советник при Кандагарском провинциальном комитете НДПА — фамилию не помню, я — советник ЦК ВЛКСМ при ЦК ДОМА зоны «Юг», на другой — трое наших переводчиков.

Кроме того, в городке жили 5—6 женщин — жены военных советников различных ведомств. Остальные — военнослужащие из охраны городка и советники силовых ведомств: ХАДа (КГБ), Царандоя (МВД), а также работники различных спецслужб. Всего около 30 человек.

Вилла — 2 жилые комнаты, общая комната, кухня, туалетная комната с ванной, кладовая и масса шкафов. Когда-то все функционировало: холодильник, мощные кондиционеры, электроплиты, камин и прочие бытовые приборы. За годы войны все порушилось. Электроэнергия подавалась по несколько часов в неделю, пока была солярка для двигателя либо не была подорвана линия электропередачи. Воду привозили машинами на несколько дней. Одним словом, быт был организован с учетом местных условий. В день моего приезда температура на солнце была +25 °С.

А вообще летом бывало выше +60 °С в тени. Мебель, кровати, одежда, пол, стены — все горячее. Засыпали, облившись водой, либо выпив 100 граммов спирта, либо накрывшись мокрой простыней.

Встретили меня радостно, но в то же время и настороженно. Мол, кто ты есть, еще предстоит узнать.

Тот первый день поездки на работу, 19 февраля 1983 года, помню очень хорошо. Дорога от нашего городка до провинциального комитета ДОМА (это 7—8 километров) проходила мимо городского мусульманского кладбища. На нем после вчерашней стрельбы добавилось несколько новых могил. Они были обозначены длинными шестами с зелеными флажками.

Следует отметить, что любая жертва, смерть, гибель афганца, кто бы ни стрелял в городе или его окрестностях, однозначно приписывалась действиям моих соотечественников — советским людям. «Он — советский, шурави — убил нашего, моего соотечественника». Таково было отношение к любому русскому, независимо от того, в военной он форме или в гражданской одежде.

В этих условиях мне и предстояло работать.

Мои коллеги находились уже не первый месяц в Афганистане, и они были спокойны. А у меня в машине ходуном ходили ноги, руки, нервной дрожью тряслось все тело. И ничего не мог с собой поделаться. И тут пришла спасительная мысль: «Сам выбрал работу, страну, провинцию, ну и рабо-

тай, живи, делай свое дело, отработай свой срок и живым вернись домой. Не привлекай к себе никакие напасти и беды».

В Кандагаре с момента введения института молодежных советников я был уже четвертым. И выстраивалась некая лесенка: первый советник, Игорь Колотко, был досрочно отозван, вывезен из Кандагара из-за проблем с головой, второй, Григорий Семченко, контужен при падении с БТРа во время подрыва, третий — я уже говорил — вывезен с гепатитом. И вот я тут нарисовался...

Первые дни пребывания в Афганистане врезались в память навсегда. Эти дни, с одной стороны, были необычными — с точки зрения человека, живущего в мирных условиях, а с другой — они были обычными рабочими днями молодежного советника в Афганистане.

Находясь в ДРА, я часто думал, что не мешало бы все население Советского Союза пропустить через Афганистан. Узнали бы, почем фунт лиха, и по-другому бы относились к советской действительности. К тому же Афган лучше любого рентгена высвечивал человека: мерзавец или светлый, проявлялось там очень ярко и отчетливо. Мы видели каждого, кто чего стоит и на что способен: возвратясь в Союз, относились к ним, исходя из личного опыта Афганистана.

Работа советника довольно своеобразная

Оказание помощи подсоветному молодежному функционеру ДОМА, работникам провинциального комитета по всему комплексу несвойственных ранее для них вопросов, которыми вынуждена заниматься молодежная организация в условиях войны, средневекового быта, враждебного окружения, фракционных разборок, советской номенклатурной диктатуры, проамериканских интересов верхушки страны и безграмотного населения. Кстати сказать, у населения, вплоть до кочевников, находилось множество современных радиоприемников японской, китайской, пакистанской сборки, принимающих передачи по УКВ. На УКВ же работали специальные программы западных стран, вещающих на языках племен и населения, проживающего в провинциях, — пушту, таджикском, узбекском, индийском и других.

Власть эту специфику не учитывала. Не знаю, сознательно или нет, но для поголовно неграмотного населения распространялись печатные издания НДПА, ДОМА (газеты, листовки и прочие) на языке дари. Пуштунское население же слушало передачи зарубежных центров о происходящих в стране и мире событиях на языке пушту со своей интерпретацией.

По итогам работы в Афганистане от советников требовался подробный отчет о служебной командировке «за речку» — так называлась наша засекреченная поездка в Афганистан. Дополнительно нас просили подготовить записку о своих наблюдениях, замечаниях, выводах, предложениях, которые нельзя было включать в официальный отчет. В такую вот конфиденциальную записку я включил свое наблюдение, полученное после изучения положения дел в медресе. Медресе — учебное заведение для мальчиков, которое готовило священнослужителей — мулл — для работы в мечетях. В Кандагарском медресе обучались дети-сироты, в основном пуштуны. Среди преподавателей были и пакистанцы. Воспитание шло в жестком фундаменталистском ислам-

ском духе, в духе джихада любым антиисламским силам, в духе ненависти к Советскому Союзу. Видимо, работали там и представители спецслужб.

Позднее стало известно, что именно в Кандагаре сформировалось движение «Талибан», основу которого составили студенты, слушатели, семинаристы медресе юга Афганистана и Пакистана.

Завершая свое небольшое повествование, скажу: уверен в том, что благодаря нашей работе в Афганистане был сформирован костяк молодежных и партийных кадров для работы в ДОМА и НДПА, которым была ясна вся трагедия фракционности в правящей партии республики. В определенной мере нам удавалось стабилизировать и не развивать разногласия между «хальк» и «парчам». Свидетельство тому — единение и многолетние сопротивление «Талибану» после вывода советских войск из Афганистана.

Мы помогли молодым афганцам осознать, глубже понять цели и задачи Апрельской (саурской) революции, проводимых преобразований во имя трудового народа Афганистана. Тысячи юношей и девушек направлялись нами в средние, среднеспециальные и высшие учебные заведения во многие города Советского Союза. Афганцы своими глазами видели и ощущали на себе все то, что смогла дать советская власть простому народу.

Годы нашей работы не прошли даром ни для наших подсоветных, ни для нас самих. Я благодарен судьбе за время работы, которое провел в Афганистане. И не наша в том вина, что произошло позднее с Советским Союзом, с Демократической Республикой Афганистан.

В.Г. Поздняков

Разлюбить нельзя

*Землю,
где воздух
как сладкий морс,
бросишь
и мчишься, колеся, —
но землю,
с которою
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.*

Эти строки Владимира Маяковского очень часто приходилось слышать на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Думается, что полюбились они

молодым строителям БАМа за то, что очень точно передавали их настроение, особую моральную атмосферу, царившую на грандиозной стройке.

Можно привести немало ярких примеров их героического, самоотверженного труда на всесоюзных ударных комсомольских стройках — об этом в свое время было немало сказано и написано. Но мне почему-то чаще вспоминается совсем не «парадный» случай, свидетелем которого я стал на БАМе, на станции Беленькая. Там тогда дислоцировался строительно-монтажный поезд, сформированный из посланцев Белоруссии. Ребята собрались на комсомольское собрание, чтобы разобрать случившееся в отряде ЧП: один из комсомольцев совершил прогул. Надо было видеть, как провинившийся, здоровый хлопец, напоминавший внешностью былинного богатыря, стоял перед своими товарищами, бессильно опустив огромные, натруженные руки, и... плакал. Ведь за такой проступок можно было поплатиться исключением из отряда. На мой взгляд, этот эпизод — лучшее свидетельство того, насколько комсомольцы дорожили выпавшей на их долю честью быть строителями БАМа.

Хорошо помню, как все тогда начиналось. В марте 1974 года в Алма-Ате состоялось торжественное заседание, посвященное 20-летию освоения целинных и залежных земель. Именно на нем Л.И. Брежнев впервые объявил, что готовится проект Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, и обратился к комсомолу с призывом принять активное участие в его осуществлении. Надо сказать, что в те годы страна находилась на подъеме, руководство партии во главе с Брежневым еще не растеряло свой авторитет в народе, а между Генеральным секретарем ЦК КПСС и ВЛКСМ сложились отношения взаимного доверия. Что и подтвердилось на состоявшемся в апреле 1974 года XXVII съезде ВЛКСМ. Прямо со съезда в районы будущей трассы отправился первый комсомольско-молодежный отряд, насчитывавший 600 юношей и девушек.

Что после этого началось! Я в то время после окончания Высшей комсомольской школы только что вернулся на работу в Иркутский обком комсомола. Добровольцы буквально осаждали здание обкома. Среди них было много ребят, которым еще не исполнилось восемнадцати, и в беседах с ними не помогали никакие увещевания и доводы: все считали себя достойными быть зачисленными в ряды строителей БАМа, готовыми к самым трудным испытаниям и не желали ждать. Конкурс в бамовские отряды был не меньше, чем при зачислении в престижные московские вузы.

А ведь все прекрасно понимали, с чем им придется столкнуться. Трассу протяженностью 3145 километров, от Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре, предстояло проложить сквозь вековую, нехоженую тайгу, через плоскогорья, хребты и котловины, через могучие сибирские реки. И на большинстве ее участков — вечномерзлотные почвы. Сибирякам лишний раз не надо объяснять, что такое в здешних местах летняя жара и гнус или зимняя стужа с морозами до пятидесяти градусов. При этом первопроходцам приходилось начинать с палаток или со сколоченных на скорую руку барачков.

В 1977 году ЦК ВЛКСМ утвердил меня руководителем агитпоезда ЦК ВЛКСМ на строительстве БАМа «Комсомольская правда». Не скрою: и тогда гордился, и сейчас горжусь тем, что довелось возглавлять этот легендарный «Красный эшелон» (так с любовью называли наш поезд бамовцы) и пройти вместе с ним

по трассе десятки тысяч километров. Нас с нетерпением ждали на самых отдаленных участках стройки, а среди строителей БАМа было даже развернуто соревнование за право принять коллектив агитпоезда.

Однажды победителем этого соревнования на Восточном участке магистрали стала комсомольская организация военных строителей. Двигались мы к ним по новой, только что проложенной ветке, но за несколько километров до места выяснилось, что она еще не достроена, а другого пути до части просто не существовало. Но нет преград для бамовцев! Подразделение путеукладчиков прямо перед поездом стлало на насыпь металлические решетки и укрепляло на этом временном полотне рельсы. Таким образом, со скоростью 2—3 км/ч мы и продвигались дальше. Опоздали на несколько часов, но, несмотря на знойный летний день, все бойцы ожидали нас в ангаре, оборудованном под зрительный зал, — боялись потерять «забронированные» места. Надо заметить, что в составе агитпоезда был тогда зажигательный ансамбль песни и пляски из Молдавии. Девчата из ансамбля настолько покорили парней, что поезд не хотели отпускать, грозились даже рельсы разобрать.

В этих поездках по БАМу принимали участие лучшие художественные коллективы страны, известные артисты и спортсмены, космонавты, прославленные военачальники, ветераны партии и комсомола. На трассе побывал даже знаменитый американский певец Дин Рид.

Но не только знаменитостей ждали строители. Все знали, что с поездом придут новые книги. Именно с нашей помощью на трассе были укомплектованы сотни библиотек, а позднее, когда в новых поселках стали открываться школы, мы обеспечивали их учебниками, методическими пособиями, необходимым оборудованием. Под передвижную библиотеку был оборудован один из девяти вагонов нашего эшелона. Возможности агитпоезда широко использовали лучшие художественные музеи страны. Так, руководство Третьяковской галереи специально для строителей БАМа подготовило копии полотен выдающихся русских художников и вместе с ними присылало на стройку своих лучших лекторов-искусствоведов. Частыми гостями строителей были сотрудники Русского музея.

Может быть, сегодня это звучит пафосно и непривычно, но все трудовые победы бамовцев мы воспринимали как свои личные праздники. Многим знакома давняя традиция транспортных строителей: на стыке встречных коллективов укладывается символическое «серебряное» звено и забивается «серебряный» костыль. Поскольку агитпоезд «Комсомольская правда» выполнял и роль арбитра в социалистическом соревновании комсомольско-молодежных коллективов БАМа, мне приходилось часто бывать на этих торжественных ритуалах, выливавшихся в настоящие праздники. Право совершить почетное действие предоставлялось победителям соревнования, молодым ударникам труда. По своей искренности, огромной неподдельной радости, теплоте равных подобным праздникам в моей жизни, пожалуй, больше не было.

Один из первостроителей БАМа, лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Мучицын стал тогда автором замечательного афоризма: «Мы строим БАМ, БАМ строит нас».

Конечно же, молодежь приезжала на БАМ не только за романтикой и «запахом тайги». Ребятам постарше, квалифицированных рабочих и специалистов,

В.Г. Поздняков. Высшая комсомольская школа. 1974 г.

привлекали и высокие заработки, и льготы, и, конечно же, широкие возможности самореализации. Но я не знаю случаев, чтобы кто-то через БАМ пытался сделать себе карьеру в нынешнем понимании этого слова. И самые теплые воспоминания храню о своих друзьях и соратниках по комсомольской работе, которых сегодня особенно часто попрекают тем, что комсомол они использовали якобы только как трамплин для скачка «наверх», во властные структуры. Чем же тогда, например, можно объяснить поступок моего хорошего товарища Леонида Выговского? Работал он заведующим школьным отделом Иркутского обкома комсомола, был на хорошем счету, и никто его никуда из областного центра не тащил. Однако он по собственной инициативе оставил престижную должность, что-

бы организовать работу первой школы на Западном участке БАМа, в поселке Звездный. Следует упомянуть и о том, что в разные годы свыше ста выпускников Высшей комсомольской школы при распределении отказались от «насиженных», «теплых» мест и добровольно отправились на Байкало-Амурскую магистраль.

Известно, что БАМ был призван сыграть особую экономическую и социальную роль в жизни всей страны, обеспечить дальнейший рост могущества Сибири. Но горбачевская перестройка перечеркнула многие планы и надежды. Я, например, помню, как часто к прибытию нашего агитпоезда приурочивались комсомольско-молодежные свадьбы. Молодая поросль приживалась в суровом краю, давала корни. А позднее, за годы либеральных «реформ», Сибирь покинули 3 миллиона жителей. Как-то довелось присутствовать на одном совещании, на котором в числе других обсуждались демографические проблемы Сибири и Дальнего Востока. Выступая на нем, руководитель одного из сибирских регионов с горечью заметил, что сегодня эти проблемы решать некому: нет того комсомола, который был в советское время, нет и молодежных строек, откуда же взяться приросту населения? Конечно же, существует и масса других причин оттока людей, вынужденных искать лучшую долю на Большой земле. Жителям Приангарья лучше других известны печальные последствия губительного курса нынешних правителей России. Но это не может продолжаться бесконечно. Есть другие, здоровые силы, способные взять власть в свои руки и вывести страну из тупика. И тогда накопленный в советское время опыт еще будет востребован.

Александр Александрович Полещук

Заместитель заведующего Отделом пропаганды

ЦК ВЛКСМ

Главный редактор журнала «Вокруг света»

Тот самый «Вокруг света»

Если дать задание Яндексу отыскать самые популярные советские журналы, то через секунду перед вами на экране возникнет несколько адресов с перечнем искомых изданий. Откроем один из них. В подборке представлено 27 названий журналов с краткими аннотациями и изображениями обложек; среди них — 13 журналов, которые издавал комсомол. Согласитесь, показатель хороший, даже очень хороший. В этом стихийном народном рейтинге увидим рядом «Веселые картинки» и «Ровесник», «Костер» и «Смену», «Мурзилку» и «Вокруг света», «Моделист-конструктор» и «Студенческий меридиан»... Эти и другие журналы, различные по содержанию и направлению, были естественным образом встроены в культурно-образовательную деятельность общества и государства, направленную на развитие и воспитание вступающих в жизнь поколений. Миллионные тиражи расходились от Москвы до самых до окраин без всякой рекламы, подписка шла и за рубеж, комплекты сохранялись на полках домашних библиотек.

Может показаться, что я излагаю общеизвестные факты. На самом деле только теперь осознаешь, сколь уникальный феномен представляла собой периодическая печать комсомола. Напомню, что, помимо общесоюзных, издавались молодежные и детские журналы в республиках, существовала также разветвленная сеть молодежных и детских газет во главе с «Комсомолкой» и «Пионеркой».

Считаю, что мне очень повезло, когда редактор свердловской молодежной газеты «На смену!» Юрий Еремин пригласил меня, в ту пору студента 5-го курса факультета журналистики Уральского университета, на должность заведующего отделом этой славной своими творческими традициями газеты. С тех пор я оказался на 35 лет, с незначительными перерывами, в сфере издательской деятельности комсомола: работал завсектором печати ЦК ВЛКСМ, заместителем главного редактора советско-болгарского журнала «Дружба», а с 1983 по 2000 год — главным редактором журнала «Вокруг света» и приложения «Искатель». Должен сказать, что эти годы стали для меня профессиональной школой высокого уровня, без всяких скидок на «возрастную специфику» и «несерьезность» молодежных изданий, о чем нередко приходилось слышать. Ведь именно «возрастная специфика» побуждала нас постоянно искать новые и заострять старые темы, разрабатывать привлекательные способы подачи материалов, вмешиваться в рискованные конфликты на стороне справедливых и смелых людей, разбираться в нравственных переживаниях и нестандартных судьбах героев, взятых из гущи жизни. Только так и можно было избежать превращения молодежного издания в слабую копию «серьезных» собратьев и завоевать доверие читателя. Как видно из приведенных выше данных, журналы ЦК ВЛКСМ вполне в этом преуспели.

В семье центральных молодежных журналов каждый был в высшей степени оригинален и обладал неповторимой биографией. Вот, например, «Вокруг

света». Это был настоящий реликт, живой памятник истории страны. Один из первых российских журналов, основанный в 1861 году, связанный с именами выдающихся издателей Маврикия Вольфа и Ивана Сытина и закрытый в 1917 году Ревтрибуналом печати как не соответствующий новой идеологии, он возродился на исходе НЭПа сразу в двух вариантах — московском и ленинградском. При очередной перестройке печатного дела ленинградские издатели внесли изменение в титульное наименование своего детища — «Журнал сюжетной литературы, революционной романтики, научной фантастики, приключений, путешествий и открытий». Тем самым их выигрыш был предрешен: на плаву остался ленинградский «Вокруг света», ставший в 1931 году «органом ЦК и ЛК ВЛКСМ».

Так началась комсомольская биография «ВС». В духе радикальных воззрений того времени редакция заявила о разрыве с прошлыми традициями, когда журнал якобы «обслуживал географические интересы буржуа и пропагандировал идею захвата колоний». Однако новые издатели не стали делать из журнала безликую агитку и посчитали разумным показывать «величайшую эпоху, которую мы переживаем», в «увлекательном, насыщенном действием рассказе и художественном очерке». Эту задачу выполняла «литература факта», воспевающая подвиги революционной молодежи в Гражданской войне и антифашистскую борьбу в странах Запада. Будущее представлялось на страницах «ВС» в образах гигантских летательных и глубоководных аппаратов, кораблей-монстров, взламывающих вековые льды, полярных городов под стеклянным куполом и освоенных человеком далеких планет. Рядом с рисунками, будоражившими воображение читателя, печатались романы советского фантаста Александра Беляева, проникнутые гуманизмом и верой в силу науки. А под рубрикой «Мастера сюжетной прозы» появлялись произведения Жюль Верна, Джозефа Конрада, Герберта Уэллса и других писателей, пришедшие прямиком из отвергаемого прошлого.

Очередная пауза в издании «ВС» — война. Но уже 18 октября 1945 года ЦК ВЛКСМ выпускает постановление: «Возобновить с 1 января 1946 года ежемесячный иллюстрированный научно-популярный географический журнал «Вокруг света». Журнал должен в увлекательной, популярной форме освещать вопросы географии и геологии, помещать занимательные описания природы и богатств нашей родины и других стран мира, а также очерки, рассказы о путешествиях и географических открытиях». Журнал переехал в Москву, став изданием ЦК ВЛКСМ.

В 1940—1950-х годах «ВС» из номера в номер публикует познавательные очерки о родной стране, достижениях народов СССР, новостройках, научных экспедициях, «сталинском плане преобразования природы», о жизни стран народной демократии и новых государств Азии и Африки. Среди авторов журнала той поры — видные ученые, популяризаторы науки, писатели: В. Обручев, А. Ферсман, И. Ефремов, М. Шагинян, К. Паустовский, Л. Успенский, А. Казанцев и многие другие.

«ВС» стал стремительно набирать популярность в конце 1960-х годов, когда при редакторе Викторе Сапарине он стал научно-художественным журналом путешествий, приключений, фантастики. Ключевое слово в этом определении — «научно-художественный». Это жанр высокого творческого наполнения, сочетающий документальность и образность письма, реалистическое воспро-

изведение жизни и полет воображения, жанр, требующий от автора знания предмета и литературного дарования. С установкой в типографии «Молодой гвардии» многокрасочной печатной машины резко увеличились изобразительные возможности «ВС». Когда в 1983 году я был назначен главным редактором журнала, коллеги доверительно поведали мне, что сам Леонид Ильич Брежнев почитывает в часы досуга «Вокруг света».

А.А. Полешук

Говоря современным языком, «ВС» оказался успешным коммерческим проектом. Несмотря на ограничения, объясняемые обычно нехваткой бумаги в стране, в 1980-х годах тираж журнала приблизился к трем миллионам экземпляров. «ВС» приносил ежегодно в комсомольскую кассу порядка 13 миллионов «полновесных советских рублей», как любил выражаться Е.И. Пушкин, легендарный заведующий финансово-бюджетным отделом ЦК ВЛКСМ. «Полновесные рубли» шли на поддержку убыточных молодежных изданий, о чем тогда было не принято распространяться. Сейчас издательская практика подобного рода всем известна: чтобы покрыть убытки, можно поступиться высокими принципами и выпустить десяток наскоро сколоченных «бригадным методом» криминальных или женских романов. Но в нашем случае было как раз наоборот: популярность, а тем самым и прибыльность «ВС» обеспечивалась тем, что журнал не отступал от своих принципов и оставался научно-художественным изданием с безупречной репутацией.

Если не принимать во внимание бездарностей (они обычно составляли примерно четверть штата каждой редакции; не знаю, как теперь), то мы обнаружим в «ВС» замечательное собрание творческих людей. Они (не каждый в отдельности, а все вместе) умели грамотно «довести до ума» авторский очерк, написать собственный интересный материал, владели иностранными языками, могли подготовить статью «по страницам иностранной печати», знали толк в фотосъемке, придумывали оформительские ходы, писали книги и были всегда готовы отправиться в дальнюю командировку. Не могу не назвать здесь имена «золотых перьев» «ВС» той поры: Виталий Бабенко, Владимир Лебедев, Лев Минц, Валерий Орлов, Надир Сафиев, Лидия Чешкова...

Журнал был единственным в стране изданием, постоянно рассказывающим в увлекательной манере о странах и народах мира, научных экспедициях, исторических тайнах, загадках природы, необыкновенных приключениях. Письмо на редакционном бланке с просьбой оказывать содействие участникам необычного путешествия открывало двери начальственных кабинетов и служило гарантией будущего оригинального очерка. С журналом постоянно сотрудничали замечательные писатели, журналисты, ученые, художники, переводчики. Для многих корреспондентов советских СМИ за границей «ВС» являлся своего рода «отдушиной»: можно было, отойдя от рутины, проявить в полном блеске свою творческую натуру.

Есть еще одно обстоятельство, о котором не грех напомнить. Права иностранных авторов в те годы у нас не охранялись, и «ВС» мог беспрепятственно использовать тексты и иллюстрации из зарубежных книг и журналов. Мы свободно печатали произведения крупнейших зарубежных писателей — А. Азимова, Р. Брэдбери, Р. Шекли, К. Саймака, П. Буля, Ж. Сименона, С. Лема, У. Голдинга, Дж. Даррелла, Т. Хейердала, Ф. Моуэта, Ж.-И. Кусто и других. При тогдашнем книжном дефиците журнальный рассказ Брэдбери или роман с продолжением Голдинга были настоящим подарком любителям фантастики и приключений, особенно тем, кто жил в провинции.

Вывод очевиден: феномен «Вокруг света» мог возникнуть и существовать только в условиях тогдашней политической и экономической системы, с ее закрытостью и незыблемыми правилами. Поэтому слом системы означал в недалекой перспективе конец старого доброго «Вокруг света». Но мы, руководители и сотрудники редакции, не сразу это поняли. Думали, что отсутствие цензуры, возможность путешествий за границу и реализации смелых творческих замыслов придаст динамизм развитию журнала.

Журнал отправился в самостоятельное плавание в 1991 году, когда комсомол объявил о самороспуске. (Надо заметить, что ни собственностью, ни оборотными средствами редакции не были наделены, единственным источником их дальнейшего существования стали дешевеющие деньги, получаемые авансом от подписчиков.) Первые грозные признаки опасности появились в виде падения подписки после распада СССР и введения свободных цен. И пошло одно за другим: открылись границы, навалились непонятные реформы, возникли новые журналы, красочно расписывающие поездки за границу, телевидение будоражило умы... Наши попытки модернизировать журнал, приспособить его к новым реалиям запаздывали, оказывались неэффективными. В то время никто из нас не понимал главного: издательское дело — это бизнес, и оно должно подчиняться суровым законам рынка. Никакой лирики.

Дефолт 1998 года поставил журнал на грань краха. В политизированной и пронизанной погоней за легкой наживой атмосфере тех лет поиск потенциального издателя, который взялся бы за реанимацию и обновление старейшего отечественного журнала, оказался безуспешным. И все же такой издатель нашелся в 2001 году.

Говорят, что теперешний «ВС» мало похож на «старый», перегружен рекламой и иллюстрациями в ущерб тексту. Что ж, сейчас по-другому пишут, по-другому читают, по-другому видят и издают тоже по-другому. Невозможно представить тот самый «Вокруг света» тридцатилетней давности конкурирующим на сегодняшнем рынке СМИ с многочисленными глянцевыми и не очень глянцевыми журналами, изданиями по туризму, путеводителями, сенсационными книгами, продукцией телевидения и Интернета. То, что имело раньше аромат тайны, стало товаром.

Крутые повороты в биографии «Вокруг света» случались не раз. Будем надеяться, что журнал сохранит тот дух открытий и познания мира, о котором сказано еще в редакционной статье первого номера за 1861 год: «Как в громаднейшей, неоцененной панораме, проходит перед любознательным путником весь шар земной, со всеми редкими и со всеми обыденными явлениями».

Владимир Данилович Попов

Секретарь Новосибирского ОК ВЛКСМ

*Заведующий сектором Отдела комсомольских органов
ЦК ВЛКСМ*

*Политолог, публицист, лауреат самых престижных
литературных премий в области публицистики*

Исповедь на заданную тему

Выдержки из воспоминаний

«... И вся еще не прожитая жизнь»

В школу я пошел в шесть лет. До сих пор не могу без смеха вспоминать, как кувыркался от радости на кровати, когда меня записали в первый класс. Учиться хотелось безумно. Мучительно ожидал первое сентября, донимая сестру бесконечными вопросами, и на первую линейку мчался, не чуя ног, боясь опоздать.

Годы учебы в школе остались незабываемым светлым пятном на всю жизнь. Нам, ученикам тех лет, страшно повезло с педагогами. Поэтому не случайно многие из нас после окончания занятий, сбегав домой и пообедав на скорую руку, снова мчались в стены своей родной деревянной школы, где постоянно работали различные кружки.

В школе и началась моя комсомольская биография. 22 апреля 1963 года нас принимали в райком ВЛКСМ в комсомол. Погода в тот день выдалась необычно теплая, снег уже сошел, и все улицы городка превратились в сплошную грязь. Погладив чугунным пятикилограммовым утюгом белую рубашку, пионерский галстук, единственные черные брюки и водрузив на ноги кирзовые сапоги, я взял несколько тряпок, сапожную щетку и крем, положил все это в авоську и отправился в райком. Площадка перед зданием была полностью разбита, и посередине ее красовалась большая лужа, где я с трудом отмыл от грязи сапоги, благо что предусмотрительно захватил тряпки. На крыльце насухо их вытер, намазал гуталином и лихо поработал щеткой. Кирзовые сапоги заблестели, как хромовые. Когда я вошел в зал заседания бюро, в лучах весеннего солнца они излучали ослепительные блики. Кто-то задал вопрос по уставу, и я стал бойко отвечать, но неожиданно вмешался первый секретарь райкома Анатолий Муранов. Улыбаясь, он сказал, что не имеет смысла дальше задавать вопросы, потому что сегодня Владимир — единственный, кто так подготовился к приему в комсомол, — мол, вы только взгляните на его сапоги...

Домой я летел буквально на крыльях, так хотелось рассказать своим, что меня приняли в комсомол.

В том же году, в сентябре, я был избран членом комитета комсомола школы, через пятнадцать лет стал секретарем Новосибирского обкома ВЛКСМ, а еще через год уже работал в Москве, в ЦК. Первым секретарем обкома был Виктор Косоуров, а я отвечал за идеологические вопросы и, разумеется, за культуру и спорт. Мы оба учились в одной школе, которую окончили в 1966 году. А 1 августа 2017 года он позвонил мне и сказал, что хочет сделать подарок, который

напомнит школьные годы. Когда на следующий день мы с ним встретились, Виктор торжественно достал копию вырезки из районной газеты города Черепаново от 24 декабря 1965 года и, улыбаясь, протянул мне:

— Читай!

Статья называлась «Романтики! На поэтических горизонтах». Привожу выдержки из нее: «Нет, в зале не присутствовал Константин Симонов. Его стихи пришли в этот вечер к ребятам школы №1. Их читает Вова Попов, и в мыслях каждого юноши и девушки встают образы, созданные поэтом. ...Притихли говорки беспокойных мальчишек, сосредоточились лица девчонок — в зале раздаются гневные слова Мусы Джалиля, стихи которого читает Тома Хуторная. И грустная задумчивость появляется на этих же лицах, когда на смену им приходят строчки есенинской рифмы. Задушевно и просто знакомит с ними присутствующих Виктор Косоуров...»

На нас нахлынули воспоминания — и радостные, и грустные, ведь за плечами такая разная, но, чего скромничать, удавшаяся жизнь, как будто и не было этих прошедших 52 лет, когда два провинциальных мальчика из Сибири, еще ничего не ведая о своей будущей судьбе, на поэтическом вечере в районном Доме культуры читали стихи великих русских и советских поэтов...

Счастливые и веселые школьные годы остались позади, мне исполнилось шестнадцать, и пришло время выбирать жизненный путь и будущую профессию. Хотелось попробовать поступить на юридический факультет в какой-нибудь университет, но я все же решил поехать с друзьями в Новосибирск, где сдал вступительные экзамены в радиотехнический техникум. Там не было общежития, зато платили стипендию 37 рублей. Сняли на четверых комнату в частном секторе — по десять рублей на каждого, и 1 сентября приступили к занятиям. На все про все у нас оставалось по 27 рублей. Столовая в техникуме была дешевая, но мы тем не менее в целях экономии налегали на винегрет с хлебом и баловали себя только стаканом компота.

В апреле 1967 года я все же сдал успешно экзамены в Свердловский юридический институт на заочное отделение и пошел работать на электровакуумный завод испытателем приборов. К тому времени я уже был женат на самой красивой девушке нашего города.

Через два месяца на меня обратили внимание руководители заводского комитета комсомола Станислав Оргин и Юрий Перекрестов и рекомендовали стать освобожденным секретарем комсомольской организации только что созданного на заводе технического училища. А уже через год Юрий, уходя на производственную работу, настоятельно рекомендовал избрать меня секретарем комитета ВЛКСМ крупнейшей в городе заводской комсомольской организации по идеологии, тем самым благословив меня на комсомольскую работу, определившую всю мою дальнейшую жизнь.

...После завершения учебы в ВКШ при ЦК ВЛКСМ я вернулся в Новосибирск и был, якобы на «пересидку», утвержден завотделом горкома комсомола, то есть вернулся на ту же должность, с которой уезжал на учебу. Но здесь вмешался горком партии, и через несколько месяцев меня избрали первым секретарем Дзержинского РК ВЛКСМ.

Сейчас я с какой-то светлой радостью вспоминаю годы работы в районе, они мне многое дали в становлении как руководителя, в понимании психо-

логии партийных, советских и хозяйственных работников и, главное, осознании всего многообразия творческих интересов молодежи, которая нуждалась в поддержке комсомола. Я до сих пор дружу с бывшими сотрудниками аппарата райкома, мы регулярно созваниваемся и встречаемся во время моих приездов в Новосибирск. Рад тому, что у каждого состоялась профессиональная и личная биография, у всех хорошие семьи, выросли дети, подрастают внуки, а значит, все повторится в жизни сначала...

Где-то года через два я начал задумываться, что с комсомолом пора заканчивать и давать дорогу другим. Райком работал дружно, замена в лице второго секретаря Владимира Никонова была подготовлена. Но судьба, в лице всемогущих партийных органов, решила иначе. В середине февраля 1979 года позвонил Иван Алексеевич Краснов, первый секретарь райкома партии, и попросил зайти. Он как-то очень внимательно посмотрел на меня и неохотно произнес:

— Звонил Александр Павлович Филатов, первый секретарь обкома КПСС, интересовался моим мнением о тебе. Я, как ты понимаешь, дал самую высокую оценку и поинтересовался, чем вызван этот интерес. Он признался, что тебя рассматривают на должность секретаря обкома комсомола по идеологии, а идеологи — товар штучный, не ошибиться бы. Я ему сказал, что не ошибутся, но отпускать тебя из района мне не хочется, хочу рекомендовать зампредом в исполком к Шильникову.

— И что ответил Филатов? — спросил я.

— Он сказал, что хотел бы с тобой повстречаться и составить собственное мнение, а то разное, мол, о тебе говорят. Так что он ждет тебя в три часа.

В точно назначенное время я был в кабинете у А.П. Филатова. Он на секунду поднял глаза и снова углубился в чтение каких-то бумаг, обращаясь то к одной папке, то к другой. Не дождавшись приглашения сесть, я сделал это самостоятельно и стал терпеливо ждать, когда начнется разговор по душам. Молчание затягивалось и, с моей точки зрения, начинало выглядеть просто неприличным. Внутри у меня стало закипать — это было плохо.

Подождав еще немного, я спросил:

— Александр Павлович, вы, вероятно, хотели задать мне интересующие вас вопросы? Я готов ответить на них.

Филатов удивленно поднял глаза, несколько секунд не знал, что ответить, потом произнес:

— Ты знаешь, зачем тебя пригласили?

В.Д. Попов — заместитель секретаря комитета комсомола электровакуумного завода. Субботник в пионерском лагере. 1970 г.

— Да, Краснов мне сказал.

— Я нахожусь в раздумье, о тебе у многих прямо противоположные мнения. Я читаю и удивляюсь, как будто речь идет о двух разных людях. Что ты на это скажешь?

— Можно задать вам вопрос?

— Пожалуйста!

— Скажите, перед вами две папки, и, как я понимаю, в одной положительные отзывы обо мне, а в другой — отрицательные. Какая папка более объемна?

Александр Павлович еще раз посмотрел на их содержание, скрытое от меня, и сказал:

— Ну, конечно, та, где положительные отзывы.

— У меня есть предложение: давайте эту папку отложим в сторону и поговорим о том, что, по мнению некоторых, есть во мне отрицательного и какие черты моего характера вызывают у вас тревогу. Мне самому интересно знать, в чем меня обвиняют.

— Тебя упрекают в нескромности и самоуверенности, а это не должно быть присуще партийным и комсомольским работникам. Что ты на это можешь ответить?

— А можно огласить весь список моих отрицательных, как считают некоторые «доброжелатели», качеств? Может, я совершал аморальные поступки, разрушил чью-то семью или сам плохой семьянин, есть серьезные претензии к моей работе, умудрился провалить дело и не оправдал доверие молодежи района и партии?

Александр Павлович еще раз внимательно посмотрел на меня, и я понял, что ему не нравится наш разговор. Но менять что-либо было поздно.

— Может, дело в том, что папка, где положительные отзывы, и есть основная причина обвинений меня в самоуверенности и нескромности? Два с половиной года назад горком партии, несмотря на то что и тогда те же люди меня уже обвиняли в этих грехах, тем не менее рекомендовал первым секретарем сильного, известного своими традициями райкома, который в последние годы захирел, как-то погас, стал незаметным в Новосибирске. И это при мощном потенциале комсомольской организации, где тринадцать комитетов с правами райкома и тридцать три тысячи комсомольцев, многие из которых имеют высшее образование и работают на современных высокотехнологичных предприятиях. Через полтора года, я повторяю, через полтора года все переходящие знамена горкома, обкома и ЦК ВЛКСМ были присуждены районной комсомольской организации. Ни одна комиссия ЦК, проверявшая область, не прошла мимо райкома, и все отмечали положительные итоги его работы. Как вы думаете, при безграмотном первом секретаре удалось бы достичь этих результатов? И пользовался бы такой руководитель авторитетом у молодежи, захотели бы они, чтобы у них был такой лидер? Я не первый год работаю в комсомоле и все время учился. Я и в ВКШ поехал за знаниями и получил диплом с отличием о высшем политическом образовании. Мы вступаем в эпоху, когда руководитель без знаний будет не просто не интересен людям, но и не нужен. Я рад, что мне удалось использовать свои знания в деле. Печально другое, Александр Павлович, прав, оказывается, мыслитель — познание умножа-

ет скорбь. И последнее: где провести разделительную черту между верой в собственные силы и самоуверенностью и с каких это пор стало нескромным, когда руководитель в своей деятельности демонстрирует знания и квалификацию? Ведь очень часто, добываясь какой-то цели, приходится многих убеждать в своей правоте, и порой жестко, иначе ничего не получится. Вам ли это не знать?

Филатов долго молчал с задумчивым видом, а потом вдруг неожиданно сказал:

— И все-таки мне больше нравится Виктор Косоуров, он скромный, и мне... как-то понятнее..

Я не мог сдержаться и рассмеялся, чем неприятно удивил его.

— Я сказал что-то смешное?

— Что вы, Александр Павлович, просто мне тоже нравится Виктор, ведь мы с ним в приятельских отношениях более двадцати лет. Вас, вероятно, не информировали, что мы учились в одной школе в Черепанове и вместе окончили ее в 1966 году. Более того, были в одно и то же время членами комитета комсомола школы. Я считаю, что вы сделали правильный выбор и у вас не будет проблем с первым секретарем обкома. Опыта ему не занимать, и в работе он надежный человек. А если я вас не устраиваю, то позвольте мне вернуться в район, у меня сложились там хорошие отношения, и думаю, что в течение года райком партии сможет мне предложить вариант с работой, который всех устроит, в том числе и меня. Новое дело, новая ответственность — мне это нравится. Тем более что у Краснова в сейфе только одна папка с информацией обо мне.

Филатов еще раз внимательно посмотрел на меня, чувствовалось, что не нравится ему моя дерзость, но твердо сказал:

— Нет, в район ты не вернешься, хотя Иван Алексеевич очень расстроился, когда я ему позвонил и сообщил, что, возможно, мы тебя будем рекомендовать секретарем обкома комсомола. Лети в ЦК на согласование, желаю успеха!

С Дзержинкой я прощался тепло, но грустно было всем: за эти годы мы стали друзьями, соратниками, все удачи и ошибки делили пополам. Райком комсомола возглавил второй секретарь Владимир Никонов, как я и планировал. У него удачно сложилась карьера, через несколько лет он стал вторым секретарем обкома комсомола, а затем сменил Косоурова, когда тот перешел на партийную работу первым секретарем Калининского райкома партии. Свою «государеву» службу уже в «новое» время закончил в качестве заместителя губернатора области.

Вообще мне дороги имена многих бывших коллег по райкомовской работе: Вячеслав Косенко, Анатолий Самсонов, Виктор Пономаренко, Виктор Семашко, Анатолий Микулин, Федор Сухомлинов, Нина Шалабаева и еще многие другие, благодаря преданности делу и способностям которых райком гремел на всю область. У всех жизнь состоялась, а иначе и быть не могло — они настоящие. Когда приезжаю в родной город, мы встречаемся, я смотрю на них и горжусь, что хотя прошло уже столько лет, а мы не изменили ни времени, в котором жили, ни себе...

В двадцатых числах февраля состоялся пленум обкома, и я с головой ушел в работу. Стал постепенно «осваивать» Академгородок с его неформальными

творческими объединениями и молодыми учеными, молодыми актерами городских театров и, разумеется, гордостью Новосибирска — Академическим театром оперы и балета. Постепенно установились и конструктивные отношения с соответствующими отделами обкома партии и его руководителями. Случайных людей, по крайней мере в те годы, среди них не было. Образованные, ответственные, имеющие за плечами немалый опыт работы.

Городские районы я знал хорошо, поэтому составил расписание поездок в сельские районы, где положение дел, и прежде всего в экономике, оставляло желать лучшего. Молодежь бежала из деревни после окончания школы, не видя для себя перспективы. Не работали ни экономические, ни моральные стимулы, ни оправдавшие себя в некоторых регионах страны принципы управления сельскохозяйственным производством. Чего душой кривить, все планы партии по селу исполнялись спустя рукава, огромные ресурсы закапывали в землю, а должной отдачи не было. Все эти беды не могли не отражаться на деятельности райкомов комсомола и первичных организаций.

Тем временем спираль моей судьбы стремительно развивалась по своим законам. В октябре 1979 года позвонил заведующий отделом организационно-партийной работы обкома партии Н.И. Лубенников и сообщил, что у Александра Павловича состоялся разговор с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастуховым, в котором они согласовали мой переход на работу в аппарат ЦК. Неожиданное известие не обрадовало, оно меня взбесило. Я взорвался:

— Николай Ильич, почему вы меня ставите перед фактом, почему об этом узнаю последним? Я вам что, крепостной? Захотели — выдернули восемь месяцев назад из района, и никто не спросил, какие у меня жизненные планы. Сейчас за моей спиной решили, что нужно в Москву отправляться.

Не ожидая такой реакции, он немного помолчал, а потом лукаво проговорил:

— Владимир Данилович, вопросы не ко мне, а к Филатову, ты — его номенклатура. Если хочешь, сходи к нему и поговори, но думаю, что бесполезно — решение состоялось. И, в конце концов, есть партийная дисциплина!

Посидел минут пять, немного успокоился и позвонил Александру Павловичу, сказав, что хотел бы обсудить новость, которая меня огорошила.

— Жду, — последовал лаконичный ответ.

На сей раз Филатов вышел из-за стола, чем меня очень удивил, поприветствовал рукопожатием и предложил присесть.

— Так о чем ты хотел поговорить, Владимир Данилович?

«Подозрительная вежливость, — промелькнуло в голове, — значит, все очень плохо, и терять мне теперь уже нечего». И я заговорил:

— Александр Павлович, я вас не понимаю, восемь месяцев назад в этом кабинете довольно трудно решался вопрос о моем переходе в обком. Это была полностью ваша инициатива, у меня были другие планы. И что в итоге? Я только вошел в дело, сформировал работоспособную, творческую команду, наметились интересные программы деятельности, и вы так легко отпускаете меня из области. Как к этому решению относиться? Вы не довольны моей работой или я не вписался в вашу команду, поэтому, используя проверенные методы, выдвигаете на повышение в Москву? Если это так, скажите откровенно, если нет, то поймите и меня. Вся моя жизнь связана с Новосибирской об-

ластью: в этом краю родился, крестился, окончил школу и институт, в Багане живут мама и сестра, другая в городе, все друзья детства и юности тоже здесь. Мне все дорого в Новосибирске! Я не хочу уезжать, прошу, пока не поздно, переиграйте, пожалуйста, свое решение, все в ваших руках!

Филатов задумчиво посмотрел на меня:

— Странный ты все-таки, Владимир, человек, не понимаю я тебя. Ты же в Москву переводись и, по мнению Бориса Николаевича, в ответоргах долго не засидишься. Это же хорошо, когда в ЦК есть неплохие перспективы роста. Пастухов мне сказал, что еще со времени учебы в ВКШ ты находился в резерве и должен был сразу распределиться в аппарат, но что-то там не срослось. Евгений Михайлович Тяжелников приказал всех отправить на места, чтобы поработали в комсомольских организациях, и, если зарекомендуют себя, «не утонут» в суете дел, вернуть в Москву. (Тяжелников в это время работал уже заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. — В. П.) Я не смогу уже ничего сделать, согласие мной дано, тем более только что позвонил о твоей кандидатуре завсектором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, курирующий Западную Сибирь. Меня просто не поймут, у нас так не принято. Не каждый же день в Москву на работу приглашают.

Я все понял, встал, поднялся и мой визави, протянул руку и искренне пожелал успеха. И вдруг, уже у самых дверей, слышу:

— Если все-таки откажешься, я тебя пойму.

Оглянувшись, я увидел, что Александр Павлович все еще стоит возле стола и задумчиво смотрит мне вслед. Я молча кивнул ему и вышел из кабинета...

В ЦК меня встретили дружелюбно и сразу отвели к заведующему отделом комсомольских органов Виктору Гавриловичу Волчихину. Он приветливо, как старому знакомому, пожал руку и попросил его внимательно выслушать.

— Я знаю, Владимир Данилович, мне уже позвонили, что ты приехал отказываться. Прошу этого не делать — ломаешь свою жизнь. Такого бунта не простят ни в ЦК, ни в обкоме партии, потому что пойдешь против не нами установленных правил. Я был первым секретарем обкома комсомола, и так же, не спросив меня, согласовали переход сюда, сначала первым заместителем, а через полгода утвердили в этом качестве. Тоска была дикая, но что поделаешь. Я скажу честно, ты невольно можешь подставить и меня, потому что это я проявил инициативу твоего перехода в орготдел. На тебя виды имел еще отдел пропаганды и агитации, но мне удалось их опередить. Через пять минут мы должны быть у Бориса Николаевича, что, я должен ему сказать, что Попов приехал и отказался? А он разговаривал с Филатовым, которому звонили из ЦК КПСС и получили согласие. Скандал в святом семействе! Поверь, все у тебя здесь сложится удачно, еще неоднократно будет возможность оценить нашу школу.

— Хорошо, какие регионы я буду курировать?

— Это должен сказать Пастухов, но я выдам «тайну» — Московскую и Тверскую области.

— Я в этой жизни никого не подводил — согласен.

Виктор Гаврилович облегченно вздохнул, улыбнулся и позвонил по прямой связи Пастухову:

— Борис Николаевич, мы с Поповым готовы зайти к вам.

Пастухова я видел впервые, но, по отзывам тех, кто его знал, он был умен, образован, с ярко выраженными лидерскими качествами, всю молодость отдавший комсомолу.

Небольшого роста, крепкий, излучающий энергию, он резко вышел нам навстречу, крепко пожал руку, жестом предложил сесть к приставному столу, сам сел напротив нас и заговорил:

— Я рад, что вы приходите в ЦК, мы давно наблюдали за вами, нам нужен ваш опыт. Завтра на заседании бюро вас утвердят ответоргом и будет поручено курировать Московскую и Тверскую области. Поверьте, это будет непростая работа, столичная область всегда на виду, нужно правильно выстроить отношения с секретарями обкомов и партийными руководителями. Василий Иванович Конотоп очень авторитетная фигура и в партии, и в своей области. Опыт работы колоссальный.

На этом наша беседа была закончена, а на следующий день состоялось бюро ЦК, и я был утвержден в новом должностном качестве. В тот же день познакомился с работниками сектора, в котором мне предстояло трудиться, и вечером улетел в Новосибирск — сдавать дела, собирать вещи и успокаивать жену с сыном, потому что квартиру обещали дать месяцев через восемь. Тепло простился с сотрудниками аппарата обкома комсомола, друзьями. Упаковал вещи в чемодан и улетел, ведомый судьбой...

Там, в здании на Маросейке, прошли памятные годы. Огромный аппарат ЦК жил по своим правилам и законам. Сфера моей ответственности — две области, и я должен был владеть полной информацией о том, что происходит в них. Спасением от рутинной работы были поездки в свои регионы. Еще со времен Евгения Михайловича Тяжельникова была установлена норма — количество дней, проведенных в командировках, должно быть не менее двух недель в месяц. Меньше нельзя, а больше — пожалуйста. Освоив свой регион, можешь в составе бригады посетить другой. Конечно, такие поездки многое давали для понимания уровня работы комсомольских организаций области, отношений с партийными органами и хозяйственными руководителями.

Как-то звонит мне первый секретарь Московского обкома Дмитрий Остроушко и говорит:

— Меня несколько дней в Москве не будет, я вместе с Василием Ивановичем Конотопом буду ездить по области.

— Замечательно, — отвечаю, — согласуй с ним и мое участие, это уникальная возможность познакомиться с областью и ее руководителями.

Три дня мы колесили по разным районам, и я, наблюдая за методами работы первого секретаря обкома партии, все впитывал как губка. Он посадил нас с Остроушко в свою машину, а его помощники ехали на своей. Во время совещаний и встреч велел нам быть рядом с ним, демонстрируя уважение и внимание к комсомолу, представлял всем и назидательно напоминал, что внимание к проблемам молодежи должно быть постоянным. Нам это нравилось, местные вожди почтительно с нами раскланивались, а Дмитрий с восторгом говорил, что теперь, когда он будет звонить или приезжать в города области, отношение к нему, пока еще молодому вожаку комсомольской организации, будет совершенно иным. Я его прекрасно понимал и сожалел, что этого не было в практике работы обкома партии в моей родной области. В один из ве-

Сектор Центрального и Волго-Вятского региона ЦК ВЛКСМ на Красной площади. 1980 г.

черов, несмотря на напряженный день, насыщенный встречами, он пригласил нас в свой номер, и мы неформально пообщались втроем. У него было хорошее настроение, и Василий Иванович рассказал о своей жизни, детстве, трудной работе в годы войны, говорил откровенно о проблемах, что его тревожат, причем не только в своем регионе.

Я для него был человек новый, незнакомый, он поинтересовался, откуда я родом. Узнав, что из Сибири, из Новосибирска, оживился, вспомнил, что в начале войны участвовал в строительстве танкового завода в Омске и хорошо помнит то время, когда был так молод, затем, хитровато улыбнувшись, спросил:

— Скажи честно, не хотел в Москву переезжать?

— Не хотел, — прямо ответил я. — Но меня никто не спросил о моем желании, напомнили о партийной дисциплине, и на этом вопрос был закрыт.

Он в ответ только весело рассмеялся, и мы разошлись по своим номерам. А на следующее утро вернулись в Москву. Эта встреча с, несомненно, выдающимся партийным руководителем запомнилась мне надолго...

Через два месяца первый заместитель заведующего орготделом Лариса Федоровна Колычева заглянула ко мне и, загадочно улыбаясь, сказала:

— Пойдем, нужно поговорить.

Мы зашли в ее кабинет, она удобно устроилась в своем кресле и сообщила, что мой добрый приятель Михаил Рева становится замзаворготделом, а мне предлагается возглавить вместо него сектор комсомольских организаций республик Белоруссии и Прибалтики.

Новость была приятная, работа с названными республиками была интересной и очень непростой, и эта должность котировалась в «табели о рангах» в ЦК.

В.Д. Попов

С Ларисой меня связывали хорошие отношения с первого дня моего прихода в отдел. До этого она работала первым секретарем Восточно-Казахстанского обкома ЛКСМ Казахстана и окончила ВПШ при ЦК КПСС. Умная, красивая, жизнерадостная, трезво мыслящая, готовая всегда прийти на помощь в трудную минуту, Лариса была общей любимицей. Почему была? Она такой осталась и сейчас, являясь связующим звеном разных поколений сотрудников ЦК и бессменным секретарем штаба по подготовке различных мероприятий, посвященных датам рождения священного для многих из нас Ленинского комсомола. У нее хватает сил поддерживать связи с сотнями бывших комсомольских работников всего бывшего Советского Союза.

В тот же день состоялась встреча с Пастуховым. Он, как всегда энергично, вышел из-за стола и, с улыбкой приветствуя меня, спросил:

— Владимир Данилович, надеюсь, не будешь отказываться от нового назначения?

Память у первого секретаря была великолепная, он помнил, что я не хотел переходить на работу в аппарат ЦК.

— Отказываться не буду, тем более кабинеты на одном этаже, да и республики эти вызывают у меня интерес, особенно Прибалтика.

— Именно об этом я и хотел тебя попросить, больше внимания уделить Латвии, Литве и Эстонии. Там не все так благополучно, как нас хотят убедить.

Спустя неделю отправился в Прибалтику, где состоялось первое знакомство с сотрудниками аппаратов ЦК и первыми секретарями райкомов и горкомов комсомола, представился первым и вторым секретарям ЦК партии. Разговоры были обстоятельные, не накоротке, многое узнал такого, о чем раньше понятия не имел. Информации к размышлению получил достаточно и лишний раз убедился, что здесь иная культура и дело не только в менталитете.

В следующие свои командировки я объездил республики вдоль и поперек, побывал на многих предприятиях, в совхозах и колхозах, старался поговорить с людьми разного возраста, составить для себя коллективный портрет латыша, литовца и эстонца. Они, конечно, во многом отличались друг от друга, национальные черты спутать невозможно. Но общим было одно — сдержанное, холодноватое отношение к русским при встречах, в разговорах и со мной, в частности. И чем дальше мы уезжали от столиц, тем холоднее становились глаза собеседников, молодежь плохо знала русский язык и учить его не хотела, многие оканчивали школы на национальном языке, а русский язык вынуж-

денно учили лишь те, кто планировал получить высшее образование. И даже в этом случае большинство предпочитали учиться в республике, но не в РСФСР.

После подобных командировок и встреч душевной отрадой были поездки в Белоруссию. Я испытываю с тех пор особое чувство к этой ныне независимой республике и ее необычайно скромному и трудолюбивому народу, который отстроил города и села, восстановил разрушенные фашистами предприятия и построил сотни новых, на широких проспектах и площадях — чистота и порядок. Везде и во всем ощущалось хозяйское отношение к общему достоянию и уважение к людям. Руководители партийных организаций, независимо от занимаемой должности, образованны, рассудительны, и никакого барства. Те же простые товарищеские отношения среди комсомольских лидеров. Общаться с ними было одно удовольствие. На мой вопрос, как же им удалось сохранить в отношениях дух товарищества, ныне покойный Владимир Шаплыко, первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии, откровенно сказал:

— Это во многом наследие Петра Мироновича Машерова (первого секретаря ЦК КП республики, а в послевоенные годы ее комсомольского вожака. — *В. П.*) и его соратников-партизан.

Я с благодарностью вспоминаю время работы в ЦК и понимаю, что мне повезло, напрасно я не хотел переезжать в Москву. За эти четыре года многое понял в политике партии и правительства, осмыслил ее сильные и слабые стороны, стал яснее понимать опасность тенденций, вызревающих в обществе, на которые закрывало глаза высшее руководство КПСС, в силу преклонного возраста не понимавшее стремительно меняющейся жизни. И еще что пригодилось в дальнейшей профессиональной работе — понял принципы работы большого аппарата, законы выживания в нем, научился работать с документами и писать грамотные аналитические справки и, пожалуй, самое главное — стал государственно мыслить, чего крестьянскому сыну из таежной деревни явно не хватало...

Время шло. Потом была работа в МИДе СССР и Госкомиссии при Совмине СССР по экономической реформе, а после развала Союза — руководящие должности в Государственной налоговой службе, банках и одной из крупнейших в России нефтегазовой компании, где приходилось отвечать за финансы и экономику. Но это уже другая история...

Сейчас я с особой теплотой и даже, можно сказать, с некоторой ностальгией вспоминаю те прошедшие годы, своих бывших соратников и друзей, с многими из которых до сих пор поддерживаю связь, и эти воспоминания хочется передать своим детям и внукам, чтобы они знали, в какое непростое, но все же счастливое время жили их отцы и деды и как много сделал для своей страны комсомол, которым можно и нужно по праву гордиться!

Владимир Семенович Посохин

Второй секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии

Чрезвычайный и Полномочный Посланник в отставке

Неожиданное и закономерное

Сентябрь 1968 года. Я, 23-летний молодой специалист, по распределению после института попал на одно из крупнейших предприятий Кунцевского района города Москвы. Мне повезло. Сразу включился в работу над важнейшим государственным заказом. Уже через несколько месяцев начал выезжать в командировки на испытания соответствующего изделия. Все вроде у меня складывалось неплохо. Уже старший инженер. Материально, с учетом «полевых», как мы называли командировочные, получалось совсем неплохо. В одну из поездок заболел мой старший товарищ, и я остался наедине с прибором во время заводских испытаний. Неожиданно меня пригласил генеральный конструктор, он же и руководитель предприятия. По его словам, в работе над изделием накопилось много тормозящих моментов. Он предложил мне возглавить и организовать движение своеобразного «Комсомольского прожектора», который помог бы открыть зеленую улицу для прохождения заказа в лабораториях и цехах предприятия. Несколько десятков молодых людей откликнулись на этот призыв, и дело закипело. Что-то пошло быстрее, организованнее, качественнее, но упущений было все еще много. Мы собрали конференцию молодых специалистов, на которой я со всей откровенностью поведал о том негативе и недостатках, которые мешали выдерживать плановые сроки и грозили срывом своевременной сдачи изделия. Генеральный согласился со многими нашими предложениями и поблагодарил за грамотную и ответственную работу.

Оказалось, что на конференции также присутствовала секретарь райкома партии Лидия Павловна Савицкая (супруга легендарного маршала авиации, мать нашего прославленного космонавта Светланы Савицкой). Позднее я узнал, что именно Лидия Павловна предложила пригласить меня в райком партии на предмет избрания секретарем райкома комсомола. Для меня это стало полной неожиданностью. Я не был комсомольским активистом ни в школе, ни в институте, только возглавил «Комсомольский прожектор» на предприятии. Но это была самая настоящая профессиональная работа. И вдруг: простой инженер — и секретарь райкома! Мне казалось, что до таких высот я не дорос. Да и моя производственная карьера складывалась весьма удачно: на горизонте маячила защита кандидатской, была хорошая зарплата (кстати, выше, чем у секретаря райкома). В общем, было о чем задуматься. В итоге я отказался. Но не успел вернуться на предприятие, как меня пригласил к себе генеральный конструктор. Он был к тому же и членом бюро райкома партии. Не было громких слов о доверии и высокой ответственности, о чести и тому подобном. Просто он сказал, чтобы я запомнил на всю жизнь: если партия говорит «надо», то ответ может быть только один — «есть». Так и началась моя комсомольская биография, которая продлилась без малого почти 15 лет.

Работа секретарем, а затем — первым секретарем Кунцевского РК ВЛКСМ стала важнейшим этапом всей моей жизни. Тут я познал азы, казалось бы, такой простой, но на самом деле очень тонкой и неизмеримо глубокой работы

Празднование 50-летия образования комсомола Молдавии. В президиуме торжественного заседания (слева направо): Губарев Алексей Александрович, лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза; Пастухов Борис Николаевич, секретарь ЦК ВЛКСМ; Бодюл Иван Иванович, первый секретарь ЦК Компартии Молдавии; Гуцу Иван Тимофеевич, первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии; Посохин Владимир Семенович, второй секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии; Ильяшенко Кирилл Федорович, председатель Президиума Верховного совета Молдавской ССР. Кишинев, 1975 г.

с людьми. Именно в райкоме пришло понимание того, что такое индивидуальный подход к людям. Меня окружали десятки, сотни юношей и девушек со своими характерами и взглядами на жизнь. Представители разных категорий, выходцы из разных слоев общества. С каждым надо было найти общий язык и взаимопонимание. Это трудно. Даже очень трудно. Были проблемы, промахи и ошибки. Ни одна школа, ни один институт этой науке не научат. Только сама жизнь. Зато сколько было ярких и незабываемых встреч с молодыми людьми и ветеранами. Сколько раз приходили в райком простые ребята, чтобы рассказать о своих проблемах и невзгодах, найти выход из затруднительных положений. Засиживались за разговорами до поздней ночи. Далеко не всегда удавалось найти нужные и правильные решения. Но это тоже был опыт, была школа. Школа жизни. А без ошибок не обойтись. Так и набирался и профессионального опыта, и житейской мудрости.

Неожиданно пригласили в ЦК ВЛКСМ и после собеседований в разных отделах ЦК предложили должность ответственного организатора в отделе комсомольских органов (ОКО). Тогда в аппарате ЦК шутили: «Если ты пришел по делу, обращайся к орготделу, если так, травить баланду — направляйся в пропаганду». Конечно, я был горд, что оказался в центральном штабе, в ОКО, в секторе Средней Азии. Моей «подопечной» территорией стала Туркмения. Прекрасная республика, замечательные люди. В то время в ЦК существовало

негласное правило: 10 дней в месяц ответорг должен находиться на «своей» территории, непосредственно в комсомольских организациях. Был такой лозунг — «Дойти до каждого!» — и он практически претворился в жизнь.

Будучи куратором комсомольских организаций Туркмении, я побывал во всех областях и очень многих районах республики. (Как пели тогда в одной из песен: «Природы чудные дары — Ташауз, Кушка и Мары...») Припоминаю и те места, в которых ранее «не ступала нога комсомольского работника». Например, самая крайняя точка на границе с Ираном на Каспийском море — Гасан-Кули. Пришлось проехать почти 600 километров, очень часто — по бездорожью, чтобы встретиться с ребятами-пограничниками. Незабываемые впечатления, когда ночью под ясным звездным небом, сидя у костра, мы вели беседы. Я рассказывал о только что прошедшем очередном съезде ВЛКСМ, а ребята припоминали байки о своей нелегкой службе вдалеке от дома.

В ноябре 1974 года (точнее, 16 ноября) меня опять неожиданно вызвали к первому секретарю ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельникову. Он готовился к поездке в Ашхабад, и, естественно, я предположил, что он хочет расспросить меня о некоторых деталях предстоящего визита в республику. Однако Евгений Михайлович почему-то начал рассказывать мне про Молдавию, которую он посетил накануне, участвуя во всесоюзном слете. По его словам, это грандиозное мероприятие и республика в целом произвели на него прекрасное, неизгладимое впечатление. Я не мог понять, почему первый секретарь ЦК столь подробно поведал мне о Молдавии, ее людях и особенностях. Развязка также оказалась неожиданной. «Мы рекомендуем тебя на должность второго секретаря ЦК комсомола Молдавии», — сказал Евгений Михайлович. Время подумать — два часа. Вылет — завтра утром. Стало ясно: вопрос решен. Вспомнил слова своего генерального конструктора: если сказали «надо», отвечай — «есть». Поэтому два часа не понадобились.

19 ноября 1974 года пленум ЦК ЛКСМ Молдавии избрал меня вторым секретарем республиканской комсомольской организации. Открылась новая страница в моей комсомольской биографии. Этот этап жизни был очень нелегким, но оказался, наверное, самым ярким и незабываемым. В это время на экраны вышел фильм «Свой среди чужих — чужой среди своих». Очень не хотелось соответствовать этой формуле. Надо было просто стать своим в среде республиканской молодежи, но, как говорится, не поступиться принципами и твердо проводить в жизнь то, что определялось решениями съездов ВЛКСМ. При всем понимании комсомола как единого и цельного организма необходимо было видеть и специфические черты, присущие именно Молдавии, ее укладу и менталитету, свойственному местному населению. (Думаю, что именно недооценка во многом этих факторов стала одной из причин трагических событий в регионе в начале 1990-х, породила так называемый приднестровский конфликт. Кстати, вопросами его урегулирования мне пришлось в дальнейшем заниматься, будучи уже начальником отдела одного из подразделений МИД России.)

Однако вернемся в 1970-е годы. Добиться признания в республике можно было только трудом, пониманием людей, истинной любовью к тем местам, в которых ты теперь живешь и работаешь. Молдавия, по сути, стала моим вторым домом, второй, если можно так сказать, родиной. Я действительно всей душой полюбил этот край. Каждый день был насыщен до предела. Если пере-

Выступление руководителя делегации советской молодежи В.С. Посохина на митинге в честь Первого съезда комсомола Греции. Афины, 1976 г.

числять все яркие события того времени, то надо писать отдельную книгу. Съезды комсомола Молдавии, празднование памятных дат в республиканском молодежном движении, различные — большие и малые, местные и все-союзные — мероприятия. К примеру, Первый фестиваль советско-кубинской дружбы, проведенный в республике, когда буквально все поколения людей принимали в нем участие. Целую неделю юноши и девушки двух стран пели и танцевали в Кишиневе, других городах и поселках, смеялись и плакали от радости. Незабываемый праздник, который остался навсегда в сердце каждого участника этого, без преувеличения, грандиозного события.

Но были и трудовые будни. Вспоминаются драматические дни страшного землетрясения в марте 1977 года. Тогда в соседней Румынии погибли несколько десятков тысяч человек. Огромные разрушения были и в Молдавии. Надо было многое восстановить, отремонтировать, привести в порядок. И тут, как обычно, где наиболее трудно, за дело брались молодые люди, обыкновенные юноши и девушки республики.

Этот период я начал заниматься и международной молодежной деятельностью. В качестве руководителя делегаций выезжал в разные страны. Но особенно мне запомнилась моя первая поездка в Грецию, на съезд комсомола Эллады. Мне доверили возглавить делегацию ВЛКСМ на этом форуме молодых греческих коммунистов. Он собрался в феврале 1976 года, сразу же после свержения режима «черных полковников» в стране. Трудно передать словами ту обстановку высокого подъема, воодушевления, которые царили на съезде. В зале заседания сидели наши сверстники, парни и девушки моего возраста, но уже прошедшие суровые испытания подпольем, тюрьмами и пытками. Не раз они смотрели в лицо смерти, пережили гибель своих товарищей. Это были настоящие революционеры, патриоты своей страны, просто замечательные ре-

бьята. Поэтому на всю жизнь сохранились в памяти дружеские встречи с ними, с руководителями Коммунистической молодежи Греции. Невозможно было не восхищаться их мужеством, стойкостью и непреклонной волей. Работа форума завершилась массовым митингом. Более 50 тысяч юношей и девушек собрались на афинском стадионе. Никогда не сотрется в памяти выступление на этом митинге. Трибуны скандировали овации и лозунги: «Да здравствует ленинский комсомол!», «Да здравствует советская молодежь!». Все это отдается в сердце, как будто было вчера.

В ноябре 1978 года меня перевели на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом комсомольских органов. Доверили курировать комсомольские организации крупнейших регионов нашей необъятной страны: Закавказья, Западной и Восточной Сибири. Это было совсем иное качество в работе. Однако прежним оставалось главное — быть в гуще людей, знать их помыслы и чаяния, помогать молодым людям найти себя в этой жизни. Отсюда регулярные поездки в Азербайджан, Армению, Грузию, Иркутскую, Читинскую, Тюменскую и другие области. Сколько встреч, сколько удивительных судеб и сколько друзей на всю жизнь! Бывший первый секретарь комсомола Молдавии, а впоследствии президент этой республики П.К.Лучинский как-то сказал: «Комсомол — это моя большая семья, мои родные люди. Теперь, когда мне приходится ездить по пространству Содружества независимых государств, я редко пользуюсь служебным протоколом, я просто звоню своим друзьям». К этим словам, наверное, могут присоединиться многие из тех, кто прошел школу комсомола и остался верным ему на всю жизнь.

Завершая свою комсомольскую биографию, я еще несколько лет оставался в комсомольско-молодежной среде, но уже на международном поприще. Первые годы дипломатической работы в Болгарии были тесно связаны с деятельностью Дмитровского коммунистического союза молодежи. Большинство выходцев из этого Союза были и остаются надежными друзьями нашей страны, нашей России.

На этом заканчиваю краткий очерк о своей комсомольской молодости. Что в ней было неожиданно, а что закономерно — судить тем, кто удосужится прочитать это небольшое повествование. А впереди меня ждала большая и ответственная дипломатическая работа, которой было отдано почти 30 лет. Но это уже совсем другая история...

Р. С. Коротко о себе. Родился 1 марта 1945 года в Москве. Окончил столичную математическую школу № 2, Московский институт нефтехимической и газовой промышленности, а затем — Академию общественных наук при ЦК КПСС, Дипломатическую академию МИД СССР. Дипломатическая служба была связана в основном с Балканами. Работал в посольстве и генеральным консулом в Болгарии, был в Сербии, в том числе и в Косове. Пришлось заниматься практически всеми конфликтами на территории бывшего Советского Союза. Завершил свою дипломатическую карьеру в должности советника-посланника в Посольстве Российской Федерации в Киргизии. Сейчас — Чрезвычайный и Полномочный Посланник в отставке.

Говорят, что Гёте принадлежат такие слова: «Каждый чувствует, что за его историей скрывается нечто. Только никто не знает что...» Есть о чем подумать.

Станислав Семенович Пылев

Секретарь Рязанского ОК ВЛКСМ

Профессор Московского университета МВД России

им. В.Я. Кикотя

Почетный сотрудник МВД, заслуженный работник МВД

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Мы плечом к плечу шли вперед...

Оказалось совсем не простым делом — взять в руку авторучку и написать несколько страниц самых ярких воспоминаний о комсомоле.

Вспоминая нашу теперь уже далекую, полную ярких свершений и событий комсомольскую юность, понимаешь, как нам повезло, что мы были причастны к таким великим событиям в жизни нашей страны. Вспоминаются первый спутник, первый в мире полет человека в космос, освоение целинных земель, строительство Братской ГЭС, Белоярской атомной станции, Байкало-Амурской магистрали имени Ленинского комсомола, нефтепровода «Дружба» и многое другое. И везде комсомол был в первых рядах, на передовых позициях.

Трудно выделить что-то, отдать предпочтение какому-либо событию.

Что произвело на меня самое большое впечатление?

Это прежде всего сообщение ТАСС: «12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик, летчик, старший лейтенант Гагарин Юрий Алексеевич».

Сегодня мне представляется, что этот праздник можно сравнить с весной 1945 года, когда победа в Великой Отечественной войне всколыхнула гордость сердца людей всего мира. А 15 апреля 1961 года мне в составе группы комсомольцев — это были рабочие, колхозники, инженеры, студенты Рязанского государственного педагогического института, в котором я учился на историко-филологическом факультете, — посчастливилось на Красной площади в Москве увидеть и принять участие в манифестации тысяч людей, встречавших в столице Союза ССР Юрия Гагарина.

Первые встречи... Чем ближе мы узнавали этого человека, тем дороже он становился. Матери называли своих сыновей именем Юрий. И все мы были единодушны: выбор русского человека для первой космической миссии был безукоризненным, ведь его жизнь проста, как тысячи других жизней: школьник, ремесленник, выпускник техникума, летчик... Он был частицей нашей общей судьбы. Подтвердилось гениальное предвидение Константина Эдуардовича Циолковского: «Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели... Человечество не останется вечно на Земле...» (Циолковский К.Э. Реактивные летательные аппараты. М., 1964. С. 3, 140).

Воспитанник комсомола, Гагарин до последнего дня жизни сердцем и делами был с комсомолом. Знаменосец на съезде, участник встречи молодых писателей с Михаилом Шолоховым, волнующие дискуссии с молодыми строите-

лями комсомольского города на Амуре — мне посчастливилось видеть, встречаться, слушать выступления Юрия Гагарина.

Любой дом на земле был открыт для Гагарина. Вглядываясь в его лицо, мир лучше разглядел нас, советских людей.

И вспомнилось мне, сколько добрых, незабываемых минут с Юрием Гагариным подарила мне судьба, а точнее — заложенная им и продолженная всеми космонавтами комсомольская традиция — встречи с молодежью.

В нашем здании ЦК ВЛКСМ он не был просто частым и желанным гостем, он был другом, советчиком, помощником, членом ЦК комсомола... Сейчас трудно точно сказать, на скольких комсомольских съездах, конференциях, слетах, диспутах, вечерах вопросов и ответах он был. Надо поднимать протоколы, считать...

А надо ли? Разве забудут его парни и девчата Москвы, Ленинграда, Ташкента, Минска, Киева, Комсомольска-на-Амуре?

Он не был свадебным генералом на этих собраниях, почетным дарителем автографов. Он был учителем, товарищем. Ему верили. Понимали, когда он говорил о работе — это серьезно, он всю жизнь в труде. Когда говорил о смелости — он имел на это право, ибо первым взглянул в глаза бездне. Если говорил об учебе — значит, это нужно, он даже во всем ореоле своей вселенской славы корпел над учебниками, волновался перед экзаменами и после экзаменов, когда протягивал зачетку своим профессорам...

В марте 1965 года проходил в гостинице «Юность» пленум ЦК комсомола, посвященный участию молодежи в весенних полевых работах. В зале собрались молодые ученые, механизаторы, агрономы, председатели колхозов и директора совхозов, журналисты. После своего выступления Юрий Алексеевич обратился к собравшимся: «Неужели у вас, молодежи села, нет баяна?»

Из зала послышался голос: «Есть, и не один!»

«Так давайте же, чтобы весенние полевые работы прошли с комсомольским настроением, огоньком, споем и спляшем...»

Все высыпали в фойе и под звуки двух баянов, механизатора из Рязанской области и полевода из Ставропольского края, собравшиеся на пленум пели молодежные песни, а танцам не было конца... Присутствовавшая на пленуме композитор Александра Николаевна Пахмутова села за фортепьяно, и мы спели ее замечательные песни, всеми нами любимые. Дирижировал Юрий Гагарин...

Живут у меня в памяти — да я убежден, что и у каждого из тех, кто был на пленуме, — голос, улыбка, слово, красота образа Юрия Алексеевича Гагарина...

Во многих наших космонавтах комсомол воспитывал умение работать с людьми, находить с ними общий язык, а когда требуется — спросить, убедить. Герман Титов, Владимир Шаталов, Павел Попович, Борис Волынов были комсоргами во время учебы в школе и в летних училищах.

Деятельной комсомольской работой пронизана юность Алексея Леонова и Алексея Елисеева. Комсомол научил их активному отношению к жизни, воспитал потребность быть на ее передовых рубежах, помог стать по-настоящему современными людьми, тонко чувствующими новое и сознательно к нему стремящимися. Комсомол помог им приобрести качества, без которых они не могли бы стать космонавтами. Впоследствии он не раз ока-

зывал высокое доверие своим воспитанникам — многие из них избирались членами ЦК ВЛКСМ.

Выступая на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, в работе которого мне пришлось участвовать (октябрь 1968 г.), В.В. Николаева-Терешкова говорила: «Мы, летчики-космонавты, просим считать нас всегда комсомольцами, потому что комсомол — наша стартовая площадка в жизни, комсомол — наш первый космодром...»

Полезный опыт добрых начинаний в работе с молодежью, накопившийся во взаимодействии с космонавтами, мы активно использовали и в процессе военно-патриотического воспитания юношей и девушек, привлекая в этих целях героев Великой Отечественной войны.

До сегодняшнего дня не выветрилась из памяти встреча с единственным в мире летчиком, совершившим четыре воздушных тарана, Борисом Ивановичем Ковзаном. Являясь секретарем Рязанского обкома ВЛКСМ, я пригласил его на чашечку чая. Встреча закончилась предложением Бориса Ивановича возглавить сбор трудных подростков на аэродроме ДОСААФ, которым он руководил в то время.

С энтузиазмом, с отцовской обеспокоенностью, ответственностью и желанием помочь ребятам, которые стали отбиваться от рук, взялся прославленный летчик за исполнение комсомольского поручения. Четыреста мальчишек и девчонок в палатках, питание в солдатской кухне, военная форма, строгий распорядок дня... Разместились на кромке аэродрома. Изучение материальной части самолетов, первые полеты на По-2, прыжки на парашютах, песни у ночного костра и рассказы Бориса Ивановича о героях, солдатах, тружениках войны, эпизодах его боевой фронтовой биографии сделали свое дело — ребята менялись на глазах...

А еще — письмо от космонавта Германа Степановича Титова, с положительной оценкой нашего начинания в военно-патриотическом воспитании молодежи и пожеланием учиться в военных учебных заведениях. Текст письма ребята знали наизусть, насколько оно было пронизано душевной заботой и верой в них. Впоследствии большинство из них окончили военные учебные заведения и, думаю, с благодарностью вспоминают период своей юности и напутствия, полученные от Героев Советского Союза Г.С. Титова и Б.И. Ковзана.

Позже, работая в ЦК ВЛКСМ заведующим сектором культуры, я не порывал связей с летчиками-космонавтами и Звездным городком, где приходилось часто бывать.

Почему, собственно, я рассказываю читателю нашей книги об этих документальных фактах? Прежде всего, потому, что в последнее время на нашу молодежную организацию вылило невероятное количество грязи, ложных наветов и откровенного вранья.

Во-вторых, потому, что мое поколение прошло школу комсомола, и я без кокетства, с гордостью заявляю, что принадлежу к плеяде профессиональных комсомольских работников...

Это мы, юноши и девушки Рязанщины, построили нефтеперерабатывающий завод, драматический театр, Дворец пионеров, детские сады и ясли во всех районах области, вернули миру имя великого русского поэта Сергея Есенина и т.д. и т.п. ...

*Слет участников похода по местам боевой славы Рязанской области.
Июнь 1962 г.*

Но главное — такие нравственно-этические понятия, как любовь к Родине, патриотизм, мужество, добро, справедливость, великодушие, не употреблялись мимоходом, формально, для красного словца.

Комсомол, как сказала В.В. Николаева-Терешкова, действительно был стартовой площадкой в жизни. Он дал путевку в жизнь многим. Из его рядов ушли по комсомольской путевке мои товарищи трудиться в самые различные сферы и отрасли народного хозяйства. Но комсомольская дружба осталась с нами навеки...

Преданность, верность нашей комсомольской дружбе мы пронесли сквозь годы. И, вспоминая сейчас нашу комсомольскую юность, я с гордостью говорю о своих товарищах, боевых друзьях: С.А. Купреев, В.К. Скорупа, О.И. Морозов, Н.Н. Трошкин, И.В. Минаев, В.С. Десятов, Ю.М. Чурбанов, В.П. Трушин, Г.Н. Фекличев, В.И. Голованов — не хватит и книги, чтобы перечислить всех, с кем вместе пришлось работать в комсомоле, делить поровну невзгоды и радости, трудности и достижения.

Почти все наши друзья были связаны с комсомолом. Жаль, что такой мощной организации больше нет. Нам комсомол дал очень многое: и работу по душе, и возможность получить образование и профессию, и романтику — в общем путевку в жизнь. И главное — надежных товарищей и верных друзей.

Мы гордимся, что были комсомольцами, и нам не стыдно смотреть людям в глаза, не стыдно за то, что сделали в жизни. Мы были очень богаты: у нас были молодость, дружба, цели и идеалы, в которые мы верили, безграничный энтузиазм и стремление созидать, строить, творить ради будущего, мы спорили, любили и, несомненно, оставили после себя тот фундамент, на котором держится и живет наше государство и сегодня.

Вот мое «Слово о комсомоле»:

*Сколько минуло весен?..
Сколько минуло лет?..
Только греет нам сердце
Комсомольский билет.
По житейским дорогам —
Как в солдатском строю.
Память душу тревожит —
Лица всех узнаю!
Целина и Магнитка,
Космос, БАМ, ЛЭП-500 —
Разве все перечислишь?
Столько взято высот...
И героев Великой
Мировой той войны
Люди — люди планеты —
Забывать не должны.
Много сплетен и баек
Сочинили про нас!
Но опознать то время —
Нет, не выйдет у вас.
Метростроевцы живы,
И Гагарин в пути —
Комсомольцы, как прежде,
С ярким сердцем в груди.
И афганские тропы,
И ущелья Чечни —
Все «горячие точки»
С нами дети прошли...
Дети тех, кто Отчизну
Спас геройски опять,
Землю нашу родную...
Никому не отнять
Знамя юности нашей!
Золотая струна,
Соловьинная песня:
Мать Россия — одна!*

Галина Константиновна Ратникова

Заместитель заведующего Отделом культуры

ЦК ВЛКСМ

Министр культуры Московской области

Советник главы городского округа Подольска

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Был у каждого свой Холод

Думаю, что накануне 100-летия Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи каждый, у кого судьба была связана с этой организацией, задается вопросом: а что же для меня значит комсомол? И мне кажется, что чем старше мы становимся, тем ярче и выпуклее кажутся все события комсомольских лет. И не только потому, что мы были молоды. Нет, мы были честнее, мы верили, мы служили общему делу, мы вместе проводили время, вместе отдыхали.

Я до сих пор храню отчет о своей первой, по линии ЦК ВЛКСМ, командировке в Челябинскую область. Его, сброшюрованный, в корочках, с моими фотографиями из челябинской газеты, подарили мне на день рождения ребята из сектора Урала. Еще сохранились некоторые сценарии приветствий, концертов, творческих поздравлений, которые мы готовили вместе с Валерием Васильевичем Сухорадо — первым и, конечно же, самым ярким заведующим отделом культуры ЦК ВЛКСМ.

Фамилию Сухорадо я впервые услышала в 1975 году, когда мне сказали, что он, будучи первым секретарем Московского обкома комсомола, возражает против моей кандидатуры на пост секретаря Загорского горкома комсомола по идеологии, аргументируя свою позицию тем, что в Загорске (центре православной культуры) никогда не было секретаря ГК ВЛКСМ по идеологии — женщины. И только позже, об этом мне рассказал сам Валерий Васильевич, я узнала, что мое назначение состоялось благодаря Ивану Ивановичу Холоду, первому секретарю Загорского городского комитета партии, бывшему первому секретарю обкома комсомола, который приехал к Валерию Васильевичу и напомнил ему, что в свое время он точно так же отстаивал кандидатуру самого Сухорадо при его назначении на должность секретаря Московского областного комитета комсомола, хотя тоже были возражения «старших товарищей».

Все последующие годы у нас с Валерием Васильевичем был свой личный тост: «За Ивана Ивановича Холода». И мы всегда говорили, что, наверное, у каждого человека, особенно в комсомоле, есть (и плохо, если его не было) свой Холод, который сумел рассмотреть в тебе то, что затем и определило твою судьбу.

Конечно, комсомол стал судьбой для многих, ведь это 10, 15, а то и 20 лет работы в райкомах, горкомах, обкомах и ЦК комсомола.

Для меня самыми яркими годами стали те 10 лет, которые я проработала в Отделе культуры ЦК ВЛКСМ. Какая замечательная была жизнь! Какие феерические двухсторонние фестивали мы проводили! А Всемирный фестиваль на Кубе и особенно — Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве

в 1985 году? Какая гордость овладевала нами на гала-концертах советской делегации. И думаю, что наши концерты здорово помогли Международному отделу ЦК ВЛКСМ и Комитету молодежных организаций в решении политических вопросов.

Для всех артистов было честью выступить на таких концертах.

Полномочия Отдела культуры ЦК ВЛКСМ давали широкие возможности для того, чтобы оказывать помощь творческой молодежи. Многие артисты, писатели, художники, композиторы «заявились» и начали свой путь на масштабных семинарах творческой молодежи и всесоюзных выставках, которые комсомол щедро финансировал и создавал все условия для их проведения в разных регионах Советского Союза. Фестиваль «Красная гвоздика», ставший прототипом многих «славянских базаров» и «новых волн», дал путевку в жизнь не только советским, но и зарубежным исполнителям. А звание лауреата премии Ленинского комсомола для артиста было официальным признанием его таланта и многим открывало широкую творческую дорогу.

К сожалению, далеко не все популярные деятели культуры и искусства, активно боровшиеся в свое время за почетное звание лауреата премии Ленинского комсомола, упоминают его в своих автобиографиях и афишах.

Я думаю, что многие помнят концерты, которые устраивал отдел культуры. А концерты, которые мы готовили к съездам комсомола?

Один пример, характеризующий наше отношение к таким мероприятиям. Ровно год до XIX съезда комсомола. Пятница. Вечер. В отделе уже почти никого нет. Мимо нашего с Юрием Боканем (это мой коллега, в то время он был завсектором отдела культуры) кабинета идет — нет, не идет — летит Сухорадо. И на ходу говорит: «Я от Пастухова. Все расскажу завтра. Собирай режиссерско-постановочную группу, встречаемся у меня дома».

И вот в субботу мы собрались, и Валерий Васильевич читал нам стенограмму встречи Бориса Николаевича Пастухова и писателя Леонида Максимовича Леонова, на которой они обсуждали очень острые вопросы жизни нашей страны и проблемы воспитания молодежи. Сухорадо ставил задачу, чтобы эти темы были отражены в концертной программе.

Практически весь год шла разработка сценария, отработывался каждый блок, шла постоянная работа с авторами, создавались специальные оригинальные номера, шились по авторским эскизам костюмы.

И ведь все получилось. Причем получилось так убедительно, что при приеме этого концерта комиссией нам настойчиво посоветовали уменьшить драматизм блока «Опять в растревоженном мире...». По сюжету на песню композитора Роберта Амирханяна (которого, кстати, открыли на совещании молодых поэтов и композиторов в городе Дилижане Армянской ССР) «сценический задник», расписанный студентами народного художника СССР Ильи Глазунова, должен был разрушаться. Это сейчас компьютерная графика и все просто, а тогда Р.Л. Казачеком (впоследствии автором улетающего Мишки на Олимпиаде) было придумано простое, но хитроумное решение — из прошлого по всему полотну кармана выдергивалась веревка, и валил «дым», а из этого хаоса появлялись «техномонстры» коллектива пантомимы, которым руководил уникальный артист, лауреат премии Ленинского комсомола Саша Жеромский. Жутко, но так в точку. И этот эпизод заставили снять. После ге-

С прославленными полководцами В.И. Чуйковым, Д.Д. Лелюшенко и В.В. Сухорудо

нерального прогона сидим в тоске, подходит Сухорудо и говорит, что все гениально, потому что мы, пожертвовав этим блоком, сохранили главное. Он, оказывается, был готов к этому и предвидел данное решение комиссии. Для нас всех это было уроком на будущее — уметь отказываться от чего-то ради возможности высказаться и решить главное (кстати, в будущем мне эта наука здорово пригодилась).

Я снова вспомнила о Валерии Васильевиче Сухорудо. И многих хочется вспомнить, кого уж нет с нами, но не буду. У каждого свои воспоминания.

Но хочу сказать, что именно в комсомоле я отчетливо поняла, что незаменимые люди есть! И среди них наши лидеры. Я не представляю себе комсомола без Евгения Михайловича Тяжельникова, без Бориса Николаевича Пастухова, без Виктора Максимовича Мишина. И даже спустя многие годы именно им во многом обязаны тем, что мы встречаемся, вспоминаем наши замечательные годы, отмечаем 100-летие комсомола, ценим наше прошлое и невзирая на годы, мечтаем о будущем.

Р. С. Хочу вспомнить один эпизод. В актовом зале ЦК ВЛКСМ проводится собрание родителей, чьи дети посещают садик на пятидневке в Вешняках. Собрание организационное, перед летом, все вопросы исчерпаны, и в конце Полина Степановна (заведующая детским садом) просит родителей обратить внимание на то, что и как говорится в присутствии детей, потому что они как губка впитывают все происходящее вокруг. На что один из родителей несколько возмущенно заметил, что мы все взрослые люди и все это прекрасно понимаем.

Ответ Полины Степановны: «Конечно, вы взрослые и вы все замечательные. Но только когда вашим детям приносят компот, они поднимают стаканы и говорят: «Ну, за комсомол!»

ЗА КОМСОМОЛ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!!!

Владимир Иович Розумей

Заместитель заведующего орготделом Красноярского крайкома ВЛКСМ

Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии общественных наук при ЦК КПСС

Кандидат экономических наук

«На белом свете парня лучше нет, чем комсомол 60-х лет»

Из песни слова не выкинешь, тем более если она принадлежит знаменитому поэту Михаилу Светлову. Автор «Гренады», наверное, имел на такой вывод веские основания. Мы же, комсомольцы шестидесятых, воспринимаем эти слова как абсолютную истину. И да простят нас за это комсомольцы других поколений.

Юность комсомольская моя началась в 1950-х годах. Одним из наиболее ярких эпизодов того периода было мое участие в уборке урожая на целинных землях. В июле 1958 года в составе сводного студенческого отряда вузов города Львова я по комсомольской путевке приехал на целину в Казахстан, в Павлодарскую область, в совхоз «Березовский».

Тогда впервые и пришлось познать смысл слов «битва за хлеб». Те, кто мало-мальски знал технику, пошли работать помощниками комбайнеров, другие — копнильщиками, грузчиками, рабочими токов и хлебоприемных пунктов. В середине сентября только развернулась по-настоящему уборка, а уже с 21 сентября пошел мокрый снег, затем ударил мороз. Фуфайки покрылись ледяным панцирем, но работа продолжалась, сначала по 10—12 часов, затем — по 16 и более часов, с небольшими перерывами. Диву даешься, откуда только силы брались. Жили мы в палатках, а когда стало очень холодно, переселились в бывшую старую овчарню. Вместо кроватей — толстый слой соломы, покрытой брезентом, матрацы и подушки тоже соломенные. Вода доставлялась бензовозами, поэтому чай всегда пахивал керосином. Огромный лозунг на стене овчарни «Не пицать!» оказался излишним. Ребята мужественно выдержали первый в жизни трудовой экзамен и в середине октября вернулись домой победителями.

Тревожная даль зовет многих в молодые годы. Второй раз она позвала меня в дорогу в начале 1963 года. Холодным февральским утром с легким чемоданом я сошел с поезда на станции Красноярск. За плечами у меня уже был опыт комсомольской работы в должности второго секретаря Рудковского райкома комсомола Львовской области. Близоруко щурясь и поправляя очки, второй секретарь Красноярского крайкома ВЛКСМ Жан Тощенко внимательно выслушал мой рассказ. Он хорошо разбирался в людях и как-то сразу определял, кто приехал в Сибирь за деньгами, а кто — «за туманом, за мечтой и за запахом тайги». Может быть, потому, что сам он, ленинский стипендиат МГУ, отказался заниматься наукой в Москве и уехал на комсомольскую работу

В.И. Розумей

в Сибирь. Впрочем, позже наукой Жан Терентьевич Тощенко все же занялся, и всерьез, стал известным в стране и за рубежом социологом, доктором философских наук, профессором, членом-корреспондентом РАН. А тогда он сразу же предложил мне работать в крайкоме комсомола. Так я оказался в комсомольском штабе Красноярского края.

Множество дел было у красноярской комсомолки. Вообще Красноярский край — край молодежный. Удельный вес молодых людей в структуре занятых в крае был значительно выше, чем в Европейской части страны. Соответственно, были выше роль и значение комсомола. В тот период в нашем крае было больше всего всесоюзных ударных комсомольскихстроек в Сибири. Это крупнейшая в то время в мире Краснояр-

ская ГЭС, Назаровская ГРЭС, Саяно-Шушенская ГЭС, Красноярский алюминиевый завод, Ачинский глиноземный комбинат, Маклаковский лесопромышленный комплекс, железная дорога Ачинск — Абалаково, Норильский горно-металлургический комбинат и, конечно же, самая известная ударная комсомольская стройка страны — железная дорога Абакан — Тайшет, которую не без основания называли трассой мужества. Не случайно именно в Красноярске в сентябре 1963 года проходил слет молодых строителей Сибири и Дальнего Востока. В работе слета принял участие и приветствовал молодых строителей первый космонавт планеты Герой Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин. Когда он вместе с первым секретарем ЦК ВЛКСМ С.П. Павловым появился в президиуме, зал взорвался от бурных аплодисментов. В те дни легендарный Гагарин побывал еще в городе строителей Красноярской ГЭС Дивногорске, встретился там с молодежью и лично уложил первый кубометр бетона в станционную часть ГЭС. Лопата, которой работал Ю.А. Гагарин, позже заняла почетное место в городском музее Дивногорска.

По поручению и при постоянной помощи Красноярского крайкома ВЛКСМ уже в первые годы строительства Красноярской ГЭС молодые литераторы начали собирать материалы и писать летопись дел строителей ГЭС и в итоге издали четыре книги с общим названием «Потомки Ермака».

Наряду с развитым промышленным производством Красноярский край являлся и крупнейшей житницей в Восточной Сибири. Более 1,5 млн тонн зерна колхозы и совхозы края ежегодно засыпали в закрома Родины. И везде в суровых сибирских условиях трудились юноши и девушки. Забота о них, их росте, становлении и утверждении в жизни всегда была в центре внимания красноярского комсомола, какими бы конкретными производственными, организационными, внутрисоюзными делами ни занимались комитеты комсомола. Приведу лишь отдельные эпизоды этой повседневной работы.

Горячую поддержку в сельских комсомольских организациях края нашла инициатива минусинских комсомольских работников. В страдную пору 1965 года, в традициях комсомола эпохи Гражданской войны, на дверях Минусинского райкома ВЛКСМ появилась надпись: «Райком закрыт, все на уборке урожая». Первый секретарь этого райкома Геннадий Неделин сел за штурвал комбайна и вышел победителем в соревновании молодых механизаторов района, нашлись дела на хлебном фронте и другим райкомовцам.

В.И. Розумей и О.М. Колесниченко

В середине 1960-х годов в Красноярске был создан молодежный театр им. Ленинского комсомола. Артистическую труппу сформировали из выпускников Ленинградского театрального института. Кроме энтузиазма, у молодых актеров ничего не было — ни места для проведения репетиций, ни жилья, а для спектаклей им выделялись лишь отдельные вечера в Доме культуры одного предприятия. Много же пришлось повоевать крайкомовцам, чтобы молодым артистам были созданы нормальные условия для жизни и творческой деятельности. Кто знает, стали бы столь известными потом в стране актеры Николай Олялин и Лариса Малеванная, начинавшие свой творческий путь в этом театре, если бы крайком комсомола не поддержал их первые шаги в искусстве.

И еще один случай. Однажды на аппаратном совещании в крайкоме комсомола кто-то рассказал, что в ресторане «Север» в оркестре играет и поет молодой парень, причем поет свои собственные песни. В один из вечеров Сашу Шемрякова (так звали парня) пригласили в крайком, послушали его песни и решили, что не место ему в ресторане. Добились выделения ему комнаты в общежитии, помогли устроиться на работу в театр, и парень преобразился. Вскоре молодой композитор сочинил несколько хороших песен о молодых строителях дороги Абакан — Тайшет, о комсомоле, о Красноярске. Позже А. Шемряков был удостоен премии Красноярского комсомола.

Вообще комсомольские организации очень многим помогли найти себя, свое место в жизни. Особое внимание уделяли поддержке и пропаганде всего нового, что рождалось в молодежных коллективах, воспитанию юношей и девушек на традициях комсомола, на трудовых подвигах молодежи.

По ходатайству комсомольских организаций трем станциям железной дороги Абакан — Тайшет были присвоены имена Александра Кошурникова, Константина Стофато и Алексея Журавлева, которые погибли на таежной реке Казыр в Саянах при изыскании дороги. В песне А. Шемрякова на слова журналистки газеты «Красноярский комсомолец» А. Федоровой был воспет

подвиг этих первопроходцев, а также современных покорителей Саян при строительстве трассы мужества и очень сложного Крольского тоннеля. Вот два куплета из этой песни:

*Шумите, Саяны, шумите
Вершинами сумрачных гор
И миру всему расскажите,
Как мы воевали за Крол.*

*Припев: Три имени, как будто три салюта,
Взметнулись у истока городов,
Три имени в пути совсем сольются —
Кошурников, Стофато, Журавлев.*

Позже мне стало известно, что в средней школе поселка (и станции) Кошурниково Курагинского района 1 сентября учебный год начинается с исполнения этой песни-баллады.

«Дойти до каждого!» — под таким девизом мы стремились работать с молодыми людьми, помогать каждому в сложной ситуации, не считаясь со временем и нередко преодолевая немалые трудности. Приведу один типичный эпизод нашей работы. В ЦК ВЛКСМ с просьбой о помощи обратился парень (инвалид) из одного отдаленного села того же Курагинского района. Письмо переслали в наш крайком комсомола для рассмотрения. Мне было поручено выехать на место. В поселке Курагино выяснилось, что регулярных автобусных рейсов туда нет, добраться можно только попутным транспортом или... пешком (более 30 километров). Принимаю решение идти пешком — в надежде, что по дороге кто-нибудь меня подберет. Но не повезло. Стало темнеть, а конца дороги не видно. Это как раз были те места, где прокладывали трассу Абакан — Тайшет, на юге Красноярского края. Сворачиваю с дороги в тайгу, из лапника делаю «постель» и укладываюсь на ночлег. На рассвете, поживаясь от утренней прохлады, в ускоренном темпе продолжаю путь. Вскоре показалось село. Там, в конторе колхоза, очень удивились, как это мне так рано удалось добраться, напоили горячим чаем, помогли найти нужных людей. Вместе с комсоргом, секретарем парткома и председателем колхоза сходили к автору письма, договорились об оказании ему материальной помощи и моральной поддержке. Парень остался доволен, я тоже. Обратное мне уже повезло с транспортом...

В условиях сурового сибирского климата такие качества, как внимательное отношение к нуждам молодых людей, способность помочь им в трудную минуту, подсказать в выборе пути особенно высоко ценились и были свойственны многим комсомольским работникам края. Подтверждением этому может служить книга Клары Скопиной «Всем людям родня» (М.: Молодая гвардия, 1966). Это документальные очерки о секретаре Игарского ГК ВЛКСМ Светлане Руновой и других молодежных вожаках Красноярья. Как писала К. Скопина, для них комсомольская работа — «кусочек собственного сердца», их счастье в том, что «живешь там, где необходимо».

Красноярская ГЭС

В одной из комсомольских песен нашего молодого композитора А. Шемрякова есть такие слова:

*Вот и все, мне тридцатый пошел.
Что ж, прощай, комсомольское братство!
Нет, не верю я, мне комсомол
Вписан в сердце, как Родина в паспорт!*

С грустью расставались мы с комсомолом, но время неумолимо. У комсомольских работников шестидесятых годов посеребрились виски, выросли сыновья (а у Светы Руновой — дочки-двойняшки), уже и внуки подрастают. По-разному сложились их судьбы. Нина Прокопьевна Силкова — секретарь Иланского райкома комсомола, затем — секретарь Красноярского крайкома ВЛКСМ — занимала ряд высоких должностей в Красноярске и Москве, в том числе работала заместителем министра культуры СССР. Секретарь Дивногорского горкома ВЛКСМ Виктор Васильевич Плисов после комсомольской работы также весьма успешно трудился в партийных, советских и хозяйственных органах и занимал пост заместителя министра тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР. Не у всех бывших комсомольских работников края был столь стремительный служебный рост. Но важно, что все они следующий, более длинный и трудный период жизни провели с прежней комсомольской энергией и яростью. Спасибо тебе, комсомол, за закалку, за науку идти вперед и побеждать!

Николай Иванович Русак

Заведующий Отделом спортивной и оборонно-массовой работы Минского обкома комсомола

Инструктор Отдела спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ

Начальник Управления водных видов спорта Спорткомитета СССР

Инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС

Председатель Госкомитета СССР по физической культуре и спорту

Председатель Спортивного совета СНГ

Советник Посольства России в Азербайджане и Грузии

(политический советник миротворческих сил СНГ в зоне грузино-абхазского конфликта)

Повороты моей судьбы

Детство мое прошло в Белоруссии. Родился я 1 марта 1934 года. В 1939 году моего отца призвали в армию и назначили начфином автобатальона в Брестской крепости, куда переехала и семья. За три дня до начала войны офицерам Брестского гарнизона была дана команда вывезти семьи в глубь страны, и отец отвез нас к своим родителям в деревню Прилепцы Плещеницкого района Белоруссии. Мое детство фактически пришлось на годы Великой Отечественной войны и оккупации. Это были очень сложные годы, потому что сгорела наша хата и мы переехали в недостроенный дом, который отец начал строить еще до войны. А в 1943-м, когда началась карательная операция немцев, нас выгнали из дома, и мы с дедушкой были вынуждены откопать блиндаж, уложить три слоя бревен и практически жили там зимой и летом. В июне 1944-го Плещеницы освободили, и я смог пойти в школу (мне тогда было уже десять лет). Окончив семь классов, поступил в Гродненский техникум физической культуры. После техникума хотел поступать в институт, но отец сказал: «Повремени немного, ведь еще двоих братьев нужно поднять на ноги...» И я устроился на работу в плещеницкую школу № 1 преподавателем физического воспитания. Проработал несколько месяцев и был призван в Вооруженные силы СССР. Еще до армии я входил в состав сборной команды Белоруссии по баскетболу, а там приобщился к гандболу. Служил я помощником командира взвода разведки полковой школы. Учил курсантов солдатскому и сержантскому мастерству. В 1957 году поступил в Белорусский институт физической культуры и уже через год был избран секретарем комитета комсомола института. С этого и началась моя комсомольская работа.

В Белоруссии мы были первые, кто создал комсомольский оперативный отряд по борьбе с нарушениями общественного порядка. Дело в том, что каждую субботу в институте проводились вечера и к нам на танцы приходили девушки и юноши из города. К сожалению, многие из них были в нетрезвом

Курсанты полковой школы. 1956 г.

состоянии, и часто происходили драки. Мы посоветовались в комитете комсомола, нас поддержал ректорат, и поэтому был создан оперотряд. Потом эта тема неожиданно всплыла, когда вторым секретарем ЦК Компартии Белоруссии стал Петр Миронович Машеров. Однажды мне позвонили из отдела административных органов ЦК: «Николай, зайди к Машерову, он хотел с тобой переговорить». Я, грешным делом, подумал, что наши студенты где-то набедокурили и он мне сейчас шею намылит. А он вдруг говорит: «Я знаю, что вы создали оперативный комсомольский отряд. Вечером в Минске невозможно пройти по Ленинскому проспекту, там какая-то шпана пьяная ходит. Я дам команду милиции, чтобы вас не трогали, а вы наведите там порядок вашим оперативным отрядом». И мы действительно сумели за месяц навести порядок в центре города, после чего Машеров позвонил мне и поблагодарил: «Спасибо, и ребятам скажи большое спасибо. Вы выполнили свою задачу». Я до сих пор вспоминаю его добрым словом, что он не милиции поручил это дело, а общественности. Очень разумный был подход, даже по тем временам.

Первым секретарем Минского обкома комсомола работал Валентин Петрович Сазанович. Он мне как-то говорит: «Слушай, вот столько мы с тобой постановлений приняли по физкультуре и спорту, а дело как-то не очень хорошо движется. Подумай, что можно еще сделать». На что я ему ответил: «Валентин Петрович, в принципе, в нашем деле очень многое зависит от личного примера комсомольских работников, и в первую очередь — освобожденных. Давай попробуем провести первую Спартакиаду освобожденных комсомольских работников Минской области по летним и зимним видам спорта комплекса ГТО.

И будем проводить их, включая и освобожденных старших пионервожатых». Он согласился. Летнюю спартакиаду провели в Борисове Минской области, а зимнюю — в Логойске Минской области. И это стало системой и стимулом для всей молодежи, и на комсомольскую работу стали чаще брать спортсменов.

Работал в отделе спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ, научила, как нужно заниматься комсомольской работой в сборных командах страны. Вместе со спортсменами сборных команд СССР выезжали на ударные комсомольские стройки, на Байкало-Амурскую магистраль. Проводили очень много встреч спортсменов с молодежью, играли в футбол, волейбол, баскетбол. И что интересно, даже потом, когда все это начало как-то спадать, многие спортсмены приходили к нам в отдел и просили направить их на комсомольские стройки, чтобы пообщаться с молодежью.

Работники отдела стояли и у истоков Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Первый такой поход готовили и проводили в Брестской крепости. Помню, приехал туда и хотел найти место, где жил пацаном. А когда нашел, то увидел, что дома, в которых жили семьи офицеров, были разрушены бомбежкой.

В 1967 году состоялось открытие памятника защитникам Брестской крепости. На церемонии присутствовал П.М. Машеров, приехали гости из всех союзных республик, было очень много молодежи. Великолепно было организовано это открытие, и оно запомнилось на долгие годы. Позже такие слеты успели провести в Волгограде и других городах-героях Советского Союза.

А буквально накануне развала Советского Союза, когда я уже работал в Госкомспорте СССР, мы там организовали слет олимпийцев, уезжавших в 1988 году на Олимпийские игры в Сеул, где мы заняли первое общекомандное место, с большим отрывом победив команду США.

Кстати, отец мой остался жив в войну. Он был до последнего дня защиты Брестской крепости. В конце июля 1941 года вел стрельбу из пулемета и не заметил подкравшегося немца, который бросил гранату. Отца ранило, и он попал в плен. Уже в конце войны где-то на границе Германии и Франции его освободили английские и американские войска. Вернулся в армию и прослужил до 1946 года.

Я, наверное, единственный комсомольский работник, который является заслуженным тренером СССР. Есть заслуженные мастера спорта СССР — я имею в виду Васина, Роднину, боксера Бориса Лагутина и других, а вот из заслуженных тренеров Советского Союза я — единственный и последний.

Несмотря на то что спортсмены — народ не очень говорливый, их общение с молодежью всегда проходило очень хорошо. Когда Е.М. Тяжельников был избран первым секретарем ЦК ВЛКСМ, все работники отдела спортивной и оборонно-массовой работы были закреплены за управлениями Спорткомитета СССР. Они занимались организацией комсомольских собраний, встреч с молодежью, проводили мероприятия в местах сборов и соревнований. И это действительно очень помогало, жизнь комсомольская, можно сказать, была ключом...

Работая в ЦК, а в 1961 году был избран членом президиума Федерации футбола Советского Союза, поэтому близко знаком с жизнью футболистов, знаю все их проблемы, многих тренеров. С Масловым и Лобановским, например, мы ночи просиживали, споря о методике подготовки наших советских футболи-

*Ветераны Отдела спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ (2008 г.)
Слева направо сидят: Русак Н.И., Немчинов В.В.,
Стоят: Жуков Ю.И., Душанин А.П., Лагутин Б.Н., Киселев В.И., Шеваловский Е.И.,
Галаев В.И., Федосов В.И., Васин В.А., Алиев А.И., Петраков В.И., Казиков И.Б.*

стов. Они мне доказывали, что в нашем футболе есть определенная специфика, а я им говорил, что специфика в спорте не существует, она бывает только в технике и тактике. А что касается физической подготовки, то есть развития скорости, быстроты, выносливости и силы, она одинакова во всех видах спорта. И пока мы были сильнее противников в этих вот физических качествах, мы выигрывали у них, и наши сборные команды были и олимпийскими чемпионами, и призерами чемпионатов мира, и чемпионами Европы. И все это — за счет именно лучшей физической подготовки футболистов. Я вот сейчас смотрю, как у нас работает Российский футбольный союз. Конечно, они делают серьезную ошибку, что приглашают зарубежных тренеров, которые не лучше наших, а даже, на мой взгляд, стоят по знаниям и по подготовке намного ниже наших тренеров. Приглашаются и зарубежные футболисты — видимо, считается, что они лучше играют, а они такие же футболисты, как и наши. Думаю, надо нашими спортсменами заниматься, перестраивать российский футбол...

Как было, например, в мое время? Во время работы в ЦК ВЛКСМ завсектором спорта Гончаров поручил мне заниматься футболом. Я решил начать с подготовки резервов. Как-то звоню начальнику управления Колоскову: «Вячеслав Романович, давай займемся». — «Николай Иванович, да у меня то календарь чемпионата, то переходы, переманивания, судейство. Мне не до этого». Я решил пригласить в сектор всех директоров специализированных школ олимпийского резерва по футболу и ставил перед ними одну задачу: половина воспитанников детских школ должны тренироваться два раза в день. Поэтому мы создали специализированные классы с продленным учебным днем и углубленным тренировочным процессом, чтобы можно было сочетать учебу с тренировками. Уже через пять лет все юношеские команды были или по-

бедителями чемпионата мира и Европы, или призерами. Ниже не опускались. Кстати, это тоже — за счет только тренировочной работы. А сейчас с ней в России, к сожалению, очень плохо, вот наши основные команды, и клубные, и сборные, выступают крайне неудовлетворительно.

Перед нами тогда стояла одна из главных задач: как сочетать огромные тренировочные нагрузки с учебой и получением специальности в высшем учебном заведении? Этим вопросом я занимался все годы своей работы в Спорткомитете. И что мы сделали? Создали в школах специализированные классы с продленным учебным днем и углубленным тренировочным процессом, а в вузах — межвузовские отделения группы спортивного совершенствования, межвузовские кафедры физического воспитания. Преподавателям кафедры физвоспитания, которые готовили чемпионов и призеров Олимпийских игр, приказами министра высшего и среднего специального образования Вячеслава Петровича Елютина присваивали звания профессоров или доцентов, независимо от количества написанных ими методических работ или стажа вузовской работы. Все это было сделано, и все это работало. В команду Советского Союза входили примерно 87 % спортсменов, которых воспитали преподаватели и кафедры физвоспитания вузов, включая даже институт физической культуры. Сейчас я вот смотрю по нашим командам, которые выступают на универсиадах, так нет ни одного спортсмена, кто был бы подготовлен преподавателем. Вот где, откровенно говоря, снижение. А ведь этим вопросом надо заниматься, так как в спорте важно буквально все...

После развала Советского Союза я стал председателем Спортивного совета СНГ, была такая организация создана. Мы не зависели от бюджета государства, как могли, зарабатывали и добывали деньги, а большую часть прибыли получали от «Спортлото», что позволяло нам и поездки оплачивать, и премиальные выдавать, и многое другое делать. Это нас и спасло. Кстати, именно тогда наши хоккеисты стали олимпийскими чемпионами в последний раз и в общекомандном зачете выступили прилично. Я это запомнил на всю жизнь. Председателем совета я проработал до окончания летних Олимпийских игр в Барселоне, то есть до августа 1992 года.

Жизнь тем не менее продолжалась, и впереди меня ждало много еще чего. Например, должность советника при нашем посольстве в Азербайджане. Там я занимался соотечественниками, а также урегулированием карабахского конфликта. А после обострения обстановки в зоне грузино-абхазского конфликта бывший министр иностранных дел Евгений Примаков попросил меня возглавить наше представительство и стать советником российских вооруженных сил в зоне конфликта. Я там пробыл до 2000 года, а потом снова, можно сказать, вернулся в спорт: работал в Федерации гребли, Федерации хоккея с мячом. А последнее время, вплоть до декабря 2017-го, был аналитиком центра подготовки сборных команд России.

Одним словом, за плечами — огромная школа жизни. Сейчас мне 84 года, и я иногда думаю: если бы не пошел по комсомольской линии, смог бы достичь большего? Не жалею ли, что почти вся моя жизнь оказалась связана с комсомолом и спортом? И сам себе отвечаю: нет, не жалею. Наоборот, счастлив, что судьба моя сложилась именно так...

Георгий Геннадьевич Рябоконт

*Заместитель заведующего Отделом сельской молодежи
ЦК ВЛКСМ*

*Начальник Управления кадров и быта Минводхоза СССР
Генеральный директор VPS-ЕС*

Авторитет реальных дел

В диспетчерскую строительства Чарвакской ГЭС круглосуточно стекались оперативки о поступлении вагонов с металлом и цементом, о выработке БелАЗов и экскаваторов, о прибытии добровольцев и ЧП. Для ежедневной планерки управления строительства дежурный диспетчер дает только проверенные цифры и факты.

Фронтвик-сталинградец Георгий Богданов руководил нами спокойно и рассудительно: «Ну и где разница между произведенным и уложенным в плотину бетоном? В отвале, в некондиции, или застывает в миксерах? Так поезжай и проверь — не глянув в святцы, не бей в колокола».

Сейчас это назвали бы использованием служебного положения для инсайдерской информации, а тогда комсомольский штаб, который я возглавлял, реагировал мгновенно, на уровне рефлекса: если «молнии» «Комсомольского прожектора» — то с фамилиями «отличившихся», невзирая на чины, с одновременным озвучиванием по местному радио. Ну а если еще в многотиражке, то это точно повод для парткома стройки.

Оперативность и достоверность, нацеленность на общее дело не вызывали у обиженных особой озлобленности, а заставляли исправлять ситуацию. Радиоточки были на всех объектах, в бытовках, столовых и общежитиях. Статьей в многотиражке потрясали на партийных, комсомольских собраниях и планерках.

В гидроэнергетике в сейсмическом высокогорье таких гравитационных плотин еще не строилось: 168 метров высотой на 2 млрд емкости воды площадью 40 квадратных километров. Десять 200-тонных шагающих экскаваторов, 700 единиц техники работали круглосуточно. Ковш, как бронтозавр, вгрызается в скальную породу, и 5 кубов с грохотом падают в кузов БелАЗа. Ночная феерия, сюрреалистическое, завораживающее зрелище!

Романтики ехали к теплу, солнцу, фруктам, а реально их встречали холодные бараки, вагончики с треснутыми стеклами, грязь, тянь-шаньский ветродуй из ущелья с постоянным дождем.

Здесь вам не равнина, здесь климат иной.

Идут лавины одна за одной...

Непредсказуемо сопротивлялись горы: сель чередовался с оползнем и камнепадом, в одночасье ураган сносил мосты и переправы.

К природным факторам добавлялись отклонения от демократических принципов руководства местных партийных и административных органов, догматизм, неадекватность реалиям.

Чиновнику от образования объясняли, что вся бригада Владимира Чурки-са уже 18 часов кряду монтирует насосы для спасения котлована, бригады бетонщиков и проходчиков — вторые сутки на объекте. Поэтому в классах ШРМ по 5—6 человек. В ответ на уведомление о закрытии школы собрание учителей объявило о продолжении работы без оплаты труда, так как молодежь лишают конституционного права на образование и стимулируют текучесть кадров. Аргументации добавили комитет комсомола, штаб и партком. Недальновидная бумага не только была дезавуирована, но и одобрено создание школы мастеров и строительного техникума.

И все же 20 из первого отряда добровольцев — в 400 человек — уехали в первый день. Вениамин Филиппов, организатор местной радиостанции, писал:

*И вагончиков неуют,
И шаги тех нелегких лет,
И когда «бетон не дают,
На подходе цемента нет».*

Финансирование, рабочие проекты и снабжение запаздывали, многотысячный коллектив лихорадило от простоев.

Ташкентское землетрясение поставило под сомнение досрочное перекрытие Чирчика и ввод гидроагрегатов в эксплуатацию. Ликвидаторам передали часть фондов, стройматериалов, вагончиков и добровольный взнос коллектива — 2-дневный заработок в фонд восстановления.

Все изменилось в судьбе стройки и моей с назначением С.И. Садовского начальником управления строительства. Легендарная личность: в 23 года — секретарь Волжского горкома, в 27 — первый секретарь Сталинградского обкома ВЛКСМ, затем — зампред облисполкома и начальник Волгоградгидростроя. После досрочных Чарвакской и Саяно-Шушенской ГЭС были Спитак, Чернобыль и непререкаемый авторитет в среде гидротехников, строителей в должности первого зама министра энергетики СССР. Он с первой минуты знакомства умел расположить к себе любого — от сварщика до секретаря ЦК, мобилизовать всех и каждого. Управление заработало как стройный хор единомышленников, всячески поддерживались энтузиазм, творчество, ответственность и верность данному слову. Вместо поучений, как надо работать и жить, он сам советовался со всеми компетентными людьми, а принятые решения жестко контролировал.

Садовский не терпел пустословия, выступлений по бумажке и с полуслова врбался в тему. Он безошибочно, интуитивно определял способности молодых специалистов и смело их двигал на самые ответственные участки.

Штаб ударной комсомольской стройки стал средой моего обитания, образом жизни. Жизни непредсказуемой, нервной, конфликтной и юморной, как гремучая смесь из оптимизма, популизма и уроков управления людьми и самим собой.

Кадры решали все. На минутный доклад об их нехватке следовал поиск решений. «Мне бы пару-тройку стройбатов или ИТУ с условниками», — просил начальник СУ ГТС. «А что скажет комсомол?» — тут же следовал вопрос Садовского ко мне. «Разрешите предложить иное решение по результатам ан-

кетирования и комсомольских собраний, на следующей неделе?» — «Нет, двое суток».

Мозговой штурм выявил главные резервы: по предложению Саши Гетманчука, прораба отделочников, с первого общественного армейского призыва, надо разорвать порочный круг, когда социалки нет из-за отсутствия рабочих, а рабочих — ввиду плохих условий жилья и отдыха. Дайте стройматериалы и технику — мы не будем ждать, а создадим ее сами в свободное от работы время.

Надо уйти от бюрократии кадровиков и разговаривать с каждым добровольцем, типичная ситуация: по трудовой — «верхолаз-монтажник», а ему предлагают копать шурфы. Так объясните, что это временно, на несколько дней. И сдержите слово.

Надо всем следовать примеру Аркадия Пеганова — у него после курсов учебного комбината и школы мастеров бывшие чабаны и дехкане владеют двумя-тремя смежными профессиями, а живут в соседней Бричмулле. Он вдвое может нарастить состав.

Краткую анкету, отражающую ожидания прибывшего добровольца, заполняли, сопоставляя свои возможности и мечты: профессиональное обучение, желание поступить в учебный комбинат или ШРМ, в вуз или техникум на вечернее или заочное отделение, необходимость общежития или квартиры, ожидаемый заработок, участие в самодеятельности, предпочтения в спорте.

Традиция всесоюзных ударных строек — вручать ключи от квартир или малосемейного общежития на комсомольской свадьбе — пробуксовывала. Выяснилось также, что школа должна быть не менее чем на 960 мест, а яслей-детсадов необходимо не менее трех.

То, что легло Садовскому на стол, — это был прообраз комплексной социальной программы стабилизации коллектива.

Практически все предложения были одобрены и ресурсно подкреплены. Письмо Виктора Суровцева из знаменитой комплексной бригады с Красноярской ГЭС было напечатано редактором многотиражки, заместителем секретаря парткома стройки Георгием Ксензовым. Его суть: 120 профессионалов готовы всей бригадой переехать с семьями, но патриотизм должен подкрепляться элементарными условиями и перспективой роста.

Метод Гетманчука сработал. Вслед за красноярцами потянулись квартиры бригад Леонида Семеняко с Нурекской ГЭС, Николая Романчика с Асуанской, Михаила Мурашова с Братской, узбекский комсомол направлял бригады механизаторов из целинных совхозов.

Г.Г. Рябокoнь

Экстенсивные методы были похоронены. Аналогично по ССО. Бетонный вибратор весом 18 кг — анахронизм в руках педвузовских девочек. Первый ССО из строительных вузов Волгограда, Москвы и Иркутска был всего в 382 бойца, а их выработка не уступала производительности опытных рабочих и втрое превысила показатель отрядов гуманитариев-первокурсниц.

Тульский отряд прибыл опытный, с бригадами, звеньями, а главное — с ВИА и спортивным инвентарем.

«Последнюю электричку» пели все, включая горцев Богуста, смутно представлявших, о чем это.

Социалка и ЖКХ набирали темпы — строились бассейн и летний кино-театр, ДК, МСЧ, спортобъекты, включая базу академической гребли. Появились и образцы для подражания — Володя Мустафаев стал чемпионом СССР и участником чемпионата мира.

В штаб зашел посоветоваться Юра Немченко — секретарь комитета комсомола стройки. Он давно просил перевода на хозяйственную работу: «Устал, семья, а там зарплата вдвое больше. Я предложил на мое место тебя. Твою кандидатуру поддержат все — и секретари первичек, и руководство стройки. Как член парткома я предложил, и со мной согласились. Подумай, соглашайся и ты». Я ответил отказом, мотивируя тем, что в штабе на своем месте принесу больше пользы общему делу.

Через день меня уже секретарь парткома А.Г. Берилло наставлял: «Молодой коммунист должен выполнять поручения партии: нам виднее, где и как тебя использовать, партийную дисциплину никто не отменял. Непорядок, когда половина комсомольцев не стоят на учете». Я сопротивлялся, приводя доводы, что комитет с правами райкома — это не мое, что научился работать с людьми, но не умею с бумагами, что надо завершать начатые дела. И лучше это перенести на потом.

Наутро в штаб заглянул С.И. Садовский и объяснил, что наступает предпусковой период, требующий максимальной концентрации всех сил, исключаящий дублирование комитета, штаба и профкома.

Через неделю его приказом были выделены ставки инструктора по спорту, тренеров ДЮСШ, воспитателей общежитий, штаты ДК. А еще через неделю меня избрали. Даже те, кто был наказан рублем или порицанием по результатам рейдов.

Рутинную работу по не состоящим на учете и членским взносам я решил оптимизировать. Кадровики сделали выборку карточек с графой «ВЛКСМ», списки мы отдали в ОТиЗ, договорившись об удержании взносов из зарплаты. Теперь оформление на работу происходило после штампа комитета, а в ведомостях на взносы указывалась их сумма. Сияющая завсектором учета Р. Тамазанова спросила, как в песне: «Где ж ты раньше был?» А был я срочно вызван к А.Г. Берилло, где схлопотал изрядную взбучку за партизанщину и авантюризм, подмену индивидуальной работы, мол, «не посоветовался, и вообще ВЛКСМ — это добровольная организация, и ее идейные члены должны выполнять уставные требования сами, без твоего административного ресурса».

Казалось бы, перспектива получения 245 тысяч гектаров поливных земель к началу сезона должна была отмотивировать местные партийные и хо-

зайственные органы на переселение из зоны затопления 10 тысяч дехкан. Но многовековой уклад террасного земледелия, специфический горский социум игнорировали постановления, аксакалы ждали разъяснений, конкретики и реальных гарантий вместо постановлений и графиков, нарисованных в тиши кабинетов.

Если заоблачная дорога через Меловой перевал Чимганского хребта на Большую землю была в проекте, с соответствующим финансированием и фондами, то переселенческие дела — как дитя у семи нянек. В конечном итоге проблему спустили на уровень парторга ЧарвакГЭСстроя. Решена она была оригинально — в чайхане, дипломатично, с уважением к аксакалам, с датой выделения автотранспорта и помощи для каждой семьи.

Обладателем диковинного в то время кейса с потайным краником был «доставала» сверхлимитного остродефицитного оборудования А. Сапричян, «неосторожник» из бывших прокурорских. Большинство командировок к поставщикам ему оплачивали транзитом через Ереван, где кейс заливался отборным коньяком.

Но даже этот аргумент у него не сработал при попытке достать лампы «Аревик».

Каждая лампа освещала 2—3 га и обеспечивала работу ночных смен.

Узнав, что меня вызывают на семинар в ЦК ВЛКСМ, снабженцы передали телексы в адрес коллег в Минэнерго, где мне терпеливо и подробно объясняли, что годовые фонды мы выбрали еще в феврале, что плановая система не успевает за нашими темпами и энтузиазмом, что лучше объекты вводить не досрочно, а вовремя, что эти лампы остро необходимы еще и оборонке, Славскому и космодрому. В ЦК меня встретил Миша Манзатула, оказавшийся в теме: «Ничего не обещаю, но перезвони через пару недель».

По возвращении из Москвы мне передали телефонограмму секретаря заводского комсомола: нам срочно отправили лампы, изготовленные во время субботника.

Строительство Чарвакской ГЭС, последнего объекта Туркменистанского раздела плана ГОЭЛРО, завершалось. Все гидростроители, в том числе и я, готовились к переезду на Саяно-Шушенскую — крупнейшую в мире.

Но мою судьбу опять откорректировал С.И. Садовский: «Как переводится «Инкилаб»?» Отвечаю: «Революция». — «Так вот, в партком звонила твоя «Революция» (Инкилаб Турсуновна Юсупова), по поручению В.Б. Асентьева, и спрашивала мнение о твоём переводе в ЦК комсомола. Думаю, надо соглашаться, наберешься опыта аппаратной работы, а на Енисее лет на 15 работы, успеешь еще к нам. Впрочем, в Саяногорске ждем в любое время, решай сам».

Из 13 всесоюзных ударных комсомольскихстроек республики особенно выделялось освоение Голодной и Каршинской степей, где трудился 100-тысячный коллектив в сотнях СМУ, ПМК и управлениях механизации, разбросанных на территории Узбекистана, Казахстана и Таджикистана. Каршинский магистральный канал начинался в Туркмении. Ледники Памира и Тянь-Шаня через каскады водохранилищ и каналов должны были обеспечивать орошение новых совхозов на площади около 900 тысяч гектаров.

Евгений Долматовский точно отобразил духовные скрепы воспитанников комсомола того времени:

*В строительно-монтажном управленьи
Я видел планы, кальки, чертежи.
Потом в степи явились нам виденья —
Построенные за год миражи:
Лучи широких улиц двухэтажных,
И мелиоративный институт,
И тот вагончик, сохшийся от жажды,
Где первую газету издают.*

*Да, здесь, в степи, где не гнездилась птица,
Где было суслику не прокормиться,
Где, как горячий иней, солонцы
Хрустели на сухой и мертвой почве, —
Фронт развернули юные бойцы.*

*В строительно-монтажном управленьи
Висит декрет на щитовой стене,
Где подписью «В.И. Ульянов (Ленин)»
Давно открыт в пустыню путь весне.*

*Целинники из Главголдстепстроя
(Ну и названье, господи прости!),
Живя средь вас, я не искал героя —
Хотелось вместе с вами мне расти.
Все мелкое, как пыль, несетя мимо.
Мы строим, остальное — суета.
Вы добровольцы сотворенья мира,
А выше во вселенной нет поста.
Я вас к грядущей красоте ревную,
Которая не требует прикрас.*

*...А степи эти переименоуют,
Забыв, как называли их при нас.*

Первая же моя командировка в Карши запомнилась двумя эпизодами.

Постояльцы центральной гостиницы дружно шли утром к неработающему фонтану, разувались и чистили в нем зубы.

Меня выручила бутылка боржоми, предусмотрительно купленная в Ташкентском аэропорту накануне. Но главное событие дня — это знакомство с Х.А. Шагазатовым — начальником Каршистроя, поразившим меня прагматизмом и глубокими знаниями проблем молодежи: как проводили конкурсы профмастерства, по каким профессиям, как и чем награждали, почему призы вручать должен С.И. Садовский, как поощряли рублем закрепившихся добровольцев при одинаковости тарифной сетке что для «летуна», что для кадрового вахтовика-механизатора? Из плана мероприятий он быстро пробежал глазами пункты — лозунги типа «улучшить», но графики по ССО, добровольцам, агитбригадам и иную конкретику рассматривал скрупулезно, включая выде-

ление штабу автомашины, организацию общепита, труда, профессионального роста и отдыха молодежи.

По сути, на таких руководителях в 1970-х все и держалось, вопреки набравшему темпы застою, когда начали корродировать идеи, моральные ценности, внутрипартийная демократия. Вожди всех уровней бронзовели, а многие комсомольские лидеры копировали их стиль работы, демонстрируя послушность, безликость и чиновничество.

Будучи избранным вторым секретарем обкома комсомола, я не мог понять местных партийных принципов подбора и расстановки кадров, когда первым секретарем обкома выдвигался начальник областного управления торговли, а в горком — управляющий трестом столовых и ресторанов, кумовство и клановость комплектовали касту несменяемо-неприкасаемых в восточном колорите.

Ближайшим помощником и моим единомышленником в тот период был завоорг — Марс Муракаев, объявивший об отъезде в Москву в аспирантуру. Впоследствии он защитил докторскую, прошел школу ЦК КПСС, Счетной палаты и стал заместителем министра промышленности России, автором «Экономических записок Президенту» и моим наставником в экономической науке.

В 1974 году развертывалась программа преобразования Нечерноземной зоны России, и меня перевели в отдел сельской молодежи ЦК ВЛКСМ, а затем — начальником управления кадров и быта Минводхоза СССР.

Масштабы впечатляли: кроме Нечерноземья и 13 всесоюзных ударных комсомольских строек работы велись в 27 странах, а количество работников превышало 1,7 млн. Возглавлял этот колосс Н.Ф. Васильев — первый зампреда Совмина России. «Так, замзавотделом сельской молодежи, гидротехник, экономист, к. э. н.?» — спросил он меня при первой встрече. Отвечаю утвердительно. Моя объективка в руках министра, видимо, навеивает на него воспоминания. «Так ты моложе моего сына, тебе только 35!» Я ответил, что молодость — недостаток, который быстро проходит. Он неожиданно рассмеялся, а я добавил: «В 28 лет вы уже были в 1944-м гвардии майором и командовали дивизионом». Последний его вопрос — работал ли я с Садовским и Шагазатовым, а затем последовало краткое посвящение в проблемы. Самой безотлагательной была вьетнамская. Несколько тысяч южновьетнамских парней были направлены на стройки России для овладения передовой техникой и повышения профмастерства. Среди неудовлетворительно работающих министерств Секретариат ЦК КПСС назвал и союзный Минводхоз.

Для объективности я настоял на привлечении консула к совместной проверке на местах. Выяснилось, что отправлялись рабочие, не обучавшиеся на курсах русского языка, а управление бульдозером и швейной машинкой обозначалось единым иероглифом. Понятно, что землеройную технику они видели впервые, а чудеса предпринимательства и рыночной экономики продемонстрировали быстро. Уже через 2—3 месяца неизвестными для тамошни тропами поставлялись фурнитура и ткани, а рынки Поволжья были завалены «настоящими» джинсами LEVIS.

Часть квартир в новостройках мелиораторов отдали под общежития, не объяснив правил проживания. Аромат жареной селедки и прогон громко возражающей свиньи на 4-й этаж для разделки в ванной были обычными явлениями.

Упущенное на далекой родине надо было наверстывать в каждой ПМК: швейников перевести в Росшвейпром, сайгонскую шпану — мастеров кунфу — депортировать, остальных ежедневно учить в ПТУ профессии и русскому языку и по мере обучения распределять в интернациональные бригады, заключив индивидуальный трудовой договор с понятными обязательствами сторон, а главное — адаптировать в среду российских сверстников...

Для меня 100-летие ВЛКСМ — это не только повод для воспоминаний. Воспитывать внуков на примере поколения созидателей важно, ну а сегодня на кого им равняться?

Что общего было у А.Е. Бочкина, Н.Ф. Васильева, И.И. Наймушина, С.И. Садовского, В.Б. Арсентьева, П.А. Полад-заде, Х.А. Шагазатова, З.П. Зарапетяна? Безупречная репутация, профессионализм, верность идеалам, чистые руки и кристальность души? Думаю, все это вместе выкристаллизовывалось в подлинную партийность, патриотизм государственников, созидателей с жизненным кредо: «Раньше думай о Родине, а потом — о себе».

Счастье нашего послевоенного поколения — в преемственности ценностей и идей созидания страны, осознании ответственности за ее будущее. «Думать прежде о Родине...» означало идейную самореализацию в обществе, полное отторжение коррупции, клановости, лицемерия и алчности, эгоизма и тщеславия — всего, что адаптировано в нынешних реалиях.

Понятно, что «иуды», «мазепы» и «власовы» были и будут всегда, фамилия «Сволочь» давно стала на Руси именем нарицательным. Даже в андроповские времена доля «примазавшихся» к партии и комсомолу, призывавших с высоких трибун к верности идеалам и укреплению страны, зашкаливала. Благими намерениями забалтывался антидот застоя. Профессиональные прохиндеи с комсомольским значком на груди и с партбилетом в кармане были не только безучастны к развалу Союза, но и пользовались вдруг открывшимися возможностями ваучерной приватизации, ГКО, залоговых аукционов. Плесневелая прослойка «ходорковских», суперуспешных менеджеров, распорядившихся природной рентой и госсобственностью, выросла и опутала все ветви и уровни властных структур.

Спрашивается: ну а где мы-то были, почему все это позволили, имея огромные ресурсы, 70-летнюю историю ВЛКСМ, структуры, численность в 20 млн и практику мобилизации молодежи на защиту Отечества? Или фактор равнодушия, растерянности, пассивности молчаливого большинства помешал, или наши лидеры оказались недееспособны?

Известие о самороспуске комсомола в сентябре 1991 года застало меня в Эфиопии. Вначале радиовести не поверили — утка, но в посольстве подтвердили беспрецедентный факт. Без реформирования, без альтернативности, без адаптации к новым социально-экономическим реалиям. Не было и нормативно-правовых, обязательных к исполнению актов на самороспуск. Перестроиться на марше — да! А вот самоликвиднуться с утратой собственности — это душевная травма для меня и, думаю, для многих моих соратников, воспитанников комсомола.

Передел собственности, ее акционирование, приватизация и офшоризация госсобственности неприемлемы, но понятны. Но как могла тихо раствориться в небытии собственность комсомола, по крупницам созидавшаяся поколения-

ми: основные фонды, авуары, недвижимость? Считаю это кощунством против всех моральных и нравственных ценностей, демонстративным надругательством над памятью поколений.

Надо поименно назвать не только организаторов, причастных к развалу комсомола, диверсифицировавших ответственность за разбазаривание его имущества или безмолвствовавших при этом, но и бенефициаров. Иначе незавершенка — как в строительстве, с исторической амнезией современной молодежи.

Значимость и актуальность вековой истории комсомола будет с годами нивелироваться «в никуда», с разрывом в исторической памяти отцов, детей и внуков. Без преемственности, без воспитательных и мировоззренческих основ и традиций, когда массовый патриотизм остается в прошлом только лозунгом.

Этот вектор воцерковлением не преодолеть. Нужна система соединения лучших традиций нашего прошлого с настоящим, воспитание ответственности за будущее Отчизны.

Феликс Сергеевич Санакоев

Первый секретарь Юго-Осетинского обкома ЛКСМ

Грузии

Первый секретарь Юго-Осетинского обкома КП Грузии

Все мы — в лодке эволюции

У Максима Горького есть повесть «Мои университеты». Это об университетах, дающих знания, которые ни в одном учебном заведении получить невозможно. Опыт и знания, полученные в этих университетах, помогают человеку не только в труднейшие периоды жизни, но и в повседневной работе на протяжении всей его жизни.

Для меня такими университетами стал комсомол. И не только для меня, но и для многих поколений советских людей. Комсомол действительно великие дела вершил и заслужил авторитет не только за боевые заслуги, но и в мирной жизни. И в науке, и в космосе, и на производстве. Ни одно значимое для страны дело, будь то ликвидация неграмотности, освоение целины, строительство крупнейших электростанций и БАМа, не проходило без самого активного участия комсомола.

У каждого человека есть в жизни моменты и дела, о которых он вспоминает если не всю жизнь, то многие годы.

Я вырос и работал в Южной Осетии. Это горный регион, в котором и сегодня условия жизни и труда сложнее, чем в равнинных регионах. Но, с другой стороны, нынешние достижения науки и техники позволяют таким образом организовать работу, что эти трудности можно успешно использовать для общего дела.

Сейчас модно и актуально говорить про экологию. Хотя эта тема всегда была и будет важна, потому что это — среда обитания человека. В горных районах часто бывают оползни, осыпи, лавины, эрозийные процессы, опасные для жизни и деятельности человека.

Так вот в 1960-х годах, годах моей молодости, комсомол Южной Осетии выступил с инициативой лесопосадок на опасных горных склонах. На сотнях и тысячах гектаров были посажены деревья, и сегодня эти леса не только служат надежной защитой горных рек и предохраняют от оползней, но и украшают пейзаж. Помимо этого комсомольцами были привиты тысячи дикорастущих деревьев, которые и сегодня радуют своими плодами.

Размышляя над этим, понимаешь, что молодежь порой интуитивно чувствовала, но чаще всего — осознавала важность проблем и вопросов, которые в будущем станут крайне актуальными, и выступала инициатором во многих начинаниях.

А ведь в те годы и слово-то «экология» практически нигде не звучало.

К сожалению, за последние десятилетия многое утрачено и потеряно. Например, двадцать лет назад по главной реке Южной Осетии Лиахве плоты спускали, а сегодня ее можно перейти пешком. И такое положение не только у нас, в Южной Осетии, но и во многих регионах Северного Кавказа и Закавказья. Уничтожаются леса — погибают реки.

В комсомоле человек учился и рос, приобретал трудовые навыки и навыки общения, умение контактировать (сейчас это называется «обрастать связя-

ми)», налаживать отношения в коллективе и на предприятии. То есть с юных лет человек учился решать государственные вопросы, и не только учился, но и решал их. От самых бытовых до чисто идеологических.

И когда люди переходили из комсомола на партийную, государственную, хозяйственную работу, у них были не только образование и желание работать, но и умение, и опыт, они были и психологически, и практически готовы решать государственные дела на самых разных уровнях — от предприятия и района до края, области, республики и страны. И все это давал опыт комсомольской работы.

Так было и со мной. Когда я, практически почти сразу после работы в комсомоле, стал первым секретарем Южно-Осетинского обкома партии, именно опыт работы в комсомоле помог мне вычленять главное и решать важнейшие вопросы, не стесняясь и не робея, выходить с предложениями и просьбами на самый высокий уровень и добиваться их осуществления.

Было мне тогда 33 года, в Советском Союзе я был самым молодым первым секретарем обкома партии. Когда в первый раз приехал в Москву на пленум ЦК КПСС, в глазах моих более старших коллег читался вопрос: «Откуда такой пионер взялся?»

Работа в обкоме партии — это уже, конечно, другой уровень. Стал, что называется, вникать в проблемы и детали.

Выяснил, что в Южной Осетии было всего одно строительное управление с объемом 3,7 млн рублей. И сразу стало понятно, почему «такие темпы» развития. Все средства, выделяемые Грузинской ССР, размещались по соседним районам Грузии, но не в Южной Осетии, поскольку было много трудностей, а в таких ситуациях «своя рубашка» все-таки ближе.

Я обратился к Георгию Аркадьевичу Караваеву — министру строительства СССР, в 29 лет ставшему лауреатом Сталинской премии.

Он предложил мне посчитать количество объектов, которые нужно построить, какие вложения потребуются, и к концу года выйти с предложениями. Мы посчитали и предложили. В результате был издан приказ министра строительства СССР о создании в Южной Осетии строительного треста и было поручено министру строительства Грузии обеспечить его выполнение. В итоге был создан трест с объемом 12 млн рублей построены завод железобетонных изделий, автотранспортное предприятие и другие подразделения, обеспечивающие работу завода. Было это в 1973—1974 годах.

До меня ни один из первых секретарей обкома не встречался с руководителями страны. А мне пришлось контактировать с очень многими. С председателями правительства А.Н. Косыгиным, Н.А. Тихоновым, Н.И. Рыжковым. Тридцать два союзных министра были задействованы для решения проблем, существовавших в Южной Осетии. Я уж не говорю об Э.А. Шеварднадзе и других руководителях Грузии. Все охотно помогали, я ведь был членом Бюро ЦК КП Грузии.

Хочется отдельно сказать о Петре Фадеевиче Ломако, министре цветной металлургии СССР, авторитетнейшем человеке.

У нас в Южной Осетии в горах было свинцово-цинковое производство, на котором давно не занимались техническим переоснащением, были тяжелые условия труда, а в поселке — плохие социально-бытовые условия.

Я как-то приехал на сессию Верховного Совета СССР. В перерыве подошел к Ломако и представился. Он оживился и сказал, что когда-то приезжал к нам по

вопросам добычи свинца и цинка, поскольку, несмотря на убыточность, это производство было крайне необходимо стране, особенно в годы войны.

А перед этой сессией я побывал в кинотеатре на Арбате. В те годы перед началом фильма, как правило, показывали документальные фильмы. И в этот раз показали, как в Африке рабочие в шахтах врубаются кирками в свинцовую руду в забоях.

Вот я ему и говорю: «Петр Фадеевич, я вчера ходил в кино и увидел один документальный фильм».

«Ну и что?» — удивленно спросил он.

«Фильм о том, как в Африке на свинцовых коях кирками и лопатами добывают свинец. Так вот у нас в Осетии его добывают практически так же». (Я, конечно, немного преувеличивал, чтобы произвести более мощный эффект, но труд действительно был очень тяжел.)

Он не стал долго думать: «Завтра в большой перерыв сессии мы с тобой поедem в министерство, я созову коллегия на 12 часов».

На следующий день на заседании коллегии Ломако задал вопрос присутствующим:

«Кто был последний раз на Койсе?»

«Я был, и по результатам этой поездки мы встречались с Феликсом Сергеевичем», — ответил первый заместитель министра Николай Васильевич Кузнецов.

«Давайте послушаем теперь Санакоева», — предложил Петр Фадеевич.

Я опять пересказал содержание документального фильма, но в более мягких выражениях, чем накануне министру.

Надо сказать, что Ломако был небольшого роста, донской казак с горячим темпераментом. Он вдруг вскочил, стукнул кулаком по столу, выругался и говорит:

«Поезжайте туда завтра же, внимательно посмотрите, согласуйте все в обкоме партии, и мы сделаем совместное постановление Коллегии Министерства цветной металлургии СССР и Бюро Южно-Осетинского обкома партии Грузии «Об использовании и дальнейшем развитии Квайсинского свинцово-цинкового рудоуправления».

Стоимость этого постановления вылилась в 52 миллиона рублей. В те времена это были очень большие деньги. Сюда вошли реконструкция флотационной, строительство нового хостохранилища, поскольку люди жили рядом с отходами производства, совершенствование всех производственных процессов и охраны труда и, конечно, решение социальных вопросов: строительство новых домов, детского сада и школы, стадиона и клуба, нового моста и дороги. Вот так реагировал союзный министр.

И когда Шеварднадзе, в ту пору первый секретарь ЦК Компартии Грузии, об этом узнал, то позвонил мне и предложил приписать, чтоб это было постановление и Бюро ЦК Компартии Грузии, поскольку они все эти начинания поддерживают и одобряют.

Мы, конечно, были не против.

Возьмем другое. У нас имелся уникальнейший опыт горного кормопроизводства. Это и по сей день актуальнейшая проблема.

А ведь в Южной Осетии был и стационар Института ботаники Академии наук СССР, который пришлось восстанавливать в 1970-х годах, было проведено элек-

тричество, построена дорога, сделан водопровод для подачи в город Цхинвал родниковой воды. 627-мм трубы уложили, по сей день водопровод работает.

В Институте ботаники работали академик Николай Адольфович Буш и жена его, Елизавета Александровна, профессор этого института. По их наработкам, если заниматься производством бобовых злаков на высоте 1600—2000 метров над уровнем моря, то в 1 кг травы содержание кормоединиц намного больше стандарта, а жирность молока повышается до 9 % вместо стандартных 3,5 %. Представляете, какого качества можно делать масло и сыр!

И сейчас общественная организация имени Николая Адольфовича Буша и Елизаветы Александровны Буш восстанавливает Институт ботаники. Избрали нового директора, я его вчера поздравил с назначением. Он рассказал о ближайших планах, о том, что будут восстанавливать канатные дороги на горные пастбища к сенокосам (которые мне повезло открывать впервые на Кавказе в 1979 году).

Почему я об этом говорю? Потому что без инициативы ничего не бывает. А комсомол этому учит. И инициативности, и настойчивости, а иногда и терпению, когда приходится десять раз напомнить и не жалеть на это ни энергии, ни времени во имя, простите за пафос, народа и страны.

500 тысяч гектаров на Кавказе горных сенокосных пастбищ. Если все это освоить, то вся Европейская часть России будет обеспечена животноводческой продукцией высшего качества.

Еще одна сложность, с которой сталкивались очень многие жители Южной Осетии. Когда Берия был первым секретарем ЦК Компартии Грузии, в республике были ликвидированы все начальные школы и преподавание в средних школах на осетинском языке. В результате дети приходили в первый класс и не понимали, о чем с ними говорят, поскольку в семьях общались в основном на родном языке. Представьте себе мучения ребенка, преподавателей, родителей, пока он осваивал в ускоренном темпе новый язык общения. Даже когда я учился в школе, преподавали то на грузинском, то на русском, то на осетинском языке. В Северной Осетии одна ситуация, в Южной — другая, поскольку Северная Осетия входила в состав РСФСР, а Южная — в состав Грузинской ССР, а народ-то один, литература и грамматика едины. Одним словом, много глупостей совершали.

И мы решили восстановить обучение в начальных школах на осетинском языке. За 4 года дети спокойно адаптируются, и дальше уже можно вести обучение по всем предметам на русском языке, оставив и урок осетинского языка.

Пришел с этим к Э.А. Шеварднадзе — первому секретарю ЦК КП Грузии. При всех своих недостатках он был толковым человеком, ему долго объяснять не надо было. Единственное, о чем спросил: «А ты с министром просвещения согла-

Ф.С. Санакоев

свал?» — «Нет, — отвечаю, — сначала решил прийти в ЦК, а потом уже в министерство». — «Решай, как считаешь нужным», — напутствовал он меня.

Когда я министру позвонил, она, бедненькая, испугалась и, естественно, спросила: «А как реагирует ЦК?»

Я ее успокоил, сказав, что все одобряют.

Позже меня очень благодарил министр просвещения Северной Осетии Ахсарбек Хаджимурзаевич Галазов

Рокский тоннель

Сегодня сложно представить, как бы разворачивались события в Южной Осетии в 2008-м, когда грузинские танки и артиллерия стали уничтожать все живое и неживое, если бы не было Рокского тоннеля, через который вошли российские войска и остановили кровопролитие и грабеж. А мне повезло быть руководителем штаба строительства Транскавказской дороги и Рокского тоннеля с 1974-го по 1986 год.

В этой работе очень сильно помогал министр транспорта СССР Иван Дмитриевич Соснов.

Если бы меня спросили, что главное я сделал в жизни, я бы ответил: «Участвовал в строительстве Рокского тоннеля и вернул осетинский язык в школы».

За период моей работы первым секретарем обкома партии объем валового производства у нас увеличился в три раза, а ВВП на душу населения сосчитать вообще трудно — нынешний показатель по сравнению с тем периодом представляется недостижимым. У нас одно предприятие выполняло промышленного вала больше, чем сегодня вся республика. Конечно, это не совсем правильное сравнение.

По Южной Осетии прокатилась война со всеми ее последствиями. И когда мы встречаемся с нынешними руководителями республики, я их очень уважаю, потому что большинство из них росли на моих глазах: и в пионерии, и в комсомоле, я знаю их родителей, знал их дедушек и бабушек, — они горят желанием работать и осознают проблемы и задачи, стоящие перед Южной Осетией и ее народом.

Вопрос в другом. Есть ли возможности для этого?

Мы с учеными внимательно просчитали наш потенциал. Он такой, что позволяет в течение 5—10 лет добиться результатов уровня других равномасштабных нам развитых стран. Да, у нас была война. Этого никто не отрицает, но мы знаем, какими темпами восстанавливался Советский Союз после Великой Отечественной войны. Нужно не бояться ставить большие задачи и принимать меры по их решению. Взять то же высокогорное животноводство, о чем я упоминал ранее. У нас в колхозах было столько коров, сколько семей в республике (я не считаю частный сектор). А что говорить о наших зачахнувших яблоневых садах!

Все-таки, несмотря ни на что, потенциал действительно большой, и это вовсе не фантастика. У нас в горах сотни минеральных источников с потрясающей водой, миллионы тонн полезных ископаемых, разведанных еще Институтом геологии СССР, производство талька, свинца, цинка... Одним словом, колоссальные возможности. Нужно только создавать условия труда для людей, заинтересовывать их. Нынешние руководители это понимают и все делают для решения этих вопросов.

Нет такого строя, который бы процветал без труда.

И знаний

Во всем мире, в лучших учебных заведениях тщательно изучают труды Карла Маркса, у нас же он в забвении. Я что происходит с Академией наук? И это в Москве, а что творится на местах? Я уж не говорю об уничтоженных ПТУ.

В Советском Союзе была стремительно ликвидирована неграмотность и возрождена наука, благодаря чему мы и выиграли войну с немцами, а точнее — с экономикой почти всех стран Европы.

Вспоминаю, как в Южную Осетию приехал ректор МГУ Рем Викторович Хохлов. Мы с ним поехали в горы, там как раз работали геологи-разведчики, побывали на красивейшем озере Эрцо. Рем Викторович был альпинистом и, увидев всю эту красоту, сказал мне: «Давайте построим здесь горную базу отдыха МГУ».

Через какое-то время были построены три моста, проведены дорога, электричество и вода, началось строительство базы отдыха.

А на следующий год Хохлов отправился на Памир, и в одной внештатной ситуации ему не смогли вовремя оказать помощь. Несмотря на то что вертолетом его все-таки сняли с высоты 6000 метров, он умер уже в Москве.

К чему я это рассказываю? А к тому, что жизнь подарила встречи с великими людьми. Хохлов мне говорил: «Феликс, представь себе, что сюда будут приезжать преподаватели и профессора МГУ, зимой и летом. Будут общаться с вашими ребятами и жителями. Какие завяжутся связи и отношения...» А я, шутя, ответил: «А можно ли для Южной Осетии на следующий год выделить в МГУ двадцать мест?» И он выделил. Это и есть конкретное укрепление интернационализма.

Это конкретный пример человеческого человека, который думал не только о том, чтобы сделать здесь базу отдыха, но и о том, что эта база может сделать для молодежи, живущей в этих горах, какую принести им пользу. Причем мы с ним с первой встречи сразу нашли общий язык и стали друзьями на долгие годы.

Комсомол вообще подарил встречи с очень многими людьми, ставшими моими настоящими друзьями на многие десятилетия. Я ведь начинал работу в комсомоле еще при Сергее Павловиче Павлове, до сих пор поддерживаем добрые отношения с Евгением Михайловичем Тяжельниковым, Суреном Георгиевичем Арутюняном, Абдул-Рахманом Халиловичем Везириным и очень-очень многими не только коллегами по комсомолу, но с теми, с кем судьба сводила по жизни. А что такое комсомольская дружба? Не подвести, быть на уровне, не ударить в лицо в грязь.

В молодости мы очень много работали и учились, но, что там говорить, мало задумывались над самыми простыми на первый взгляд вопросами, а на самом деле — очень даже сложными. Ответы на многие из них приходят, как правило, с возрастом, но опять же зачастую — благодаря опыту работы в комсомоле. Например, что такое человек и кто и что он в этом мире?

Психология войны должна перерасти во взаимовыгодное сотрудничество, для того чтобы люди выжили на этом маленьком корабле — планете Земля, который неясно куда плывет. Эволюция не имеет ни направления, ни цели. А мы на этом пути сидим в этой «эволюционной лодке» и грызем друг друга. Политики, на основе накопленного человечеством знаний и собственного опыта, должны хорошо это понимать.

Владимир Владимирович Семернин

Первый секретарь Камчатского обкома ВЛКСМ

Заместитель заведующего отделом ЦК ВЛКСМ

по работе с молодыми депутатами

Консультант, заведующий сектором по связям

с общественностью аппарата Верховного Совета СССР

Заведующий Секретариатом Государственного совета

СССР в Аппарате Президента СССР

Председатель совета директоров инвестиционно-финансовой компании «Солид»

Кандидат юридических наук

Нет предела силе человеческой!

Родился я в деревне Рудовка Жигаловского района Иркутской области. Дед мой, Кузьма Семенович Семернин, в 1905 году участвовал в восстании моряков на Черноморском флоте, за что был выслан на каторгу. Его дважды приговаривали к смертной казни, но оба раза царь его миловал. Дед искренне верил в идеи коммунизма, но многое знал и понимал. Помнил и о том, что двигало им в 1905-м и в 1917-м, но не принимал и не понимал репрессий и разгула 1937 года.

Мой отец, Владимир Кузьмич, — коммунист до мозга костей, был секретарем партийной организации и директором школы. Все члены нашей семьи разделяли и поддерживали идеи социализма. Это был наш образ жизни, в котором я рос и формировался.

В школе я был секретарем школьной комсомольской организации, а после восьмого класса поступил в Херсонское мореходное училище имени лейтенанта П. Шмидта, которое окончил в 1973 году.

По распределению был назначен штурманом на теплоход «Шушенское» Камчатского морского пароходства, на котором отправляли лес в Японию. И меня сразу же избрали секретарем комсомольской организации этого лесовоза. В полном смысле цеховой комсомольской организации, с правами первички.

Я воспринимал это как данность и закономерность. Комсорг на корабле, помимо того, что штурман и вахту нести должен, «и жнец, и на дуде игрец» — именно от него в первую очередь ждут помощи и поддержки.

Проводили комсомольские собрания и политинформации, Ленинский зачет, помогали в повышении профессионального мастерства и трудовой дисциплины. А если нужно, то и спрашивали за ее нарушения, в основном когда ступали на берег после нескольких месяцев плавания. Что называется, живая конкретная работа с каждым.

Через год меня избрали секретарем комитета комсомола пароходства. А это уже другая жизнь, другие ритмы, другие объемы. Чем только не занимались! Одной из главных задач было участие в движении «Каждому труженику — среднее образование»: активно привлекали молодежь в заочную школу

рабочей молодежи, которая была при нашем пароходстве. Нужное и полезное дело. Причем этим занимались не профсоюзы и не партийные организации, а только комсомол. Живая, конкретная работа, в которой был виден результат и успех.

Аналогичные школы были при базах тралового флота и океанического рыболовства. Мы поддерживали с ними связь, обменивались опытом.

Особая тема — молодежные общежития и, конечно же, проведение культурных мероприятий, вечеров отдыха в нашем Доме культуры, особенно для экипажей судов, приходящих из длительных рейсов, организация субботников, воскресников, спортивных соревнований... Жизнь, что называется, кипела, и везде нужно было успеть все сделать не только вовремя, но и хорошо, и достойно.

Сложнее было с политической учебой. Если в большинстве коллективов, особенно с женским преобладанием, проблем не было, то с докерами все это очень тяжело проходило. Здоровые, крепкие мужики получали очень высокую зарплату, были вполне самостоятельными, а зачастую, бывало, позволяли себе расслабиться после работы. В этом плане с ними было много проблем. С ними упор делали в основном на соблюдение трудовой дисциплины. Для меня и моих коллег по комитету комсомола это была повседневная, очень живая и интересная работа. Мы были нужны очень многим и старались изо всех сил оправдать оказанное нам доверие.

С одной стороны, отработанная система, а с другой — искали что-то новое. Например, инициировали создание парохода «Корчагинец». Он был поставлен на баланс Камчатрыбпрома и предназначался для обслуживания экипажей рыболовецких сейнеров и баз, которые по полгода не видели берега. Очень помог в этом деле Виктор Петрович Потапенко, генеральный директор Камчатрыбпрома. Евгений Словецкий из отдела пропаганды ЦК комсомола тоже активно нам помогал и был одним из движителей этого проекта.

На «Корчагинце» в районы лова часто привозили артистов, музыкантов, лекторов, демонстрировались новые фильмы... И наша комсомольская организация приняла очень активное участие в осуществлении этой идеи. Причем настолько живое, что в отношении меня даже было возбуждено уголовное дело. Корабль нужно было отправлять в рейс (это был 1983 г.), а с деньгами, как всегда, трудно. У нашего Совета ветеранов был свой счет, на который предприятия по нашей просьбе переводили деньги, которые мы использовали при проведении вечеров, мероприятий или для оказания материальной помощи...

И для «Корчагинца» мы многое сделали благодаря этому счету.

По этому поводу и было открыто уголовное дело. И все годы работы в Камчатском обкоме комсомола, и даже когда я поступил в аспирантуру Академии общественных наук, это дело все еще висело на мне — пять тысяч рублей. Будучи аспирантом Академии общественных наук, я прилетал на Камчатку и давал показания. К счастью, Станислав Владимирович Захаров, секретарь обкома партии по идеологии, который потом возглавил отдел пропаганды ЦК партии, Павел Павлович Зиновьев, секретарь по промышленности, а позже первый секретарь обкома КПСС, Петр Иванович Резников, секретарь обкома партии, хорошо меня знали и видели, куда были потрачены деньги, поэтому, что называется, отвели от меня беду.

В 1978 году меня перевели на работу в обком комсомола — сначала заведующим организационным отделом, потом избрали секретарем, вторым секретарем, а впоследствии — и первым. За это время успел окончить заочные отделения Всесоюзного юридического института и Хабаровского института народного хозяйства. Нужно сказать о том, что, когда я уже работал в обкоме комсомола, при проведении фестивалей молодежи или других массовых мероприятий просили помощи у ЦК комсомола — командировать артистов, писателей, выдающихся деятелей, бардов, музыкантов — и всегда получали поддержку. Эти выступления проходили с большим успехом и пользовались огромной популярностью не только у молодежи. Причем никогда не было ни пьянок, ни драк, ни прочих безобразий, хотя собирались многотысячные аудитории.

Конечно, бывало всякое. Прилетали ребята из отдела пропаганды ЦК, мы с ними «забирались» далеко на Север, к комсомольцам Корякского национального округа, приходили в чум, и инструктор на полном серьезе просил показать личный комплексный план участника Ленинского зачета.

А насущных проблем было много. Детишки с рождения кочевали с родителями, а когда приходило время идти в школу, их устраивали в интернаты. И далеко не всех удавалось на лето отправлять к родителям, поскольку те кочевали. Дети и родители годами не виделись. Оканчивали школу, единицы поступали в институты, а остальным нужно было возвращаться к оленям. А они от этой жизни отвыкли, уже не принимали ее, и очень многие не смогли ни вернуться в оленеводство, ни устроиться в оседлой жизни, спивались и становились бомжами...

Я много лет проработал «на Северах», а это сильно сказывается на характере, поскольку в этих условиях сразу понимаешь, что в одиночку здесь трудно жить, что «нет предела силе человечьей, если эта сила — коллектив».

На Севере, как правило, люди не обманывают, а помогают друг другу. Особенно местные народы. Те же коряки, ительмены... Люди очень открытые, дружелюбные, наивные. У них даже мысли не возникает о том, что их кто-то может обмануть, не говоря уже о том, что они сами могут быть неискренними в отношениях.

И именно поэтому я сейчас не закрываю отделения банка в самых отдаленных районах и поселках Камчатки (хотя они и убыточны). Кроме нас, никто не предлагает полный пакет банковских услуг, и люди этим с благодарностью пользуются.

Нужно сказать, что чем дальше от столицы, чем суровее условия жизни, тем порядочнее и честнее по отношению друг к другу люди, тем серьезнее отношение к делу, так как есть понимание, что без взаимовыручки, без взаимопомощи здесь не выжить. Поэтому для меня и моих коллег главным было не впечатление произвести, а добиться конкретного результата.

И нам было у кого учиться.

Дмитрий Иванович Качин, который шестнадцать лет проработал первым секретарем обкома партии. Очень грамотный руководитель, порядочнейший человек, как он умеет разговаривать с людьми, может отстаивать свою точку зрения, не обижая собеседника или оппонента. Многому научил своих коллег, и нас, комсомольцев, в том числе.

Тот же Петр Иванович Резников — второй, потом первый секретарь обкома партии, прошел Афганистан, награжден двум орденами Красной Звезды, был ранен.

Эти люди не допускали никакого высокомерия, фанаберии или зазнайства, верно и честно служили и служат на благо Отечества. И таких «на Северах» большинство.

В Москве есть землячество камчадалов «Гамулы», одно из самых дружных.

Несколько раз в год мы собираемся. Помимо москвичей, камчадалы прилетают и приезжают из Санкт-Петербурга, Калуги, Ростова-на-Дону, Тулы, Московской области... Приглашаем ансамбли из Корякского округа.

Мы встречаемся, делимся своими соображениями, помогаем друг другу, и, что самое интересное, наше землячество

занимает первое место среди всех землячеств России по выпуску книг о Камчатке. Причем эти книги — не только об истории, не только о выдающихся деятелях и руководителях, но и о простых людях, которые трудятся на производстве и в сельском хозяйстве, ловят рыбу, служат на подводных лодках и кораблях, учат детей и печат, о тех, кто занят повседневным трудом, несмотря на все сложности и трудности бытия, остаются людьми и живут по законам «Северов».

Когда «закончился» Советский Союз и нужно было решать, как жить дальше, я занялся инвестиционно-банковским бизнесом. Причем в том возрасте, когда резких перемен лучше не делать. И состоялся как бизнесмен только потому, что за плечами был опыт работы в комсомоле, ведь именно там я приобрел организационные навыки, опыт взаимодействия с людьми, умение увидеть и понять суть вопроса, у которого зачастую два или три «дна», что было очень характерно для 1990-х, да и не только. Не менее важно не только найти соратников и сотрудников, но увидеть и понять, на что способен человек, еще до того, как он начнет что-то делать: это все — из комсомольского опыта. И, конечно, связи. Когда ты можешь позвонить человеку за тысячи верст или прилететь туда и в течение 10 минут решить тот или иной вопрос только потому, что хорошо его знаешь, знаешь, что он тебя никогда не подводил и не подведет, потому что он — воспитанник той же школы, которую прошел и ты, — комсомольской. Хотя, конечно, всякое бывало.

Важно не только войти в этот бизнес, но и удержаться. Можно привести массу примеров, когда он успешно начинался и развивался, но рухнул при первом же кризисе.

Всю жизнь я просто работал, делал нужную и мне, и окружающим работу. Старался делать хорошо и добросовестно, будь то сбор комсомольских взно-

*Секретарь комитета комсомола
Камчатского пароходства
Владимир Семернин и его жена
Галина*

Два бывших первых секретаря Камчатского обкома ВЛКСМ В.А. Кучеренко и В.В. Семернин. 2007 г.

сов на теплоходе, или организация и проведение фестиваля молодежи Камчатской области, или открытие отделения банка в Усть-Камчатске, на севере Камчатки, где проживают 2500 человек, или подписание договора на сотни миллионов долларов с японскими партнерами.

Сейчас власть предрержащие пытаются что-то сделать с молодежью, активно развивают волонтерское движение, проводят встречи на Селигере, организуют олимпиады и слеты самых талантливых детей и подростков, чтобы выявить тех, в кого можно вкладываться, и они со временем порадеют и поработают на Отечество. Даже Всемирный фестиваль молодежи и студентов, которым всю жизнь занимался комсомол, возродили.

Но в этом участвуют несколько тысяч человек. А куда деться десяткам миллионов? Как их вытащить с улицы и дать возможность заниматься любимым делом, будь то спорт или вышивание?

Нужен орган или организация, которая должна отстаивать интересы молодежи.

Но сегодня такую организацию создать невозможно. В первую очередь из-за дикого социального неравенства.

С одной стороны, жирующие государственные корпорации, которые проглатывают мелкий и средний бизнес во всех сферах, а с другой — учителя и медсестры с мизерными зарплатами. При такой ситуации невозможно объединение всех и вся.

Виктор Владимирович Стручков

Руководитель группы советников ЦК ВЛКСМ

в Афганистане

Председатель правления Ассоциации молодежных советников Афганистана

Руководитель департамента по персоналу корпорации «АФК «Система»

Ничто не проходит бесследно...

Работа в ЦК ВЛКСМ шла своим чередом. И те редкие весточки, которые мы получали из Афганистана от моего предшественника Валерия Сидорова и зачитывали на планерке сотрудников отдела, отвлекали нас от важных, но все же будничных дел, навевали какие-то смешанные чувства — будто мы читаем отрывки из наших революционных книжек. В то же время возникало чувство гордости за то, что наш коллега в сложной боевой обстановке выполняет важное задание, и присутствовало чувство тревоги за него и других наших ребят. Мы знали, что там идет война.

Когда первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.М. Мишин пригласил меня к себе в кабинет, долго расспрашивал о делах отдела, а затем предложил поехать руководителем группы советников и переводчиков в Афганистан, я воспринял это как знак судьбы, благоприятное стечение обстоятельств. Во-первых, интереснейшая работа — вместе с афганскими друзьями создавать молодежную организацию страны, во-вторых, проверка себя — чего ты стоишь на самом деле, это же «горячая точка».

Началась активная подготовка. Изучение страны, ее истории, традиций, уклада жизни, встречи со специалистами. Важная встреча с начальником политотдела 40-й армии генералом А.И. Овчинниковым, прилетевшим «из-за реки» в командировку. Короткие сборы, и 1 августа 1983 года я уже стою на залитом солнцем поле аэродрома города Кабула в сорокаградусной жаре.

Вместе с В.А. Сидоровым сразу же едем на пленум ЦК Демократической организации молодежи Афганистана, где обсуждались задачи дальнейшего развития влияния на молодежь, а также прошли выборы первого секретаря ЦК ДОМА, которым был избран Фарид Маздак.

Передача дел проходила сложно, потому что Валерий Сидоров тяжело заболел гепатитом и последние две недели в Афганистане провел в госпитале.

В 1982—1983 годах руководство Народно-демократической партии Афганистана и ЦК ДОМА неоднократно обращалось в ЦК ВЛКСМ с просьбой об увеличении группы советников, и осенью 1983 года группа уже насчитывала 80 человек, в том числе 56 из них были направлены непосредственно в провинциальные комитеты.

Влияние ДОМА на афганскую молодежь неустанно усиливалось, активно росли ряды молодежной организации. Этому во многом способствовали формирование и направление различных групп молодежи в пионерские и молодежные лагеря, туристические поездки, на спортивные мероприятия в республике Советского Союза. Большой резонанс получила подготовка и участие

Ноябрь 1984 г.

делегации афганской молодежи в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Возвращаясь домой, в Афганистан, молодые люди, под большим впечатлением от увиденного, говорили: «Мы хотим жить и работать так же, как вы, как живут и работают в Советском Союзе... И мы с оружием в руках будем защищать свое право на такую жизнь».

Но чем активнее распространялось влияние ДОМА на молодежь, тем ожесточеннее становилось сопротивление вооруженной оппозиции. Взрывы, автоматные очереди, минометные обстрелы практически круглосуточно не смолкали и в провинциях, и в Кабуле. По ночам столицу обстреливали ракетами с легких передвижных установок, которые быстро разбирались и перевозились на новое место, поэтому были малоуязвимы для ответного огня. Практически каждую ночь можно было слышать свист пролетающих над головой ракет (почти как в кино) и их разрывы в разных частях города. А утром — итоги ночи — разрушенные здания, убитые и раненые, в основном — среди мирного населения. К сожалению, человеческие трагедии не обошли и нашу группу. В результате обстрелов, подрывов на минах, нападения душманов в группах «Комсомол-4» и «Комсомол-5» погибли Николай Серов, Актор Абдукадыров, получили тяжелые ранения Григорий Семченко, Александр Слободянюк, несколько человек были легко ранены.

Самоотверженность, мужество, самоотдача — так можно характеризовать работу советников ЦК ВЛКСМ, выполнявших интернациональный долг в условиях не прекращавшихся боевых действий на территории республики Афганистан. Вот только два примера.

Во время командировки в уезд Бандо-Сарде провинции Газни Александр Слободянюк вместе с группой советников и работников ДОМА попали в хорошо организованную засаду душманов. В течение трех часов они отражали атаки бандитов. Секретарь провинциального комитета ДОМА Мироджон погиб, а Александр, будучи тяжело раненным и контуженным, оказывал медицинскую помощь своим товарищам, пока не потерял сознание.

Григорий Семченко был тяжело ранен под Кандагаром. Его доставили в Кабульский военный госпиталь, потребовалось срочное переливание крови. Все советники, кто на тот момент был в Кабуле, предложили свою. После предварительного лечения Григорий должен был вылететь в Союз для долечивания, но он категорически отказался — дождался сменщика и передал ему дела. Вот такие ребята работали в группе «Комсомол».

После вывода наших войск власть НДПА и влияние ДОМА были еще сильны, ведь мы продолжали оказывать им помощь и поддержку. Но все рухнуло, когда наше правительство в одностороннем порядке прекратило поставки боеприпасов, техники и топлива в Афганистан.

В то же время Пакистан и Саудовская Аравия, наоборот, увеличили поставки вооружения моджахедам. В результате этого фактически произошло предательство наших союзников — погиб руководитель НДПА Наджибулла, погибли многие партийные и молодежные лидеры, с которыми мы вместе работали, некоторые эмигрировали из страны. Много, что было создано, оказалось разрушено. Для России эти решения имели также негативные последствия. Мы получили войну в пограничном Таджикистане, к нам хлынул огромный поток наркотиков, устремились тысячи беженцев, авторитет нашей страны в глазах союзников был подорван.

Но ничто не проходит бесследно. Среди повзрослевшей молодежи Афганистана много тех, кто вместе с нами стремился строить новую, лучшую жизнь для своего народа, кто помнит нашу бескорыстную помощь, кто надеется, что в дни суровых испытаний мы протянем друг другу руку помощи и дружбы. И я в это верю.

*Виктор Стручков и Фарид Маздак.
Сентябрь 1984 г.*

Куаныш Султанович Султанов

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана

Заведующий отделами ЦК, секретарь Карагандинского обкома КП Казахстана

Министр, вице-премьер, Чрезвычайный и Полномочный

Посол Республики Казахстан в Китайской Народной Республике

Депутат парламента Республики Казахстан

Гордость моей биографии

Комсомол. Это емкое, динамичное слово в сознании и в памяти людей моего поколения без преувеличения ассоциируется с высоким понятием жизненной активности, великодушием, честностью, патриотизмом, преданностью и любви к Родине.

Комсомол — это миллионы молодых людей нескольких поколений, искреннее веривших идеалам революции, которые декларировали цели строительства и достижения подлинно справедливого общества.

Комсомол — это великие стройки и свершения во имя социального благополучия людей нашего общества.

Комсомол — это великий подвиг молодых патриотов ради защиты своего Отечества.

Комсомол — это яркие страницы нашей молодости. Это наша биография. Это наша история.

История комсомола тесно связана с историей не только правящей партии, но и всего народа своей страны.

Комсомол, являясь историей нескольких поколений, олицетворял судьбы и динамику всего общества, отражал подлинный энтузиазм и высокий патриотический дух во имя созидания.

История народа, общества, государства, так же как и история одного человека, не может состоять лишь из одних удач, побед, торжеств и счастливых дней. Ей, естественно, присущи и поражения, неудачи, кризисы, потери.

Мы не говорим о том, что в нашей прошлой истории все, что было связано с комсомолом, вызывает восхищение. Мы его не идеализируем, хотя он действительно сыграл позитивную роль в воспитании молодого поколения всей эпохи. У комсомола, так же как и у всей страны, были успехи и были недостатки. Но он, став достоянием истории, ушел с арены. Как было сказано одним мудрым человеком: «Кто не переживает по развалу СССР — у того нет сердца. Кто надеется восстановить прежний Союз, у того нет ума».

Но мы обязаны говорить правду о том, как мы входили в общество, как становились гражданами своей страны, чувствовали ответственность. Молодежь — деятельная часть населения, и она во все времена активно выступает, участвует в значимых мероприятиях государства.

История, независимо от конъюнктуры различных политических сил, должна оставаться такой, какой она была на тот период времени. Попытки переделывать, переписывать историю в пользу только диктующей власти и

элитной нации, не раз проваливались, о чем красноречиво говорит история самой КПСС. Комсомольцы — не в оправдание будет сказано — в свое время искренне и беспрекословно верили в то, что было продиктовано центральной партийной властью. Так было «продумано» и совершено. Все было сделано так, чтобы только верили и выполняли приказы. Обо всем этом общество узнает, «прозрев», и будет достаточно осведомлено за время после развала и роспуска Коммунистической партии и бывшего Союза. Проведены сотни, тысячи исследований, изданы фундаментальные, популярные, документальные труды, опубликованы воспоминания.

В современную эпоху мы имеем достаточный анализ и более широкое аналитическое представление, для того чтобы мировые процессы воспринимать и понимать уравновешенно и объективно, без резко контрастных «белых» и «черных», без «наших» и «не наших» постулатов и стереотипов.

Молодежная организация — комсомол — в свое время действительно была «надежным резервом и ближайшим помощником Коммунистической партии и считала за честь успешно выполнять поручения и задачи партии.

Основной обязанностью комсомола было воспитание молодежи на лучших традициях трудового и патриотического мировоззрения, формирование достойного гражданина своего народа и Родины. Такие ценности актуальны и в нынешнее время.

Школьный комсомол. С подросткового возраста дети учились уважать патриотические, духовные и понимать национальные ценности. Плохо, что в пору новой эпохи мы значительно «заскромничали» в этом направлении, а дети, подростки «вдоволь наслаждаются» бесконечными убийствами, погромами, насилием, бранной речью, вульгарной лексикой, курением и пьянством, транслируемыми через электронные средства массовой информации, Интернет и другие средства современной технологии.

Общественный авторитет комсомола мощным импульсом и патриотическим духом возрастал как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период, годы восстановления народного хозяйства, освоения целинных земель, строительства новых промышленно-индустриальных комплексов.

Молодежь Казахстана, устремляясь к достойной жизни, принимала активное участие в движении за новую, духовно-свободную, прогрессивную жизнь после свержения царского режима в России. На Западе и Юго-Востоке, в Северном и Центральном Казахстане вслед за Россией уже в конце 1918 года родились первые комсомольские ячейки.

Первая Всеказахстанская комсомольская конференция, прошедшая в июле 1921 года в Оренбурге, оформила организационное, политическое рождение и становление республиканской комсомольской организации. В первые же годы в ее ряды влились более 20 тысяч молодых людей.

В своем приветственном послании в связи с 90-летием комсомола бывшие первые секретари ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельников, Б.Н. Пастухов, В.М. Мишин подчеркивали, что «...Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Казахстана всегда был одним из самых многочисленных, организованных и боевых отрядов ВЛКСМ. В его истории навсегда сохранились имена комсомольских вожakov Гани Муратбаева, Мирасбека Тулепова, Садыка Нурпеисова, Федора Рузаева, которые стояли у истоков создания комсомола...

С первых дней комсомол Казахстана стал активным борцом в создании индустриальной основы народного хозяйства, участником строительства крупнейших предприятий — Балхашского и Карсакпайского медеплавильных, Чимкентского свинцового заводов, Лениногорского полиметаллического и Актюбинского химического комбинатов, угольных шахт, металлургических комбинатов Караганды и Ленгера, Туркестано-Сибирской железной дороги и других важных для страны объектов...»

Все эти вышеприведенные слова отражают подлинную историю нашей страны. Они — и яркое свидетельство героического труда старших поколений комсомольцев, пути развития и роста экономики нашего народа.

Комсомол Казахстана, будучи в авангарде молодежи, становился в первых рядах защитников Родины от вероломного фашистского нападения в годы Великой Отечественной войны. Именно молодые солдаты из Казахстана проявляли мужество и героизм, отважно участвуя в боях за оборону Москвы и Ленинграда. Они вместе с солдатами России и Белоруссии, Украины и Прибалтийских стран, республик Средней Азии и Закавказья, сплотившись в единое целое, показывали беспрецедентный пример интернационального долга и яркими подвигами участвовали в сокрушении «могучего хребта» гитлеровского фашизма. Одной из ошибок Гитлера была не только его недооценка военной силы, тактики военного искусства бывшего СССР, недооценка, непонимание общенационального единства советских людей, солидарности народного духа национальных республик бывшего СССР. В этом великом патриотизме и патриотическом движении искренним порывом преданности к Родине участвовал комсомол. В период Великой Отечественной войны из 5 миллионов 900 тысяч человек всего населения Казахстана (по переписи 1940 г.) 1 миллион 280 тысяч мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, то есть каждый четвертый гражданин, каждый второй мужчина, были призваны на защиту СССР во Второй мировой войне. К великому сожалению, около 700 тысяч казахстанцев, или более половины призванных солдат, полегли на фронтах той войны.

В героическую летопись истории комсомола навечно записаны имена дважды Героев Советского Союза Талгата Бигельдинова, Леонида Беды, Сергея Луганского, Героев Советского Союза Малика Габдуллина, Тулегена Токтарова, Али Молдагуловой, Маншук Маметовой, Нуркена Абдирова и многих других отважных патриотов нашей Великой Родины.

Комсомольцы и молодежь Казахстана воспитывались и воспитываются на примерах героического подвига легендарных патриотов-коммунистов, прославленных командиров в годы войны Героев Советского Союза — Бауыржан Момышулы, Рахымжана Кошкарбаева, Сагадата Нурмаганбетова, который стал первым министром обороны независимого Казахстана в 1991 году.

Комсомольцы и молодежь Казахстана были инициаторами организации поиска без вести пропавших воинов, сбора и исследования свидетельств об их подвигах. Восстановлены сотни имен героев, в числе которых оказалась летчица Хиуаз Доспанова, которая в послевоенный период возглавляла республиканскую комсомольскую организацию. Ей в 2006 году Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева присвоено самое высокое звание современного, нового Казахстана — «Халық қаһарманы» (Народный Герой) в

В Президиуме торжественного собрания секретарь ЦК Компартии Казахстана Н.А. Назарбаев, второй секретарь ЦК комсомола Казахстана С.А. Дьяченко. На трибуне — К.С. Султанов

ознаменование 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

В далеких аулах, в горах и бескрайних степях, на заводах и фабриках, заменяя своих мужчин на фронтах, «со слезами на глазах», тяжелыми вздохами перенося народное горе, продолжали трудиться безвременно овдовевшие более 500 тысяч молодых женщин нашей республики. После войны более одного миллиона детей остались сиротами. Комсомол Казахстана проводил немало общественных мероприятий, пытаясь окружить вниманием и заботой каждую пострадавшую семью, помочь в получении образования детям погибших фронтовиков, принимал активное участие в организации детских домов, школ-интернатов, подготовке педагогических кадров для школ. Создавались комсомольские отряды для оказания помощи семьям погибших солдат, участникам Великой Отечественной войны. С таких локальных действий человеческого соучастия родились позже республиканские, всесоюзные патриотические движения «Дорогами славы отцов», «По местам боевой славы». Благодаря таким движениям были созданы и действительно работали военно-патриотические клубы для подростков и молодежи, сооружались памятники, Аллеи славы, зажигался Вечный огонь. Юноши и девушки, активно участвуя в таких акциях, чувствовали свою гражданскую ответственность, проникались глубоким уважением к памяти старших поколений, к своей истории, бережно и с гордостью относились к Родине.

Народ Казахстана свято чтит память о героях войны и героический труд военного времени, который создавался нашими овдовевшими матерями и подростками, вскоре дружно вступавшими в ряды комсомола. Это была школа нравственности для целого поколения.

Комсомол Казахстана принимает авангардное участие в восстановлении народного хозяйства, освоении новых производств, новых земель в бескрайних просторах республики. Наша молодежь живо откликалась на призывы ЦК ВЛКСМ активно участвовать во всесоюзных ударных комсомольских стройках — от Турксиба до Комсомольска-на-Амуре, от рудников Коунрада до Магнитки, от Караганды до Братска и Байкала-Амурской магистрали. По инициативе и призыву комсомола Казахстана молодежь республики ударно тру-

дилась на строительстве Карагандинского, Павлодар-Экибастузского, Чимкентского, Каратау-Джамбулского и других производственно-промышленных комплексов. Многие трудовые инициативы молодежи рождались на рисовых полях Кызыл-Орды, бескрайних хлебных просторах Костаная, Кокшетау, Северного Казахстана, комсомольцы осваивали нефтяные промыслы Западного Казахстана, Мангистау и Атырау.

Всюду создавались комсомольско-молодежные трудовые коллективы, каждый молодой рабочий, специалист считал за честь работать в составе таких формирований. Они на самом деле выступали образцом подлинного коллективизма, инициаторами трудового соперничества за достижение наивысших показателей в работе.

Для многих молодых людей комсомол Казахстана стал подлинной школой становления гражданственности, жизненной общественной зрелости, эффективно содействовал формированию нравственного мировоззрения молодых людей. Благодаря комсомолу большинство молодежи могли для себя определить активную жизненную позицию, находили свое место в жизни. Массовые комсомольско-молодежные инициативы, будь это на производстве, в учебе или в общественной жизни, как правило, охватывали большую часть молодежи и служили серьезным подспорьем для молодого человека в выборе жизненного пути. Комсомол помогал многим молодым людям преодолевать замкнутость, эгоизм, невежество и нигилизм.

У комсомольцев республики сложились богатые традиции трудового и патриотического воспитания, поддержки научной и творческой молодежи. В истории ЛКСМ Казахстана навсегда остались славные имена Героев Социалистического Труда Жансултана Демеева, Камшат Доненбаевой, Есильбая Кадыралина, Натальи Геллерт, Леонида Картаузова, Владимира Дитюка, Михаила Довжика, Жадыры Таспамбетовой и многих других воспитанников комсомола.

Лауреаты премии Ленинского комсомола Олжас Сулейменов, Кадыр Мырзаалиев, Туманбай Молдагалиев, Мухтар Шаханов, Шамши Калдаяков, Нургали Нусипжанов, Ескендир Хасангалиев, Алибек Днишев, Айман Мусаходжаева, Жания Аубакирова, Роза Рымбаева стали выдающимися деятелями культуры и искусства с мировым именем.

Справедливо будет сказать и о том, что комсомольскую школу прошли многие известные политические, государственные деятели нашей страны. Достаточно вспомнить биографию Елбасы, первого президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева.

В 1958 году он, восемнадцатилетний, по комсомольской путевке прибыл на строительство Карагандинского металлургического комбината.

В книге «Без правых и левых» Нурсултан Абишевич вспоминает: «...А в Казахстане в те дни гремело название нового города Темиртау, где строился один из крупнейших металлургических комбинатов страны. Как-то в попавшем мне на глаза номере «Ленинской смены» прочитал объявление о комсомольском наборе в Темиртауское ФЗУ, готовящее будущих металлургов...

...Собраться, получить в райкоме комсомольскую путевку было делом двух дней. Без долгих проводов сел в поезд и махнул в Темиртау...»

Далее автор вспоминает, как его пригласили к первому секретарю Темир-

тауского горкома партии Лазарю Михайловичу Каткову: «...К тому времени я уже серьезно втянулся в общественные дела, был делегатом республиканского и всесоюзного съездов комсомола, избран членом ЦК ВЛКСМ, парторгом цеха. Но то, что мне предложат дать согласие сразу на избрание первым секретарем горкома комсомола, я никак не мог ожидать. Не помышлял я в то время менять свой выбор и связывать дальнейшую судьбу с политической карьерой...» (*Назарбаев Н. Без правых и левых. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 28, 29, 70*).

Привожу эти строки для того, чтобы подчеркнуть причастность комсомола к судьбе многих выдающихся государственных и политических деятелей.

Многие люди, прошедшие школу комсомола, были востребованы и в новую эпоху. Порой и по этому поводу некоторые пытаются иронизировать над неоспоримыми фактами.

В период советской политико-административной системы комсомол также был школой воспитания кадров управленческого аппарата. Работа молодых людей в комсомольских органах районного, городского, областного, республиканского уровней формировала их ответственность перед обществом, позволяла приобретать навыки управления, учила культуре общения. Вполне естественно и оправданно молодые, перспективные люди, прошедшие комсомольскую школу, выдвигались на ответственные должности государственных и партийных органов. В большинстве случаев такое доверие оправдывалось сполна.

В свое время на ответственные партийно-государственные, хозяйственные руководящие должности в республике выдвигались и достойно оправдали оказанное им доверие бывшие секретари ЦК, обкомов комсомола Казахстана Сагындык Кенжебаев, Косай Егизбаев, Бидамал Рамазанова, Михаил Исиналиев, Узбекали Жанибеков, Закаш Камалиденов, Анатолий Семенченко, Никара Абаева, Геннадий Митрофаненко, Юрий Додонов, Виктор Карамарев, Кенес Аухадиев, Вера Сидорова, Тельман Сауранбеков, Виталий Брынкин, Жибек Амирханова, Геннадий Зуев, Серик Абдрахманов, Сергазы Кондыбай, Нурлан Омаров, Николай Елисейев, Петр Никитин, Николай Естехин, Серик Дарменбаев, Сергей Сухарев, Олег Гайдин и другие.

В новую эпоху, после приобретения государственной независимости, первый президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев предложил казахстанский путь формирования прагматичного, правового, гражданского общества в условиях рыночной экономики и конструктивной демократии. На этой основе он разработал концепцию переходного периода от социализма к свободному обществу, где утверждается верховенство закона и права. Принимается первая конституция переходного периода в 1993 году. Время стремительно диктовало новые требования, жизнь менялась невероятными темпами, и вскоре встал вопрос о принятии новой конституции.

В 1995 году на всенародном референдуме почти 90 % избирателей, уже осмыслив все происходящие процессы первых пяти лет государственной независимости, приняли новую конституцию, по которой живет и процветает современный Казахстан. Первая же ее статья провозглашает: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы».

По такому же принципу строилась практическая работа по подбору и расстановке кадров, что исключило всякую «кампанейщину» типа «охоты на ведьм». Не допущено в Казахстане попыток «массовой борьбы» — разрушения и уничтожения ценностей прошлой системы, портретов и памятников. Словом, не было никакой истерики и поисков «врагов народа», ибо мы скатились бы на те же ошибки, которыми были заражены большевики в 20-х, 30-х, 50-х годах прошлого столетия. Не было причин и повода для этого. Конечно, отказались от пут идеологии прошлого. Все это позволило Нурсултану Назарбаеву проводить уверенно новые реформы. Естественно, повсеместно подбирались новые, молодые, перспективные кадры, с новым мышлением и свободные от груза старого. Но из кадров прежней системы никто в стране не делал изгоев. Существовал индивидуальный подход. И поэтому многие опытные, грамотные люди вполне органично вписались в новые условия. К их чести, они не стеснялись учиться работать в новых условиях, чутко реагировали и воспринимали новые реалии. Самостоятельная, независимая государственность стала стержнем идейного единства. Это позволило всем дружно и результативно работать на современный Казахстан. Это — великая заслуга перед народом Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Строя новый, современный, конкурентноспособный Казахстан, Нурсултан Назарбаев исключительно внимательно отнесся ко всему кадровому потенциалу республики. Он создал многих наших соотечественников, работающих за пределами нашей республики, и дал им возможность проявить себя и сделать полезное дело для республики. Достаточно сказать, что нынешний председатель Сената Парламента РК Касым-Жомарт Токаев, работавший в Москве, был приглашен на должность министра иностранных дел страны. И подобных примеров много.

Таким же образом президент отнесся к комсомольским лидерам. Бывший первый секретарь ЦК комсомола Казахстана, нынешний посол Республики Казахстан в Российской Федерации Имангали Тасмагамбетов был у президента помощником, вице-премьером, руководителем ряда регионов, Астаны, министром обороны, премьером, руководителем администрации Президента, государственным секретарем.

Председатель Мажилиса Парламента РК, в прошлом первый секретарь Карагандинского обкома комсомола, председатель КМО Нуран Нигматулин был акимом Карагандинской области, первым заместителем председателя партии «Нур Отан», руководителем администрации Президента РК.

Пройдя политическую закалку в комсомоле, Оралбай Абдыкаримов работал председателем Сената Парламента РК, Орал Мухаметжанов — председателем Мажилиса Парламента РК, Сергей Терещенко возглавил первое правительство независимого Казахстана.

В прошлом комсомольский работник, Крымбек Кушербаев был послом в России, первым руководителем в нескольких областях, вице-премьером, ныне он — аким Кызылординской области с высоким рейтингом.

Первый секретарь Кокшетауского обкома комсомола, ныне лидер коммунистов Казахстана Владислав Косарев — депутат Мажилиса Парламента РК...

Более двадцати лет начальником канцелярии Президента РК является

Махмуд Касымбеков, в свое время работавший секретарем Алма-атинского гаркома, обкома, заведующим ЦК комсомола Казахстана.

Никто из них не дал ни малейшего повода усомниться в их честности и порядочности, работоспособности, компетентности и патриотизме — качествах, наработанных в комсомоле.

Известно, что Казахстан, будучи в составе СССР, не мог иметь самостоятельную внешнюю политику. С обретением республикой государственной независимости Нурсултан Абишевич, лично хорошо зная многие положительные качества — образованность, коммуникабельность, надежность — в прошлом комсомольских работников республиканского уровня, направлял их на самые ответственные участки в надежде на то, что именно они достойно представят малоизвестное молодое государство на международном уровне.

Такое доверие было оказано в прошлом секретарю ЦК комсомола Акмарал Арыстанбековой, которая стала первым постоянным представителем РК в ООН. А секретарь ЦК комсомола, ныне председатель комитета по социально-культурному развитию Сената Парламента РК Бырганым Айтимова была послом в Израиле, Италии, в ООН, министром образования, вице-премьером. Бывший комсомольский работник Сергей Громов работал заместителем министра обороны, ныне он — заместитель председателя Сената РК; первый секретарь Алма-атинского обкома комсомола Шамша Беркимбаева была сенатором, министром образования РК; первый секретарь Атырауского (Гурьевского) обкома комсомола Равиль Чердабаев — акимом, первым министром нефтегазовой промышленности РК; первый секретарь Карагандинского обкома комсомола Серик Ахметов — акимом, министром транспорта, вице-премьером, премьером РК; Сергей Дьяченко, работавший вторым секретарем ЦК комсомола, был акимом области, заместителем председателя Мажилиса Парламента РК, комсомольские лидеры Зауытбек Турисбеков возглавлял Агентство по госслужбе, Министерство внутренних дел, администрацию Президента, посольства РК в Узбекистане, России, Украине; Мухамбет Копей был акимом, министром по чрезвычайной ситуации, избирался заместителем председателя Мажилиса и Сената Парламента РК; первый секретарь Талдыкорганского обкома комсомола Серик Ахымбеков также назначался акимом области, министром сельского хозяйства; Таир Мансуров — секретарь обкома — был послом в России, акимом области, генеральным секретарем ЕврАЗЭС. Активно работали на разных должностях новых государственных формирований секретари, работники ЦК и обкомов комсомола Манура Ахметова, Гайникен Бибатырова, Сиязбек Мукашев, Батес Исмагулова, Маркен Чайжунусов, Мухамедкасым Шакенов, Болат Баекенов, Сабиля Мустафина, Зейнолла Алшынбаев, Святослав Медведев, Оналбек Сапиев, Ислям Медеубаев, Михаил Крюков, Куаныш Алпысбеков, Нурлан Сейтжапаров, Шарип Омаров, Нурлан Даненов, Хайролла Кабжанов, Бекболат Бырбаев, Рашид Ибраев, Владимир Котельников, Гульсара Алтынбекова, Абдулла Ахметов, Владимир Молодцов, Серик Сейдуманов, Юрий Пластовец, Досан Шеримкулов, Толеухан Нуркиянов, Тасбай Симамбаев, Маймурат Уалиев, Кайрат Аманбаев, Серикжан Канаев, Есенжол Алияров, Кайрат Заманбеков, Куаныш Айтаханов, Сагынхан Амрекулов, Анатолий Пепенин, Куралбек Келжанов, Куаныш Курмашев, Талгат Мамашев, Людмила Мацупа, Софья Сеиткалиева, Олег Петько, Анатолий Башмаков, Виктор Рогалев, Виктор Неруш, Людмила Дегитаева, Бакытжан Жумагулов,

Шакира Тыналина, Айгуль Кадырбекова, Асем Беспаета, Кобес Сагадиев, Владимир Колодийцев, Дана Шайменова и другие.

Комсомол Казахстана в свое время был кузницей кадров и для центральных органов бывшего Союза. Секретарем ЦК ВЛКСМ был избран Яхья Чудров, успешно работавший первым секретарем Западно-Казахстанского (Уральского) обкома комсомола, что в свое время было ярким событием в жизни не только нашего коллеги Яхьи, но и предметом гордости комсомола республики. На ответственные должности в ЦК ВЛКСМ выдвинуты воспитанники комсомола Казахстана Иван Зарубин, Лариса Колычева, Зинаида Драгункина, Багыт Абулгазин, Олег Карпунин, Есетжан Косубаев и другие, которые достойно представляли нашу республику на союзном уровне.

Я перечислил лишь некоторые имена комсомольских работников, а сколько молодых людей, поработавших в региональных комсомольских органах, сумели адаптироваться к новой системе развития современного независимого Казахстана, стали блистательными менеджерами, создали первые бизнес-структуры, сумели использовать наработанные в прежние годы организаторские навыки и включились в непростой ритм развития страны!

Пусть не обижаются многие другие комсомольские коллеги, которые удостоены современного доверия президента, работали и работают на различных ответственных должностях районного, областного, республиканского уровня, их, слава богу, немало, просто невозможно всех назвать.

И наконец. Почему я горжусь своей комсомольской биографией? Я благодарен судьбе за то, что мне выпало счастье 14 лет моей трудовой биографии закрепить в комсомоле, пройдя путь от инструктора райкома до первого секретаря ЦК комсомола Казахстана. Видимо, мне доверяли. А это самое дорогое. По рекомендации в то время секретаря ЦК Компартии Казахстана Н.А. Назарбаева и первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаева я заведовал тремя ведущими отделами ЦК Компартии Казахстана, работал секретарем Карагандинского обкома партии.

В годы независимости Нурсултан Абишевич мне доверил высокоответственные государственные должности: министр печати и СМИ, заместитель премьера, заместитель председателя Верховного совета, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Китайской Народной Республике, депутат, председатель комитетов Сената, депутат Мажилиса Парламента РК...

В моей независимой, свободной молодой стране меня никто ни в чем не упрекнул за мою прошлую комсомольскую деятельность. Я счастлив и горжусь своей биографией.

Уход комсомола с политической арены, так же как и судьба государства, — драматическое событие. Стала достоянием истории вся политическая система. Это тоже наша история.

Но люди сохранили память. Это — жизнь. Комсомол живет в наших сердцах, в нашей памяти. Пользуясь такой возможностью, хочу поздравить со столетием всех, кто помнит комсомол добрым словом.

Шухрат Музафарович Султанов

Первый секретарь ЦК ЛКСМ Таджикистана

Председатель ЦРК ВЛКСМ

Руководитель Исполнительного Аппарата Президента РТ

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики

Таджикистан

Доктор политических наук, профессор МГУ

им. М.В. Ломоносова

Лучшие годы нашей жизни

Годы бегут, бегут стремительно и незаметно... Казалось, только вчера совсем молодым и неопытным инструктором ЦК ВЛКСМ с гордостью участвовал в подготовке и праздновании 60-летия Ленинского комсомола, а сегодня уже промелькнуло ни много ни мало, а ровно 40 лет, и мы, став теперь седовласыми ветеранами, с волнением и каким-то трепетным ожиданием готовимся к 100-летию нашей родной и любимой организации.

Думаю, каждый из нас, коллег по комсомолу, вспоминая и оценивая все пройденное, уверенно скажет: это были **лучшие годы нашей жизни!** Лучшие годы, потому что именно комсомол по-настоящему сформировал и воспитал, научил нас самоотверженно и честно трудиться, быть ответственными везде и во всем. Научил понимать, сопереживать, поддерживать и, преодолевая трудности, добиваться цели.

Вспоминая свою юность, скажу откровенно, что если в школе моя фотография висела на Доске почета и я возглавлял пионерское звено, то в студенческие годы достаточно прохладно относился и к общественной работе, и даже к учебе. И не случайно многие однокурсники впоследствии при встречах искренне удивлялись, как это я оказался на комсомольской работе, во что, пожалуй, ранее и сам бы не поверил.

А произошло все очень просто и в некоторой степени логично. После института начал работать в строительном тресте и по служебным обязанностям занимался вопросами подготовки и сдачи объектов. Когда мне предложили возглавить штаб «Комсомольского прожектора», несколько сомневался, но, поразмыслив, все же дал свое согласие. А потом постепенно в эту работу втянулся и буквально мотался по объектам, находил дефекты и нарушения, фотографировал кривые стены и некачественную отделку, а затем все это, с указанием адресов и виновных, «высвечивал» на экране «Комсомольского прожектора» в центральном фойе треста. И от этой работы было удовлетворение, ибо следовала оперативная реакция, начиная от прораба до начальника управления и руководства треста, а главное — устранялись недостатки, и «Прожектор» на деле работал. Со временем избрали заместителем секретаря комитета комсомола и председателем Совета молодых специалистов треста.

В один прекрасный день, в октябре 1975 года, мне позвонил завсектором кадров обкома комсомола Евгений Ильич Тургунов и предложил перейти на комсомольскую работу — заведующим орготделом Ленинабадского горкома

комсомола. Я неспроста называю этот день прекрасным, потому что и в годы комсомольской работы и во все последующие годы, находясь на самых различных должностях, никогда не жалел о сделанном выборе, о том, что связал свою судьбу с комсомолом. Считаю, мне очень повезло, что тогда оказался рядом с настоящими комсомольскими вожаками, подлинными молодежными лидерами. Сейчас, когда я пишу «рядом», вкладываю в это буквальный смысл, потому что секретари горкома комсомола Иномджон Мухамедович Умаров и Валерий Павлович Латышев сидели тогда со мною, новым орговиком, в одном кабинете. И нам не было тесно, наоборот, для меня это была настоящая школа, я имел отличную возможность поскорее познать азы и тонкости настоящей комсомольской работы. Учился у наставников всему: как они работают с людьми, с каким вниманием выслушивают посетителей и неформально с ними общаются и беседуют, как строят разговор по телефону, готовят важные документы и выступления. Большой школой для меня, молодого заворга, стал проведенный в 1976 году обмен комсомольских билетов.

Совсем скоро, уже через год, мне неожиданно предложили перейти на должность заведомо пропаганды и культурно-массовой работы Ленинабадского обкома комсомола. Я шутил среди друзей, что обычно все переходит от слова к делу, а у меня — все наоборот. Но этот период позволил мне, технарю по образованию, освоить немало нового, прежде всего — особенности идеологической работы, навыки общения и убеждения молодежи и, что немаловажно в комсомоле, умение составлять документы, писать доклады, выступления.

Во время отчетно-выборной кампании меня направили в Исфору — готовить городскую комсомольскую конференцию, где планировалось участие первого секретаря ЦК комсомола республики и представителя ЦК ВЛКСМ. Я очень переживал за подготовку, старался не допустить каких-то промахов, начиная с типографской продукции, оформления зала и заканчивая резолюцией конференции. Мой номер в гостинице был своего рода штабом, и поздним вечером, когда достаточно бурно обсуждались вопросы предстоящей конференции, вдруг раздался стук в дверь. Открыв ее, я увидел первого секретаря ЦК комсомола республики Абдуджаббора Сатторовича Сатторова вместе с ответработником ЦК ВЛКСМ Юрием Бушуевым. Оба стали интересоваться подготовкой к конференции, задали немало вопросов, касающихся проектов документов, отчетного доклада, состава делегатов, на что я пытался дать исчерпывающие ответы. Забегая вперед, скажу, что конференция прошла четко и весьма содержательно, а через неделю меня пригласили в ЦК Компартии Таджикистана на собеседование и предложили работать в аппарате ЦК ВЛКСМ взамен А.С. Сатторова, ранее представлявшего в Москве республиканскую комсомольскую организацию.

18 января 1978 года я был утвержден инструктором отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ. Конечно же, ощущал большое волнение, ведь опыта почти не было — проработал всего лишь год заворгом в горкоме и год — заведомо в обкоме комсомола, а тут сразу — в центральный аппарат. Это огромная ответственность, и главное — надо было не подвести не только областную организацию, но и в целом комсомол Таджикистана, оправдать оказанное доверие и доказать делом, что выбор был неслучаен.

С первых дней работы в ОКО ощущал доброе отношение и внимание коллег, стремление поддержать и оказать помощь. Среди них хочу назвать Виктора Гавриловича Волчихина, Ларису Федоровну Колычеву, Виктора Сергеевича Сторожева, Наталью Васильевну Янину, Валерия Степановича Митькина. Благодаря им, как и многим другим, успешно освоил новую работу и вскоре был утвержден ответоргом, а в мае 1980 года — заведующим сектором областей Поволжского региона.

Как молоды мы были! 1982 г.

Последнее назначение было настолько неожиданным, что до сих пор помню каждый нюанс того дня. Утром позвонили от руководства отдела, предупредили, чтобы находился на рабочем месте, так как должна состояться встреча с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастуховым. На мой вопрос о цели этой встречи последовал лаконичный ответ: «Узнаешь наверху». Когда я прибыл в первую приемную и помощник обо мне доложил, дверь кабинета вдруг распахнулась, и Борис Николаевич, обращаясь ко мне по имени, сказал: «Шухрат, привет, проходи!» Тут же сам выдвинул стул из-за стола и вежливо предложил сесть. Затем спросил: «Как настроение?» После традиционного ответа — «рабочее» (как было принято в нашем аппарате) — Борис Николаевич сразу подошел к карте, висевшей на стене напротив, и, указав на обширную территорию Поволжья, сказал, что есть предложение поставить меня во главе сектора, занимающегося этим регионом. Я никак не ожидал такого предложения. После некоторого замешательства поблагодарил за доверие. Далее Борис Николаевич с теплотой и задушевностью, в простой и доступной форме начал рассказывать о главном в предстоящей работе, посоветовал, на что мне в первую очередь следует обратить внимание («Особое внимание!» — подчеркнул он), и высказал конкретные, четкие пожелания. А в заключение поинтересовался моей семейной жизнью и пожелал успехов в предстоящей работе. Эта беседа произвела на меня огромное впечатление. Во все последующие годы, находясь на разных руководящих постах в республике (первого секретаря ЦК комсомола, заведующего орготделом ЦК компартии, руководителя аппарата президента), я, проводя собеседования со многими кадрами, всегда стремился строить каждую встречу, каждую беседу неформально и содержательно, как это делает наш наставник и учитель, уважаемый Борис Николаевич Пастухов.

Признаюсь, мне очень нравилось работать в аппарате ЦК: здесь была дружеская, доброжелательная атмосфера, простые и доверительные отношения,

лишенные какой-либо чопорности и чинопочитания. Я благодарен за внимание и отзывчивость многим руководителям и коллегам, прежде всего — В.М. Мишину, В.В. Андриянову, Н.К. Долгушкину, А.Н. Колякину, З.Ф. Драгункиной, В.К. Егорову, М.Н. Лазутовой, В.А. Васину.

Школа комсомола и закалка, которую мы в ней прошли, позволили многим коллегам успешно продолжить работу в самых разных сферах, в том числе на государственном и правительственном уровнях. Достаточно назвать имена президента Северной Осетии и члена Совета Федерации Таймураза Мамсурова, губернаторов Самарской и Калужской областей Николая Меркушкина и Анатолия Артамонова, председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Зинаиды Федоровны Драгункиной и главы Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко. Очень жаль, что так рано покинула нас Людмила Ивановна Швецова: занимая высокие государственные посты, она всегда отличалась особой добротой и человечностью...

Работа в ЦК, разумеется, связана со многими командировками. Курирую воронежскую, липецкую, тамбовскую, затем ростовскую и чечено-ингушскую комсомольские организации, а впоследствии возглавляя и сектор Поволжья, я часто выезжал в командировки. Каждая из них прибавляла мне опыта, помогала, изучая ситуацию на местах, лучше исполнять свои обязанности. Важную роль играли в этом коллеги — секретари обкомов комсомола, со многими из которых — Анатолием Ежиковым, Владимиром Федосовым, Виктором Шуняевым, Герсолтом Эльмурзаевым, Александром Моклаковым, Владимиром Афанасьевым, Владимиром Катунинным и другими — у меня сложились не только деловые, но и по-человечески теплые и дружеские отношения.

А одна из командировок в Тамбовскую область запомнилась особо. Помню, как мы с секретарем обкома комсомола приехали в отдаленный Верхнехавский район, секретарь тамошнего райкома комсомола, встречая нас, решил обратиться ко мне по имени-отчеству: «Здравствуйте, Шухрат Митрофанович!» Так, с его легкой руки, вместо «Музафарович» ко мне до сих пор многие в шутку обращаются: «Митрофанович!»

Когда готовили вопрос на Бюро ЦК ВЛКСМ «О стиле работы Киевского горкома комсомола», меня включили в бригаду и поручили проверку Залызычного (Железнодорожного) райкома Киева. Так уж вышло, что в секторе учета райкома вскрылись серьезные нарушения. В то время первым секретарем горкома был Валерий Цыбух, для которого, конечно, это явилось неприятным сюрпризом. Тем не менее с Валерием Ивановичем мы подружились и долгие годы поддерживали связь. А после моего назначения послом Таджикистана на Украине наша дружба стала еще крепче. Кстати, когда в конце 2013 года в командировку в Киев приезжал Борис Николаевич Пастухов, мы вместе с Валерием Цыбухом, Анатолием Ивановичем Корниенко и Дмитрием Ткачом провели с ним прекрасную встречу в Посольстве Таджикистана и отведали настоящий таджикский плов.

В апреле 1981 года, когда я находился в командировке в Ульяновске, неожиданно мне через обком партии сообщили о необходимости срочно позвонить в Душанбе, в ЦК Компартии Таджикистана. Через несколько дней меня утвердили инспектором ЦК партии республики (тогда была неплохая практика обкатывать будущих комсомольских работников через партийные орга-

ны). Кстати, после моего избрания в сентябре 1981 года первым секретарем ЦК комсомола республики опыт работы инспектором ЦК партии мне очень пригодился: не было проблем во взаимоотношениях с ЦК и партийными комитетами на местах.

Встал вопрос о моем преемнике в ЦК ВЛКСМ. Не секрет, бывают руководители, которые, опасаясь конкуренции и потери должности, умышленно стараются подобрать окружение и заместителей из числа не самых лучших, тех, кто ниже их уровня. Проработав в ЦК ВЛКСМ и представляя там республику, я сознавал: здесь должен работать очень достойный и грамотный человек, по делам и поступкам которого будут судить в целом о Таджикистане и таджикском народе. Поэтому я долго думал, перебирая в памяти самых толковых и способных ребят, пока не остановился на кандидатуре Рашида Алимова, который в период моей работы заведомо пропаганды обкома возглавлял лекторскую группу ЦК комсомола республики. Смущало одно: обычно представители Таджикистана работали в орготделе ЦК ВЛКСМ, а у Рашида биография в основном была связана с идеологией — ему это направление было ближе. В то время отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ возглавлял Владимир Константинович Егоров, и с ним мы были дружны. Я ему позвонил и рассказал подробно об Алимове, заверив, что этот парень его не подведет, будет успешным сотрудником. Владимир Константинович дал свое согласие, и вскоре Рашид Алимов был утвержден инструктором лекторской группы ЦК ВЛКСМ. В беседе с Рашидом перед отъездом в Москву я напомнил, что его задача — добиться большего, чем удалось предшественнику. Краснеть перед В.К. Егоровым мне в будущем не пришлось, потому что Рашид, благодаря кипучей энергии и активности в работе, очень скоро стал заведующим лекторской группой, а затем — и заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ. В последующие годы Р.К. Алимов, по логике кадрового резерва, сменил меня на должности первого секретаря ЦК ЛКСМ Таджикистана. Не только я, многие мои коллеги гордятся успехами Рашида Кутбудиновича, который смог достичь немалых высот, был назначен министром иностранных дел Таджикистана, затем — постоянным представителем республики в ООН, послом Таджикистана в Китайской Народной Республике, а сегодня занимает высокий пост генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества.

В канун 100-летия ВЛКСМ следует отметить, что многие славные дела комсомола, его заметный вклад в развитие многонационального государства были бы невозможны без участия республиканских, краевых, областных и других местных комсомольских организаций. Немалую лепту внесла Таджикская республиканская комсомольская организация. С именем комсомола республики было связано сооружение важнейших объектов, объявленных ударными комсомольскими стройками, среди них — строительство Нурекской ГЭС, Таджикского алюминиевого завода, Яванского электрохимического комбината и Дангаринского ирригационного тоннеля, освоение Дальверзинской степи, Бешкентского и Аштского массивов. Шефство над этими объектами, направление молодежи на их строительство было главным содержанием комсомольской работы и в период нашей деятельности. Учитывая нехватку в республике квалифицированных рабочих кадров, ЦК комсомола выступил с инициативой подготовки их в ПТУ России и Украины. Эта идея нашла под-

держку, и благодаря ей более 23 тысяч ребят из Таджикистана после обучения в крупных российских и украинских центрах освоили нужные для экономики республики специальности. Хочу отдельно подчеркнуть, что автором и главным проводником в жизнь этой инициативы был второй секретарь ЦК Александр Тимофеевич Уваров, оставивший добрый след в нашей республике. Не случайно многие с уважением называли его и называют на таджикский лад «Умаров». Считаю, что комсомольской организации республики очень повезло: все работавшие в те годы на этой должности коллеги — Борислав Борисович Мещанинов, Александр Тимофеевич Уваров, Владимир Филиппович Афанасьев, Сергей Тимофеевич Папин — проявили себя как яркие и неординарные личности, преданные порученному делу, и, главное, полюбили по-настоящему Таджикистан. Мы и по сей день поддерживаем связь, используем каждую возможность повстречаться и вспомнить нашу совместную работу в комсомоле.

Известно, что комсомол работал под руководством партии. И это не просто слова, в этом я убеждался многократно, получая от старших товарищей поддержку и помощь в работе. Помню, в первый же день после моего избрания на прием ко мне попросилась группа творческой молодежи, которая с возмущением потребовала отменить запрет намеченного на ближайшие дни слета клубов самодеятельной песни (КСП), на который к тому времени уже съехались многочисленные участники со всего Союза. Я понимал: если не добьюсь разрешения на этот слет, от меня сразу отвернутся не только представители культуры, но и актив, и коллеги. Сразу же позвонил первому секретарю ЦК партии Джабару Расулову и попросил меня срочно принять. Джабар Расулович все внимательно выслушал и высказал опасение: слет планируется за городом, в Варзобском ущелье, а там будет сложно обеспечить безопасность большой массы молодежи. Я заверил, что мы сделаем все, чтобы избежать проблем, и попросил партийного руководителя дать «добро» на проведение. И слет состоялся. Нам пришлось провести несколько бессонных ночей, но осталось чувство удовлетворения, а главное — благодарности первому лицу республики за понимание и поддержку. Символично в этой связи, что Джабар Расулович последние часы своей жизни провел именно среди молодежи, напутствуя делегатов XXIII съезда комсомола республики...

Такую же поддержку мы ощущали и от других партийных руководителей — секретаря ЦК партии Гулджахон Бобоевны Бобосадыковой, ранее возглавлявшей комсомол республики, заведующих отделами Ивана Федоровича Дедова, Вахоба Вахидовича Вахидова, замзавотделом Биходжал Фатхитдиновны Рахимовой, которые тоже ранее работали в комсомоле. Разумеется, мы часто советовались и получали помощь от бывших республиканских и областных комсомольских лидеров — Султана Шариповича Мирзошоева, Усмана Ганиевича Усманова, Абдуджаббора Сатторовича Сатторова, Мархобо Юсуповны Юсуфджановой, Шукура Садыковича Садыкова.

Но были и проблемы. Пришедший на смену Д.Р. Расулову первый секретарь ЦК партии Рахмон Набиевич Набиев недооценивал роль комсомола, нередко критически высказывался о его работе. Когда из Москвы меня включили в состав делегации, возглавляемой Б.Н. Пастуховым, для поездки на БАМ и в Комсомольск-на-Амуре, он сначала не давал согласия, а после поездки, которая все же состоялась, неоднократно упрекал, повторяя, что у нас

есть свои проблемы и больше надо ездить внутри республики. Однажды дело дошло до казуса. Я выехал на машине в дальнюю командировку на Памир. И когда был в пути, в моей приемной прозвучал звонок из службы помощников Р.Н. Набиева. Секретарь ответила, что я нахожусь в ГБАО (Горно-Бадахшанская автономная область). К сожалению, эту информацию передали наверх в искаженном виде, заменив одну аббревиатуру другой: получалось, будто я не в ГБАО уехал, а отправился... на БАМ! Мне сообщили реакцию Р.Н. Набиева: «Опять он туда уехал?!»

Ш.М. Султанов

Но скоро произошел поворотный случай. Во время XIX съезда ВЛКСМ Виктор Максимович Мишин подошел ко мне и сказал, что после перерыва меня выдвинут председателем Центральной ревизионной комиссии и это будет неосвобожденная работа, в дополнение к должности первого секретаря ЦК ЛКСМ Таджикистана. На мой вопрос, знают ли об этом в ЦК партии республики, Виктор Максимович заверил: «Капитонов звонил Набиеву». Когда после избрания я вернулся в Душанбе, Набиев в присутствии немалой аудитории с некоторой гордостью, как мне показалось, сообщил: «Мне звонил секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов. Нашего первого секретаря комсомола Султанова избрали председателем ревизионной комиссии всего комсомола. Это большое доверие. Давайте поздравим его!» Надо ли говорить, что после этого отношение к комсомолу резко изменилось и работать нам стало значительно легче.

Я выражаю признательность своим коллегам, оказывавшим поддержку в непростой комсомольской работе. Хотел бы искренне поблагодарить Рахмона Ульмасова, Шукурджона Зухурова, Рафику Мусаеву, Алишера Норматова, Рустама Курбанова, Собитджона Бабаева, Галию Рабиеву, Мамаджона Хамидова, Нурали Курбанова, Зууракан Давлеталиеву, Рукию Курбанову, Фатоха Файзуллаева, Бобохона Исмаилова, Муборакшо Махшулова, Набиджона Юддашева и многих других. Радуюсь тому, что и после комсомола все они, добросовестно работая на различных участках, достигли немалых высот. Сегодня Шукурджон Зухуров является председателем нижней палаты парламента Таджикистана, а Нурали Курбанов — доктор наук, профессор, возглавляет Московский институт экономико-правовых основ недропользования. Надежной опорой в нашей работе были активисты и члены выборных органов — лауреат премии Ленинского комсомола художник Сухроб Курбанов, режиссер Валерий Ахадов, директор совхоза Садриддин Мухамедов, секретари первичек Олимджон Ахмедов, Одилджон Абдуллаев, Абдусалом Умаров.

За годы комсомольской деятельности мы не только обрели опыт и научились работать с людьми — благодаря комсомолу у нас появились близкие и надежные друзья. Крепкая дружба и искренние отношения сложились у нас с коллегами: с Сериком Абдрахмановым из Казахстана и Бури Алламурадовым из Узбекистана. Помню, как после XIX съезда ВЛКСМ первый секретарь Московского горкома комсомола Саша Борцов предложил, чтобы вместо него в аэропорт меня проводил председатель городской ревкомиссии Слава Копьев. Я с удовольствием дал согласие, и с этого момента началась наша дружба со Славой, которая год от года только крепла. Познакомились семьями, сблизилась наши жены и дети. Вячеслав Всеволодович из секретаря Красногвардейского райкома вырос до лидера московского комсомола, затем — и второго секретаря ЦК ВЛКСМ. Но и после комсомола мы не теряли друг друга, ищем любую возможность повстречаться. Слава всегда желанный гость в нашей семье, с ним знакомы все мои сестры и братья, его хорошо знали мои покойные родители. Мое имя Шухрат в переводе означает «Слава», так что мы ко всему еще и тезки. Многие читатели газеты «МК» и других изданий, встречая автора со странным псевдонимом Шухрат Найзов, не могли предположить, что это и есть всем известный Слава Копьев, ведь «найз» по-таджикски — это «копье»! И нашу дружбу, которой уже более 35 лет, продолжают сегодня наши сыновья. А теперь эту традицию перенимают уже и наши внуки...

Я счастлив и благодарен судьбе, что всегда рядом со мной понимающая, переживающая и во всем помогающая любимая супруга Муясара, на хрупкие плечи которой, в довесок собственной занятости доцента и завкафедрой, выпал большой груз бытовых проблем, воспитание детей и обустройство семейной жизни.

Многим бы еще хотелось поделиться, вспоминая годы комсомольской молодости, время больших надежд, стремлений и первых свершений, но рамки данной публикации, к сожалению, ограничены.

Завершая, лишь еще раз хочу сказать, что для нас, тех, кому повезло непосредственно работать в этой замечательной организации, пройти настоящую школу воспитания, особо дорого каждое мгновение, связанное с комсомолом. И весь наш дальнейший жизненный путь, добрые дела и поступки, достижения и успехи по праву связаны с высоким именем комсомола. Я уверен в одном: эти годы, годы яркой и насыщенной комсомольской юности, поистине были лучшими годами нашей жизни!

Владимир Николаевич Сунгоркин

Собственный корреспондент газеты «Комсомольская правда» в зоне строительства Байкало-Амурской магистрали

Генеральный директор и главный редактор

ЗАО ИД «Комсомольская правда»

Лауреат премии Ленинского комсомола

Комсомол: поколение в лицах. Бамовцы

Байкало-Амурскую магистраль проложили комсомольцы... Ветераны не должны обидеться — на этой стройке и самые седовласые вдруг ощутили себя молодыми. Машинист тепловоза Юрий Шикайлов, который еще на военной Ладогое обслуживал блокадную Дорогу жизни, а на БАМе водил поезда по только что уложенным рельсам, здесь, в Тынде, впервые начал писать стихи. Да если бы он один. Заросший до бровей косматой бородой дед-передовик на мою просьбу назвать фамилии комсомольцев его плотницкой бригады, помню, пробасил: «Начинай с меня. Таюрский я. Тут хошь не хошь, в комсомольца превратишься — иначе за ними не угнаться». Средний же возраст новоселов магистрали — а в этих краях, по сути, все и каждый новоселы — в первую самую трудную для строителей БАМа пятилетку был двадцать с небольшим лет. Бамовская земля оказалась самым молодежным регионом страны. Двадцатипятилетние прорабы и бригадиры, тридцатилетние начальники мехколонн и строительно-монтажных поездов, десятки тысяч ребят и девушек, съехавшихся со всех концов Союза, создали своими руками, как говорится, на голом месте, не завод, не ГЭС, не город даже, а целую страну «с названием кратким — БАМ».

Я видел эту территорию в добамовскую эпоху. Странствовал на плоту по ее рекам, пешком переваливал через хребты, кочевал по заболоченным лесам с оленьими караванами. В глухотных пространствах редко-редко попадались одинокое охотничье зимовье, палатка геологов или, в лучшем случае, деревенька в десяток-другой дворов. Всего десятилетие прошло — и через всю эту безлюдную землю (где, согласно народной статистике, жил «один человек на сто тысяч деревьев») протянулась железная дорога длиной в три с лишком тысячи километров. Магистраль пересекла семь мощных хребтов, одиннадцать больших рек и бесчисленное множество речек — мосты возведены здесь, считай, на каждом километре. Пришлось передвинуть — взорвать скалы и превратить их в насыпь — 364 миллиона кубометров земли и камня. Пришлось пробить девять тоннелей протяженностью более тридцати километров. Слева и справа от магистрали появились два города и почти сто поселков.

Все это сделано руками молодых. Теперь Байкало-Амурская магистраль носит имя Ленинского комсомола. Такое событие — хороший повод для того, чтобы оглянуться, осмыслить вклад ВЛКСМ в уникальное по масштабам и трудностям строительство, подумать о том, как расширить и внести в завтрашний день духовный и организаторский опыт, традиции и формы работы комсомольских комитетов, родившихся здесь, прошедших проверку трассой и временем. «Большое видится на расстоянии...»

* * *

На раскачку не было ни дня. В апреле 1974 года ЦК КПСС дал комсомолу поручение взять шефство над небывалой сибирской новостройкой: «В мире еще не строили подобных железнодорожных магистралей в столь сложных природных и климатических условиях». В том же апреле ЦК ВЛКСМ объявил БАМ «важнейшей всесоюзной ударной комсомольской стройкой». 27 апреля прямо из зала, где заседал XVII съезд ВЛКСМ, на будущую трассу отправился первый ударный отряд — 600 добровольцев. Они дали клятву: «Дорога длиной в три тысячи километров будет построена. Мы придем к тебе, Комсомольск-на-Амуре, город комсомольской славы, по новой, северной великой трассе!»

С самого начала понятие «БАМ» переросло рамки строительной площадки (пусть даже необычно громадной), превратилось в символ мужества. БАМ стал ориентиром, вехой, маяком для самоосознания целого поколения молодых, «обдумывающих житье, решающих, делать бы жизнь с кого». Добровольцев звали на тяжелые, порой опасные участки. Газеты не скрывали правды про лютые морозы и неустроенный быт. Но лавина заявлений, буквально обрушившаяся в те дни на ЦК ВЛКСМ и редакцию «Комсомольской правды», подтвердила готовность комсомола к серьезным делам и испытаниям.

«Мы, Бурлов Владимир Иванович, Шиян Анатолий Андреевич, и я, Прижебольский Николай Николаевич, хотим вместе с авангардом комсомольцев строить БАМ. В настоящее время мы работаем в службе пути железнодорожного цеха завода «Азовсталь». Мы можем обслуживать всю путевую малую механизацию. Обладаем хорошим физическим здоровьем... УССР, г. Жданов, 15 мая 1974 г.»

Подобных писем только в первое полугодие пришло 200 тысяч.

Какая сила толкала молодежь из обустроенных городов в условия, где «июнь еще не лето — июль уже не лето», где проблемой было умыться утром, принять баню, сварить борщ? Северная надбавка ничего не объясняет. Шофердальнерейсовик Юрий Миронов до БАМа водил междугородные рейсовые автобусы в Поволжье — асфальт, кондиционер в кабине, светлая сорочка с галстуком, а заработок почти тот же. «Северные суммы» в принципе можно заработать и в теплом районе. Трясаясь по ухабам раздрызганной притрассовой колеи, Миронов вспомнил, как подростком убежал во Вьетнам на помощь партизанам: «Только в Улан-Удэ с поезда ссадили». У таких в крови благородная тяга к благородным делам. Валерий Афонин работал художником: «Когда услышал про БАМ, сразу понял: это как раз то, чего мне не хватало в последние годы, — большое дело». Он стал известным на трассе бетонщиком.

На брезентовой крыше первой палатки Звездного кто-то выписал размашисто масляной краской: «Иди за горизонт и все попробуй, иначе просто скучно будет жить». Молодые мечтают стать мужественными и обветренными (позже, к сожалению, это проходит, но, к счастью, далеко не у всех). В молодых душах живет романтика, как ни прикрывают ее, «вышедшую из моды», шелухой банальных поступков и слов. Сотни тысяч заявлений — «желаю стать участником строительства БАМа» — наглядно подтверждали это.

Перед комитетами комсомола стояла задача из пестрой по возрасту, по социальному происхождению и производственному опыту массы людей отобрать

лучших, сформировать их в ударные отряды, проследить, чтобы там, где они приступят к работе, все складывалось нормально, организовать надежную и постоянную помощь бамовцам от направивших их республик и областей. Комсомол страны послал на трассу 45 тысяч молодых добровольцев. Ударными отрядами возведены почти все станции магистрали. Опыт БАМа подтвердил, что ударный молодежный отряд земляков — во всех отношениях более эффективная форма строительства, чем бригады, собранные из одиночек.

В социологических исследованиях, проведенных АН СССР, опыт этот оценен так: «Ни одна крупная программа развития новых районов не имела столь рационального организованного перераспределения рабочей силы, как строительство БАМа». Попадая в отряд, юный доброволец сразу обретает свою семью, где земляки поддержат в трудную минуту, а комиссар и командир уже в пути настроят на рабочую волну. Переброска людей на север обходится государству недешево, поэтому набор в отряд позволяет заранее избавиться от случайных и ненадежных. Нелишне вспомнить, как это делал, например, Ленинградский обком ВЛКСМ. Каждый вызвавшийся ехать на трассу должен был пройти трудовую стажировку на сооружении местного завода минеральных удобрений.

Те, кто отлично проявил себя на «ленинградском полигоне», вливались в отряд «Комсомолец Ленинграда» и стали возводить на севере Бурятии, на берегу сибирского «священного моря», город Северобайкальск.

Как быть, если молодой человек душой рвется поднять очередную таежную целину, а подходящей специальности нет? Вот «вечный вопрос». Хозяйственники обычно грозят: примем только специалистов, хватаются за головы, завидя в трудовых книжках вместо милого их сердцам «шофер» или «бетонщик четвертого разряда» «парикмахер» или вовсе дикое на фоне тундры — «укладчик паркета». Но вот начальник ГрузБАМстроя Анзор Двалишвили, у которого на каждое место было сто претендентов, спокойно брал ребят без строительных специальностей — сделал ставку на комсомольский азарт, готовность к испытаниям, личное мужество и не прогадал: отряд оказался лучшим на трассе. Ведь в любом случае — и БАМ это подтвердил — очень многим даже из бывалых профессионалов приходится переучиваться на ходу: меняется техника, обновляется технология. Что уж говорить о молодых. Учебные комбинаты и курсы на трассе возникали повсюду.

Жизнь посмеялась и над изобретенной бюрократическими мозгами «ставкой на освоение БАМа холостой молодежью». На трассе за десять лет возникли десятки тысяч семей. Родилось 60 тысяч детей. Узбеки, высадившиеся большим коллективом в Чарской долине, на бамовском полюсе холода, шутили: «Одно здесь как в Средней Азии — рождаемость». Все соцкультбытнормативы (те же, кстати, что и для городов, где пенсионеры составляют большинство) лопнули, как детская рубашка на здоровом парне.

В те годы ломали копья: чем должен заниматься комитет ВЛКСМ? Организовали дискотеку, распространяют билеты в театр — хорошо вроде, но слышится упрек: в развлекательство, братцы, впали, а где трудовое воспитание и где идейное? Бамовский комсомол и дискотеки создавал, и концерты организовывал, но силен был всегда тем, что находился на острие самого важного дела.

Уже в первые годы здесь возникло общетрассовое движение молодых «Я — хозяин стройки!». Оно включило в себя все направления идейного, трудового и политического воспитания и, кажется, благодаря этой «универсальности» легко могло... раствориться в благих призывах и общепринятых лозунгах. Но созданный на трассе штаб ЦК ВЛКСМ нацеливал на конкретный результат.

Формула этого комплексного соревнования включила в себя и бережное отношение к природе, и конкурс на лучший поселок, и соперничество за качественный ввод объектов. Стимулы соревнования были по-молодежному интересны. Лучшие получали дипломы почетных пассажиров первого бамовского поезда до новой станции, удостоверения участников укладки «золотого» или «серебряного» звена, а это — память на всю жизнь. Соревновались за право быть в первом десанте на новое место дислокации: двадцатипятилетний комсомолец попадал прямым в историю, становился основателем будущего поселка, а то и города, которому стоять века.

Висят сейчас бронзовые таблички на каменных вокзалах: «Поселок основан комсомольско-молодежной бригадой Василия Кударя». Когда возникал сбой с поставкой рельсов или кирпича, в далекие города вылетали представители комитетов ВЛКСМ — лучшие рабочие. Приходили там на комсомольские собрания, рассказывали о БАМе, о том, как трудно достается каждый километр. Просили помочь. Так возникали договоры о рабочем содружестве между бригадами БАМа и заводскими цехами. И не было потом случая, чтобы на большие праздники в честь пуска очередного бамовского перегона не пригласили почетных гостей, уважаемых поставщиков — таких же молодых ребят, как и сами строители. Лучшие комсомольцы строили БАМ на «именной технике» — образцах, изготовленных на шефствующих предприятиях специально для победителей бамовского движения «Я — хозяин стройки!».

Масштаб этого содружества — весь Советский Союз. В обеспечении Байкало-Амурской магистрали участвовали шестьдесят отраслей народного хозяйства. Комсомольские штабы шефства над заказами БАМа были в тысячах промышленных, строительных и транспортных организаций, проектных институтах и научных лабораториях. Серьезность задач, ежедневно встававших перед трассой, вымывала из комсомольской работы формализм, как пустую породу. Помнится, насколько привычно «склоняли» в Тындинском горкоме Василия Суслова, комсомольского секретаря мостоотряда-47, за задержки с очередными отчетами и какими-то сводками на сто с лишним пунктов... А Суслов тем временем формировал десант в глухой угол — на реку Нюкжу — и ехал туда с первой группой своих ребят. Самые боевые парни, ставшие потом лауреатами комсомольских премий, орденосцами, Героями Труда, росли в этой небольшой организации. Суслов учил их плавать на байдарке по горной реке, веселил в самый хмурый день, не раздумывая, схватывался с начальством, если комсомольца надо было защитить от какого-нибудь самодура, а зимой строил ледяную горку для взрослых.

Постепенно на БАМе даже «старой закалки» начальники, заматеревшие на былых суровых стройках, где жесткий приказ и единоличная власть определяли все, попривыкли, что здесь серьезные вопросы — будь то распределение жилья или формирование бригад — нельзя решать без комсомола. Прогрессив-

ные руководители из молодых, поняв, какой организующей и мобилизующей силой может быть комсомол, шли дальше. В Улькане в 1976 году начальник строительного поезда «Юность Сибири» Анатолий Фролов своему комсоргу Валентину Уракову определил статус заместителя начальника поезда. Руководители крупных бамовских трестов считали за честь быть избранными в члены штаба ЦК ВЛКСМ трассы.

Мне посчастливилось проехать в самом первом сквозном рейсе пассажирского поезда по БАМу. Это был агитпоезд «Комсомольская правда», который вот уже десять лет колесил по сданным участкам, сразу, как только проложат рельсы, привозит артистов, прославленных героев, лекторов и агитколлективы из всех республик и областей страны. Но «Красный эшелон» — не только клуб на колесах. Это еще и мобильная, постоянно действующая школа комсомольского актива. На его борту проходили собрания и семинары, круглые столы. Здесь заключались договоры о соревновании между бригадами разных флангов трассы.

Да и роль молодежного «клуба на колесах» преуменьшать не стоит. Особенно много испытаний выпало «Красному эшелону» в начале стройки. На тогдашних руководителей агитпоезда Евгения Словецкого и Владимира Позднякова свалились заботы по снабжению эшелона водой и углем на перегонах, где только что уложены рельсы. А на станциях их обычно «рвали на части» делегаты, прибывшие на вездеходах с ближних и дальних пикетов: пришлите артистов, вернем в сохранности; дайте лектора хоть на час; где поэт, которого обещали?

Агитпоезд стал оперативным, надежным действенным орудием комсомольского шефства над трассой. Подсчитано, что ежегодно в его работе участвовали более 300 тысяч человек. Недаром по примеру «Красного эшелона» возникли на главных ударных стройках СССР другие агитпоезда ЦК ВЛКСМ — «Ленинский комсомол» в Нечерноземье и «Молодогвардеец» у тюменских нефтяников, а в Тихий океан ушел «Корчагинец» — комсомольский агиттеплоход для рыбаков.

Итак, мне посчастливилось ехать по БАМу на первом сквозном поезде. Кругом смеялись, пели, шумно радовались возможности проехать в поезде, о котором мечтали много лет. Глядели в окна на знакомые места... Здесь, под перевалом Даван, стояла палатка бригады Александра Бондаря, о которой сам Саша потом говорил: «Наше парусиновое жилье — как рентгеновский кабинет: быстро просвечивает души людей». Его бригада уложила рельсы на протяжении почти тысячи километров. За этот многолетний подвиг бойцу перво-

Владимир Сунгоркин и Юрий Гейко — собственные корреспонденты «Комсомольской правды» на БАМе

Владимир Сунгоркин в мраморном ущелье на чарском участке Байкало-Амурской магистрали. Здесь когда-то добывали уран для первых советских атомных бомб. Начало 1980-х гг.

го комсомольского отряда магистрали Александру Бондарю присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...Здесь Ларису Рыбалкину из отряда молодых железнодорожников медведь загнал в сторожку и не давал перевести стрелку... Близ станции Кувькта у первого десанта — бригады Владимира Степанищева — протерлась о камни последняя пара валенок. Участники тех десантов — степанищевцы Боря Борисов и Саша Фонарев — сидят рядом.

А поезд наш мчит под восемьдесят в час! Вот излучина, запавшая и мне в душу. Шли с первым десантом на станцию Хани: в тот день пытались пробиться через наледь у скалы, жгли костер, оттаивали обмерзшие гусеничные траки, а прораб Буторин за минуту вмерз обеими ногами в парящую ледяную кашу и потом ступал в нашу сторону медленно, оставляя куски войлочных подошв и лохмотья собачьей шкуры от унтов, припаянных намертво ко льду. Той ночью рядом затормозил КраЗ с прицепом. Трое парней — они были черны от недосыпа и усталости — тащили вагончик и пилораму на

Хани: «Сегодня уже пятый день». Я не спросил их фамилии и теперь уже никогда не узнаю, потому что в Чертовом ущелье, где произошла встреча, для ребят этот рейс был обыденным делом. Каждый километр БАМа имеет свою неповторимую историю, своих известных и безымянных героев. Их молодой задор и азартное желание быть первыми соединились с мужеством и точным расчетом, с новаторством и ответственностью в один крепкий сплав, который стал бамовским характером.

Июнь 1985 — сентябрь 2017 г.

Валентина Владимировна Терешкова

*Секретарь комитета комсомола Ярославского комбината технических тканей «Красный Перекоп»
Летчик-космонавт СССР № 6, первая в мире женщина-космонавт, 10-й космонавт мира. Единственная в мире женщина, совершившая космический полет в одиночку
Герой Советского Союза, генерал-майор
Вице-президент Международной демократической федерации женщин
Член Всемирного Совета Мира
Депутат и член президиума Верховного Совета СССР
Председатель Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД)
Председатель Президиума Российской ассоциации международного сотрудничества
Первый заместитель председателя Российского агентства международного сотрудничества и развития
Руководитель Российского центра международного научного и культурного сотрудничества*

Сердце остается молодым

Родилась я в деревне Большое Масленниково близ города Тутаева Ярославской области в крестьянской семье выходцев из Белоруссии. Отец — Терешков Владимир Аксенович (погиб на советско-финляндской войне). Мама — Терешкова Елена Федоровна — одна поднимала и воспитывала троих детей: дочерей Людмилу, Валентину и сына Владимира.

В 1945 году поступила в среднюю школу № 32 города Ярославля. Так как жили бедно, чтобы помочь семье, в 1954 году стала работать на Ярославском шинном заводе браслетчицей в сборочно-вулканизационном цехе. Одновременно училась в вечерней школе рабочей молодежи.

С апреля 1955 года начала трудиться ровничницей в ленторовничном цехе Ярославского комбината технических тканей «Красный Перекоп», где трудились мать и старшая сестра. В том же году поступила в Ярославский заочный техникум легкой промышленности, который окончила в 1960 году. Казалось бы, днем — работа, по вечерам — учеба, но находилось время и на репетиции и выступления в оркестре народных инструментов Дома культуры комбината, и на... прыжки с парашютом в аэроклубе.

В 1957 году меня приняли в комсомол, а в 1960-м избрали секретарем комитета комсомола комбината «Красный Перекоп».

— Огромный коллектив — семнадцать тысяч человек, половина — молодежь. Почему меня избрали секретарем комитета комсомола, мне трудно

объяснить. Коллектив у нас в основном был женский, и хотя говорят, что с женщинами ох как трудно, обстановка на комбинате была очень хорошая, мы дружили по-настоящему и во всем помогали друг другу. А еще проводили удивительные вечера. У нас был прекрасный клуб. Ну, это мы его так называли, а на самом деле — это просто здание, которое позволяло устраивать там различные кружки по интересам. Я занималась в ансамбле народных инструментов, играла на малой домбре.

И так «прикипела» к комбинату, что до сих пор поддерживаю с ним связь и стараюсь помогать, чем могу. Мы сумели сохранить танцевальный ансамбль «Чайка» (как и мой позывной в космическом полете). Я помогала им, когда работала в Союзе советских обществ дружбы, потом — в «Росзарубежцентре». Они у меня ездили по многим странам, несли красоту нашего народного танца.

Молодежь у нас была очень активная, а так как я в то время увлеклась парашютными прыжками, то организовала на комбинате кружок, куда ходили девчата, готовые заниматься в ДОСААФе и прыгать с парашютом. Мы прыгали и днем и ночью. И даже в Волгу. Помню, 18 августа был праздник — День авиации. Весь город высыпал на набережную. Она еще не была уложена в гранит, как сейчас, а были откосы и крутые берега со стороны Ярославля. Мы с братом уговорили маму тоже пойти посмотреть, хотя она категорически возражала. Тогда я ей сказала: «Мама, ты посмотришь, как я прыгаю, и если тебе не понравится, обещаю, что не буду заниматься парашютным спортом». Она согласилась. А когда прыжки закончились, я подошла к ней, естественно, вся мокрая: «Ну, ты видела? Видела, как красиво прыгают? Ну что, одобряешь мои прыжки?» Мама посмотрела на меня, вздохнула и сказала: «Разобьешься — домой не приходи!» — «Конечно, не приду», — довольно улыбнулась я.

Я очень люблю свой Ярославль. И благодарна ему, ведь именно жители этого города выдвинули меня в Государственную Думу, вот уже и во второй созыв... И я стараюсь им помогать. После полета в космос на выступлениях мне задавали много вопросов, и, конечно, про мой родной Ярославль тоже. А я всегда отвечала: «Сколько буду жить, я буду верой и правдой помогать ярославской земле». Получается, и слава богу!

Судьба у меня сложилась, как, наверное, и у миллионов юношей и девушек того времени — я отношусь к поколению детей войны. Мой отец погиб в Финскую войну — ему было всего 27 лет, и мама в 26 лет осталась вдовой с тремя детьми на руках. Ее жизнь — это пример и трудолюбия, и верности, и великого материнства. Образования у нее было три класса церковно-приходской школы, но она прекрасно разбиралась в музыке, пела нам не только русские народные песни, но и белорусские, поскольку они приехали из Белоруссии. Поэтому у меня до сих пор сохранилась любовь к Белоруссии и, естественно, к творчеству. Бабушки говорили только по-белорусски, а мама — на чистейшем русском языке. Россию она любила особой любовью, ведь здесь, в Ярославской области, она встретила папу и вышла за него замуж. Она одна нас троих поднимала, всю жизнь отдала детям и родному комбинату.

У нас на стене висело радио — в те времена это была обычная черная тарелка. Работало оно с шести утра и до двенадцати ночи. Я считаю, что передачи тогда были замечательные — музыкальные, драматические, театральные спектакли, но особенно музыкальные программы.

Никогда не забуду. По радио звучит Вагнер, а мама говорит: «А что ты чувствуешь? Вот ты слушала музыку, какие чувства у тебя возникли?» И невозможно было сказать: «Никакие». Вот такими были у нас в семье музыкальные уроки. А еще мама очень любила читать, пока у нее не случился первый инсульт. «Руслана и Людмилу» А.С. Пушкина она знала наизусть. И перед смертью как-то попросила: «Валя, почитай мне». — «Что тебе почитать?» — «Свидание Финна с Наинной».

У нее был преданный друг — Расул Гамзатович Гамзатов. Многие его стихотворения она тоже знала наизусть и, когда он навещал ее в больнице, читала ему его стихи. Он ей как-то сказал: «Елена, ты — моя утренняя звезда». Я услышала и спрашиваю: «А я кто, по-вашему, Расул Гамзатович?» Он улыбнулся и ответил: «Ладно, ты будешь утренней, а Елена — вечерней звездой».

В.В. Терешкова

Мама вообще была необыкновенным человеком, ее невозможно было не любить. Мои друзья и коллеги тоже к ней прекрасно относились. После ночных полетов ребята обычно собирались и говорили: «Валюха, мы к тебе». Мама нам и блинов напечет, и любимых ватрушек... Дом наш всегда был полон гостей...

Хотя послевоенные годы были тяжелые, полуголодные, мы были не очень хорошо одеты, не очень, может быть, сытно накормлены, но вот духовно мы были богаче. И не просто говорили «любовь к Родине» — мы вкладывали в эти слова свое особое понятие. Ну как можно не любить Ярославль? Тех девчат, с кем я работала? Вот я и стараюсь помогать им, несмотря на то что они давно уже самостоятельные и устроены в жизни. И все мы, конечно, влюблены в нашу Волгу. Хотя ее состояние... Я разговаривала об этом с Владимиром Владимировичем Путиным и очень благодарна, что появилась новая программа по спасению великой русской реки...

В конце 1950-х — начале 1960-х годов в Ярославле начал строиться нефтеперерабатывающий завод. Когда объявили, что, после того как полностью будут введены все нитки, все потоки, он станет самым крупным в Европе, мы этим очень гордились. Это была ударная комсомольская стройка, и мы в выходные дни все как один ездили помогать, чем только могли, поэтому считаем, что это была и наша ударная комсомольская стройка.

А потом появилась программа «Молодежь, комсомольцы — на село!». Многие молодые разъехались по селам, в основном, конечно, культпросветработники и киномеханики. Во всяком случае, везде, где требовались люди и помощь, работали наши комсомольцы. Мы приезжали убирать картошку, морковку, и поэтому учебный год начинался на месяц позднее обычного. Ездить «на картошку» считалось делом чести.

В нашу комсомольскую организацию входило восемнадцать первичных ячеек. Всякое бывало. Но мы дружили, помогали друг другу, ни одного комсомольца или комсомолку не оставляли без нашего внимания. Может быть, мало чем могли помочь материально, но поддержать словом, навестить, принести чаек, фрукты — это мы всегда делали. Можно сказать, комсомольцы жили одной семьей, и в этом комсомол был для молодежи хорошей школой. Это была не только комсомольская школа, а школа человеческих отношений, школа дружбы, уважения друг к другу и к старшим. Мы старались помогать людям, особенно тем, кто пришел с войны. Даже на дома вешали знаки, что здесь живет герой Великой Отечественной войны. И не важно, настоящим ли он был героем, но он прошел через это страшное горнило войны. Так что комсомол совершал много добрых дел, и я горжусь, что тоже прошла эту школу.

Во время войны в Ярославскую область многих людей эвакуировали из Ленинграда. И детей, и пожилых, и больных. В городе были открыты несколько госпиталей, и я, хотя училась тогда еще в первом классе, хорошо помню, как мы ездили по госпиталям и читали стихи, до сих пор в голове у меня то стихотворение о Сталинграде, которое я декламировала перед больными.

А еще в нашем городе было много пленных немцев. Вот сколько живу, столько буду помнить. Они работали в основном на стройках, и в нашем Красноперекопском районе, самом боевом районе города, тоже... Мы, хоть и были маленькими, хорошо понимали, что они принесли беду на нашу землю, что многие наши воины погибли, дети росли без отцов, а молодые женщины становились вдовами... Но когда мама давала в школу так называемый «школьный завтрак» — кусочек хлеба, посыпанный сахарным песком, мы им делились с пленными. Я приходила домой и честно признавалась в этом маме, а она молча выслушает и только по голове погладит, и мои бабушки тоже. Вот она, доброта русского человека, которая не знает границ. Люди принесли беду на нашу землю, а нам все равно их жалко... Самому страшно есть хочется, а ты вытаскиваешь из портфеля кусочек хлеба и делишься с ними... Они брали и плакали, может быть, начиная осознавать всю трагедию случившегося и свою вину в этом... Но наш народ всепрощающ — это то, чего ни у кого больше нет...

А потом в моей жизни произошел большой перелом — начались подготовки к космическим полетам. Все это происходило втайне, не афишировалось, и мне надо было придумать какую-нибудь «легенду» для мамы, чтобы объяснить, куда и зачем я уезжаю. Легенда легендой, а правда все равно просачивалась. Перед полетом, прежде чем уехать на космодром, я написала несколько писем и попросила ребят, кто оставался в отряде, через день посылать их маме. И вот 16 июня 1963 года наступил день старта. Мама сидит дома, читает очередную байку от меня о том, как я прыгаю с парашютом. А к ней бежит соседка и кричит: «Елена, твоя Валентина в космосе!» Мама ей отвечает: «Что ты такое говоришь, Августа, перестань!» — «Да только что передали по телевизору!»

Естественно, слезы и тому подобное. А я ей с борта корабля передаю: «Привет Ярославской земле! И, мамочка, знай, что я очень тебя люблю, горжусь...» Сергей Павлович Королев разрешил мне передать ей это послание.

Мама всегда была моим самым верным и преданным другом. Когда у меня родилась дочь Аленка, она помогала ее воспитывать, потому что у меня было много поездок. Потом я поступила в академию — у меня была сумасшедшая мечта по-

лучить высшее авиационное инженерное образование. А Николай Петрович Каманин уговаривал меня поступать в МГУ. Но я сказала: «Хочу учиться только в Военно-воздушной академии имени Жуковского». (И очень жаль, что это одно из лучших учебных заведений мира министр обороны России Сердюков разрушил.)

Не могу не сказать об Иосифе Давыдовиче Кобзоне. Один из самых преданных комсомолу людей. Совсем недавно мы с ним летали в Сирию. Такая хорошая поездка была. Мы, космонавты первого отряда, дружим с этим замечательным человеком уже пятьдесят пять лет. Познакомил нас Юра Гагарин. Когда бы я или кто-то из моих коллег ни попросил: «Иосиф, помоги, выручи, надо поддержать...» — он ни разу не ответил: «Я не могу, я не буду». Всегда выполнял наши просьбы. У него замечательная семья — прекрасная жена, сын,

В.В. Терешкова

дочь, внуки. Можно сказать, что комсомол нас свел. Юра Гагарин, я и Иосиф были членами Центрального комитета комсомола. Есть друзья — «здрасте-здрасте», а Иосиф — настоящий. Преданный друг. И он — воспитанник комсомола. Как и Аля Пахмутова (мы зовем ее Аленький), Коля Добронравов, как были Юра Гуляев, Роберт Рождественский — это команда, которая действительно по-настоящему была предана комсомолу. Мы до сих пор храним память об ушедших... Юра Гагарин — это, конечно, особая статья... Володя Комаров... Он погиб под Орском, и однажды я попросила Кобзона: «Иосиф, можешь с нами съездить?» Мы полетели, на космодроме выкопали карагач — есть такое дерево, которое выдерживает все — и засуху, и ветры, и жару... Посадили мы его на месте, где упал космический корабль, сказав при этом такие слова: «Володя, это тебе большой привет с нашей земной пристани, из Казахстана, с космодрома Байконур». Вокруг нас собралось очень много людей, и пришлось провести встречу. Иосиф два часа подряд пел. Сильный, холодный ветер — а он все поет... Светлая память нашему замечательному другу!

У меня есть три подшефных детских дома. Два в области — это Великое Село Гаврилов-Ямского района Ярославской области и детский дом в Шильпухове Пречистенского района. А третий — в самом Ярославле. Вот сейчас мы туда и собираемся. Закупили, как и много лет подряд, кучу новогодних подарков. А еще возьмем с собой группу: в ней четверо маленьких скрипачей, в том числе и мой младший внук, они будут играть, а одна девочка будет петь. Так что такой вот детский детям новогодний подарок.

И это тоже школа комсомола. Хотя мы все давно уже дедушки и бабушки, у нас взрослые дети и подрастают внуки, в нашей груди по-прежнему бьется молодое комсомольское сердце!

Анатолий Дмитриевич Усов

Заведующий Международным отделом ЦК ВЛКСМ

Секретарь парткома аппарата ЦК ВЛКСМ

Председатель Центрального штаба Общероссийской общественной организации «РОССИЯ»

Член Союза писателей России

ЧП всесоюзного масштаба

В аппарате ЦК ВЛКСМ насчитывалось более тысячи коммунистов (включая БММТ «Спутник»), и Бауманский райком партии наделил партком молодежного ЦК правами райкома. То есть предоставил право приема в партию, ведения учета коммунистов и т.д. Мне же было предложено возглавить партийную, единственную в своем роде, организацию — комсомольцев-коммунистов.

Один известный сегодня журналист в своих публикациях иронизировал: как это вообще может быть — в молодежной организации партийная? Нонсенс! Иронизировать и ерничать над прошлым в годы перестроек и крушения основ было чуть ли не правилом хорошего тона в либеральной среде. Над системой народовластия и однопартийностью, над Лениным и Сталиным, над престарелыми вождями и очередями, над бесплатным образованием и медициной, профсоюзными путевками в санатории и пионерской организацией, ну и над «разложившейся, погрязшей в бюрократизме и разврате» молодежной организацией — ВЛКСМ (кстати, организации уникальной и не имеющей аналогов в мире — молодежные организации социалистических стран, во многом копировавшие опыт ВЛКСМ, были созданы по его образу и подобию значительно позже).

А ведь действительно, на первый взгляд коммунист в комсомоле — нонсенс! Чем, кроме сборов взносов и учета, должен был заниматься партком аппарата? Человеком! Не винтиком в производственной схеме, а молодым человеком с его болями, тревогами, надеждами, планами... Вроде церкви. Большевики лишили людей святого места, где исповедовали, отпускали грехи, наставляли на путь истинный, а свято место пусто не должно быть. Вот и появились парткомы. И не торопитесь упрекать в том, что партторги вмешивались в личную жизнь, закрывали путь в заграничные поездки, осуществляли цензуру и т.д. Без издержек в большом деле не бывает. Я не о том, где лес рубят — щепки летят! И не о том, где единица — вздор, единица — ноль. И уж конечно, я не за возврат к парткомам — так можно и до возврата «троек» договориться! Я о том, когда политрук имел привилегию первым подниматься в бой, первым сделать шаг навстречу смерти. Именно их гитлеровцы первыми и расстреливали (отчего бы?). Пафосно? Но так было. А у кого сегодня такая привилегия?

Наступали трагические 1990-е. В атмосфере и настроениях нарастали напряжение и тревога. Все понимали, что в стране происходит что-то, что разрушает привычный уклад жизни, ценности и ориентиры. Перестройка все больше напоминала перекройку. Вот тут и потянулись молодые ребята в партком с вопросами: что происходит? как относиться к происходящему? не пора ли

А. Усов и Н. Мазай — первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии в самолете Гавана—Москва после Фестиваля дружбы кубинской и советской молодежи

сваливать (и такие были)? Кто-то озаботился будущей карьерой, а кто-то решил завязать с политикой — не на то подписывались.

Молодежная организация подверглась атакам либералов. Удар был нанесен по комсомольским кадрам. Обвинения в моральном разложении, бюрократизме и во всех прочих смертных грехах обрушились на комсомольцев-политруков.

А был ли этот негатив? В отаре не без паршивой овцы. Но на фоне грандиозных дел и событий, организатором которых выступала молодежная организация, — это песчинка. Ставки в борьбе с системой были высокие, и в ход пускались все средства, включая очернительство. Но конечной целью была партия и общественно-политическая система.

В это время в журнале «Юность» и появляется повесть молодого писателя Юрия Полякова «ЧП районного масштаба», рассказывающая о моральном разложении комсомольских работников, а по большому счету — о разложении политической системы. Сразу оговорюсь — я люблю ироничную, часто — эротичную, нередко публицистическую прозу Полякова. Более того, сегодня мы хорошо знакомы с Юрием Михайловичем, главным редактором «Литературной газеты», и мне симпатичны его мироощущение, взгляды на нынешние процессы в стране и гражданская позиция писателя.

«Что это? — задавали работники аппарата вопросы, приходя в партком. — Как нам теперь идти в молодежные коллективы?»

Мы пригласили писателя на встречу с коллективом аппарата ЦК. Юрий Михайлович говорил о проблемах в обществе, о необходимости очищения, исправления недостатков и т.п. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мироненко занял нейтральную позицию. Вроде как нехорошо очернять, но с недостатками надо бороться. Но все понимали — по авторитету комсомола,

Первый секретарь Брестского обкома комсомола А. Усов встречает в аэропорту Бреста летчика-космонавта брестчанина Петра Ильича Климуга

осознанно или нет, нанесен серьезный удар. Так вот они какие, эти комсомольские кадры!

Еще ранее я работал первым секретарем Пинского горкома комсомола в Белоруссии. Как и в любом другом коллективе, мы и с днями рождения друг друга поздравляли, и отмечали, и на маевки на природу выезжали. Но главным и основным в общении была наша любимая работа. Весь город знал о наших конкурсах строевой патриотической песни и шефстве над ветеранами, о конкурсах профмастерства молодых рабочих, оперативных комсомольских отрядах и шефстве над трудными подростками, детских соревнованиях на призы клуба «Кожаный мяч» и многом другом. И организовывали все это мы — комсомольские работники и актив. А тут! Вот вы какие, работнички!

Это было, пожалуй, самое трудное время в моей комсомольской и партийной работе — пытаться самому — и помочь другим — найти ответы на вопросы, что происходит и что делать.

Позже Юрий Поляков в статье «Как я был колебателем основ» обстоятельно и иронично, как всегда талантливо, проанализировал ситуацию, в которой были написаны и почему написаны эта и другие его разоблачительные повести. Как извинение и оправдание перед тем поколением звучат его слова:

«Писательство — преодоление собственных заблуждений. Кто не заблуждается — тот не творит. Осознанная ошибка — самый прямой путь к истине. Ничто так не обостряет творческие способности, как стыд за свои заблуждения. Но беда в том, что именно ложные истины чаще всего отливаются в бронзе и пишутся на знаменах, ведущих людей на разрушение надоевшего миропорядка. Потом можешь оборотиться, объясняя, что ошибся. Твоя ошибка давно уже стала правдой момента...»

...Я снова и снова с тягостным чувством вины вспоминаю полные слез глаза той девочки, хотевшей верить хоть во что-то. Кем она стала? Полунищей учительницей? Путаной? Наркоманкой? «Челночницей»? Или удачливой предпринимательницей, вроде Хакамады, похожей на плотоядную лиану? Не знаю. Знаю только, что я не мог не написать мои первые повести так, как я их написал... Не мог не быть колебателем тех обветшавших основ. Я не хотел, да и не должен был подписать своим словом рушащиеся своды. Но сегодня мне грустно, неуютно на руинах исчезнувшего мира под кущами, шелестящими свеженапечатанной долларовой листвой».

Последовавшие события обернулись трагедией для миллионов советских людей. После запрета компартии и распада Советского Союза 25 миллионов русских в одночасье оказались иностранцами в своей стране. На многие годы население впало в нищенское существование, разрушалась экономика, закровоточили межнациональные конфликты... Созданный на развалинах бывшей сверхдержавы Союз Независимых Государств не смог восполнить ни экономические, ни социальные, ни тем более духовно-нравственные потери от распада страны. Да и Евразийский союз — созданный для углубленной интеграции — уже длительное время не может излечиться от болезни роста. То, что происходит сегодня на Украине, и в страшном сне не могло присниться тем опьяненным свободой слова, митингов и собраний перестройщикам, которые «колебали основы» сверхдержавы.

В своем выступлении на XIX партийной конференции 29 июня 1988 года знаменитый писатель Юрий Бондарев сформулировал пророческий вопрос: «Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?»

Эти слова актуальны и сегодня, особенно для молодежи. Куда ей приземляться в жизни, как найти свой аэродром?

Оказавшиеся лишенными своей организации, молодые люди были предоставлены сами себе. Стоит ли говорить: смог бы комсомол бороться с наркоманией и беспризорностью в стране, помогал бы с трудоустройством выпускников, и еще, и еще, и еще. Но все это сегодня, к сожалению, только в сослагательном наклонении. В последние годы созданы десятки и сотни молодежных и студенческих организаций: существует Российский союз молодежи, образованы «Молодая гвардия» и «Наши», возрождается движение студенческих строительных отрядов. Появляются новые и новые молодежные инициативы. Молодым людям нужны площадки для общения и реализации своих запросов.

Во всех без исключения случаях используется опыт бездумно или умышленно разрушенной уникальной молодежной организации — Ленинского комсомола. Его исчезновение было не для функционеров, а для самой молодежи действительно Чрезвычайным Происшествием, но не районного, а всесоюзного масштаба.

Виктор Васильевич Федоров

*Заместитель заведующего Отделом сельской молодежи
ЦК ВЛКСМ*

*Генеральный директор, президент Российской
государственной библиотеки*

Кандидат экономических наук

В лидеры попал случайно

Родился я в Псковской области, в районном городке Красногорске, это на границе с Латвией. Там течет река Синяя, по поводу чего ходила шутка, которую мой отец часто вспоминал: «Город Красный, река Синяя, люди серые — раков боятся». У отца было семь классов образования, потом он окончил финансовый техникум — по тем временам это считалось приличным образованием. А поскольку он пришел с фронта, к тому же раненный, то сразу попал в начальники средней руки. То есть работал заместителем председателя райисполкома, заведующим сберкассой, потом были еще сельхозбанк, райпотребсоюз. Отца, как тогда было принято, часто перевозили из района в район. Мы жили тогда в Красногородске, Кудевере, Великих Луках, а в 1958 году переехали в Пустошку. В Пустошке я пошел в четвертый класс, и в этом городке прошла моя школьная и подростковая жизнь.

В комсомольские лидеры я попал совершенно случайно. У меня с детских лет была язва желудка, поэтому после окончания школы я устроился на работу — инспектором в райфинотдел, по-нынешнему — в налоговую инспекцию. Пустошка — городок небольшой, единственное развлечение — танцы. У нас сколотилась своя компания, и мы причисляли себя к слегка фрондирующей хулиганистой молодежи, с претензией на «золотую» на сельском уровне.

В те времена комсомольские собрания проводились часто, и на одном из них очень хороший человек Шура Аксенова — первый секретарь Пустошкинского райкома комсомола, которая вела его, подняла вопрос, как нам организовать свободное время для молодежи, чтобы всем было интересно, ведь весь досуг сводился к танцам по субботам и воскресеньям, небольшой выпивке и дракам между «аборигенами» двух конкурирующих в этом плане районов.

Многие выступали на том собрании со своими предложениями, а мы сидим в задних рядах, шумим, шуточки отпускаем и свысока, что называется, на всех поглядываем.

И вдруг Шура Аксенова говорит:

— Федоров, что ты там выкаблучиваешься? Если есть что сказать, так выйди и скажи.

Ну, я вышел на трибуну и говорю:

— Да что мы здесь обсуждаем, все равно ни хрена у нас не получится.

Ну, естественно, с определенными смешочками, к которым все уже привыкли. Зал живо отреагировал на мои слова, и на этом собрание закончилось.

Проходят две недели. Вдруг Шура Аксенова вызывает меня к себе и говорит:

— А хочешь поработать в райкоме комсомола?

Я обалдел, то есть в моем представлении это как ушат воды на голову.

— С какой стати? — спрашиваю.

— Ну, вот ты и попробуй, чтобы все получилось...

А район маленький, комсомольская организация — тысяча двести человек, инструкторов не было, только орготдел, и самая низшая должность там — заведующий отделом — заворг. Я подумал и все-таки согласился. Меня взяли заворгом, и как-то все пошло... У меня привычка такая была, доставшаяся по наследству: уж если делаешь что-то, то надо делать как следует. Я приступил к работе, и мне, честно говоря, понравилось, чем я там занимался... Не сбором членских взносов, это все шло как бы автоматом, а ездил по колхозам, выступал на собраниях, с людьми общался и так далее.

Как раз в это время в нашу Псковскую область пришло телевидение, и одной из любимых моих передач стал КВН. Вот я и решил создать КВН здесь, в Пустошке.

Поскольку с детства много читал, то постоянно ходил в библиотеку. Как сейчас помню, нашел такую книжечку, которую выпустили авторы сценариев для КВН М. Гиндин, Г. Рябкин и К. Рыжов (у них был общий псевдоним — «Гинряры»). Изучил я эту книжку и начал набирать команды. Создал команд пять. Ну, например, большая комсомольская организация была в больнице. Там ребята образованные, молодые врачи, фельдшера и медсестры. Но так как преимущественно были девчонки, команда получилась почти вся женская. Создал команду и в Межколхозстрое. С ними было тяжело, потому что мужики работали в основном на объектах и со стройки возвращались только после шести вечера, уже уставшие, поэтому проводить репетиции было очень сложно, но и интересно, и смешно. Однажды прихожу к ним, а они сидят надутые и говорят: «Мы не будем участвовать в КВН, потому что ты с Галкой Ефимовой из команды медиков гуляешь и будешь им подсуживать». Дал им слово, что все будет по совести.

Одним словом, команды склотились самые разные. И бегал я, как Киссинджер со своей «челночной» дипломатией, с одной репетиции на другую, причем с провалами, руганью — никто же почти ничего не умел. В итоге решил я провести КВН в форме чемпионата города. Сам не знаю, как так получилось, но районный Дом культуры, на сцене которого мы проводили эти соревнования, был битком набит. Наверное, потому, что на сцене были не какие-то артисты, а свои знакомые, и болели изо всех сил. Вот сейчас вспоминаю те примитивные и не очень остроумные шутки, покажи их сегодня, и все были бы в недоумении...

В общем, турнир состоялся, КВН мы провели, и это было моим конкретным делом, которое, скажу откровенно, на всю жизнь запомнилось.

Ну а дальше, если говорить про мою комсомольскую биографию, проработал я год заворгом, а потом открылась вакансия второго секретаря, и меня избрали на эту должность. Поработал я вторым секретарем и в другом районе Псковской области — Локнянском. Он знаменит прежде всего тем, что на территории этого района совершил свой бессмертный подвиг Александр Матросов.

Вскоре в этом знаменитой деревне Чернушки образовалась вакансия уже первого секретаря райкома комсомола. А там был очень строгий первый секретарь райкома партии — о нем ходили легенды — Борис Григорьевич Васи-

льев, БГ его звали. Не найдя у себя в районе подходящего, с его точки зрения, кандидата, он обратился в обком комсомола — найдите мне приличного мужика. Ну, меня и выдернули, избрав первым секретарем Локнянского райкома комсомола. Поначалу было тяжело: чужой район, чужие дядьки-начальники, а мне — 22 года. Сажу на заседаниях бюро райкома партии, куда меня приглашали как первого секретаря райкома комсомола, народу полно, а меня никто не знает. Трудно было, ответственно.

Ктому времени заочно учился в Ленинградском финансово-экономическом институте. Несмотря на заочное обучение, учеба была у нас поставлена очень капитально: установочные сессии по полтора месяца, лекции и так далее. А в Питере у меня дядя жил. Дядя хоть и был кораблестроителем, но и стихи писал, и был широко образованным человеком. Вот он как-то и говорит: «А что ты в аспирантуру не поступишь?» — «С какой стати?!» — удивленно отвечаю я. Для меня тогда аспирант был чуть ли не академик. «Ну, ты хотя бы узнай про аспирантуру», — не отставал от меня дядя, и я наконец решился. Отправился в Ленинградский финансово-экономический институт, диплом которого только что получил, на кафедру финансов, поскольку тема финансов мне всегда нравилась. Прихожу, а там как раз летнее затишье — никого нет, один только заведующий кафедрой, Александр Михайлович Александров, как сейчас помню, такой академичного вида профессор. Он меня не выгнал, наоборот, счел нужным со мной побеседовать. На вопрос, зачем я сюда пришел, я ответил: «Да хотел бы в аспирантуру поступить». — «А какую тему вы изучали?» — спросил профессор. — «А что, надо было тему какую-то изучать?»

Ну, начали мы с ним разговаривать про жизнь. Он поинтересовался моей биографией, расспрашивал, как там у нас дела в районе вообще. И мы с ним вышли на тему, которая была тогда очень актуальной, — тему агропромышленной интеграции. В стране шла косыгинская реформа.

У нас был создан межколхозный совхозлесхоз, где колхозы и совхозы свою часть лесных угодий отдавали в общее пользование. Образовался небольшой кооператив, где делали вагонку, которая была страшным дефицитом, и даже какие-то элементы примитивной мебели, деревянные кухни, например, которые сейчас бы стоили невероятных денег хотя бы потому, что они из натурального дерева. В результате это хозяйство оказалось очень прибыльным. Я рассказал об этом профессору, а он и говорит: «Ну, вот вам тема. Напишите по ней реферат». Я подготовил его и отослал в институт. Вскоре мне пришел вызов. Реферат приличный получился, профессор сам его смотрел, и меня допустили к вступительным экзаменам. А в том году в аспирантуру принимали пятнадцать человек по разным кафедрам, из них десять человек шли целевики, то есть из других республик, они должны были после окончания учебы вернуться к себе, и на пять свободных мест был приличный конкурс — человек пять на место. Я успешно сдал экзамен и стал аспирантом.

Маленький штрих о тогдашнем школьном образовании. У нас в школе немецкий язык преподавала Елизавета Михайловна Оксер. А иностранный язык, как правило, очень тяжело у всех идет. Мне же он давался достаточно легко. И когда я стал сдавать кандидатский по немецкому языку, преподаватель питецкий, такая вся из себя интеллигентная дама, вдруг задает мне вопрос: «Скажите, пожалуйста, а кто вам ставил произношение?» — «Да никто мне не

ставил», — удивившись, что у меня есть произношение, отвечаю я. «А где вы учили немецкий язык?» — «В простой средней школе». — «Вы передайте, пожалуйста, слова моей глубочайшей благодарности вашей учительнице». Вот такие педагоги были в провинции...

Но это я отвлекся. В общем, подошел срок окончания аспирантуры. В ноябре я защитился, и мне предложили на выбор поехать работать в Хабаровск или Сыктывкар в недавно открывшиеся институты.

Я находился в раздумьях. Хабаровск меня пугал тем, что очень далеко, я как-то физически ощущал это расстояние. Но там было одно преимущество — мой однофамилец, который вместе со мной оканчивал аспирантуру по другой кафедре, уехал туда, а поскольку институт только создавался, кадров не было, то сразу стал проректором. В Сыктывкаре поменьше должности предлагали: старшим преподавателем, автоматом — доцент и так далее. Короче, я находился в раздумьях. И вдруг приезжает ко мне мой земляк, второй секретарь Псковского обкома комсомола Минченков, и говорит: «Слушай, тебя приглашают для разговора в обком». Тогда первым секретарем обкома комсомола был Алексей Николаевич Ильин, который потом стал секретарем ЦК Компартии Российской Федерации. Вот он про меня и вспомнил, пригласил вернуться на комсомольскую работу — уже секретарем обкома комсомола. В общем, я согласился и оказался в Пскове секретарем обкома комсомола по пропаганде, а через некоторое время — вторым секретарем обкома комсомола, но с вопросами пропаганды. Дали двухкомнатную квартиру, это-то после того, как мы с ребенком намучились за годы аспирантуры снимать комнаты в коммунальных квартирах, шесть раз переезжали с места на место.

А дальше все получилось тоже просто. У меня все так в жизни получалось, я никуда не просился, все как-то само собой выходило. Начался учебный год в системе комсомольского политического просвещения. Собрали мы семинар пропагандистов. Естественно, связались с ЦК комсомола, с отделом пропаганды, — мол, лектора хорошего пришлите. И приезжает лично, несмотря на большую занятость, заведующий сектором политического просвещения отдела пропаганды Владимир Константинович Егоров. Это было в 1975 году.

Познакомились, ну и я, видно, произвел на него впечатление. Потому что он начал хлопотать по инстанциям, что вот есть в Псковской области мужик один, надо бы его взять в отдел пропаганды ЦК. И пошли в обком звонки, даже сам Е.М. Тяжельников звонил. А обком меня не хочет отпускать, тоже какие-то виды на меня имел. В итоге вызывает меня заведующим организационным отделом обкома партии Владимир Федорович Шевельков и говорит: «Слушай, уже надоело. Все время звонят по тебе из Москвы. Короче, решай сам. Хочешь — поезжай, не хочешь — ты нам тоже здесь пригодишься». Тут решающее слово сказала жена, она у меня большая любительница нестандартных решений, ее все время куда-то тянет. В общем, на семейном совете решили, что надо ехать в Москву, в отдел пропаганды...

Запомнилась процедура собеседований, которую проходил каждый, кого должны были взять в аппарат ЦК ЛКСМ. И вот расскажу два впечатления. Пришел к секретарю ЦК комсомола Сурену Гургеновичу Арутюнову. Ну, это было сразу видно — начальник. Он говорил так тихо, что я напрягался, чтобы его услышать... А потом я попал на собеседование к заведующему отделом рабо-

чей молодежи Владимиру Максимовичу Мишину, который произвел на меня потрясающее впечатление. Нормальный человек, без фанаберии, живо интересуется делами. А тогда как раз много внимания уделялось развитию Нечерноземной зоны РСФСР, из которой я как раз и приехал. И он говорит: «Слушай, ты мне скажи, я ни хрена толком не понимаю, что это за Нечерноземная зона и чем она там выделяется?» И я думаю: надо же, такой начальник — и честно говорит, что он чего-то не знает. И вот такой простотой он произвел на меня неизгладимое впечатление, я ему в глаза про это говорил, с присущей комсомольцам прямоотой. Ну, я ему рассказал про контурность полей и прочие премудрости сельского хозяйства.

Так я оказался ответоргом в отделе пропаганды ЦК комсомола...

Это был 1977 год, та эпоха, когда Евгений Михайлович Тяжелников говорил: «Вы вытащили счастливую карту, вас взяли в ЦК комсомола. Где лет пять-шесть ты должен работать и не заикаться об уходе». В мае меня утвердили на должность в секторе политпроса, а в ноябре я уже получил квартиру в Орехово-Борисове (а до этого жил в общежитии на Кондратюка).

Тогда мы организовали двухсторонний фестиваль немецко-советской молодежи в Волгограде. Меня туда направили по линии отдела пропаганды проводить конференцию. Ответственным за проведение фестиваля был Владимир Викторович Григорьев, секретарь ЦК ВЛКСМ по международным вопросам. Ему понравилось, как прошла конференция, и он потом вызвал как-то меня к себе и сказал: «Нам очень кадр нужен. Не пойдешь заместителем руководителя в отдел сельской молодежи?» Для меня это было совершенно неожиданно — с ответорга, не проработав и года, минуя завсектором, сразу — заместителем руководителя... Слишком нестандартный случай. Я, естественно, согласился и стал работать в отделе сельской молодежи, тем паче что образование у меня экономическое, курировал всесоюзные ударные комсомольские стройки мелиорации. В это время готовился пленум ЦК комсомола по вопросам сельской молодежи, я был в составе группы по подготовке доклада и познакомился с Олегом Максимовичем Попцовым, который тоже был в этой группе как редактор журнала «Сельская молодежь».

А позже, уже в 1980 году, Олег Максимович предложил пойти заместителем главного редактора журнала «Сельская молодежь». В ту эпоху, кто работал в отраслевых отделах, уходили начальниками главка в министерства, а тут такой нестандартный путь. Но были кое-какие обстоятельства, во-первых, там зарплата намного больше, во-вторых, что называется, творческая работа, свободный график, а главное — Егоров, с которым мы стали друзьями, работал рядом, в журнале «Молодой коммунист» — замом главного. Ну, в общем, я согласился и оказался в журнале «Сельская молодежь».

Работа мне понравилась. Олег Максимович Попцов — человек специфический, но умел делать журнал и руководить коллективом. Я у него очень многому научился, по крайней мере, и тому, что нужно делать, и тому, чего делать не нужно. И коллектив хороший, помимо журнала выпускали литературное приложение «Подвиг». К тому времени В.К. Егоров опять вернулся в ЦК комсомола заведующим отделом пропаганды, и в связи с тем, что Тамару Михайловну Шатунову, главного редактора издательстве «Молодая гвардия», назначили директором издательства «Детская литература», он предложил эту

Бизяев Дмитрий Иванович, Герой Советского Союза, лётчик, участник Великой Отечественной войны, в 1970-х гг. возглавлял Псковский областной штаб похода комсомольцев и молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Рядом с ним Фёдоров В.В. — секретарь Псковского обкома ВЛКСМ и участники слета. Псков, 1976 г.

должность мне. Это было в 1985 году, начиналась подготовка к Всемирному фестивалю молодежи и студентов, и я был откомандирован в Клуб советской молодежи, который размещался в Доме Советской армии. Командовал там Володя Кузин из отдела рабочей молодежи, а я был у него замом. Когда фестиваль завершился, я получил за подготовку его свою вторую награду — орден Дружбы народов. А первой была медаль к столетию Ленина, во время работы в райкоме комсомола.

И в общей сложности в «Молодой гвардии» я проработал семнадцать лет, если считать пять лет в «Сельской молодежи». А в 1997-м постоянно встречающийся на моем жизненном пути В.К. Егоров оказался директором главной библиотеки страны — Ленинки. Времена тогда были смутные, «Молодая гвардия» — гигантский комплекс, акционирование, неразбериха. В общем, надо было или заниматься директорской приватизацией, грубо говоря, а у меня, несмотря на экономическое образование, тяги к этим приватизациям никогда не было, да что там говорить, и страшновато было — меня даже охраняла милиция, потому как бандиты пытались отнять издательство. Одним словом, устал я, слишком много крови и нервов ушло.

Но случилось так, что Егоров в 1998 году стал министром культуры России, а я — директором Российской государственной библиотеки.

Хорошо помню, как было сложно: не хватало даже лампочек, а просыпаясь каждое утро, первым делом включал телевизор (не загорелось ли чего, ведь никакой противопожарной сигнализации не было).

Но, слава богу, что называется, не только выжили, но и Дом Пашкова отреставрировали. В 2009 году я стал президентом этого храма знаний и науки.

Жанна Кака-Балиевна Чарыева

*Первый секретарь ЦК комсомола Туркменистана
(1974—1985 гг.)*

Штрихи моей жизни

Туркменистан — одна из союзных республик СССР, площадью 488,8 тысячи квадратных километров, около 5 миллионов населения, пять областей, 49 районов, в то время на учете состояли 400 тысяч членов ВЛКСМ...

Я родилась в 1948 году в небольшом туркменском городке Мары. После окончания школы поступила в Туркменский политехнический институт по специальности инженер-электрик, который окончила в 1971 году.

Мне скоро 70 лет, а я так и не стала ветераном. Ветераном в том смысле, что меня не приглашали на встречи с пионерами, не сажали в президиумы, не просили вспомнить молодость, то есть я всегда была в работе... Главное, о чем хотелось бы рассказать, вспоминая те годы, — это о них, наших друзьях-наставниках, которые принимали непосредственное участие в моем становлении в комсомоле.

На комсомольскую работу я попала, еще учась в Туркменском политехническом институте в Ашхабаде, когда в далеком 1970 году начали формироваться студенческие строительные отряды. Я тогда была уже на 5-м курсе. Старостой у нас на курсе был Игорь Цой, он поступил в институт уже после службы во флоте, поэтому был старше всех нас, пришедших после школы. Так как мы учились на механико-энергетическом факультете, девчонок на курсе было мало, и мы держались кучкой (нашей студенческой дружбе уже почти 50 лет). Большинство из девчонок были энергетиками, а ребята — механиками. Наш факультет на протяжении всех 5 лет был инициатором многих интересных дел в институте, будь то КВН, выпуск газеты «МЭФОВЕЦ» или поездка на хлопок. Стали мы и активными участниками ССО. Как сейчас помню, где-то в апреле 1971 года, после предварительного распределения, ко мне подошел Игорь Цой и предложил до сентября, когда надо было явиться на работу по распределению, поработать в республиканском штабе ССО при ЦК комсомола республики. Сказал, что там будут все наши: Сулейман Гунешев, Валера Борзасеков, и нужна девчонка в политотдел. Я думаю: «Ну, ничего, подзаработаю на новые туфли». Прихожу на собеседование в мини-платье, с распущенными волосами. Коридор в ЦК комсомола длинный, и пока я шла к приемной, где со мной должен был беседовать кто-то из заведующих отделами, двери по очереди открывались, и все шептали: «Что за девочка, может, чья-то дочка?»

Так началась моя работа. Я была худенькой, 45 кг, и ребята шутили: «Жаннуля, оставь схему! А то тебя ветром сдует, как мы потом соберем?» В штабе я проработала весь сезон. Никогда не забуду встречу студентов из Прибалтики, которым предстояло работать на строительстве сельхозобъектов в Чарджоуской области. Именно им пришла идея построить новую школу взамен той, где они разместились. Идею поддержал второй секретарь обкома комсомола Виктор Ребрик, и он же придумал построить школу за... один день! Это было

что-то! Меня тогда назначили ответственной за прессу, радио и ТВ, и я ужасно боялась им звонить: вдруг не получится? Но надо было знать Виктора Николаевича Ребрика (тогда второго секретаря обкома комсомола) и Альбину Данилевич, заведующую студенческим отделом: конечно же, были подключены и строительные организации. Подвезли все материалы, объявили конкурс на лучшего каменщика, штукатура, маляра. Участвовал весь аппарат обкома, зональный штаб, и поздно вечером возвели крышу — правда, укомплектованием и окончательной отделкой занимались органы образования (когда я стала секретарем ЦК, школа уже всю функцию выполняла). Когда пришла пора подводить итоги, Альбина Данилевич попросила меня зайти к первому секретарю ЦК ЛКСМ Тахиру Дурдыеву. Я спросила зачем, ведь моя работа замыкалась на отделе по работе с учащейся молодежью. Тахир Бяшимович сказал, что Альбина предлагает меня на работу в аппарат ЦК комсомола. На что я ответила, что с 1 сентября должна ехать по распределению в город Ухту Республики Коми: в то время выпускников распределяли по всему Союзу, и мы с ребятами решили поехать на Север... Что поделаешь, романтики! «Нам ты здесь нужнее, — произнес Тахир Бяшимович, — а с институтом мы договоримся».

И началась работа: сначала в штабе ССО, затем — инструктором студенческого отдела, завсектором по работе с научной молодежью в горкоме комсомола. На протяжении всего этого времени меня постоянно сопровождала тогдашняя завотделом студенческой молодежи Альбина Федоровна Данилевич — она была для меня не только начальником, но и наставником, и подругой. Дружим с ней до сих пор, вместе и в радости, и в горе, разница в возрасте со временем стерлась, и только расстояние в данный момент препятствует нашему общению (но да здравствует сотовая связь!).

Кстати хочу отметить, что избрали меня секретарем ЦК комсомола без всяких предварительных собеседований. Прямо на съезде при формировании списков членов ЦК из зала кто-то выкрикнул мою фамилию, и меня включили в состав ЦК. Только потом я поняла, чего это стоило: менять списки, перепечатывать бюллетени, согласовывать их... Ашхабад — город маленький, и зал, где проходил съезд, находился рядом с ЦК партии Туркменистана, и там же, в кабинете заведующего организационным отделом ЦК Михаила Гербертовича Шмидта, со мной встретился присутствующий на съезде от ЦК ВЛКСМ Геннадий Иванович Янаев. Разговор закончился тем, что меня избрали секретарем по работе с учащейся и студенческой молодежью. Съезд закончился, как всегда, поздно, и утром, когда я пришла на работу в Ашхабадский горком комсомола, тогдашний первый секретарь горкома партии Махтум Караевич Шабасанов, зайдя к нам в кабинет, сказал: «Где тут наша комсомолка? Почему ты здесь? Тебе нужно идти в ЦК комсомола». Много позже, когда мы с ним встречались, он всегда называл меня «комсомолкой».

Может, я была молода, может, еще глупа, но меня совершенно не волновали карьера и должность. В то время у меня было много планов и конкретных дел в городе. Только-только начала заниматься ашхабадским детским домом (он был в ужасном состоянии, без ремонта, с ежедневными побегами детей). Когда я об этом рассказала Махтуму Караевичу, он усмехнулся и сказал: «Как раз вместе этим и займемся, только я — в городе, а ты — в республике». Сразу оговорюсь, что тема детских домов тогда была актуальна для меня, а впослед-

ствии, став председателем республиканского Детского фонда, я занималась детскими домами уже вплотную.

Еще одним штрихом моего неординарного избрания и проявления демократизма было то, что я не являлась членом партии. Вспоминаю об этом еще и потому, что в беспокойные 1990-е многие функционеры упрекали коммунистов в том, что они вступали в партию лишь для того, чтобы занять продвижение по службе или должность (по крайней мере, так говорил при каждом своем публичном выступлении бывший первый секретарь, а впоследствии президент С.А. Ниязов).

С февраля 1974 года до мая 1979 года я проработала секретарем ЦК комсомола по работе с учащейся молодежью. С трепетом и волнением вспоминаю своих заведующих отделами школьной и студенческой молодежи — Елизавету Миносьянц, Людмилу Булатову, Жанну Кеворкову, Байрама Союнова, Рустама Шириева. Можно ли забыть секретарей ЦК Амангельды Дурдыева и Огульнабат Ишанкулиеву, с которой мы верой и правдой прослужили бок о бок почти 15 лет, и даже когда она передала мне пост первого секретаря и стала председателем Туркменского совета профессиональных союзов, наша дружба продолжилась и продолжается до сих пор. Именно ей я обязана знакомством с Диной Лиходедовой — в бытность Огульнабат первым секретарем Красноводского обкома комсомола Дина была заворгом ЦК комсомола, а потом — секретарем Челекенского горкома партии. В Москву она приехала в Комитет народного контроля еще до ликвидации, как она всегда шутит: «Успела в последний вагон». Это дружба замешана на юности, молодости, искренности, любви!!! Ей не страшны расстояния, болезни, предательства... Хотела подсчитать, сколько мы дружим, — оказалось, почти 47 лет. Теперь уже дружат наши дети и внуки — дай бог им передать эту дружбу дальше.

Вспоминая друзей, я заведомо не акцентирую внимание на тех, кого, к сожалению, уже нет, кого я провожала в мир иной: для меня они живы, пока я о них помню. Вот и сегодня очередное сообщение — ушел из жизни первый секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана Закаш Камалиденов. Одна из моих первых командировок в качестве секретаря ЦК ЛКСМТ была в Алма-Ату — там проходила спортивная олимпиада школьников. Нашу делегацию встречала Жибек Амирханова, моя коллега. Сразу после размещения поехали осматривать город и заехали к ней домой (не поверите, я впервые поднималась на лифте в дом, который в народе называли кукурузой). Видя мое удивление, Жибек сказала, что это комфортное жилье ей помог получить первый секретарь Закаш Камалиденов, после того как она вышла замуж и родила ребенка. Для девушек, работающих в комсомоле, замужество — всегда проблема: времени на себя не хватает. Кстати, я вышла замуж за командира ССО Молдавии, будучи уже секретарем ЦК, чем тоже очень удивила наших «ребят», и также получила квартиру только после замужества, а до этого жила с родителями — 6 человек на 42 квадратных метра.

Как я уже говорила, шесть лет на посту секретаря по школам не прошли даром — я хорошо узнала республику, проводя по 160—170 дней в год в командировках. Ездил в отдаленные села, на пограничные заставы, в школы и пионерские лагеря и, конечно же, в союзные республики — чаще в соседние Узбекистан и Киргизию. Во Фрунзе (нынешнем Бишкеке) была зональная

комсомольская школа, хочешь не хочешь, раз в квартал лекция — то перед секретарями райкомов, то перед секретарями училищ профтехобразования и так далее. Лекция — на академический час, а лету до Фрунзе через Ташкент почти три часа, так что минимум сутки в дороге. Помогала комсомольская солидарность: встретить в аэропорту, покормить, иногда устроить переночевать — это все Инкилаб Турсуновна Юсупова — секретарь ЦК комсомола Узбекистана, Людмила Швецова из Киева, Валентина Матвиенко из Ленинграда, Марите Рукмане из Риги, Генуте Шальтенене из Вильнюса, Аида Топузян из Еревана, Манана из Тбилиси. Позже многие из нас были первыми секретарями ЦК, а еще позже — так же, как и я, стали секретарями горкомов партии.

У микрофона Ж.К. Чарыева

Но это потом. А пока в мае 1979 года, сменив Огульнабат Ишанкулиеву, я стала единственной женщиной — первым секретарем ЦК комсомола республики Туркменистан. Мне только исполнился 31 год, вокруг меня «зубры комсомола» Анатолий Корниенко из Украины, Константин Платонов и Володя Шаплыко из Белоруссии, Борис Пуго из Латвии, Валерионас Балтрунас из Литвы, Эргаш Гафурджанов из Узбекистана, Иван Гуцу из Молдавии. Это были даже не «зубры», это была плеяда лидеров союзного масштаба, и я рада, что мне посчастливилось работать с ними. На смену им пришли не менее талантливые, более молодые, более амбициозные. Но отношение ко мне тех первых было по-отечески добрым, по-братски заботливым. Никогда не забуду, когда я прилетала на пленум первым рейсом (вылет в 6.45 из Ашхабада и улетала этим же днем ночным рейсом), а мы всегда останавливались в гостинице «Юность», ребята спрашивали, успела ли я поесть и шутили насчет нашей затянувшейся хлопкоуборочной кампании: чего ты его не скосишь? (В то время хлопок вручную собирали до холодов, а на Украине уборку хлеба заканчивали осенью.) Помню, когда я впервые отправляла поздравления, кажется, к Новому году всем первым секретарям ЦК комсомола союзных республик, к секретарю ЦК Грузии Жулио Шартава обратилась со словами «дорогая» вместо «дорогой» — уж сколько я выслушала в свой адрес шуток... Но с Жулио мы были дружны до самой его гибели — он был убит в 1990-х годах, будучи первым секретарем Абхазии. Память о нем храню до сих пор, как и о Дмитрие Филиппове, тогдашнем секретаре Ленинградского обкома, а затем секретаре ЦК ВЛКСМ, погибшем в те же лихие 1990-е. Кстати, на доме, где жил Дима, недавно была установлена мемориальная доска.

Как-то все у меня перемешалось — прошло столько лет, а именно комсомольские годы, а не пять лет работы на посту секретаря Ашхабадского гор-

кома партии, и не пять лет на посту председателя республиканского Детского фонда, и даже не работа по специальности в Министерстве энергетики, а именно комсомольская работа и опыт общения с людьми позволили мне пережить и безработицу, и сокращения, и ликвидацию Детского фонда. Именно в тот далекий уже 1998 год мне позвонил приехавший на работу в посольство Российской Федерации в Ашхабаде Анатолий Викторович Щелкунов (мы пересекались в комсомольские годы). Встретились, поговорили, повспоминали (кстати, он звонил, чтобы передать привет от наших друзей Майи и Всеволода Окпышей, в то время работавших в нашем посольстве в Сирии). Так вот именно Анатолию Викторовичу Щелкунову я обязана своей десятилетней службой в консульском отделе Посольства России в Туркменистане. Эти десять лет сродни моей комсомольской работе — очень дружный, понимающий коллектив, который практически спас меня от надвигающейся в республике диктатуры. Писать об этом даже сейчас боюсь, но именно поэтому я вынуждена была уехать из республики на ПМЖ в Россию. Как приняла меня Россия? Да как и всех «понаехавших»: здесь вам не там, к тому же, конечно же, и силы уже не те. Но именно комсомольское братство держит, как говорится, на плаву — ввели в Оргкомитет по подготовке к 100-летию ВЛКСМ, а это значит — надо соответствовать, вспоминать и рассказывать всяческими способами: не получается поехать в республику — значит, будем через мобильную связь, но обязательно вспомним, что у истоков создания Туркменского комсомола стоял в далеком 1925 году Чары Веллеков, в 1925—1928 годах — Карабек Атанязов, в 1928—1930-м — Ата Мурадов, в 1930—1934-м — Егелек Отаев, в 1934—1937-м — Аннасахат Армидов, в 1937—1938-м — Маммед Кадыров, в 1938—1940-м — Атааман Дурдыев, в 1940—1941-м — П. Зорина, в 1941—1943-м — Юсуп Овезов. Данные эти взяты из моих чудом сохранившихся при переездах записных рабочих книжек, и я почти ничего об этих людях сказать не могу, а вот с первыми секретарями, работавшими с 1943 года, мы проводили постоянные встречи, они до последних своих дней состояли в Совете ветеранов при ЦК ЛКСМТ. Так, Аман Мурадович Курбанов, первый секретарь с 1943 по 1947 год, последнее время работал министром бытового обслуживания: в том же здании размещался аппарат ЦК комсомола. Джума Курбанов руководил комсомолом в 1947—1950 годах, и на его долю выпало тяжелое время ашхабадского землетрясения, позже он долгое время возглавлял отдел торговли ЦК партии. С 1950 по 1951 год впервые в республике комсомольским лидером стала женщина — Джерен Мамедова: очень долго и мне говорили, что мы похожи, я — такая же маленькая и худенькая. Позже она почти десять лет руководила Министерством социального обеспечения, и мы с ней были очень дружны. Через пять лет, сменив Хезрета Ширмамедова, руководство комсомолом вновь перешло к женщине — Мае Моллаевой. Она занимает особое место в становлении культуры, образования и медицины республики, и не мне давать оценку, но я, будучи секретарем по школам, а затем первым, ощущала постоянную поддержку и внимание Маи Моллаевны в период ее работы в Совете Министров и на посту секретаря ЦК Компартии Туркменистана. Я думаю, меня поддержат и Тахир Дурдыев, сменивший Маю Моллаевну на посту первого секретаря ЦК комсомола, и Амангельды Дурдыев, и Огульнабат Ишанкулиева. Работа в комсомоле немыслима без ежедневного контакта

Ж.К. Чарыева на пограничной заставе. Рядом слева — Николай Долгушкин, секретарь ЦК ВЛКСМ

с районными, городскими, областными и Центральным комитетами партии. Во-первых, как правило, многие из них вышли из комсомола, а во-вторых, только в совместной работе по воспитанию подрастающего поколения можно достичь результатов. Поэтому мне было легко работать, ощущая поддержку секретарей ЦК партии Туркменистана Мухамеда Назаровича Гапурова, Мергена Атаевича Чарыева, Маи Моллаевны Моллаевой и многих, многих других... Мухамед Назарович Гапуров руководил республикой почти 16 лет, а за это время вторыми секретарями побывали Василий Назарович Рыков, Виктор Николаевич Переудин, Альберт Иванович Рачков — они курировали общественные организации. Я ни разу не получала отказа в приеме, даже без предварительной договоренности, Мухамедом Назаровичем Гапуровым, его потечески доброе отношение к комсомольцам и молодежи выражалось и в его личном участии в республиканских мероприятиях, съездах и пленумах ЦК, а также в оперативном решении кадровых вопросов. Но самое главное, мне импонировали его скромность и простота, что, кстати, присуще всем участникам и ветеранам войны. Никакой охраны, пешком на работу, сидеть в одном ряду со зрителями (кстати, Ниязову в зал заносили специальное кресло-трон и специально освобождали ряды до и после). Да ладно, как говорится, о мертвых — «либо хорошо, либо правду».

И последнее, самое главное: я ни о чем не жалею — ну, не пригодилась я республике, зато у меня семья, ради которой я живу, люблю!

Николай Иванович Челомбитько

Секретарь Луганского обкома ЛКСМ Украины

Председатель КМО Украины

Секретарь Украинского республиканского комитета защиты мира

Первый заместитель председателя Украинского республиканского общества по связям с украинцами за рубежом (общество «Украина»)

Кандидат исторических наук

Завидуйте!

Нашим дням позавидуют,
Словно сказочным снам,
Комсомольцы в двухтысячном
Позавидуют нам.

Леонид Татаренко

Мой комсомольский приятель, поэт-песенник Леонид Татаренко за песню «Комсомольцы в двухтысячном позавидуют нам» (композитор И. Драга), которую он посвятил 50-летию Ленинского комсомола, был удостоен звания лауреата Республиканской комсомольской премии им. Н. Островского. Песню быстро подхватила молодежь всего Советского Союза.

В октябре 1968 года мои земляки-луганчане установили в сквере Героев «Молодой гвардии» бетонный куб, в котором заложена капсула с посланием участников торжественного пленума Луганского обкома ЛКСМ Украины, посвященного 50-летию ВЛКСМ, своим потомкам — «комсомольцам и молодежи, которым предстоит жить в 100-ю годовщину ВЛКСМ». Я думаю, что накануне 100-летия ВЛКСМ мы обязательно вскроем капсулу и прочтем послание вместе с воссозданной в Луганской Народной Республике организацией «Молодая гвардия».

Отмечая 50-летие своей любимой организации и рапортуя о свершениях комсомола, юношам и девушкам не терпелось заглянуть в будущее, представить, какими будут достижения грядущих поколений...

Леонид Сергеевич не дожил всего один год до двухтысячного. К сожалению, я не знаю, как он реагировал на решения последних двух съездов комсомола, один из которых посчитал «исчерпанной политическую роль ВЛКСМ» и заявил о самороспуске организации.

Л. Татаренко каждый год выпускал по одной книжке. Иногда и по две. После 1990 года он не опубликовал ни одного сборника. Я хорошо знал Леонида и уверен, что в неопубликованных книгах он не только всем своим естеством отверг бы «самороспуск» комсомола, но и жестоко осудил бы тех, которым история доверила дух и славу двухсот миллионов советских людей, прошедших школу комсомола, возводивших города и заводы, осваивавших целину и космос, нефтяные месторождения Сибири и, наконец, внесших огромный вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Надо прямо сказать, что делегаты этих двух «расстрельных» съездов не только смалодушничали, но и пренебрегли такими славными комсомольскими качествами, как непоколебимость и твердость духа. Они предали комсомол.

Пытаясь проанализировать решения съездов и неблагоприятные действия их делегатов, хочу быть объективным и понять тех, кто, сбросив комсомол в «плавильный котел лихих 1990-х», покидал зал заседаний с песней «Не расстанусь с комсомолом» и по сей день ностальгирует о том, что «заветной весны высота не взята». Биография комсомола тех дней иллюстрирует настроения и убеждения миллионов и миллионов советских людей. Людей, преданных своей стране и убежденных в своих идеалах. Сра-

Н.И. Челомбитько

азу отмечу, что мы тогда настолько уверовали в непогрешимость партии, в которую входили с молодых лет, что иногда ставили знак равенства между нею и Родиной, а руководителей партии отождествляли с самой партией. Наша вера во все это привела к тому, что мы вместе с такими же, как сами, стали заложниками хлипких и незрелых «лидеров», идейное вырождение, политическая и интеллектуальная деградация, антинародная деятельность которых граничила с предательством и привела к развалу страны. Страны, которую мы создавали, не щадя своей жизни и не считаясь с благополучием и комфортом близких.

Обратил внимание на упоминавшиеся на XXI съезде такие аргументы: «Молодежь не может самого главного — она не может заработать себе интересную жизнь. Потому что для того, чтобы жить интересно, нужны материальные основы — хорошая квартира, красивая машина, возможность путешествовать, иметь средства информации, которые тебя насытят новыми мыслями. Мы им ничего не дали...»

Сейчас, через 25 лет после «самороспуска» комсомола, кое-кто из проповедников общества потребления утверждают: «Идите и трудитесь там, где можно «заработать себе интересную жизнь». То есть не там, где вы больше всего нужны Родине. Кстати, на днях один известный социолог, выступая на телевидении, сказал, что только 1 % современной молодежи хотели бы заниматься общественной деятельностью; 39 % хотят иметь много денег; 28 % хотели бы «тусоваться» в ночных клубах. Не могу судить о достоверности этих цифр. Хочу только процитировать опубликованный в социальных сетях ответ на песню Л. Татаренко одного из самодеятельных поэтов:

*Мелко мечтают,
Думают редко...
В них ничего не осталось от предков.*

Нужен ли комсомол современному обществу и стране в наши дни? Риторический вопрос! Мы на каждом шагу повторяем утверждения нашего президента о важности патриотического воспитания молодежи как основы национальной идеи России. И я хочу посмотреть в глаза тому либерализованному персонажу, который в конвульсиях «депатриотизации» российского общества предложил изъять роман А. Фадеева «Молодая гвардия» из школьных программ. И кто эти люди во властных структурах, которые его поддержали и никак не хотят допустить изучения школьниками патриотического подвига молодогвардейцев? Может, это тот нелюдь, который разрезал бритвой мамин мешок с зерном, которое она выменяла на Кубани за детские вещички, чтобы прокормить нас в голодные годы после изгнания фашистов с Украины? Может, те, которые служили при немцах в полицаях, чтобы спасти свою шкуру за счет других? А может, это те, кто при развале Советского Союза завладел несметными богатствами за счет благосостояния целой страны?

Недавно снял с дальней полки и перелистал книгу стихов моего земляка Михаила Матусовского — того самого, который сочинил слова всемирно известной песни «Подмосковные вечера». Книжка называлась «Улица Мира» и была издана в 1951 году. Мне тогда было 13 лет, и я отлично помню ту атмосферу, в которой жила страна через шесть лет после разгрома фашизма, после нашей Победы. Патриотические стихи М. Матусовского были в каждой школьной библиотеке, их переписывали в класных стенгазетах, читали со сцены на утренниках и вечерах. И уже через много лет, перечитывая «Три поколения» Матусовского, я обнаружил, что еще в те годы он предначертал всю мою биографию:

*Мой багаж небогатый и тощий,
Скорый поезд отходит в ночи, —
Не случайно вокзальную площадь
Комсомольской зовут москвичи.*

В годы комсомольской юности, и не только моей, все вокзальные площади Советского Союза были Комсомольскими. Все великие стройки Великой Страны связаны с комсомолом.

Нетрудно понять, с каким нетерпением в свои 13 лет я ждал, когда мне исполнится четырнадцать. С этого возраста принимали в комсомол. В Нижнедуванской школе Сватовского района, на Луганщине, была довольно боевая комсомольская организация, и она заботливо относилась к пополнению своих рядов. Уже с 13 лет нас готовили к поступлению в комсомол. Изучали устав, биографии героев-комсомольцев...

О героических деяниях легендарных краснодонцев будущие комсомольцы уже давно знали, ведь роман Александра Фадеева изучался в школе. А в период нашей подготовки к вступлению в комсомол школьная комсомольская организация вместе с Ленинским комсомолом всей страны отмечала 10-летие создания «Молодой гвардии».

1 сентября 1952 года первый урок во всех классах был посвящен «Молодой гвардии». Это был первый урок и для молодой учительницы русского языка и литературы, направленной в нашу школу после окончания Луган-

ского пединститута. Она рассказала о романе Александра Фадеева и предложила почитать по очереди по одному абзацу монолог Олега Кошевого о маме. Затем каждый рассказал коротко о своей маме. Поскольку я, как всегда, сидел за первой партой, мне достался первый абзац: «Мама! Я помню руки твои...»

Прошло уже несколько десятилетий после того урока. Но я всегда помню упоминавшийся выше и рассказанный в классе эпизод о горестной поездке моей 25-летней мамы на Кубань за продуктами для семьи...

14 лет мне исполнилось 6 ноября 1952 года. Все четырнадцатилетние семиклассники были готовы и с волнением ожидали праздника 7 ноября, надеясь, что нас примут в комсомол в день 35-й годовщины Великого Октября. Но мы ошиблись. Райком комсомола решил иначе. Заседание райкома по приему в комсомол назначили на 21 декабря — день рождения И.В. Сталина. Вот так я и стал комсомольцем сталинского призыва. Я этим очень гордился.

Давно произошла переоценка ценностей. Но гордость осталась. Гордость тем, что я причастен к жизни своей страны, к ее истории, с ее взлетам и решению проблем. Я на всю жизнь запомнил двойное значение 21 декабря. Каждый год отмечаю в памяти эту дату. Анализирую, что происходит в стране, что происходит со мной, как моя жизнь соответствует или не соответствует той эпохе, в которой проистекает моя деятельность.

Всегда вспоминаю и 1 сентября 1952 года, когда отмечали 10-летие «Молодой гвардии» и читали монолог Олега о маме. И каждый раз огорчаюсь тем, что, пользуясь невзгодами войны, были и такие подонки, которые причинили столько горя и страданий многим людям, стремящимся выжить. И люди выжили. Выжили, потому что их защитила наша страна, защитил тот общественный строй, в котором они жили. Защитили воспитанные на подвиге молодогвардейцев патриоты, которым принадлежат все послевоенные свершения нашей страны, чью грандиозность не отрицает никто в мире. А вот саму «Молодую гвардию» нам пока что защитить не удалось.

Почему 9 из 10 человек моего возраста с гордостью и душевной теплотой вспоминают свои комсомольские годы? Не только потому, что это были годы нашей юности — этот возраст всегда самый самый счастливый. Мы все мечтали о великих свершениях. Хотели быть в первых рядах...

Уже через 2—3 дня после приема в комсомол меня избрали комсоргом 7-го класса. С тех пор уже много лет минуло, а меня все куда-то избирают. И я ни-

Н.И. Челомбитько

когда не отказывался от поручений, а наоборот, гордился тем, что мне доверяют, в меня верят. Старался и стараюсь оправдать оказанное доверие.

Моя биография — не исключение. Если, молодые люди, будете читать эти строки, спросите у своих бабушек-дедушек, избирали ли их когда-нибудь куда-нибудь. И они ответят: конечно, избирали.

Я не знаю, комсомолом или Богом предначертано то, что я всю жизнь что-то создаю или являюсь первым в каких-то новообразованиях. Как уже сказал, я был первым комсоргом в только что образованной комсомольской группе класса. Я был в составе первого секретариата Луганского обкома комсомола после слияния промышленного и сельского обкомов и предложил учредить премию Луганского комсомола имени «Молодой гвардии»; был первым аспирантом после открытия аспирантуры при Луганском пединституте, первым председателем Комитета молодежных организаций Украины при выделении этой организации в самостоятельную структуру. Я создавал посольство Украины в Финляндии после распада Советского Союза и был первым украинским дипломатом и Временным Поверенным в делах Украины в этой стране; я создавал Луганское землячество и общественное Представительство Луганской области в Москве и являюсь первым руководителем представительства, президентом землячества; совместно с другими главами украинских землячеств я создавал Совет землячеств Украины в Российской Федерации и был его первым председателем. Я был инициатором и руководителем проекта «Луганщина: сигнал SOS», направленного на помощь беженцам из Донбасса во время гражданской войны на Украине.

Я не знаю, какие еще роли первопроходца уготовила мне судьба, что еще успею сделать, но я всегда чувствую в своей душе свежим и зовущим вперед тот благородный порыв, который испытывал в четырнадцатилетнем возрасте в райкоме комсомола, получая комсомольский билет.

Владимир Николаевич Шевченко

Заместитель заведующего отделом ЦК ВЛКСМ

Руководитель протокола Президента СССР

М.С. Горбачева

Руководитель протокола первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Работа всегда была радостью

Я родился в Москве в 1939 году. Когда война началась, то, сохраняя генофонд страны, по приказу Сталина детей отправляли из Москвы, и в сентябре 1941 года мама, бабушка и я оказались в городе Янаул (Башкирия). Дедушка работал на военном заводе, поэтому остался в Москве.

Мама и бабушка пасли скот, который отправляли в Москву на мясокомбинат. В это время мама получила извещение, что мой отец погиб в первые дни войны на Кольском полуострове. В Башкирии, где мы обосновались, формировались железнодорожные колонны, которые доставляли на фронт вооружение, а обратно — раненых. И мама стала там работать. Со временем она вышла замуж за Николая Ильича Шевченко — машиниста такого поезда, и я получил его фамилию.

В начале 1943 года меня решили отвезти в Москву, хотя въезд в город эвакуированным детям был не разрешен, зарыли в сено и вместе со скотом отправили в столицу. На въезде в город военные проверяли составы и щупами протыкали сено. Бабушка сказала мне: «Вова, лежи в сене и молчи». И я молчал. Слава богу, пронесло. Мы вернулись домой, меня отдали в детский сад при той фабрике, на которой работал дед.

В Москве был страшный голод. Мы с бабушкой ходили в районе нынешних станций метро «Измайловская» и «Семеновская» собирать лебеду. Дедушка приносил с работы машинное масло, его перетапливали, и бабушка пекла на нем лепешки с лебедой и отрубями. В 1943 году из-под Сталинграда мама приехала в Москву и привезла ленд-лизские продукты, которые и помогли выжить бабушке, которая лежала в больнице на Соколиной Горе, умирая от голода.

Помню, как я кричал от радости в День Победы: «Мама приедет». А мама закончила войну в Кенигсберге.

После войны мы жили у мамы отца в Знаменке на Украине, потом, в 1946 году, переехали в Латвию, в Даугавпилс. Там я пошел в школу, доучился до 7-го класса. А в 1952 году отца направили работать на Южно-Уральскую железную дорогу в Курган. Он был машинистом от Бога, еще в 1944-м получил звание «Почетный железнодорожник», а это значило многое. У нас не было проблем с квартирами, несмотря на многие переезды.

В Кургане мы жили вшестером в двухкомнатной квартире.

В Кургане в 1956 году я окончил школу и поступил в Грузинский политехнический институт на факультет «Тепловозы и тепловозное хозяйство». У меня самые светлые впечатления о Грузии.

И в школе, и в институте меня избирали в комитеты комсомола.

В 1956 году семья вернулась в Латвию, куда я и распределился после окончания института в 1961 году, тем более что проходил там преддипломную практику на паровозовагоноремонтном заводе. И начал там работать: сначала — помощником мастера на локомотивном заводе, потом — технологом цеха.

В 1962 году меня избрали вторым секретарем Даугавпилсского горкома комсомола, а через год — первым секретарем. В это время в Даугавпилсе разворачивалась всесоюзная ударная комсомольская стройка по сооружению завода химического волокна, который после запуска стал называться «Завод химического волокна имени Ленинского комсомола».

Можно сказать, моя судьба сложилась именно там. Комсомол дал мне все. Что бы ни говорили, но лучшей школы воспитания и становления молодых людей, чем комсомол, нет.

В 1965 году, накануне пуска завода, произошла такая история. Наладчиками КИПа (контрольно-измерительных приборов) на контурном волокне работали немцы из ГДР. 25 декабря, как известно, они отмечают Рождество, поэтому накануне опечатали оборудование и уехали. Завод же нужно было запустить не позднее 31 декабря. А по условиям договора если мы снимаем пломбы, то немцы уже за работу КИПа не отвечают.

Что делать? Все наши ребята молодые, горячие, но умные, соображающие.

Так что пломбы все-таки сняли, все наладили, все настроили и запустили завод.

В 1968 году, в год 50-летия комсомола, Даугавпилсская комсомольская организация была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Единственная в Латвии! Я к этому времени был заведующим отделом комсомольских органов ЦК комсомола Латвии.

В 1969 году меня пригласили на работу в ЦК ВЛКСМ в Москву.

На заседании Бюро ЦК ВЛКСМ, на котором меня утверждали ответоргом, кто-то предложил поручить мне курирование грузинской комсомольской организации, поскольку я там учился.

А Абдул-Рахман Халилович Везиров, который вел бюро, сказал: «Да дайте парню пожить в России, поскольку он уже успел побывать в разных республиках».

И первыми организациями, которые я стал курировать, были Тульская, Владимирская, Калининская. Но долго мне не дали поработать в этом секторе, и в 1971 году стал заведующим сектором Закавказья и проработал в течение пяти лет. Интереснейшая была работа. Не было ни одной районной организации ни в Азербайджане, ни в Армении, ни в Грузии, в которой я бы не побывал в командировках. Я, что называется, все облазил. А ведь командировки — это встречи, общение с людьми, у которых ты многому учишься и многое узнаешь из первых уст. Тогда нами руководил Евгений Михайлович Тяжелников, который требовал от каждого сотрудника нашего отдела глубоко владеть положением дел. И не дай бог, если ты не сможешь ответить на какой-то вопрос или будешь не в курсе какой-либо публикации в прессе про курируемую тобой комсомольскую организацию.

Работа нравилась, но сильно выматывала, и в 1975 году наступил какой-то предел — пришел к Евгению Михайловичу и честно сказал, что больше активно работать не могу, устал.

В.Н. Шевченко с Президентом России Б.Н. Ельциным

В это время был утвержден знак ЦК ВЛКСМ «За трудовое отличие» для работающих на производстве. Меня одним из первых наградили этим знаком и отправили работать на... Кубу. Это было удивительное время, удивительные отношения. Вначале я работал помощником представителя Министерства рыбного хозяйства на Кубе по работе с молодежью. А молодежи было много, одновременно в порту Гаваны стояло до 30 советских судов, на каждом было не менее 20—30 комсомольцев. Через полтора года меня перевели на работу в посольство, где я и проработал до 1980 года.

Мне повезло быть участником Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1973 году в Берлине и оказаться в гуще событий следующего фестиваля на Кубе в 1978 году. Потрясающие впечатления, они и сегодня у меня в памяти! А за работу по подготовке и проведению Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1980 году был награжден орденом Дружбы народов.

После Кубы вернулся в Москву и работал заместителем заведующего общим отделом ЦК ВЛКСМ, а в 1985 году оказался в аппарате ЦК КПСС сначала заместителем заведующего, а позже — заведующим сектором по приему и обслуживанию делегаций высшего уровня. И, естественно, по подготовке мероприятий, связанных с поездками Генерального секретаря ЦК КПСС за рубеж.

Первая моя поездка с Горбачевым была во Францию, потом в Болгарию... И так — 42 визита. А когда его избрали Президентом СССР, одним из первых его указов был указ о создании протокольной службы президента. Это был интереснейший период, нас везде встречали на ура, открытость, гласность.

И эта упоительность, быть может, нас и погубила. Мы ведь, россияне, народ очень доверчивый. И видели в этих восторженных толпах и аплодисментах (мы иногда оставались без пуговиц на пиджаках) искренность народа и его лидеров, люди, что называется, сходили с ума, когда многочисленные толпы скандировали: «Горби, Горби, Горби!..» И каждый стремился пожать руку или обнять. Особенно в ГДР, в Чехословакии...

Между тем сломали Берлинскую стену, и начались другие времена. С точки зрения укрепления протокольной службы за полтора года мы успели сделать много, став в один ряд с лучшими протокольными службами мира.

25 декабря 1991 года был спущен флаг СССР на Кремлем и поднят флаг Российской Федерации, а 27-го с Горбачевым мы вышли из Кремля, никто нас не сопровождал, и он попрощался, садясь в машину, сказал: «Созвонимся».

Но звонков не последовало.

29 декабря раздался другой звонок. Неожиданный. От Бориса Николаевича Ельцина.

Он предложил мне возглавить протокол первого Президента России.

Я ответил, что с одним условием — вместе с моей командой.

Я был членом ликвидационного комитета аппарата Советского Союза, и нам до 30 марта нужно было трудоустроить всех на работу. В нашем подразделении было 11 человек, 5 из них были из МИДа, и они вернулись в МИД, с остальными было пока неясно.

4 января позвонил Владимир Дмитриевич Петров — руководитель аппарата президента, с которым я был еще знаком по ЦК партии (он работал там замзавотделом): «Владимир Николаевич, выходите. Борис Николаевич подписал распоряжение о назначении вас шефом своего протокола и сказал: «Пусть берет, сколько ему надо» (это одно из любимых выражений Бориса Николаевича).

И мы всей командой стали работать с первым Президентом России с января 1992 года до 1 января 2000-го, когда он сдал свои полномочия.

А потом — до могилы на Новодевичьем кладбище в 2007 году. И сейчас я по возможности продолжаю заниматься Центром Бориса Ельцина вместе с Наиной Иосифовной, супругой Бориса Николаевича.

Так сложилась судьба. И если бы меня спросили: «А если начать все сначала?» Я бы ответил: «Пусть все будет так, как было».

Самые яркие впечатления в моей жизни — это ударная комсомольская стройка, сооружение и запуск завода химического волокна имени Ленинского комсомола в Даугавпилсе — одного из лучших заводов того времени (нынче он разрушен до основания) и, конечно, XV съезд комсомола, делегатом которого я был избран от Латвии. Это было что-то!

Именно тогда было принято решение о присуждении первых премий Ленинского комсомола. И на съезде эта премия была вручена Александре Николаевне Пахмутовой — гениальному композитору, автору огромного количества замечательных песен.

На этот съезд делегация молодежи Болгарии привезла гвоздики, которые были вручены каждому делегату. И когда объявили о присуждении премии Александре Пахмутовой, все встали, и эти гвоздики стихийно, без всякой команды «пошли» на трибуну, делегаты и гости (более 6000 человек) переда-

вали их впереди стоящим, и Александра Пахмутова в полном смысле слова утонула в этих цветах.

Недавно я побывал на юбилейном вечере Иосифа Давыдовича Кобзона — это еще одна легенда Ленинского комсомола. Грандиозное событие. Прекрасный концерт. Полный восторг! И когда на сцене появилась Александра Пахмутова, весь зал снова встал. И Иосифу Давыдовичу в ходе концерта зрители много раз аплодировали стоя. Незабываемое впечатление!

Мне повезло, что довелось поработать с такими людьми, как Борис Николаевич Пастухов, Евгений Михайлович Тяжелников, Сергей Александрович Купреев, которого мы очень рано потеряли, и, конечно, Виктор Максимович Мишин. Это удивительные люди, знающие, с колоссальным опытом работы.

Для меня работа всегда была радостью, особенно в комсомоле.

Меня часто спрашивают: что нужно сделать и кем нужно быть, чтобы стать шефом протокола. На мой взгляд, для этого нужно любить не только и не столько себя, сколько окружающих тебя людей.

А этому нас учил в первую очередь комсомол, именно на комсомольской работе молодой человек начинал понимать, что он есть, что он может, к чему стремится и чем сможет и должен помогать и служить людям.

Мне уже скоро будет 80 лет, и я благодарен судьбе за то, что ко мне относятся с уважением те люди, с которыми мне пришлось вместе работать и идти по жизни.

Опыт общения с людьми в России, Грузии, Латвии, на Кубе показал мне, что мы должны друг к другу очень внимательно относиться: не бывает маленьких и больших народов. Если мы говорим о мироустройстве, мы всегда должны учитывать, что у каждого народа есть свои особенности, «свои тараканы в голове». Мы должны это понимать и уважать.

Этот опыт помогал мне понимать ценность человека, какой бы он пост ни занимал, и помогать ему. Если я не мог кому-то помочь, то честно говорил, что не могу. Никогда не врал и никогда никуда не опаздывал.

Геннадий Иосифович Шмаль

Первый секретарь Тюменского обкома ВЛКСМ

Второй секретарь Тюменского обкома КПСС

*Первый заместитель министра строительства
предприятий нефтяной и газовой промышленности
СССР*

Председатель совета директоров

РАО «Роснефтегазстрой»

Президент Союза нефтегазопромышленников России

Благодарен судьбе бесконечно

Я родился перед войной в Мордовии, вырос в деревне в Оренбургской области, куда семья переехала, там окончил школу. Там есть такая станция Теренсай на железной дороге, а при ней — совхоз. У меня родители крестьяне. Мама — агроном, причем работала и главным агрономом совхоза, и агрономом-семеноводом. Отец образования особого не имел — всего два класса ЦПШ, но, так как он был от природы очень талантливый и умный, его назначили управляющим фермой, а потом — и директором совхоза. Ну а село, оно же, хочешь не хочешь, с пеленок заставляет людей трудиться. Вот мама с папой и трудились чуть ли не от зари до зари. А все хозяйство было на мне — убирать у коровы, напоить ее, сварить обед, наносить воды в дом. Поэтому, наверное, та закалка, которую я получил в детстве, сохранилась до сих пор. Вообще все ребята были приучены к труду и все умели делать.

Когда окончил школу, задумался, куда идти учиться... В то время особым уважением и авторитетом пользовалась профессия военного. И я, честно говоря, собирался тоже стать военным... Этот вопрос обсуждался и с родственниками, у нас тогда гостила старшая сестра с мужем Евгением — а он был военным. Но тут как раз к власти пришел Никита Сергеевич Хрущев, а отношение к армии у него не всегда было адекватным — уже планировалось сокращение армии, и Евгений посоветовал выбрать гражданскую профессию.

Время было интересное — 1954 год, выходило много книг и фильмов о металлургах. Я любил читать и, начитавшись такой литературы, решил, что металлург — действительно достойная профессия. Оказалось, что ближайший политехнический институт есть в Свердловске, и мне почему-то сразу понравилась специальность «инженер по цветным металлам». Ну, я и поехал туда, сдал экзамены и поступил. Причем немалую роль в моем выборе сыграло и то, что там была самая большая стипендия начиная с первого курса. Это меня вполне устраивало, ведь родители не могли особенно помогать. Все складывалось, в принципе, хорошо — и в институт поступил, и со второго курса стал получать повышенную стипендию. И потом здоровые же были ребята, так что после лекций могли немного и подработать — ходили разгружать вагоны на железнодорожную станцию. Но все же самое главное — это, конечно, учеба. Меня можно было, наверное, занести в Книгу рекордов Гиннеса, потому что я за все пять лет не пропустил ни одной лекции.

Так как учеба давалась мне легко, помимо подработки на станции я в свободное время занимался и спортом. Начал новичком, а закончил, уже имея первый разряд по классической борьбе, был многократным чемпионом Пермской области. На все хватало времени — и на лекции, и на тренировки три раза в неделю обязательно, и на танцы — даже записался в кружок бальных танцев, где меня научили танцевать вальс, танго, фокстрот, краковяк и другие, правда, менее интересные танцы. А еще раз в месяц мы обязательно ходили в Театр музыкальной комедии, он ни в чем не уступал Одесскому и был очень популярен у горожан.

И к нам в институт приезжали многие артисты. Я там впервые увидел наши джазовые оркестры. У нас выступали Леонид Утесов, Эдди Рознер, Олег Лундстрем.

В общем, студенческие годы дали, во-первых, на всю жизнь закваску-закалку, а во-вторых, способствовали тому, что мы долгое время поддерживали связь друг с другом.

После 4-го курса проходил практику на титано-магниевого заводе в Березниках, а преддипломную — на титано-магниевого заводе в Запорожье, поэтому и диплом у меня был, что называется, «по титану», хотя в то время мало кто знал об этом металле.

По окончании института я получил диплом с отличием, и меня оставляли на кафедре, говорили: «Давай в науку!» Но я отказался, сказал, что создан не для науки, а для производства.

В результате отправился в Березники на титано-магниевый завод. Тогда там была хорошая традиция — всех молодых специалистов принимал лично директор завода и беседовал довольно продолжительно с каждым отдельно. Так как Березники — это город первых пятилеток, основанный еще в 1932 году, директор наш, Клавдий Иванович Циренщиков, был одним из первых здешних комсомольцев. Он был награжден орденом Ленина, удостоен звания Героя Социалистического Труда. Очень талантливый человек, к тому же обаятельный и доброжелательный. Ну, в общем, беседовал он с нами, а когда дошла очередь до меня, поинтересовался темой моего диплома. Я назвал. А он мне на это и говорит: «У нас специалистов таких нет, поэтому назначаем тебя инженером-технологом в отдел капитального строительства, будешь заниматься строительством цеха». Нас было всего двое — начальник цеха и я, мы проработали вместе с ним несколько лет. Потом меня перевели в производственно-технический отдел, а затем я снова вернулся в этот цех, уже старшим мастером. Тогда только начали его контуры вырисовываться, и я занимался в основном подготовкой кадров.

Вскоре меня избрали в комитет комсомола завода, а потом вдруг неожиданно предложили стать вторым секретарем горкома комсомола. Я очень долго отказывался: на заводе у меня интересное дело, а что это такое — комсомольская работа, было не совсем понятно. Но тем не менее после десяти дней упорных уговоров все-таки согласился...

Вот так в октябре 1961 года я стал комсомольским лидером интересного города Березники. А в 1962 году меня избрали уже первым секретарем горкома комсомола...

Это было очень интересное время для комсомола. В первую очередь активно развивались ударные комсомольские стройки, они у нас имеют тради-

цию, начиная с Комсомольска-на-Амуре и Магнитки. В Березниках тоже была своя ударная комсомольская стройка — расширяли Березниковский калийный комбинат.

Помимо комсомольско-молодежныхстроек появилось еще одно новое направление в деятельности комсомола — так называемый «Комсомольский прожектор». Н.С. Хрущев, выступая на пленуме ЦК КПСС, бросил клич: «Надо высвечивать лучом прожектора все недостатки в деятельности наших производственных предприятий...» И так далее. Ну, комсомольцы — народ активный, решили создать центральный штаб «Комсомольского прожектора» и на местах — в обкомах, в горкомах. Мы тоже у себя в Березниках создали городской штаб и штабы на заводах. А их было немало — наш, титано-магниевого, содовый, азотно-туковый, анилино-красочный, калийный комбинат. Вообще Березники можно назвать городом химии, с очень мощной промышленностью. И что еще важно: если до этого среди комсомольских активистов преобладали гуманитарии — учителя, пионервожатые, медсестры, врачи, то тут у молодежи появилась возможность влиять на производственные процессы, поэтому молодые инженеры и рабочие тоже включились в работу «прожектористов».

Но у города был один большой минус: так как в Березниках помимо молодежи было немало «химиков» и условно освобожденных, обстановка в плане правонарушений была очень сложной, например, ни одна танцевальная вечеринка не проходила, чтобы кого-то не порезали или убили. Когда меня избрали секретарем горкома, мы подумали, что пора навести порядок, и создали городской комсомольский оперативный отряд. На первом этапе туда вошли только спортсмены — борцы и боксеры (я ведь сам тоже занимался борьбой). Набралось человек шестьдесят, и мы дружно взялись за дело. Нас, конечно, всячески поддерживал горком партии, ну и, естественно, милиция, мы часто проводили с ними совместные рейды. Уже через полгода город очистили от хулиганов, и стало наконец спокойно. Вскоре ряды наши пополнились — на тот момент отряд наш составлял уже двести шестьдесят человек...

Летом 1964 года меня перевели в ЦК комсомола, в центральный штаб «Комсомольского прожектора». Во главе его стоял секретарь ЦК комсомола Юрий Владимирович Торсуев. Удивительнейший человек — колоссальные знания, большой опыт работы, и сам по себе очень душевный, вдумчивый. (Он позже, как я помню, возглавлял издательство «Прогресс», но, к сожалению, рано ушел из жизни.) Под его руководством «Прожектор» брался за самые сложные вопросы.

Мне тогда поручили несколько заданий. Первое — трудоустройство подростков в целом по стране. Вторым заданием было изучение уровня подготовки рабочих кадров в профтехобразовании. Чтобы разобраться с этим вопросом, я ездил в Башкирию, где было очень много проблем. (Кстати, после нашей поездки и доклада сразу заменили председателя комитета по профтехобразованию.) Была еще интересная поездка в Туву, там мы познакомились с условиями труда и быта молодых скотоводов.

Вслед за этим нам поручили заняться сферой обслуживания. Здесь мы старались вникнуть во многие вопросы, даже провели первый слет молодых работников сферы обслуживания. Как-то нас пригласил к себе Торсуев и ска-

Первый секретарь Тюменского обкома ВЛКСМ Геннадий Шмаль — ведущий на Всесоюзном совещании молодых передовиков производства. Тюмень, 1970 г. Первый слева — Е.М. Тяжельников, третий слева — Б.Е. Щербина, первый секретарь Тюменского ОК КПСС

зал: «Надо бы использовать положительный опыт работы «Комсомольского прожектора» на каком-нибудь предприятии легкой промышленности или бытового обслуживания». Наш выбор пал на фирму «Юность». (Такая фирма до сих пор существует в подмосковном Дмитрове.) Коллектив там был довольно большой, где-то тысячи полторы. Но мужчины всего один — директор Василий Федорович Цветков.

В общем, я приехал, поговорил с ним, как у них и что, нашли мы одну инициативную молодую женщину, назначили ее начальником штаба, наметили план. Она начала работать, как говорится, на совесть. На планерках докладывала, какие имеются проблемы: там не хватило материала, там допустили брак — одним словом, обо всем, что касалось производства.

Закончилось все тем, что в декабре 1965 года секретариат ЦК комсомола одобрил опыт работы «Комсомольского прожектора» фирмы «Юность», а Люба, начальник штаба, стала делегатом XV съезда комсомола, была также и делегатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве...

В январе 1966 года я оказался в Тюмени, потому что еще год назад ЦК комсомола объявил освоение нефтяных и газовых месторождений всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Первый секретарь обкома партии Борис Евдокимович Щербина — легендарный человек, который впоследствии, будучи заместителем председателя Совета Министров СССР, что называется, «вытащил» ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы, позвонил С.П. Павлову и намекнул в разговоре: «Надо бы нам укрепить наши комсомольские кадры».

Меня вызвал к себе Борис Николаевич Пастухов. «Ты знаешь, есть предложение поехать тебе в Тюмень». — «Что такое Тюмень? Вот в Пермь хоть зав-

тра готов», — ответил я. «Ну, в Перми нет проблем с кадрами, а вот в Тюмени есть», — улыбнулся он.

Я, конечно, согласился и ни разу не пожалел о том, что сделал такой шаг, потому что всю остальную жизнь меня закаляла и направляла именно Тюменская область с ее интересными людьми, интересными традициями. И главное, что я сразу почувствовал и что меня поразило — это серьезное отношение к молодежи, к проблемам молодежи, к комсомолу. Работалось очень интересно. Непросто, сложно, бывали и замечания, официальных выговоров, правда, не было, но иногда все же перепадало...

Пять лет я проработал первым секретарем обкома комсомола, потом два с половиной года — первым секретарем Тобольского горкома партии, потом пять лет — вторым секретарем обкома партии, ну а затем — хозяйственная работа и так далее. Но что удалось — это то, что мы нашли какие-то свои, достаточно интересные формы работы. И основной упор сделали на создание комсомольско-молодежных коллективов.

Главную, решающую роль в создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — и я всегда это подчеркиваю — сыграла молодежь. Начинали с нуля, не было ничего — ни жилья, ни кадров. Люди жили в палатках, в лучшем случае — в вагончиках. Я помню, как в 1966 году в Тюмень приехал министр газовой промышленности СССР Алексей Кириллович КОРТУНОВ, Герой Советского Союза. На улице минус сорок, ребята живут в вагончике, маленькая печужка едва поддерживает тепло... КОРТУНОВ увидел все это и говорит: «Вам за то, что вы здесь просто живете, нужно Героев давать, а вы еще и дело делаете».

Молодежь в основном приезжала по комсомольским путевкам, особенно активно занимались воинами, которые отслужили в армии. За Тюменью был закреплен целый ряд пограничных округов, и ребята-пограничники, отслужив, приезжали на стройку. Уже потом, когда появились первые дома, первые школы, первые детсады, стало, конечно легче. Но на первых этапах только молодежь обеспечивала решение немалых производственных задач, поэтому мы посчитали, что правильно будет делать упор именно на создание комсомольско-молодежных коллективов, и не ошиблись.

Одной из первых и лучших была бригада Николая Глебова. Сейчас Коля уже на пенсии, он — Герой Социалистического Труда, заслуженный человек... Его бригада занималась поиском месторождений и принимала участие в открытии Уренгойского месторождения, которое долгое время было самым крупным газовым месторождением в мире. Рядом с бригадой Коли Глебова трудилась бригада Володи Полупанова, это геологи. Потом стали появляться бригады у нефтяников...

Мои учителя — и геологи, и нефтяники — всегда говорили: «Нефть начинается на кончике долота». Поэтому, какие бы методы ни были, они могут лишь повысить коэффициент труда, но полностью открыть месторождение или сказать, какие там запасы, если не пробуришь скважину, невозможно. Не случайно буровики всегда пользовались колоссальным уважением и авторитетом. Среди Героев Соцтруда процентов 80 — это буровики. И первой бригадой, которая начала осваивать в Тюмени наклонно-направленное бурение, был комсомольско-молодежный коллектив Заки Ахмадишина. Он потом стал членом Центральной ревизионной комиссии ЦК ВЛКСМ, избранной на

XV съезде комсомола. Буквально в этом году я побывал в Башкирии на выставке «Нефть и газ» и встретился с ним. Он сам из тех краев и давно уже вернулся из Тюмени на родину, работает там в одной фирме.

Были, конечно, и другие. Одна из лучших комсомольско-молодежных бригад — это бригада Виктора Китаева. Виктор потом стал первым секретарем Ханты-Мансийского окружкома партии и недолгое время был даже первым секретарем Тюменского обкома КПСС. А начинал он с буровой...

Таких примеров можно привести очень много, и именно это дало нам возможность выйти с совершенно уникальными предложениями. В 1967 году мы создали первое в нашей стране комсомольско-молодежное строительно-монтажное управление. А потом вышли в главк и министерство с предложением создать на базе этого управления два комсомольско-молодежных треста. Алексей Кириллович Картунов подписал такой приказ, и оба треста вскоре появились: один — в Надыме, Севергазстрой (он и сейчас жив, так и называется «Комсомольско-молодежный трест Севергазстрой»), а второй — в Тюмени, Тюменьгазмонтаж. Его обязанностью был поиск новых индустриальных методов строительства. Почему? Ну, как у нас всегда раньше строили — на площадку выходишь, сначала фундамент или сваи забиваешь, потом по кирпичику... Но так мы не освоили бы Тюмень и за сто лет. Поэтому

нужно было найти новый метод, и он был найден — это комплектно-блочный метод, когда большую часть монтажных работ выполняли на заводе в Тюмени, а туда везли уже блоки, или технологические, или готовые. На Ямбург мы вообще делали блоки весом 350—400 тонн, то есть уровень готовности был 90 %. Кстати, со временем за эту работу, за внедрение комплектно-блочного метода, наши молодые строители Тюмени получили звания лауреатов Ленинской премии.

Вообще 1960-е годы — удивительное время... Конечно, мы были далеко не идеальными, и бюрократия процветала — как и везде. И отчитывались, и проводили разные мероприятия, Ленинские зачеты, еще где-то что-то, и некий формализм присутствовал, но нашему поколению повезло в том плане, что, во-первых, мы занимались очень интересными делами, во-вторых, психология была другая, ценности другие, равнодушных людей не было. Хотя не все оказывались такими сознательными, с которыми можно было, как говорится, сразу в коммунизм, нет. Вот я рассказывал, какие условия были, когда на улице минус пятьдесят, а в вагончике во время сна волосы примерзали к стенке. Поэтому если нет мотивации, как сейчас принято говорить, ну кто туда поедет?

*Геннадий Шмаль с супругой Лидией.
1963 г.*

Одних зарплата хорошая звала, других — продвижение (у нас становились начальниками управления в 28—30 лет, а в 35 — управляющими трестами). Но в целом текучесть кадров была большая.

А сейчас на карте области — семнадцать новых городов! В Сургуте уже 350 тысяч жителей, Нижневартовск, Уренгой, Когалым и все города прекрасно благоустроены для проживания.

Не могу не сказать о помощи шефов, которые проводили очень большую работу. Например, журнал «Юность» шефствовал над дорогой Тюмень — Сургут, а журнал «Смена» — над Уренгоем. Именно благодаря «Смене» в городе была открыта библиотека, полностью ею укомплектованная. Кроме того, ЦК комсомола постоянно присылал творческие бригады. Так я познакомился с Иосифом Кобзоном, и мы с ним до сих пор поддерживали дружеские отношения. Удивительный человек. Он в Тюмени бывал в год по нескольку раз. Ян Абрамович Френкель — ну, это вообще был обаятельный человек, Володя Шаинский часто у нас бывал. Даже Алла Пугачева впервые появилась на публике в 1967 году в Горноправдинске. Потом уже начали приезжать и другие «десанты» — писатели, композиторы. Из писателей мне очень нравился — и я до сих пор его люблю — Роберт Рождественский, который, по-моему, был настоящим патриотом страны и писал очень хорошие стихи и песни. Приезжали к нам и Алим Кешоков, и Олжас Сулейменов, и калмыцкий поэт Давид Кугультинов...

Так что в Тюмени жилось интересно, но при этом нелегко, трудно. Если говорить вообще о Западной Сибири, то, с одной стороны, это, конечно, был настоящий героизм, а с другой — и трагедия людей, потому что все работали, не щадя себя, часто на износ. Например, Виктор Иванович Муравленко, начальник Главтюменьнефтегаза, лауреат, депутат, один из самых уважаемых людей в отрасли, ушел из жизни, когда ему не было и шестидесяти пяти лет... И таких примеров не счесть...

О многом еще можно было бы сказать. Что-то у нас получилось, что-то нет, кое-что из наших смелых экспериментов живо до сих пор. И одна из задач, которая сегодня стоит перед всеми (и в первую очередь — перед средствами массовой информации) — попытаться все же сохранить те ценности, ради которых трудились не покладая рук комсомольцы 1960-х. Мне тоже удалось внести свой скромный вклад в общее дело, и о том, что вся моя жизнь оказалась связанной с Ленинским комсомолом, я нисколько не жалею — наоборот, бесконечно благодарен судьбе за это.

Те неоднозначные, трудные, но счастливые годы никогда не сотрутся из моей памяти, как не сотрутся и воспоминания о людях, шедших со мной рука об руку по этому героическому и великому комсомольскому пути...

Абрар Бадретдинович Ярлыкапов

Первый секретарь Башкирского обкома комсомола

Заведующий Отделом сельской молодежи

ЦК ВЛКСМ

Доктор экономических наук, профессор, академик

РАЕН, профессор РАНХ и ГС при Президенте Российской

Федерации

Главный редактор рецензируемого ВАК научно-

практического журнала «Экономика и управление:

проблемы, решения»

Комсомольское слово

Передовому отряду молодежи советского периода нашей страны — Всесоюзному ленинскому коммунистическому союзу молодежи — исполняется 100 лет. Вековая история молодежной организации является знаменательной вехой и ярким событием не только для комсомольцев и молодежи прошлого столетия, но и всех поколений нашей необъятной Родины. Молодежь работала вместе со старшим поколением строителей новой жизни, разделяя с ними все радости, тяготы и невзгоды. Она закалялась в борьбе, училась бороться за светлое будущее. За что мы приносим им свою сыновнюю благодарность, сохраняя при этом в памяти золотые строки, вписанные ими — творцами истории — в летопись Отчизны.

На всех этапах созидательного труда и во всех титанических свершениях народа активно участвовали комсомольцы и молодежь. Вот почему комсомольцы всех поколений заслужили сегодня — в день рождения ВЛКСМ — большое благодарственное слово. Комсомол самоотверженно, с юношеским задором, используя при этом присущие только ему формы и методы работы, учился, трудился и защищал Родину. Так, в годы Великой Отечественной войны на фронтах героически сражались миллионы комсомольцев. Высокого звания Героя Советского Союза удостоены 7 тысяч воспитанников комсомола, в том числе 151 из Башкирии. Среди них — А.М. Матросов, М.Г. Гареев (дважды), М.Х. Губайдуллин, М.Г. Сыртланова.

После окончания войны молодые патриоты упорно трудились, восстанавливая народное хозяйство. Комсомол Башкирии направил в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.) на различные ударные стройки более 13 тысяч комсомольцев и молодежи. В 1947 году на предприятиях промышленности и транспорта Башкирии работало 16 700 комсомольцев, из них 12 188 — стахановцы, «двухсотники» и «трехсотники». Посланцы Башкирской комсомольской организации трудились по комсомольским путевкам на ударных стройках городов Братска, Караганды, Магнитогорска, Омска, Читы. Только в самой республике всесоюзных ударных комсомольских строек насчитывалось в разное время около десятка. Молодежь трудилась с энтузиазмом и удвоенной энергией, раскрывая неиспользованные резервы. Маяки комсомола становились живыми примерами и образцами для подражания, повсеместно тиражировался их опыт. Их самоотверженный труд рождал новых комсомольских ге-

роев, таких как оператор Гумер Теляшев из Уфы, дояр Кильдияр Сулейманов из Хайбуллинского района, механизатор Ринат Юсупов из Чекамгушевского района.

Патриотический порыв, инициатива и почин молодежи находили, как правило, и государственную, и общенародную поддержку. Комсомол был создан как общественно-политический институт общества, задачей которого являлось воспитание подрастающей смены в духе патриотизма и интернационализма, верности, служения Родине во имя достижения ее главной цели — счастья людей. Поэтому, имея такую миссию, он был представлен во всех органах государственной власти и общественных организациях. Перед ним ставили задачи, с ним часто советовались. Кадры комсомольских органов при этом получали гражданскую закалку, становились умелыми руководителями.

Из рядов комсомольских работников вышли первый секретарь Башкирского обкома ВКП(б) С.А. Вагапов, первый секретарь Башкирского обкома КПСС З.Н. Нуриев, председатель Президиума Верховного совета республики Ф.В. Султанов, председатели Совета Министров БАССР З.Ш. Акназаров и В.Г. Набиуллин, секретари обкома КПСС Т.И. Ахунзянов и А.М. Дильмухаметов, Г.М. Никитин, заместители председателя правительства Р.Г. Уметбаев, Р.Х. Мигранов, В.М. Пастушенко, В.Х. Байтурина, председатель КГБ при Совете Министров Г.А. Нагорный, заведующие отделами обкома партии Г.П. Федотов, Н.К. Розанов, Г.А. Деев, У.Н. Бакиров, Р.Ш. Сайфуллин, М.Т. Хакимов, министры республики Ф.Х. Мустафина, В.Д. Рыленко, Ш.С. Сулейманов, М.С. Булгаков, К.Г. Тухватуллина, С.Х. Аминев, Г.А. Нагорный. Многие партийные, советские и профсоюзные работники республики были также выходцами из комсомола. Среди них — первые секретари Уфимского горкома КПСС М.Я. Янгиров и Р.Х. Рахматуллин, председатель Башкирского областного Совета профсоюзов Ю.А. Маслобоев, ряд первых секретарей райкомов и горкомов партии.

Отдельные комсомольские работники республики были выдвинуты на большую комсомольскую работу. В их числе Шарифа Тимиргалина — секретарь ЦК комсомола (была репрессирована в 1939 году и расстреляна, реабилитирована в 1956 году), Юрий Поройков — заведующий отделом школьной молодежи (работал затем первым заместителем главного редактора «Литературной газеты» и генерального директора ТАСС), Абрар Ярлыкапов — заведующий отделом сельской молодежи (впоследствии ответственный работник ЦК КПСС, полномочный представитель Республики Башкортостан при Президенте РФ), Сергей Епифанцев (затем заместитель полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе) и Андрей Шаронов — секретари ЦК ВЛКСМ (председатель Госкомитета РСФСР по делам молодежи, первый заместитель министра экономического развития и торговли РФ, ректор Московской школы управления «Сколково»).

В современной России председателем Государственного собрания — Курлтая Республики Башкортостана, членом Совета Федерации Федерального собрания РФ был выдвинут М.А. Зайцев, министром РФ по налогам и сборам — Г.И. Букаев, заместителем премьер-министра РБ — Э.В. Кульмухаметов.

А теперь несколько слов поколению молодых, у кого сегодня юношеский, сказал бы, комсомольский возраст. Время неумолимо бежит вперед. Меняются поколения. На смену старшим приходят молодые. И это есте-

ственно. Изменилась страна, а вместе с ней весь уклад жизни. Но человек всегда остается человеком. У него во все времена была, есть и будет лишь одна-единственная цель — достойно жить. Но каждый сам выбирает, как прожить эту жизнь. В достатке или в бедности? Здоровым или хиреющим? Образованным или неподготовленным? В гармонии с окружающей средой или в условиях экологической катастрофы? Положительные стороны этих условий являются основными составляющими, которые определяют уровень достижения человеком главного жизненного критерия. Обозначается этот показатель простым и емким словом — «счастье» — и определяет, естественно, качество жизни состоявшейся личности. Индивидуум всегда стремится к наиболее полному удовлетворению своих материальных потребностей. В то же время человек сыт не только хлебом насущным. Для него важна и духовная сторона жизни, чтобы быть счастливым. Он должен непрерывно учиться, творить и мыслить.

А.Б. Ярлыкапов

При этом не стоит забывать простую истину о том, что счастье людей зависит прежде всего от состояния материального производства жизненно необходимых благ: продуктов питания, одежды и обуви, сырья и ресурсов, станков и оборудования для их производства, выработки энергии для комфортной жизни... Материальное производство — основа жизни любого общества. Экономика определяет качество жизни каждого. Уровень ее развития отражается на поведении людей, политике государства. По меткому выражению классика, «политика есть концентрированное выражение экономики». Поэтому всем нам необходимо упорно трудиться. Использовать максимально и эффективно все имеющиеся возможности.

Страна наша чрезвычайно богата природными ресурсами. Так, к примеру, на долю России приходится 10 % мировых запасов пахотных земель, 8 % производства минеральных удобрений, 25 % пресной воды планеты и леса, а также сопоставимых запасов нефти и газа. Обладаем мы мощными материальными и интеллектуальными ресурсами. Они в России в десять раз, а трудовые, с учетом полной занятости, в два раза превышают максимально необходимые. По логике экономики, при наличии таких избыточных объемов реальных ресурсов на условиях эквивалентного обмена возможно привлечение любых финансовых объемов. А у нас ведутся разговоры о недостаточности инвестиционных ресурсов, который сдерживает спрос. Сейчас появилась еще одна удобная зацепка — рецессия и турбулентность в мировой экономике, якобы они отражаются на состоянии нашего народного хозяйства. О какой рецес-

Делегаты 30-й областной комсомольской конференции

сии реального сектора экономики в России можно сегодня вести речь? Она в мире — рукотворная, а в России — виртуальная.

Рецессия есть сокращение физических объемов материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов, необходимых для поддержания расширенного воспроизводства объемов производства. Разве у нас произошло такое сокращение? Нет же! У нас налицо — попытка списать на экономический кризис и рецессию в глобальной (мировой) экономике все промахи наших финансово-экономических институтов. В такой экономике, как у нас, если таковая реально есть, могут происходить, как это демонстрирует Китайская Народная Республика, только развитие и подъем.

Стагнация и падение производства противоестественны и алогичны. Все дело в том, что сегодняшняя наша экономика не является единым народно-хозяйственным комплексом и единым интегрированным целым суверенных национальных предприятий и производств, а есть масштабное акционерное общество закрытого типа, в котором 80 % долей и, соответственно, доходов принадлежат иностранному (читай — офшорному) капиталу. И только 20 % — в руках отечественного капитала. На него и относят все промахи, доходы и убытки.

Эти факты и явления приводятся мною лишь для того, чтобы сегодняшняя молодежь ясно понимала реальную жизнь, а также ее внутренние пружины и механизмы и в связи с этим ясно осознавала свою ответственность за будущее нашей любимой Родины.

С праздником, дорогие друзья!

Содержание

Предисловие	3	Петр Кириллович Лучинский	281
Евгений Михайлович Тяжелников	4	Анатолий Григорьевич Лысенко	286
Борис Николаевич Пастухов	14	Таймураз Дзамбекович Мамсуров	292
Виктор Максимович Мишин	32	Геннадий Гургенович Марянян	297
Виталий Борисович Арсентьев	47	Валентина Ивановна Матвиенко	306
Сергей Васильевич Артахов	59	Евгений Николаевич Махов	312
Сурен Гургенович Арутюнян	64	Владимир Александрович Медведев	323
Юрий Григорьевич Бойко	69	Геннадий Андреевич Месяц	328
Дмитрий Петрович Брагиш	75	Андрей Кириллович Негуца	334
Абдул-Рахман Халил-оглы Везиров	80	Владислав Вячеславович Немчинов	337
Евгений Александрович Вербицкий	92	Валентин Осипович Осипов	342
Виктор Васильевич Воронов	96	Леонид Леонидович Палько	346
Сергей Рафаилович Гриневецкий	103	Виктор Степанович Перегудов	349
Николай Николаевич Гриценко	107	Владимир Георгиевич Поздняков	354
Павел Николаевич Гусев	114	Александр Александрович Полещук	361
Галина Петровна Гуськова	121	Владимир Данилович Попов	365
Валентин Петрович Денисов	124	Владимир Семенович Посохин	376
Александр Сергеевич Дзасохов	130	Станислав Семенович Пылев	381
Николай Кузьмич Долгушкин	137	Галина Константиновна Ратникова	386
Зинаида Федоровна Драгункина	141	Владимир Иович Розумей	389
Александр Петрович Душанин	146	Николай Иванович Русак	394
Владимир Константинович Егоров	153	Георгий Геннадьевич Рябоконь	399
Валентин Митрофанович Ермолов	158	Феликс Сергеевич Санакоев	408
Александр Егорович Жерихов	166	Владимир Владимирович Семернин	414
Александр Васильевич Жуганов	171	Виктор Владимирович Стручков	419
Олег Борисович Иванов	181	Куаныш Султанович Султанов	422
Игорь Михайлович Ильинский	186	Шухрат Музафарович Султанов	431
Александр Викторович Казаков	191	Владимир Николаевич Сунгоркин	439
Александр Семенович Капто	195	Валентина Владимировна Терешкова	445
Владимир Анатольевич Катунин	204	Анатолий Дмитриевич Усов	450
Михаил Григорьевич Кизилов	208	Виктор Васильевич Федоров	454
Светлана Александровна Коваль	213	Жанна Кака-Балиевна Чарыева	460
Лариса Федоровна Колычева	219	Николай Иванович Челомбитько	466
Вячеслав Всеволодович Копьев	224	Владимир Николаевич Шевченко	471
Александр Иванович Куприянов	230	Геннадий Иосифович Шмаль	476
Нурали Хайдарович Курбанов	234	Абрар Бадретдинович Ярлыкапов	483
Тамара Алексеевна Куценко	242		
Валентин Витальевич Лебедев	246		
Юрий Александрович Липатов	255		
Альберт Анатольевич Лиханов	261		
Виктор Николаевич Лобко	272		

КОМСОМОЛ — ФОРМАТ СУДЬБЫ

Корректор *О.Б. Бубликова*
Дизайн, верстка *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129100, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

Подписано в печать 25.09.2018. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Гарнитура «Cambria». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 30,5. Тираж 1000 экз. Заказ №